

ЗАПИСКИ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

Г.

1965 г.

Напечатано по распоряжению Русского Археологического Общества.
Секретарь Общества *Иосифъ Орбели.*

81

1945г. БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Криведческой
и Музейной работы 7597.

Академическая Двенадцатая Государственная Типография.
Петербургъ. Девятая линия, 12.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТАГО ТОМА.

	СТР.
СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.	
Надпись Русы II изъ Маку. — Н. Марра	1
Къ вопросу о погребальныхъ обрядахъ турковъ и монголовъ. — В. Бартольда	55
Фрагментъ изъ Богазкѳя въ собраніи Лихачева. — В. Шилейко	77
Новыя данныя о самаркандскихъ памятникахъ. — В. Бартольда	83
Замѣчанія на «Пословицы крымскихъ татаръ», изданныя П. А. Фалевымъ. — В. Гордлевскаго	89
Ассириологическія замѣтки. — В. Шилейко	133
Персидскія народныя четверостишія. II. — А. А. Ромаскевича	145
Астрономическія и этническія значенія двухъ племенныхъ названій армянъ. — Н. Марра	229
По поводу Макинской надписи Русы, сына Аргистія. — И. Мѣща- нинова	257
Роль стрѣлы въ обрядахъ и ея символическое значеніе. — Н. Весе- ловскаго	273
О первоначальной формѣ купола Ахтамарскаго храма. — І. Орбели	293
Къ вопросу о происхожденіи племенныхъ названій «этруски» и «пе- ласги». — Н. Марра	301

НЕКРОЛОГИ.

Н. И. Веселовскій, какъ изслѣдователь Востока и историкъ русской науки. — В. Бартольда	337
Памяти Н. И. Веселовскаго. — Н. Печенкина	356
Н. И. Веселовскій — археологъ. — Б. Фармаковскаго	359

	СТР.
Списокъ трудовъ Н. И. Веселовскаго. — В. Латышева	387
Памяти В. А. Жуковскаго. — В. Бартольда	399
В. А. Жуковскій и персидская народная поэзія. — А. А. Ромаскевича	415
Списокъ трудовъ В. А. Жуковскаго. — А. А. Ромаскевича	420
Памяти Н. А. Мѣдникова. — И. Крачковскаго	423
Списокъ работъ Н. А. Мѣдникова. — И. Крачковскаго	439

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Списокъ рецензированныхъ книгъ.

Simon Hewavitarne Bequest. Bhadantácariya Dhammapála Théra's Paramattha Dípaní or the commentary of the Péta-vatthu of the Khuddaka nikáya, Sutta Pitaka. (Сергѣй Ольденбургъ)	441
Alice Getty. The Gods of Northern Buddhism. (Сергѣй Ольденбургъ)	442
Bulletin of the School of Oriental Studies. London Institution. (В. Б.)	447
Traugott Mann. Der Islam einst und jetzt. (В. Б.)	449
Die Islamische Welt. Illustrierte Monatsschrift für Politik, Wirtschaft und Kultur. (В. Б.)	451
M. Tseretheli. Sumerian and Georgian. (Н. Марръ)	453

ТАБЛИЦЫ.

Надпись Русы II	54— 55
Портретъ Н. И. Веселовскаго	336—337
Портретъ В. А. Жуковскаго	398—399

Надпись Русы II изъ Маку¹.

I.

Въ 1912 году проф. Saussure'омъ была обнародована надпись изъ Маку подъ заглавіемъ A new Vannic Inscription въ JRAS: англійскій кунеонологъ ей посвятилъ шесть страницъ, изъ коихъ двѣ съ половиной занимаютъ глоссарій и списокъ идеограммъ. Рѣчь идетъ объ этой надписи, хотя два знака подлинника въ изданіи Saussure'a воспроизведены съ палеографическими особенностями, отсутствующими въ нашемъ памятникѣ; можно было думать, что дѣло имѣемъ со случаемъ, когда одна и та же надпись повторена, высѣчена въ двухъ мѣстахъ одного и того же края. Особенности эти², по всей видимости, появились въ печатномъ воспроизведеніи Saussure'a безъ всякой оговорки.

Надпись всетаки новая, по вопросу не въ новизнѣ матеріала. Выступая въ нашемъ Обществѣ всего третій разъ по толкованію халдскаго текста, понятно, на основѣ яфетическаго языкознанія, я намѣренъ не столько занять вниманіе сообщеніемъ о новинкѣ, сколько подѣлиться методомъ толкованія на практическомъ разборѣ новаго текста и находящимся въ связи съ этимъ выясненіемъ нѣкоторыхъ сторонъ общей постановки дѣла.

Ровно годъ тому назадъ я получилъ по почтѣ фотографическій снимокъ халдской надписи съ армянской припиской на оборотѣ отпечатка, слѣдующаго содержанія: «Камень этотъ находится въ Маку, принесенъ онъ изъ древняго города въ развалинахъ — сфотографировалъ его Г. Шахназарянъ въ апрѣлѣ 1915 г.».

¹ Докладъ, читанный въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Русскаго Археологическаго Общества 25 сентября 1916 г. Естественно, въ работѣ использованы ставшія мнѣ въ слѣдствіи извѣстными данныя и новыя соображенія. Надпись мнѣ была прислана какъ новинка, и нѣкоторое время я былъ занятъ выясненіемъ ея происхожденія, какъ та подробно излагается въ текстѣ (стр. 1—3), тогда какъ она оказалась обнародованной.

² См. ниже, стр. 23, прим. 2, стр. 25, прим. 2, 49.

Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXV.

На конвертѣ я успѣлъ прочитатъ «отъ епископа Нерсеса», и, не дождавшись особаго письма, я обратился изъ Петрограда къ нынѣ уже покойному епархіальному начальнику въ Кишиневѣ епископу Нерсесу, который, какъ старый знакомый, могъ прислать мнѣ интересную фотографію, тѣмъ или инымъ путемъ попавшую къ нему изъ Маку. Отвѣтъ не былъ полученъ отъ него, и стороной я выяснилъ, что снимокъ не былъ присланъ имъ.

Тогда я обратился, уже изъ городища Ани, къ другому епископу Нерсесу — Меликъ-Тангяну, епархіальному начальнику Азербейджана, и отъ него изъ Салмаста получилъ я слѣдующее письмо, помѣченное 19-мъ іюля —

«... Касательно клинообразной надписи точныя данныя представить, къ сожалѣнію, не могу: я нахожусь далеко отъ камня (съ надписью); на всякій случай сообщаю приблизительныя свѣдѣнія:

«1) Камень находится въ городѣ Маку, лежитъ во дворѣ дома одного хана; принесенъ изъ развалинъ древняго города, расположеннаго въ Макинскомъ округѣ, былъ найденъ около оросительной канавы.

«2) Это отдѣльный камень, какъ мнѣ представляется, длиной $1\frac{1}{2}$ аршина, около 1-го аршина шириной, въ 8 вершковъ толщиной.

[Текстъ собственно выс. 0 м., 54 при строкахъ въ 0 м., 03, шириной — 0 м., 70].

«3) Камень этотъ привезъ ханъ изъ развалинъ города (*мѣрши риндрѣг*) и помѣстилъ во дворѣ своего дома въ Маку. Кажется, снимокъ его другіе сдѣлали до насъ.

«Изъ какого города, изъ какихъ развалинъ досталъ ханъ камень, мнѣ неизвѣстно. Объ этомъ свѣдѣнія имѣются у Сенекеряма Теръ-Хакобяна, учителя [Эчміадзинской Духовной] Академія, съ которымъ мы были въ прошломъ году въ Маку».

Но до этого отвѣта я успѣлъ списаться изъ Ани съ С. В. Теръ-Аветисьяномъ, хранителемъ археологическаго отдѣла Кавказскаго Музея, и получить письмо отъ 10-го іюля. Письмо гласитъ:

«Вы пишете, что Вамъ неизвѣстны размѣры Макинской клинописной надписи и что нѣтъ указанія, откуда она. Мѣсяць тому назадъ извѣстный Вамъ Флоренскій изъ Маку прислалъ намъ эстампажъ клинообразной надписи, уведоливъ, что она найдена «въ сел. Бастанъ Макинскаго ханства при постройкѣ моста въ фундаментѣ какого-то зданія». Думается, что она Вамъ пригодится. Посылаю снимокъ съ этой надписи. Копію эту Флоренскій сдѣлалъ, приложивъ большой листъ бумаги къ надписи и наведя сверху карандашомъ».

Это оказалось, дѣйствительно, нашею макинской надписью. Дополнительно въ письмѣ отъ 11-го іюля С. В. Теръ-Аветисьянъ сообщилъ:

«По полученнымъ новымъ свѣдѣніямъ оказывается, что клинообразная надпись, копію которой я вчера послалъ Вамъ, найдена въ сел. Бастанъ Макинскаго ханства нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Камень этотъ теперь находится въ г. Маку у одного изъ хановъ».

Справедливость требуетъ упоминанія, что первая вѣсть, дошедшая до меня о Макинской клинообразной надписи, была услышана мною изъ устъ архимандрита Гарегина въ городищѣ Ани въ 1910-мъ году, слѣдовательно, еще лѣтомъ. Въ письмѣ отъ 4 декабря того же года архимандритъ Гарегинъ мнѣ писалъ по-армянски: «Касательно клинообразной надписи, найденной въ окрестностяхъ Маку (*Մակուի հողմերում*), я писалъ Нахичеванскому хану, у котораго, по слухамъ, должны были быть фотографическіе снимки, но отвѣта я не получилъ».

Весьма вѣроятно, что «фотографическіе снимки» у хана появились осенью 1910-го года, когда надпись, о существованіи которой вѣсть успѣла достигнуть городища Ани еще лѣтомъ, затѣмъ «была открыта графомъ Каницомъ», какъ это узнаемъ изъ слѣдующихъ вступительныхъ строкъ работы проф. Saussure'a (ц. с., стр. 107): «Генералъ А. Houtum-Schindler любезно прислалъ мнѣ фотографію новой ванской надписи, открытой въ октябрѣ 1910 г. графомъ Kanitz'омъ, атташе германской миссіи въ Тегеранѣ, въ мѣстѣ, называемомъ Mākū. Камень впрочемъ доставленъ былъ туда изъ какихъ то развалинъ, въ 10 миляхъ на юго-западѣ отъ Mākū. Фотографію генералу Houtum-Schindler'у далъ открывшій надпись».

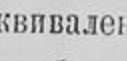

Точнаго указанія мѣстонахожденія и здѣсь не имѣемъ. Одинъ изъ моихъ освѣдомителей его называетъ «селеніемъ Бастаномъ» (а не «Бостаномъ»)¹. В. Θ. Минорскій въ селеніи этомъ признаетъ «дер. Бастамъ, лежащую уже за предѣлами собственнаго Маку въ районѣ хойскаго округа Чай-паре», «у самаго выхода изъ Корульскаго ущелья р. Ах-чай, впадающей въ Котуръ-чай, который въ свою очередь идетъ въ Араксъ», «версть 8 на востокъ отъ Бастама внизъ по той же рѣкѣ находится извѣстная дер. Каразіадинъ», «недалеко къ ю.-в. отъ Бастама» «расположена дер. Чорсъ»². Слѣдовательно, по описанію В. Θ. Минорскаго Бастамъ, если это нашъ Бастанъ, находится близъ той рѣчки Ах-чай, которая является исторической подъ названіемъ Тыгмута (*Tygmata*) въ V-мъ вѣкѣ.

¹ В. Θ. Минорскій, *Древности Маку. Путевыя замѣтки*. (Восточный Сборникъ, II), Петроградъ 1916, стр. 68, отд. отт. стр. 28.

² Ц. с., ц. м.

II.

Толкованіе настоящей надписи предварю выясненіемъ одной возможной параллели къ тому, что терминъ *qald* въ нашихъ надписяхъ служитъ названіемъ первочтимого халдскаго бога и онъ же — названіе народа, чтившаго его.

Въ работѣ надъ выясненіемъ яфетической этнической и религіозной терминологіи намъ приходилось сталкиваться и съ тѣмъ, что названіе божества служитъ названіемъ свѣтила или зодіакальнаго знака; такъ въ изслѣдованіи термина *ḡeleb*, названія Бога яфетическаго происхожденія, указывалось, что его семит. эквивалентъ *ḡalmā* = ¹ въ сирійскомъ означаетъ съ одной стороны «изображеніе» и «названіе бога», съ другой является въ единственномъ числѣ съ прилагательнымъ «великій» *ḡi ḡalmā* названіемъ зодіакальнаго знака *Стрѣльца*, а во мн. числѣ — *Влизнецовъ*².

Тождество названія божества съ названіемъ народа или племени, равно названія божества и названія небснаго тѣла, при прежнихъ мифологическихъ представленіяхъ — живого существа, свѣтило оно или зодіакальный знакъ, говоритъ о чемъ то глубоко древнемъ; въ предѣлахъ же яфетическаго міра въ позднѣйшія христіанскія эпохи подобное явленіе, засвидѣтельствованное письменными памятниками, должно бы представляться не измышленіемъ книжниковъ, а искрой, выброшенной изъ подлинной народной души, съ ея уходящими въ безконечную глубь вѣрованіями на почвѣ астральнаго культа, и попавшей въ литературный обиходъ.

Такъ обстоитъ дѣло съ названіемъ армянъ *hauc* и мифическимъ лицомъ, вѣроятно, божествомъ *Наук*, въ христіанскія эпохи появляющимся въ роли героя народныхъ сказаній.

Въ лингвистическомъ отношеніи прежде всего требуется установить, какую мы въ названіи имѣемъ форму, чистая ли это основа или производное слово.

Вопросъ возникаетъ потому, что не только *q*, но и *k* могутъ быть разсматриваемы какъ природные показатели множественности спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ изъ ряда простыхъ — *k > g > q* сложныхъ — *k > ḡ > ḡ*. Въ такомъ случаѣ не только *hauc-q* армяне (собств. *хаи*), но и *Наук Хайкъ*, имя мифическаго героя, должны были быть признаны за форму

¹ Если держаться армянской древнелитературной передачи буквы въ сирійскихъ словахъ, яфетидологическая транскрипція даннаго сирійскаго слова должна бы имѣть видъ *ḡalmā*. Впрочемъ и въ древне-литературныхъ памятникахъ армянъ тотъ же сирійскій звукъ передается звукомъ не *ḡ* (*i*), а *ḡ* (*ḡ*), напр. в. *ḡiḡ ḡiḡ колъ, воздъ* при сир. *ḡeḡā*, но тутъ имѣшивается норма народнаго произношенія, не говоря о возможности иной постановки вопроса о происхожденіи слова.

² Н. Марръ, ЗВО, т. XX, стр. 106 сл.

мн. числа. Въ этомъ еще не представлялось бы никакого затрудненія даже въ отношеніи имени героя, такъ какъ съ одной стороны показатель множественности въ яфетическихъ языкахъ имѣетъ функціи суффикса не только мн. числа, но и именъ различныхъ другихъ категорій¹, а съ другой—имя мнѣшескаго героя могло получиться отъ имени предмета, для котораго названіе въ формѣ мн. числа являлось бы вполне естественнымъ.

Но, и признавъ въ словахъ этихъ форму мн. числа, мы оказываемся вынужденными колебаться въ ихъ толкованіи, такъ какъ происхожденіе получающейся при этомъ взглядѣ основы *haу* все еще спорно и будетъ оставаться спорнымъ до тѣхъ поръ, пока не установится единомысліе касательно того, имѣетъ ли въ ней первичный видъ или это вторичный видъ съ паденіемъ въ паузѣ носового *n* въ сонорный среднеязычный «у», т. е. первичный видъ основы, какъ я выяснялъ, есть *han-*. Если бы послѣднее предположеніе, лингвистически вполне оправдываемое, оказалось оправданнымъ еще иными данными, то рѣчи не могло быть ни объ отождествленіи *haу'евъ* съ хетами², ни тѣмъ болѣе о признаніи въ *haу'ѣ* перерожденія иранскаго слова *pati gospodintz*; послѣдняя этимологія впрочемъ и безъ того самая рискованная и семасически малообоснованная.

Конечно, когда родоначальника армянъ, называющихъ себя «*haу*», во мн. числѣ — «*haу-q*», національные армянскіе историки, въ числѣ ихъ и Моисей Хоренскій, величаютъ *Наук'омъ*, то это могло вызывать улыбку. Естественно было думать, что это названіе *Наук* эпонимнаго происхожденія, искусственное отвлеченіе отъ этническаго термина *haу-q*. И невольно возникала мысль, что не только личность *Наук'а* въ историческомъ изображеніи Хоренскаго фантастическая, но и само названіе вымышлено, никогда его не существовало въ живой народной рѣчи. Однако можно еще колебаться въ томъ, правда ли *Наук Хайкз* и *haуq хай (армяне)*—разновидности одного и того же слова, а не созвучныя слова различнаго происхожденія, но нѣтъ никакой возможности отстоять, что имя *Наук* — выдуманное слово. *Наук* всплываетъ въ армянскомъ переводѣ Библии въ значеніи свѣтила два раза: въ книгѣ Іова 38,31 и Ис. 13,10. Терминъ встрѣчался бы въ армянской версіи св. Писанія чаще, по крайней мѣрѣ четыре раза, но въ двухъ другихъ случаяхъ въ томъ же Іовѣ 9,9 и у прор. Амоса—5,8 чтеніе первоначальнаго перевода устранено новымъ переводомъ, такъ называемымъ исправленіемъ по греческому подлиннику LXX. Даже въ томъ случаѣ, когда и въ греческомъ

¹ Впрочемъ, когда одному, т. е. безъ сопутствія гласнаго, звуку *k* въ армянскомъ *Jensen* придаетъ «разумѣется» уменьшительное значеніе (*Hittiter und Armenier*, стр. 11), то онъ ошибается.

² *Jensen, Die Kilikischen Inschriften*, WZ, стр. 17—18, и *Hittiter und Armenier*, стр. 2, 9—10.

текстѣ были названія свѣтилъ, новая армянская версія, относящаяся приблизительно къ VII-му-VIII-му вѣку, даетъ схоластическій переводъ, дословную передачу греческихъ терминовъ, какъ, напр., въ Іов. 9,9—Πλειάδα черезъ bazmastelə-s *многозвѣдіе*, *Ἑσπερον* черезъ əz-giʃegavagə-n *ночеводитель*. Первоначальный древній переводъ св. Писанія у армянъ былъ построенъ на совершенно иныхъ началахъ. Миссіонеры изъ Сиріи, проповѣдуя, повидному, еще въ III и IV вѣкахъ, въ южной Арменіи, предѣлахъ древней страны Біайны, новое религіозное ученіе, Христову вѣру, въ населеніи, воспитанномъ въ дѣдовскихъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ исконнаго въ краѣ астральнаго культа, приспосабливали свое изложеніе къ его представленіямъ и пользовались въ проповѣдяхъ, отсюда, слѣдовательно, и въ переводѣ св. Писанія привычными терминами изъ живой народной рѣчи. То же повторилось впоследствии и въ Грузіи. Потому-то въ версіи св. Писанія, какъ уже выяснено, 1) у грузинъ въ значеніи «священника» использовано слово «кудесникъ» (m-ğd-el-1)¹, 2) у армянъ имѣемъ не «пророкъ», а «звѣздочетъ» или «магъ» (mag-ar-e-y), и такъ было первоначально и у грузинъ (me-marg-e-y)², 3) у армянъ и у грузинъ не «китъ», а «вишанъ» или «вешанъ»³, популярное въ народныхъ слояхъ божество, рыба-великанъ, 4) у армянъ не «предтеча», а какое то божество Кагар-et съ мѣстомъ культа на Мушской равнинѣ, пользовавшееся въ до-христіанской Арменіи, судя по всему, громадной популярностью, въ христіанскій періодъ усвоенной съ тѣмъ же мѣстомъ культа Іоанну Крестителю, съ которымъ, какъ Предтечею, у яфетическаго божества были, надо думать, какія либо общія черты⁴. Въ линіи такого способа перевода или вѣрнѣе толковаго изложенія св. Писанія въ соотвѣтствіе сир. ܩܕܝܫܐ, евр. קדוש и греч. Ὁρίων въ армянскомъ переводѣ появился терминъ Наукъ. Было бы ошибочно на этомъ основаніи утверждать, что Наукъ есть Оріонъ, какъ это рѣшили мыхитаристы. Мы не имѣемъ права утверждать безъ пред-

¹ П. Марръ, *Яфетическіе элементы въ языкахъ Арменіи*. VII, стр. 361.

² П. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго слова magarəy «пророкъ»*, ИРАН, 1909, стр. 1153—1158, см. также XV, II, стр. 386, прим. 1.

³ Въ печати по вопросу появлялись лишь разъясненія по деталямъ вопроса, основное же толкованіе термина, данное въ докладѣ объ одной изъ гарнійскихъ экспедицій, сохраняется для соотвѣтственнаго изданія.

⁴ Этимологически Кагар-et съ пережиткомъ окончанія ж. рода, эквивалентомъ -eʃ въ сванскомъ ġerb-eʃ, *Богъ* по основѣ представляетъ полногласную по шипящей группѣ форму того корня, который со сванской огласовкой имѣемъ въ наличномъ по заимствованію въ грузинскомъ kegr, разновидности ġerb- (П. Марръ, *Еще о словѣ «челоби»*, ЗВО, XX, стр. 111, см. также *Объ источникахъ деградации народнаго бога İarm-ad въ грузинской средѣ*, XV, II, стр. 402—403). Можетъ быть, не лишне зарегистрировать весьма нерѣшительную попытку Jensen² а не толковать karapet по своему: «ob gar das rätselhafte iranisch aussehende, aber aus dem Iranischen nicht zu erklärende armenische karapet = »Vorläufer« durch den Namen G-ğ-b-iv-s für einen Vornehmen im Heere des Königs vertreten und eigentlich dessen Berufsname ist, muss durchaus zweifelhaft bleiben» (ц. с., стр. 122).

варительнаго обследованія и того, будто армянскій терминъ *Наук* означаетъ буквально или реально въ точности, притомъ непременно то, что астрономически должно означать *כבול* (или *כול*) сирійской версiи, съ которой сдѣланъ былъ первый переводъ св. Писанія армянами. Надо считаться лишь съ тѣмъ, что эквивалентное слово въ сирійской версiи, какъ и въ еврейскомъ подлинникѣ, означало свѣтило, которому приписывалось заключеніе въ узы, что о немъ существовало также представленіе какъ о великанѣ: среднѣхъ легендарныхъ чертъ въ сказаніяхъ о нихъ было достаточно, чтобы ввести въ Библию мѣстное армянское названіе свѣтила, хотя бы и не въ точности того, которое слѣдуетъ понимать подъ сирійскимъ или еврейскимъ эквивалентомъ¹. При такомъ освѣщеніи появленія *Наук*'а въ текстѣ св. Писанія, мы имѣемъ основаніе отнести съ полнымъ довѣріемъ къ Моисею Хоренскому, когда онъ сообщаетъ, что *Наук*—герой народнаго эпоса, что о немъ ходили въ народѣ сказанія; вѣдь вмѣстѣ съ Хоренскимъ и другіе историки (Анонимъ, *Тома Арцруни*), независимо отъ него, рассказываютъ о *Наук*'ѣ, какъ о героѣ, какъ о великанѣ, доблестномъ среди великановъ, при чемъ ни одинъ изъ этихъ историковъ не современникъ перваго армянскаго перевода св. Писанія, чтобы объяснять дѣло вліяніемъ библейскихъ преданій сирійцевъ. Хоренскому и *Арцруни* даже вовсе чужды сирійскій церковный міръ, и всѣ они, названные историки, черпали свои свѣдѣнія о *Наук*'ѣ изъ народныхъ разказовъ; въ нихъ героемъ являлось лицо, носившее названіе свѣтила, само иѣкогда представлявшее божество, т. е. передъ нами опять вскрывается такое соотношеніе между небеснымъ, свѣтиломъ или божествомъ, и земнымъ, народомъ, какое наблюдаемъ въ случаѣ съ терминомъ *qald*: *qald* назывался и богъ и поклонявшійся ему народъ. Такъ же *haq*, собственно *haq* || *hauk* называлось свѣтило, божество, и поклонявшійся ему народъ.

III.

При первомъ взглядѣ на надписи обращаетъ на себя вниманіе различная насыщенность строкъ знаками: при чрезвычайно плотномъ расположеніи знаковъ во 2-ой строкѣ 13-я и 14-я строки отличаются рѣдкостью расположенія въ нихъ клинописи. Эта неравномѣрность распредѣленія текста по строкамъ снова подтверждаетъ, что въ халдскомъ текстѣ не допускались расчлененіе словъ и перенесеніе ихъ частей изъ строкъ въ строки.

¹ Справки, наведенныя въ соответственныхъ цитованныхъ выше мѣстахъ грузинской Библии, отчасти и по рукописнымъ спискамъ, пока не дали чтеній грузинскаго первоначальнаго перевода. Все таки представляетъ интересъ матеріалъ, любезно извлеченный по моей просьбѣ прот. К. С. Кекелидзе изъ грузинскихъ рукописей, хранящихся въ тифлискихъ собраніяхъ, но о нихъ особо.

Особенность буквъ Макинской надписи раздѣляется рядомъ памятниковъ халдекой эпитафии изъ другихъ мѣсть, это — то, что горизонтальные клинья, лежащіе справа отъ вертикальныхъ, не отдѣляются отъ нихъ, а какъ бы заходятъ за нихъ, скрываются за ними, головками, напр. ┌ вм. ┌- , ┌┌ вм. ┌┌┌ , ┌┌┌ вм. ┌┌┌┌ . То же самое явленіе мы имѣли случайности въ надписяхъ изъ Вана и ближайшихъ его окрестностей¹.

Въ концѣ 7-й строки налицо клинописный знакъ ┌┌┌ , въ халдскихъ надписяхъ пока не наблюденный: по ассирійскому силлабарію онъ выражаетъ идеограмму понятія «малый» и имѣетъ не-семитическое звуковое значеніе tur. Знаку предшествуетъ идеограмма «города», какъ замѣститель слова, опредѣляемаго предшествующимъ идеограммѣ именемъ царя Русы. Единственное начертаніе, которое особенно легко могло бы быть оправдано въ интересующемъ насъ мѣстѣ, это фонетическій показатель понятія, представленнаго идеограммой, т. е. послѣдній слогъ слова «городъ», напр., *пан*, но неизвѣстное начертаніе не поддается такой дешифровкѣ. Рядомъ съ *пан-1* въ значеніи «городъ» въ нѣсколькихъ надписяхъ еще встрѣчается *patar-1*, и мы могли бы въ загадочномъ начертаніи ожидать слогъ *г1*, послѣдній въ словѣ *patar1*, однако этого нѣтъ, но, всмотрѣвшись въ сложный знакъ съ пересѣченіемъ, я увидѣлъ, что если знакъ *ра* (┌┌) наложить на знакъ *1* (┌), то получимъ наше загадочное начертаніе — ┌┌┌ , а въ такомъ случаѣ въ его чтеніи *ра...1* можно бы усмотрѣть начальный (*ра-*) и конечный (*-1*) слогъ термина *patar1* *городъ*, т. е. начертаніе явилось бы звуковымъ показателемъ идеограммы въ видѣ слова, стоящаго подъ титломъ. Не зная другого случая, такую дешифровку предлагаю съ большой нерѣзительностью, тѣмъ болѣе, что на основаніи ассирійскаго силлабарія за ┌┌┌ безъ труда устанавливается значеніе идеографическаго изображенія — «малый». Sa y се такъ и понялъ текстъ, причемъ въ транскрипціи идеограмму города ┌┌ замѣнилъ халдскимъ словомъ *patar1*, а идеограмму понятія «малый» его не-семитическимъ фонетическимъ значеніемъ *tur*. Кстати, въ яфетическихъ языкахъ именно Арменіи понятіе «малость» выражалось корнемъ *ptr* (< *pt^r* || *ptr*) || *ptn*: н.-г. *patar*-а *маленькій*, діал. г. *pa^a* (< **pa^a*) id., арм. *pu^t* (изъ ши. группы **po^t*, арх. **pa^a* id.), г. *pataⁿ*-^o/₁ *малый, молодой*); сохранившееся въ грузинскомъ *patar*-а *малый* по основѣ совершенно созвучно съ хлд. *patar-1* *городъ*, и въ нашей фразѣ, б. м., имѣемъ особый способъ писанія — попытку омонимомъ идеографически представить звуковой составъ требуемаго слова. Способъ,

¹ Н. Марръ, *Матеріалы по халдекой эпитафій изъ командировки Л. А. Орбели въ Турецкую Арменію* (ЗВУ, XXIV), стр. 98, 99, 112.

² Свистящій типъ корня *pt^r* > *pt^r* наличенъ въ грузинскомъ въ формѣ *ptⁿ* съ суффиксомъ *-ed* (|| *-el*) > *e*: *pt^r-ed-1* > *pt^r-e-y* (ново-г. *pt^r-e*) *малый, маленький*.

пожалуй, болѣе сомнительный, чѣмъ признаніе случая чтенія подѣ титломъ, по положеніе дѣла обязываетъ исчерпывать всѣ возможности. Если же признавать фонетическое значеніе *tur*, то понятіе «малый», которое при дается тому же знаку въ ассирійскихъ текстахъ, какъ идеограммѣ, также получаетъ звуковое оправданіе въ яфетическихъ матеріалахъ. Въ др.-л. *tul-il-l*, ново-г. *tvr-il-l* *мелкій, тонкій* основа — *tul-* || *tur-*: отъ нея происходитъ *tur-ik-l*, наличное въ чанскомъ въ значеніи *карлика*. Эквивалентъ той же основы по шипящей группѣ **tur*-е сохранился, съ діалектическимъ перебоемъ *г* въ *д* п съ регрессивной ассимиляціею въ *tut*-е *маленькій*, съ десибляціею вторго *t* > *t*: *tut*-а *маленькій*, *tuta kod-l* *карликъ*, букв. «*маленькій человекъ*». У этого слова въ яфетическихъ языкахъ есть и рядъ другихъ родныхъ словъ. Но для насъ достаточно, чтобы въ знакѣ *tur*, если онъ, дѣйствительно, означаетъ «малый», признать фонетически существовавшее яфетическое слово, съ десибляціею начального согласнаго или его дефектнымъ начертаніемъ — *tur* *малый*, эквивалентъ г. *tul-il-l*, ново-г. *tvr-il-l*, ч. *tut*-е и т. п. И при такомъ толкованіи не предрѣшался бы вопросъ, было ли это халдское коренное или хотя бы живое слово или лишь заимствованное, притомъ исключительно письменное.

IV.

Рядъ графическихъ вопросовъ тѣсно связанъ съ фонетикой.

Одно явленіе такого графическаго характера, наблюдающееся и въ другихъ надписяхъ, по наличное въ нашемъ памятникѣ, представляетъ удобный случай, чтобы коснуться довольно существенной принципиальной стороны письма и произношенія.

Въ чтеніи халдской клинописи чрезвычайной осторожности требуетъ вопросъ объ отгѣнкахъ звукового значенія клинописныхъ начертаній. Принято, что они сохраняютъ звуковыя значенія, имъ свойственныя въ ассирійскихъ текстахъ, и на этомъ остановилось все научное разысканіе халдовѣдовъ-рафистовъ. Вносятся поправки, но въ основѣ ихъ лишь индивидуальная догадливость кунеолога, искушаемая соблазнами графически воспринимаемаго текста: то клинописное изображеніе въ халдскомъ памятникѣ имѣетъ свою особенность, не вполне совпадаетъ съ изображеніемъ ассирійскаго знака, съ которымъ его отождествляютъ, то одинъ и тотъ же требуемый слогъ въ различныхъ мѣстахъ передается не однимъ и тѣмъ же знакомъ и т. п.

При нашей постановкѣ дѣла, т. е. при дешифровкѣ халдской клинописи на основѣ сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ и въ частности ея фонетики, мы не можемъ зависѣть исключительно отъ нормъ графики,

установленныхъ для ассирійскаго письма на основѣ семитической филологіи.

Въ связи съ этимъ у насъ появляется не только возможность и право, но, казалось бы, необходимость и долгъ расходиться въ воспріятіи не однихъ звуковыхъ начертаній. Такъ, напр., идеограмма для понятія «господи́нь» >𐎠𐎡, она же, кстати, пятый знакъ въ первой строкѣ нашей надписи, появляется въ такомъ сочетаніи, въ какомъ въ иныхъ надписяхъ стоитъ фонетически написанное слово *ug-1* (Р.: *ug-1-e*), съ префиксомъ — *e-ug* (Р.: *eugie*); послѣднее слово на основѣ яфетическаго языкознанія толкуется какъ «милость», «попеченіе», но никакъ не «господинъ», и такое толкованіе прекрасно подходитъ къ тексту: «¹вг Халда *милость*» (Р. в. Т.: *милостью*). Слѣдовательно, каково бы ни было идеографическое значеніе начертанія >𐎠𐎡, за словомъ *ug* не можемъ въ параллельномъ чтеніи не признать значенія «милость» (< «вода»), оправдываемаго и яфетическимъ языкознаніемъ и контекстомъ¹. Но невольно задаемся вопросомъ: не обязываетъ ли яфетидологическое пониманіе параллельнаго чтенія къ измѣненію графически установленнаго и принятаго значенія идеограммы >𐎠𐎡? Нужно ли все-таки держаться пониманія халдовъ-графистовъ, какъ это удержано у меня и въ транскрипціи (¹DN = dominus), и въ переводѣ («владыкѣ»), или имѣть рѣшимость окончательно предпочесть и здѣсь яфетидологическое толкованіе?

V.

Что касается звуковыхъ знаковъ, то гласные и еще болѣе согласные играютъ существенно характерную роль въ живыхъ яфетическихъ языкахъ, доступныхъ нашему изслѣдованію и лежащихъ въ основѣ нашего лингвистическаго построенія — сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ.

Особенно важны въ этомъ отношеніи аффрикаты. Важно, быть можетъ, не столько то, чтобы они были въ языкѣ халдскихъ надписей, сколько то, что, разъ возникаетъ вопросъ объ ихъ существованіи, по нѣкоторымъ даннымъ самой графики разрѣшаемый положительно, требуется точное опредѣленіе каждаго аффриката прежде всего въ интересахъ правильнаго чтенія даннаго слова, но затѣмъ — для опредѣленія группы яфетическихъ языковъ, къ которому это слово можетъ принадлежать, и, слѣдовательно, для обозначенія правильнаго его реального истолкованія какъ звукового, а не лишь графическаго комплекса. Дѣло въ томъ, что не по простымъ согласнымъ звукамъ, а по сложнымъ — аффрикатамъ сибилантнымъ *t̥, d̥, ṭ̥, ḏ̥, ṯ̥* и спирантнымъ *ḳ, ḡ, q̣* || *k, g, q* узнается, къ какой группѣ при известной

¹ П. Марръ, *Изъ поводовъ въ Сванію* (мѣтомъ 1911 и 1912 г.), XV, II, стр. 28—29.

констеляции разноязычных яфетических эквивалентов надо отнести то или иное слово, такъ, напр., если изъ сибилитнаго ряда звукъ \acute{t} находится въ такомъ словѣ, которое по другимъ сопутствующимъ признакамъ, напр., — общему составу коренныхъ (слѣдовательно, согласныхъ звуковъ) и его формѣ (т. е. огласовкѣ) принадлежитъ свистящей группѣ, то, значить, принадлежность его по природѣ къ свистящимъ языкамъ—безспорный фактъ; и только тогда легко опредѣлить дѣйствительное значеніе обсуждаемаго слова изъ матеріаловъ грузинскаго языка, представляющаго свистящую группу. Тогда можно безошибочно найти искомое и въ матеріалахъ мегрельскаго и чанскаго, составляющихъ шипящую группу, такъ какъ въ такой обстановкѣ грузинскому звуку \acute{t} въ мегрельскомъ и чанскомъ соотвѣтствуетъ аффрикатъ \acute{t} и т. п. Но при существующемъ чтеніи халдской клинописи, мы въ такихъ случаяхъ имѣемъ обыкновенно простой звукъ безъ ассибиляціи или аспираціи; такъ вмѣсто сибилитныхъ аффрикатовъ \acute{t} , \acute{d} , \acute{z} или ихъ двойниковъ \acute{t} , \acute{d} , \acute{z} въ халдскомъ текстѣ читаемъ простые t , d , z . Въ языкахъ, фонетику которыхъ мы имѣемъ возможность провѣрять на живомъ языковомъ матеріалѣ, такое появленіе простого звука вмѣстѣ аффриката также наблюдается спорадически: тотъ же рядъ \acute{t} , \acute{d} , \acute{z} или его эквивалентный по другой группѣ рядъ \acute{t} , \acute{d} , \acute{z} въ такомъ случаѣ не только въ письмѣ, но и фонетически оказывается переродившимся въ t , d , z . Это упрощеніе засвидѣтельствовано многими уже разъясненными въ печати примѣрами. Между прочимъ и древнее названіе лазскаго племени, $\acute{t}an$, прошедшее къ тому еще лингвистическую среду съ паденіемъ носового n въ паузѣ въ сонорный среднеязычный «у», всилу этого упрощенія \acute{t} , произносилось ta , во мн. ч. ta q (Р. ta + o - \acute{z} , $\Gamma\acute{\alpha}\gamma\text{-}\alpha$ == ta + o - \acute{q} при основѣ ед. числа въ г. ta + o). То же упрощеніе наблюдается не разъ и въ яфетическихъ элементахъ армянскаго языка, напр., наличное въ грузинскомъ языкѣ слово свистящей группы $\acute{t}el$ - \acute{t} $\acute{t}od\acute{z}$ въ шипящей группѣ должно было бы звучать $*\acute{t}ar$ - e , и эту шипящую разновидность съ десибилляціею аффриката \acute{t} въ простой t мы имѣемъ въ армянскомъ tar - \acute{t} , $\acute{t}od\acute{z}$ ¹. Въ связи со всѣмъ сказаннымъ возникаетъ весьма чреватый послѣдствіями для правильнаго чтенія клинописи вопросъ, имѣемъ ли въ начертаніяхъ халдскихъ надписей t , d [z] дѣйствительно всегда выразителей этихъ простыхъ согласныхъ, или они лишь графически не характеризованные представители какъ простыхъ не характеризованныхъ согласныхъ t , d , z , такъ и характеризованныхъ въ звуковой реальности аффрикатовъ \acute{t} , \acute{d} , \acute{z} или \acute{t} , \acute{d} , \acute{z} (смотря по принадлежности матеріала къ той или иной группѣ сибилитной вѣтви яфетическихъ языковъ). Въ послѣднемъ случаѣ установленіе правильнаго чтенія возможно,

¹ О десибилляціи яфетическаго начальнаго \acute{t} въ байскомъ см. Н. Маррѣ, ЯЭ, III.

разумѣтся, лишь послѣ весьма сложной работы. Не достаточно разгадать значеніе слова съ однимъ изъ такихъ звуковъ въ составѣ; нужно еще опредѣлить, къ какой оно принадлежитъ группѣ, свистящей или шипящей.

Таково, напр., затрудненіе съ весьма любопытнымъ словомъ въ надписи, откопанной въ церкви Бдящихъ сялъ близъ Эчміадзина и еродной по своему стилю съ нашей Макинской. Это слово *raṭar-1* въ сочетаніи *Ṭuṣrae raṭar1* (30 стк), гдѣ безспорно слово означаетъ *городъ*, являясь синонимомъ *ṣan-1*¹. Слово это извѣстно изъ пяти надписей², въ числѣ ихъ изъ Мелазкертской надписи, изданной М. В. Никольскимъ въ *Запискахъ Классич. Отд. нашего Общества*³, гдѣ оно появляется въ томъ же сочетаніи въ стк 7, причемъ текстъ представленъ въ трехъ фотографическихъ снимкахъ «съ невышедшими посерединѣ текста нѣсколькими знакамп»⁴, почему на краю второго куска въ началѣ отъ начертанія $\text{=}\Upsilon\Upsilon\text{=}$ е налицо только правая половина $\Upsilon\Upsilon\text{=}$ а, и потому М. В. Никольскій прочиталъ оба слова *Ṭuṣrae raṭar1*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ и здѣсь такое же чтеніе, какъ въ надписи церкви Бдящихъ сялъ или Зовартноцъ близъ Эчміадзина, т. е. *Ṭuṣrae raṭar1*.

Значеніе «городъ» правильно отгадалъ еще Шейль⁵), хотя читалъ онъ совершенно невѣрно («*durḡ*»). Поддерживая то же значеніе, М. В. Никольскій ссылаясь на находженіе его въ подходящемъ мѣстѣ [т. е. передъ названіемъ города] въ трехъ надписяхъ, по его, повидимому, смущало, что въ Мелазкертской надписи, какъ и въ надписи церкви Бдящихъ сялъ, терминъ стоитъ за названіемъ города. Какъ фактъ, это давно извѣстно. Замѣчалось оно и Саусе'омъ, какъ уже указано мною⁶. По случаю въ той же надписи еще В. С. Голенищевъ замѣчалъ, что «слово «городъ», которое обыкновенно приставляется послѣ имени *Ṭuṣra* [Ṭuṣra], несмотря на то, что идеограмма, означающая «городъ», уже предшествуетъ имени *Ṭuṣra* [Ṭuṣra]»⁷. Между тѣмъ это особенно цѣнно для насъ, какъ показатель синтаксическаго, въ связи съ этимъ и морфологическаго, явленія, разъясненнаго уже въ напечатанной работѣ нашей⁸. Разъясненіе касается того, что въ согласіи съ нормами ряда яфетическихъ языковъ, при-

¹ Вопросъ затронутъ мною въ работѣ *Мат. ком. Орбели*, ЗВО, XXIV, стр. 111.

² М. Никольскій, ЗКО, т. VI, 1910, стр. 183.

³ Ц. т., стр. 182—184: *Клинообразная надпись изъ Мелазерда*.

⁴ Ц. с., стр. 182.

⁵ P. O. P. Scheil, *Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes* XVIII (1896), 75, подъ заглавіемъ: *Inscription vanique de Mélazert*.

⁶ *Мат. ком. Орбели*, стр. 100—101. Помимо цитованнаго здѣсь мѣста Саусе о томъ же говоритъ на стр. 519 своего основнаго труда *Inscr.* (Ср. также стр. 483).

⁷ ЗВО, XIII, стр. 091.

⁸ Н. Марр'я, *Мат. ком. Орбели*, стр. 100—101.

вившимся и языкамъ Арменіи, названіе города предшествуетъ слову *городъ*, и само названіе въ такихъ случаяхъ можетъ стоять, и обыкновенно стоять, въ Р. падежѣ: все это налицо и въ Тишрае *paṭarī*, гдѣ *paṭarī* *городъ* стоитъ на второмъ мѣстѣ, а само названіе снабжено гласнымъ характеромъ Р. падежа -е: Тишрае.

Но сейчасъ затрудненіе въ томъ, есть ли *t* здѣсь точный выразитель реального звука или это условный представитель его ассибилованнаго аффриката *t̥* или *t̪*, и котораго именно? Какъ и въ случаѣ съ яфетическимъ словомъ *rodz̄ tel-1* || **tar-^o/₁* > *tar-^o/₁*, теоретически возможно любое изъ трехъ чтеній—**paṭar-1* || **paṭar-1* > *paṭar-1*; если сообразоваться съ огласовкой, то форма — шипящая, слѣдовательно, въ случаѣ рѣшенія въ пользу характеризованнаго согласнаго выборъ нашъ долженъ остановиться на *paṭar-1*. Характеризованнымъ, именно по шипящей породѣ является слово, какъ оно налицо въ курдскомъ *bājer* (Жаба: *baḵir*, Клапротъ: *baḵar*) *городъ*, отсюда *bājārī* *горожанинъ*. Таково ли было реально-фонетическое произношеніе въ языкѣ халдовъ, или уже тогда оно было опрощено въ нехарактеризованный *t*, какъ это изображено въ самомъ письмѣ, значеніе «города» за этимъ словомъ еще болѣе укрѣпляется, именно «города», или какъ *дворца, резиденции*, семасического развитія *двери, воротъ*, или какъ *торжища*, семасического развитія «мѣста торговли у *воротъ*», именно у «городскихъ *воротъ*»¹. Слово *paṭar-1* (*paṭar-1*) въ послѣднемъ значеніи—древнѣйшее свидѣтельство употребленія въ Передней Азіи того термина, который значитъ «торговля», «мѣсто торговли», «товаръ» и въ различныхъ языкахъ звучитъ различно: это — арм. *vaṭar* *торговля*, груз. *vaṭar-1* *торговецъ, горожанинъ*, нов.-перс. *bāzār* *рынокъ*, а др.-п. «*abācarish*» [*a-bāṭar-ш*], съ префиксомъ яфетическихъ именъ *a-* и въ формѣ халдскаго Р. падежа; это такого же яфетическаго происхожденія и такое же наслѣдіе яфетическаго міра въ иранскомъ, какъ арм. *taṭar* = г. *taḍar* *дворецъ, храмъ*, также наличное въ древне-персидскомъ текстѣ Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей въ видѣ—*tacara* [*taṭara*], и какъ еще другіе древне-культурные термины².

¹ Этимологія Jensen'a, обоснованная на отождествленіи этого слова съ арм. *vaṭar* «*у*», свидѣтельствуеетъ лишь о томъ, что авторъ не знаетъ исторіи арм. слова, въ которомъ «*у*» опять таки эпентезисъ, а не перерожденіе зубного *t* (ср. *Hittiter und Armenier*, стр. 239, s. v.). Но если вѣрно чтеніе Jensen'омъ нашего слова въ хетскомъ, то оно лишь подтверждаетъ предлагаемую мною этимологію.

² Если бы значеніе повторнаго написанія гласнаго въ халдской клинописи было окончательно выяснено, то ахеменидская транскрипція была бы интересна для насъ тѣмъ, что имѣетъ долгій «*a*» въ первомъ слогѣ, т. е. въ томъ слогѣ, который въ халдскомъ эквивалентѣ представленъ двумя *a*: *paṭarī* (< *pa-^{*}zaṭar-1*), и тогда въ терминѣ пришлое бы признать префиксовое (*pa-* > *ba-* || *ma-*) образованіе, и мы нуждались бы въ этимологіи основны -**zaṭar*. Если же долгота перваго слога ахеменидскаго слова—позднѣйшая, возникшая въ фонетическихъ условіяхъ заимствованнаго языка, подобно тому, какъ въ ново-перс. *bāzār*

Однако и въ отношеніи простыхъ согласныхъ клинописныя начертанія или, быть можетъ, неразработанность вопроса о дѣйствительномъ и точномъ ихъ произношеніи не позволяютъ намъ увѣренно пользоваться лингвистическимъ матеріаломъ халдскихъ надписей. Въ клинописныхъ начертаніяхъ халдскаго языка халдовѣдами-графистами не обращено вниманія на вопросъ о среднихъ, такъ называемыхъ «глухихъ придыхательныхъ» φ , ϑ , q . Тамъ, гдѣ халдскій текстъ, пока лишь съ графически обоснованнымъ чтеніемъ, проявляетъ t , и тогда, когда это не представитель аффриката, мы не знаемъ, произноситъ ли его t (г. ṯ , арм. տ) или ϑ (г. ṯ , арм. Թ), особенно когда другіе яфетическіе языки поддерживаютъ чтеніе ϑ . Иногда впрочемъ и здѣсь бываетъ законѣрное чередованіе разновидностей одного и того же простого согласнаго или не-аффриката въ различныхъ родственныхъ языкахъ, такъ, напр., въ зубныхъ при среднемъ ϑ свистящей группы шипящая группа въ рядѣ случаевъ проявляетъ звонкій d , а въ одномъ невыяснившемся еще языковомъ типѣ, вошедшемъ въ составъ сванскаго, имъ вторитъ ассимилированный эквивалентъ, но съ предпосыланіемъ сибиланта, т. е. $\text{ш}\vartheta \parallel \text{ш}d$, чѣмъ же касается глухого t , то онъ также всплываетъ въ сванскомъ, точно особенность спирантнаго его слоя ($*\text{zt} > t$), но спорадически.

Халдскій языкъ въ рядѣ случаевъ, если отстаивать и фонетическую безукоризненность принятаго чтенія, проявляетъ звонкій d при глухомъ t или среднемъ ϑ въ другихъ яфетическихъ языкахъ, напр., въ халдскомъ корнѣ d *сказать*¹ при чанскомъ t (въ виѣ-атинскомъ нарѣчій tk) и при грузинскомъ $\vartheta q w$ (и въ чанскомъ) и $tk w$; появляется тотъ же корень и по дешифровкѣ халдовѣдовъ-графистовъ въ видѣ t въ предполагаемомъ причастіи страдательнаго залога $t i n$ *названный, называемый*, но и въ отношеніи его никто не интересовался, глухой ли онъ $t = \text{ṯ}$ (арм. տ) или средній $\vartheta = \text{ṯ}$ (арм. Թ).

Такая же неопредѣленность замѣчается въ губныхъ p , b , φ , только въ халдскомъ языкѣ вм. сонорнаго губно-губного обыкновенно шумные или простой глухой p или звонкій b , и опять вопросъ, когда въ соотвѣтствіе г. $\text{m}l-1$ въ значеніи *водопровода* въ клинописномъ текстѣ халдовѣды-графисты читаютъ $p l i$, надо ли въ дѣйствительности пачальный звукъ произносить p или это несовершенное начертаніе вм. средняго φ (г. ṯ , арм. ժ): $*\varphi l-1$ ²?

долгота второго слога, не находящая поддержки даже въ древнеперсидскомъ, то $\text{ra}t a g-1$ ($\text{ra}t a g-1$) при первичномъ его значеніи *ворота* невольно сближается съ наличнымъ въ грузинскомъ $b t e$ ($< *b t e r$) *ворота* (сюда же корень $\varphi \vartheta-n$: $\varphi \vartheta e n a$ «раскрываетъ ротъ»).

¹ Въ халдскомъ, слѣдовательно, два корня $d^{\text{г}} w^1$: 1) «сказать» (см. стр. 20) и 2) «класть», «положить».

² Въ грузинскомъ $\varphi l-1$ значитъ *стула*, но такъ какъ и это грузинское слово (И. Марръ, *Мат. ком. Орбели*, стр. 12), и халдское $\text{m} l i$ (И. Марръ, *О халдскомъ $p l i-1$ || $p l i-1$ «камень», «каменная труба»*); «водопроводъ», «каналъ», ИРАИ, 1917, стр. 1279 сл.), предполагается, восхо-

Звукъ *m*- и въ качествѣ префикса халдскому не чуждъ въ формѣ *ma-*, хотя рядомъ и чаще—*ra-*; префиксъ *m*- во II-й породѣ съ характеромъ *1* (*m1-*), а также тотъ же префиксъ съ характеромъ *u* (*mu-*) извѣстны лишь въ разновидностяхъ шумныхъ губныхъ или глухого *p1-* || *pu-* или звонкаго *b1-* || *bu-*, и то же самое наблюдается въ тождественномъ начальномъ слогѣ, какъ, напр., въ *p1-1 водопроводъ* при г. *m1u*, если этотъ начальный слогъ, въ данномъ случаѣ *p1*, даже не префиксъ. На это фонетическое явленіе я обращаю особое вниманіе, такъ какъ оно важно для одного морфологическаго вопроса, образованія имени мѣста или названія страны, появляющагося въ большинствѣ халдскихъ надписей: это — *Bi-am-a*.

По вопросу о сибилантахъ, какъ и спирантахъ, Макинская надпись не даетъ особаго повода, чтобы здѣсь входить въ ихъ характеристику по клинописнымъ начертаніямъ. И можно ограничиться однимъ положеніемъ, именно — судя и по принятому халдовѣдами-графистами чтенію, сибилантовъ много, можетъ оказаться столько же, сколько ихъ извѣстно вообще по яфетическимъ языкамъ, лишь точное отождествленіе сибилантовъ пока не прочно построено; что же касается спирантовъ, то они почти вовсе не представлены въ письмѣ, даже спирантъ, появляющійся кое-гдѣ (въ слоговыхъ знакахъ *ha, hu*), опускается халдовѣдами-графистами.

Отсюда вытекаетъ то, что двух- или трехсогласные слабые корни въ халдскомъ языкѣ низведены въ односогласные. И такихъ случаевъ тѣмъ больше можно наблюсти, что спирантные аффрикаты въ халдскомъ языкѣ пали въ спиранты, напр., корень св. *kl* *говоритъ* въ халдскомъ письмѣ представленъ однимъ *l*, такъ что въ соотвѣтствіе сванскому *kəle* *онъ говоритъ* въ халдскомъ имѣемъ *al*, и мы не знаемъ, только писался ли глаголь такъ безъ спиранта, произносясь съ тѣмъ или инымъ спирантомъ (*zal*), или таково было дѣйствительное его произношеніе.

Такое паденіе въ частности звука *k* въ спирантъ и затѣмъ исчезновеніе его наблюдается спорадически и въ живыхъ яфетическихъ языкахъ, особенно въ сванскомъ и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ чанскаго языка, какъ, напр., мы видѣли отъ корня *tkw* || *tk'w'* *говоритъ* въ вицэ-архавскомъ нарѣчій сохранился только первый согласный *t*, какъ и въ халдскомъ, если кое-гдѣ можетъ быть удержано значеніе, усвоенное халдовѣдами-графистами халд. слову *t1m1*¹; въ халдскомъ въ корнѣ этомъ появляется въ единичествѣ звонкій его эквивалентъ *d*.

Прекрасной иллюстраціей этого положенія является и другой корень

дять къ халдскому слову, означающему «камень», то нельзя отрицать возможности произношенія перваго звука халдскаго *p1* какъ *φ*, см. Н. Марръ, ц. с. (ИРАН, 1917), стр. 1281.

¹ См. выше, стр. 14.

По формѣ халдская основа *turini* — ближе всего къ слову шипящей группы м. *tkorini* *итъвъ*. Эта близость фонетически можетъ быть еще большая, такъ какъ халдское письмо не различаетъ широкаго и узкаго губныхъ звуковъ, то есть о и и¹.

Съ другой стороны въ той же шипящей группѣ, именно въ мегрельскомъ языкѣ имѣемъ не только близкое, но тождественное съ халдской основой *turini* въ формальномъ отношеніи слово *turini*. По значенію мегрельское слово не вполне разъяснено; въ мегрельскомъ словарѣ у I. А. Кипшидзе въ одномъ гнѣздѣ для *turini* указаны въ виду тождества формы два значенія «лежать» и «бушевать», между тѣмъ *turini* со значеніемъ «бушеваніе», «бушевать» семасически, какъ мнѣ представляется, находится въ связи съ м. *tkorini* «гнѣвъ», «гнѣваться», въ такомъ случаѣ и въ немъ проявляется совершенно также, какъ въ халдскомъ *turini*, перерожденіе сибилантнаго аффриката *t* въ простой *t* и спирантнаго аффриката *k* въ исчезающей спирантъ².

До сихъ поръ не ставился вопросъ, есть ли въ этихъ и подобныхъ случаяхъ отсутствіе спиранта своего рода *scriptio defecta*, вызываемая несовершенствомъ халдскаго письма, или оно, это отсутствіе спиранта, было свойственно и живой халдской рѣчи, какъ это мы наблюдаемъ сейчасъ въ живой рѣчи лазовъ и другихъ яфетидовъ.

Безъ того или иного отвѣта на этотъ вопросъ научная классификація халдскихъ матеріаловъ, слѣдовательно, опредѣленіе мѣста халдскаго языка среди яфетическихъ будетъ лишено твердой почвы.

V.

Въ связи со спирантами находится положеніе о такъ называемыхъ полугласныхъ, именно о сопорныхъ средне-язычномъ «у» (г. *u*, арм. *յ*) и губно-зубномъ w (г. *z*, арм. *ւ*): ни тотъ, ни другой не имѣетъ спеціальнаго знака въ халдскомъ письмѣ, а когда фонетическія соображенія требуютъ ихъ присутствія, вмѣсто нихъ находимъ начертанія гласныхъ *i* и *u*:

ai вм. au

au вм. aw

ia » ya

ua » wa.

Հայր և զոր զան անձն ի յոմնակն և զսրբոս ի խնդրանանն զն մեկն թ ճոնեպն մեծ թ ճ և ի զան վնեճն ճ և զսրբոս մեծ վնեճն «сынъ кто бы и въ какомъ бы званіи изъ человѣческихъ сыновъ, великій или малый, ни принялся нарушать это писаніе, да будетъ онъ отринуть отъ христіанской вѣры, да разитъается на него (> да проклянетъ его) Отецъ, Сынъ и св. Духъ и всѣ святые Его».

¹ Дѣлавшаяся въ послѣднее время кунеологами попытка ввести чтеніе о при двухъ и (uo вм. uu) и особенно въ Р. падежѣ мн. числа -ое вм. -ие, какъ то замѣчаемъ у Saussure'a и въ изданіи нашей надписи, изобличаетъ полное непониманіе халдовѣдами-графистами реально-фонетической стороны въ языкѣ толкуемыхъ ими текстовъ.

² Въ отношеніи потери *k*, resp. *k* при зубномъ ср. *č*. *o-tkorin-u* > *o-torin-u* *crepitare*.

Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXV.

2

Такъ, сонорный средне-язычный или полугласный «у» налицо въ словѣ 1-е-ше, какъ оно написано, въ 6-й строкѣ Макинской надписи, или уеше, какъ его, слѣдовательно, надлежитъ читать.

Слово это извѣстно и изъ прежнихъ надписей, и за нимъ халдовѣдами-графистами утверждено значеніе на весьма курьезномъ, хотя и гласно не указываемомъ основаніи. Иеше кунеологи толкуютъ, какъ мѣстоименіе 1-го лица «я»; для такого толкованія еще тогда, когда знакъ ше читался s, и, слѣдовательно, слово полностью звучало ies, лингвистическимъ основаніемъ послужило то, что по-армянски я звучитъ es, въ ново-армянскомъ произношеніи—*yes*¹, между тѣмъ это именно слово въ армянскомъ—*arjō*-европейское. Ясно, что теоретическая основа такого истолкованія имѣетъ дату попытокъ Mordtmann'a прочесть клинообразныя надписи Вана при помощи армянскаго языка. Попытка давно осуждена, но ея пережитки, и не одно толкованіе иеше, лежатъ въ основѣ лингвистическаго толкованія халдовѣдовъ-графистовъ. Такъ въ нашей же надписи еще одно такое скрытое армянское вліяніе налицо въ принятомъ и Saucе'омъ толкованіи *kar-bi* (въ транскрипціи Sc: «*kar-bi*») въ значеніи *камней* (the stones): -bi Saucе признаетъ суффиксомъ мн. числа, а въ *kar-* = «*qar-*», разумѣется, усмотрѣно арм. слово *qar* *камень* безъ указанія на это. Въ этотъ разъ халдовѣдъ-графистъ случайно использовалъ слово яфетическаго происхожденія, и нѣтъ даже надобности приспособлявать чтеніе халдскаго слова *kar-bi* къ новому армянскому произношенію: древне-литературный языкъ армянъ, *хайскій*, сохранилъ его въ видѣ *kar-* въ удвоенной основѣ слова *karqar* «*куча камней*», о чемъ подробно особо. Но вопросъ въ томъ, требуется ли контекстомъ нашей надписи усваиваемое Saucе'омъ спорному слову значеніе²?

Въ иеше слогъ -ше—окончаніе Р. падежа, хорошо извѣстное изъ халдскаго языка и общее у него съ языками шипящей группы яфетическихъ языковъ, мегрельскимъ и чанскимъ. Основа *ue-* въ значеніи *тотъ*, эквивалентъ грузинскаго 1- изъ *hi-*; въ мегрельскомъ, мѣстоименіе звучитъ «е», съ потерей спиранта, какъ и въ грузинскомъ, а самостоятельно или въ составѣ сложнаго мѣстоименія *ep-a* оно значитъ *этотъ*; наоборотъ, въ чанскомъ, сохранивъ спирантъ *h*, оно же звучитъ *he* (*he-m*, *he-a*) и значитъ, какъ въ халдскомъ *ue-*, *тотъ*; форма *уеше* — Р. образа дѣйствія и означаетъ *такъ, по тому образу, тѣмъ образомъ, такимъ образомъ*, какъ м. еш-1 (< е-ше, resp. **he-ше*). Это слово по образованію, казалось бы, тоже,

¹ Saucе впрочемъ настойчиво стоялъ на пониманіи «*yes*» [*уеше*], въ связи съ контекстомъ, въ смыслѣ «*which; what*», но и онъ перешелъ на совершенно произвольное его толкованіе въ смыслѣ «*я*», и такъ именно онъ перевелъ его въ нашей надписи.

² См. стр. 23.

что въ грузинской рѣчи діалектически *1-se такъ*, съ замѣной шипящаго ш свистящимъ s по природѣ грузинскаго языка¹. Халдское уеше со значеніемъ «такъ» отвѣчаетъ на предшествующее ему въ 5-й строкѣ надписи ши-кі, точнѣе, фонетически — шо-кі, означающее «какъ», букв. «какимъ образомъ»². Оставляя сейчасъ обсужденіе -кі образъ, поучительно отмѣтить, что шо- вполне закономерно соответствуетъ слову sa, присущему свистящей группѣ яфетическихъ и потому наличному въ грузинскомъ, но здѣсь лишь въ нарѣчіяхъ мѣста, образованныхъ отъ этого относительнаго мѣстоименія. Мегрельскій сохранилъ въ той же роли это мѣстоименіе съ той же закономерною перегласовкой «о», какъ въ халдскомъ, но подъ вліяніемъ грузинскаго измѣнялъ природному для него согласному ш, замѣнивъ его свистящимъ s: so. Исторія этого мѣстоименія въ яфетическихъ языкахъ и его основное значеніе уже выяснено³.

Вся фраза въ двухъ строкахъ, съ половины 5-й строки гласить: шокі^d Qaldıshe ubardu duni, уеше шидштубі. Эта фраза буквально повторяется въ надписи Бдящихъ силъ (стр. 9) въ первой своей части шокі^d Qaldıshe ubardu duni и тамъ же находитъ для второй части параллель, гласящую: уеше ии^d арв uldie tegubi.

В. С. Голенищевъ первую фразу призналъ «неясной», а про вторую въ связи съ послѣдующими, т. е. про 10—12 строки, онъ пишетъ, что «въ нихъ Руса говоритъ о какихъ-то насажденіяхъ, сдѣланныхъ имъ»⁴. Это указывается впрочемъ самимъ текстомъ графически: детерминативомъ «дерева» (^d арв). Тѣ же двѣ строки г. Басмаджянъ нашелъ рѣшимость по догадкѣ перевести какъ на армянскій языкъ (въ «Банасэрѣ», армянскомъ филологическомъ журналѣ, издававшемся въ Парижѣ)⁵, такъ и на французскій⁶ слѣдующимъ образомъ:

¹ Это сближеніе предлагается съ большимъ сомнѣніемъ, даже какъ возможное, такъ какъ діалектическое грузинское *ise* можетъ найти себѣ объясненіе какъ сокращенный видъ, съ потерю 2-го согласнаго, народнаго *is-ge* или, скорѣе, діалектическаго *is-ge* *такъ*, такимъ образомъ. Подробности въ печатающейся *Грамматикѣ грузинскаго древне-литературнаго языка*.

² Sa уесе то же слово переводитъ (стр. 7) «long ago (?) давно тому назадъ (?)» по обыкновенію безъ всякой опоры въ какомъ либо языкѣ, т. е. гадательно, въ этотъ разъ, впрочемъ, отмѣчая эту гадательность вопросительнымъ знакомъ; то, что предлагается (стр. 108), какъ поясненіе принятаго толкованія, невѣроятно по безпомощности лингвистическаго обоснованія.

³ Н. Марръ, *Определеніе языка II-й категоріи = Ахем. II*, § 23, стр. 24—26.

⁴ ЗВО, XIII, стр. 086.

⁵ Բանասեր. Հանդէս հնարասիական, պատմական, լեզուաբանական, բնական. Հատ. II, արտի Ե, 1901, стр. 37, 39.

⁶ *La stèle de Zouarthnotz*, отд. отт. изъ *Recueil de Travaux relatifs à la Philologie et à l'Archéologie égyptiennes et assyriennes*, vol. XXIII, стр. 3.

«9. Князь земли Халди даровалъ мнѣ (?).

10. Я этотъ памятникъ

11. Поставилъ, садъ съ деревьями — сосной (?) и дубомъ (?)»¹.

Независимо отъ впервые теперь разъясняемыхъ шоки *какъ*, уше *такъ*, центръ тяжести лежитъ въ словѣ ubardu. Это производное слово изъ ubag и -du: слово ubag давно разъяснено на основаніи многочисленнаго матеріала изъ яфетическихъ языковъ въ значеніи «слова», «рѣчи», а слогъ -du (|| -tu) есть суффиксъ мн. числа и въ связи съ этимъ — отвлеченнаго понятія, равно собирательнаго, и отсюда названій странъ².

Двѣ строки надписи Бдящихъ силъ въ переводѣ гласятъ: «какъ богъ Халдъ повелѣлъ (*букв.* слово или изрекъ или положилъ), такъ я это ...³ дрв».

Перевода не доканчиваю, хотя можно указать названіе дерева, лингвистически поддающагося опредѣленію, и что именно съ нимъ царь сдѣлалъ.

Соотвѣтствующія строки Макинской надписи гласятъ: «какъ богъ Халдъ повелѣлъ (*букв.* слово или изрекъ или положилъ), такъ я возстановилъ, покончилъ»³.

Въ связи съ надписью Бдящихъ силъ приходится разсматривать Макинскую и въ виду ея 4-й и 5-й строкъ, также общихъ по существу въ обоихъ текстахъ. Эквиваленты ихъ въ надписи Бдящихъ силъ — 7-я и 8-я строки, признанныя В. С. Голенищевымъ непонятными и послѣ всѣхъ толкованій, которыя давались рядомъ кунеологовъ для параллельныхъ мѣстъ въ другихъ надписяхъ⁴.

Часть 4-й и 5-й строкъ въ Макинской надписи, представляющая затрудненіе, начинается съ *kaḡbī*, второго слова въ 4-й строкѣ, и кончается *uḡi*, третьимъ словомъ въ 7-й строкѣ. Для этой части, какъ отчасти и указывалось и Никольскимъ⁵ и за нимъ В. С. Голенищевымъ⁶, имѣемъ параллели не только въ надписи Бдящихъ силъ, но и въ Сардарабадской и Каракалинской. Сравнительная таблица всѣхъ четырехъ параллелей представитъ слѣдующую картину:

¹ Французскій текстъ перевода лучше привести въ подлинникѣ: «9 le prince de la terre, Ḥaldi m'octroya (?); 10 moi, ce monument 11 ai érigé: un jardin aux arbres de cyprés (?) et de chêne (?)».

² Н. Марръ, *Ахем.* II, § 35, стр. 39. Вопросы о контаминаціи въ данномъ случаѣ съ суффиксомъ ж. окончанія сейчасъ не касаюсь.

³ Sa use все мѣсто передаетъ въ своеобразномъ чтеніи, усмотрѣвъ въ дополненіи (u-bar-du) и сказуемомъ (dun) одно сложное слово umasdu-dun, причемъ знакъ \dagger bar въ этотъ разъ прочитанъ mas для того, чтобы получить слово umasdu, которое Lehman-Паурт отождествлялъ «съ ассирійскимъ *umasu* „an enclosure“» (стр. 108—109).

⁴ Ц. м., стр. 089.

⁵ Нк, стр. 56.

⁶ *Надпись дрсневанскаго Русы II-ю, ЗВО, XIII, стр. 089.*

Надписи

- 1) Аргиштиа I Сардараб. стк 7—8¹: $\text{ḫuraani ḫuuldim maanu | ui gi ṣida}$
[uri
- 2) » » Каракал. » 4—5²: $\text{ḫirani ṭirabae manu | ui ami ṣṭini}$
ai uri
- 3) Русы II Бд. силъ, » 7—8³: $\text{ḫuraani ṣuḫe manu | ui gi ei ṣṭini}$
manu <u>ri
- 4) » » Макинск. » 4—5⁴: $\text{ḫarbi salḫi manu ui gi ei | ṣṭini ṣida}$
<u>ri

Едва ли можетъ вызывать сомнѣнiе въ 3-й параллели одно изъ обычныхъ явленiй во всякихъ эпиграфическихъ текстахъ, начертанiе разъ двукратно требуемой буквы: manuḡi вм. manu uri .

Еще есть параллели, но текстъ въ нихъ или сильно пострадалъ, или въ наличныхъ изданiяхъ много сомнительнаго, напр., въ при-Евфратской надписи Сардура II, гдѣ соответственное мѣсто въ 6—7 строкахъ у Saусе'a читается такъ⁵ (понятно, въ нашей яфетидологической транскрипцiи и съ нашимъ расчлененiемъ словъ):

$\text{«alḫi bu ga na di tu i ṣḫi manu | u-i ai-mi ei «ш-ти-ни ḫ ka-hu-ri»}$ ⁶.

Примѣчанiя Saусе'a: bw] «опущено Grotefend'омъ». — 1] «можетъ быть, намъ слѣдовало бы читать *bw*». — -nu] «у Grotefend'a *sw*». — ḫ] «опущено у Grotefend'a».

Къ отдѣльнымъ частямъ, такъ особенно ко 2-й половинѣ всего отрывка можно указать другой рядъ параллелей, напр. наиболѣе полную въ надписи Менуи изъ Шушанца, строка 2-я⁷:

$\text{ui gi ei ṣṭini ṣida uri}$

Рѣшающимъ однако является для правильнаго толкованiя всего мѣста разъясненiе первой части и особенно опредѣленiе заключающаго ее слова manu ; въ немъ ключъ для установленiя отправной точки въ уразумѣнiи синтаксическаго строя фразы и въ связи съ этимъ изложенныхъ въ ней мыслей:

а) Занимающее насъ мѣсто Макинской надписи съ тремя параллелями представляетъ предложенiе, но не главное, а обстоятельствоное — обстоя-

¹ Нк, IX, стр. 55.

² Нк, XXIV, стр. 58.

³ В. Голенищевъ, ц. с., табл. II, К. J. Basmadjian, *La Stèle de Zouarthnotz*, стр. 2 (рис.) и 3.

⁴ См. у насъ ниже, стр. 48, ср. Saусе, JRAS, 1912, стр. 107 и 112.

⁵ *Inscr.*, L, стр. 643.

⁶ Въ ḫ *ka-hu-ri*, resp. ḫ *ka-u-ri* имѣемъ, несомнѣнно, искаженiе, въ которомъ намѣчается правильное чтенiе лишь послѣднихъ слоговъ *u-ri*, заключительнаго слова всѣхъ сопоставляемыхъ параллелей.

⁷ Saусе, *Inscr.*, XIII, стр. 505.

а) Во всѣхъ приведенныхъ параллеляхъ тапи есть прошедшая дѣе-причастная форма, или, какъ описательно характеризуется она выше, безличная форма аористной причастной формы. Съ личн. окончаніями аористъ этого глагола долженъ бы звучать въ 1-мъ л. тапи-бі, въ 3-мъ — тапи-пі, и вотъ эту послѣднюю форму даетъ Макинская надпись (стк 12).

б) Во всѣхъ приведенныхъ параллеляхъ тапи имѣетъ одно и то же значеніе «строить», «дѣлать», поскольку мы имѣемъ право опираться на поддержку ново-эламскаго языка и яфетическихъ переживаній въ армянскомъ. Основа тап, отъ корня *тп* *строить, дѣлать*, налицо въ этомъ именно видѣ въ ново-эламскомъ тап и съ подъемомъ $m > b$ въ армянскомъ бап въ составѣ глагола *бап-ел* *строить, дѣлать*, какъ это уже выяснено¹. Во всякомъ случаѣ лишь фантазіею можно оправдать пониманіе его въ смыслѣ мѣстоименія «каждый», какъ переводили его до сихъ поръ халдовѣды-графисты, въ числѣ ихъ и Saucе, или обстоятельственнаго слова «in front», какъ переводить его въ нашей надписи тотъ же Saucе².

Интересъ представляетъ дополненіе глагола тапи *устроиъъ* — *кагбі salḫi*, собственно дополненіе *salḫi* съ опредѣленіемъ *кагбі*. Такъ какъ рѣчь въ надписи идетъ о сооруженіи храма, то естественно толкованіе словъ *кагбі salḫi* искать въ кругѣ культовыхъ понятій, и дѣйствительно —

а) *кагб-і* со стянутой основой при огласовкѣ «а» является эквивалентомъ г. *кегр-і* *кумиръ* и можетъ означать «богъ». Насъ въ данный моментъ не интересуется, что само слово *кегр-і* въ грузинскомъ не коренное, оно — заимствовано или усвоено черезъ армянское средостѣніе (иначе не было бы утраты аспираціи въ $k > ḡ$, представленномъ какъ глухой *k*) изъ месхскаго, спиритнаго слоя сванскаго³. Можно, пожалуй, сейчасъ не интересоваться и тѣмъ, что съ полногласіемъ при той же огласовкѣ *а* (*а — а*) основа халдскаго слова палицо въ упомянутомъ уже пережиткѣ яфетическаго культа — *Кагар-ет*⁴. Болѣе важно для насъ то, что было выяснено при толкованіи слова съ чтеніемъ *кагрі* или *кигрі* въ ново-эламскомъ языкѣ⁵. Если бы въ соотвѣтственномъ мѣстѣ ново-эламскаго текста *кагрі* || *кигрі* было истолко-

¹ Н. Марръ, *Ахем. II*, § 34, стр. 36—39.

² Saucе допустилъ неправильность чтенія тап-и 1-g-1-e-1 (о напечатаніи по какому то недосмотру *zi* вм. *gi* см. особо ниже, стр. 49) вм. тапи и *gi* еі. Это неправильно даже съ точки зрѣнія халдовѣдовъ-графистовъ, ибо есть случаи, когда отъ мнимаго «тапи-и» первая часть (тапи) въ одной строкѣ, а вторая (и) — во второй, такъ, напр., у Никольскаго въ Сардарабадской (Нк, IX, стр. 55), да и у самого Saucе'а въ надписи Сардура II (*Inscr.*, I, стр. 643, стк 6—7), между тѣмъ переносъ словъ въ халдскихъ текстахъ исключается.

³ Н. Марръ, *Еще о словъ «челеби»*, ЗВО, XX, стр. 111—112, его же *Яфетическій К въ армянскомъ языкѣ*, ЗВО, XIX, стр. 0159 = отд. отт., стр. 6.

⁴ См. выше, стр. 6.

⁵ *Ахем. II*, § 43, стр. 46—47.

вано въ значеніи *бога*, а не *руки*, то это имѣло бы, конечно, болѣе рѣшающее или, вѣрнѣе, болѣе притягательное значеніе, такъ какъ еще лишній разъ вскрылось бы не только вообще языковое, но культурное вліяніе эламцевъ на халдовъ ванскаго царства, во всякомъ случаѣ — общность у нихъ ряда религіозно-культурныхъ явленій. Но достаточно и того, что *kaḡr-1*, какъ *kuḡr-1*¹ можетъ означать «богъ», какъ и *ḡaḡr*. Въ предѣлахъ настоящаго изслѣдованія мы не заинтересованы и въ томъ, чтобы доискиваться сейчасъ же, есть ли *r* непременно коренной согласный или лишь показатель множественности: во второмъ случаѣ морфологически, а въ первомъ — фонетически, слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ одинаково право мѣрно *vm. r > b > φ* могъ появиться *k > g > q*². И разъ въ яфетической еще Арменіи существовала рядомъ съ *keḡr-1* и разновидность *kaḡb-1* въ значеніи *бога*, разъ существованіе *kaḡb-1* съ такимъ значеніемъ мы обязываемся признать въ до-арійской Арменіи (его усматриваемъ хотя бы лишь въ нашей халдской надписи), то въ пользу реальности такого толкованія можно использовать и географическій терминъ *Kaḡb*, названіе селенія, вѣроятно, по мѣсто-нахожденію въ немъ предмета особаго культа — *kaḡb'a*³. Впрочемъ въ надписи самой *kaḡb* имѣетъ нарицательное значеніе *бога*; это не собственное имя, ибо въ послѣднемъ случаѣ мы обязательно ожидали бы детерминатива божества.

b) *Salḡ-1* въ связи съ *kaḡb-1* *богъ* можно толковать въ значеніи *молельни*, букв. *мѣста моленія*. Слово есть основаніе признать образованіемъ по типу свистящей группы сибилантной вѣтви яфетическихъ языковъ, т. е. съ префиксомъ *sa-*⁴; если бы окончательно было установлено за другимъ наличнымъ въ халдскомъ словомъ — *galaḡ-1*⁵ — значеніе «алтарь», какъ то намѣчалъ *Saḡce* съ вопросомъ, то мы рѣшились бы усмотрѣть въ *sa-lḡ* и *ga-laḡ-1* одно и тоже образованіе съ префиксомъ то по свистящему (*sa-*), то по спирантному (**ha- > ga-*⁶) типу⁷. Основа представила бы два коренныхъ

¹ При отсутствіи въ халдской клинописи начертанія для «o» послѣдняя форма можетъ быть лишь діалектической перегласовкой первой — *a || o*: *kaḡr- || *koḡr- > kuḡr-* (начертательно или, что также возможно, реально-фонетически).

² См. XV, I, стр. 35 по поводу *vīšar || vīšak*.

³ Вопросъ о значеніи исходнаго согласнаго *-r > -b*, морфологическій ли онъ звукъ или коренной, этимъ ни въ какой мѣрѣ не предрѣшается.

⁴ Разъ въ грузинскомъ такъ много заимствованныхъ въ глубокой древности пережиточныхъ элементовъ изъ спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ, то намъ нельзя отрицать возможность обратнаго вліянія, наличие заимствованій въ спирантной группѣ, тѣмъ болѣе въ такомъ мѣшаномъ ея представителѣ, какъ халдскій языкъ, усвоеній глубокой древности не только изъ шипящей, но и изъ свистящей группы, къ которой относится грузинскій.

⁵ *Inscr.*, XI, стр. 502 (*galazi* «the altars (?)») и 503.

⁶ Въ подъемѣ *ha-* даетъ собственно два ряда сильныхъ звуковъ: а) сложныхъ — *ka- > ḡa- > qa-* и б) простыхъ — *ka- > ga- > qa-*.

⁷ Я не совсѣмъ увѣренъ и въ томъ, надо ли \sum читать со значеніемъ \sum *sal*, что

согласныхъ lǝ, притомъ въ sa-lǝ-1 безъ огласовки, остатокъ трехсогласнаго корня lǝlǝ||lǝlǝ > lǝlǝ (ǝwǝ > ǝwǝ), наличнаго въ формѣ съ огласовкой «а» въ видѣ *lǝlǝ > lǝlǝ||lǝlǝ- (> laǝ-) > lǝlǝ со свистящимъ lǝ въ г. lǝlǝ-у-а *моленіе*, съ шипящимъ lǝ въ н. a-lǝlǝ-èm (< a-lǝlǝ-em) *молю*, съ дссбиляціею въ н. a-lǝlǝ-q (*a-lǝlǝ-q) *молитва*. Корень lǝlǝ||lǝlǝ (||ǝwǝ) имѣеть рядъ другихъ разновидностей въ яфетическихъ языкахъ. Дѣйствительно ли основа sa-lǝ-1— безъ огласовки, или это дефектное начертаніе вм. *sa-laǝ-1, особенно если получить твердое основаніе для привлеченія сюда же ga-laǝ-1 *алтарь*, все это можно установить лишь постепенно. Sa-lǝ-1, какъ г. sa-lǝlǝ-aw-1, такимъ образомъ можетъ означать «мѣсто моленія», отсюда — *моленная*, *алтарь* и т. п.

Изъ остальныхъ отдѣльныхъ словъ занимающаго насъ мѣста — ш, шtini, шida и игі — въ данномъ контекстѣ имѣемъ основаніе остановиться лишь на игі, какъ на дополненіи къ сказуемому главнаго предложенія: въ двухъ надписяхъ, Сардарабадской и Каракалинской, сказуемому служить agubi || aguni *провелъ я* || онъ, въ одной, именно въ Макинской — шidштubi *возобновилъ я*¹. Глаголь «вести» обыкновенно сочетается съ «водопроводомъ» или съ «водой» въ качествѣ дополненія, и, понятно, a-guni получаетъ соответственный оттѣнокъ значенія: «онъ *провелъ* (водопроводъ)», и онъ *отвелъ* (воду). Въ Сардарабадской надписи значеніе «вода» какъ будто и обязательно, ибо тамъ, какъ предполагалъ и Никольскій, рѣчь о сооруженіи водопровода. Вся фраза, начиная съ игі, въ этой надписи могла бы гласить: «воду отъ рѣки Муны въ тростниковыя поля (шаце-) я отвелъ». Въ Каракалинской надписи контекстъ не столь реаленъ, чтобы настаивать на томъ или

у Saусе'а, къ тому же, приняло видъ < >, или gal (быть можетъ, въ халдскомъ текстѣ и hal?). Это не измѣнитъ существа предлагаемаго толкованія въ отношеніи содержанія. Кроме того, съ этимъ двоякимъ звуковымъ чтеніемъ одного и того же клинописнаго знака находится въ странномъ совпаденіи тождественное значеніе въ яфетическихъ языкахъ двухъ звуковыхъ комплексовъ *sal > *ǝal и *hal > *ǝal, прототиповъ съ одинаковымъ значеніемъ «женщина», «жена» двухъ сошедшихъ въ грузинскомъ словъ: 1) ǝol *жена*, представляющаго природный грузинскій корень (ǝl) съ перегласовкой «а» въ «о» подъ вліяніемъ эквивалентовъ шипящей группы—ǝ, м. ǝl (> м. ǝl) || м. ǝl (< *ǝol || ǝol) *жена* и 2) ǝal *женщина*, усвоеннаго изъ спирантнаго языка корня *ǝl (> ǝl) > ǝw и получившаго природную грузинскую огласовку «а» вм. гласнаго «е» (въ сванскомъ съ префиксомъ уе- || ǝe-: уе-ǝw || ǝe-ǝw *жена*). И когда столь созвучны съ двумя грузинскими словами, съ прототипами же ихъ почти тождественны звуковыя значенія sal и gal (hal?) одного и того же клинописнаго знака, а въ то же время тотъ же знакъ является идеограммой для понятія «женщина» и «жена», то съ утвержденіемъ какого либо положенія пока можно не торопиться, но позволительно ставить вопросъ, случайно ли это странное совпаденіе и звукового, и идеографическаго значенія клинописныхъ начертаній со звуковымъ и семасическимъ значеніемъ двухъ разъясненныхъ грузинскихъ словъ?

¹ Въ надписи Бдящихъ силъ игі служитъ дополненіемъ повтореннаго въ обстоятельственномъ предложеніи и стоящаго передъ нимъ дѣепричастнаго образованія шаце, если вѣрна наша конъектура въ самомъ установленіи чтенія, а этотъ глаголь имѣеть слишкомъ общее значеніе, чтобы воспользоваться имъ для вскрытія значенія его дополненія.

иномъ значеніи игі въ соотвѣтственной части, при глаголѣ же агин *повелъ*, *провелъ*, *отвелъ* дополненіе игі можетъ означать *воду*, но можетъ означать и что либо иное, напр., *дорогу*, *аллею* и т. п. Что же касается Макинской надписи, то трудно при его сказуемомъ *шиді-штубі я возобновилъ* дополненіемъ признать игі со значеніемъ *воды*, но еще труднѣе примирить такое значеніе съ послѣдующей фразой — «довелъ до конца — до себя, гесп. своего города Русы», или «малаго города Русы», — трудно по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не знаемъ города съ такимъ названіемъ внѣ Вана и пока не можемъ утверждать, что по близости нахождения надписи на лицо были условія и былъ смыслъ проводить воду отъ мѣста, гдѣ находилась надпись, до этого города Русы¹. Въ то же время игі можно понимать въ значеніи *дороги*. Оба глагола и *шиді-штубі возобновилъ я* и *терубі довелъ я до конца* весьма умѣстны при словѣ «дорога» въ качествѣ дополненія, а равно естественно сочетать такое дополненіе и съ глаголомъ *ги*, напр. *игі агубі* «я провелъ *дорогу*», естественно, наконецъ, проводить *дорогу* и «отъ рѣки», вѣроятно, отъ моста на рѣкѣ, да и отъ храма или къ храму.

Все изложенное вызываетъ колебаніе въ выборѣ двухъ напрашивающихся на основѣ яфетическаго языкознанія толкованій игі, если это существительное: 1) *иг-1* (< **hug-1*) *вода* > *милость*, отсюда съ префиксомъ — *e-иг-1* (< *he-иг-1*) *милость*, разновидность яфетическаго корня по спирантной вѣтви², 2) *иг-1* (< **hu-г-1*) *дорога*, слово, образованное отъ корня *г* *ходитъ*, въ побуд. залогѣ — *заставляютъ ходитъ* > *вести*, (ср. г. г-е-в-а *ходитъ* отъ того же, но въ грузинскомъ заимствованнаго или усвоеннаго корня *г*, наличнаго рядомъ съ *svl* || **hvl* > *vl* > *l*), при помощи префикса *u- < o- || г. sa-*, ср. м. *o-l-ə дорога*, *h u-l-ə/i дорога*³.

Комплексъ *шида*, халдовѣдами-графистами объединяемый съ *игі* въ одно слово, относится ли опъ къ нему какъ опредѣленіе, или его надо счесть восполненіемъ предшествующаго ему мѣстоименія *того*, *тѣмъ* (*штини* въ значеніи нарѣчія *потомъ*), прежде всего приходится сопоставлять съ халдскимъ предлогомъ *шиді над-*, *на-*, *сверх-*, *воз-*, наличнымъ въ глаголѣ *шиді-штубі*; пока я предпочитаю относить его къ *штини*: *штини шида сверхъ того* > «*потомъ*» или «*надъ тѣмъ*» > «*при томъ*» || «*сверхъ того*» (ср. г. *ma-s zeda*).

¹ Впрочемъ надо отмѣтить, что про Бастамъ, съ которымъ отождествляется Бастанъ, предполагаемое мѣсто находки нашей надписи, В. О. Минорскій пишетъ: онъ «является головнымъ участкомъ чрезвычайно богатой долины» (*Древности Маку*, стр. 28).

² Н. Марръ, *Изъ повздокъ въ Сванію* (литома 1911 и 1912 г.), XV, II, стр. 28—29.

³ О разновидностяхъ этого корня въ грузинскомъ фактическія данныя сгруппированы въ печатающейся *Грамматикѣ грузинскаго древнелитературнаго языка*.

Слово *ш* въ значеніи союза «и», какъ то раньше переводилъ Saucе¹, можно бы поддержать яфетическими матеріалами, но, независимо отъ возраженій Никольскаго², есть основаніе сомнѣваться въ этомъ, и я пока лишь условно принимаю обычное его пониманіе Saucе'омъ въ значеніи союза «и». Съ вопросомъ объ *ш* въ тѣсной связи стоитъ и пониманіе *gi || gn*, но едва ли съ послѣднимъ слѣдуетъ сливать *ei*, по всей видимости, частицу, союзъ или мѣстоименный элементъ, и получать *gi ei*, точно параллельную форму къ *gn*. Скорѣе въ *i* можно бы видѣть энклитическое *i* въ значеніи союза «и» при мѣстоим. частицѣ *e*, обыкновенно также энклитической.

Тотъ же *ш*, пожалуй, надо выдѣлить и въ 12-й строкѣ, и не осложнять имъ предшествующаго слова, какъ то дѣлаетъ Saucе, который во всякомъ случаѣ торопится при наличіи уже *и* воспринять другой *и* какъ *о*, читая *me kuoi* (въ подлинникѣ *kuui*) *tin* *vm.* *mekui* (или *meku ui*) *tin*. Вся фраза, представляемая 12-й строкой, *mekui* (фонет. *meqwi*) || *meku ui* (фонет. *mequ ui || wi*) *tin* *manui* ^d ⁱ *ARDI-m* *ka* требуетъ восполненія подлежащимъ къ глаголу *manui* *онъ сдѣлалъ*, и такимъ подлежащимъ является царь Руса, подразумѣвать ли его или относить сюда его имя въ той формѣ, въ какой оно появляется въ слѣдующей строкѣ. Однако въ этой строкѣ, 13-й, имя царя появляется въ формѣ *Rusa-m*, въ нашемъ текстѣ *Rusaa-m*, тогда какъ при аористѣ *manui* требуется подлежащее, стоящее въ Р. падежѣ — *Rusa-me*. Въ то же время текстъ 13-й строки ^d *Rusaa-m* ^d *Argshitiqi* появляется и самостоятельно, безъ видимой синтаксической связи съ предыдущимъ, да и съ послѣдующимъ текстомъ, и требуетъ иного воспріятія, чѣмъ то, при которомъ *онъ* понимался до сихъ поръ. Рѣчь не о *-qi* въ *Argshite-qi*: быть можетъ, здѣсь *qi*, дѣйствительно, сокращеніе *qim* *сынъ*, а не послѣлогъ *qi* *надъ*, *при*, какъ я утверждалъ. Дѣло касается именъ ванскихъ царей, въ нашей надписи — Русы, которыя мы обыкновенно воспринимаемъ съ суффиксомъ *-m*: *Sarduri-m*, *Rusa-m* и т. п., между тѣмъ *ш* бываетъ въ яфетическихъ языкахъ, особо близкихъ къ халдскому — мегрельскомъ и сванскомъ не только падежнымъ суффиксомъ и вообще окончаніемъ, но самостоятельной энклитической частицею, послѣлогомъ *для* (ср. м. *-m* *для*, *изг-за*), относительнымъ мѣстоименіемъ *что > который* (м. *m* *id.*) или существительнымъ глаголомъ *есть* (ср. св. *li* < **m* *есть*). При любомъ изъ двухъ послѣднихъ значеній, даже при значеніи «есть», стереотипный по яфетическому синтаксису текстъ 13-й строки можетъ быть

¹ Въ Макивской надписи въ чтеніи Saucе'а *ш* исчезаетъ, такъ какъ *онъ* два его звука распредѣлилъ между двумя смежными словами (см. стр. 23, прим. 2).

² Нк, стр. 56. Ср. *ue* въ *Надписи Сардура II, сына Аршитія, въ Даш-Бертн* (Зап. Кавк. Музея, сер. В, вып. I), стр. 29.

воспринять какъ относительное предложеніе, и тогда имя царя можетъ оставаться въ своемъ падежѣ — неоформленномъ, независимо отъ строя другого предложенія, котораго по смыслу является оно подлежащимъ, такъ —

mekuṣṣ || meku ṣṣ tmi manuni ^dD ⁱARDI-ni kaṣ

^dP Rusaṣ ni ^dP Argiṣṣteṣi

ⁱR ⁱPT ⁱR ⁱRO-ⁱPL-a-u-e

«для нихъ, для себя (или для нихъ и для себя) сдѣлалъ съ помощью ^dBG ⁱсолнца

^dл Руса, что || есть сынъ ^dл Аргиштея (|| при ^dл Аргиштеѣ),
ⁱцарь ⁱмогучій ⁱцарь ⁱстраш ⁱмног-ихъ».

Комплексъ mekuṣṣ || meku ṣṣ дается пока въ переводѣ, имѣющемъ лишь условное, гадательное значеніе.

VII.

Гласные въ клинописи представлены, при наличномъ чтеніи, весьма односторонне. По принятому чтенію выходитъ, что гласнаго «о» не было вовсе. Это маловѣроятно, когда при ⁱ имѣется обильно представленный ^e. Объ отсутствіи начертаній для полугласныхъ уже сказано.

Установленіе опредѣленныхъ гласныхъ въ халдскомъ письмѣ не сопряжено съ такимъ колебаніемъ, переносящимъ слово изъ одной группы яфетическихъ языковъ въ другую, но колебаніе все-таки замѣчается, и чрезвычайно важно отмѣтить то, что графическому колебанію халдской клинописи въ этомъ отношеніи вторитъ параллельное или точнѣе тождественное колебаніе въ яфетическихъ языкахъ, откуда оно унаслѣдовано и языками Арменіи. Это колебаніе присуще въ яфетическихъ языкахъ звукамъ ^o и ^e, чередующимся, первый съ «^u», второй съ «ⁱ» и имѣющимъ тенденцію перерождаться въ нихъ частью при строго опредѣленныхъ условіяхъ, частью независимо отъ условій. Наша Макинская надпись даетъ намъ поводъ остановиться сейчасъ на колебаніи между ^e и ⁱ.

Характеромъ Р. падежа въ яфетическихъ языкахъ считается ⁱ, но въ сибилантной вѣтви собственно двѣ разновидности этого характера: въ свистящей группѣ — ⁱ, въ шипящей — ^e (въ мегрельскомъ появляется ⁱ подъ грузинскимъ вліяніемъ). Такъ же обыкновенно бываетъ въ халдскомъ языкѣ, но въ Макинской надписи появляется ⁱ въ усѣченномъ Р. падежѣ имени Rusa въ 7-й строкѣ въ сочетаніи Rusaṣṣṣ съ послѣдующей идеограммой «города», что значить «городъ Русы»¹.

¹ Saucē въ транскрипціи идеограмму замѣнилъ халдскимъ словомъ ratagī, какъ означающимъ то же самое понятіе (см. выше, стр. 13).

Болѣе реальный интересъ представляетъ это колебаніе между е и і въ имени царя Аргиштія, встрѣчающемся въ Макинской надписи три раза (3, 8, 13 строка) и всѣ три раза съ огласовкой е вм. і въ слогѣ te: Argišteqiniše (въ 3-й и 8-й строкахъ) и Argišteqi (въ 13-й строкѣ), тогда какъ въ другихъ надписяхъ болѣе обычна орфографія Argištīqiniše, Argištīqi, Argištī ni и т. п.¹

Слово въ Им. падежѣ, слѣдовательно, звучало, если придавать разнообразію написанія реальное звуковое значеніе, двояко: Argište и Argištī, и здѣсь колебаніе не характера Им. падежа, его тутъ нѣтъ даже сращенно, имя стоитъ неформленно въ отношеніи флексіи; это — колебаніе основы te||ti, второй части составного слова, уже разобраннаго мною, но мимоходомъ и бѣгло². Такого же типа составное слово съ te||ti во второй части имѣемъ, по всей вѣроятности, въ ашѣааш-ti (Sc X, S, XII, 2), встрѣчающемся и въ формѣ Р. падежа ашѣааш-tee-ше (Sc X, 2), что должно означать не *food-receiver*, какъ переводилъ Saucе, а «глава трапезы» или «сотрапезникъ», букв. «глава ѣды»³.

Первая часть имени знаменитаго ванскаго царя — Argištī. Она представляетъ усѣченную форму Р. падежа *argiše отъ argi, означающаго *домъ*; по корню и формѣ слово это принадлежитъ спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ⁴, и въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ сванскаго языка argi непочато сохранилось въ значеніи *дома*. И въ этомъ словѣ і не характеръ Им. падежа, а огласовка основы, и, повидному, колебаніе было и въ ней: рядомъ съ argi существовала разновидность arge-⁵, откуда въ Р. падежѣ argеше||argeshi, къ чему и можетъ восходить, а не къ имени Аргиштія, съ перебоемъ g въ d,

¹ Когда та же особенность, именно написаніе имени Аргиштія съ te вм. обычнаго ti всплываетъ въ Атамханской надписи съ береговъ Севанскаго озера (Гѣкчи), М. В. Никольскій отмѣчаетъ лишь фактическую необыкновенность употребленія «здѣсь te вмѣсто ti » (ц. с., стр. 16).

² Изъ *позднокъ въ Сванію*, стр. 29—30, *Ахем. II*, § 66, стр. 65. Можетъ быть, для курьеза не мѣшаетъ отмѣтить этимологию того же имени, намѣчавшуюся Saucе'омъ (JRAS, XIV, стр. 570). Напомнивъ, что Mordtmann находилъ «реминисценціи имени его (Аргиштея или Аргиштія, по Saucе'у: «Argistis») въ названіи области Argastovit въ Мок'ѣ, пятой провинціи Арменіи», англійскій халдовѣдъ-графистъ предлагалъ слѣдующее уже морфологическое разъясненіе: «оно [имя или названіе] происходитъ отъ основы *argi* при помощи локативнаго суффикса *-di* (послѣ сибиланта становится *-ti*) и суффикса *s* [ш] вмѣсто *si* [ше]. Въ немъ точная параллель [формѣ] *Biainaste*. Можетъ быть, однако, оно составное слово изъ корня *ar* 'приносить' и *gies* 'образъ'. Не говоря о томъ, что для точности параллелизма самому имени ванскаго царя слѣдовало бы звучать *Argašte (въ чтеніи Saucе'a *Argaste), а не Argište, неужели и въ немъ можно предполагать «локативный» суффиксъ *-te*?

³ Ср. ниже, стр. 31, г. puris-m-te.

⁴ $\text{argi} || *ahgi || \text{asgi} < *a-rgin || *a-hgin || a-sgin$, такъ что і есть не окончаніе Им. падежа, а — огласовка основы (ср. И. Марръ, *Изъ позднокъ въ Сванію*, ц. м., стр. 29—30).

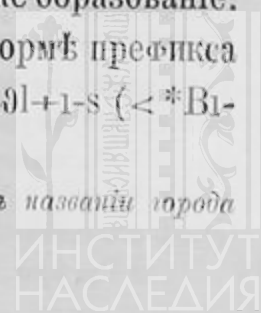
⁵ Ср. арм. г. шеун *постройка, селеніе* (> г. ше- *внутри, въ*) и г. шна-а (< *шум-а) *дома*.

название города *Arđēsh* = арм. *Artēsh* (< *Arte-ush* < *Arte-sh*^{o/1}). Слѣдуетъ говорить пока лишь о возможности такого толкованія, такъ какъ предварительно требуется получить полное убѣжденіе, что слово *Artēsh*, быть можетъ, сродное по основѣ съ *Art-ak* > *Arđ-ak*, названіемъ маленькаго озера съ востока Ванскаго озера и поселенія на немъ, не имѣеть ничего общаго по основѣ же съ *Artkē* < *Artke-y*, названіемъ, совершенно иного происхожденія, города на сѣв. берегу Ванскаго озера (нынѣ Адельджевазъ). Въ пользу того, что въ *Artēsh* имѣемъ форму, образованную отъ основы, восходящей къ *ark*^{o/1} > *arg*^{o/1}, что въ немъ налицо первая половина имени Аргиштія, могли бы мы сослаться на послѣднюю работу Никольскаго¹, гдѣ по сирійскому тексту Баребрея приводится названіе Ванскаго озера въ зависимости, по всей видимости, отъ названія нашего города въ видѣ *Arkistia* [*Arqistiya*] (ц. с., стр. 171 сл.), но и здѣсь пока неясно, какого происхожденія *-ti* въ данной вновь отмѣченной разновидности? То же ли слово, что налицо въ имени Аргиштія, или какой либо суффиксъ, быть можетъ, и не халдскій, а, напр., греческій *-ιτης*²? При толкованіи *Artēsh* въ связи съ св. *argi domš*, названіе указывало бы на то, что здѣсь одно время была резиденція ванскихъ властителей, мѣсто ихъ *дома* или *дворца*. Самая постановка названія въ Р. падежѣ, притомъ съ сохраненіемъ согласнаго элемента, вполне согласуется съ нормой халдскаго языка и имѣеть параллели въ такихъ «картскихъ», правильнѣе — природно свистящихъ по формѣ, отчасти и по основѣ названіяхъ городовъ, какъ г. *᠐᠕1-is-1 Tufliš*, *᠒u᠔a᠔-is-1* > *᠒u-᠔a-is-1 Kutaish* (сюда же — *᠒u᠒ar-is-1*, названіе крѣпости противъ монастыря Тбетскаго), и въ такихъ названіяхъ шипящей группы, въ частности мегрельскаго происхожденія, какъ *᠒i᠒a-᠒᠒-1 Džiganiš*, сел. въ Кутаисской губ., *᠐a-᠒᠒-1* и *᠐a-᠒᠒-1 Čaiš* (*Čaiš*), село и монастырь, *᠒un-e᠒-1 Čuneš*, сел., и по-мегрельски *᠒u᠔eš-1* (< *᠒u-᠔a-᠒᠒-1*) *Kutaish* и т. п. (не надо смѣшивать съ *-is*, формой множественности, и въ др.-л. грузинскомъ, напр., *Egr-is-1 Megrēliā*, и въ др.-л. армянскомъ, напр. — *Mas-is Araratš*, см. *ЯЭ*, X, стр. 329).

Въ Арменіи археологически важный холмъ близъ Эчмиадзина Шәгеш, собственно Шәге-уш > Шәг + е-ш^{o/1}, сохранилъ прямо такое же по формѣ халдское названіе города, въ немъ погребеннаго. Армянское названіе Битлиса — Вагеш, въ древне-литературномъ произношеніи *Valēush* (< *Val-l + e-ush* < **Val-l + e-sh*^{o/1} || **Val-dn + e-še* < **Val-tan + e-še*) представляетъ то же образованіе. Сами основы обонхъ названій этого города, различныхъ по формѣ префикса (*ba- || b1-*) — *Val-l + e-ush* (< *Val-dn + e-še* < **Val-tan + e-še*) || *B1-᠔1 + 1-s* (< **B1-*

¹ Объ одномъ изъ древнихъ названій Ванскаго озера и о современномъ названіи города *Арджиш* (Сборникъ статей въ честь гр. П. С. Уваровой, Москва 1916).

² Ср. *Tospites* = *᠒᠔π᠒᠒᠒* (см. ниже, стр. 43), *Λουχῆτις*.

tan+1-si || *Vi-tan+e-ше), собственно двѣ разновидности одной основы, представляють значительный въ иномъ отношеніи интересъ¹.

Въ Грузіи имѣемъ еще болѣе интересную параллель названія города Argēsh = арм. Artēsh < h. Arteush не только въ формальномъ отношеніи, но и семасическомъ, значить — по существу. Въ упомянутой уже работѣ моей было выяснено, что одинъ изъ интереснѣйшихъ археологически пунктовъ Грузіи Urbnis-1 представляетъ Р. падежъ слова со значеніемъ «домъ», «дворецъ», слова языка 2-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей или «ново-эламскаго»: это — ur-ban-1 < hu-man-1². Слѣдовательно, не только формально, но и по содержанию Urbn-is-1 реально означаетъ то же, что Artēsh (< Arge-ш^гe¹ || Argi-ше), при предлагаемомъ толкованіи разновидность первой части составного слова, какимъ является имя царя Argish-te или Argish-ti.

Вторая часть ti мною была уже освѣщена въ значеніи *головы, главы* на основаніи матеріаловъ чанскаго, мегрельскаго и ново-эламскаго все въ той же работѣ³. Но тамъ освѣщеніе давалось въ интересахъ разъясненія ново-эламскаго возвратнаго мѣстоименія ti, для выраженія котораго въ яфетическихъ языкахъ служить имя существительное, означающее или «голова», какъ въ данномъ случаѣ, или «душа» и т. п. Здѣсь же -ti съ параллельной разновидностью -te должно означать *голову, главу, старшаго, правителя*. Достаточно писано о томъ, что «глава дома» вообще въ яфетическихъ языкахъ, да и въ яфетизованныхъ или яфетидондныхъ языкахъ Арменіи является ядромъ въ развитіи понятій социальнаго строя, съ нимъ связаны термины — г. tamsaq1-is-1, h. tanutēr (< tanuteur) и также г. eris-ḡav-1 и др.⁴, при чемъ въ послѣднемъ ḡav-1 есть грузинскій эквивалентъ халдекаго te || ti. Я сейчасъ обращу вниманіе лишь на то, что поддержку въ нашихъ яфетическихъ матеріалахъ находятъ не только огласовка «е», но и произношеніе согласнаго не какъ средняго ḡ, а какъ глухого t: te сохранилось въ грузинскомъ древне-литературномъ въ значеніи *главы* въ составномъ словѣ puris-m-te (*puris-te) «глава хлѣба», что собственно значить «глава трапезы (пира)», и въ такомъ значеніи оно встрѣчается въ Евангеліи отъ Іоанна 2,8, какъ точная по реальности передача не греческаго ἀρχιτροκλίνος (τῷ ἀρχιτροκλίνῳ) и не армянскаго въ паличнѣйшей вульгарной версіи taṭarapet (տաճարապետի), а сир. ܩܘܠܘܬܐ ܕܝܐܘܠܐ (ܩܘܠܘܬܐ ܕܝܐܘܠܐ) «глава пира». Это архаическое чтеніе первоначальной вер-

¹ См. ниже, стр. 39—40.

² Ц. с., § 34 (стр. 37—38), § 36.

³ § 66 (стр. 65). Слово ḡi въ значеніи *головы* находимъ у чановъ въ составѣ слова ḡi-m-ḡi *важный, знатный*, букв.: «съ толстой головой», см. Н. Марръ, ГЧ, s. v. ḡi.

⁴ И. Джаваховъ, *Государственный строй древней Грузіи и древней Арменіи*, т. I (ГР, кн. VIII), стр. 12—16 сл., 100—110 сл.

сїи грузинскаго перевода¹, во всякомъ случаѣ вторая его часть—m-te, resp. te есть наслѣдіе еще со^гн¹-ме^гс^гхскаго языка или нарѣчія, на которое, какъ все болѣе и болѣе намѣчается, переведено было впервые въ Грузіи св. Писаніе, затѣмъ въ грузинской средѣ постепенно подгонявшееся подъ грузинскую, собственно «картвель»скую рѣчь такъ же, какъ у армянъ первоначальный переводъ св. Писанія, возникшій у нихъ на хайскомъ языкѣ, постепенно подвергался стилистической и лексической переработкѣ въ новой этнической средѣ подъ вліяніемъ армянскаго языка.

Слово te голова, глава и по огласовкѣ, и по качеству согласнаго при ѓ свистящей группы и д шипящей группы есть собственность спирантной вѣтви языковъ². Это te въ значеніи *головы, главы,ладыки* могло бы долго насъ занять; одинъ случай изъ халдскаго разъясняется ниже³.

Его же мы имѣемъ, по всей видимости, въ глаголѣ terubi въ 1-мъ лицѣ, teruni въ 3-мъ лицѣ: халдовѣды-графисты этотъ глаголъ переводятъ словами «воздвигъ» («I set up»), «построилъ», «высѣкъ», «посадила» и т. д. Въ такомъ толкованіи глаголъ оказывается съ универсальнымъ значеніемъ, и иногда къ контексту явно неподходящимъ, напр., онъ появляется послѣ глагола «возобновилъ» и переводятъ «возобновилъ, построилъ» или «возобновилъ, воздвигъ», какъ переводить то же сочетаніе въ нашей надписи Sause: «I restored (them), I erected».

На самомъ дѣлѣ основа teru- мнѣ представляется составной съ корнемъ г- *идти, заставить идти > вести*; рядомъ съ а-гуні «онъ повелъ туда», аш-гуні «привелъ сюда» мы можемъ имѣть te гуні «онъ повелъ къ *головѣ*», т. е. «завершилъ», «окончилъ», «исполнилъ». Такая семасика встрѣчается въ яфетическихъ языкахъ, она обычна въ языкахъ Арменіи: i gəluq atel или hanel «вести» или «повести къ *головѣ*» въ смыслѣ «довести до *конца*», «завершить», «исполнить»⁴.

Наконецъ, въ халдскомъ то же слово te или ti голова въ формѣ Р. падежа спирантной группы tini употребляется въ значеніи притяжательнаго возвратнаго мѣстоименія *свой* (для всякаго лица), какъ, напр., въ г. Əvisi.

¹ Позднѣe raris-ufal-1, такъ въ М (текстъ Московскаго изданія грузинской версіи св. Писанія), т. е. мѣсто m-te заступаетъ болѣе обычное въ грузинскомъ древне-литературномъ слово съ тѣмъ же значеніемъ «господинъ» — ufal-1. Ср. также народное raris-ufal-1 *пекущійся о чьемъ либо покойникѣ родственникѣ*, букв. «господинъ чьего либо несчастія».

² M-te находимъ и въ составѣ dudufy's-mte (Дьян. 13,1) *молочный братъ*, букв. «хозяинъ груди [кого либо кормящихъ или вскормившихъ]», «раздѣляющій съ кѣмъ либо *право на груди*», т. е. «вскормленный однѣми грудями съ кѣмъ либо (σύντροφος)», «восситанникъ одной и той же кормилицы (h. dayek-ordi)» и т. п. Терминъ dudus-mte (въ др.-г. формѣ — uduys-mtey), судя по всему, самъ по себѣ мѣстнаго народнаго происхожденія.

³ См. стр. 45.

⁴ Ср. г. ga-đav-eb-a *кончатъ*, букв. «доводить до *главы* (> *конца*)» отъ ðav-1 *голова* эквивалента хлд. te.

Въ древне-грузинскомъ существуетъ форма отъ того же слова съ тѣмъ же окончаніемъ ($\text{ႃws-1} < \text{ႃu-is-1}$) и съ $\text{m} < \text{in}$, но при послѣлогѣ yer (граф. ier) > -er въ качествѣ заимствованія: ႃu-in-ier [вм. ႃu-in-yer] > ႃwn-ier [вм. ႃwn-yer] *отъ себя* въ значенія *особо, кромѣ*. Халдское слово tin , эквивалентъ г. ႃv-is-1 и др.-л. ႃwn-1 ($< \text{ႃu-in-1}$), въ значеніи возвратнаго «свой» имѣемъ въ 5-й строкѣ Макинской надписи:

« $\text{tin} \text{ } ^1\text{P Rusa-a-1 } ^1\text{U pa} \dots \parallel \text{ } ^d\text{U rata} \parallel \text{ } ^1\text{U tur}$ «свой (|| у себя, къ себѣ) || Русы || грд гокрордъ» || $^d\text{грд } ^1\text{городъ} \parallel \text{ } ^1\text{городъ } ^1\text{малый}$ (если признать tur яфетическимъ словомъ), это говоритъ Руса про возобновленное имъ мѣсто¹.

VIII.

Въ морфологическомъ отношеніи Макинская надпись даетъ основаніе коснуться случаевъ спорадическаго образованія мн. числа двухъ типовъ, притомъ всегда въ однихъ и тѣхъ же словахъ.

1) Мн. ч. на -te . Суффиксъ -te въ этомъ именно видѣ сохранился въ древне-литературномъ языкѣ армянъ, въ основѣ хайскомъ, и такъ же спорадически. Только нѣсколько словъ имѣютъ въ древне-литературномъ армянскомъ это окончаніе, разумѣется, со свойственной языку наличныхъ текстовъ въ паузѣ замѣной гласнаго «е» гласнымъ «и» — $\text{-te} > \text{-ti}$. Въ халдской надписи имъ снабжается обыкновенно слово, означающее «письмо»: dip . Какого бы происхожденія это слово ни было, въ немъ имѣемъ прототипъ основы, отъ которой произведено древне-литературное арм. dᅙr-ir *писецъ, чтецъ*, откуда dᅙr-uᅙwn *книга*, dᅙr-ou *училище, школа* и т. п. Слово считается иранскимъ и въ армянскомъ заимствованнымъ изъ персидскаго, но самый древній иранскій памятникъ, въ которомъ встрѣчается это слово въ видѣ dipi- въ значеніи «письма», «надписи», именно Ахеменидская клинопись, на сотни лѣтъ моложе употребленія его въ халдскихъ надписяхъ Арменіи, да притомъ dip по нормамъ сравнительной грамматики яфетическихъ языковъ — болѣе древняя форма, чѣмъ то же слово съ огласовкой². Наличіе

¹ Saucе tin переводитъ словомъ «называемый» (called), какъ принято толковать его у халдовѣдовъ-графистовъ. Согласный t , какъ и d ($> \text{ႃ}$), дѣйствительно можетъ быть въ роли усѣченнаго представителя яфетическаго корня, означающаго *сказать, назвать*, какъ это разъяснено выше (стр. 14, 15), производная форма на -in въ значеніи прич. страд. залога не требуетъ особаго подтвержденія; пассивная причастная форма на $\text{-in} > \text{-il}$ на лицо въ составѣ грузинскихъ отглагольныхъ именъ съ префиксомъ si- , напр. si-kud-il-1 (* si-kud-in-1) *смерть*, si-ᅙb-il-1 (< * si-ᅙb-in-1) *бытіе*. Но въ данномъ случаѣ, мнѣ представляется, въ tin имѣемъ не причастіе и не иную какую либо форму глагола, а мѣстоименіе.

² Этимологія слова на аrioевропейской почвѣ, обоснованная на сопоставленіи съ санскр. « pī », не нуждается въ особомъ опроверженіи. Происхожденіе иное выявляется съ помощью матеріаловъ яфетическаго языкознанія, о чемъ особо. Сейчасъ лишь одно замѣчаніе: чтеніе съ огласовкой «а» въ словѣ dariver на сасанидскихъ геммахъ едва-ли основательно, когда

этого слова въ ассиро-вавилонскихъ текстахъ въ видѣ *durri*, еще болѣе— его появленіе въ видѣ *tir-ri* въ эламскомъ¹ лишь подтверждаетъ его неарійское происхожденіе.

Обыкновенно, это слово представлено идеограммой $\asymp \text{|||}$ или $\asymp \text{||}$ || $\asymp \text{||}$ ($=^i \text{I}$), какъ въ данномъ случаѣ (стк 9), но и тогда слово снабжается суффиксомъ мн. числа 𐎠𐎵 -te, и въ этой формѣ, начертательно—ⁱ I -te, фонетически— *dur- te*, слово значить *письмена, надпись, таблица*.

2) Мн. число на -и. Этотъ суффиксъ въ предложенномъ именно видѣ сохранился въ сванскомъ, если это не усѣченный видъ суффикса -ur || -ог, и здѣсь онъ также встрѣчается спорадически. Поскольку -и находится въ связи съ полугласнымъ w, а послѣдній— съ согласнымъ v и различными его губными разновидностями ($m || p > b > \varphi$), этотъ показатель множественности распространенъ по большинству яфетическихъ языковъ, особенно же характеренъ въ кругу древнеписьменныхъ для эламскаго языка². Въ нашей надписи такое образованіе мн. числа проявляется два, быть можетъ, и три раза. Два случая безспорны и повторяются во многихъ другихъ надписяхъ, особенно часто— такое мн. число отъ названія страны *Виапа*, причемъ мн. число снабжено еще гласнымъ характеромъ Р. падежа -е, такъ что слово въ полной формѣ, наличное въ 15-й строкѣ, звучитъ *Виапауе* (граф. *Виапауе*), что должно означать *Віайнъ* въ смыслѣ «*всея Віайны*», «*всѣхъ ея областей*», совершенно такъ же, какъ въ древне-литературномъ армянскомъ *Hayastan Армения* ставится въ тѣхъ же цѣляхъ въ Р. падежѣ мн. числа— *Hayastaneayǔ*, напр., во фразѣ *Հայաստանեայց սբ առաքելական եկեղեցին* «*св. апостольская церковь Армений*».

Въ той же строкѣ ту же форму Р. падежа мн. числа -и-е проявляетъ слово «*царь*», которое, однако, представлено идеограммой³.

Еще болѣе оригинально появленіе все того же падежа мн. числа -и-е въ 14-й строкѣ, гдѣ въ этой формѣ поставлено понятіе «*страна*», выраженное опять таки идеограммой, притомъ идеограммой же вслѣдъ за этимъ понятіемъ указано, что оно стоитъ во мн. числѣ или должно быть воспринято какъ «*много*», и послѣ этого фонетически, окончаніемъ, выражено это именно

возможно читать *diriver*, что допускаетъ и Ногн, разбирающій терминъ въ отдѣлѣ «*должностныхъ лицъ и маговъ*» своей работы *Sasanidische Gemmen aus dem British Museum* (ZDMG, 44, 1890), стр. 670; если же признать такое чтеніе безспорнымъ, то для разновидности съ «а» (*dar-*) придется искать иную діалектическую среду той же яфетической семьи языковъ.

¹ Jensen, WZKM, VI, стр. 218—219, и *Hittiter und Armenier*, стр. 187, 218. Jensen приводитъ еще въ связь съ той же арм. основой *Tiwg* (стр. 186), но сродныхъ словъ, болѣе безспорно стоящихъ съ нимъ въ связи, въ армянскомъ не мало, и весь матеріалъ требуетъ пересмотра въ связи съ различными армянскими терминами, означающими *читать* или *писать*.

² *Ахем. II*, § 17, стр. 18 сл.

³ См. о томъ же Н. Марръ, *Мат. ком. Орбели*, стр. 14.

мн. число, притомъ въ Р. падежѣ, и сомнѣніе лишь въ томъ, что вм. -ие, какъ въ другихъ случаяхъ, здѣсь читается -аие, изъ чего къ окончанію относимъ мы опять таки -ие, предшествующій же звукъ -а, по всей вѣроятности, есть гласный исходъ основы, поставленной въ занимающей насъ формѣ, т. е. или это окончаніе относится къ прил. «много» (хлд. *biḡa*), представленному идеографически, или въ значеніи «страны» здѣсь подразумѣвается не обычное *eban*, а какое-то другое слово, оканчивавшееся на -а¹. Потому, напр., при географическомъ названіи *Biama*, оканчивающемся на -а, появленіе такой группы -аие послѣ основы было бы вполне понятно, и мы дѣйствительно имѣемъ такой случай, напр., въ надписи Бдящихъ силъ (стк 28), даже вслѣдъ за фонетическимъ написаніемъ основы: *Biap-a | a-ue* вм. *Biap-a-ue*.

Обѣ разобранныя строки, 14-я и 15-я Макниской надписи въ русскомъ переводѣ, слѣдовательно, гласятъ:

«Царь могучій, царь странъ многихъ,
«царь страны Біайнъ, царь царей»

или, если въ русскомъ переводѣ указывать использованіе идеограммъ и детерминативовъ въ клинописномъ подлинникѣ:

«¹царь ¹могучій ¹царь ¹странъ ¹мног-ныхъ
«¹царь ^dстр Біайнъ, ¹царь ¹цар-ей».

Глаголъ *ale* *говоритъ* два раза появляется безъ конечнаго -е—въ началѣ 4-й строки и въ концѣ 8-й. Это порой наблюдается и въ другихъ надписяхъ, напр., въ Гулиджинской (Нк, стр. 84, VII, 1): оно съ новой стороны можетъ подтверждать высказанную мною мысль, что конечный гласный въ этомъ глаголѣ есть не-органическая часть, а мѣстоименная частица, показательница объекта или, быть можетъ, субъекта, или совсѣмъ самостоятельная часть, напр., союзъ «что»².

Принятое чтеніе *ale* непрочно, поскольку слоговой (l1) клинописный знакъ халдами могъ быть использованъ какъ однозвучный l, и въ такомъ случаѣ фонетически реальной формой являлось бы *ale* (граф. *ale*) || *al*.

Если же чтеніе *ale* вѣрно, то предпочтительное признаніе въ -е мѣстоименнаго суффикса (не предрѣшаю — объективнаго или субъективнаго),

¹ Sayce успѣшилъ вставить «*suraoe*» (читай *ṣura-ue*) и перевести его черезъ «of the world», между тѣмъ *ṣura* названіе определенной страны, повидимому, Сиріи и, если даже толковать его какъ нарицательное, установить за нимъ значеніе *міра* трудно; къ тому же, въ нашемъ текстѣ (стк 14), судя по идеограммѣ, рѣчь о странахъ, а не о мірѣ.

² Н. Марръ, *Халдская клинообразная надпись изъ села Леска Ванскаго округа* (ИРАН, 1910), стр. 1784—1785, 1736—1737.

подсказывается тѣмъ, что тотъ же гласный наростъ появляется въ формулѣ проклятiя въ глаголахъ, не требующихъ послѣ себя союза «что», напр., въ 9 и 10 строкахъ нашей надписи तुli-е и рiтuli-е, неизмѣнно повторяющiеся во всѣхъ версiяхъ формулы проклятiя, при чемъ халдовѣды-графисты понимаютъ туliе какъ «удалить»¹, рiтuliе какъ «изгладить» или «устранить имя»². Увлечшись созвучiемъ наличнаго слога рi- со словомъ рi, толкуемымъ какъ *имя*, въ остальной части халдовѣды-графисты признали повторенiе перваго глагола туliе. Что здѣсь глаголъ относится къ будущему времени, не подлежитъ сомнѣнiю, но это будущее лишь возможное, зависящее отъ желанiя дѣйствующихъ, слѣдовательно, условное, и въ яфетическихъ языкахъ оно можетъ быть выражено желательнымъ наклоненiемъ; такое время образуется съ помощью согласнаго d въ сибилантной вѣтви, т. е. въ грузинскомъ, мегрельскомъ и чанскомъ языкахъ, а въ спирантной, отсюда и въ спирантно-сибилантномъ сванскомъ языкѣ — съ помощью l, какъ въ халдскомъ. Въ халдскомъ однако окончанiе полностью звучитъ -li, какъ въ грузинскомъ -di || -de при также встрѣчающемся (въ древне-литературномъ) безъ огласовки -d, а въ сванскомъ обыкновенно безъ гласнаго -l, но въ народныхъ пѣсняхъ съ гласнымъ e: -le. Слѣдовательно, при тождествѣ согласнаго элемента халдскiй звукъ l соотвѣтствуетъ сванскому e въ этой формѣ такъ же, какъ въ настоящемъ времени глагола «говоритъ», когда мы видимъ, что въ халдскомъ налицо al- (<zal-l) при св. kæl-e.

Во всякомъ случаѣ конецъ формы въ халдскомъ — -l, появляющiйся за нимъ e — наростъ, мѣстоименная частица, если въ предшествующемъ въ обоихъ случаяхъ графическомъ li не признавать, какъ было указано, выразителя опять таки одного лишь согласнаго l, въ какомъ случаѣ у халдскихъ эквивалентовъ ale и -le (въ туliе, рiтuliе) со сванскимъ kæle и -le (въ прош. нес. = жел.) тожество окажется и въ отношенiи огласовки.

Третiй глаголъ въ той же формулѣ нашей надписи irqulie (фонет. ir-qlie?) отъ основы rqu-, эквивалента bqu-, основы сванскаго глагола li-bqu-g-e *разбивать на куски, крошить*; слѣдовательно, въ сванскомъ глаголѣ по отвлеченiи префикса li- и суффикса -ge имѣемъ ту эквивалентную основу bqu-, которая въ видѣ fqu- налична въ цѣломъ рядѣ яфетическихъ языковъ, какъ, напр., въ грузинскомъ fqu-n-a *крошить*, fqu-v-a *молотъ*, да и въ яфетическо-аріоевроп. арм. фиq или фиq-g *ломкiй, крошащiйся*, фэq+g-el *крошитъ* и т. д.

Два первые глагола въ формулѣ проклятiя tu- и рiтu- могли бы означать, первый — «плѣнить», второй «осквернить» или «испортить». Первое

¹ Sayce: «removes».

² Sayce: «removes the name».

слово разъяснено выше¹, основа второго *pit* опять съ простымъ *t* вм. сложнаго сибилантнаго аффриката $t || t$ явилась бы эквивалентомъ *g.*, равно *h. bit* ($< bixt > bilt || pit$) *пятно, скверна; изъязъ, порча*. Однако *pit-*, если особенно его читать $\phi i \theta$, можетъ получить и иное значеніе — «рвать на куски» въ связи съ *g. feda* *рвать, драть*, аор. $\phi i \theta a$, или «стесать», «соскоблить» въ связи съ *g. народнымъ feda* *отскатъ* (въ присловіи одной сказки: $\text{𐌕𐌰𐌹𐌸𐌹𐌺𐌰}, \text{𐌕𐌰𐌹𐌸𐌹𐌺𐌰}, \text{𐌖𐌰𐌹𐌸𐌹𐌺𐌰} \text{ } \text{ } \dots \text{ } \text{𐌕𐌰𐌹𐌸𐌹𐌺𐌰}$, ср. также *g. na- ϕ ot-1* *щепка*). И оба послѣднихъ значенія не менѣе подходящи для контекста халдской надписи.

IX.

Въ заключеніе я останавлиюсь на названіи страны, составлявшей ядро владѣній ванскихъ царей, *Виапа* или *Виапа*. Нами уже выяснено, что этотъ терминъ часто стоитъ во мн. числѣ для обозначенія совокупности всѣхъ областей *Біайны* или всѣхъ странъ, ядромъ которыхъ являлась *Біайна*². Выяснено также, что начальный слогъ *bi-* можетъ быть префиксомъ имени мѣста³. При префиксѣ *bi-* въ этомъ имени мѣста *Виапа* имѣемъ суффиксъ *-a*, какъ въ словообразованіи шипящей группы сибилантной вѣтви яфетическихъ языковъ, гдѣ въ наличныхъ ея представителяхъ, въ *чанскомъ* и *мегрельскомъ*, другой префиксъ вм. *bi-* $< bu-$, именно гласный *a- > o-* сопрягается съ суффиксомъ *-a*, напр., *Aṭar-a* *Аджара*, *O-krib-a* *Окриба*, сел., **o-riḏ-a* *прибрежье* ($< *O-rij-a || O-riḏ-a$ *Опиза*, извѣстный въ древности грузинскій монастырь)⁴.

Основа же съ утратой спиранта—*an*, съ восстановленіемъ спиранта—одинъ изъ видовъ $han || yan$ ⁵. Это діалектическое расхожденіе, именно чередованіе *h* со звонкимъ *y* въ началѣ словъ, характеризуетъ въ *Сваніи* два нарѣчія—*нижне-ингурское* и *верхне-ингурское*, а въ *Арменіи*—отношеніе двухъ ея языковъ, *хайскаго* и *армянскаго*: вм. *хайскаго* «*y*», когда онъ въ началѣ, въ *армянскомъ* всегда *h*, въ началѣ словъ сохраняющійся, въ концѣ исчезающій, если онъ не успѣлъ еще въ видѣ «*y*» слиться съ $t = e$, первич-

¹ См. стр. 15—16.

² Н. Марръ, *Мат. ком. Орбели*, см. выше, стр. 34.

³ Не осложняю сейчасъ изложенія тѣмъ, что по закону $p > b || m$ префиксъ этотъ звучитъ и *pi-*, равно *mi*, не говоря объ его разновидностяхъ по перерожденію $u > i$: $pu- > bu- || mu-$, см. выше, стр. 15.

⁴ Префиксомъ въ именахъ мѣсть этого порядка можетъ быть и *hi-* ($> i-$) $|| si-$, какъ то разъяснено у меня между прочимъ въ работѣ о надписи Сардура II изъ *Даш-керни*.

⁵ Полностью по спирантной вѣтви — $han > yan || san > yan$, по сибилантной — $san > zan || san > jan$ и т. п. при первичной общейфетической огласовкѣ, а при перегласовкѣ соответственно природѣ каждой изъ вѣтвей по спирантной вѣтви — *hen*, по шипящей группѣ сибилантной вѣтви — *hon*.

нымъ или вторичнымъ ($t=e$ изъ $w=a$), въ $t_2=eu$. На послѣдующихъ ступеняхъ развитія спиранты обыкновенно терялись, и намъ трудно было бы рѣшить, какая хотя бы изъ этихъ двухъ возможныхъ разновидностей основы, han или uan , должна быть усвоена термину, наличному въ халдскихъ надписяхъ, если бы не одно фонетическое явленіе. Группа ua обыкновенно перерождается въ au , и если это явленіе было еще въ эпоху халдскихъ надписей, основа наша рядомъ съ видомъ an , въ которомъ утраченъ спирантъ, могла бы и должна бы проявить и видъ съ перемѣщеніемъ — aun (вм. uan), т. е. полностью терминъ нашъ могъ бы и долженъ бы гласить не только $Vi-an-a$ ¹, но и $Vi-aun-a$ (вм. $*Vi-uan-a$ || $*Vi-han-a$), и это въ дѣйствительности и есть въ клинописныхъ надписяхъ съ той особенностью, что начертанія для сонорнаго средне-язычнаго или полугласнаго «у» въ халдскомъ письмѣ нѣтъ и, какъ было выяснено, вмѣсто него стоитъ гласный i : $Viāna$ (чит.: $Vi-aun-a$)².

Разъ у насъ ясно возстанавливаются прототипы спирантныхъ разновидностей основы — $han > uan$, то не представляетъ затрудненія указать сибилантный эквивалентъ въ свистящей группѣ — san и въ шипящей — $shan$ (съ діалектической перегласовкой: $шон$). Слѣдовательно, сибилантная разновидность названія $Vi-ana$ должна бы звучать, смотря по группѣ, или $Vi-san$ или $Vi-shan (> Vi-шон)$. И та, и другая сибилантная разновидность, какъ и спирантная $Vi-an$ лежатъ въ основѣ географическихъ и этническихъ терминовъ ванскаго района какъ архаичныхъ, такъ и современныхъ³.

$*Viāna > Viāna$ съ суффиксомъ $-un$ еще у древнихъ армянъ далъ этническое названіе $Vāzn-un$, и подъ этимъ названіемъ былъ извѣстенъ и княжескій родъ этого края, и самое Ванское озеро ($Vāznunēaṣ tōw$)⁴.

¹ Такъ, напр., въ Даш-керпинской надписи (стр. 8).

² Такимъ образомъ отпадаетъ необходимость усматривать эпентезисъ въ $i (> u)$ передъ конечнымъ слогомъ термина $Viāna$ (чит. $Viāna$).

³ Ясное дѣло, что при такомъ морфологическомъ толкованіи $Vi-ana$ ($Vi-ana$), этого халдскаго названія страны, т. е. при фонетической необходимости чтенія начального слова vi , возникаетъ затрудненіе отождествить съ нимъ арм. Van (ц. $ան$): послѣднее, какъ названіе моря, получаетъ иное объясненіе (см. ниже, стр. 43, прим.).

⁴ О древности этническаго термина $Vāzn-un < Vi-zan$ || $Vi-zan$ намъ еще придется говорить на основаніи свидѣтельства новооткрытой въ Ванѣ халдской надписи. Армяне Ванское озеро знаютъ прежде всего, повидимому, какъ Бызунійское море: такъ называетъ его историкъ Фаустъ Византійскій (впослѣдствіи и другіе), когда армянское уже княжество Бызуніевъ, владѣвшее западнымъ и сѣверо-западнымъ побережьемъ озера, давало и области въ этихъ предѣлахъ то же названіе — $Vāzn-un-i-q$. Была попытка произвести названіе отъ имени Баз'а, которое по Хоренскому носилъ сынъ Манаваза, сына родоначальника Хайка, точнѣе — $hAika$. Г. А. Халат'янцъ хотѣлъ видѣть опору такого толкованія въ названіи основаннаго Тиклатъ-Пилесеромъ I города «Асуръ-База», «въ одной изъ урартійскихъ областей, именно въ Уллубѣ» (*О некоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи съ связи съ данными ванскихъ надписей*. Древности Восточныя. Труды Восточной Комиссіи Моск. Археол.

Но для мѣстной исторической этнологіи болѣе чреватый послѣдствіями интересъ представляетъ спирантная разновидность термина $Ві-ап-а > Ві-ан-а$ (изъ $*Ві-уап-а < *Ві-һап-а$), приведшая насъ, какъ было выяснено, къ прототипу лежащаго въ его основѣ этническаго названія въ видѣ $һап > уап$, ибо если къ тождественному прототипу, именно $һап$, съ другой стороны, дѣйствительно восходило бы древнее національное названіе армянъ $һау$, какъ это выяснялось мною совершенно независимо отъ клинописныхъ данныхъ¹, то мы получили бы громадной важности фактъ. Выходило бы такъ, что въ коренныхъ областяхъ ванскихъ царей, въ странѣ Біайнѣ или Біанѣ, расположенной въ бассейнѣ Ванскаго озера, съ центромъ на юго-восточномъ его побережьѣ, халды, поклонники бога Халда, обладатели власти, являлись племенемъ пришлымъ и осѣвшимъ въ порабощенной чужой этнической средѣ, $һан$ -ской или $һай$ -ской. Это важно прежде всего для правильной постановки лингвистическаго анализа надписей халдскихъ царей: на какомъ бы языкѣ ни были написаны эти документы, на языкѣ ли господствующаго племени — халдовъ, или на языкѣ порабощеннаго простого народа — h^1an 'овъ или $уап$ 'овъ, тотъ фактъ, что они возникли въ смѣшанной этнической средѣ, требуетъ усугубленія нашего вниманія къ признакамъ, свидѣтельствующимъ о возможномъ взаимодействіи по крайней мѣрѣ двухъ отечественныхъ языковъ самой Біайны, быть можетъ, о мѣшаности типа литературнаго языка.

По существу нашимъ разъясненіемъ термина $Віана$, resp. $Віана$ поддерживается и выставляемый кунеологами его прототипъ $*Вітана$: Saусе отождествлялъ халдское $Віана$ съ ассир. $Вітану$, причѣмъ въ подтвержденіе онъ ссылался на діалектическое исчезновеніе зубного t между двумя гласными въ самомъ халдскомъ (стр. 669). Чтобы исторією языка оправдать разновидность $Ві-тан-у$, resp. $*Ві-тан-а$, какъ эквивалентъ $Ві-ан-а$ ($< *Ві-һан-а$), нѣтъ никакой надобности въ законѣ выпаденія зубного между двумя согласными²: основа $тан$ съ нехарактеризованнымъ начальнымъ согласнымъ

Общ., т. II, вып. II, 1901, стр. 126, отд. отд., стр. 7), но фонетически такое толкованіе исключается; оно было неприемлемо и для Г. А. Халатъянца, какъ то явствуетъ изъ оговорокъ покойнаго московскаго армениста (ц. с., стр. 8). Имѣя же исходнымъ пунктомъ основу $һап > уап$, мы могли бы привлечь въ качествѣ производнаго отъ нея съ префиксомъ имени мѣста $һі- (> і-) > ѓі-$ армянское названіе области на югѣ отъ Ванскаго озера, въ древности $Հրզնի$ $Ні-зап$, нынѣ $Ղի-зап$.

¹ Н. Марръ, *Изъ лингвистической поѣздки въ Абхазію* (ИРАН, 1913), стр. 331 сл.; его же, *Изъ поѣздокъ въ Сванію* (ХВ, II), стр. 22—23, прим.

² Пережитокъ этого звуковаго явленія Saусе находилъ въ одномъ изъ аризованныхъ языковъ Арменіи, по прежнему представленію—въ чисто «арійскомъ армянскомъ» (ц. с., стр. 669—670): «the Aryan Armenian omission of a dental between two vowels is a continuation of a habit of their Alarodian predecessors». Если Saусе въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду появленіе «у» вм. t въ словахъ $арм. таугъ\ мать, һаугъ\ отецъ$ и т. п., то тутъ недора-

(слѣдовательно, съ характеризованнымъ мы могли бы имѣть— $\dot{t}an \parallel \dot{t}an$ или $\dot{h}an \parallel \dot{h}an$)—такая же закономерная реальность при подъемѣ сибиланта s , какъ для спиранта h подъемомъ могъ служить, напр., \acute{c} , если бы онъ не исчезъ въ спирантной разновидности занимающаго насъ названія $*Vi-han-a > Vi-an-a$. Такимъ образомъ, отождествленіе съ ассир. $Viṭanu$ отнюдь не пужно для объясненія $Viāna$, и безъ того яснаго; но, если такое отождествленіе получитъ и историческое подтвержденіе въ той мѣрѣ, въ какой оно закономерно лингвистически, въ какой — его основа $\dot{t}an$ безукоризненна съ точки зрѣнія сравнительной фонетики яфетическихъ языковъ въ качествѣ подъемнаго представителя сибилантной разновидности san , — мы становимся на путь опредѣленія и самого племени, яфетическаго, которое представляло реальное содержаніе этого названія въ ту глубокую древность. Распространеніе этого племени на югъ, если признать правильность нашихъ разъясненій и въ отношеніи названій $Hi-zan$ и $Vi-ḡl+1-s (< Vi-ḡan+1-s1) \parallel Va-ḡēš < Va-ḡ+e-уш \parallel Va-l+e-уш (< *Va-l+e-ше < *Va-d^{г}a^{1}n+e-ше$ и т. д., см. стр. 30), отнюдь не ограничивалось предѣлами Вана: племя шло и на западъ отъ Ванскаго озера и далеко на югъ.

Не гоняясь пока за точнымъ установленіемъ реального племенного значенія, мы можемъ довольствоваться тѣмъ, что разъясненный лингвистической палеонтологіею фактъ открываетъ новыя историческія перспективы, заманчивыя своимъ соотѣтствіемъ позднѣйшимъ этническимъ передвиженіямъ въ самой Арменіи.

Когда напоръ аріоевропейцевъ въ эти предѣлы принялъ стихійный характеръ и къ VI-му вѣку до Р. Хр. сокрушилъ ванское царство халдовъ, это han -ское или hai -ское населеніе, какъ это выходитъ при принятіи нашего анализа термина, сохранилось на мѣстѣ если не вполне, то съ перевѣсомъ численности и крѣпостью своего этническаго самосознанія. До возникновенія въ армянской странѣ христіанства оно сохранялось въ реальности, несмотря на длительный, цѣлые вѣка съ VI-го столѣтія, процессъ этническаго перерожденія, процессъ смѣшенія съ аріоевропейцами, въ частности и съ иранцами, несмотря на длительный процессъ иранскаго политическаго воздѣйствія, въ частности господство въ самомъ краѣ парянской или аршакидской династіи, длившееся также вѣками. Потому то, когда въ Арменіи забрезжилъ свѣтъ христіанскаго ученія въ III—IV-мъ вѣкѣ и когда на народномъ языкѣ ея юга, на рубежѣ съ Сиріею и Персіею, именно въ предѣлахъ древней Біайны или Біаны, т. е. страны han 'овъ, возникла

зумѣніе (Н. Марръ, *Кавк. культ. міръ и Арменія*, ЖМНП, 1915, июнь, стр. 306, прим.), такъ какъ «у» въ этихъ словахъ, изъ слоя аріоевропейскаго происхожденія, имѣетъ совершенно иную исторію, но такъ то исчезновеніе зубного между двумя гласными — обычное явленіе и въ яфетическихъ языкахъ.

литература, то народъ, этнически давно перерожденный, оказался сознающимъ себя все-таки и все еще хан-скимъ или хай-скимъ: и хай-ское племенное самосознаніе, восходящее къ хан-скому самосознанію народныхъ массъ страны Біайны, передалось и другой этнической разновидности, населенію сѣверной Арменіи. Здѣсь населеніе сначала подпало княжеско-родовой власти и христіанской культурѣ хай'евъ, а затѣмъ, по паденіи господства хай'евъ и ихъ полномъ исчезновеніи, стало носителемъ и продолжателемъ той же культуры, хранителемъ завѣтовъ по названію того же этническаго самосознанія. Литература этого же христіанскаго народа, съ древнѣйшихъ эпохъ, съ момента ея возникновенія въ IV—V-мъ (по традиціи въ V-мъ) вѣкѣ, до нашихъ дней не знаетъ иного національнаго названія армянъ, кромѣ хай.

Х.

Что касается племени *qald'ovъ*, то движеніе ихъ, хотя бы частичное, именно по сокрушеніи халдской власти въ Біайнѣ въ VI-мъ вѣкѣ до Р. Х., также на сѣверъ не подлежитъ сомнѣнію, но мы далеки еще отъ правильнаго освѣщенія направленія этого пути, тѣмъ болѣе окончательнаго его установленія, и опредѣленія пункта, гдѣ на сѣверѣ осѣли халды, завершивъ свое движеніе. Для этого вопроса наиболѣе важно если не исчерпывающее, то болѣе глубокое сравнительное изученіе всѣхъ живыхъ яфетическихъ языковъ, въ числѣ ихъ и коренныхъ горскихъ языковъ Кавказа¹. Во всякомъ случаѣ, нашего вопроса не касается, если бы даже оно оказалось правильнымъ, предположеніе нѣмецкихъ кунеологовъ, что халдовъ изъ страны Біайны имѣемъ въ такъ называемыхъ *Χαλδαῖοι*, извѣстныхъ со времени Ксенофонта въ бассейнѣ Чороха, а затѣмъ и западнѣе. Но прежде всего тутъ недоразумѣніе. Эти *Χαλδαῖοι* есть греческое искаженіе подлиннаго мѣстнаго термина *qal-t'ᵢ*, сохраненнаго армянами въ названіи того же народа *խաղտիք* *qag-ti-q*. Въ свою очередь *qal-t'ᵢ* представляетъ форму мн. числа на *-te* || *-ti* отъ основы *qal* || яф. *qal-*, которая съ другимъ яфетическимъ мн. числомъ *-ib* — *qal-ib* — хорошо извѣстна по греческой передачѣ *Χάλυψ* значительно раньше времени Ксенофонта².

¹ Работы мои *Къ датѣ эмиграціи мосоховъ изъ Арменіи въ Сванію* (ИРАН, 1916, стр. 1689—1692) и особенно *Непечатый источникъ исторіи Кавказскаго міра* (Изъ третьей лингвистической поѣздки въ Дагестанъ, 24 дек.—12 янв.) (ИРАН, 1917, стр. 307—338) успѣли возникнуть и появиться послѣ изложенія настоящихъ строкъ. Впрочемъ и въ нихъ мы далеки еще отъ того, что понимаемъ мы подъ «болѣе глубокимъ сравнительнымъ изученіемъ всѣхъ живыхъ яфетическихъ языковъ, въ числѣ ихъ и коренныхъ горскихъ языковъ Кавказа».

² Это давно разъяснено въ печати (Н. Марръ, *Грам. древне-арм. языка*, 1903, § 109, 8, стр. 98). Правда, значительно раньше С. Ф. Лешманн могъ авторитетно утверждать, что «попытка Страбона производить этимологически названіе понтійскихъ халдеевъ отъ названія халибовъ естественно имѣетъ лишь цѣну курьеза» (*Zeitsch. für Ethnologie*, 1892, стр. 132,

Намъ представляется болѣе состоятельнымъ указаніе того же круга кунеологовъ на движеніе халдовъ въ другомъ направленіи, именно въ бассейнъ Куры, признаніемъ термина *qald* въ названіи озера Чалдыръ, собственно Чалдыръ (*Qald-ır*); здѣсь, въ сел. Даш-керпи, и открыта недавно халдская клинообразная надпись Сардура II, о которой я имѣлъ честь читать докладъ въ засѣданіи Отдѣленія два года тому назадъ¹. Названіе *Qald-ır* фонетически можетъ быть возведено къ *qald-ır*, собственно *qald-ır*; къ тому же, названіе имѣетъ прекрасную параллель въ отношеніи использованія формы мн. числа *-ır* для образованія этническо-географическаго названія: это—область древней Грузіи — Таш-ır, еще сѣвернѣе Чалдырскаго озера².

Но и въ этомъ направленіи ничего прочнаго нельзя достигнуть безъ предварительнаго углубленія сравнительнаго изученія живыхъ яфетическихъ языковъ.

Пока же насъ долженъ занять вопросъ о правильномъ распредѣленіи этническихъ и связанныхъ съ ними географическихъ названій въ предѣлахъ Айраратской или при-Аракесской Арменіи и ея юга въ эпохи до-арійской жизни Востока по даннымъ ассиро-вавилонскихъ документовъ, Библии и, конечно, халдскихъ надписей.

Сами надписи Біанскихъ царей съ постояннымъ повтореніемъ чтимой ими троицы боговъ ясно говорятъ, что въ народѣ, управлявшемся ими, мы не можемъ видѣть первобытнаго племени. И если даже не злоупотреблять положеніемъ, безспорнымъ въ рядѣ случаевъ, о тождествѣ названія бога съ названіемъ чтящаго его племени, если и не думать вовсе на этомъ основаніи о трехплеменномъ составѣ халдскаго народа эпохи Біанскихъ царей въ зависимости отъ существовавшей у нихъ троицы божествъ, наличіе послѣднихъ не можетъ не свидѣтельствовать о культурномъ и въ нѣкоторой мѣрѣ этническомъ вліяніи на халдовъ другихъ племенъ. Халды, по всей видимости, не только не автохтоны страны Біайны, но и не первые культуроносцы въ этомъ краѣ.

XI.

Не халдскаго происхожденія — самое сердце ихъ господства, городъ Тишра, сидѣніе въ которомъ было настолько, повидимому, освящено традиціею, что упоминаніе объ этомъ составляетъ заключительный аккордъ

прим. 2, W. Belck und C. F. Lehmann, *Ein neuer Herrscher von Chaldia*, ZA, VII, 1894, стр. 85. прим.), но «куръезъ» этотъ нынѣ имѣетъ за собой всю силу безукоризненной обоснованности на безспорныхъ лингвистическихъ данныхъ яфетическаго языкознанія, дѣтища XIX—XX-го вѣка. Повторяю, этотъ лингвистическій фактъ не устраняетъ еще реальнаго вопроса о родствѣ, если не о возможномъ тождествѣ этихъ халдовъ, гесп. «хал»овъ съ халдами Біайны.

¹ *Надпись Сардура II, сына Аршитія, въ Даш-Керпи* (Зап. Кавк. Музея, сер. В, вып. 1).

² Любопытно сопоставить это съ тѣмъ, какъ еще С.-Мартенъ поясняетъ понтийскую

каждой надписи въ полной царской формулѣ, начиная съ царя Ишпуина въ концѣ IX-го вѣка до Р. Х. Ни одна надпись не содержитъ ни малѣйшаго намека о построеніи ими города Тушпы или Тошпы. Съ другой стороны, форма слова совершенно не халдская, а эламская: это мн. число на -ра (||-ар) отъ основы Туш- или Тош-; его спирантная разновидность — Тuh || Тоh, а съ потерей спиранта — То-, и все это живыя слова въ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріалахъ.

О племени туh'овъ, какъ о средѣ, изъ которой могли идти строители городовъ, сообщаетъ Хоренскій, при этомъ на основаніи народной пѣсни (II, 65). У него читаемъ: Царь Валаршъ, сынъ Тиграна,

„обвелъ стѣною и сильный городъ, что на рѣкѣ Касадѣ, Вардгейса (Вардгѣса), про котораго въ сказаніи (*𐎧𐎠𐎺𐎠𐎧𐎡𐎴*) говорятъ: «Выселенцемъ отправился молодецъ Вардгейсъ изъ области туh'овъ по рѣкѣ Касаду, пришелъ, осѣлъ на холмѣ Шырейшѣ (Шырѣшѣ), у города Артимада, на рѣкѣ Касадѣ, выбивать, высѣкать дверь (т. е. городъ) Ерованда», прибавлено — «царя».

Это драгоцѣннѣйшій отрывокъ въ оригиналѣ — въ народномъ стихотворномъ размѣрѣ — поддается любопытному анализу, но для насъ сейчасъ важно отмѣтить переселенческое движеніе строителей въ Айратскую область, въ бассейнѣ Аракса, «изъ области туh'овъ (*𐎧𐎠𐎺𐎠𐎧𐎡𐎴*)», т. е. области того племени, названіе котораго въ сибилитной формѣ лежитъ въ основѣ названія столицы халдскаго царства — Туш-ра.

Та же спирантная разновидность Тоh- съ сугубымъ образованіемъ мн. числа, т. е. съ тѣмъ же эламскимъ окончаніемъ -ра, но съ наростомъ по обыкновенію если не греческаго суффикса *-ιτης*, то другого опять яфетическаго окончанія *-te* ∞ *-et* должна бы дать *Тоhp-et-, что сохранилъ намъ Страбонъ (XI, гл. XIV, 8) съ потерей спиранта въ видѣ *Θωπ-ἴτ-ις* въ одномъ изъ двухъ названій Ванскаго озера въ эпоху знаменитаго географа: «ἡ δὲ Ἀρσηνή, ἣ καὶ Θωπίτιν καλοῦσιν». Та же спирантная разновидность съ тѣмъ же эламскимъ окончаніемъ -ра, но съ наростомъ еще другого яфетическаго, уже мѣстнаго окончанія мн. числа -га || -аг, т. е. *Тоhpaга > Θо-рага сохранилась до нашихъ дней въ названіи озера въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Θофага-ван, означающемъ, слѣдовательно, озеро (племени) «топара», т. е. тѣхъ же Тоh'овъ или Туh'овъ, продвинутыхъ переселеніемъ, очевидно, значительно далѣе на сѣверъ — въ бассейнѣ Куры¹. Та же спирантная

Халдею (Lebeau, XIII, стр. 47): это — «горная страна, расположенная между Трапизондомъ и Арменіею. Теперь называютъ ее Челдыромъ (Tcheldir)».

¹ Касательно этимологіи слова *van* въ значеніи *воды, моря, озера* особо.

основа Tuh- съ присоединеніемъ все того же вида — окончанія мн. числа -ag уже прямо къ чистой основѣ слова, т. е. *Tuh-ag > Թւղ-աг сохранилась въ названіи выдающейся и древнѣйшей крѣпости въ Грузіи Թւղ-աг-իս-1, еще далѣе — въ Шавшіи около Тбета. Основаніе ея грузинскими лѣтописями приписывается легендарнымъ эпонимнымъ предкамъ - строителямъ, именно Одзраху, сыну Мцхетоса.

ХІІ.

Такимъ образомъ, въ самой Біайнѣ, еще въ эпоху халдскихъ царей, мы имѣемъ нѣкоторое основаніе усматривать въ мѣстной культурѣ, если не въ языкѣ, отложеніе жизни по крайней мѣрѣ трехъ этническихъ разновидностей, һан'овъ, туһ'овъ и халдовъ. Изъ трехъ божествъ, составляющихъ халдскую троицу, богъ Халдъ, очевидно, — національный, болѣе того — этнический богъ халдскаго народа. И если два остальныхъ божества Теишба и Арди (Ard-1, Ardi-m) есть также этническіе боги, вопросъ еще, надо ли ихъ усваивать һан'амъ и туһ'амъ или ихъ собственники-народы подлежатъ дополнительно опредѣленію.

Въ частности богъ Теишба, появляющійся въ халдскихъ надписяхъ всегда, когда упоминается вся троица, на второмъ мѣстѣ, есть для халдовъ, будемъ осторожнѣе — для народа, языкомъ котораго писаны халдскія надписи, если и не пришлый, но все-таки чужой богъ. Это явствуетъ изъ формы его названія на -ba¹: это окончаніе мн. числа, звонкій эквивалентъ эламскаго окончанія мн. числа -ра или -ар и т. п.

Самая форма Теишба въ халдскомъ языкѣ потерпѣла обычный для него перебой гласнаго u въ i, это — разновидность названія *Теишра. Отожествленіе, которое дѣлалось кунеологами съ божествомъ Тешир, богомъ стихій и бури, такимъ образомъ получаетъ какъ будто и лингвистическую поддержку въ фонетикѣ халдскаго языка. Но мы очень затруднились бы связать халдскаго бога Теишба < *Теишба съ хетскимъ въ корнѣ этническимъ вліяніемъ.

Jensen въ культѣ Тешир'а усмотрѣлъ признакъ этническаго дѣленія населенія въ Малой Азіи; онъ образовалъ группу Тешир-народовъ, съ митані и эламцами въ составѣ. Но Тешир по составу своему болѣе новая форма сравнительно съ Теишба. И хотя нашъ лингвистическій анализъ также приводитъ къ эламскому языку, однако народный лингвистическій источникъ, откуда заимствовали халды, — болѣе древній, чѣмъ эламская и митанская

¹ Къ сожалѣнію, фонетически написаннымъ слово появляется рѣдко, такъ въ надписи Мевуи — Sause, XX, 15 (Teeshbame, ср. Sause, стр. 522).

среда съ позднѣйшей разновидностью Тешур, съ исчезновеніемъ *i* въ первомъ слогѣ.

Къ востоку отъ Арменіи увлекаетъ насъ терминъ Тешба < *Тешба, независимо отъ эламскаго окончанія -ра || -ба.

Слога *ei* въ огласовкѣ халдскихъ основъ ни разу не встрѣчаемъ, по общему же положенію въ яфетическихъ языкахъ постановка двухъ гласныхъ рядомъ въ одномъ словѣ вовсе исключается. Слѣдовательно, Тешба, равно его прототипъ *Тешра — составное слово изъ *te* и *шба* или въ болѣе древней формѣ **шба*. Первое слово по положенію о составныхъ словахъ, разъ оно не оформлено, есть опредѣленіе второго. Весьма вѣроятно, что это то слово *te*, которое выше (стр. 31—32) разъяснено нами въ значеніи «голова», «глава», «господинъ», «владыка». Оно налично не только въ халдскомъ, но и въ языкѣ II-й категоріи Ахеменидскихъ клинообразныхъ надписей, т. е. такъ называемомъ ново-эламскомъ, въ послѣднемъ, какъ было указано¹, только въ формѣ *ti* *голова* въ значеніи возвратнаго мѣстоименія.

Для насъ сейчасъ, разумѣется, было бы важно констатировать, что то же слово въ формѣ *ti*'-1² налично въ хетскомъ³. Можно всетаки сослаться на то, что въ этомъ случаѣ пытавшіеся пока разобрать хетскіе тексты болѣе или менѣе сходятся въ положительномъ его рѣшеніи. Во всякомъ случаѣ Jensen'у удалось удостовѣрить такое значеніе чередованіемъ *t'* съ идеограммой «господинъ»⁴.

Вторая часть -шба (архaic. -*шба) также проявляетъ формой свое эламское происхожденіе: это—мн. число на -ба || -ра или, что тоже, -ab || -ар. И въ наличной формѣ эламскаго мн. числа слово -шба < -*шба, по всей видимости, представляетъ двойникъ армянскаго народнаго слова *ш-ар*, равно *ош-ар* или *ош-ар*⁵; оно хорошо извѣстно намъ по древне-литературнымъ разновидностямъ армянской *вш-ар* и грузинской *веш-ар*. Теперь станеть яснѣе,

¹ См. выше, стр. 31.

² Пишется также *t*-1 и *t*, resp. *t'*-1'-1, *t'*-1, *t'*.

³ Jensen, ZDMG, XLVIII, стр. 276, 278; его же *Hittiter und Armenier*, стр. 30, прим. 5, 69, 89, 91, 124, 129, 139, 148, 163, 216, 220.

⁴ Ц, с., стр. 220.

⁵ Слово въ разновидности *шшар* засвидѣтельствовано и въ средневѣковой армянской литературѣ въ качествѣ мужскаго имени. Къ тому, что о. Галустъ Теръ-Мкртчянъ выясняетъ въ статьѣ *Вишанъ или Ушанъ въ армянской припискѣ XIV-го вѣка* (ХВ, I, стр. 31, 35), можно прибавить указаніе на случай появленія разновидности *шшар* столѣтіемъ раньше въ Ани. И. А. Орбели обратилъ мое вниманіе на упоминаніе въ надписи 702-го года (1253 г. по Р. Х.) раскопанной мною въ 1893-мъ году церкви Богоматери Хамбушенцъ *ս-շապիկից գուհի ւորտի Կաթուղի*. Въ подлинникѣ *խ-շապիկից գուհի*, т. е. съ предлогомъ *խ* въ видѣ *խ* передъ гласнымъ, что можетъ ввести въ заблужденіе, внушивъ мысль о принадлежности *լ* названію *ս-շապիկից*, т. е. о наличности чтенія *Վաշապիկից*. Здѣсь не мѣсто выяснять, не имѣютъ ли эти Анійскія ворота отношенія къ одной изъ башенъ съ драконами (*вшшар* || *шшар*) въ городскихъ стѣнахъ, не находились ли они около такой башни?

какъ это столь архаическое въ Передней Азіи слово могло оказаться и въ сирійскомъ въ видѣ уашрā (вѣриѣе — уошрā или уйшрā, если не касаться еще вопроса о ф. вм. р) въ значеніи *великаго змія*¹. Само по себѣ это слово, какъ теперь уже выяснено, есть «божество-рыба» или «богиня-рыба». Въ сочетаніи съ te (*te-ишра > te-ишра) названіе получало лишь титулъ «господинъ», герр. «госпожа»: «господинъ (госпожа) вишапъ» или «господинъ (госпожа) виш'овъ», «владыка вишапъ», «главный вишапъ», «царь-вишапъ». Кстати, Jensen отмѣчаетъ случай въ хетской надписи Jerābīs II, 3, когда t'ī'ī *господинъ* появляется въ качествѣ титула какого-то божества.

Такимъ образомъ, мы получаемъ въ халдскомъ Тешба < *Тешба, т. е. въ *главъ-уишбъ* или *владыкъ-уишбъ* поддержку того, что въ каменныхъ рыбахъ-чудовищахъ, вишапахъ, найденныхъ на Геѣамскихъ горахъ въ Эриванской губ., собственно на горахъ, примыкающихъ къ Севанскому озеру, мы имѣемъ изображенія боговъ-вишаповъ, именно боговъ стихій, воды и непогоды, чѣмъ являлся и главный вишапъ, владыка-вишар или главарь-ишар, *Те-ишба, въ халдскихъ надписяхъ — Те-ишба.

Халдскія надписи также подтверждаютъ, что это было божество водной стихіи и что культъ его особенно былъ развитъ на востокѣ, въ частности и на сѣверо-востокѣ отъ Ванскаго озера, именно на берегу озера Севана или, какъ всегда изъ предпочтенія, оказывавшагося русскимъ обществомъ и администраціею турецкимъ названіямъ передъ кореннымъ мѣстнымъ, болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Гокчи, точнѣе — Гѣкчи, ближе къ району открытыхъ нашей Гарнійской экспедиціею вишаповъ. Такое свидѣтельство даетъ извѣстная халдская надпись изъ Келаны-Кирланы, собственно съ прибрежной скалы «въ самомъ центрѣ южнаго берега Гокчи»². Это рѣдкая, единственная надпись, въ которой вмѣсто халдской троицы упоминается лишь одинъ богъ Тешба. Чтобы не вносить въ дѣйствительное положеніе дѣла моего личнаго настроенія, я приведу соображенія М. В. Никольскаго, издавшаго надпись лѣтъ за четырнадцать до открытія вишаповъ:

«Вторая половина и конецъ надписи», писалъ М. В. Никольскій, «сильно изглажены прибоемъ волнъ, при сильномъ волненіи достигающихъ надписи, но въ ней говорится о сооруженіи дворцовъ и храмовъ, и поэтому нужно ожидать и имени того мѣста, гдѣ эти зданія были воздвигнуты. Есть основаніе думать, что это мѣсто и было тутъ на берегахъ Гокчи около над-

¹ Н. Марръ, *Армяно-сирійскія словарныя замѣтки*. Գ. Ի. Կ. Կ. = Կ. Կ. Կ. (ЗВО, XIII, 1901, стр. 033—034).

² М. В. Никольскій, *Клинообразныя надписи Закавказья* (Мат. по Археологій Кавказа, вып. V), Москва 1896, стр. 129.

писи Кёланы-Кирланы; объ этомъ свидѣтельствуесть буквальныйъ смыслъ надписи («этотъ дворець я возстановилъ»), а также и то весьма интересное обстоятельство, что здѣсь два раза упоминается имя божества Теишба, занимающаго 2-е мѣсто въ урартской троицѣ (*Халди, Теишба и Ардини*). Идеограмма Теишба тождественна съ идеограммою ассирийскаго божества *Раммана*, бога атмосферы, грома и молніи и вообще водной стихіи. Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ урартскаго Теишба былъ одинаковъ съ Рамманомъ. Храмъ, о построеніи котораго говорится въ надписи, былъ посвященъ этому божеству, и это весьма понятно, такъ какъ большое озеро Гокча съ его дикими скалами, съ его вѣтрами и бурями, съ его красивыми голубыми волнами и богатствомъ животнаго царства могло считаться между прочимъ жилищемъ бога водной стихіи. Весьма возможно, что дикій, скалистый лѣсъ близъ селенія Кёланы-Кирланы заключалъ въ себѣ одну изъ центральныхъ твердынь урартскаго царства, основанную или можетъ быть возобновленную Русою I»¹.

Достойно сожалѣнія, что у насъ не проявился дѣйствительный интересъ для археологическаго изслѣдованія столь важнаго пункта. Необходимость такого изслѣдованія давно указана тѣмъ же московскимъ кунеологомъ:

«Къ сожалѣнію, пустынный и дикій видъ берега», писалъ М. В. Никольскій тогда же, т. е. 20 лѣтъ тому назадъ, «не располагалъ искать на его поверхности или подъ его насыпною почвою слѣдовъ древнихъ построекъ, и только показанія надписи, обнаружившіяся уже послѣ экспедиціи, внушаютъ мысль о необходимости болѣе детальнаго обслѣдованія мѣстности въ Кёланы-Кирланы и производства на ней пробныхъ раскопокъ»¹.

Такимъ образомъ, изслѣдованія въ нашей области, откуда бы мы ни начинали ихъ, всегда приводятъ насъ неминуемо къ постановкѣ вопросовъ, требующихъ для своего правильнаго рѣшенія комбинированныхъ данныхъ — и современныхъ живыхъ нарѣчій и древностей, т. е. лингвистики, эпиграфики и вообще археологіи. Они же требуютъ для своей поддержки или провѣрки помощи и памятниковъ современной намъ мѣстной бытовой матеріальной и духовной культуры, т. е. помощи совершенно недостающихъ намъ ориентированныхъ теоретически по основамъ кавказской самобытности этнографическихъ изысканій.

XIV.

Заключаю чтеніемъ и русскимъ переводомъ халдской надписи (табл. I), тѣмъ цѣльнымъ ея пониманіемъ, обоснованію нѣкоторыхъ частей котораго посвящена въ значительной мѣрѣ настоящая работа.

¹ Ц. с., тамъ же.

«^дбг Халду владыкѣ этотъ ^ихрамъ ^дл Руса, | сынъ ^дл Аргиштея, возоб- 1, 2
новилъ. Для ^дбг Халда — | этотъ памятникъ. ^дл Руса, сынъ ^дл Аргиштея, 3
| говоритъ: «алтарь бога сдѣлавъ и его поставивъ, | сверхъ того (|| къ нему) 4, 5
дорогу, какъ ^ибг Халдъ | велѣніе изрекъ (|| положилъ), такъ я возобновилъ, 6
| довелъ я до конца къ себѣ въ ^дгрд ^иго^грод^лъ ^дл Русы (|| ^дгрд ^игородъ ^дл Русы || 7
^игородъ ^дл Русы малый)». | ^дл Руса, сынъ ^дл Аргиштея, говоритъ: | «того, 8, 9
кто эту ^инадпись похитилъ бы, того, кто | испортилъ (|| стесалъ) бы ее, 10
того, кто разбилъ бы ее на куски, да проклянуть | ^дбг Халдъ, ^дбг ^итеишба, 11
^дбг ^исолнце, ^ибог-и ^имног-ие». | Для нихъ и для себя сдѣлалъ съ помощью ^дбг 12
^исолнца | ^дл Руса, что есть сынъ ^дл Аргиштея (|| при ^дл Аргиштеѣ) | ^ицарь 13, 14
^имогучій ^ицарь странъ ^имног-ихъ, | ^ицарь ^истраны Бйинъ, ^ицарь ^ицар-ей) | тотъ, 15, 16
кто сидитъ въ ^дгрд Тушиѣ ^игородѣ».

^дбг Халду владыкѣ] букв. «(для) ^дбг Халда» быть можетъ «^дбг Халда милостію», см. стр. 10. — 7 ^дгрд го^грод^лъ ^дл Русы — малый] см. стр. 8. — 9, 10 того, кто] подлинникъ у насъ напечатанъ въ видѣ двухъ словъ а лише, но, быть можетъ, читать нужно ал ише (см. Н. Марръ, *Мат. ком. Орбели*, стр. 111=отд. отт., стр. 15).—9 эту ^инадпись] букв. эти ^иписьме-на, см. стр. 33 — 34. — 9 — 10 похитилъ бы . . . испортилъ (|| стесалъ) бы . . . разбилъ бы на куски] форма жел. наклоненія на -и (и-е, въ такомъ случаѣ -е мѣстоим. суффиксъ) или -ле можетъ быть воспринята и какъ буд. время (см. стр. 35—36), и тогда тѣ же глаголы въ переводѣ могутъ гласить: «похитить . . . испортить (|| стесать) . . . разобьетъ на куски». — 13 что «есть сынъ ^дл Аргиштея» или «при ^дл Аргиштеѣ»] см. стр. 27.

Въ чтеніи Sauser'a лишь одинъ злокачественный недосмотръ: въ 4-й строкѣ у него два раза читается >||^дзъ zl=ôi, при томъ въ его изданіи (стр. 112) въ видѣ >||^дзъ, тогда какъ второй разъ на самомъ дѣлѣ >||^дзъ gi. Текстъ транскрипціи Sauser'a и въ остальномъ представляетъ отличный видъ, но это уже результатъ особой его системы, не вполне раздѣляемой даже халдовѣдами-графистами, такъ ^дше («ше») онъ читаетъ s и слова соединяетъ или расчленяетъ невпопадъ, вм. идеограммъ мѣстами выставляетъ звуковые ихъ халдскіе (иногда мнимые) эквиваленты, мѣстами—ассирійскіе переводы, самые же переводы даетъ стереотипные, далеко не обоснованные, или новые столь же гадательные и т. п. Кое чего мы коснулись, когда разъяснили свое толкованіе, остальные же расхожденія въ чтеніи и переводѣ требуютъ обсуждения всѣхъ параллелей, притомъ въ перспективѣ исторіи толкованій другихъ кунеологовъ, и нѣтъ основанія связывать такую работу съ одной какой либо надписью, тѣмъ болѣе съ надписью въ 16 строкъ, изъ Макинскаго ханства.

УКАЗАТЕЛИ.

Слова яфетических языковъ и армянскаго расположены въ порядкѣ яфетидологическаго алфавита. Парныя цифры указываютъ строку и слово въ строкѣ подлинника Макинской надписи.

I. Халдскій словарь.

<p>a (al? см. lu) 9,1, 10,2, 16,1 тотъ.</p> <p>alī ale: alī 4,1, 8,5 говорить, стр. 16, 35, 36; — ahe id. 35.</p> <p>ale см. al.</p> <p>argī см. rg.</p> <p>Argište Argišti Ар- гишт^о/й: въ <i>составномъ</i> Им. Argišteqī [<i><Argišteqim</i>] 13,5, Р. Argišteqimше 2,2, 3,6, 8,4, стр. 29, 31.</p> <p>ⁱARDI-ni 12,6 pl. t. Ар- динъ (<i>богъ</i>), Р. ⁱARDI-ni-ше 11,6, стр. 44, 47.</p> <p>аш- сюда см. ашгуби подь г-.</p> <p>ашқааште ашқаашти глава Ёды, сотрапезникъ 29, Р. ашқааштееше 29, см. te.</p> <p>-е <i>мъст.</i> см. ye-.</p> <p>e- <i>преф.</i> см. euri.</p> <p>-e -i <i>характ. Р. надежда</i> 28.</p> <p>ei и 27, см. gieī ги подь г- 1.</p> <p>euri см. uri 1.</p> <p>ebani см. ban-.</p> <p>-i см. -e.</p> <p>«es» см. ye-.</p>	<p>еше см. ye-.</p> <p>manī см. pan-.</p> <p>ini 1,4, 9,3.</p> <p>irqūhe см. rq-.</p> <p>штini потомъ, затѣмъ 26, штini шida 5,1—2 свержъ того, къ тому стр. 26.</p> <p>-штubi см. шт-.</p> <p>-и <i>суф. мн. ч.</i> 34, Р. <i>мн. ч.</i> -ue (-we) 34.</p> <p>и 4,5, 12,2 и (?), стр. 23, 27.</p> <p>ubardu см. bag-.</p> <p>1. uri 5,3 вода, милость, <i>усп.</i> Р. urie; — euri id., <i>усп.</i> Р. eurie 10, 25, 26.</p> <p>2. uri см. r.</p> <p>иш 3,1 этотъ [<i><мой</i>].</p> <p>ye- (граф. ie-) > e тотъ: -е тотъ 25, 26, Р. уеше (граф. иеше, <i>прежнее чтение ies</i>) 6,3 такъ, такимъ образомъ, стр. 18, 20.</p> <p>уеше см. *ye-.</p> <p>ba- см. pa-.</p> <p>ban- строить, населять (ср. man-): e-ban-1 страна 35.</p> <p>bag- сказывать: ubardu 6,1 приказаніе, велѣ-</p>	<p>ніе, стр. 20.</p> <p>bi- см. bu-.</p> <p>bu->bi- <i>преф.</i> 37.</p> <p>1. g- (<gw-), agubi я отвель 22, 25, 26, aguni онъ отвель 22, 25, 26; — ашгуби я привель сюда 22, ашгуни онъ привель сюда 22.</p> <p>2. g- (<*gy) gi ei, ги (фон. gi) поставивъ gieī и поставивъ его 4,6, стр. 21, 22, 23, 27.</p> <p>gal см. sal.</p> <p>galañi см. lañ-.</p> <p>gi: см. g- 2.</p> <p>gieī см. g- 2.</p> <p>ги см. g- 2.</p> <p>«gies» 29.</p> <p>ⁱD-ⁱPL «боги», «боги мног»-ie, Р. ⁱD-ⁱPL-ше 11.7.</p> <p>1. d (<dw) класть, положить, duni 14.</p> <p>2. d (<dw) сказать, duni 6,12 онъ изрекъ, стр. 14, 15.</p> <p>dur- <i>мн. ч.</i> dupte над-пись, письмо 33, 34, ⁱt-te (ⁱDUR-te) 9,4.</p> <p>«duri» 12, см. patari.</p> <p>ⁱDMN > ⁱⁱ 9.</p>
--	---	--

*van вода, см. Ук. геогр. назв.
 kai 12,7 черезъ, съ помощью.
 -ki образъ 19, см. шо-
 qarbi (Sc qarbi) 4,2 богъ, стр. 18, 20, 23, 24.
 *Га¹ḡ- молиться: ga-laḡ-1 алтарь 24;—sa-l¹ḡ-1 4,3 алтарь, стр. 23, 24, 25.
 -li (|| -le?) суф. жел. 36.
 lu 16,2 кто, Р. luше 9,2, 6, 16,3 (б. м., и, ише, если читать al и, al ише, см. а).
 ма- см. ра-.
 man- дѣлать (ср. ban), дьепр. manу 4,4 сдѣлавъ 21, 22, 23, 25, manubi я сдѣлалъ 23, manuni онъ сдѣлалъ 12,4, стр. 23, 27.
 manigi см. man-и, игі 2.
 manni см. шп-.
 meku 12,1 (б. м., меку-ш вм. mequi), стр. 27—28.
 mequi см. меку, ш.
 nan- строить, населять (|| man?): nan городъ 8, 12.
 ni 2,6, 13,3 есть, стр. 27.
 1. pa->ba- преф. 14, 15.
 2. -pa > -ba элам. суф. мн. ч. 44, 45.
 patari: pa<tar> [|| tur, см. tur] 7,6 городъ, стр. 8, 12, 13, 28.

pi имя 36.
 pili водопроводъ 14, 15.
 pit (фонет. фiḡ) 37.
 pit-: pitule (pitule?) 10,1 испортилъ бы || стесаль бы (его || ее?), стр. 36.
 pitule см. pit-.
 pḡ- (< pḡw-): pḡule (pḡule?) 10,4 искрошилъ бы, разбилъ бы на куски (его || ее?), стр. 36.
 г- ходить, побуд. приносить, приводить 26, 29, (Sc «ар-»): игі 5,3 дорога, стр. 20, 21, 22, 25, 26;— агuni онъ отвелъ 32;—ашгuni онъ привелъ сюда 32;—terubi 7,1 я довелъ до конца, стр. 26, 32, я докончилъ, terguni онъ докончилъ.
¹ro- ¹rl-аue 14,5 Р. мн. «странъ» || «странъ мног»ихъ.
 Rusa: Rusaа 13,2 (см. ni, если не P².=Отл. Rusaan отъ Русы), Р. Rusаше 1,7, 2,4, 8,2 (Rusaаше), уснч. Р. Rusaai (см. стр. 28).
 rg (< *rgn) строить, населять: argi- || argedomъ 29, см. Argiште, Ук. геогр. назв. Arḡeуш.
 sal || gal (hal?) 25.

salḡi (salaḡi) см. laḡ-.
 «suraoe» см. Шурaoe.
 t говорить, сказать (ср. d- 1): tini сказанный, называемый 14, 15, 33.
 1. te || ti голова 31, 32, 45, 46, см. Argiште, ашḡaште, г-, Теишба;—tini 7,2 себя (къ себѣ, отъ себя, свой) стр. 32, 33.
 2. -te суф. мн. ч. 33.
¹TEIШВА Теишба, богъ, Теишба 44, 46, 47, Р. ¹TEIШВАШЕ 14,4, Теишваше 44, прим., см. te.
 terubi, teruni см. г-.
 1. tini см. t.
 2. tini см. te || ti.
 tu (< *tuh) плѣнять, похищать, жел. tule (tule?) 9,5 похитилъ бы (его || ее?), стр. 36, аор. tubi (< tuhubi) я плѣнилъ 16, см. tuḡi.
 tur (¹TUR) [|| pa <tar>, см. patari] 7,6 малый, стр. 8, 33.
 turinini см. tur-.
 *tur-: turinini 10,5 да разгнѣваются, да проклянуть, стр. 16, 17.
 tuḡi плѣнникъ 15, см. tu-
 шанue Р. мн. ч. тростниковыхъ полей въ значеніи Н. надежда въ тростниковыя поля 26.

<p>шді- верхъ, воз- см. шді-штубі подъ шт- шда сверхъ 25. шп- 1 помнить; 2 стро- ить; — машині 1 па- мятникъ 3,2; 2 по- стройка. шо-(ши-): шо-кі (шукі) 5,4 какимъ образомъ, какъ, стр. 19, 20. шукі см. шо-. Шурае (Sc «suraoe») 35, см. Ук. геор. назв. шт- (<штw) строить,</p>	<p>сооружать, съ предло- гомъ шді- верхъ — возстонавливать, во- зобновлять, аор. 1-е л. шді-штубі 6,4, 3-е л. шді - штуні 2,3, стр. 19 (шдіштубі) 25, 26. Qaldı Халдъ (богъ) 3, 7, 41, 44, 47, P. Qal- dше 5,6, 11,2, уснч. P. Qaldie 1,2, P.² Qal- dm 2,5, см. Ук. геор. наз.</p>	<p>hal см. gal подъ sal. элам. (ново-элам.=Ахем. II). -ар > -ab -ра > -ba суф. мн. ч. 45. karpi см. kurpi. kurpi (korpi) или karpi 24. ti 31, 45. tippi др.-эл. 34. humanı 31. хет. tı-ı 45, 46.</p>
--	---	---

II. Указатель разъясняемыхъ или привлекаемыхъ къ разъясненію словъ изъ другихъ языковъ.

<p>арм., хайск. aḷaḷem 25; — aḷawəḡ 25. es, арм. yes 18. ошар см. vшар. ошаф см. vшар. uḷ^o/ı 26. ушар см. vшар. yes см. es. bazmastelq 6. banel арм. 23. bit 37. gimeravar^o 6. gəluq: ı gəluq atel hanel 32. dayekordi 32. dər-: dəpır 33, dəproḡ 33, dəpruḡıwn 33. vayr 13.</p>	<p>vəṭar 13. vшак см. vшар. vшар 6, 24, 45, 46, арм. диал. ошар 45, ошаф 45, ушар 45, vшак 24. Karapet 6, 23. karkar 18. kuṛq 24. mayr 39. margarey 6. pıḷt 37. patan-^o/ı 8. puṭur арм. 8. φuq арм. см. φuqr. φuqr > φuq 36; — φəqrel 36. φəqrel см. φuqr. qar 18. tanuteyr (> tanutēr) 31.</p>	<p>tar^o/ı 11, 13. taṭar 13. taṭarapet 31. ḡıḡ 4. Наук Хайкъ ([богъ], свт- тило, герой) 4—7; — hayq хан (народъ), см. Ук. геор. назв. hayr 39, см. Ук. геор. назв. ассир. duppu 34. Ramman (Рамманъ) 47. греч. ἀρχιτρικλινος 3 Πλειάς 5. σύντροπος 32. Ὠρίων 6.</p>
---	--	---

груз. (др.-л., ново-г.).
 eris ḡavi 31.
 ɾ- см. hi.
 ise см. isre.
 isḡe см. isre.
 isre, isḡe 19, ise 18, 19.
 uḡali, puris-uḡali 32.
 bilti 37.
 biti 37.
 btey 13.
 gaḡaveba см. ḡavi.
 geba см gw.
 gw || gb > g: geba 22.
 vaḡari 13.
 veshari 6, 46.
 vl см. svl.
 zeda см. mas zeda.
 ḡavi 31, 32;—gaḡaveba 32.
 ḡwnier 33.
 ḡwsi 33.
 ḡvisi 32, 33.
 kerpi 6, 23, 24.
 kwd: sikudili 33.
 l см. svl.
 loḡva 25;—saloḡavi 25.
 mamasaqlisi 31.
 mas zeda 27.
 memargey 6.
 mili 14, 15.
 mtey см. te.
 mḡdeli 6.
 mḡiredi > mḡirey 8.
 naḡoti см. ḡot.
 patara см. ptr *nodz* ptr.
 pata см. ptr *nodz* ptr.
 puris-uḡali см. uḡali.
 puris-mtey см. te.

pt^rr¹ > ptr 8: patara ма-
 лый, маленький, ма-
 лынь, pata малый.
 r (< zr), r+w || r+b: reba
 26.
 reba см. r.
 risqva 16.
 rb (< hrb || srb): sribili 33.
 sa- 19.
 saloḡavi см. loḡva.
 sikudili см. kwd.
 svl > ^rh¹vl > l 26.
 tadari 13.
 te: mtey 32, puris-mtey
 31, ḡuḡuys-mtey 32.
 tkuey 15—16.
 tkw 14, 15.
 ḡeḡa 37.
 ḡili 14.
 ḡleḡa 37.
 ḡḡena 13.
 ḡot-: naḡoti 37.
 ḡḡw-: ḡḡuna 36, ḡḡva 36.
 ḡḡuna см. ḡḡw.
 ḡḡva см. ḡḡw-.
 ḡali 25.
 ḡoli 25.
 ḡuḡu^ry¹s-mtey см. te.
 ḡḡuna см. ḡḡw-n.
 ḡḡw-n: ḡḡuna 16.
 ḡeli 11, 13.
 ḡulili || ḡvrihi 8, 9.
 ḡvrihi см. ḡulili.
 ḡkeva || ḡkevla 16.
 ḡkr (ḡkroma) 16.
 hi- > i- 18.

евр.

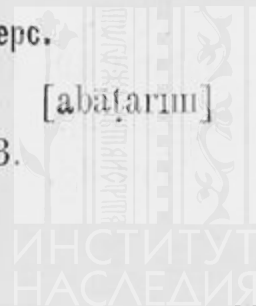
בסיל 6.

мегр., чан.

e- см. he.
 en м. 18.
 oḡa м. 26.
 *opida 37.
 otorinu см. otkorinu.
 otkorinu > otormu ч. 17.
 ḡi см. ḡimḡḡu.
 ḡi-mḡḡu ч. 31.
 ḡqw см. tk.
 1. -ni 1. *субфикс* P². =
 Отл. (|| Исх.) надежда,
 2. *субф.* мн. числа.
 2. ni *оти.* мѣст. м. 27.
 3. -ni *постл.* м. 27.
 so м. 19.
 t см. tk.
 turini м. 17.
 tk > t || ḡqw ч. 14, 15.
 ḡi см. ḡir.
 ḡil см. ḡir.
 ḡir || ḡil > ḡi м. 25.
 turki ч. 8.
 tuta ч. 9.
 tute ч. 9.
 tkala м. 16.
 tkuala м. 16.
 ḡkorini м. 16, 17.
 he- > e-: heme || eme >
 emi м. 18.
 hea ч. 18.
 hem ч. 18.

перс.

«abācarish» [abātarim]
 др.-п. 13.
 bāzār 13.
 ḡapi- 34.

dapiver см. dipiver.
dipi- 33.
dipiver (dapiver) 33.
pati 5.
tacara [taṭara] 13.

санскр.

«dip» 33.

сван.

argi 29, 30.

yeq̄w см. q̄w.
bq̄w-: lbq̄ure 36.
g: ligne 22.
li 27.
lbq̄ure см. bq̄w-.
ligne см. g.
ḡerbeḡ 6.
kəle 15, 36.
q̄eq̄w см. q̄w.
q̄w: yeq̄w || q̄eq̄w 25.

сир.

уашшрā (καυα) 46.
κωα 7.
καυα 6, 7.
καυα κ̄i 31.
κ̄ςς 4.
ḡalmā (talmā) 4.

тур.

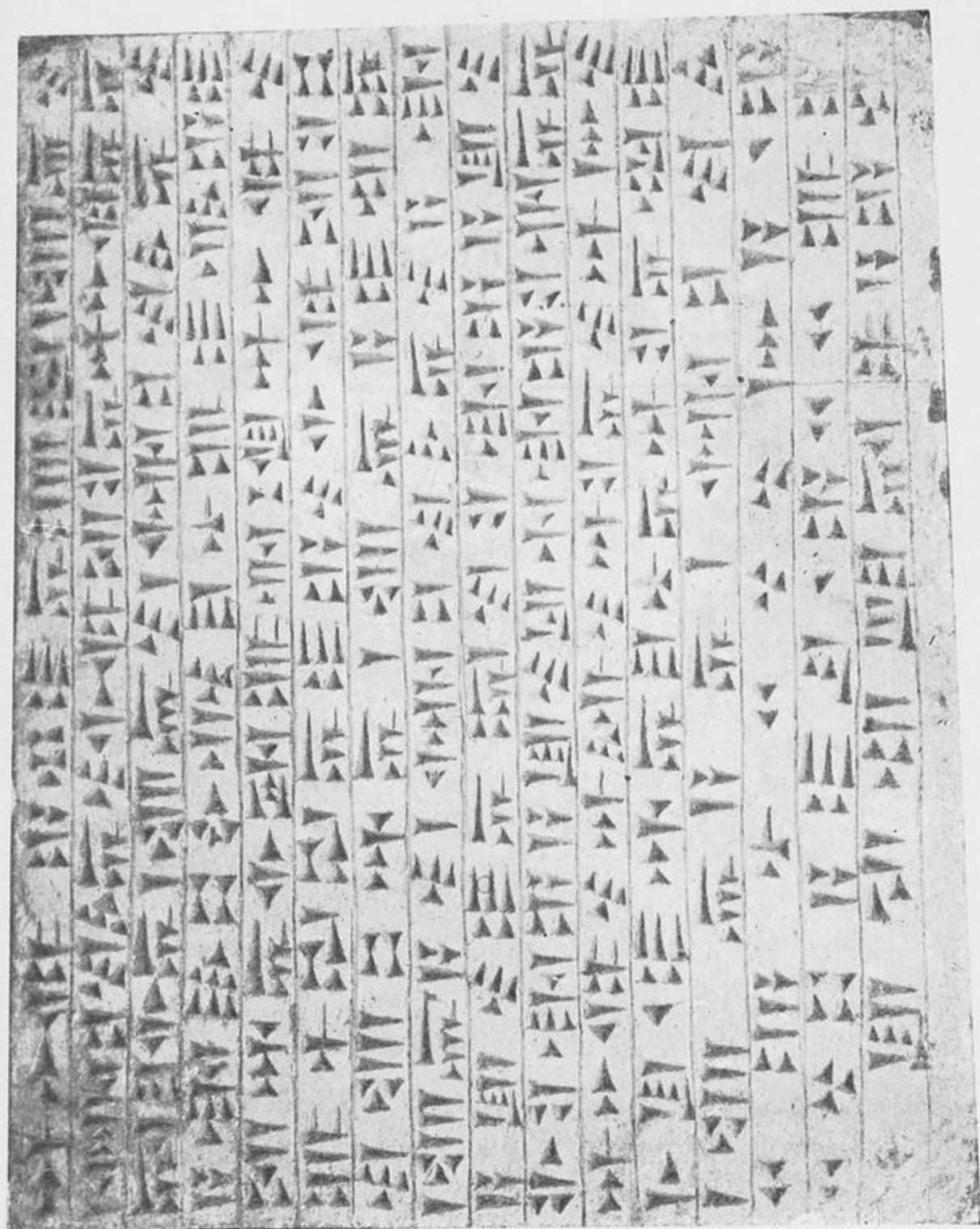
ḡeleb 3.

III. Указатель географических и этнических названий.

Argastovit 29.
Arkistia 30.
Arḡak 30.
Artkey > Artkē 30.
Arṭeysh > Arṭēm 30, 31.
Ardēm см. Arṭeysh.
Aṭara 37.
Okriba 37.
Opiza 37.
Urbnisi 31.
Baḷeysh || Ваḡeḡyḡsh 30,
40, см. Biḡlis.
Baḡēsh см. Baḷeysh.
Biana (граф. Biana) >
Biana 15, 34, 35,
37—41, 42, 44, P.
мн. ч. Bianaue (граф.
Bianaue) 15,3, стр.
34, 35.
Biḡlis 30, 40, см. Ba-
ḷeysh.
Bitanu 39, 40.
Bəznumiq: Bəznuneḡ
tow 38.

Van (нариц. van) 43.
Θωπίτις 43.
Θοφαγаван 43.
Θιḡarisi 30, 44.
Θφilisi 39.
Karbi 24.
Mitani 44.
Tao 11.
Γάχοι 11.
Tayq 11.
Tamiḡ 42.
Тешур 44, 45 см. Тешба
въ Ук. халд. словъ.
Тшшра || Тшшра: P. Тшш-
рае 16,5, стр. 12, 13,
42, 43.
Tuh (Σηζωυ ηωωηδ)
43, 44.
Qiḡadisi > Qiḡaisi 30.
Qiḡesh 30.
Шура: P. мн. Шураue
(граф. Шураue) 35.
Шəreysh > Шərēsh 30,
43.

Ḡaish || Ḡaish 30.
Ḡaldır (Чалдырь, Чал-
дырь) 42.
Ḡunesh 30.
Ḡaish см. Ḡaish.
Халибы 41.
Χάλυψ 41.
Ḡaldı халдъ (народъ) 3,
7, 41, 41; название
бога см. Ук. халд.
словъ.
Χαλδαῖοι 41.
«халдеи понтийские» 41.
Ḡaltiq || Ḡaḡtiq 41.
Ḡizan см. Hizan.
Diḡaish 30.
Ḡayq хай (впоследствии
«армяне») 4—7, 39—
41, ср. han; — Hayk
см. Ук. арм. словъ.
Han'ы 5, 44, см. Hayq.
Hizan > Ḡizan 39, 40.

Къ вопросу о погребальныхъ обрядахъ турковъ и МОНГОЛОВЪ.

Памятники прошлаго, оставленные кочевыми народами въ средне-азіатскихъ и черноморскихъ степяхъ, особенно курганы и такъ называемыя «каменные бабы», долгое время были загадкой для ученыхъ. Объясненіе этихъ памятниковъ было связано съ тѣми же трудностями, какъ вообще рѣшеніе археологическихъ вопросовъ, когда изслѣдователь не имѣетъ возможности дополнять археологическій матеріалъ извѣстіями письменныхъ источниковъ. Не было никакихъ точныхъ данныхъ для установленія абсолютной и относительной хронологіи, для приуроченія тѣхъ или другихъ памятниковъ къ опредѣленнымъ народамъ, извѣстнымъ изъ исторіи; столь же мало могло привести къ точнымъ выводамъ изученіе быта современныхъ кочевниковъ и сохранившихся въ степи преданій о старинѣ.

Благодаря открытію, въ 1889 г., орхонскихъ памятниковъ и дешифровкѣ, въ 1893 г., орхонскихъ надписей изслѣдователи средне-азіатской археологіи впервые получили въ свое распоряженіе точно датированный матеріалъ, приуроченіе котораго къ опредѣленному историческому народу не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Этимъ открытіемъ, между прочимъ, какъ указано въ напечатанной въ 1915 г. статьѣ Н. И. Веселовскаго «Современное состояніе вопроса о каменныхъ бабахъ»¹, былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ объ извѣстныхъ подъ этимъ именемъ каменныхъ статуяхъ опредѣленнаго типа, встрѣчающихся на пространствѣ отъ Монголіи до черноморскихъ степей, именно мужскихъ и женскихъ фигурахъ, держащихъ въ рукахъ передъ пупкомъ чашу. Послѣ открытія орхонскихъ памятниковъ мы знаемъ, что эти статуи, въ надписяхъ названныя «балбалами», ставились турками въ память умершаго, первоначально для изобра-

¹ Оттискъ изъ XXXII тома «Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей».

женія убитыхъ имъ враговъ, внослѣдствіи, вѣроятно, съ иною цѣлью, такъ какъ рядомъ съ мужскими статуями встрѣчаются и женскія; возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ изображали самого покойника. Народъ, которому принадлежатъ орхонскіе памятники, впервые выступастъ въ исторіи въ VI в. по Р. Хр., который и является *terminus post quem* для статуй этого типа; изъ разсказа Рубрука мы знаемъ, что еще въ его время, въ половинѣ XIII в., такія статуи ставились тогдашними кочевыми обитателями южно-русскихъ степей, кипчаками, извѣстными у русскихъ подъ именемъ половцевъ, у западныхъ европейцевъ подъ именемъ комановъ. Послѣ XIII в. такіе истуканы, насколько извѣстно, больше не ставились.

Изъ точно датированныхъ орхонскихъ памятниковъ и изъ «классическаго», по справедливому замѣчанію Н. И. Веселовскаго¹, описанія половецкаго погребенія у Рубрука, вѣроятно, придется исходить всѣмъ будущимъ изслѣдователямъ турецкихъ погребальныхъ обрядовъ. Въ настоящее время наукой, какъ видно, между прочимъ, и изъ статьи Н. И. Веселовскаго, для разрѣшенія этого вопроса сдѣлано еще очень мало. Установлено, что «каменные бабы» ставились турками и изображали убитыхъ покойникомъ враговъ; но попрежнему остается невыясненнымъ происхождение этого обычая, установленіе такого типа статуй, хронологическая послѣдовательность встрѣчающихся разновидностей этого типа, отношеніе статуй типа «каменныхъ бабъ» къ другимъ человѣческимъ изображеніямъ, встрѣчающимся въ тѣхъ же степяхъ. Не произведена даже предварительная работа, выполненіе которой было бы въ настоящее время вполне возможно; мы не имѣемъ сравнительнаго описанія орхонскихъ памятниковъ, сооруженныхъ при участіи китайскихъ мастеровъ, и другихъ мѣстъ погребенія, гдѣ встрѣчаются каменные бабы. Такое изслѣдованіе, вѣроятно, выяснило бы, какія подробности въ этихъ сооруженіяхъ объясняются только участіемъ китайскихъ мастеровъ и какія связаны со степными обычаями. Извѣстно, что самое слово «балбалъ», хотя оно встрѣчается, повидимому, не только въ орхонскихъ, но и въ енисейскихъ надписяхъ², считается пегурецкимъ и что его пытаются объяснить изъ китайскаго языка. Нѣтъ также археологическихъ изслѣдованій, которыя бы выяснили связь каменныхъ бабъ съ опредѣленнымъ типомъ погребенія. Въ Европейской Россіи, по замѣчанію Н. И. Веселовскаго³, всѣ каменные бабы уже увезены съ

¹ Каменные бабы, стр. 17 сл.

² Надпись Tsch M. a (6,4), ср. W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, S. 339 f. Ср. Атласъ древностей Монголіи, табл. XCIII, гдѣ, однако, можно разобрать соответствующія слова только на ретушированномъ эстампажѣ.

³ Каменные бабы, стр. 27.

кургановъ; въ Средней Азiи, вѣроятно, еще достаточно каменныхъ бабъ, оставшихся *in situ*, но онѣ, по замѣчанiю А. В. Адрианова, стоятъ одиноко, отдѣльно отъ могилъ; только въ предѣлахъ Монголіи А. В. Адриановъ видѣлъ такія изваянiя передъ могильными насыпями¹. По замѣчанiю Г. Н. Потанина² такіе случаи и въ Монголіи рѣдки. Наконецъ, извѣстія, преимущественно китайскія, о погребальныхъ обрядахъ того народа, которому принадлежатъ орхонскія надписи, еще не сопоставлены съ извѣстіями о погребальныхъ обрядахъ кочевниковъ болѣе раннихъ и болѣе позднихъ эпохъ. Въ наукѣ по этому вопросу были высказаны только отдѣльныя замѣчанiя, безъ попытки привлечь къ изслѣдованiю весь относящійся къ нему матеріалъ.

При такихъ условiяхъ было бы, конечно, преждевременно ставить вопросъ о погребальныхъ обрядахъ средне-азіатскихъ кочевниковъ во всемъ его объемѣ. Цѣль настоящей статьи—только дополнить статью Н. И. Веселовскаго нѣкоторыми данными, во-первыхъ, о послѣднемъ по времени кочевомъ народѣ, ставившемъ каменные бабы, т. е. о половцахъ, во-вторыхъ, о народѣ, который изъ всѣхъ кочевниковъ достигъ наибольшаго политическаго могущества и о которомъ мы, поэтому, имѣемъ больше всего извѣстій, т. е. о монголахъ.

Принадлежностью обыкновеннаго половецкаго погребенiя Рубрукъ считаетъ, во-первыхъ, холмъ, насыпанный надъ покойникомъ, во-вторыхъ, воздвигнутую въ честь его статую, обращенную лицомъ къ востоку. Богатые хоронились иначе; для нихъ строились мавзолеи въ видѣ остроконечныхъ домиковъ или кирпичныхъ башенъ, иногда въ видѣ каменныхъ домовъ. Вокругъ могилы одного половеца, умершаго незадолго передъ тѣмъ, были поставлены жерди по четыремъ странамъ свѣта и были развѣшаны 16 лошадиныхъ шкуръ, по четыре съ каждой стороны; передъ могилой были поставлены мясо и кумысъ, хотя покойникъ считался христiаниномъ³. Описывая половецкое погребенiе, Рубрукъ не приводитъ мѣстныхъ терминовъ; этотъ пробѣлъ, что до сихъ поръ, кажется, не было замѣчено писавшими о каменныхъ бабахъ, отчасти восполняется словаремъ половецкаго

¹ Статья «Путешествiе на Алтай и за Саяны, совершенное въ 1881 г.», въ Зап. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., т. XI, стр. 415. У С. Р. Минцлова (ЗВО. XXIII, 300) нѣвѣрная ссылка на т. II. Въ послѣднемъ трудѣ А. В. Адрианова (Къ археологiи Западнаго Алтая — Изв. Имп. Арх. Комм., вып. 62, 1916, стр. 45 и 49) говорится о двухъ каменныхъ бабахъ, стоявшихъ передъ курганами (въ мѣстности близъ Чернаго Иртыша); одинъ изъ этихъ кургановъ былъ раскопанъ изслѣдователемъ, но раскопки не дали никакихъ результатовъ.

² Очерки сѣв.-зап. Монг., II, 65.

³ В. де Рубрукъ, Путешествiе въ восточныя страны, перев. А. И. Малеева, СПб. 1911, стр. 80.

языка, сохранившимся въ известной венеціанской рукописи начала XIV в. Въ словарѣ термины, относящіеся къ погребенію, объяснены по-нѣмецки¹ и принадлежатъ къ матеріалу, собранному, по словамъ В. В. Радлова², нѣмецкими или венгерскими миссіонерами. Прежде всего приводится слово «курганъ» въ значеніи *en gihoft ggar*, т. е. насыпной могильный холмъ. Слово «курганъ» въ живыхъ и литературныхъ турецкихъ нарѣчіяхъ, начиная съ языка орхонскихъ надписей, встрѣчается въ значеніи «крѣпость, укрѣпленіе»; только это значеніе приводится въ словаряхъ, въ томъ числѣ и въ «Опытѣ словаря тюркскихъ нарѣчій» В. В. Радлова³, хотя В. В. Радловъ въ своемъ изслѣдованіи о *Codex Comanicus*, вышедшемъ въ свѣтъ до начала печатанія словаря, приводитъ значеніе «Grabhügel», могильный холмъ⁴. Въ русскій языкъ оно перешло въ этомъ значеніи, очевидно, изъ половецкаго; въ Средней Азіи могильный холмъ называется иначе, обыкновенно «тепе» или «тюбе».

Послѣ слова «курганъ» приводится слово «iv» «des toden hws», т. е. домъ мертваго. Очевидно, имѣется въ виду обще-турецкое слово, въ орхонскихъ надписяхъ *äb*, въ словарѣ В. В. Радлова⁵ *öi*, *öi* и *yi* (съ діалектическими формами *äb*, *äp*, *äw*, *äv*, *eb*, *ÿ*, *ÿg*, *ÿg*), значущее вообще «домъ». У половцевъ такъ, вѣроятно, назывались упомянутые Рубрукомъ каменные дома-мавзолеи.

Рядомъ съ *iv* стоитъ *kesenä* въ значеніи «der toden huw». Точное значеніе средне-германскаго слова «huw» мнѣ неизвѣстно, и получить объясненіе отъ специалистовъ мнѣ не удалось; издатель словаря графъ Кунъ переводилъ его словомъ «fossa», ровъ⁶, причемъ ссылаясь на *altaicum* «*käzinti*», но въ примѣчаніяхъ⁷ предлагалъ переводить выраженіе «des toden huw» (*sic*) словомъ «*tumulus*», повидимому, сближая его съ *Haufen*. В. В. Радловъ⁸ читалъ *käzänä* и переводилъ «Grabhügel». У киргизовъ слово *käsänä* до сихъ поръ значитъ «мавзолей»; извѣстно, между прочимъ, зданіе Кокъ-Кесене въ Перовскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области, въ 4 или 5 верстахъ

¹ *Codex Cumanicus*, ed. Comes Géza Kun, Budapestini 1880, p. 222.

² *Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus*, St.-P. 1887 (*Mém. de l'Acad.*, t. XXXV, № 6), S. 1.

³ Опытъ словаря, II, 570 и 940.

⁴ *Das türk. Sprachm.*, S. 29. Покойный П. М. Мелиоранскій (Займствов. вост. слова въ русской письменности до-монг. періода, стр. 14) считалъ «пріемлемымъ» мнѣніе, что старое турецкое слово получило новое значеніе подъ влияніемъ перс. *کورخانه*.

⁵ Опытъ словаря, I, 1171, 1335 и 1799.

⁶ *Cod. Cum.*, p. 222, 262.

⁷ *Ibid.*, p. 365.

⁸ *Das türk. Sprachm.*, S. 31; Опытъ словаря, II, 1174.

отъ желѣзнодорожной станціи Тюмень-арыкъ¹. Возможно, что мы имѣемъ здѣсь, какъ полагалъ одинъ изъ мѣстныхъ киргизовъ², передѣлку персидскаго كاشانه, которое могло перейти къ половцамъ. Вѣроятно, такъ назывались упоминаемые Рубрукомъ кирпичные мавзолеи.

Всего интереснѣе послѣдній терминъ *sin* «des toden bilde», т. е. изображеніе умершаго; очевидно, это слово относится къ каменнымъ бабамъ. По замѣчанію Г. Н. Потанина, слово «сынъ» значить по-чувашски и по-татарски «образъ, лицо, изображеніе» (при этомъ дѣлается ссылка на «Чувашскій словарь» Золотницкаго), по-алтайски и по-сойотски — «олень-самецъ»³. Одинъ изъ ученыхъ путешественниковъ XVIII в., Фалькъ, при описаніи енисейскихъ писаницъ приводитъ терминъ «синташъ» въ значеніи «олений камень» (*Hirschfelsen*), т. е. «камень съ изображеніемъ оленя», какъ «ат-ташъ» — «камень съ изображеніемъ коня»⁴. Несомнѣнно, однако, что киргизское слово «сынъ-тасъ», приведенное Г. Н. Потанинымъ⁵, какъ синонимъ монгольскаго «кишачило» (*xöshö-чулу*), образовано изъ словъ «сынъ» въ значеніи «изображеніе, фигура»⁶ и «тасъ» (ташъ) камень. Искаженіе того же слова «сынъ» мы, по всей вѣроятности, имѣемъ въ словѣ Симъ-тюбе, какъ, по словамъ В. А. Каллаура, называется курганъ съ каменной бабой близъ Мерке, и въ словѣ «симъ-ташъ», какъ, по словамъ того же изслѣдователя, называются эти статуи въ Аулиеатинскомъ уѣздѣ (авторъ приводитъ также терминъ сюретъ-ташъ); названіе «симъ-ташъ» носятъ также урочище въ низовьяхъ рѣки Таласа, «получившее это названіе отъ стоящаго въ долинѣ этого урочища камня высотой около 2 аршинъ»⁷. Изъ всего этого можно заключить, что послѣдній народъ, ставившій каменные бабы, употреблялъ для обозначенія ихъ терминъ, сохранившійся въ степи до сихъ поръ. Трудно сказать, почему это слово, встрѣчающееся во многихъ нарѣчіяхъ и, повидимому, чисто-турецкое, замѣнено въ древнѣйшемъ турецкомъ письменномъ памятникѣ словомъ, которому приписываютъ китайское происхожденіе и которое, повидимому, нѣкогда тоже было широко распространено въ степи. Въ живыхъ нарѣчіяхъ оно въ первоначальномъ значеніи нигдѣ не сохранилось; по словамъ В. А.

¹ Протоколы Турк. Кружка Люб. Арх., VI, 98 и слѣд.; XIII, 26.

² *Ibid.*, XIII, 12.

³ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, прим. 4 къ гл. II (стр. 20).

⁴ Falk. Beiträge zur topogr. Kenntniss des Russ. Reiches, I, 349. Ср. А. С. Уваровъ въ Трудахъ I Археол. Съѣзда, стр. 503; Н. И. Веселовскій, Кам. бабы, стр. 4, прим. 1.

⁵ Очерки, II, 64.

⁶ В. Радловъ, Опытъ словаря, IV, 628.

⁷ Протоколы Турк. Кружка Люб. Арх., III, 9 сл.

Каллаура, въ Дуліеатинскомъ уѣздѣ «балбалами» теперь называютъ небольшіе участки съ валиками внутри городища¹; возможно, что эти участки получили такое названіе по сходству съ могильниками, при которыхъ находились каменные бабы. Употреблялось ли слово «балбал» когда либо кочевниками черноморскихъ степей, пока не выяснено; положительное или отрицательное рѣшеніе этого вопроса могло бы подтвердить или опровергнуть мнѣніе В. В. Радлова² и покойнаго П. М. Меліоранскаго³ о происхожденіи русскаго «болванъ», въ значеніи «идоль» встрѣчающагося уже въ «Словѣ о Полку Игоревѣ», отъ турецкаго «балбалъ». Половецкій словарь приводитъ къ выводу, что во время его составленія слова «балбал» у половцевъ не было, изъ чего, конечно, не слѣдуетъ, что его не было и въ эпоху «Слова о Полку Игоревѣ».

Рубрукъ ничего не говоритъ о почитаніи каменныхъ бабъ; вообще мы не находимъ у него никакихъ данныхъ для подтвержденія интереснаго разсказа Низами, приведеннаго мною въ отчетѣ о моей первой поѣздкѣ въ Среднюю Азію, гдѣ, между прочимъ, описывается, какъ всадникъ, проѣзжавшій мимо истукана, клалъ стрѣлу изъ своего колчана въ его колчанъ⁴. Послѣдняя подробность имѣетъ для насъ большой интересъ; мы увидимъ, что колчаны со стрѣлами были, по всей вѣроятности, также на истуканахъ, ставившихся впоследствии монголами.

Въ литературѣ о каменныхъ бабахъ уже было обращено вниманіе на фактъ, что Рубрукъ ничего не говоритъ о каменныхъ бабахъ внѣ Европейской Россіи⁵. Къ востоку отъ страны половцевъ имъ упоминаются только могильники въ видѣ большихъ площадей, вымощенныхъ камнями, причемъ нѣкоторыя площади были круглыми, другія четырехугольными; съ каждой изъ четырехъ странъ свѣта стояло по «длинному камню». Очевидно, имѣются въ виду «кэрэкурсы»⁶ разныхъ типовъ, подробно описанныхъ въ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи» Г. Н. Потанина; насколько мнѣ извѣстно, только разсказомъ Рубрука для этихъ могильниковъ устанавливается *terminus ante quem*. Близъ нѣкоторыхъ кэрэкуровъ стоятъ

¹ Протоколъ засѣд. Турк. Кр. Л. А. 29 авг. 1897 г., прилож., стр. 3. Ср. П. М. Меліоранскій въ ЗВО., XII, 4.

² Die altt. Inschr. der Mongolei, S. 235.

³ Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о Полку Игоревѣ» (1902), стр. 8 сл. Вторая статья о турецкихъ элементахъ и т. д. (1905), стр. 13 сл.

⁴ В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Ср. Азію, стр. 20, прим. 4.

⁵ В. А. Мустафинъ въ Прот. Турк. Кружка, III, 19.

⁶ Монголы приписываютъ могильныя насыпи киргизамъ; отсюда, повидимому, и названіе (у Рамстедта, Zwei uigurische Runeninschriften, S. 40 *χirgis-ūr*).

каменные бабы, но это, по словамъ Г. Н. Потанина, рѣдкое явленіе¹. Рубрукъ такихъ кэрэксуровъ, очевидно, не встрѣчалъ.

Рубрукомъ, несмотря на его рѣдкую наблюдательность, не могъ, конечно, быть поставленъ вопросъ о чертахъ сходства и различія въ погребальныхъ обрядахъ различныхъ народовъ и о зависимости такихъ чертъ отъ причинъ этнографическаго и культурно-историческаго характера. Относящіяся къ этимъ вопросамъ факты только теперь начинаютъ выясняться. Любопытно, между прочимъ, отсутствіе каменныхъ бабъ около харабалгасунскаго памятника², поставленнаго въ началѣ IX в. въ честь уйгурскаго кагана. Едва ли можно объяснить этотъ фактъ тѣмъ вліяніемъ манихейства, о которомъ свидѣлствуютъ харабалгасунскія надписи; манихейство было принято уйгурами недавно и едва ли успѣло измѣнить погребальные обычаи, которые у кочевниковъ, вообще, медленно вытѣснялись новой религіей, какъ показываетъ и рассказъ Рубрука о половецкомъ погребеніи. Если бы у уйгуровъ до принятія манихейства были каменные бабы, то этотъ обычай, вѣроятно, сохранялся бы у нихъ и черезъ полвѣка послѣ перемѣны вѣры. Къ тому же каменныхъ бабъ нѣтъ и у открытой Рамстедтомъ могилы болѣе ранняго уйгурскаго кагана, умершаго въ 759 г., до принятія уйгурами манихейства³. Мы пока не знаемъ ни одного не-турецкаго народа, который бы воздвигалъ статуи этого типа, но не имѣемъ также доказательствъ, чтобы сооруженіе каменныхъ бабъ когда либо было обще-турецкимъ обычаемъ.

Монголы, выступающіе только въ XIII в., находились подъ вліяніемъ своихъ турецкихъ предшественниковъ, особенно уйгуровъ; кромѣ того мы въ ту же эпоху замѣчаемъ сильное вліяніе китайской государственности; керайтскій ханъ, бывшій до возвышенія Чингизъ-хана самымъ могущественнымъ лицомъ въ восточной Монголіи, и его сынъ носили китайскіе титулы, совершенно вытѣснившіе ихъ личныя имена. Тѣ же монголы, однако, находились подъ вліяніемъ первобытнаго шаманизма, сохранявшагося въ лѣсахъ Забайкалья, и потому, несмотря на вліяніе уйгурской и китайской культуры, при погребеніи потомковъ Чингизъ-хана совершались обряды, которые, вѣроятно, всѣмъ турецкимъ кочевникамъ показались бы пережиткомъ отдаленной эпохи.

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 65. Ср. также слова С. Р. Минцлова въ ЗВО., т. XXIII о многочисленныхъ курганахъ (стр. 295) и крайне рѣдкихъ каменныхъ бабахъ (стр. 300) въ Урянхаѣ.

² Ср. описаніе его въ Сборн. трудовъ Орх. эксп., I, 4 сл.; W. Radloff, Die alt. Inschriften, S. 283; также въ «Атласъ древностей Монголіи» таблицы XXVIII и XXX.

³ О датѣ памятника G. J. Ramstedt, Zwei uigur. Runeninschriften, S. 45. О времени принятія уйгурами манихейства E. Chavannes и P. Pelliot въ JA, 11, I (1913), 199.

Представить полную картину монгольского погребенія или хотя бы погребенія монгольскихъ хановъ невозможно, пока мы не имѣемъ критическаго изслѣдованія всѣхъ извѣстій первоисточниковъ. Вышолненіе такого изслѣдованія облегчается сравнительнымъ обиліемъ источниковъ, но затрудняется разбросанностью и разнообразіемъ матеріала. Такъ, напримѣръ, въ разказахъ о погребеніи хановъ въ Персіи есть такія подробности, которыхъ нѣтъ въ разказахъ о погребеніи хановъ въ Монголіи, и наоборотъ; не всегда ясно, имѣемъ ли мы право соединять всѣ эти разказы въ одно цѣлое, предполагая, что обряды ханскаго погребенія были безусловно одни и тѣ же на всемъ пространствѣ монгольской имперіи и что передъ нами только фактъ случайнаго умолчанія отдѣльныхъ источниковъ о тѣхъ или другихъ частяхъ одного и того же церемоніала.

Всѣ источники согласны между собою въ томъ, что члены монгольскаго ханскаго рода на всемъ пространствѣ имперіи хоронились въ трудно доступныхъ мѣстахъ, преимущественно на высокихъ горахъ; ханскія кладбища были запретнымъ мѣстомъ, охранявшимся военными отрядами; даже людямъ изъ этой стражи было неизвѣстно точное мѣстоположеніе ханской могилы, не обозначавшееся никакими внѣшними знаками. Ханское кладбище, въ качествѣ запретнаго мѣста, вездѣ обозначается однимъ и тѣмъ же терминомъ — турецкимъ словомъ *курукъ*, причемъ пишется также *куруикъ* и *гуррукъ*¹. Въ до-монгольскую эпоху мнѣ удалось найти только одинъ примѣръ употребленія слова «курукъ», именно въ разказѣ Нершахи о ханѣ Шемс-ал-мулькѣ Насрѣ, правившемъ въ Самаркандѣ и Бухарѣ съ 1068 по 1080 гг. Шемс-ал-мулькъ скупилъ земли къ югу отъ Бухары, гдѣ теперь находится намазгахъ, устроилъ здѣсь ханское имѣніе и назвалъ его «курукомъ». Имѣніе было окружено высокой стѣной и занимало пространство около мили, т. е. отъ двухъ до трехъ верстъ въ окружности; внутри стѣны находилось пастбище для царскихъ коней, дворецъ, голубятня и паркъ для дикихъ звѣрей². Какъ показываетъ турецкій терминъ, понятіе о «курукѣ» не было заимствовано Караханидами у населенія покоренныхъ ими бывшихъ областей халифата, но принесено изъ восточной части Средней Азіи, наравнѣ съ уйгурскимъ алфавитомъ и рядомъ культурныхъ словъ³, встречающихся въ поэмѣ Кудатку (или Кутадгу)-Биликъ и впоследствии у

¹ Напр. *قوريق* у Рашид-ад-дина въ изд. Березина, Труды Вост. Отд. VII, 59; *غروق* тамъ же, стр. 191; въ изд. Катрмера, стр. 416; въ изд. Blochet, стр. 592 и слѣд.

² Nerchakhy, ed. Schefer, p. 27 sq. (*غورق*) Ср. В. Бартольдъ, Туркестанъ, II, 112 сл.

³ Любопытно, между прочимъ, что слово «карши» (дворецъ), которое впоследствии было извѣстно мусульманскимъ авторамъ только какъ монгольское, встречается уже въ Кудатку-Биликѣ. Ср. примѣры въ словарѣ В. В. Радлова, II, 207 сл.

монголовъ, заимствовавшихъ эти термины у того же культурнаго восточно-турецкаго народа, уйгуровъ.

Въ монгольскую эпоху словомъ «курукъ» обозначалось въ мусульманской Средней Азіи все заповѣдное и запрещенное¹, куда былъ закрытъ доступъ постороннимъ: участки земли, составлявшіе частную собственность или, чаще, собственность государя; дворець государя и въ особенности его гаремъ. «Курукчіями», наравнѣ со стражей ханскихъ кладбищъ, назывались также часовые, стоявшіе у входа въ ханскій гаремъ. Въ Монголіи кладбище съ могилами Чингизъ-хана и нѣкоторыхъ изъ его потомковъ называлось «великимъ курукомъ»², по-монгольски ихэ (jexe)-курукъ; употребленіе монгольскаго прилагательнаго показываетъ, что слово «курукъ» въ значеніи «ханское кладбище» вошло въ языкъ монгольскаго народа, хотя въ этомъ значеніи въ немъ не удержалось. Теперь, какъ мнѣ сообщилъ Б. Я. Владиміровъ, слово «курукъ», въ народномъ произношеніи «хурягъ», значитъ по-монгольски только «запретное», особенно жилище правителя. Уйгурское слово, проникшее въ Туркестанъ и въ Монголію, первоначально, по всей вѣроятности, служило для обозначенія понятія, возникшаго подъ вліяніемъ китайской государственности, хотя впоследствии турки ознакомились съ арабскимъ словомъ, выражавшимъ то же понятіе, возникшее въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ традицій передне-азиатскаго деспотизма. Слово «харимъ», какъ назывался, между прочимъ аббасидскій дворець въ Багдадѣ³, впоследствии вытѣснило въ Туркестанѣ слово «курукъ», какъ правовой терминъ⁴.

Изъ разсказовъ Рашид-ад-дина можно заключить, что «куруки» были въ Монголіи еще до Чингизъ-хана; такъ говорится о разграбленіи врагами «части курука» Ванъ-хана кераитскаго⁵. Изъ текста не видно, идетъ ли рѣчь о ханскомъ пастбищѣ съ его стадами или о «запретныхъ рощахъ», какъ полагалъ русскій переводчикъ Рашид-ад-дина, проф. Березинъ⁶, или, наконецъ, о ханскихъ кладбищахъ съ ихъ обстановкой. Запретнымъ становилось не только мѣсто погребенія умершаго хана, но и его имя, причемъ и въ этомъ случаѣ употребляется терминъ «курукъ»; такъ говорится, что послѣ смерти Джагатая его имя стало «курукомъ» и другое лицо,

¹ Ср. примѣры въ словарѣ Будагова, II, 52 сл. Текстъ Бабура о самаркандскомъ курукѣ въ изданіи Ильминскаго, стр. 60; въ изданіи Beveridge, стр. 48, текстъ съ пропусками.

² *یکه قوروق* у Рашид-ад-дина, изд. Blochet, 336 сл.

³ Якутъ, II, 255, 2. Kremer, Culturgeschichte, II, 57.

⁴ В. Бартольдъ, Къ исторіи орошенія Туркестана, стр. 31.

⁵ Труды Вост. Отд., VII, 126.

⁶ Труды Вост. Отд. V, 99.

носившее то же самое имя, должно было называться иначе¹. Пятый сынъ Угэдэя Каши получилъ свое имя потому, что родился въ годъ завоеванія Чингизь-ханомъ Тангута, носившаго также названіе Каши (по-китайски Хэ-си, т. е. «страна къ западу отъ большой рѣки»); послѣ ранней смерти царевича «его имя сдѣлали курукомъ», и область стали называть только «Тангутъ»². Къ этому обычаю, вѣроятно, относятся слова Плано Карпини³, что «никго вплоть до третьяго поколѣнія не дерзаетъ называть умершаго его собственнымъ именемъ». У турецкихъ кочевниковъ мы, насколько извѣстно, примѣровъ такого запрещенія произносить имя умершаго не встрѣчаемъ.

Вообще у монголовъ культъ мертвыхъ и связанные съ нимъ шаманскіе обряды носили болѣе примитивный и потому болѣе варварскій характеръ, чѣмъ у извѣстныхъ намъ турецкихъ народностей. Какъ убѣдительно доказываетъ Н. И. Веселовскій⁴, въ основѣ турецкихъ и монгольскихъ погребальныхъ обычаевъ лежитъ одна и та же шаманская идея, что убитые ханомъ или ради него люди должны служить ему на томъ свѣтѣ. У орхонскихъ турковъ отголоскомъ этой идеи былъ обычай воздвигать въ память умершаго статуи убитыхъ имъ враговъ; у монголовъ та же идея выражалась въ обычаѣ убивать всѣхъ встрѣчныхъ по пути похоронной процессіи отъ мѣста смерти хана до мѣста погребенія, причемъ имъ, по словамъ Марко Поло⁵, говорили: «Иди на тотъ свѣтъ служить нашему государю!» Марко Поло увѣряетъ, что послѣ смерти Мункэ-хана такимъ образомъ погибло болѣе 20000 человекъ. Едва ли это соотвѣтствуетъ дѣйствительности; монгольскій обычай въ то время былъ всѣмъ извѣстенъ; къ тому же сами монголы тотчасъ послѣ смерти хана издавали приказъ о закрытіи путей, и каждый долженъ былъ оставаться тамъ, гдѣ его застигаль приказъ, въ населенномъ мѣстѣ или въ пустынѣ⁶. Едва ли, поэтому, процессія встрѣчала на своемъ пути много народа.

Монгольскимъ обычаемъ вполне объясняется, почему мы не находимъ въ мусульманскихъ источникахъ никакихъ свѣдѣній о составѣ и внѣшнемъ видѣ процессіи; говорится только, что тѣло клали въ ящикъ (сандыкъ) и

¹ Ibid., V, 47; VII, 59.

² Рашид-ад-динъ въ изд. Blochet, стр. 7. О названіи страны еще ibid., стр. 597, гдѣ транскрипція خوشی и невѣрный переводъ مغرب بزرك رودخانه. Ср. мою статью въ Изв. Геогр. Общ. XXXV, 703.

³ Перев. Малеева, стр. 11.

⁴ Каменные бабы, стр. 25 сл.

⁵ Перев. Минаева, стр. 87. Д'Оссонъ (I, 381) ошибочно объяснилъ тотъ же обычай желаніемъ скрыть смерть государя.

⁶ Ср. рассказъ о смерти Гуюка у Рашид-ад-дина въ изданіи Blochet, стр. 250 сл.

потомъ отвозили. О. Палладій¹ по нѣсколькимъ китайскимъ источникамъ приводитъ довольно подробныя свѣдѣнія, но нѣкоторыя подробности его разсказа вызываютъ сомнѣніе. Ящикъ дѣлали изъ душистаго дерева; покойника одѣвали и клали съ нимъ въ ящикъ золотые сосуды и другіе предметы, въ томъ числѣ чайникъ, котораго у монголовъ въ эту эпоху навѣрное не было. Въ мусульманской литературѣ мы имѣемъ только одинъ разсказъ о погребеніи съ монгольскимъ ханомъ драгоцѣнностей, именно разсказъ Вассафа о погребеніи Хулагу въ 1265 г.; съ нимъ будто бы положили въ могилу много золота и драгоцѣнныхъ камней². Вопросъ былъ неясенъ и для современниковъ монгольскихъ хановъ; Плано Карпини говоритъ, что съ покойникомъ, особенно съ ханомъ, зарываютъ много золота и серебра³; Рубрукъ замѣчаетъ по этому поводу, вѣроятно, имѣя въ виду слова Плано Карпини: «Я не знаю того, чтобы они скрывали съ мертвыми сокровища»⁴.

По даннымъ, собраннымъ у о. Палладія, гробъ сколачивался четырьмя золотыми обручами и ставился на катафалкъ изъ бѣлаго войлока и ковровъ. Процессія трогалась на третій день послѣ смерти хана; впереди ѣхала шаманка и вела на поводу лошадь съ богато убраннымъ сѣдломъ; на пути каждый день приносили въ жертву барана. Дальше прямо говорится о прибытіи къ мѣсту погребенія и о зарываніи тѣла; ничего не сказано объ обрядахъ оплакиванія въ ханскихъ ордахъ, о чемъ довольно подробно говорятъ Рашид-ад-динъ. У Чингизъ-хана, какъ у другихъ хановъ, были четыре главныхъ орды, по числу главныхъ женъ; для совершенія обряда оплакиванія гробъ съ тѣломъ каждый день переносили изъ одной орды въ другую; весь обрядъ продолжался три мѣсяца⁵. О томъ же самомъ говорится при описаніи погребенія Мункэ-хана, причѣмъ еще прибавляется подробность, что гробъ въ ордѣ ставился на тронъ⁶.

О. Палладій приводитъ «монгольское преданіе», по которому могилы хановъ находились около горы Тасъ, къ сѣверу отъ Долоннора, на пути къ Кэрулюну. Рашид-ад-динъ указываетъ совершенно другое мѣсто — гору Бурханъ-халдунъ, называвшуюся также Будда-ундуръ⁷; изъ монгольскаго эпического сказанія видно, что эта гора находилась на пути отъ Толы къ

¹ Труды Пек. миссін, IV, 251 сл.

² Вассафъ, литогр. изд., стр. 52. Ср. d'Ohsson, Hist. des Mongols, III, 407.

³ Перев. Маленна, стр. 11 сл.

⁴ Ibid., стр. 80.

⁵ Труды Вост. Отд. Арх. Общ. XV, 144 сл.; текстъ, стр. 191 сл.

⁶ Изд. Blochet, стр. 336.

⁷ Ср. неудачный переводъ Blochet (ibid.) «le grand Bouddha»; это толкованіе совершенно исключается порядкомъ словъ; нѣтъ также, насколько извѣстно, примѣровъ употребленія монголами слова «Будда» въ этой формѣ. Ср. толкованіе слова «ундуръ», какъ существительнаго, у Рашид-ад-дина, Труды Вост. Отд. V, 97; VII, 124.

Онону¹. Комментаторъ Юань-чао-ми-ши, Сюй-сунъ, отождествляетъ гору Бурханъ съ горою Тэлэрги (пишется также Тэрэльчжи и Тэлэрци) въ Гэнтэѣ, гдѣ беретъ начало Ононъ². Въ русской литературѣ, насколько мнѣ извѣстно, упоминается только одна поѣздка вверхъ по Онону до его истоковъ и оттуда черезъ хребетъ Гэнтэй къ истокамъ Кэрулюпа, именно поѣздка Доржитарова. Подробнаго описанія этой поѣздки мы не имѣемъ; издана только съемка пути, причемъ у верховьевъ рѣки упоминаются горячія минеральныя воды, еще выше — юрты звѣролововъ³.

По монгольскому преданію, культъ горы Бурханъ-халдунъ возникъ еще при жизни Чингизъ-хана и не имѣлъ отношенія къ его могилѣ. Во время войнъ за обладаніе Монголіей Чингизъ-ханъ послѣ одной неудачи скрывался на этой горѣ; враги три раза объѣхали кругомъ, но не нашли его; послѣ своего избавленія Чингизъ-ханъ принесъ жертву горѣ, девять разъ преклонилъ колѣни, совершилъ возліянiе кумысомъ и завѣщалъ своимъ потомкамъ совершать жертвоприношенія въ память этого событія⁴. Говорится о лѣсѣ на горѣ Бурханъ-халдунъ, притомъ еще до Чингизъ-хана⁵; тѣмъ не менѣе въ разсказѣ о смерти Чингизъ-хана упоминается отдѣльно стоявшее дерево, подъ которымъ Чингизъ-ханъ желалъ быть похороненнымъ и вокругъ котораго послѣ похоронъ, въ тотъ же самый годъ, разросся густой лѣсъ, такъ что даже «старые курукчіе» не знали, какъ пройти къ первоначальному дереву и къ могилѣ Чингизъ-хана⁶. Культomъ лѣса и древесныхъ насажденій вообще, повидимому, опредѣлялся выборъ мѣста для ханскихъ кладбищъ. Плато Карпини и его спутники проѣзжали мимо куста, посаженнаго ханомъ Угэдэемъ «за упокой своей души»; подъ страхомъ строгаго наказанія было запрещено срѣзывать въ этомъ мѣстѣ прутья⁷. Точное мѣстоположеніе этого куста или рощи, къ сожалѣнію, не указывается; очень вѣроятно, что Плато Карпини проѣзжалъ мимо той горы въ бассейнѣ верхняго Иртыша, на которой по Рашид-ад-дину былъ курукъ Угэдэя⁸. Монгольское названіе той мѣстности въ Персіи, гдѣ въ 1291 г.

¹ Труды Пек. миссіи, IV, 53 сл.

² Ibid. 143. Авторъ Мянъ-гу-ю-му-ци (перев. П. С. Попова, стр. 347) помещаетъ ту же гору на южномъ берегу Толы.

³ Ср. Записки Сиб. Отд. П. Р. Геогр. Общ., VIII, 148.

⁴ Труды Пек. миссіи, IV, 52.

⁵ Разсказъ Рашид-ад-дина, Труды Вост. Отд. V, 66 сл., VII, 83 сл. (особенно 85).

⁶ Труды Вост. Отд., XV, 144 сл.; текстъ, стр. 191 сл.

⁷ Перев. Маленна, стр. 11. Ср. слова П. И. Веселовскаго въ ЖМНП. 1916, № 7, отд. II, стр. 95.

⁸ Соответствующаго мѣста нѣтъ въ изданіи Blochet; ср. текстъ рукоп. Публ. библ. V, 3, 2, стр. 1060 сл. о горѣ: آنرا بولداق قاسر کوبند وهمواره پر برف باشد واین زمان آنرا ایکه اوایر میخوانند وازان کوه بیسون موران وترکان اوشورنرو (?) می آید ودر رودخانه

былъ похороненъ ханъ Аргунъ, которое д'Оссонъ читалъ Avizé, вѣроятно надо читать *Ourg* (лѣсъ)¹. Разведеніе лѣса было лучшимъ средствомъ скрыть мѣсто погребенія, хотя, какъ замѣтилъ Н. И. Веселовскій², въ китайскомъ описаніи погребенія и у Платона Карпини одинаково говорится только о зарастаніи могилы травой, послѣ чего ее нельзя было распознать.

По словамъ Платона Карпини, «тайно въ полѣ» хоронили у монголовъ не только хановъ, но вообще знатныхъ лицъ³. Трудно, однако, сказать, насколько этотъ обычай былъ обще-монгольскимъ и насколько его можно считать племенной особенностью монгольскаго народа. Больше всего расхо- дится съ этимъ обычаемъ курганное погребеніе, которое, однако, судя по монгольскимъ преданіямъ, не было безусловно чуждо монголамъ; А. М. Позднѣевъ⁴ упоминаетъ о кругломъ курганѣ, который считается могилой богатыря Мацлая, современника Хубилай-хана. Съ другой стороны мы не знаемъ, были ли извѣстны народу могилы турецкихъ хановъ и обозначались ли эти могилы какими нибудь внѣшними знаками. При раскопкахъ, произведенныхъ орхонской экспедиціей около памятника Бильге-хана, могильной ямы нигдѣ не оказалось, и В. В. Радловъ пришелъ къ заключенію, «что могильные памятники въ честь умершихъ тюркскихъ князей не ставились на самой могилѣ ихъ, но что для празднованія поминокъ строились особые памятники въ отдаленіи отъ самой могилы»⁵.

Письменные источники монгольскаго періода ничего не говорятъ объ обычаѣ, который теперь также соблюдается безъ различія живущими въ лѣсахъ шаманистами-турками и монголами, именно объ устройствѣ для мертвыхъ, особенно для шамановъ, помостовъ или палатей на деревьяхъ⁶. Возможно, что на этотъ обычай намекаютъ слова монгольскаго эпическаго

اردش میبیزد وازان کوه تا اردیشی دوروزه راه باشد وچاپار در حدود آن رودخانه فشلاق میکند. Кладбище, вѣроятно, называлось Ихэ (Jexe)-оуръ (большой лѣсъ). Ср. другія чтенія у Raverty, *Tabaqat-i-Nasiri*, p. 1143.

¹ D'Ohsson, IV, 58; въ литогр. изд. Вассафа, стр. 245 اوکییر.

² Каменные бабы, стр. 12.

³ Перев. Маленина, стр. 10 внизу.

⁴ Монголія и монголы, II, 311.

⁵ Сборникъ Трудовъ орхонской экспедиціи, IV, 7.

⁶ Ср. Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 36—38 (объ алтайцахъ, урянхайцахъ и бурятахъ Аларскаго вѣдомства); о соютахъ (урянхайцахъ) еще С. Р. Минцловъ въ ЗВО. XXIII, 294; также слова Гардизи о племени Фури въ моемъ «Отчетѣ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію», стр. 87 (текстъ) и 111 (переводъ) О киргизахъ то же самое говоритъ (можетъ быть, по литературнымъ даннымъ) еще въ XVI в. османскій авторъ Сейфи (C. Schefer, *Histoire de l'Asie Centrale*, p. 302). Текстъ по Лейденской рукописи № 917, стр. 22: اولنده طبراغده دفن اتمزلی یوکسک اغاجلر واردر تابوتی ایله اول اغاجلره چقاریب قورلر کموکری چوریوب توکلنجه طورر.

сказанія о «торжественныхъ похоронахъ»¹, устроенныхъ послѣ казни Чжамухъ, сопернику Чингизъ-хана. Какъ мнѣ сообщилъ Б. Я. Владиміровъ, въ монгольскомъ подлинникѣ употреблено выраженіе, буквально значущее «возносить кости».

Замѣчательно, что мусульманскіе источники вообще ничего не говорятъ о принесеніи въ жертву при погребеніи хана людей и животныхъ; только въ рассказѣ Вассафа² о погребеніи Хулагу сказано, что съ ханомъ опустили въ могилу нѣсколькихъ красивыхъ дѣвушекъ въ нарядной одеждѣ и съ драгоценностями. Плано Карпини³ и Марко Поло⁴ говорятъ только о принесеніи въ жертву лошадей, Сананъ-Сэцэнъ — лошадей и верблюдовъ, причѣмъ послѣдній приводитъ и названіе этого обычая — *хоилма*⁵. Исключительный случай человѣческаго жертвоприношенія имѣлъ мѣсто, по рассказу Сананъ-Сэцэна, еще въ концѣ XVI в., когда ханша Молонъ-хатунъ при погребеніи своего единственнаго сына велѣла зарѣзать сто дѣтей и сто верблюжатъ, чтобы они сопровождали на тотъ свѣтъ умершаго царевича⁶. Кости жертвеннаго животнаго сжигались; Плано Карпини самъ видѣлъ, какъ женщины собирались для сожженія костей «за упокой душъ людей». По китайскому рассказу, при кладбищѣ, въ 5 ли (т. е. около 2½ в.) отъ могилы, оставляли трехъ чиновниковъ, которые каждый день, въ продолженіе трехъ лѣтъ, сжигали жертвы въ ямѣ⁷. По рассказу Вассафа⁸, послѣ смерти Аргуна эмиры его собственнаго десятка (употребленъ монгольскій терминъ *арбатэнъ*)⁹ въ продолженіе трехъ дней присылали пищу къ его могилѣ. Слова Рашид-ад-дина о трехмѣсячномъ оплакиваніи Чингизъ-хана, китайскаго рассказа объ отправленіи процессіи на третій день послѣ смерти и о трехлѣтнихъ жертвоприношеніяхъ, Вассафа о доставленіи пищи въ теченіе трехъ дней, Плано Карпини о тоекратномъ истязаніи любимаго раба заставляютъ полагать, что придавалось значеніе числу три.

Представленія монголовъ о власти мертвыхъ надъ живыми намъ мало извѣстны; на существованіе такихъ представленій указываетъ страхъ не-

¹ Труды Пек. миссіи, IV, 114.

² Литогр. изд., стр. 52; d'Ohsson, III, 407; Катрмеръ, стр. 416.

³ Перев. Маленна, стр. 11. Ср., однако, тамъ-же рассказъ о любимомъ рабѣ покойника, котораго трижды заставляли лежать подъ трупомъ такъ долго, что онъ начиналъ «какъ бы впадать въ агонію»; выдерживавшій эту пытку становился свободнымъ и знатнымъ; невыдержавшій, очевидно, зарывался вмѣстѣ съ хозяиномъ.

⁴ Перев. Минаева, стр. 87.

⁵ Ssanang Ssetsen, изд. Шмидта, стр. 235.

⁶ Ibid., стр. 249.

⁷ Труды Пек. миссіи, IV, 252.

⁸ Литогр. изд., стр. 245; d'Ohsson, IV, 58.

⁹ Въ текстѣ *هرباتین*; о начальномъ звукѣ см. П. М. Меліоранскій, Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ, ЗВО. XV, 162.

редь произнесеніемъ имени умершаго, передь оставленными имъ вещами, кромѣ того разсказъ объ убіеніи Чжамухи безъ пролитія крови, послѣ чего онъ становится духомъ-покровителемъ Чингизъ-хана¹, и вообще обычай казнить безъ пролитія крови людей ханскаго происхожденія². Страхомъ передь мертвыми и необходимостью умиловать ихъ, вѣроятно, объясняется фактъ, что охрана ханскихъ кладбищъ поручалась людямъ изъ лѣсныхъ урянхитовъ, племени, за которымъ вообще признавали извѣстную шаманскую силу. По словамъ Рашид-ад-дина только лѣсные урянхиты не боялись грозы и кричали на громъ и молнію, тогда какъ всѣ другіе монголы во время грозы сидѣли по домамъ³. Другихъ примѣровъ такого явленія, какъ вѣра въ шаманскую силу цѣлаго племени, мнѣ въ исторіи средне-азиатскихъ кочевниковъ не приходилось встрѣчать.

Въ составъ курука кромѣ могилы хана входили его ставки, сохранявшіяся послѣ его смерти въ прежнемъ видѣ. Въ каждой ставкѣ продолжала жить до своей смерти одна изъ бывшихъ женъ хана. Плано Карпини⁴ упоминаетъ объ ордѣ Джучи въ мѣстности къ востоку отъ Ала-куля (Рашид-ад-динъ⁵ помѣщаетъ ее на Иртышѣ); при этомъ говорится, что татары «дворовъ князей и вельможъ не разрушаютъ, а всегда назначаютъ для управленія ими какихъ нибудь женщинъ, и имъ отдаютъ часть подарковъ, какъ обычно давали ихъ владыкамъ». Нѣсколько южнѣе, на берегу Эмиля, была орда Гуюка⁶; Рубрукъ⁷ проѣхалъ мимо нея и на обратномъ пути даже видѣлъ ее, по проводники, по его словамъ, «не осмѣлились пристать къ этому двору». Послѣ смерти ханскихъ женъ въ ставкахъ, повидимому, не было никого изъ членовъ ханскаго рода, но при нихъ оставалось нѣсколько сотъ человекъ стражи, причемъ, по выраженію архимандрита Палладія, «служили тѣнямъ, какъ живымъ»⁸.

При «великомъ курукѣ» сохранялись, по словамъ Рашид-ад-дина⁹, девять ставокъ Чингизъ-хана, четыре главныхъ и пять другихъ; въ царствованіе внука Хубилая Тэмюра (1294—1307) этими ставками завѣдывалъ старшій братъ Тэмюра Камала. Кромѣ Чингизъ-хана, на томъ же кладбищѣ были похоронены Тулуй, Мункэ и Арикбуга; по словамъ Рашид-ад-дина,

¹ Труды Пек. миссіи, IV, 114.

² Ср. слова Марко Поло (перев. Минаева, стр. 112) о казни Чаюна.

³ Труды Вост. Отд. V, 141 сл.; VII, 186 сл.

⁴ Перев. Маленина, стр. 51.

⁵ Изд. Blochet, стр. 131, 10.

⁶ Ibid., 251, 1.

⁷ Перев. Маленина, стр. 113 сл.

⁸ Труды Пек. миссіи, IV, 253.

⁹ Изд. Blochet, стр. 593. Ср. d'Ohsson, I, 383; В. Бартольдъ, Отчетъ о поѣздкѣ въ Ср. Азію, стр. 20, прим. 3.

«сдѣлавъ ихъ изображенія, постоянно жгли (передъ ними) благовопія». Тамъ-же Камала построилъ капище для себя.

Изъ всей литературы монгольскаго періода только въ этомъ разсказѣ говорится о статуяхъ, стоявшихъ на ханскихъ кладбищахъ, вѣроятно при ханскихъ ставкахъ. Объ идолахъ, находившихся въ монгольскихъ юртахъ, говорятъ всѣ путешественники; по словамъ Рубрука¹, войлочная кукла, висѣвшая надъ головой хозяина юрты, называлась «братомъ хозяина», висѣвшая надъ постелью хозяйки — братомъ госпожи. Изъ словъ Плато Карпини² и Марко Поло³ видно, что домашніе идолы выдѣлывались женщинами изъ войлока, шелка и сукна. Плато Карпини⁴ кромѣ того упоминаетъ объ идолѣ, стоявшемъ на повозкѣ передъ ставкой; изъ его словъ не видно, былъ ли этотъ идолъ сдѣланъ изъ того же матеріала. Этому идолу, по словамъ Плато Карпини, поклонялись какъ Богу въ полдень и заставляли поклоняться покорившихся татарамъ знатныхъ лицъ; убіеніе князя Михаила Черниговскаго объясняется его отказомъ «поклониться на полдень Чингизъ-хану». Изъ этого можно заключить, что изображеніе, стоявшее у входа, т. е. у южной стороны ставки живого императора, считалось изображеніемъ Чингизъ-хана. Возможно, что передъ ставками мертвыхъ хановъ, гдѣ стража «служила тѣнямъ, какъ живымъ», ставились ихъ собственныя изображенія и что монголы, подъ вліяніемъ китайской культуры, научились выдѣлывать болѣе совершенныя статуи, чѣмъ прежнія войлочные куклы.

Нѣкоторыя извѣстія о дальнѣйшей судьбѣ изображеній и ставокъ Чингизъ-хана мы находимъ только у Санапъ-Сэцэна, причемъ эти извѣстія очень кратки и частью легендарны. Монгольскій народъ быстро утратилъ память какъ о дѣйствительныхъ событіяхъ исторіи Чингизъ-хана, такъ и о мѣстѣ его погребенія. Гора Бурханъ-халдунъ упоминается у Санапъ-Сэцэна только въ разсказахъ о мифическихъ предкахъ монголовъ; о ея мѣстоположеніи говорится только, что она была недалеко отъ Байкала⁵; Гэнтэй упоминается отдѣльно и не отождествляется съ горой Бурханъ-халдунъ, названіе которой, очевидно, сдѣлалось мифическимъ. О погребеніи Чингизъ-хана говорится, что повозку съ тѣломъ привезли въ мѣстность Ихэ (Жехе)-Ўтекъ, «между тѣневою стороною Алтай-хана и солнечной стороною Гэнтэй-хана»; такъ какъ всѣ попытки снять тѣло съ повозки были

¹ Перев. Маленна, стр. 71.

² Ibid., стр. 7.

³ Перев. Минаева, стр. 88.

⁴ Перев. Маленна, стр. 8.

⁵ Ssanang Ssetsen, стр. 57 и 59.

тищеты, то надъ повозкой насыпали могилу и тутъ же построили восемь бѣлыхъ домовъ для поклоненія Чингизъ-хану¹. Изъ этого можно заключить, что могилу Чингизъ-хана помѣщали къ югу отъ Гэнтэя. Подъ Алтаемъ, какъ замѣчаетъ и Шмидтъ, нельзя понимать тѣ горы, которыя носятъ это названіе теперь. Замѣчательно, что уже Марко Поло² называетъ «Алтаемъ» ту гору, гдѣ находились хапскія кладбища, хотя помѣщаетъ ее непосредственно къ югу отъ равнины Баргу или Забайкалья, т. е. на мѣстѣ Гэнтэя. «Тѣневая сторона Алтая» упоминается у Сананъ-Сэцэна еще въ другомъ мѣстѣ, въ разсказѣ о царствованіи Хубилая, причѣмъ говорится, что Хубилай построилъ тамъ города Арулунъ-Цаганъ-балгасунъ и Эрчүгинъ-Ланъ-тингъ-балгасунъ³; изъ этого можно заключить, что рѣчь идетъ о горахъ въ южной Монголіи, на границѣ съ Китаемъ.

Девять ставокъ Чингизъ-хана, такимъ образомъ, обратились въ восемь бѣлыхъ домовъ или юртъ; Сананъ-Сэцэнъ, какъ мы видѣли, помѣщаетъ ихъ близъ могилы Чингизъ-хана, хотя въ то же время отличаетъ урянхайцевъ, охранителей останковъ Чингизъ-хана, отъ ордосцевъ, охранителей восьми домовъ, составлявшихъ одну ставку или орду⁴ (Шмидтъ полагаетъ, что отсюда и названіе племени и мѣстности Ордосъ)⁵.

Въ первой половинѣ XV в., когда Монголія была завоевана ойратами, ханъ Адай искалъ убѣжища въ ордѣ Чингизъ-хана, но все-таки былъ схваченъ и убитъ. Ойратскій предводитель Тогонъ-тайши сталъ рубить саблей ограду орды и бѣлаго дома, хотя потомъ принесъ жертву Чингизъ-хану. Когда онъ уходилъ, то замѣтили, что большая стрѣла въ золотомъ колчанѣ Чингизъ-хана слегка дрожить; въ ту же минуту Тогонъ-тайши упалъ и лишился чувствъ; когда его раздѣли, то у него между лопатками оказалась рана, какъ отъ стрѣлы; когда осмотрѣли колчанъ Чингизъ-хана, то на большой стрѣлѣ нашли кровь⁶. Въ этой легендѣ, по всей вѣроятности, идетъ рѣчь о колчанѣ, прикрѣпленномъ или привѣшенномъ къ статуѣ Чингизъ-хана, подобно тѣмъ колчанамъ на половецкихъ каменныхъ бабахъ, о которыхъ говоритъ Низами.

Какъ замѣтилъ уже Рубрукъ⁷, ворота монгольскихъ юртъ и ставокъ всегда были обращены къ югу; къ югу, очевидно, были обращены и стояв-

¹ Ibid., стр. 109.

² Перев. Минаева, стр. 87 и 92. Ср. также слова Мэнь-гу-ю-му-ци, стр. 347, что отъ мѣста слиянія Толы съ Орхономъ на СЗ «главнымъ узломъ всѣхъ горъ служитъ Алтай».

³ Ssanang Ssetsen, стр. 115.

⁴ Ibid., стр. 191 и примѣчаніе Шмидта, стр. 407 сл.

⁵ Ibid., стр. 389 сл.

⁶ Ssanang-Ssetsen, стр. 151.

⁷ Перев. Маленна, стр. 71.

шія у воротъ ставокъ изображенія, въ отличіе отъ каменныхъ бабъ, обращенныхъ, какъ извѣстно, на востокъ. Культъ юга, въ противоположность прежнему культу востока, рѣзко отличаетъ монголовъ отъ турецкихъ народовъ до-монгольскаго періода, что нашло себѣ отраженіе и въ языкѣ. Орхонскій турокъ при опредѣленіи странъ свѣта становится лицомъ къ востоку, такъ что для него южная сторона является правой, сѣверная — лѣвой; въ монгольскомъ письменномъ языкѣ правой стороной называется западная, лѣвой — восточная¹. Едва ли мы имѣемъ право считать это отличіе племенной особенностью монголовъ сравнительно съ турками. Культъ востока, связанный съ культомъ восходящаго солнца, былъ, повидимому, широко распространенъ у самыхъ различныхъ народовъ; мы находимъ слѣды его какъ въ индо-европейскихъ, такъ и въ семитическихъ языкахъ²; въ Средней Азіи китайцы отмѣчаютъ этотъ культъ у древнихъ кочевыхъ народовъ различнаго происхожденія. Если у хунновъ, считавшихся впоследствии предками турковъ, государь утромъ выходилъ изъ лагеря поклоняться восходящему солнцу³, то и «восточные варвары» (дунъ-ху), ухуанцы, народъ во всякомъ случаѣ не-турецкій, жили въ круглыхъ юртахъ, изъ которыхъ выходъ былъ обращенъ къ востоку⁴. Обращеніе къ югу при религіозныхъ и въ частности погребальныхъ обрядахъ наблюдается, какъ извѣстно, въ Китаѣ и въ подчинившихся вліянію Китая культурныхъ областяхъ, напр., въ Корей⁵; отсюда естественно возникаетъ предположеніе, что и въ степи культъ востока былъ вытѣсненъ культомъ юга подъ вліяніемъ китайской культуры. Изъ кочевыхъ народовъ мы встрѣчаемъ поклоненіе югу прежде всего у китаевъ или, какъ ихъ называли китайцы, киданей; по «Исторіи Сѣверныхъ Дворовъ», составленной задолго до возвышенія киданей и образованія ими государства китайскаго типа, кидане при жертвоприношеніяхъ въ честь предковъ говорили имъ: «Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ кушайте, обратясь къ югу»⁶. Очень вѣроятно, поэтому, что культъ юга началъ распространяться въ Монголіи въ эпоху могущества киданей (X—XII вв.). При Чингизъ-ханѣ этотъ культъ сдѣлался официальнымъ для всей степи, подчинившейся монголамъ, и въ настоящее время

¹ На это указалъ и Н. И. Веселовскій, Каменные бабы, стр. 19.

² W. Barthold, Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften, S. 11 (W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge). О семитическихъ словахъ и сопоставленіи ихъ съ индійскими см., напр., W. Gesenius, Handwörterbuch über das Alte Test., 10 изд., s. v. 𐤒𐤓𐤁.

³ Такиноѣ, Собр. свѣдѣній и т. д., I, 16.

⁴ Ibid., 151.

⁵ Ср. Описаніе Кореи (изд. мин. фин.), I, 388 сл.

⁶ Такиноѣ, Собр. свѣд., II, 91.

едва ли не во всѣхъ мѣстностяхъ Средней Азіи, входившихъ иѣкогда въ составъ монгольской имперіи, юрты кочевниковъ, какъ монголовъ, такъ и турковъ, обращены къ югу. Неяснымъ остается вопросъ, насколько монгольскіе ханы при этомъ опирались на религіозныя воззрѣнія своего народа. Есть указанія, что культъ восходящаго солнца былъ свойствененъ не только турецкому, но и монгольскому шаманизму. Ибн-ал-Асиръ¹ говоритъ о монголахъ, что они «поклоняются солнцу при восходѣ его»; то же самое отмѣтилъ въ своей статьѣ о «Черной вѣрѣ», т. е. о шаманизмѣ, Банзаровъ². Въ настоящее время мы находимъ слѣды культа востока какъ у турецкихъ, такъ и у монгольскихъ народностей, если онѣ остались въ сторонѣ отъ политическихъ и культурныхъ движеній, вызванныхъ образованіемъ монгольской имперіи. Какъ у алтайцевъ, по наблюденію В. В. Радлова, голову жертвенной лошади повертываютъ на востокъ³, какъ у якутовъ, по словамъ Сѣрошевскаго, въ глухихъ мѣстахъ сохранился обычай строить жилия помѣщенія непременно дверьми на востокъ⁴, такъ и у бурятъ-шаманистовъ, по словамъ Б. Э. Петри⁵, юрты до сихъ поръ обращены не въ южную, а въ восточную сторону. Какъ мнѣ сообщилъ Б. Я. Владимірцовъ, монгольскія слова, служащія для обозначенія странъ свѣта, въ живыхъ нарѣчіяхъ иногда употребляются въ другомъ значеніи, чѣмъ въ письменномъ языкѣ; слово «барунт», правый, въ письменномъ

¹ Изд. Торнберга, XII, 235, ср. переводъ бар. В. Г. Тизенгаузена въ Сборн. матер., относящихся къ ист. зол. орды, стр. 3 сл. То же самое, какъ мнѣ сообщилъ кн. И. А. Джаваховъ, говоритъ грузинскій анонимный историкъ XIV в.; по этому источнику монголы «обращались лицомъ въ сторону восхода солнца» и «поутру при восходѣ солнца» совершали три колѣнопреклоненія (Картл. Цховреба по рукоп. царицы Маріи, изд. Е. Такайшвили, стр. 550 и 597). О самомъ источникѣ ср. теперь статьи кн. И. А. Джавахова и Б. Я. Владимірцова въ ИАН. 1917 г., стр. 1483 сл.

² Д. Банзаровъ, Черная вѣра, стр. 14. Ср. также интересныя, но не вполне ясныя замѣчанія японскаго ученаго Ryuzo Torii, The ancient city of Shang-Ching, Kokka, Heft 249, Teil I u. II, по ссылкѣ O. Münsterberg, Chinesische Kunstgeschichte, II, 38.

³ W. Radloff, Aus Sibirien, 2-te Ausg., II, 25. Ср. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 79, прим. Ни у В. В. Радлова, ни у другихъ путешественниковъ я не нашелъ свѣдѣній о томъ, въ какую сторону были обращены примитивныя юрты алтайцевъ, т. е. коническіе шалаши. Г. П. Потанинъ (Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 108) говоритъ только, что «юрта ставится у монголовъ дверями всегда на югъ». Исслѣдователь Алтая А. В. Адриановъ говоритъ только о бревенчатыхъ юртахъ, т. е. четырехугольныхъ бревенчатыхъ срубкахъ, что «дверь продѣлывается въ короткой стѣнѣ, обращенной на югъ, ближе къ юго-восточному углу» (Зап. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., XI, 296). Коническихъ шалашей А. В. Адриановъ не встрѣчалъ (ibid. 356).

⁴ В. Л. Сѣрошевскій, Якуты, I, 207.

⁵ Въ докладѣ, читанномъ въ Этногр. Отд. Р. Геогр. Общ. 5 апр. 1913 г. По сообщенію докладчика, прямо по компасу на востокъ обращенъ одинъ изъ четырехъ столбовъ, на которые опирается юрта (бревенчатая); дверь по компасу обращена на юго-востокъ, но сами буряты говорятъ, что двери обращены у нихъ на востокъ.

языкъ имѣеть значеніе «западный», въ нѣкоторыхъ парѣчіяхъ — значеніе «южный», какъ въ турецкихъ орхонскихъ надписяхъ.

Память о шаманскихъ обычаяхъ, въ особенности обрядахъ погребенія, быстро исчезла въ Монголіи подъ вліяніемъ буддизма. Въ XVII в., уже послѣ принятія буддизма, совершилось, по разсказу Сананъ Сэцэна, перенесеніе «блага дома» Чингизъ-хана (здѣсь уже упоминается только одинъ домъ, т. е. одна юрта) съ его обстановкой на новое мѣсто, въ страну «дружественныхъ князей»¹; вѣроятно, это то же мѣсто, на берегу рѣчки Чжамнакъ, впадающей въ Уланъ-моринъ, притокъ Хуанъ-хэ², гдѣ теперь стоятъ двѣ бѣлыхъ юрты, составляющія «великое эджэнь-хоро», культъ котораго описанъ Г. Н. Потанинымъ³. При этомъ говорится также о перенесеніи «золотой пирамиды»; по замѣчанію Шмидта⁴, неясно, находился ли въ этой пирамидѣ прахъ Чингизъ-хана или какого-нибудь другого влстителя. Шмидтъ при этомъ напоминаетъ о золотыхъ пирамидахъ съ останками буддійскихъ святыхъ въ Тибетѣ, т. е. указываетъ на буддійскій характеръ обычая. Г. Н. Потанину разсказывали, что кости Чингизъ-хана хранятся въ задней изъ двухъ бѣлыхъ юртъ, по однимъ разсказамъ въ мѣдной, по другимъ — въ серебряной ракъ. На южной сторонѣ Гэнтэя, можетъ быть тамъ-же, гдѣ было капище Камалы, теперь находится буддійскій монастырь, основанный въ 1654 г.⁵; А. М. Позднѣевъ говоритъ о ежегодномъ чествованіи Гэнтэйскихъ горъ и объ устройствѣ по этому случаю почтовыхъ стаций⁶; описаніе этого чествованія мнѣ въ литературѣ о Монголіи не удалось найти, но едва ли оно связано съ памятью о Чингизъ-ханѣ и о мѣстѣ его погребенія. Авторъ Мэнъ-гу-ю-му-цзи приводитъ изъ другого письменнаго источника разсказъ о каменномъ изваяніи, въ которомъ будто бы видѣли изображеніе Чингизъ-хана и которое находилось въ западной Монголіи, у подошвы горы Сагари⁷, близъ рѣки Кобдо; это была

¹ Ssanang Ssetsen, стр. 281.

² О мѣстоположеніи А. Баторскій, Монголія, стр. 132.

³ Статія «Поминки по Чингисъ-ханѣ» (оттискъ изъ Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXI).

⁴ Ssanang Ssetsen, стр. 420.

⁵ А. М. Позднѣевъ, Монголія и монголы, I, 493.

⁶ Ibid., 463. Ср. также Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 347 о «ежегодныхъ весеннихъ и осеннихъ жертвахъ». Къ Гэнтэю, можетъ быть, вела та «древняя дорога Чингизъ-хана», остатки которой были найдены въ 1899 г. русской экспедиціей на пути изъ долины Толы въ долину Кэрулуна (ср. печатающуюся въ настоящее время въ изданіяхъ Геогр. Общ. работу А. Д. Руднева, стр. 19). О другой «дорогѣ Чингизъ-хана» (съ Кемчика черезъ Саяны долиной Енисея) ср. свѣдѣнія С. Р. Мицлова въ ЗВО. XXIII, 304 сл. и 311.

⁷ Такого названія горы, повидимому, нѣтъ въ русской литературѣ о мѣстности близъ рѣки Кобдо; ср. указатели къ книгамъ А. Баторскаго, Монголія; Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Зап. Монголія.

«каменная статуя челоѣка, одѣтаго въ монгольское народное платье»¹. Насколько можно видѣть изъ свѣдѣній о челоѣческихъ изваяніяхъ (по-монгольски хѣшѣ-чулу), собранныхъ Г. Н. Потанинымъ², этого истукана теперь нѣтъ (едва ли его можно было бы отождествить съ Даипъ-батыромъ, стоящимъ у южнаго берега озера Даинъ-гуль)³. Если онъ, дѣйствительно, имѣлъ отношеніе къ монгольскимъ хапамъ (что, конечно, очень сомнительно), то онъ, вѣроятно, изображалъ не Чингизъ-хана⁴, но одного изъ потомковъ его сына Угэдэя, владѣвшихъ этой мѣстностью.

Ханскіе куруки, устроенные монголами внѣ предѣловъ Монголіи, подъ вліяніемъ ислама были забыты еще быстрѣе, чѣмъ куруки въ Монголіи подъ вліяніемъ буддизма. Свѣдѣнія крайне скудны; большею частью указывается только мѣсто погребенія хаповъ, безъ какихъ либо свѣдѣній объ обстановкѣ курука; только Вассафъ⁵, вѣроятно ошибочно, говоритъ объ устройствѣ, по монгольскому обычаю, «дахмы», т. е. гробницы. Мѣстомъ погребенія золотоордынскихъ хановъ считался Сарайчикъ, на нижнемъ теченіи Урала⁶; изъ словъ Абулгази⁷ о погребеніи хана Тохтогу можно заключить, что ханы хоронились здѣсь еще до принятія татарами ислама. Ибн-Батута, проѣзжавшій здѣсь въ 1333 г., ничего не говоритъ о ханскихъ гробницахъ; около 1580 г. Сарайчикъ былъ разрушенъ до основанія русскими казаками, причемъ были извлечены даже мертвецы изъ могилъ⁸. Въ ногайской легендѣ о Тохтамышѣ и Едигеѣ, на которую обратилъ мое вниманіе П. А. Фалевъ, говорится о Сарайчикѣ, гдѣ погребены ханы и кости хановъ называютъ заповѣдными⁹. Впослѣдствіи мусульманскіе ханы строили мавзолеи мусульманскаго типа надъ могилами своихъ языческихъ предковъ¹⁰; такъ при описаніи похода Абдуллы-хана бухарскаго, въ 1582 г., въ мѣстности между Сары-су и горой Улутау упоминается «мазаръ»

¹ Мэнъ-гу-ю-му-цзи, стр. 449.

² Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 64 сл.; объ изваяніяхъ близъ Кобдо стр. 67 и 71.

³ Ibid., стр. 72.

⁴ О статуѣ въ Урянхаѣ, которую иногда называли «Чингизъ-ханомъ», ср. ЗВО. XXIII, 299 сл. и табл. V, рис. 1. Къ монголамъ эта каменная баба обычнаго турецкаго типа, очевидно, никакого отношенія не имѣетъ.

⁵ Литогр. изд., стр. 52 и 245. Ошибочно, конечно переводится слово غروقъ Рашид-аддина посредствомъ tombeau у Катрмера, стр. 417.

⁶ Ср. ЗВО., XXI, 047.

⁷ Изд. Демезона, стр. 174; перев., стр. 183.

⁸ Карамзинъ, Ист. Г. Р., IX, 224, прим. 663.

⁹ М. Османовъ, Ногайскіе и кумыкскіе тексты, стр. 47. قان سوڭايي كيه ديب، стр. 47. Ср. кирг. كيه دلی въ слов. Будагова, II, 183. Въ слов. Радлова (II, 1343) кійя «приносящій несчастіе; дурное предзнаменованіе».

¹⁰ Ср. примѣры ЗВО., XXIII, 2.

Джучи-хана¹. Трудно было бы, при такомъ искаженіи историческаго преданія, опредѣлить точное значеніе нѣкоторыхъ монгольскихъ терминовъ, относящихся къ обрядамъ погребенія, приведенныхъ въ сочиненіяхъ мусульманскихъ авторовъ и неизвѣстныхъ теперь самимъ монголамъ. Таково, напр., слово *توکن* въ значеніи «могила» (*القبر*) у араба-филолога² или словъ *مزارستان* кладбище и *شنب تاي* «кладбищенскіе сторожа» (*مزارچیلر*) у Эвлия-Челеби³.

Послѣднимъ сооруженіемъ языческаго типа въ степи является такъ называемыя «обо» (насыпныя кучи камней), которыя и теперь еще пользуются нѣкоторымъ культомъ, особенно у монголовъ. Большею частью, какъ извѣстно, обо не имѣютъ отношенія къ погребенію, служатъ только дорожными знаками и чаще всего ставятся на вершинахъ переваловъ. Таково было и единственное обо, о сооруженіи котораго мы имѣемъ точное историческое извѣстіе: по разсказу Мирхонда Улугбекъ въ 1425 г., во время похода противъ средне-азіатскихъ монголовъ, въ мѣстѣ Буралгу «воздвигъ сооруженіе, которое турки называютъ обо, высокое и крѣпкое, чтобы оно служило знакомъ»⁴. Встрѣчаются, однако, примѣры, что слово «обо» связывается съ курганнымъ погребеніемъ; такъ, по разсказу Валиханова, курганъ Идыге-обасы на вершинѣ утеса Идыге, составляющаго западную часть горы Улутау, считается могилой Едигея⁵. Возможно, что тотъ же терминъ иногда связывали съ каменными бабами. В. В. Сапожниковъ при описаніи своей поѣздки въ мѣстность къ востоку отъ Чернаго Иртыша упоминаетъ о «двухъ каменныхъ бабахъ, которыя и дали основаніе названію этого мѣста Кара-обо»⁶.

В. Бартольдъ.

¹ *عبد الله نامه* рук. Аз. муз. 574 age, л. 334б, также Труды Вост. Отд., X, 307, 316 сл.

² П. М. Меліоранскій, Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ, стр. 89, 117 и 110.

³ Текстъ Эвлия-Челеби въ констант. изд., II, 292 и въ хрестоматіи В. Д. Смирнова (Образцовыя произведенія османской литературы), стр. 96. Ср. мою статью въ Этногр. Обоз., кн. 84—85 (1910), стр. 40. Ср. еще современное монг. булуш «древняя могила».

⁴ Текстъ Мирхонда будетъ изданъ въ приложеніи къ моему труду «Улугбекъ и его время», печатающемуся въ Запискахъ Академіи Наукъ.

⁵ Сочиненія Ч. Ч. Валиханова, изд. Н. И. Веселовскаго, стр. 224.

⁶ В. В. Сапожниковъ, Монгольскій Алтай, Томскъ 1911 (Изв. Имп. Томскаго Университета, кн. 44), стр. 167.

Фрагментъ изъ Богозкѳя въ собраніи Лихачева.

Еще въ декабрѣ 1907 покойный Г. Винклеръ обнаружилъ краткое сообщеніе о вавилонскомъ документѣ изъ Богозкѳя¹, содержащемъ параллельный текстъ къ знаменитому договору хеттскаго царя Хаттушиля съ фараономъ Рамсесомъ Вторымъ, сохранившемуся въ двухъ не вполне тождественныхъ редакціяхъ на стѣнахъ Рамессеума и Карнака². Давно уже постулированная египтологами въ качествѣ оригинальнаго текста договора³, эта вавилонская версія, по словамъ Г. Винклера⁴, представляетъ какъ-бы предварительную дипломатическую ноту, заключающую нѣкоторые, очевидно подлежащіе обсужденію, пункты будущихъ договорныхъ статей. Точное содержаніе документа пока остается секретомъ нѣсколькихъ лицъ, рабствующихъ надъ изданіемъ принадлежащихъ Берлинскому музею богозкѳйскихъ таблеть⁵.

¹ H. Winckler, Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin n° 35 (Dezember 1907), SS. 12—13, 20—21.

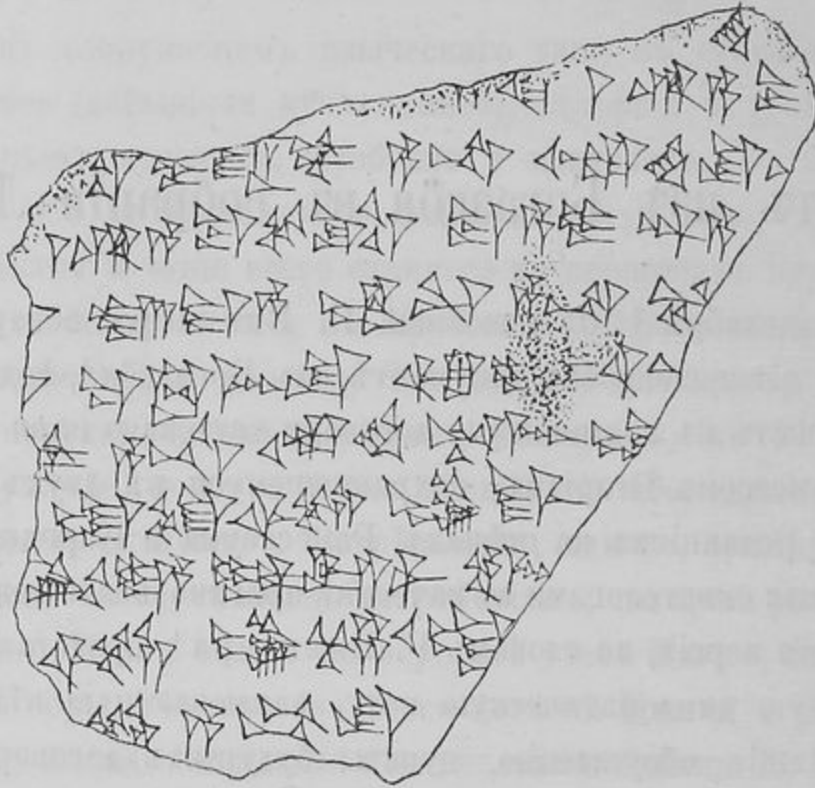
² Тураевъ, Исторія Древняго Востока, 1913, I, стр. 328—330.

³ W. Max Müller, Der Bündnisvertrag Ramses' II und des Chetiterkönigs (= Mitteilungen der vorderasiatischen Gesellschaft 1902 n° 5), S. 10 Anm. 5, S. 11 Anm. 7, S. 12 Anm. 4, S. 13 Anm. 3, 5, S. 15 Anm. 4, S. 16 Anm. 4, 7, S. 18 Anm. 5, 7, S. 19 Anm. 2, 6, 9, S. 21 Anm. 1, 2; — S. S. 26, 29—31.

⁴ H. Winckler, l. c. S. 21: «Die Urkunde, welche als babylonischer Text der Vertragsbestimmungen angesehen werden kann, ist vielleicht nur eine vorläufig ausgetauschte Note, da sie nicht alle Bestimmungen des Vertrages enthalten hat. Auch Stücke von anderen Briefen beweisen, dass die vorauszusetzenden Verhandlungen mit einer der Würde der beiden Hofkanzleien entsprechenden Gründlichkeit geführt worden sind. Es muss mancher Monat verstrichen sein, ehe die mit dem sigillum regium versehene Urkunde endgültig festgestellt war».

⁵ [Въ только-что дошедшемъ до меня Orientalistische Literaturzeitung XX (1917), n° 5, Sp. 158 f., сообщается: «Prof. Eduard Meyer legte einen Aufsatz von Prof. Dr. Bruno Meissner in Breslau vor: Der Staatsvertrag Ramses II von Aegypten und Hattusilis von Hatti in akkadischer Fassung. Der durch eine ägyptische Inschrift seit langem bekannte Vertrag der beiden Könige hat sich jetzt auf einer mehrfach lückenhaften Tontafel aus Boghazkői auch in keilschriftlicher Fassung gefunden. Der ägyptische Text ermöglicht, den keilschriftlichen, babylonisch-akkadischen, durchweg zu ergänzen. Beide Texte stimmen fast wörtlich über-

Я не могу поэтому на достаточныхъ основаніяхъ заключить, въ какой мѣрѣ совпадаетъ или расходится съ текстомъ Берлинской ноты неизданный маленькій фрагментъ, также изъ Богазкѳя, хранящійся — вмѣстѣ съ кусочкомъ редактированнаго на хеттскомъ языкѣ официальнаго документа — въ собраніи Лихачева. Вотъ надпись этого фрагмента:

Транскрипція.

- 1 [.....] muḫ-ḫi [.....]
 [.....] a(?) - di (?) ^mRi - a - m [a - še - ša ma - a - i *A - ma - na]
 [.....] . i - ra - ub a - na muḫ - ḫi - šú - [nu]
 [.....] ^mRi - a - ma - še - ša ma - a - i *A - [ma - na]
 5 [.....] . um - ma - a al - ka a - na m [u (?) -]
 [.....] . narkabâtê - šú û i - . [.....]
 [.....] i - ra - u] b a - na muḫ - ḫi ardâni a [d (?) -]
 [.....] ^mḪa] - at - tu - ši - li šarru rabû [.....]
 [.....] û a] ḫi - ıa i - šap - par şabê - [şú]
 10 [.....] ^mḪa - at - tu] - ši - li šar ^{mât}Ḫa - at - [ti]
 [.....] Mu - ur - ši] - li a - bi - šú [.....]

ein; es ist der erste Fall, dass uns jetzt derselbe Text sowohl in hieroglyphischem wie in keilschriftlichem Gewande vorliegt». Этотъ докладъ Мейснера напечатанъ въ — сейчасъ мнѣ недоступныхъ — Sitzungsberichten der Königl. Preuss. Akademie der Wissenschaften z. Berlin, 1917, XX—XXII (см. библиографію въ Orientalistische Literaturzeitung, XX (1917) n° 8 Sp. 253). — 24 января 1918].

15. . . . «Если прійдетъ другой какой-нибудь врагъ на земли Рамсеса¹, великаго царя Египта, и онъ пошлетъ къ великому государю Хатти, говоря: «приходи ко мнѣ на помощь противъ него!», — то великій государь Хатти

16. [прійдетъ къ нему, и] великій государь Хатти одолѣетъ его враговъ. Если же не будетъ жслапемъ великаго государя Хатти выступить самому, то пусть онъ немедля пришлетъ свои войска и свои колесницы и пусть одолѣетъ врага. — Если-же разгнѣвается Рамсесъ мап-Амонъ,

17. [великій царь Египта], на рабовъ, что они учинили злое противъ него, и выступигъ онъ одолѣть ихъ, — тогда пусть поступаетъ великій государь Хатти заодно съ [Рамсесомъ мап-Амономъ], господиномъ Египта».

Мнѣ не кажется обоснованнымъ сомнѣніе въ приблизительномъ тождествѣ цитируемыхъ редакцій. Если вернуть на мѣсто презрительно выпущенное египетскимъ писцомъ имя варварскаго царя² и придать теченію египетской фразы вавилонскій характеръ, отбросивъ излишнія повторенія³ и поставивъ сказуемая позади подлежащихъ, — выдѣленные пассажи распредѣлятся строго по мѣстамъ, занимаемымъ ими въ вавилонскомъ фрагментѣ, позволяя установить первоначальную длину его строкъ. Въ этой—первой извѣстной—египто-вавилонской *bilinguis* интересенъ глаголь *ira'ub*⁴, — переведенная египетскимъ форма *praesentis* отъ $\sqrt{\text{𐀀𐀁𐀂}}$, претеритальная форма котораго встрѣчается въ «хожденіи Иштаръ» (К. 162 recto 64): *Ereški-gal imuršima ina rāniša ir'ub⁵.

Строки 9—10 фрагмента Лихачева не совпадаютъ съ продолженіемъ карнакскаго текста; близкую по смыслу фразу содержали, какъ кажется⁶,

¹ Въ подлинникѣ поставлено тронное имя царя.

² W. Max Müller, l. c. S. 30.

³ Строки 5—6 Лихачевского фрагмента, кажется, нѣсколько упрощали египетскій текстъ: «(Если онъ пошлетъ . . .) говоря: приходи ко мнѣ на помощь противъ него, — (то государь Хатти пусть пришлетъ свои войска и) свои колесницы и пусть (одолѣетъ врага)».

⁴ Сравните Knudtzon, Die El-Amarna Tafeln, n° 162,33-41: *ù e-pu-uš ardu-da a-na šarri béli-ka ù bal-ṭa-da ù te-i-ti at-da ki-i šarru la-a ḥa-ši-iḥ a-na mátki-na-aḥ-ḥi gar-ra-ša ki-i i-ga-u-ub* «и ты покоришься царю, твоему государю, чтобы ты былъ живъ; ты вѣдь знаешь, что царь не желаетъ опалаться на всю землю Кинаххи!».

⁵ Относительно $\sqrt{\text{𐀀𐀁𐀂}}$ *ra'abu* см. M. Streck, Lexikalische Studien (= *Babyloniaca* II, 1908), SS. 178 f., 197, 211, 214.

⁶ Распутывающимъ является здѣсь слово *wšb* «отвѣтъ». Вотъ предлагаемая М. Мюллеромъ (l. c. S. 14) реконструкція пассажа: « . . . So [schickt] er (d. i.

сильно попорченныя строки 18—19, излагавшія обязанности фараона по отношенію къ его хеттскому брату. Въ Лихачевской нотѣ рѣчь продолжается итти объ обязательствахъ Хаттушиля: строка 9 содержитъ просьбу фараона прислать съ его вѣстникомъ хеттскія войска, строка 10—согласіе Хаттушиля на исполненіе этой просьбы. Здѣсь очевидно и заканчивалось исчисленіе взаимныхъ условій; слѣдующая 11-я строка, съ ея генеалогическимъ намекомъ, открывала нѣкоторый историческій экскурсъ, вѣроятно параллельный помѣщенному въ началѣ египетскаго извода¹.

Возникаетъ наиболѣе интересный вопросъ,—вопросъ въ сущности рѣшаемый уже нѣкоторыми неловкостями, замѣчаемыми въ употребленіи египетскимъ текстомъ мѣстоименныхъ суффиксовъ и глаголовъ «выходить» и «приходить». Лихачевскій фрагментъ, оканчивающій на 10-й строкѣ перечень взаимныхъ условій, очевидно не могъ излагать обязательства, принимаемыя на себя фараономъ, послѣ 4—10 строкъ: значитъ, онъ приводилъ эти обязательства передъ четвертой строкой, т. е. въ порядкѣ, обратномъ порядку египетскаго извода, какъ это и подтверждается строками 1—3 фрагмента. То-же самое слѣдуетъ, повидимому, принять, какъ правило, и для Берлинской предварительной ноты, и для всѣхъ вообще хеттскихъ редакцій договора, вплоть до упоминаемой въ египетской версіи серебряной таблицы, и видѣтъ въ этомъ руководящій обычай великодержавной азіатской дипломатіи XV—XIII вѣковъ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о транскрипціи *Ri-a-ta-še-ša* имени фараона . Вокализация *gia* слова \circ r-⁴, появляющаяся здѣсь въ началѣ имени², дѣлаетъ чтеніе \circ *gia* обязательнымъ для XV—XIII вѣковъ. Поэтому становится невѣроятной вокализация *raʉi*, предложенная Масперо³. Учитывая также неправильность, содержащуюся въ коптскомъ *ри*⁴, я прихожу къ убѣжденію въ гласности произношенія въ этомъ словѣ *у*, какъ глухого \dot{A} , сливагося затѣмъ съ предыдущей гласной, т. е. въ циклѣ развитія: *reʉ* > *reĀ* > *rê* *gerp. ri*. Что вавилонское *a* могло употребляться для передачи египетскаго *o*, слѣдуетъ въ достаточной мѣрѣ хотя-бы

Ramses) [seine Soldaten und seine Wagentruppen, und] sie [sind mit denen des Grossfürsten von] Chettê. [Er sendet sie (gleich) mit den Boten, und er lässt den Grossfürsten von Chettê?] sie sehen, (noch) während er Antwort zurücksendet zum Chettê-Land».

¹ Строки 7—14.

² Наряду съ *Manabiria* etc. документовъ изъ Амарны.

³ G. Maspero, *À travers la vocalisation égyptienne* (= *Recueil de Travaux XXIV*) p. 157 ff.

⁴ A. Erman, *Aegyptische Grammatik* 1911, § 181.

Записки Вост. Отд. Имв. Русск. Арх. Общ. Т. XXV.

Новыя данныя о самаркандскихъ памятникахъ.

Въ сочиненіи о Самаркандѣ и его святыняхъ¹, составленномъ, повидимому, въ 60-хъ годахъ XIX вѣка² мѣстнымъ мусульманскимъ ученымъ Абу-Тахиръ-ходжею, между прочимъ, упоминается объ исчезновеніи «въ дни опустошенія области» бронзовыхъ воротъ построенной Тимуромъ соборной мечети, известной подъ названіемъ мечети Биби-ханымъ. Русскій переводчикъ труда Абу-Тахира замѣчаетъ по этому поводу: «На полѣ имѣющей у меня «Тухфатъ-уль-хани» противъ того мѣста, гдѣ говорится о возвращеніи персидскаго войска вскорѣ послѣ смерти Надира изъ Самарканда, между прочимъ, сказано, что вмѣстѣ съ другимъ добромъ были имъ увезены и ворота самаркандской соборной мечети Биби-ханымъ. Трудно пока сказать, насколько это соотвѣтствуетъ правдѣ. Существующее же мнѣніе о томъ, что двери эти употреблены были эмиромъ Хайдаромъ на чеканку денегъ, кажется, до сего времени не подтвердилось писанными источниками»³. Преданіе о поступкѣ эмира Хайдера (1800 — 1826) слышалъ въ Бухарѣ въ 1841 г. Н. В. Ханыковъ, рассказывающій также, что «Надиръ-шахъ при взятіи Самарканда велѣлъ привезти къ себѣ» известный нефритовый надгробный камень Тимура «я при этомъ случаѣ его раскололи надвое»⁴. Проф. Веселовскимъ было установлено, что, вопреки этому пре-

¹ Самарія. Сочиненіе Абу-Тахиръ-ходжи. Таджицкій текстъ, приготовленный къ печати Н. И. Веселовскимъ. Спб., 1904. Русскій переводъ В. Л. Вяткина въ Справочной книжкѣ Самаркандской области, вып. VI.

² В. Л. Вяткинъ писалъ (1899 г.), что Самарія написана около 65 лѣтъ тому назадъ (Справ. кн., 154), Н. И. Веселовскій, — что авторъ «составилъ свое описаніе въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія» (Самарія, стр. III), но, какъ было отмѣчено мною (ЗВО, XII, 0123, пр. 2) въ текстѣ говорится о постройкѣ зданія въ царствованіе эмира Музафара, вступившаго на престолъ въ 1860 году (Самарія, 17, 11; Справ. кн., 167). Объ авторѣ Самаріи, что также не было замѣчено ни издателемъ, ни переводчикомъ, упоминаетъ авторъ труда о шейхахъ селенія Дахбидъ (о немъ ЗВО, III, 85 и сл.), какъ о «муфтіи дахбидскаго ордена» (ИАН, IX, 1898, 133,14).

³ Справ. кн., 234.

⁴ Н. Ханыковъ. Описаніе Бухарскаго ханства, Спб., 1843, стр. 102 и 104.

данію, нефритовое надгробіе Тимура не было монолитомъ, но состояло изъ двухъ отдѣльныхъ кусковъ нефрита; мнѣніе проф. Веселовскаго вполне подтверждается разсказомъ Мирхонда о двухъ камняхъ, привезенныхъ въ 1425 г. въ Самаркандъ изъ Семирѣчья Улугбекомъ¹. Въ подтвержденіе преданія объ увозѣ Надиръ-шахомъ нефритоваго надгробія и бронзовыхъ воротъ проф. Веселовскій ссылается на приписку на поляхъ въ рукописи Тухфату-ль-хани, принадлежащей Сер-Али Лапину, гдѣ сказано, что «Надиръ-шахъ поручилъ одному изъ своихъ военачальниковъ взять въ Самаркандѣ литыя изъ бронзы ворота отъ медресы Тимура и камень съ его могилы и доставить въ Мешхедъ, что и было исполнено. Когда Надиръ-шахъ прибылъ изъ хивинскаго похода въ Мешхедъ и тамъ ему были представлены привезенные памятники, онъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и приказалъ отправить ихъ обратно». Кроме того проф. Веселовскій приводитъ сообщеніе проф. Жуковскаго, что приписка того же содержанія, и тоже на поляхъ, имѣется также въ рукописи Тухфату-ль-хани, принадлежащей Азіатскому Музею Академіи Наукъ².

Объ участи самаркандскихъ памятниковъ при Надиръ-шахѣ говорится, такимъ образомъ, въ трехъ рукописяхъ одного и того же историческаго труда, авторъ котораго по времени и мѣсту былъ близокъ къ разсказываемымъ имъ событіямъ³, но вездѣ въ припискѣ на поляхъ, неизвѣстно кому принадлежащей, причемъ, судя по переводамъ В. Л. Вяткина и Н. И. Веселовскаго, текстъ соответствующей приписки въ различныхъ рукописяхъ не вполне тождествененъ. Изъ персидскихъ историковъ о дѣйствіяхъ персовъ въ Самаркандѣ говорятъ находившійся въ то время у Надира индеецъ Абдулкеримъ кашмирскій (на этотъ источникъ не обратили вниманія ни В. Л. Вяткинъ, ни Н. И. Веселовскій). По его разсказу⁴, въ Самаркандѣ былъ посланъ отрядъ подъ начальствомъ Лутфъ-Али-хана⁵, которому и было дано порученіе вывезти камень и ворота; при этомъ камень разбился на четыре куска, изъ которыхъ одинъ достался автору (лично

¹ ЗВО, XXIII, 31. Ср. теперь текстъ въ ЗРАН, 8 сер., XIII, № 5 стр. 61.

² ЗВО, XVI, стр. XII. Рѣчь идетъ о рукописи Азіатскаго Музея с 581 в. Этого списка, какъ и другихъ академическихъ рукописей, въ настоящее время нѣтъ въ Петроградѣ.

³ *تحفة الخانی* — произведеніе бухарскаго историка Мухаммедъ-Вефа Керминегі; авторъ началъ писать свой трудъ въ 1746 г. и довелъ его до смерти Мухаммедъ-Рахимъ-хана, послѣдовавшей въ 1759 г.

⁴ *The memoirs of Khojeh Abdulkurreem*, transl. from the original persian by Fr. Gladwin, Calcutta 1788, p. 44 и 74.

⁵ Авторъ называетъ его племянникомъ Надиръ-шаха; по словамъ Мухаммедъ-Казима (II, 266 а) онъ былъ сыномъ Баба-Али-бека, изъ племени *كوسه احمدلو*; также Эминъ, *ميجل التاريخ بعدنادرية*, изд. О. Мапп, Leiden 1891, p. 3), дающій свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Лутфъ-Али-хана.

знавшему человека, бравшаго камень по порученію шаха) и былъ привезенъ имъ въ Индію¹. Впослѣдствіи Надиръ, вернувшись въ Мешхедъ, велѣлъ отправить камень и ворота обратно; перевозка изъ Самарканда въ Мешхедъ и оттуда обратно въ Самаркандъ стоила большихъ денегъ.

Подробнѣе говорить объ этихъ дѣйствіяхъ Надира авторъ обширнаго труда, о которомъ до сихъ поръ не было, повидимому, никакихъ свѣдѣній, Мухаммедъ-Казимъ, везиръ города Мерва. Въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ въ настоящее время находится экземпляръ 2-го (327 листовъ² fol.) и 3-го (251 листъ³ fol.) томовъ этой обширной исторіи Надиръ-шаха; 2-й томъ обнимаетъ событія отъ вступленія Надира на престоль (1736 г.) до начала войны съ Турціей (1743 г.), 3-й томъ — событія послѣднихъ лѣтъ царствованія, причемъ рассказывается и объ отступленіи персидскаго войска, послѣ полученія извѣстія о смерти шаха, изъ Туркестана. Какъ должностное лицо, жившее въ Мервѣ, авторъ особенно подробно останавливается на событіяхъ, происходившихъ въ этомъ городѣ и вообще въ Средней Азій (въ походахъ на Бухару и Хиву онъ принималъ участіе), но его рассказы о военныхъ дѣйствіяхъ въ Индіи и на Кавказѣ также очень подробны. Въ одномъ мѣстѣ онъ ссылается на слова своего отца, служившаго въ Дербентѣ и ѣздившаго оттуда въ Кандагаръ, изъ Кандагара въ Туркестанъ, изъ Туркестана въ Мервъ, изъ Мерва въ Багдадъ, изъ Багдада въ Тебризъ⁴. Конецъ сочиненія принадлежитъ не везиру Мухаммедъ-Казиму, но его сыну⁵, принимавшему участіе въ отступленіи персидскаго войска изъ Туркестана послѣ смерти шаха. Рукопись, находящаяся въ Азіатскомъ Музеѣ, представляетъ копию, сдѣланную по всеѣмъ правиламъ каллиграфическаго искусства, четкимъ и крупнымъ почеркомъ, съ шаблонными иллюстраціями (преимущественно картины битвъ). Встрѣчаются поправки и приписки на поляхъ, сдѣланныя другой рукой, можетъ быть, рукой автора.

Побѣды Надиръ-шаха надъ Абулфейзъ-ханомъ бухарскимъ и Ильбарсъ-ханомъ хивинскимъ были одержаны въ 1740 г.; кромѣ рассказа нашего автора и другихъ (менѣе подробныхъ) персидскихъ источниковъ мы

¹ Изъ этой подробности видно, что рѣчь идетъ о небольшихъ отколовшихся кускахъ, а не о большихъ частяхъ расколовшагося камня.

² Изъ нихъ 1-й и послѣдній бѣлые. На бѣломъ листѣ заглавіе کتاب نادری.

³ Изъ нихъ 1-й бѣлый, на немъ заглавіе نادرنامه.

⁴ III, 126 а: محقر و مؤلفار والدی بود در دمیرقابی در بند خدمتی بدان رجوع شده بود و از آنجا به تنهایی بقندهار و از قندهار بترکستان و از آنجا وارد مرو و از مرو به بغداد رفته و از بغداد وارد تبریز شد

⁵ Начало III, л. 195 а: مسود این اوراق ولید نر محمد کاظم وزیر معروض میدارد.

имѣемъ объ этихъ событіяхъ рассказы историковъ бухарскаго (Мухаммедъ-Вефа Керминеги) и хивинскаго (Муниса)¹, также еще не изданные. По словамъ Мухаммедъ-Казима, дѣйствительный правитель Бухары (власть хана была въ то время только номинальной) Хакимъ-аталыкъ доложилъ шаху передъ его уходомъ о мятежномъ настроеніи узбецкаго рода Юзъ, занимавшаго Самаркандъ; Надиръ-шахъ послалъ туда Лutfъ-Али-хана во главѣ отряда въ 20.000 человекъ; тому же отряду было поручено взять и привезти въ Персію «камень гробницы эмира Тимура гургана, состоявшій изъ одного куска нефрита, вмѣстѣ съ двойными воротами изъ сплава семи металловъ², находившимися въ мечети Ханымъ».

وسنک قبر امیر تیمور کورکانرا که از یکپارچہٴ یشم است با یک زوج
در هفت جوش که در مسجد خانم و همشیره (sic) ³ مرحوم مغفور نصب کرده اند بر
داشته در حیث آمدن بارض فیضمدار بیاورند

Лutfъ-Али-ханъ нашелъ Самаркандъ пустымъ, кромѣ небольшого числа жителей (около 1.000 семейств), поселившихся въ цитадели⁴; военныя силы узбековъ находились на Сыръ-дарьѣ, куда и двинулись персы и въ короткое время привели враговъ къ покорности. Послѣ окончанія военныхъ дѣйствій Лutfъ-Али-ханъ вернулся въ Самаркандъ. «Такъ какъ государемъ міра было дано такое повелѣніе, чтобы взять камень надгробія эмира Тимура гургана, состоявшій изъ одного куска нефрита, и двойныя литыя ворота, находившіяся въ мечети Ханымъ, жены этого государя, нагрузить ихъ на пушечныя лафеты и привезти въ священный Мешхедъ, то согласно этому приказу, требовавшему исполненія, рабы шаханшаха, по своему высокому положенію подобныя плеядамъ, нагрузили на пушечныя лафеты тотъ камень вмѣстѣ съ воротами и увезли въ землю средоточія милости (Божіей)».

چون حسب الامر دارای جهان چنان بنغاز پیوسته بود که سنک مرقد
امیر تیمور کورکانی که از یکپارچہٴ یشم است و یکزوج در قاپی ریخته که در مسجد خانم
حرام ⁵ خاقان مرحوم مذکور نصب است انتزاع داده و در بار عراده کرده بمشهد مقدس
بیاورند نظر بفرمان واجب الاذعان بندگان ثرثامکان شهنشاهی سنک مذکور را مع در
در بار عرادگان کرده نقل بارض فیضمدار ساختند

¹ О хивинской исторіи см. Mélas. X, 278 и Кауфманскій Сборникъ (Москва 1910), стр. 3 и сл.

² Металлы перечислены въ словарѣ Вуллеса при словѣ هفت (т. II, стр. 1457 б).

³ Въ рукописи слово همشیره зачеркнуто и надъ нимъ другой рукой написано مسجد مدرسہ. Очевидно, по мысли автора должно было стоять: جامع که شهرت مدرسہ جامع که شهرت مدرسہ خانم دارد.

⁴ II, 281 a: چون آبادی و جمعیت در آن مملکت نبود در میان ارك آن حصار بقدر یکپار خانہوار از جماعهٴ فقرا ورعایا ساکن بودند.

⁵ Слово حرام въ рукописи вписано другой рукой вмѣсто выскобленнаго слова, вѣроятно, همشیره.

Лутъ-Али-ханъ черезъ Мервъ, Хауз-и-ханъ и Серахсъ достигъ Мешхеда, гдѣ сталъ ждать шаха. Надиръ прибылъ въ Мешхедъ¹ послѣ довольно продолжительныхъ остановокъ въ Мервъ (днемъ его отъѣзда изъ этого города было 16-ое шавваля 1153 — 4 января н. ст. 1741 г.), Абивердѣ, Дерегезѣ и Келатѣ. Въ Мешхедѣ ему показали привезенные предметы. «Когда обладатель счастливаго созвѣздія, завоеватель міра, осмотрѣлъ тотъ камень и ворота, онъ на нѣкоторое время задумался, прочиталъ фатиху для успокоенія души эмира Тимура, обладателя счастливаго созвѣздія, и сказалъ: Нынѣ міръ, подобно шару, вертится въ моей рукѣ. Онъ сдѣлалъ камень своей гробницы изъ нефрита; мы выдѣлываемъ одну кольчугу изъ стали, другую изъ краснаго золота, осыпаннаго драгоценными камнями, и сдѣлаемъ изъ нефрита полъ и облицовку нижней части стѣны куполообразнаго зданія. Тотчасъ онъ поручилъ правителямъ и начальникамъ областей увезти тотъ камень и ворота изъ священной земли и везти ихъ, отъ станціи до станціи, до славнаго города Бухары, оттуда, согласно приказанію Абулфейзъ-хана, привезти въ столичный городъ Самаркандъ и помѣстить на своемъ мѣстѣ такъ, какъ было раньше».

چون صاحبقران کیتیستان ملاحظه آن سنک و دررا نمود ساعتی نامت کرده فاتحه بروح امیر تیمور صاحبقران خوانده فرمود که امروز جهان چون کوی در دست ما در گردش است و او سنک قبر خود را از یشم نموده ما زرهی از پولاد وزرهی از زر سرخ مرصع میسازیم و فرش و ازاره کنبذرا یشم خواهیم نمود در ساعت بعهدہ حکام وضابطین ولایات مقرر داشت که آن سنک و دررا منزل بمنزل از ارض اقدس حرکت داده به بلده فاخره بخارا برند و از اینجا حسب الفرموده ابو الفیض خان بدار السلطنة شرفند برده بر نوح اول در جا و مکان خود قرار دهند

Разсказъ нашего автора не даетъ намъ прямого отвѣта на вопросъ о причинахъ, побудившихъ Надиръ-шаха вывезти изъ Самарканда нефритъ и ворота и потомъ отправить то и другое обратно. Изъ словъ, приписанныхъ авторомъ шаху, можно вывести заключеніе, что Надиръ хотѣлъ воспользоваться нефритомъ и воротами для своихъ построекъ, потомъ отказался отъ этой мысли. Постройки воздвигались имъ въ Дерегезѣ, въ мѣстѣ его рожденія (у Мухаммедъ-Казима مولدخانه نادی, у Абдулкерима مولودگاه²),

¹ По Мехди-хану (тебризское изд. 1266 г., стр. 135) въ концѣ шавваля (до 18 янв. н. ст. 1741 г.), по Абдулкериму (Khojeh Abdulkurteem, 73) 19-го зу-л-ка'да (5 февр.).

² По Абдулкериму (64 и 72) именно это мѣсто получило названіе Хиваабадъ (или Хивакабадъ), вслѣдствіе поселенія тамъ вывезенныхъ изъ Хивы персидскихъ пѣнныхъ. Нашъ авторъ тоже разсказываетъ объ основаніи Хивакабада (II, 285 а), но не отождествляетъ его съ мѣстомъ рожденія Надира.

въ Келатѣ и въ Мешхедѣ. Въ Келатѣ¹, по словамъ Мухаммедъ-Казима, шахъ готовилъ себѣ гробницу изъ чернаго камня (سنگ سیاه); туда же по его приказанію былъ привезенъ мраморъ изъ Азербайджана и было перевезено нѣкоторое число людей (3.000 семействъ) изъ города Мераги той же области (II, 285 а). По поводу словъ о кольчугахъ интересно сообщеніе нашего автора, что среди подарковъ, поднесенныхъ Надиръ-шаху въ 1740 г. въ Бухарѣ, были мечъ и желѣзный нагрудникъ Тимура, шлемъ и кольчуга Чингизъ-хана²; едва ли, конечно, эти предметы вооруженія были подлинными. Мечъ Тимура видѣлъ въ 1903 г. Джексонъ въ тегеранскомъ дворцовомъ музеѣ³.

В. Бартольдъ.

¹ По Абдулкерику (71 сл.) шахъ строилъ для себя гробницу въ Мешхедѣ. «Куполообразное зданіе» воздвигалось имъ въ мѣстѣ его рожденія, причемъ тамъ были поставлены три золотыхъ сосуда, одинъ надъ другимъ, и надъ ними была помѣщена сабля.

² II, 262а: از ان جمله یکی شمشیر و یکی چهارآینه امیر تیمور کورکان و مغفر وزره جنکیز خان بود.

³ A. V. W. Jackson. Persia past and present, New York—London, 1906, p. 422.

Замѣчанія на „Пословицы крымскихъ татаръ“, изданныя П. А. Фалевымъ¹.

Въ «Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной коммисіи» изданы подъ редакціей А. Н. Самойловича и П. А. Фалева «Пословицы, поговорки и примѣты крымскихъ татаръ, собранныя гг. А. А. Боданинскимъ Мартино и О. Мурасовымъ»².

Пословицамъ предпослано обширное предисловіе П. А. Фалева, заканчивающееся краткой библиографіей пословицъ (стр. 1—26). Содержаніе предисловія разносторонне: здѣсь П. А. Фалевъ говоритъ о приѣмахъ изданія; извлекаетъ изъ рукописи собирателя (О. Мурасова) свѣдѣнія о состязаніяхъ пословицами въ Крыму; намѣчаетъ, наконецъ, рядъ вопросовъ, которые возникаютъ при изученіи пословицъ (соприкосновеніе между пословицами и пѣснями, вліяніе «ашиковъ», исторія отдѣльныхъ пословицъ и поговорокъ, и т. д.³). Конечно, вопросы эти отъ окончательнаго рѣшенія далеки, какъ это сознаетъ (на стр. 23) и авторъ. Но на всей работѣ лежитъ печать вдумчивости; пословичный турецкій матеріалъ распределенъ по главамъ, облегчающимъ поиски⁴, подобраны (кое-гдѣ) османскіе ва-

¹ Статья просмотрѣна въ корректурѣ А. Н. Самойловичемъ, которому принадлежатъ примѣчанія, отмѣченныя буквами А. С. Ред.

² Вып. 52, Симферополь, 1915, стр. 1—67. — Черезъ какіе фазисы прошло изданіе, — видно, отчасти, изъ протоколовъ Коммисіи, см. «Извѣстія», № 49, стр. 247, № 50, стр. 293, № 51, стр. 336. Судя по послѣднему протоколу и по первой сноскѣ къ предисловію П. А. Фалева, въ которой выражается благодарность А. Н. Самойловичу за содѣйствіе, послѣдній редакторомъ изданія не состоялъ.

³ Что касается лингвистическихъ замѣчаній, укажу, что мнѣ также приходилось въ Турціи слышать форму «каре» (стр. 3—4), см. также дальше въ пословицѣ № 176 «јаресі»; слово «кѡпеджік» (какъ уменьшительное отъ «кѡпек» — собака) по османски не употребляется (стр. 6, примѣчаніе 3); хотя В. Х. Кондараки и передаетъ слово «илляхи» черезъ два «л» (стр. 17, примѣчаніе 5), но это — невѣрно.

⁴ Внутри главъ пословицы идутъ въ алфавитномъ порядкѣ. Впрочемъ, какъ во всякой системѣ, произвольность не устранена совершенно; напр., дважды напечатанная пословица (подъ №№ 37 и 644) попала въ разныя главы.

ріанты (по сборнику Теке-задэ Саида «Дурӯб-і емсәл-і түркіје»). Въ лицѣ П. А. Фалева передь нами новыи туркологъ, обнаруживающій живой интересъ и начитанность въ памятникахъ народной литературы турецкихъ племенъ. Естественно, поэтому, желаніе задержаться подробнѣе на разборѣ «Пословицъ крымскихъ татаръ».

I.

Основные черты турецкихъ пословицъ.

Для турка пословица представляетъ какъ бы завѣтъ предковъ потомкамъ, это — «слово предковъ», въ которомъ закрѣпленъ жизненный опытъ. Линія поведенія опредѣляется, такимъ образомъ, для потомка традиціей.

На эту сторону характера османцевъ обратилъ уже вниманіе въ XVI вѣкѣ цесарскій посолъ къ султану Сулейману Великолѣпному, баронъ Бусбекъ. Описывая заимствованные у грековъ обряды христіанскіе (освященіе морскихъ водъ передъ плаваніемъ), наблюдательный путешественникъ замѣчаетъ: «Они все еще держатся хорошаго мнѣнія о своихъ предкахъ; они говорятъ, что званіе предковъ было болѣе глубоко, чѣмъ у нихъ, и потому благоразумнѣе оставлять все такъ, какъ они что нашли, — какъ бы это ни было вредно, — чѣмъ вносить измѣненія»¹.

Подчиненіе воли «словамъ предковъ» обезличиваетъ человѣка, и полное отсутствіе инициативы производитъ впечатлѣніе наивности, граничащей съ анекдотической глупостью. Это сознаетъ уже и турокъ, «умъ котораго приходитъ потомъ» (см. 492, также 491). Классическій примѣръ наивности разсказанъ Бусбекомъ². Гдѣ-то за Ангорой, на берегу рѣки Кызыль-Ырмака онъ повстрѣчалъ крестьянина, который на вопросъ, какъ у нихъ ловятъ птицъ, отвѣчалъ, что поймать птицу имъ никогда не случалось; онъ только знаетъ, что птицы эти привыкли улетать, какъ только къ нимъ приблизиться.

Такъ перекидывается мостъ отъ прошлаго къ будущему, и находя въ пословицѣ отвѣтъ на запросы жизни, турокъ думаетъ, что исторія повторяется, что жизнь совершаетъ неизмѣнный круговоротъ, потому что неизмѣнна человѣческая природа. Между нравственнымъ обликомъ человѣка и его физическимъ строеніемъ находится полное соотвѣтствіе; чистота физическаго типа выявляется въ благородствѣ, наоборотъ, злая природа только указываетъ на дефекты физическіе. Понятно, съ этой точки зрѣнія, дѣленіе народа на «бѣлую кость» и «черную кость».

¹ Lettres du baron de Busbec. Переводъ аббата De Foy. Парижъ. 1748, т. II, стр. 111.

² Тамъ же, т. I, стр. 159. — Выше разсказанъ аналогичный отвѣтъ о ловлѣ рыбы: какъ только запустить руку въ воду, чтобы схватить рыбу, — немедленно она убѣгаетъ.

Духъ и матерія, характеръ и наружность для турка заключаютъ отраженіе закона о неизмѣнности природы.

Мысль эта, впрочемъ, была ясна уже давно; Эзопъ (изд. С. Нальм'а, № 13) въ баснѣ объ эіопѣ—черномъ рабѣ—училъ, что «природа остается такой, какой была прежде», что нравственное совершенство невозможно для человѣка, природа котораго порочна. Воззрѣнія на неизмѣнность человѣческой природы выпукло раскрываются въ кодексѣ турецкой народной мудрости — въ пословицахъ¹.

«Отъ неразумнаго не бываетъ вѣрности, отъ благороднаго мужа — мученія» (151).

«Если умъ не вошелъ съ молокомъ матери, — онъ не войдетъ съ коровьимъ молокомъ» (157).

«Змѣя мѣняетъ свою шкуру, а не нравъ» (547).

«По матери выбирай дѣвицу, по основѣ — полотно» (286).

«Птица дѣлаетъ то, что видитъ въ своемъ гнѣздѣ» (559).

Въ пословицахъ, такимъ образомъ, опредѣленно развито ученіе о наслѣдственности. Наблюденія эти вѣрны не только для человѣка, но и для всей органической природы:

«Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ» (590).

На зло, впрочемъ, природа человѣческая болѣе податлива, оно воспринимается, какъ будто, скорѣе:

«Не прикасайся къ котлу, — запачкаешься; не приближайся къ злему, — отъ него пристанетъ бѣда» (112).

На Алтаѣ, правда, говорятъ:

«Съ добрымъ поведешься, — добро переймешь,

Съ худымъ поведешься, — худое переймешь»²,

но эта пословица стоитъ все-таки одиноко, и общее наблюденіе сохраняетъ силу.

Если неизмѣнна природа, то и человѣкъ въ своихъ нравственныхъ и общественныхъ взглядахъ долженъ быть неизмѣнно твердъ³. Вѣрность въ дружбѣ (476), уваженіе къ родителямъ и старшимъ (113, 294, 298); усидчивость и трудолюбіе (364, 408) — естественные логическіе выводы изъ основнаго взгляда на жизнь. Жители Крыма прекрасно усвоили

¹ Въ основу характеристики взять матеріалъ изъ «Пословиць крымскихъ татаръ»; цифрами обозначаются номера пословиць.

² В. Вербицкій. Алтайскіе инородцы. М. 1893, стр. 192; также у киргизовъ, Н. Пастусовъ, Учен. Зап. Казан. Univ., 1897, № 4, пословица № 82.

³ «Надо играть честно!», «Надо жить честно!», — вотъ основной принципъ турка, вѣрно схваченный М. Горькимъ, который влагаетъ эти слова въ уста татарина «На даѣ».

твердость татарина въ словѣ, и на-слово заключаютъ съ нимъ всевозможныя сдѣлки. Литовскій митрополитъ Сестренцевичъ, наблюдавшій Крымъ въ XVIII вѣкѣ, говоритъ, что никто не спорилъ о первенствѣ, по дворяне, знатнѣйшіе по роду, уступали часто мѣсто дворянину низшей степени, если онъ былъ значительно старше ихъ лѣтами¹. Кое-что, однако, въ этой «традиціонной» характеристикѣ турка уже уступка времени; такъ, на зарѣ исторіи, несомнѣнно, старики не пользовались почетомъ; это замѣтили уже китайцы². Алтайская пословица, сохраняющая черты архаичности, говоритъ о презрѣніи къ старикамъ, какъ о чемъ то естественномъ: въ обществѣ они уже негодны, какъ старая лошадь³. Въ пословицѣ чувствуются отголоски обычая убиванія стариковъ.

Честно жить, однако, бываетъ иногда трудновато.

«Говорящій правду не угодитъ и отцу» (90).

«Кто говоритъ правду, того выгоняютъ изъ девяти государствъ»⁴.

Цифра «девять», эпическая турецкая цифра, указываетъ, конечно, на то, что правда нетерпима во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Однако, необходимость правдивости отъ этого не колеблется; турку все-таки чуждъ житейскій оппортунизмъ образованнаго перса Саадія, который совѣтуетъ (въ «Гюлистанѣ») не открывничать съ другомъ, изъ опасенія, чтобы въ послѣдствіи — во время ссоры — тотъ не использовалъ слабыхъ сторонъ своего пріятели⁵. Турецкая пословица, впрочемъ, вовсе не рекомендуетъ неосмотрительной словоохотливости (ср. особенно 125), это противорѣчило бы природѣ турка, который во всемъ любитъ постепенность, медлительность. «Јаваш, јаваш!» (потихоньку, потихоньку), успокаиваетъ онъ не въ мѣру разошедшагося собесѣдника; на этомъ принципѣ построена была въ Турціи и международная политика Порты, которая оттягивала постоянно реформы. Турокъ знаетъ цѣну слова:

«Разъ скажи, а два раза выслушай» (72).

«Говори, прикусивъ языкъ» (84).

«Вѣрь больше своимъ глазамъ, чѣмъ чужимъ рѣчамъ» (68).

«Слова навлекаютъ на человѣка несчастье» (226).

Здѣсь, быть-можетъ, сказывается уже горькій опытъ.

¹ Османцы уже подзабыли этотъ обычай и, вспоминая, высмѣиваютъ татаръ: «татар бабасыны сатар» (татаринъ продаетъ своего отца); Ве-Фикъ-паша. Изборникъ пословицъ, Константинополь, стр. 101.

² В. Радловъ. Къ вопросу объ уйгурахъ. СПб. 1893, стр. 78.

³ В. Радловъ. Образцы, т. I, стр. 2, пословица 18.

⁴ В. Х. Кондараки. Универсальное описаніе Крыма. Ч. XIII. СПб. 1875, посл. 56.

⁵ Противъ довѣрчивости высказывается уже фараонъ Аменемхетъ I (XI дин.). Б. Тураевъ, Исторія Древняго Востока. I², 225.

Поэтому поспѣшность строго осуждается туркомъ, — она никогда не доводитъ до добра (15). Лишнее слово влечетъ за собою драку (264), «говорящій много ошибается» (139).

Вѣроятно, эта медлительность проистекаетъ изъ представленія (обычнаго у народовъ Востока) объ ограниченныхъ способностяхъ татарина и турка.

«Умъ татарина приходитъ потомъ» (492).

Чтобы какъ-нибудь смягчить горечь этого сознанія, татаринъ склоненъ высказываться такъ и о сосѣдяхъ:

«Русскій вспомнить поздно, а татаринъ — когда нельзя помочь»¹.

Однако отъ доктринерства и резонерства турокъ все таки далеко, жизнь сложна, она требуетъ отъ человѣка компромиссовъ, уступокъ:

«Кто ищетъ друга безъ недостатковъ, тотъ остается безъ друга» (127).

Такъ, вокругъ человѣка замыкается кольцо: человѣкъ неизмѣненъ въ жизни, потому что на немъ отражается общій законъ природы, природа неизмѣнна, потому что и надъ ней царить суровый законъ неизмѣнности, predetermined изначала, — законъ неотвратимости, рока. Здѣсь лежитъ разгадка консерватизма національнаго турецкаго характера, разгадка фатализма:

«Что начертано на челѣ, то увидятъ глаза» (16).

II.

Значеніе пословицы въ османской литературѣ.

Съ пословицей турокъ сроднился; она проникла во все виды словеснаго творчества (очень много, напр., пословицъ у Абуль-Гази)². Но здѣсь я ограничиваю свою задачу указаніемъ значенія пословицы въ литературѣ османцевъ.

Принято говорить (Гиббъ), что персидская поэзія, обладая «могуществомъ Горгоны», убила въ османской поэзіи проблески самобытности. Персидскіе перепѣвы наполнили въ Турціи придворную поэзію; все, что тянулось къ меценатамъ, поддѣлывалось подъ настроеніе и вкусы двора.

Такъ ли, однако, глубоко захватила эта придворная поэзія широкіе общественные круги? Народъ въ массѣ былъ неграмотенъ или, во всякомъ случаѣ, малограмотенъ, вычурные образы, павѣянные персидской поэзіей, были для него непонятны. У него была своя литература, мало еще, впрочемъ, изученная: религіозныя потребности удовлетворялись, отчасти, религіозными поэмами («Мевлюд-и Наби» Сулеймана Челеби, «Мухаммедійэ» Языджи-

¹ В. Х. Кондараки, цит. соч., пословица 21.

² Пословицы имѣются въ древнѣйшемъ памятникѣ мусульманско-турецкой литературы, въ «Кутадгу-Билэгъ» (XI в.). А. С.

оглу и др.), гдѣ въ реальныхъ, иногда чувственныхъ, краскахъ описывались и заповѣди, и эсхатологическія представленія; но, главнымъ образомъ, распространены были въ народѣ простыя по формѣ религіозныя стихотворенія, выходившія изъ дервишествовавшихъ, можетъ быть, даже сектантскихъ круговъ. вмѣсто утонченной поэзіи народъ находилъ эстетическое наслажденіе въ дестанахъ, разнообразнаго содержанія: здѣсь были и эпическія описанія богатырскихъ подвиговъ сказочныхъ героевъ или разбойниковъ, юмористико-сатирическое изображеніе темныхъ сторонъ бытовыхъ явленій; были и дестаны, замѣнявшіе, такъ сказать, газету, фиксируя событія, только-что случившіяся и поразившія мысль народа (напр., описаніе пожара). Тѣневой (карагѣзовскій) театръ, въ настоящее время обратившійся въ забаву для дѣтей, несомнѣнно, имѣлъ прежде значеніе политическое; въ пьесахъ, устами карагѣзчика, выражалось общественное мнѣніе или настроеніе по поводу политики, внутренней и внѣшней. Печатный станокъ убилъ въ Турціи эту полународную литературу¹, и изученіе рукописей, вѣроятно, только отчасти возстановило бы передъ нами картину народной литературной жизни (больше надежды, конечно, на отысканіе религіозныхъ народныхъ произведеній).

Но между тѣмъ какъ отъ дестановъ, народнаго театра и т. д. писатель, поднявшійся до верховъ литературы, проникшій въ литературные «хальветы», отворачивался, — пословица, по своему правоучительному характеру, оказывала на него болѣе сильное дѣйствіе, и поэты давно уже рѣшались обращать на пословицы вниманіе общества, — высшихъ круговъ его. Благодаря этому для сужденія о пословицѣ османской (въ ея прошломъ) мы располагаемъ исторической перспективой, при изученіи пословицы мы могли бы, иногда, выяснитъ время перваго появленія на османской почвѣ пословицы, установить, быть-можетъ, измѣненія во внѣшней формѣ пословицы.

Одна изъ первыхъ попытокъ стихотворной переработки пословицъ принадлежитъ современнику поэтессы Михри-хатунъ, Гювахи², — составившему сборникъ, обычно извѣстный подъ именемъ «Пендъ-намэ» (Книга увѣщаній)³. Пословицами вообще охотно пользуются поэты XVI вѣка, напр., Месихи въ «Шехрѣ-энгизѣ» («Смутьянѣ»). Тяготѣніе къ пословицамъ осо-

¹ Въ одномъ изъ памятниковъ этой литературы, именно въ «Жизнеописаніи Сейидъ-Батталая» встрѣчаются пословицы. А. С.

² А. Е. Крымскій (Исторія Турціи и ея литературы. М. 1910, стр. 62) хочетъ установить другое произношеніе «Гювахи»; мнѣ кажется, что форма «Гювахи», которая, по его же словамъ (тамъ же, примѣчаніе 2-е) болѣе употребительна, правильнѣе, какъ стоящая въ связи съ персидскимъ словомъ *کواه* (свидѣтель).

³ Отчасти сборникъ этотъ вошелъ въ собраніе пословицъ (500), изданныхъ, подъ редакціей О. Schlecta-Wssehrd, Восточной Академіей въ Вѣнѣ (Osmanische Sprichwörter. Wien. 1865, XII+180).—Пословицы, какъ сказано въ предисловіи, извлечены изъ двухъ рукописныхъ сборниковъ и изъ Гювахи. Изданіе состоитъ изъ текста, транскрипціи, перево-

бенно замѣтно у поэтовъ, которые вели веселую жизнь и не признавали условностей литературнаго языка. Поэтъ-гуляка Ревани (XVI в.) на упреки въ растратѣ богоугодныхъ приношеній, назначенныхъ для Мекки, отвѣчалъ пословицей: «Кто держитъ въ рукахъ медь, тотъ и палецъ облизываетъ»¹, и др. Поэтесса Михри-хатунъ начинаетъ одно стихотвореніе словами:

«Хоть всѣ говорятъ, что коротокъ умъ женщинъ»...².

Пословицы попадаютъ и у поэтовъ XVII вѣка: Вейси, на примѣръ, въ знаменитой касыдѣ «Насихат-и Исламбуль» упоминаетъ ходячую на Востока—у османцевъ, грековъ, армянъ—пословицу «рыба тухнетъ съ головы»³. Бывало, что стихи поэтовъ шли въ народъ, такъ, пословица «Придешь съ деньгами въ рукахъ, скажутъ: эфенди приглашаетъ, а съ пустыми руками—скажутъ: эфенди почиваетъ» сочинена поэтомъ XVI вѣка Энделиби⁴, и др.; пословичныя выраженія поэта XVIII вѣка Сюмбюль-задэ Вехби цитуются иногда въ сборникѣ пословицъ Шинаси.

Первое знакомство съ османскими пословицами въ Европѣ восходитъ, повидимому, уже къ XV вѣку. Вольные и невольные путешественники въ Турцію сохранили въ сочиненіяхъ упоминанія (правда, случайныя) о пословицахъ. Такъ, на примѣръ, т.-наз. мюльбахскій студентъ (XV в.) сообщаетъ commune proverbium . . . , quod Karaman beg stabit in aeternum («Караманскій бей до скончанія вѣковъ будетъ существовать»)⁵.

III.

Исправленія и разъясненія; указанія вариантовъ, турецкихъ и греческихъ.

Пониманіе пословицъ, несомнѣнно, представляетъ большія затрудненія: отражая бытъ чужой, отражая иногда, такъ-сказать, «живую старину», онѣ, быть можетъ, утратили уже смыслъ и для крымца; дословный, самъ по себѣ вѣрный, переводъ, оторванный отъ міровоззрѣнія народа, конечно, мало объяснитъ значеніе пословицы. Все это прекрасно зналъ П. А. Фад-

довъ (нѣмецкаго и французскаго), глоссарія. Работа произведена была студентами Академіи и потому не безъ крупныхъ недочетовъ въ транскрипціи и въ переводѣ; книжная форма сохранилась, напр., въ пословицѣ 249: «земан-ле ве саман-іле». Изъ рукописныхъ собраній Вѣнской Восточной Академіи заимствовалъ пословицы для своей хрестоматіи и М. Wickerhauser (Wien. 1853).

¹ В. Д. Смирновъ. Очеркъ исторіи османской литературы. Всеобщая исторія литературы Корша-Кирпичникова, т. IV, стр. 472.

² Тамъ же, стр. 480.

³ Тамъ же, стр. 502.

⁴ В. Смирновъ. Цит. соч., стр. 433.

⁵ А. Крымскій. Исторія Турціи и ея литературы. М. 1916, т. I, стр. 166 съ примѣчаніемъ 1-мъ. — А. Е. Крымскій говорилъ мнѣ, что пословицы двѣ попались ему также въ путешествіи де-ля Брокьера (XV в.).

левъ; вдобавокъ редакторъ былъ стѣсненъ матеріаломъ, который былъ переданъ въ его распоряженіе; онъ долженъ былъ подготовить для печати пословицы, собранныя и (отчасти) переведенныя другими лицами. Полное комментированіе, разумѣется, было бы непосильно ему; все-таки редакторъ могъ бы избѣжать ряда ошибокъ, извращающихъ иногда пословицу, поскольку это зависитъ исключительно отъ правильнаго пониманія текста.

Общіе принципы, принятыя П. А. Фалевымъ при переводѣ пословицъ, высказаны имъ въ предисловіи (стр. 7): «При редактированіи я старался, по возможности, сохранить ихъ (гг. Боданинскаго и Мартино) переводъ; измѣнялъ его лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторы сборниковъ переводили не дословно, а по смыслу». Впрочемъ, иногда редакторъ отступалъ отъ этого, такъ, напр., пословица 269 переведена вольно, и картина обмыванія покойника пропала; изрѣдка, при переводѣ не принимается во вниманіе (необычный) порядокъ словъ въ предложеніи, измѣняющій смыслъ, напр., въ пословицѣ 509¹.

Цѣль моей статьи — скромна: устранить ошибки, вкравшіяся въ изданіе², посылить объяснить нѣкоторыя пословицы и ввести, такимъ образомъ, собраніе въ оборотъ для будущаго изслѣдованія; быть можетъ, кое-что изъ моихъ крохъ будетъ и полезно. Замѣчанія мои слѣдуютъ въ порядкѣ нумераціи «Пословицъ крымскихъ татаръ».

1. Пословица эта записана была и отъ османцевъ въ Брусѣ моимъ ученикомъ В. М. Заваринымъ, см. также «Изборникъ пословицъ» А. Вефика-паши (منتخبات ضروب آتالر سوزی), Константинополь s. a.³, стр. 25. Вѣроятно, зашла отъ персовъ, у которыхъ также извѣстна (М. А. Гаффаровъ и Вл. Гордлевскій. Персидскія пословицы, Древн. Вост., т. IV, № 2).

¹ Можетъ быть, пословицы эти изъ коллекціи О. Мурасова; при группировкѣ пословицъ индивидуальный характеръ собраній пословичныхъ утратился, — пословицы у П. А. Фалева расплылись.

² Очевидныя опечатки, — къ сожалѣнію, обильныя, — почти не отмѣчаются; конечно, объясняются опечатки просто, — неприсылкой, какъ сообщаетъ мнѣ П. А. Фалевъ, ему для прочтенія корректуръ. За рядъ указаній приношу благодарность преподавателю Лазаревскаго института С. Г. Дзеруньяну и студенту Московскаго университета А. Х. Халилеву.

³ Сборникъ пословицъ А. Вефика-паши (вышедшій въ 1288 или 1289 г. хиджры) былъ переведенъ и на англійскій языкъ: E. J. Davis. *Osmanli proverbs and quaint sayings*. London. (1898): VIII-4-401-4-168. (Текстъ, транскрипція и переводъ 4300 пословицъ). Такъ какъ на обложкѣ собиратель не обозначенъ, переводчикъ (а за нимъ и Th. Menzel, *Der Islam*, IV, стр. 131) ошибочно приписалъ сборникъ Ахмеду Мидхату, но въ принадлежности его Ахмеду Вефику никогда не было сомнѣнія: см. Belin. *Bibliographie ottomane*. *Journal Asiatique* 1873, 7-я серія, т. I, стр. 528—529 (ср. также рецензію Barbier de Meynard на сборникъ пословицъ J. Desourdemanche, тамъ же, 1878, 7-я серія, т. XI, стр. 276); также опредѣленно выражается и В. Д. Смирновъ (цит. соч., стр. 526), который въ 1875 г. былъ въ Константинополѣ.

2. Тоже по-османски (Вефикъ-паша, стр. 26).
3. Пословицу перевести лучше: «нельзя опредѣлять *границу* дарамъ Божіимъ».

5, 7. Точь-въ-точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 26).

9. Выраженіе «нішанлы кул» значитъ: мѣченый рабъ, т. е. имѣющій какой-нибудь недостатокъ или примѣту — безбородый, косой, рыжій; въ народномъ представленіи это — человекъ опасный¹ (Ср. ниже пословицы 61, 147. Ср. киргизскую пословицу: «Не попадайся въ руки слѣпому, не попадайся подъ глухого». П. Меліоранскій. Киргизскія пословицы и загадки, ЗВО, т. VII, стр. 43, № 31).

10. Тоже по-османски (Вефикъ-паша, стр. 27).

12. Точь-въ-точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 26).

14. Т. е. отъ человекъ зависитъ счастье или несчастье; тоже и по османски, см. Вефикъ-паша, стр. 11, также Вл. Гордлевскій, Образцы, 849.

15. Пословица представляетъ мысль, выраженную въ арабскомъ изреченіи, которое арабы считаютъ даже хадисомъ:² *العجل من الشيطان*; у османцевъ: *انَّ العجالة من الشيطان* (это изреченіе встрѣчается уже у Гювахи: см. J. Hammer, *Geschichte der osmanischen Dichtkunst*, I, 288). Но, конечно, мысль о вредѣ торопливости — свойственна восточнымъ народамъ, ср. киргизскую пословицу «дѣло торопливаго не удастся» (точнѣе: влечетъ вредъ), П. Меліоранскій, № 13, также конецъ № 17; также у сартовъ, армянъ и т. д. Ср. также по османски «бесмеесіз іше шејтан карышыр» — въ дѣло (которое начато) безъ молитвы (т. е. неосмотрительно, поспѣшно) вмѣшивается шайтанъ. Вл. Гордлевскій, стр. 56, № 1243.

17. Слово «кїамет» значить еще: шумъ, драка, т. е. «одинъ смотритъ, другой — ѣстъ, — *вотъ и начинается драка, ссора*»; тоже по османски (Вл. Гордлевскій, стр. 17, № 353).

20. Это, пожалуй, не пословица, а повѣріе (магическая формула?): матеріальный ущербъ — произвольно созданный — предохраняетъ какъ бы отъ несчастія (смерти), потому что жизнь человекъ отъ природы уже построена на равновѣсіи между суммой добра и зла. Въ малоазійской сказкѣ о «Козьмѣ Скоробогатомъ», записанной Ф. Гизе (Fr. Giese, *Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qonjah*. Halle a/S. New York. 1907, стр. 20), лисица утѣшаетъ *post factum* царскихъ посланцевъ, говоря: «башымыза геліджек малымыза гелсін! (= гелмш)». Повѣріе это распространено было и въ античной древности, гдѣ на стражѣ закона равновѣсія стояла Немесида; вотъ такъ,

¹ Ср. также замѣчанія Лэна (о слѣпыхъ въ Египтѣ) къ переводу «Тысячи и одной ночи» (Москва, изд. Сытина 1904 г.), т. I, стр. 763.

² Въ Бейрутѣ добавляють: *والتأني من الرجحان*.

напр., Поликрать, тиранъ Самосскій, смущенный рѣчами друга своего, Амасиса, объ измѣнчивости счастья, бросаетъ въ море драгоцѣннѣйшій перстень, чтобы утишить зависть боговъ (Геродотъ, III, 39, слѣд.). Ср. также суевѣріе, распространенное между крымскими татарами: «для заболѣвшаго смерть лошади—хорошее предзнаменованіе». Н. Маркст. Легенды Крыма¹. М. 1914. вып. II, стр. 26.

22². Искаженъ смыслъ пословицы (сбила, очевидно, оригинальная конструкция съ дѣепричастіемъ на «уб»). «Пусть Богъ, наславъ горе..., не заставитъ искать лѣкарства!». Т. е. пусть Богъ не насылаетъ горя и не заставитъ искать лѣкарства! Пословица эта — османская, по указанію собирателя, О. Мурасова—употребляется безъ второго члена «хекіме дава веріп»: «Аллаһ дерт веріп хекіме-накіме мўһтадж етмесін».—Въ дѣепричастіи на «уп» скрытъ оттѣнокъ условный.

23. П. А. Фалевъ обращаетъ мое вниманіе, что на стр. 15 переводъ, данный для этой пословицы, — невѣренъ.

25. Т. е. онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ.

27. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 185).

28. 2-я пословица (сообщенная въ примѣчаніи 5-мъ) извѣстна и османцамъ (Вефикъ-паша, стр. 213).

29. Это — персидская пословица (М. А. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, цит. соч., № 26), проникшая и къ сартамъ (В. П. Наливкинъ. Руководство къ практическому изученію сартовскаго языка. Самаркандъ. 1898, стр. 164), и къ османцамъ (Вефикъ-паша, стр. 48); извѣстна и караимамъ (В. Радловъ. Образцы, т. VII, № 18).

По поводу этой пословицы не безынтересно вспомнить слова Д. Кантемира, цит. соч., стр. 207: «...Паче же въ толикой происходятъ суперстиціи, яко псовъ, кошекъ, птицъ и рыбъ, подъ видомъ милостыни, питаютъ, на семь утверждающе аксіоматѣ: «маглук билмезсе, галик билўр», ... «на доброхотность дающаго..., а не на взимающаго благодареніе взирающи».

30. Точь въ точь какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 62).

31. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 182).

32. Извѣстна и османцамъ (Вл. Гордлевскій, стр. 57, № 1262).

33. Точь въ точь, какъ у османцевъ (Вл. Гордлевскій, стр. 57, № 1263).

37. По османски говорятъ: «Казык-мы какаджаксын бу дўнјада?» (Не коль ли собираешься ты вбить на этомъ свѣтѣ?), т. е. не вѣчно же будешь ты жить на свѣтѣ!

¹ Пословицы и поговорки, попадающіяся въ текстѣ, сообщаются только въ переводѣ, см. рецензію (мою) на легенды въ *Этногр. Обзор.*, 1915, № 3—4, стр. 119.

² По поводу пословицы 21 замѣчу, что упоминаніе камня «джада» въ переводѣ П. А. Фалева произошло по ошибкѣ переводчика: «джедемен» значитъ «большая медвѣдица». А. С.

38. Одного происхожденія и караимскій варіантъ (В. Радловъ, VII, № 445). Пословица эта извѣстна и сартамъ; упоминаніе объ Индіи, какъ будто, говоритъ за то, что возникла пословица въ Азіи (у персовъ?).

39. Ср. османскія пословицы (мое собраніе, 989, 1279).

40. Тоже по османски (мое собраніе, 1305). П. А. Фалевъ (въ предисловіи, на стр. 22) возводитъ, повидимому, какъ крымскую, такъ и османскую пословицу къ преданію о муфтіи Джемали, который въ корзинѣ спускалъ мусульманамъ отвѣты на запросы (J. Hammer. Histoire de l'Empire Ottoman, IV, стр. 361). В. М. Заваринъ видитъ отраженіе преданія въ загадкѣ о Зембилли Ахмедѣ («Османскія загадки, собранныя въ Брусѣ», Древности Восточныя, т. IV). Предположеніе В. М. Заварина, пожалуй, тоже безосновательно (въ загадкѣ сохранилось бы имя отца Джемали), потому что общеніе съ людьми, находящимися внизу, посредствомъ корзины, кажется, обычно; обычно оно и на Востокѣ.

Здѣсь, въ пословицѣ, заключаются, очевидно, отголоски разсказа о чудесной корзинѣ, открывающей тайны упоенія; она упоминается уже у поэта Низамія (1143—1203) въ «Семи красавицахъ», см. разсказъ индійской царевны: А. Крымскій. Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи. М. 1912, ч. II, стр. 174 слѣд.; тема о «градѣ упоенныхъ» (ше hr-medhūshān), куда поднимаются въ корзинѣ, встрѣчается и въ «Тысячѣ и одной ночи», см. V. Chauvin. Bibliographie des ouvrages arabes, т. V, стр. 242—244. Кайлюсь извлекъ разсказъ изъ повѣсти османскаго писателя Ламии (А. Крымскій, цит. соч., стр. 174).

Въ Турціи поговорка «онъ спустился съ неба въ корзинѣ» употребляется родителями, когда они желаютъ отвязаться отъ дѣтей, которые пристають съ разспросами, какъ они явились на свѣтъ Божій. Азербайджанцы, по сообщенію М. А. Гаффарова, говорятъ: «көктен зембил-іле ендірмезлер (или: гөндермезлер)!\», т. е. съ неба не спускають (или: не посылають) въ корзинѣ; смыслъ пословицы—прозаическій: нужно трудиться, — не въ корзинѣ съ неба спускается хлѣбъ.

42. Вѣроятно, это — занесенное отъ арабовъ семитское представленіе о лицемѣрїи духовенства, проповѣдниковъ и т. д. (всп. евангельскія слова апостола Матѳея); ср. османскую пословицу (мое собраніе, 1288); у караимовъ перенесено на поповъ (В. Радловъ, VII, № 402).

43. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 317); близкій варіантъ по османски: «Намас жабана чікмас» значить: Лицемъ къ пустынь (т. е. на вѣтеръ, зря) онъ не молится¹; вѣрный переводъ пословицы крымской данъ В. В. Радловымъ. Опытъ словаря, III, столб. 276.

¹ По моему миѣнію, османскій варіантъ значить: «Молитва зря не пропадаетъ». А. С.

47. А. Е. Крымскій указываетъ мнѣ, что онъ слышалъ на Ливанѣ схожую пословицу: «in касаба 'l-насуду, фа-ш-шайтану awla» («Если выигралъ завистникъ, то шайтанъ и того больше»); пословица эта, повидимому, восходитъ къ хадису: шайтанъ, исконный врагъ рода человѣческаго, торжествуетъ, когда въ человѣкѣ раскрываются отрицательныя стороны характера.

48. На эту пословицу существуетъ у османцевъ рассказъ о Наср-эддинѣ, дочери котораго были замужемъ—одна за земледѣльцемъ, а другая—за черепячникомъ (слышалъ въ 1913 г. въ Малой Азіи отъ армянина, уроженца Сивасскаго вилайета). Тоже у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 340). Ср. персидскую пословицу (М. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, стр. 30, № 286).—Пословица эта, несомнѣнно,—«сгущенная басня», одинъ изъ древнихъ вариантовъ басни—у Эзопа (изд. С. Нalm'а, № 166 «Отецъ и дочери»).

49. Пословица возникла, быть-можетъ, подъ религіознымъ воззрѣніемъ на терпѣніе; точь въ точь и по османски (Вефикъ-паша, стр. 165).

51. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 100).

54. Османское выраженіе «felejın (а не: «felekın») чемберинден гечмек» соотвѣтствуетъ русскому «пройти сквозь мѣдныя трубы»; въ смыслѣ: испытать удары судьбы употребляется «felekteң гечмек» (см. Сами-бей, قاموس ترکی, II, стр. 1004).

56. Тоже по османски: «јалынызлык тек Дженаб-ы Хакка маһсудур» (Вефикъ-паша, стр. 282).—Ср. пословицу: «јалынызларын рефікі шейтан олур» (товарищемъ одинокихъ бываетъ шайтанъ). Вефикъ-паша, стр. 282.

57. Тоже по османски (мое собраніе, № 888 съ примѣчаніемъ 7).

59. Въ значеніи «вставать» въ Крыму употребляется глаголъ «турмак».—Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 20), только вмѣсто «дур»—«гіт» (ступай); я въ значеніи «дур» (вставай) слышалъ въ этой пословицѣ «калк».

60. Есть близкій алтайскій вариантъ (В. Вербницкій. Алтайскіе инородцы. М. 1893, стр. 196).

61. Османскій вариантъ (Вефикъ-паша, стр. 23)... «капунда ісе, ков дышары» (... а если онъ у твоихъ дверей, гони его вонь!).

64. Одинаково по османски, Вефикъ-паша, стр. 194; почти также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 365).

65. Тоже по османски, Вефикъ-паша, стр. 21.

66. По-азербайджански выраженію «кашыны бер» соотвѣтствуетъ—«каш кабак туршатмак (или: төкмек)» окислить брови, вѣки, т. е. строить кислую физиономію.

67. «Дуран», пожалуй, лучше перевести: «кто встаетъ».—Вѣроятно, пословица эта внушена наблюденіями надъ верблюдами,

68. Два рядомъ стоящіе исходные падежа немного подозрительны.— Османецъ еще осторожнѣе, онъ говоритъ: «gözüne bile inanma!» (Не вѣрь даже своимъ глазамъ!).

70. Возникла, быть можетъ, подь русскимъ вліяніемъ?

72. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 84).

76. Глаголь «білмек» здѣсь употребленъ не въ смыслѣ: знать, а цѣнить.

78. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 132, 168).

82. «Бадрак», повидимому, — слово персидское بدرگ.

86. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 185). Ср. также: «добру јодан шашма!» (Не сбивайся съ прямого пути) или (у Вефика-паша, стр. 185) «добру јодан Аллах шашырмасын!».

87. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 185).

89. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 184).

90. О неугодности правды у османцевъ рядъ пословиць (Вефикъ-паша, стр. 184); изъ-за правды человекъ теряетъ даже жизнь: «добру (söyleyen) адамын тепесі делік олур» — у правдиваго человека макушка дѣлается дырявой (потому что пуля попадаетъ ему въ голову). — Другой крымскій вариантъ у Н. Маркса. Легенды Крыма. М. 1914, вып. II, стр. 19.

94. Тоже (по смыслу) по османски. Вефикъ-паша, стр. 34.

95. Вѣроятно, это — старая турецкая пословица (см. Н. Пантусовъ, № 122 — киргизскій вариантъ, совпадающій съ крымскимъ), также у караймовъ (В. Радловъ, VII, № 4), у османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 48).

97. Это — старая пословица; на Алтаѣ записана В. Вербицкимъ, стр. 197, у киргизовъ — Н. Пантусовымъ, № 77; есть и у османцевъ, Вефикъ-паша, стр. 62, арабскій вариантъ (Вл. Гордлевскій, Древн. Вост., IV, посл. 42) говоритъ уже о сирійской религіозной нетерпимости.

99. Пословица, напечатанная въ примѣчаніи (2-мъ), очевидно, была написана арабскимъ шрифтомъ; ее нужно такъ читать: «Халкынг-мальна, алманынг дальна гоз тікме!» «Дејмек» (такъ напечатано) — глаголь непереходный, и сочетаніе «гоз дејме» — невозможно.

100. Конечно, «еманет» или «аманат» — какъ это видно хотя бы изъ русскаго языка — и въ Крыму можетъ значить: заложникъ, но проще понять слово въ смыслѣ «вещь, данная на храненіе». Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 43); на ряду со словомъ «hijanet» (въ народномъ османскомъ языкѣ употребляющемся въ значеніи прилагательнаго) говорятъ еще: «hijanetlik».

104. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 37; بات, вѣроятно, опечатка вмѣсто بیت, см. Вл. Гордлевскій, стр. 41, № 972).

105. Есть османскій вариантъ (Вефикъ-паша, стр. 44).

106. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 148, 150).

107. Пословицу эту — «зор-на guzellik болмас» я понялъ бы такъ: «насильно милъ не будешь».

110. Ср. по османски (Вл. Гордлевскій, стр. 13, № 254, слѣд.).

111. Вм. «темпе» нужно, конечно: «тепме» (по-османски и «текме»); также и у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 242).

112. Близокъ вариантъ, сохранившійся у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 430).

114. Въ переводъ пословицы вкралась опечатка: вм. «берущаго» нужно «бѣгущаго».

117. Другіе варианты этой широко распространенной пословицы указаны у R. Altenkirch'a. Die Beziehungen zwischen Slaven und Griechen in ihren Sprichwörtern. Archiv für slavische Philologie, Band XXX (1908), стр. 358. — Пожалуй, все таки, пословица — происхожденія восточнаго: въ ней, какъ будто, сказывается и восточное раболѣпіе, и восточная система наказанія; персидскій вариантъ у М. Гаффарова, Вл. Гордлевскаго, стр. 17, № 470.

118. Переводъ не совсѣмъ удачный, лучше: «прослывешь отъ того, съ кѣмъ водишься».

122. Есть караимскій (В. Радловъ, VII, № 253) и османскіе варианты (Вефикъ-паша, стр. 235, Вл. Гордлевскій, стр. 19, № 425).

127. Пословица извѣстна и караимамъ (В. Радловъ, VII, № 364). Есть османскій вариантъ (Вефикъ-паша, стр. 216).

130. Слово «нефіс» переведено неточно — черезъ «корысть», лучше — страсть, себялюбивыя побужденія.

132. Есть османскій вариантъ (Вефикъ-паша, стр. 164).

133. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 352). Встрѣчается и у киргизовъ, значитъ, это — старая пословица. П. Меліоранскій, № 17.

137. Пословица извѣстна и на Алтаѣ, однако объ обще-турецкомъ происхожденіи ея говорить, пожалуй, рискованно: естественное наблюденіе надъ человѣкомъ у брода могло возникнуть самостоятельно. Ср. также по османски (Вефикъ-паша, стр. 169).

139. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 117).

141. Ср. по арабски (Вл. Гордлевскій, № 53) и по османски (Вефикъ-паша, стр. 279). — Въ текстѣ или въ переводѣ несправность: «бугунгы» значитъ: прежній, но въ переводѣ «сегодняшнее (яйцо)», можетъ быть, должно читать «бугункі» (какъ и въ османскомъ вариантѣ пословицы)? — Пословица въ такой же формѣ извѣстна и грекамъ, см. D. Sanders, Das Volksleben der Neugriechen dargestellt und erklärt aus Liedern, Sprichwörtern... Mannheim. 1844, стр. 223, № 37.

143. Собственно: пусть вѣтеръ возьметъ (т. е. развѣетъ) (слова) изъ твоихъ устъ; пословица употребляется по поводу неприятныхъ словъ, исходящихъ отъ человѣка, отъ котораго ничего подобнаго нельзя было ожидать; въ противномъ случаѣ неудовольствіе слушателя выражается рѣзче — въ формѣ зложеланія: «dilin lal олсун, dilin сынсын» пусть языкъ твой онѣмѣетъ, пусть обломается у тебя языкъ¹.

144. Тоже по османски (съ діалектическими уклоненіями): Вефикъ-паша, стр. 14.

145. Ср. по османски (Вефикъ-паша, стр. 123, 52).

146. Вѣроятно, это — старая пословица; извѣстна у узбековъ (М. Терентьевъ, стр. 74).

148. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 20).

150. И по османски (Вефикъ-паша, стр. 195).

151. Въ примѣчаніи (2-мъ) опечатка: не «асмас» а: «азмас».

152. Есть османскій вариантъ къ помѣщенной въ примѣчаніи (3-мъ) пословицѣ (Вефикъ-паша, стр. 196).

154. Можетъ быть, не «акыллы», а «ак(ы)лы».

153. Рядъ вариантовъ подобранъ у R. Altenkirch'a, цит. соч., стр. 351, но онъ затрудняется рѣшать, кто у кого заимствовалъ. — Есть караимскій вариантъ («бін акыллы»): В. Радловъ, VII, № 71.

159. Это, какъ будто, — османскій стихъ. — Вариантъ («арсыз...») у G. Jacob'a: Der Bruder Hahn, стр. 73; въ примѣчаніи Г. Якобъ отмѣчаетъ, что въ сборникѣ Дэвиса пословица сообщена въ искаженномъ видѣ, въ оригиналѣ (Вефикъ-паша, стр. 189) пословица ясна: عارسز ندن عارلانور جولده گير صاللانور.

160. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 15). — Другой крымскій вариантъ у В. Х. Кондараки, № 41 «плюнь вверхъ, — упадетъ въ глаза, плюнь внизъ, — замараются борода». Въ греческихъ пословицахъ (R. Altenkirch, стр. 351) мысль та же, но формѣ другая.

164. Ср. по османски «башында тобрасы (метатеза вм. торбасы) ексік» (Вефикъ-паша, стр. 78).

165. Почти также у караимовъ («іміш» вм. «дыр»). В. Радловъ, VII, № 81. Есть близкій османскій вариантъ (Вефикъ-паша, стр. 21).

167. Ср. по персидски (М. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, стр. 11, № 90).

169. Въ пословицѣ заключенъ намекъ на глупость; ср. османскую сказку о «дуракѣ», который мочится съ дерева, наводя всадниковъ, сидя-

¹ Ср. по русски: «Языкъ бы у него обломался» (слышалъ въ дер. Красавкѣ Чернскаго уѣзда).

щихъ внизу, на предположеніе, что это идетъ дождь. J. Kúnos, Oszmán-török népköltési gyűjtemény. Budapest. 1889, I, сказка № 13, стр. 57.

170. Есть османскій вариантъ (Вл. Гордлевскій, стр. 15, № 308) «изъ за одной блохи онъ сжигаетъ одѣяло»; въ этой формѣ пословица могла быть заимствована у грековъ (R. Altenkirch, стр. 36); также у караймовъ (В. Радловъ, VII, 401); вѣроятно, изъ Турціи пословица занесена въ Крымъ; упоминаніе шубы въ крымскомъ вариантѣ говорить о восточномъ укладѣ жизни: на Востокѣ охотно носятъ теплое платье и лѣтомъ.

171. Сохранившаяся риѣма («баш» — «јаш») — въ узбекскомъ (М. Терентьевъ, стр. 74—75) и крымскомъ вариантахъ указываетъ, повидимому, что это — старая пословица.

172. Очень близка къ османской пословицѣ («облан» вм. «бала»): (Вл. Гордлевскій, стр. 3, № 5).

173. Очень близокъ османскій вариантъ (Вл. Гордлевскій, стр. 35, № 831, ср. также пословицы въ сборникѣ Вефика-паши, стр. 93); крымскій вариантъ совпадаетъ съ персидскимъ (М. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, стр. 25, № 243).

174. Вариантъ у G. Jacob, Der Bruder Hahn, стр. 53. — Выраженіе «корејим сеп!» значить: «Ну ка, молодець (постарайся)!». Ср. также крымскую поговорку: «Міръ — точильное колесо»: Н. Маркст, I², стр. 25.

176. Вѣроятно, это — обще-турецкая пословица: извѣстна и на Алтай (В. И. Вербицкій. Алтайскіе инородцы. М. 1893, стр. 194), и у киргизовъ (П. Меліоранскій, № 73), да и на всемъ мусульманскомъ Востокѣ у персовъ и у арабовъ (въ той же формѣ, какъ у киргизовъ — «рана отъ конья»).

178. Вѣроятно, всетаки, пословица зародилась на Востокѣ: неожиданно, спустя долгое время, встрѣчая на пути стараго случайнаго знакомаго, человекъ отмѣчалъ неподвижность горъ, возвышающихся надъ ландшафтомъ. Персидскій вариантъ у М. Гаффарова, Вл. Гордлевскаго, стр. 6, № 29, сартскій — у В. Наливкина, стр. 163, османскій — у Вефика-паши, стр. 176; другіе варианты этой пословицы подобраны у R. Altenkirch'a, цит. соч., стр. 345. R. Altenkirch отказывается установить первоисточникъ.

179. Есть османскіе варианты (Вефикъ-паша, стр. 104, Вл. Гордлевскій, стр. 42, № 997).

182. Есть почти буквально совпадающій османскій вариантъ (Вефикъ-паша, стр. 109, Вл. Гордлевскій, стр. 24, № 569). — Пословица, конечно, зашла отъ османцевъ, которые могутъ дѣлать наблюденія надъ верблюдомъ.

183. Мотивъ ранней, преждевременной (въ молодости) смерти обычно разрабатывается и въ османской пѣснѣ (причитаніяхъ).

184. Ср. по османски *يولجى يولندن قالمز* (Вефикъ-паша, стр. 287).

186. Съ варіантомъ, сообщеннымъ въ 5-мъ примѣчаніи, совпадаетъ османская пословица (Вефикъ-паша, стр. 247).

187. Есть узбекій (М. Терентьевъ, стр. 71) и османскій (Вефикъ-паша, стр. 137) варіанты. Пожалуй, переводъ возможенъ другой: «Онъ говорить, заставляя друзей плакать»..., т. е. въ пословицѣ выражено разочарованіе, ср. заключеніе пѣсни № 13 въ сборникъ Ф. Гизе, стр. 59.

188. Есть буквальный османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 137); почти также и у караимовъ: В. Радловъ, VII, № 152.

190. Есть караимскій (В. Радловъ, VII, № 151) и османскіе варіанты: 1) чіј таук, 2) кокмуш таук. Вефикъ-паша, стр. 137.

191. Переводъ непонятный.

192. Есть близкій османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 42).

193. Это — стихъ Саадія изъ «Гюлистана».

194. Есть османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 42) и караимскій (В. Радловъ, VII, № 9).

196. Есть османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 60).

197. Очень близокъ османскій варіантъ (разница только въ порядкѣ словъ): Вефикъ-паша, стр. 61.

199. Большой носъ и у османцевъ — признакъ гордости, ср. выраженіе: «бурну бѳјѳк» (гордый) или пословицу, сообщаемую Эвлія-челеби въ Путешествіи (т. II, стр. 113) «кулуи бурпуну сефер кырар» (походъ сбиваетъ спесь у раба, т. е. вообще у подначальнаго). — Вторая половина пословицы (меринъ!) говоритъ, что въ первой — величина носа указываетъ и на мужскую силу.

202. Очень близокъ османскій варіантъ (Вефикъ-паша, стр. 40).

203. Вѣроятно, это — старая пословица, извѣстна и киргизамъ (Н. Пантусовъ, № 119, вмѣсто «онерсіз» — «джаман кісі»).

204. Въ дополненіе къ примѣчанію 2-му о значеніи соли сошлемся на то, что сказано у насъ въ примѣчаніи къ 22-й персидской пословицѣ собранія М. А. Гаффарова (указ. соч., стр. 5).

206. Вмѣсто «индже» должно быть «инджѳ» (инджі).

207. Буквальный османскій варіантъ у Вефика-паши, стр. 51.

209. Съ варіантомъ, сообщеннымъ въ примѣчаніи, совпадаетъ османская пословица (Вефикъ-паша, стр. 3).

210. Это — старая турецкая пословица, записанная и у киргизовъ (Н. Пантусовъ, цит. соч., № 48); османскіе варіанты: Вефикъ-паша, стр. 53 («аладжа»), Г. Ясовъ, цит. соч., стр. 7; въ примѣчаніи ссылка на сборникъ Саида, Вл. Гордлевскій, стр. 37, № 877 («аладжаѳы»). — По османски слово «ала» (пестрый) понимаютъ иногда какъ арабское слово

اعلى — лучший, съ оттенкомъ сарказма — злой; такимъ образомъ, пословица значить: зло человека — внутри (въ немъ самомъ), зло животного — снаружи.

212. Есть османскій вариантъ (только вм. неупотребительнаго по османски «ашалмас» — «јенмез»; Вефикъ-паша, стр. 53).

214. «Тазр», очевидно, вмѣсто «тазір», соединеніе словъ «јерінде» (на своемъ мѣстѣ, умѣстный) и «тазр» (неосновательный выговоръ; уловка) — на первый взглядъ необычно.

217. Хотя пословица эта распространена повсемѣстно, все-же она могла возникнуть самостоятельно на Востокѣ, гдѣ женщина почетомъ не пользуется: алтайскій вариантъ у В. Вербицкаго, стр. 196, османскій — у Вефика-паши, стр. 206.

219. Тоже у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 438); у В. Х. Кондраки, цит. соч., № 3; у османцевъ пословица эта также очень распространена, во второй части добавляютъ еще «бір гүн» (однажды). — Въ пословицѣ скрывается предупрежденіе противъ обидчика.

220. Точь въ точь, какъ у османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 216).

222. А. Х. Халилевъ увѣряетъ, что, насколько онъ помнитъ, пословица эта взята изъ какой-то сказки о дѣвѣцахъ; «кара кыз» значить, конечно, — «несчастливая дѣвушка». Когда ей приходитъ чередъ дѣлать, уже оказывается поздно.

224. Первая половина пословицы извѣстна и караимамъ (В. Радловъ, VII, № 426). — «Калач» значить: бубликъ. Т. е. старые люди не сразу соглашаются на что нибудь, нужно умѣть приступить къ нимъ.

225. Есть близкій османскій вариантъ («һане» вм. «ода»). Вефикъ-паша, стр. 243.

226. Есть османскій вариантъ, лучше построенный синтаксически («чыкан» вм. «чыканы»). Вефикъ-паша, стр. 230.

227. Есть очень близкій османскій вариантъ («гөрмејиндже» вм. «кормесе»). Вефикъ-паша, стр. 245.

229. Тоже у османцевъ, см. Вл. Гордлевскій. Османская свадьба. Этнографическое Обозрѣніе, 1914, № 3—4, стр. 1.

231. Вмѣсто «абырса» читай: «абырыса».

232. Въ пословицѣ отразился взглядъ на бесполезность ученья для женщинъ.

234. Та же мысль у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 263), у османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 118) и у киргизовъ (М. Терентьевъ, стр. 61).

237. Точь въ точь, какъ у османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 247).

239. Въ пословицѣ выражается предпочтеніе, отдаваемое дѣвушкѣ передъ женщиной?

244. Есть османскіе варианты (Вл. Гордлевскій, стр. 31, № 743 и прим. 3-е); ср. алтайскій вариантъ (В. Вербницкій, стр. 196); киргизскій (Н. Пантусовъ, № 71).

246. Есть османскій вариантъ (вмѣсто аз[һазз]—«севмез»). Вефикъ-паша, стр. 256.

247. Есть османскій вариантъ (Вл. Гордлевскій, стр. 3, № 8, также: Вефикъ-паша, стр. 233 съ продолженіемъ: «ікі гөзү бірден чікар»).

250. Вмѣсто «акылымдан» лучше (безъ вставочнаго гласнаго) — «аклымдан».

254. Есть османскій вариантъ (... «мејвесіз аџач»). Вефикъ-паша, стр. 277.

257. Въ текстѣ «герісінден» (отъ «гері!»), т. е. папаха у тебя изъ козьей шкуры, и ты ничего больше вѣдать не вѣдаешь.

258. Есть османскій вариантъ («рефікін ејісі-іле Баџдада гіділір»). Вефикъ-паша, стр. 146.

259. Есть османскій вариантъ (... јақыштырыр). Вефикъ-паша, стр. 163. Глаголь «ујдурур» неправильно переводить: «догадается», лучше «что-нибудь да придумаетъ» (т. е. догадается, быть можетъ, и неудачно).

261. Очень близокъ къ пословицѣ, сообщенной въ примѣчаніи, османскій вариантъ Вефика-паши, стр. 157. — Вмѣсто «јаптыџы» лучше бы — «јаптыџышы».

264. Очень близокъ мой вариантъ (стр. 10, № 178, только, «лаф» вмѣсто «соз»), см. также первую половину пословицы у Вефика-паши, стр. 156. — Смысль пословицы: изъ за словъ возникаетъ драка.

265. Въ пословицѣ заключено сравненіе молодца съ рѣкой; оба неспокойны, — кипятъ, бурлятъ.

266. Очень близки османскіе варианты (вм. катыка — йогуртъ): Вефикъ-паша, стр. 155, Вл. Гордлевскій, стр. 16, № 339, также — у караймовъ: В. Радловъ, VII, № 339. Арабскій вариантъ въ сказкѣ объ Абу-Хасанѣ Мотѣ: Тысяча и одна ночь. II, стр. 22.

270. Вмѣсто «тонга»—«тојга»; въ Крыму «тој»—свадьба, а не пиръ; слово «ккі», вѣроятно, объясняется дефектомъ рѣчи, гдѣ звукъ «к» вмѣсто«т», т. е. «ккі»=ткі, тікі (лисыца). Лисій мѣхъ считается однимъ изъ лучшихъ; если хотятъ сказать, что кто-нибудь богатъ, — говорятъ: у него лисья шуба.

271. Есть близкій османскій вариантъ («топал-іле гөрүшен аксамаја алышыр»): Вефикъ-паша, стр. 182. Вмѣсто «агренур» — «огренур».

274. Въ текстѣ стоитъ дѣепричастіе «дедікче», точнѣе поэтому вмѣсто «если назвать» перевести: «если называть»; «салланыр» переведено тоже неудачно, лучше — «начнетъ раскачиваться, ходитъ съ развалкой» (кокегничая).

276. Есть такой же османскій вариантъ, конечно, съ замѣной формы на «ган» причастіемъ прошедшаго времени: Вефикъ-паша, стр. 282.

278. Въ пословицѣ скрыто магическое представленіе о тѣсной связи между словомъ и природой человѣка.

282. Выраженіе «алинг bellі» не значить, конечно, «извѣстна твоя хитрость»: «алинг» = «шалынг», т. е. извѣстно твое положеніе; когда человѣку 50 лѣтъ, нечего уже ждать отъ него. Возможно, что шутка эта записана неполно: по османски постепенное увяданіе человѣка подмѣчено для возраста въ 60, 70 лѣтъ; такъ говорятъ: «...јетміш — аклы башындан гитміш» — а въ 70 лѣтъ съ умомъ ты прощайся на вѣкъ!

283. Тоже по османски («ауламајан чоджуѣа меме вермезлер»): Вефикъ-паша, стр. 18, и по гречески: R. Altenkirch, стр. 41.

284. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 18).—Эта мысль о «слезахъ бѣдныхъ матерей» выражена въ стихотвореніи Некрасова «Внимая ужасамъ войны», написанномъ во время русско-турецкой войны 1877—78 гг.

286. Почти точь въ точь и по османски (Вефикъ-паша, стр. 28).

У южныхъ турокъ эта пословица была, такъ сказать, «перелицована», — приурочена къ измѣнившимся условіямъ быта, у киргизовъ въ пословицѣ чувствуется еще удаль охотничьяго быта: «выбирай дочь по матери, изъ перепеловъ выбирай бѣлаго» (М. Терентьевъ, стр. 63). Первая половина извѣстна и грекамъ (R. Altenkirch, стр. 26), но о заимствованіи пословицы не можетъ быть рѣчи.

287. «Ата баласы» лучше бы перевести: «родовитый парень».

288. Для пословицы («атај баласы алтмышка кельміј акыл балык болмас») данъ невозможный переводъ: «Отцовскій сынъ не будетъ умной («акыл») рыбой, не достигнувъ 60-ти лѣтъ». Нужно: пока сынъ почтеннаго человѣка не достигнетъ 60-ти, — онъ не войдетъ въ разумъ (собственно: умъ [его] не будетъ совершеннолѣтнимъ (ар. بالغ). Т. е., человѣкъ только въ 60 лѣтъ остепенится какъ слѣдуетъ.

290. Ср. османскую пословицу «ат алырсан, кула ал, аврат алырсан, тулу ал» (Вефикъ-паша, стр. 3).

293¹. Въ караимскомъ вар. вм. «джалчымас» — «гүн гөрмез» (не увидитъ счастья): В. Радловъ, VII, № 44; въ Каз.-татар. (Изв. О-ва ист., арх. и этн., т. XIII, вып. 5): «мантумаз» не уживается; обезсиливаетъ.

294. Въ пословицѣ характерно сочетаніе «баба, ана» (впрочемъ, см. 366) вмѣсто обычнаго въ османскомъ языкѣ «ана, баба» (родители), см.

¹ По поводу пословицы 292 см. Н. Ашмаринъ, Очеркъ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ-мохаммеданъ (Москва 1901), стр. 20 (№ 25, переводъ на стр. 22). А. С.

K. Foy, Studien zur osmanischen Syntax (Mittheilungen d. Seminars für orientalische Sprachen zu Berlin, Jahrgang II, стр. 123—124).

295. Въмѣсто «ушакъ», пожалуй, лучше бы: «ушап» или «ошап» (т. е. дѣепричастіе на «уб»).

298. Близокъ османскій вариантъ Вефика-паши, стр. 74. — Въмѣсто «кше» нужно: «кіме».

299. Есть османскій вариантъ (съ перестановкой частей): Вл. Гордлевскій, стр. 50, № 1146 (съ примѣчаніемъ 3-мъ).

300. Выраженіе «кор болмас» не значить: «не опозорится», а: «не будетъ несчастливъ».

302. Эта пословица (съ перестановкой частей) отмѣчена и у киргизовъ (М. Терентьевъ, стр. 61); очевидно, это старая пословица. — Въ ней выражена и степенность турка, предпочитающаго тишину, и любовь къ дѣтямъ, въ которыхъ онъ видитъ Божіе благословеніе.

306. Это — старая турецкая пословица; буквально совпадаетъ алтайскій вариантъ, записанный В. Вербицкимъ, стр. 189, также у В. В. Радлова (Образцы, т. I, стр. 3, № 30, у П. А. Фалева, стр. 15 — lapsus «мышь» вм. «собака»).

308. Ср. ту же османскую пословицу про врага: Вл. Гордлевскій, стр. 33, № 774. — Намекъ на завистливость рода, члены котораго боятся возвышенія однихъ надъ другими.

309. Полное совпаденіе первой пословицы, сообщенной въ примѣчаніи, съ османской: Вефикъ-паша, стр. 60. — Почему то слово «евлад» передано чрезъ «потомокъ», нужно — «родной сынъ».

310. Первая половина пословицы извѣстна и по османски («комшунун . . .»): Вефикъ-паша, стр. 221—222.

312. Есть близкій османскій вариантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 31, № 738, также: Вефикъ-паша, стр. 56. — Здѣсь, можетъ быть, отмѣчается наблюденіе надъ баранами: они быстро размножаются, потому что рано встаютъ; да и первое значеніе слова «дѳл», кажется, «дѣтеныши».

318. Это — старая пословица; записана была на Алтаѣ (В. В. Радловъ, Образцы, т. I, стр. 6, № 89).

319. Т. е., дочь сосѣда такъ же сверкаетъ, какъ кнутовище, обитое оловомъ. — «Колајлы» (В. Радловъ, Опытъ словаря, II, столб. 587) значить: пріятный, подходящій, полезный.

326. Пословица широко распространена на Востокѣ: у узбековъ (М. Терентьевъ, стр. 70), османцевъ (Вефикъ-паша, стр. 224), арабовъ; однако, вскрывая обычное затаенное нерасположеніе мужниной родни къ невѣстѣ, пословица могла возникнуть самостоятельно.

329. Не заключенъ ли здѣсь намекъ на обиліе плѣнницъ въ Крыму?

330. Есть очень близкіе османскіе варианты: Вл. Гордлевскій, стр. 30, № 702, Вефикъ-паша, стр. 26.

331. Очень близокъ вариантъ караимскій (В. Радловъ, VII, № 440), а также вариантъ В. Х. Копдараки (цит. соч., № 62).

333. Слово «кујсуз» (= һујсуз) не значить: «безъ дурныхъ качествъ», а «капризный», «злой».

334. Тоже по османски (Вефикъ-паша, стр. 68).

337. Встрѣчается у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 346) и у киргизовъ (П. Меліоранскій, № 20, А. Диваевъ Турк. Вѣд., 1906, № 113).

338. Т. е., послѣ свадьбы хена уже потеряла всякое значеніе; о хенѣ въ свадебномъ ритуалѣ см. Вл. Гордлевскій, Османская свадьба, Этнографическое Обозрѣніе, 1914, № 3—4, стр. 6—7, 21—23.

340. Очень близокъ османскій вариантъ (вмѣсто «созін — «һујун»): Вефикъ-паша, стр. 116.

341. Точь въ точь, какъ по османски (Вефикъ-паша, стр. 14). Близкій вариантъ греческій у R. Altenkirch'a, цит. соч., стр. 39. Алтайскій вариантъ заключаетъ, какъ будто, противоположную мысль, ср. В. Вербницкій, стр. 190 «(Какъ только) хлѣба соли моей стало («болды»!) мало, такъ и голова моя стала плѣшива (отъ заботъ?)».

342. Также по османски (Вефикъ-паша, стр. 32) — Въ пословицѣ заключенъ намекъ на человѣка, который, растративъ деньги, подаетъ потомъ вымышленный счетъ.

343. Есть близкій (болѣе складный) османскій вариантъ («ак акча кара гүн ічин-дир» — бѣлая денежка на черный день): Вефикъ-паша, стр. 39. — R. Altenkirch (цит. соч., стр. 25—26) полагаетъ, что эта пословица зашла къ славянамъ отъ грековъ. Турецкая форма пословицы тождественна съ ново-греческой и южно-славянской.

345. Т. е. дать въ долгъ деньги, — все равно, что посить камень, который въ концѣ концовъ нужно будетъ выбросить.

346. Тоже и по османски: Вефикъ-паша, стр. 22.

348. Въ пословицѣ видно вліяніе религіи (богословской учености), подрывающей устой родового быта.

349. Очень близкій вариантъ османскій у Вефика-паши, стр. 22; грубый османскій вариантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 9, № 151.

351. Тоже и по османски (при чемъ глаголь «сормак» управляетъ дательнымъ падежемъ; исходный пад. — какъ въ крымской пословицѣ — придаетъ отгѣнокъ выспрашиванія, допроса): Вефикъ-паша, стр. 24.

353. Ср. османскую пословицу («араба кырылынджа, јол гөстерен чок

олур» — когда сломается арба, много находится людей, которые показывают дорогу): Вефикъ-паша, стр. 11.

355. Близокъ османскій вариантъ («артык мал гөз чикармаз»): Вефикъ-паша, стр. 11.

356. Первые два положенія и въ османской пословицѣ, третье иначе: «көпрү геченин» (мостъ принадлежитъ тому, кто перешелъ его): Вефикъ-паша, стр. 3. — Мосты въ Турціи, перекинутые черезъ рѣчки, протекающія въ горахъ, играютъ, конечно, большую роль въ жизни страны: тутъ прятались (прячутся?) частенько разбойники, и кто благополучно проскользнулъ черезъ опасное мѣсто, уже почиталъ себя счастливымъ. Такъ, думаю, возникли пословицы: «шока переходишь мостъ, и медвѣдя (козу, свинью) назовешь дядей»; объясненіе П. А. Фалева (предисловіе, стр. 21—22) кажется мнѣ натянутымъ.

357. Тоже по османски: Вефикъ-паша, стр. 3; и по ново-гречески: R. Altenkirch, цит. соч., стр. 32. Смыслъ пословицы еще отчетливѣе вскрывается въ той же пословицѣ, гдѣ только время употреблено «настоящее-будущее»: «інерсін, кузум, інерсін, аттан ешеје бінерсін!».

358. По османски («... гері дөнмез»): Вефикъ-паша, стр. 5; также по персидски (М. А. Гаффаровъ, Вл. Гордлевскій, стр. 22, № 202).

360. Т. е. голодный ни о чемъ не хочетъ слышать.

364. Тоже по османски: Вефикъ-паша, стр. 79, Вл. Гордлевскій, стр. 26, № 609. — Слово «баѣ» значитъ не «садъ», а «виноградникъ», «даѣ» — гора, лѣсъ на горѣ. Смыслъ пословицы: ... «а запустишь, обратишься въ лѣсную чащу». Выраженіе «даѣа бардым» значитъ: «я пошелъ въ лѣсъ (въ горахъ)».

365. Т. е. нищу, что на базарѣ, всѣ пожираютъ глазами, — нищей (на базарѣ) не насытишься.

368. Есть близкій османскій вариантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 39, № 928.

369. Близкій османскій вариантъ у Вефика-паши, стр. 95.

370. По османски говорятъ: «бөјүк геминин бөјүк тајфеси» (у большого корабля и команда большая): Вефикъ-паша, стр. 96.

Пословица, вѣроятно, заимствована у грековъ, ср. R. Altenkirch, цит. соч., стр. 339 (*ναῦς μεγάλη κινδύνους μεγάλους ἔχει*).

371. Въ османскомъ вариантѣ вмѣсто «саткан» — «тутан»: Вефикъ-паша, стр. 80, также у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 59; такой же алтайскій вариантъ (В. Вербницкій, стр. 196) и узбекскій (М. Терентьевъ, стр. 72).

373. Есть османскіе варианты («баскысыз тахтајы . . . sel алып»): Вефикъ-паша, стр. 79, см. также въ моемъ собраніи, стр. 62, № 1348.

377. Также и по османски: Вефикъ-паша, стр. 95. Форма «гумушіји»

подозрительна, не винительный же этот надежъ отъ искусственно образованнаго прилагательнаго «гумуші»; вѣроятно, нужно: «гумушні».

381. Очень близки караимскій (В. Радловъ, VII, № 134) и османскій варианты: Вефикъ-паша, стр. 140, также у меня, стр. 25, № 580 (вмѣсто «дост олан» — «конушан»). И крымская, и османская пословицы напоминають стихъ Хафиза, у персовъ вошедшій въ общее употребленіе (М. Гаффаровъ-Вл. Гордлевскій, стр. 32, № 301).

382. Точь въ точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 131.

386. У Вефика-паши, стр. 137 наоборотъ (почти какъ въ пословицѣ, сообщенной въ примѣчаніи): «достлук кантар-ла, алыш-веріш — міскал-іле». Также у караимовъ: В. Радловъ, VII, № 153.

391. Тоже по-османски: Вефикъ-паша, стр. 58.

395. Очень близокъ османскій вариантъ (вмѣсто «беті» — «јүзү»): Вефикъ-паша, стр. 121. — Та же мысль — о связи между природой и наружностью — что и въ пословицѣ 278. «Ак јүзлү» значитъ: чистый, непорочный, въ противоположность: «кара јүзлү».

396. Ср. по османски: «һисап билмејен касап еінде не сатыр калыр, не месат» (Вефикъ-паша, стр. 121). — Въ текстѣ стоитъ «насат», что переведено: «огниво»; очевидно, крымское «насат» соотвѣтствуетъ османскому «месат» (= مصاد изъ араб. مشخر); «месад» означаетъ ножъ мясника.

397. Тоже по османски («евдекі пазарлык чаршыја ујмаз»): Вефикъ-паша, стр. 44. Т. е. домашніе расчеты (предположенія о цѣнахъ) на базарѣ могутъ оказаться неправильными.

399. Есть османскіе варианты: «кечіје джан кајгусу, ...», Вефикъ-паша, стр. 226; («чобана»), тамъ же, стр. 116, Вл. Гордлевскій, стр. 23, № 541, также у караимовъ: В. Радловъ, VII, № 273; очень близокъ вариантъ киргизскій (П. Меліоранскій, № 33); по всей вѣроятности, это — старая, обще-турецкая пословица.

401. Тоже и по османски: Вефикъ-паша, стр. 167.

402. По османски («... гонлү олунджа кадар, ...»): Вефикъ-паша, стр. 149, Вл. Гордлевскій, стр. 39, № 926.

404. По османски: «іјне-іле кују казар» (иглой роетъ онъ колодезь): Вефикъ-паша, стр. 58.

407. Очень близокъ османскій вариантъ («ішін јокса, ...; борджун јокса, ...»): Вефикъ-паша, стр. 57, Вл. Гордлевскій, стр. 39, № 922.

410. А. Х. Халилевъ слышалъ: «јарашыр». Ср. османскую пословицу «јолджу јолунда герек: аз олсун, уз олсун»: Вефикъ-паша, стр. 287.

412. Такъ же, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 210.

413. Точнѣе: судья сумѣетъ скрыть ошибку свою, сумѣетъ выпутаться.

414. Есть османскій вариантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 16, № 330.

417. Къ пословицѣ, сообщенной въ примѣчаніи, близокъ османскій вариантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 13, № 274. — Въмѣсто «јуварландур» — нужно: «јуварланур».

418. Тоже у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 12. — Выраженіе «минет стмек» не значить: «служить», а: «быть обязану», «чувствовать себя обязаннымъ».

419. Ср. османскую пословицу: «кашыы-іле једірір, сапы-іле гөз чі-карыр» (изъ ложки своей кормить, а ручкой ея тычетъ въ глазъ): Вефикъ-паша, стр. 209; также по гречески: R. Altenkirch, цит. соч., стр. 24.

420. Въ переводѣ пропущено слово «его» (т. е. мальчика-ученика).

421. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 421). — Саванъ (у персовъ, по крайней мѣрѣ) необходимъ потому, что на немъ человекъ въ могилѣ будетъ записывать грѣхи и, закутавъ потомъ шею въ саванъ, предстанетъ на Страшный Судъ: если грѣховъ у него много, то саванъ задушитъ его.

422. Та же пословица по османски построена въ видѣ вопроса: Вефикъ-паша, стр. 228. — Щедрость въ старину виѣдрялась при воспитаніи, какъ необходимое условіе благородства.

423. Слово «ызан» (т. е. һизан) — значить: длинная полоса земли.

425. Есть близкій османскій вариантъ «el eli јур, el-де јүзү»: Вефикъ-паша, стр. 40, почти также у меня, стр. 7, № 100.

426. Вѣроятно, эта — старая пословица, въ ней выражено нравственное превосходство бія надъ рабомъ; киргизскій вариантъ (въ переводѣ) изданъ А. Диваевымъ (Турк. Вѣд., 1906, № 113, пословица 19).

427. Тоже по османски («бін дереден . . .»): Сами-бей, Словарь, т. I, стр. 608. — Намекъ на человека, который подъ разными предлогами хочетъ отговориться, отдѣлаться.

428. Ср. османскую пословицу «кыркындан сонра өјреніп сексенінде саз чаладжак» (онъ начнетъ учиться на сазѣ, когда ему стукнетъ 40 лѣтъ, и занграетъ въ 80 лѣтъ): Вефикъ-паша, стр. 213.

431. Ср. по османски: «налбанд-гібі гяһ налына, гяһ — мыкына вурур»: Вефикъ-паша, стр. 264.

432. Т. е., какъ самъ плохъ, такъ и добро его.

433. Т. е., не рассказывай сказки, не ври! — Часто говорятъ въ Турціи: «курт масалы!» (=вздорь); у Вефика-паши, стр. 219 («курт масалы окур»).

434. «Гөрмек» употребляется не только въ смыслѣ: «видѣть», но и «познать».

435. Не очень удачная пословица.

436. Повидимому, пословица представляетъ «сгущенный» рассказъ о

какомъ-то мурзакѣ на тему о глупости; возможно, что насмѣшливые рассказы о мурзакахъ — притѣснявшихъ народъ — объединились вокругъ ихъ имени уже послѣ паденія Крымскаго ханства.

439. Очень близкій вариантъ сообщаетъ В. Х. Кондараки, цит. соч., № 18 («Сдѣлай такъ, чтобы. . .»); то же по османски («јансын», вм. «јанды»): Вефикъ-паша, стр. 267. Смыслъ пословицы — ни прибыли, ни убытка. По османски въ ходу еще выраженіе «чевір, каз јанмасын» (поверни [вертелъ] чтобы гусь не подгорѣлъ), оно встрѣчается въ сказкѣ на тему о состязаніи въ ловкости между разбойникомъ и карманникомъ: выбравъ обворованнаго имъ падишаха въ судьи, воръ въ то же время кричитъ сотоварищу, чтобы онъ внимательно приглядывалъ за гусемъ (см. сборникъ сказокъ «Billör keshk»).

440. То же по османски (въ прошедшемъ категорическомъ): Вефикъ-паша, стр. 66, Вл. Гордлевскій, стр. 29, № 681.

441. То же у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 53 («бѣлила»).

442. То же по османски («ортак чок олунджа, зарар аз олур»): Вефикъ-паша, стр. 65.

443. По османски пословица эта имѣетъ еще продолженіе (. . . «коч јіјіт бел беллер»): Вефикъ-паша, стр. 97.

445. То же по османски («сакал быја денк олмајинджа, бербер не јан сын?»): Вефикъ-паша, стр. 166.

446. Т. е., «баклуши бьеть».

447. Очень близокъ османскій вариантъ («су тестісі су јолунда кырылыр»): Вефикъ-паша, стр. 168.

448. Ср. въ моемъ собраніи, стр. 9, № 159.

449. Ср. по османски («діленджинін торбасындан екмек јеміш») у Вефика-паши, стр. 143.

450. То же по османски («серчеден. . .») Вефикъ-паша, стр. 151.

451. Домъ, какъ символъ очага, въ глазахъ османца священенъ. Ср. османскія проклятія: Вл. Гордлевскій, стр. 80.

452. Вариантъ былъ напечатанъ выше, см. 397.

455. То же по османски: Вефикъ-паша, стр. 204.

456. Ср. по османски: «чобанын армааны чам сакызы»: Вефикъ-паша, стр. 116. — Пословица восходитъ къ стиху персидскому برگ سبز یست چه کند بی نوا همین دارد («Подарокъ дервиша, это — какой-нибудь зеленый листь; что дѣлать бѣдняжкѣ, вѣдь только это у него и есть»).

457. Есть очень близкій (и лучшій) османскій вариантъ («ваным кырарса, — каза, халајік кырарса, — бел»): Вефикъ-паша, стр. 124.

459. Есть караимскій вариантъ (В. Радловъ, VII, № 259). Скрыта, конечно, иронія: воры отнимаютъ у беевъ деньги. — Ср. греческую посло-

вицу: «всякій что-нибудь да долженъ вору и могущественному»: D. Sanders, стр. 225, № 60.

460. Пословица представляетъ какъ бы выводъ изъ рассказовъ о хитрыхъ ворахъ.

461. Ср. османскую пословицу «мүсафирин шашкыны ев саһибини абырлар» (гость, что поразсѣявшиѣ, угощаетъ хозяина дома): Вефикъ-паша, стр. 256, Вл. Гордлевскій, стр. 30, № 720.

465. Ср. османскую поговорку «я буду у него на свадьбѣ таскать воду рѣшетомъ»: Вл. Гордлевскій, стр. 14, № 279.

466. Вм. «олер» чит. «олур»; въ текстѣ сказано эвфемистически: «будутъ запретны» (для ѣды), потому что передохнуть.

468. Пословица эта говорится о человѣкѣ косомъ («шаны адам»); по османски: «шеші (или въ рѣчи: «шеш») беш гөрүр».

469. Какъ общее заключеніе (выраженное въ неопредѣленномъ наклоненіи), пословица — странна.

470. Пословица эта — османскій вариантъ ея у Вефика-паша, стр. 52 — въ Турціи связана съ рассказомъ о придворномъ шутѣ (султана Махмуда II), Инджили-чаушъ¹. Однажды султанъ приказалъ шуту раззнать для него, кто и что хуже всего между людьми, животными и плодами. Долго искалъ Инджили-чаушъ. Наконецъ попалъ онъ въ Трапезунтъ и увидалъ, что верхомъ на ослѣ ѣдетъ лазъ и держитъ въ рукѣ черешни. Тогда онъ явился во дворецъ и отвѣчалъ султану стишкомъ:

«Ешек үстүнде лаз,
Теркіје бауламыш ікі каз,
Елінде бір топ кіраз!».

(Верхомъ на ослѣ—лазъ, въ торокахъ привязано два гуся, а въ рукѣ онъ держитъ черешни). Ср. Вл. Гордлевскій, стр. 46, № 1066.

Въ глазахъ османца лазъ надѣленъ несимпатичными чертами; и только, если хотятъ лаза выдѣлить, говорятъ: «лаз дыр, амма шешбаз (или: «сербест»)» — онъ — лазъ, однако храбръ (свободный, смѣлый человѣкъ); да и то нерѣдко слово «шешбас» замѣняютъ: «шарбас» (пустомеля): Вл. Гордлевскій, стр. 45, № 1065. Лазъ, гусь и осель — символъ глупости; по османски говорятъ: «лаз аклы — каз аклы» (умъ лаза, что умъ гуся): Вефикъ-паша, стр. 249; глупость лаза вошла и въ анекдоты: Вл. Гордлевскій, Матеріалы по османскому фольклору. Живая Старина, 1911, вып. I.

¹ О немъ собрано мною въ Турціи много анекдотовъ, но большинство изъ нихъ таково, что опубликованіе ихъ встрѣтило бы затрудненія.

Черешня считается вредной ягодой, см. въ моемъ собраніи пословицу 626, на стр. 27: «Черешня сказала: если бы вслѣдъ за мной не было тутовой ягоды, я въ щепку обратила бы стащъ тѣхъ, кто ѣсть меня».

Иногда на вопросъ о наихудшемъ человѣкѣ отвѣчаютъ поговоркой объ юрюкѣ (пріюмается съ «ерік» — слива): Вл. Гордлевскій, стр. 43, № 1037.

473. Пословица эта случайно попала въ отдѣлъ VI («этнографическія и историческія пословицы»): здѣсь рѣчь идетъ не о персидскомъ цырюльникѣ, а о цырюльникѣ неопытномъ¹ («аджемі», а не: «аджем!»).

474. По османски извѣстно только начало: «бір балык башы, бір кыја красі» (Вефикъ-паша, стр. 83).—Пословица говоритъ о скупости грековъ, въ противоположность широкому размаху османцевъ.

475. Первая половина пословицы извѣстна и по османски: «карт гаур імана гелмес» (матерой гяуръ не обратится въ [истинную] вѣру): Вефикъ-паша, стр. 207.

476. По османски вторая половина пословицы такъ гласить: «. . . jeni dosttan hajr gelmez» (. . . отъ новаго друга не будетъ добра): Вефикъ-паша, стр. 37.

478. Это не пословица, а насмѣшливая прибаутка, которую распѣваютъ надъ анатолийцами, чѣмъ приводятъ ихъ въ гнѣвъ.—Вмѣсто «донгалак» нужно: «дангалак».

480. Въ пословицѣ высказанъ взглядъ мусульманина на пновѣрца, христіанина и еврея. Условія приготовленія пици (закланіе убойнаго животнаго), одинаковыя у мусульманъ и евреевъ, заставляють мусульманина предпочитать, конечно, столъ еврейскій христіанскому столу; но, отвергая Іисуса Христа, еврей какъ бы обнаруживаютъ вѣроломство; въ глазахъ мусульманина еврей издавна былъ синонимомъ хитрости, коварства, поэтому ночевка въ домѣ христіанина безопаснѣе. Однако изъ пословицы я никакъ не сталъ бы выводить намековъ на средневѣковую легенду о ритуальномъ убійствѣ: такъ склоненъ былъ объяснять пословицу одинъ крымскій татаринъ, освѣдомитель П. А. Фалева; правда, это было, какъ пишетъ мнѣ П. А. Фалевъ, уже послѣ процесса Бейлиса.

Легенда о ритуальномъ убійствѣ широко все-таки распространена на Востокѣ.

Отголоски средневѣковой легенды о ритуальномъ убійствѣ, впрочемъ, встрѣчаются и въ Крыму: А. Х. Халилевъ рассказывалъ мнѣ, что въ дѣтствѣ неоднократно старухи пугали его, чтобы онъ далеко не уходилъ, а то схватятъ его еврей и убьютъ, а кровь запекутъ въ мацу.

¹ Любопытно, однако, что одинаковый процессъ мысли наблюдается и у цереевъ, которые говорятъ: ابن ترکی شد («онъ сдѣлался туркомъ», т. е. онъ проявилъ безтолковость).

Въ Персіи, какъ я слышалъ отъ М. Джафара, ходитъ разсказъ, что евреи сажаютъ ребенка въ чанъ и восклицая: «О Мухаммедъ!», показываютъ ему яблоко; когда мальчикъ протягиваетъ рученки, — его убиваютъ. Евреи на Востокъ обратились, повидимому, въ пугало для дѣтей, — въ «буку». (Напоминаетъ культовой обрядъ у хлыстовъ, и важно, кажется, для выясненія вопроса о происхожденіи секты). Ср. Крымскій. Ист. Турція. М. 1916, стр. 92, прим. 2.

Въ Турціи отголоски ея слышны были въ XVII вѣкѣ въ Трапезунтѣ (см. В. Смирновъ. Грамота султана Османа II семейству іудейки Киры. Восточныя Замѣтки. СПб. 1895, стр. 48—49); вѣрило въ нее и константинопольское простонародье (еще въ XIX вѣкѣ), см. повѣсть Ахмеда Мидхата изъ эпохи янычаръ «Долабдан темаша». Константинополь. 1307 г. х., стр. 28.

Между арабами вѣра эта, пожалуй, еще сильнѣе. Я помню, напр. какъ въ Дамаскѣ мои хозяева квартирныя, православныя христіане, наивно разсказывали (въ 1906 году) всякіе ужасы, которые будто бы совершаются въ еврейскомъ кварталѣ. Нашъ консульскій агентъ въ Багдадѣ М. М. Поповъ передавалъ мнѣ разсказъ о томъ, какъ однажды мальчикъ-мусульманинъ, схваченный евреями, былъ отведенъ въ синагогу; его уже связали, но случайно проходившій мимо водоносъ услышалъ крики мальчика и спасъ его. По сообщенію М. М. Попова, арабамъ (багдадскимъ) извѣстенъ и османскій вариантъ пословицы, напечатанный у П. А. Фалева подъ № 480.

Г. Усмановъ (татаринъ изъ Елабуги), повторяя легенду, нашедшую выраженіе въ Мултанскомъ дѣлѣ, говорилъ мнѣ въ Уфѣ, что во время молитвы, совершаемой вотяками, въ священной рощѣ, жертвенный котель ежегодно требуетъ крови; поэтому вотяки убиваютъ мусульманъ. Убийства, конечно, не зафиксированы; тѣмъ не менѣе татары складываютъ на смерть единовѣрцевъ-мусульманъ, пропавшихъ безъ вѣсти, причитанія.

Повидимому, легенда возникаетъ тамъ, гдѣ борются между собою двѣ религіи, и господствующая, загоняя въ подполье все, что уклоняется отъ «нормы», измышляетъ всякій вздоръ. Вліяетъ, впрочемъ, и литературная традиція.

482. Вторая половина пословицы «таук сатар баласы» переведена невѣрно: не «сынъ продавца куръ», а: «сынъ его продаетъ куръ». Въ пословицѣ чувствуется антагонизмъ между Крымомъ и Казанью. Такъ крымчакъ выражаетъ презрѣніе казанскому татарину.

484. Полемизируя съ А. А. Боданинскимъ, П. А. Фалевъ (предисловіе, стр. 10—11) не считаетъ исключеннымъ вопросъ о заимствованіи пословицы изъ Турціи, гдѣ политика Шахинъ-Гирея-хана вызвала даже со стороны Вехби сатиру. Но сатира Вехби преслѣдовала цѣль политическую, а народные круги въ Турціи, вѣроятно, оставались равнодушны или,

быть можетъ, одинаково были настроены какъ противъ ставленника русскихъ, такъ и противъ самихъ русскихъ; все-таки я не думаю, чтобы даже въ шутку отдано было тамъ предпочтеніе «казакамъ»¹. — Мнѣ кажется, вопросъ объ османскомъ пропехожденіи пословицы рѣшается отрицательно еще влѣдствіе сообщенія В. Х. Кондараки (Универсальное описаніе Крыма, часть X. СПб. 1875, стр. 19): раздраженные руссофильскимъ поведеніемъ хана, «большинство татаръ не переставало кричать, что они готовы умереть подъ русскимъ кнутомъ, нежели повиноваться ему».

485. Выраженіе «азір джевап» значить: «остроумный».

487. «Оцмајаджак» значить «тотъ, изъ котораго не выйдеть проку».

489. Тоже у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 68. — Ср. османскій вариантъ изъ Брусы (записанный В. М. Заваринымъ) «інсан зүјүртледікческі дефтер јоклар» (когда человекъ бѣднѣеть, онъ обычно перебираетъ старыя (записныя) книги, гдѣ записаны долги).

490. Османская пословица, какъ будто, древнѣе, по презрительному взгляду на свой народъ: явовыя дрова — не дрова, (такъ и) турчанкѣ не бывать матроной (Вл. Гордлевскій, стр. 43, № 1936).

491. «Татаринъ умнѣеть послѣ суда», т. е., когда проигралъ тяжбу. Можетъ быть, здѣсь чувствуется глухое недовольство порядками, воцарившимися въ Крыму съ 1783 года, когда земли беззастѣнчиво отбирались отъ татаръ; татаринъ неожиданно узнавалъ, будто земля, на которой онъ жилъ испоконъ вѣку, продана имъ какому-нибудь чиновнику, но протестъ или судъ были бесполезны.

492. По османски вообще о туркѣ («түркомъ») называетъ себя османецъ, по преимуществу, въ противоположность другимъ подданнымъ, немусульманамъ): Вл. Гордлевскій, стр. 43, № 1026.

493. Похлебка изъ пшена — остра (на вкусъ).

494. Ср. османскую пословицу: «чинганенин екмејі дүшүне гірер» («цыгану снится его хлѣбъ»). Вефикъ-паша, стр. 116.

495. Также у караймовъ (В. Радловъ. VII, № 407)².

¹ Русскихъ въ Турціи — особенно въ низшихъ кругахъ — называютъ «москофъ» («москаль»), но тамъ, гдѣ народъ сталкивается съ русскими, вблизи деревень эмигрантовъ изъ Россіи — некрасовцевъ, старообрядцевъ —, въ ходу также наименованіе «казакъ». Я помню, такъ величалъ меня постоянно въ 1905 г. мой брусскій пріятель Омаръ.

² Этой пословицей заканчивается глава VI (Этнографическія и историческія пословицы); ради полноты помѣщаемъ въ примѣчаніи еще одну пословицу изъ статьи А. Олесницкаго «Матеріалы по изученію крымской народной поэзіи». СПб. 1913 (изъ «Восточнаго Сборника Общества русскихъ ориенталистовъ», т. I, стр. 45): «Кызылташнынъ пашасы кібік учту» (улетѣлъ какъ кызылташскій священникъ); на убійство его сложена была въ Крыму пѣсня.

496. Т. е., пусть чужбина будетъ моею родиною, а адъ—моею лавкою, иначе: все равно гдѣ жить, былъ бы только заработокъ.

497. Багдадъ считается самымъ счастливымъ и богатымъ городомъ, и состоятельные хаджи обыкновенно, на обратномъ пути изъ Мекки, заѣзжаютъ въ Багдадъ.

498. «Кочер», вѣроятно, вм. «кочерабач» — (ось) палка, на которой двигается колесо, ср. выраженіе «кочері сынган» (у него сломалась ось).

500. Ср. османскую пословицу: «сора-сора Кабе булунур» (разспросы доведутъ до Каабы): Вефикъ-паша, стр. 169; Вл. Гордлевскій, № 1163: Багдадъ.

501. По османски я слышалъ: «добдуун јере бакма, дојдубуна бак!» (думай не о томъ мѣстѣ, гдѣ родился, а гдѣ нашелъ пропитаніе). Въ киргизскомъ вариантѣ чувствуется бѣлая привязанность къ «родинѣ», — мѣсту постоянной кочевки: «ер тузан джеринѣ, ит тојзан джеринѣ» (молодецъ стремится туда, гдѣ родился, собака [дурной человекъ]—туда, гдѣ она съта): Н. Пантусовъ, № 133.

503. Ср. персидскую пословицу (М. Гаффаровъ—Вл. Гордлевскій, стр. 30, № 284).

505. Тоже по османски: Вефикъ-паша, стр. 130. Вмѣсто «дердині» читай: «дерди».

507. Вѣроятно, пословица заимствована у русскихъ.

515. Пословица переведена невѣрно. Здѣсь «авырдыр» состоитъ изъ двухъ словъ: «абыр» (тяжелый) и связки «дыр», и пословица значитъ: камень тяжелъ тамъ, гдѣ упалъ, т. е., всякая вещь дорога на своемъ мѣстѣ; также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 167), у персовъ (М. Гаффаровъ—Вл. Гордлевскій, стр. 13, № 109) и у арабовъ (Вл. Гордлевскій, № 33). Ср. 615.

516. Тоже по османски («диш-иле» вмѣсто «диш-иле»): Вефикъ-паша, стр. 185.

518. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 24, также Вл. Гордлевскій, стр. 21, № 487; очень близкій вариантъ у караимовъ: В. Радловъ, Образцы, т. VII, № 36.

524. Въ примѣчаніи опечатка: вмѣсто «курта» читай: «курт».

525. Тоже и по османски: Вефикъ-паша, стр. 7.

526. Близокъ османскій вариантъ: Вл. Гордлевскій, стр. 21, № 486.

527. У В. Х. Кондараки — «заяць», цит. соч., № 44, тоже у караимовъ В. Радловъ, VII, № 220 и у османцевъ: Вефикъ-паша, стр. 163, Вл. Гордлевскій, стр. 56, № 1466. — «Тау» не: «лѣсъ», а «гора».

528. Тоже и по османски (только вм. «сасыр» — «кокар»): Вефикъ-паша, стр. 80, персидскій вариантъ у М. Гаффарова—Вл. Гордлевскаго, стр. 22, № 198. — Пословица эта (извѣстная и грекамъ: R. Altenkirch,

цит. соч., стр. 349—350), по всей вѣроятности, турками заимствована у грековъ, какъ вообще и слова, касающіяся мореходства, рыбнаго царства и т. д.

529. Тоже и у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 80), у османцевъ (только вм. «бакмас» онъ не смотритъ, — болѣе подходящее «бакылмаз» — не смотрятъ): Вефикъ-паша, стр. 81. Вѣроятно, это — старая обще-турецкая пословица, извѣстная и на Алтаѣ (В. Вербицкій, стр. 200): «Князь не смотритъ въ зубы тому, кто даритъ ему» («бiръгэнын тыжин» — что дарятъ ему?).

536. Вмѣсто «катыга» нужно читать, вѣроятно: «казыга», имѣется въ виду колъ, вокругъ котораго вертится на харманѣ лошадь.

537. Османскій вариантъ: «домуздан бiр кыл чекмек фајдседен halı de-jił»: Вефикъ-паша, стр. 186. — «Копса» не значитъ «сломятся», а «оторвется».

540. Тоже по османски (съ замѣной слова «кој» — «којун»): Вефикъ-паша, стр. 274, Вл. Гордлевскій, стр. 23, № 534, по арабски — «коза» (Вл. Гордлевскій, № 59). — Рядъ восточныхъ и западно-европейскихъ вариантовъ приведенъ у R. Altenkirch'a, цит. соч., 341.

541. Тоже по османски: Вефикъ-паша, стр. 272, Вл. Гордлевскій, стр. 17, № 373.

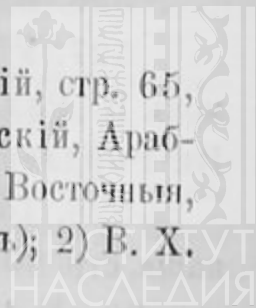
542. Мотивъ «тоски по родинѣ» проникаетъ все османское народное творчество; тоска рождаетъ глубокія лирическія пѣсни; тоскуетъ, наряду съ человѣкомъ, и все живое въ природѣ. Я вспоминаю меланхолическій рассказъ мухаджира изъ Болгаріи, слышанный мной еще въ 1905 году въ Брусѣ. Мухаджиръ говорилъ: «Не знаю, есть ли тамъ у васъ такая птица, ее зовутъ соловей. Сидѣлъ онъ въ золотой клѣткѣ надъ рѣкой, которая катила воды къ роднымъ его полямъ, и ему доставляло удовольствіе наклоняться къ водѣ. «Ватанъ, ватанъ!» (О, родина, о родина!), — вздыхала птица».

547. Очень близокъ къ османской пословицѣ вариантъ, сообщенный въ примѣчаніи («курт тўјўнў дејiштiрiр, жујуну дејiштiрмез»): Вефикъ-паша, стр. 218, также и по гречески: R. Altenkirch, стр. 351.

548. Тоже по османски (Вл. Гордлевскій, стр. 19, № 429). — Смысль пословицы раскрывается изъ османскаго варианта «it itı танымајор, it-te кујрубууну»: Вефикъ-паша, стр. 54.

549. По османски, оболочка — «капук».

550. Есть османскіе варианты (о крысѣ), Вл. Гордлевскій, стр. 65, №№ 1422, 1423; также ново-арабскій вариантъ, Вл. Гордлевскій, Арабскія пословицы, записанныя въ Дамаскѣ, № 62 (Древности Восточныя, т. IV); крымскіе: 1) В. В. Радловъ, VII, № 428 (у караимовъ); 2) В. Х.

Кондараки, цит. соч., № 40 («кто съ вороной пируеть» . . .). — Другой крымскій вариантъ у Н. Маркса, II, стр. 21.

551. Пословица извѣстна на Алтаѣ (В. Вербицкій, стр. 198), также и по османски (только «ојмаз»): Вефикъ-паша, стр. 207 и по ново-гречески (R. Altenkirch, стр. 355); арабскій вариантъ — крыса (Вл. Гордлевскій, № 72).

552. Очень близокъ османскій вариантъ («карынджандан ібрет ал јаздан кышы каршылар» — съ лѣта встрѣчаетъ [= готовится] зиму): Вефикъ-паша, стр. 213.

553. Выраженіе «карынджанын чобу» не значитъ: «чего много у муравья», а: (большое) количество муравьевъ.

554. Тоже по османски (el-ile . . .): Вефикъ-паша, стр. 41.

556. Есть османскій вариантъ («іт үрер, керван — гөчер» — караванъ откочевываетъ): Вефикъ-паша, стр. 54. — Частица «дыр» дѣлаетъ логическое удареніе на словѣ «көпек»: что касается собаки, собака-то.

557. Точь въ точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 235 (съ измѣненіемъ конструкціи); Вл. Гордлевскій, стр. 19, № 430; также и у караимовъ (только: «сүркетірлер»): В. Радловъ, VII, № 251. — Подбирать падалъ на улицѣ — одно изъ позорныхъ занятій въ Турціи.

559. Почти также и у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 432).

561. Переводъ данъ непонятный: «посмотри на красное у муравья и спроси о его крови». Вотъ правильный переводъ: «изучи муравья (гляди на его положеніе, характеръ [алын=һалын(ы)], и (тогда) соси (корень «сормак значить и «сосать») его кровь!»), т. е. стобить ли обижать незначительнаго челоуѣка?

562. Есть очень близкій османскій вариантъ «бені сокмајан јылан бін јыл јашасы(н)»: Вефикъ-паша, стр. 90, Вл. Гордлевскій, стр. 68, № 1491.

565. Есть близкій греческій вариантъ (о быкѣ): R. Altenkirch, стр. 28; у южныхъ славянъ, какъ въ Крыму и Турціи, — осель (тамъ же); вѣроятно, турками пословица заимствована.

566. Частая и въ Турціи поговорка, употребляется по поводу невѣроятныхъ разсказовъ, османскій вариантъ (почти тождествененъ) см. у Вефика-паши, стр. 282.

568. Въ текстѣ допущена какая-нибудь ошибка, вѣроятно, вмѣсто «баласы» должно быть «баласыны».

570. А. Х. Халилеву извѣстенъ изъ дѣтскихъ воспоминаній этотъ заговоръ, только безъ обращенія къ мышкѣ.

571. Вѣроятно, заимствована у грековъ, гдѣ сохраняетъ ту же форму: R. Altenkirch, стр. 32—33.

573. Очень близокъ османскій вариантъ (только глаголь «бакар»): Вл. Гордлевскій, стр. 18, № 386; почти также — у караимовъ (только «сују» вм. болѣе правильнаго: «су»): В. Радловъ, VII, № 218. — Ср. еще у Н. Маркса, II, 17: «пѣтухъ благодарить Бога».

574. Также у караимовъ В. Радловъ, VII, № 230. Есть османскій вариантъ («голодная курица видитъ во снѣ кормъ»): Вл. Гордлевскій, стр. 18, № 384. — Пословица употребляется о человѣкѣ, который живетъ плюзіями.

575. Ср. османскую пословицу («девеје демішлер: еніші-мі северсін, јокушу-му? — дүз башына-мы јыкылды, һич сөјлемедүн — деміш» — «у верблюда спросили: что ты любишь, спускъ или подъемъ, онъ сказалъ: на голову твою равнина что ли свалилась, отчего ты не говорилъ ничего»): Вефикъ-паша, стр. 141.

576. Вмѣсто «табалынгдан» должно быть: «табанынгдан».

578. Въ пословицѣ заключается предостереженіе человѣку, который рано берется за что-нибудь.

580. Близокъ османскій вариантъ «уммадыбын деликтен тікі чікар»: Вефикъ-паша, стр. 73.

582. Очень близокъ османскій вариантъ («... меркебин . . . олур»): Вефикъ-паша, стр. 128, Вл. Гордлевскій, стр. 21, №№ 488, 489. — Очевидно, пословица представляетъ какой-то «сгущенный» рассказъ. — Пословицѣ «hile-ile» . . . (осель, пріобрѣтенный хитростью, гибнетъ отъ воды) въ Турціи дается такое объясненіе: осель былъ унесенъ у разбойниковъ разлившимся горнымъ потокомъ.

Ср. также пословицу османскую «hile-ile gelen паранын еджелі судан олур» (деньги, пріобрѣтенныя хитростью, пропадаютъ въ водѣ). Пословица связывается въ Турціи съ рассказомъ о человѣкѣ, который продавалъ молоко, наполовину смѣшанное съ водой. На пароходѣ деньги у него украла обезьяна и половину бросила въ море. Но человѣкъ не сердился, зная за собой вину.

583. Есть османскіе варианты («чабырылан (или: істенілен) јере ерінме, гөрүнме»): Вефикъ-паша, стр. 113, Вл. Гордлевскій, стр. 31, № 740 («Не лѣнись, когда тебѣ говорятъ: приходи, но и не показывайся тамъ, куда тебя не зовутъ»); известна и караимамъ (В. Радловъ, VII, № 408).

585. Пословица не совсѣмъ ясна; ср. киргизскую пословицу: «пѣшіі не пылитъ, одинокій молчитъ» (А. Диваевъ, Турк. Вѣд., 1906, № 113, пословица 25).

586. Очень близокъ османскій вариантъ (только «серт» вмѣсто «кагты»): Вефикъ-паша, стр. 286.

587. Ср. по османски «ходкой лошади прибавляютъ кормъ»: Вл. Гордлевскій, стр. 22, № 513, Вефикъ-паша, стр. 286.

588. Тоже у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 4.—Близокъ османскій вариантъ «аґач фідан ікен, еґілір»: Вефикъ-паша, стр. 16.

589. Есть близкій османскій вариантъ: Вефикъ-паша, стр. 7; употребляется также въ видѣ вопроса: «аджы патліджана крау-мы чалар?» — Смысль тотъ, что со здоровымъ человекомъ ничего не можетъ приключиться. Эта пословица приведена и Х. Ксенофоновымъ, цит. ниже соч., № 4, съ замѣчаніемъ: «злые у турокъ считаются крѣпче добрыхъ».

591. Есть османскій вариантъ «elmac чамура атсалар, јене elmac» (хотя бы алмазъ бросили въ грязь, онъ все же алмазомъ останется): Вефикъ-паша, стр. 43.

594. Близокъ османскій вариантъ «демір кызгын ікен, дөwүлүр»: Вефикъ-паша, стр. 106; также Вл. Гордлевскій, стр. 41, № 894.

595. Точь въ точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 89, Вл. Гордлевскій, стр. 26, № 615, также и у В. Х. Кондараки, цит. соч., № 36, у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 28); другіе варианты приведены у R. Altenkirch'a, стр. 348—349. (Я думалъ бы, что происхожденія пословица восточнаго: въ греческомъ вариантѣ — «дыня», да и на Востокѣ въ лѣтнюю жару больше цѣнятся эти плоды).

597. Вполнѣ совпадаетъ съ османской пословицей: Вефикъ-паша, стр. 33.

599. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 53.

600. Ср. по османски: «işlejen демір ышылар, ішенмејен мушылар (или: пасланыр калыр)»: Вефикъ-паша, стр. 57.

601. По османски тоже (только вм. «парлар» — «ышылар»): Вл. Гордлевскій, стр. 27, № 627.

602. Очень близокъ османскій вариантъ (дѣйств. зал.: «јумазлар» вм. страдат.): Вефикъ-паша, стр. 210.

604. Почти въ такой же формѣ пословица извѣстна и османцамъ: «гөктен не јабар-да, јер кабул егмез?» (Что такое можетъ упасть съ неба, что земля не примет?): Вефикъ-паша, стр. 246.

607. Въ такой же формѣ, какъ въ Крыму, извѣстна и кыргизамъ (Н. Пантусовъ, № 85), на Алтаѣ (В. Вербицкій, стр. 188): «ууска јарашбас» (не приличествуетъ рту).

609. Тоже по османски («атеш» вм. «од»): Вефикъ-паша, стр. 6.

610. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вл. Гордлевскій, стр. 62, № 1340.

611. Близокъ османскій вариантъ («су буланмајынджа, турулмаз»): Вефикъ-паша, стр. 168.

613. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вл. Гордлевскій, стр. 62, № 1350; «дамлајь» . . . : Вефикъ-паша, стр. 181.

617. Ср. по османски: «уджуз етин јанһысы (или: өкүзүн кыјмасы) татсыз олур»: Вефикъ-паша, стр. 71.

618. Почти также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 374) и у османцевъ («даулуи»), Вефикъ-паша, стр. 71 («чок»), Вл. Гордлевскій, стр. 28, № 665.

619. Почти также по османски («уммадыбыи»): Вефикъ-паша, стр. 73, («уммадык»): Вл. Гордлевскій, стр. 64, № 1387, также у караимовъ («уммаз»): В. Радловъ, VII, № 51; вариантъ арабскій—Вл. Гордлевскій, № 87.

624, 625. На пословицу, какъ будто, не похоже. Въ послѣднемъ реченіи заключенъ намекъ на сбродъ: «кыр» не значитъ: гора, а необработанное поле.

628. Слово «кадріні» не очень, какъ будто, умѣстно; не переводная ли это пословица?

632. Такой же вариантъ, какой сообщенъ въ примѣчаніи, есть и у османцевъ: Вефикъ-паша, стр. 132.

633. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 95. Ср. греческую пословицу: «то, что случается ночью,—то видитъ день и смѣется». D. Sanders, стр. 227, № 80. Ср. еще у меня въ «Османскихъ сказаніяхъ и легендахъ», *Этногр. Обзор.*, 1916, № 3—4, стр. 11.

636. Ср. османскій вариантъ («гүзеле бакмак севан-дыр» — смотри́ть на красоту—богоугодное дѣло): Вефикъ-паша, стр. 246.

637. Точь-въ-точь, какъ по османски: Вефикъ-паша, стр. 242.

640. Смысль пословицы: во всякомъ дѣлѣ бываютъ сначала затрудненія.—Тоже по арабски: Вл. Гордлевскій, (протоколы), стр. 104, № 6.

641. Точно также и по османски (Вефикъ-паша, стр. 276). Я бы перевелъ: «у всякаго *возраста* — свой недостатокъ». Есть караимскій вариантъ (съ перестановкой: В. Радловъ, VII, № 161).

643. Ср. османскіе варианты: 1) «геч олсун-да, гүч олмасын» (пусть будетъ поздно, да не трудно), 2) «геч іште һајр вардыр» (что поздно, то — благополучно): Вефикъ-паша, стр. 241.

646. Т. е., все ему приходилось испытать.

647. Ср. по османски: «ölüm гендже, ihtijара бакмаз» (смерть не смотреть ни на молодого, ни на старого).

649. Также у караимовъ (В. Радловъ, VII, № 391).

650. Ср. османскую пословицу «рахат јашајан рахатсыз ölür» (кто живетъ спокойно, — беспокойно умираетъ): Вефикъ-паша, стр. 146.

651. Ср. по османски: «сабах ола, һајры геде» (пусть настанетъ утро и съ нимъ добро!): Вефикъ-паша, стр. 164.

652. Ср. по османски: «бір тарлада һем от бітер, һем бою» (на одномъ полѣ растетъ и хорошая трава, и сорная).

655. Очень близокъ османскій вариантъ: «јашын јанында куру-да јанар» (Вефикъ-паша, стр. 280); также Вл. Гордлевскій, стр. 65, № 1415.— Логическое удареніе на словѣ «куру» — странно, мы ожидали бы, собственно, обратнаго построенія: «рядомъ съ сухими (дровами) и мокрыя горять», но эта несообразность, быть можетъ, говоритъ за то, что пословица — неудачный переводъ съ персидскаго языка; по персидски, по сообщенію М. А. Гаффарова, говорятъ: *تر و خشك باهم میسوزند* (сырое и сухое вмѣстѣ горять).

658. Ср. по османски: «ујку — ölümün кардашы» (Вефикъ-паша, стр. 73).

660. Ср. по османски «јаџмурдан качаркен, долуја тутулду» (убѣгая отъ дождя, попалъ подъ градъ): Вефикъ-паша, стр. 281.

662. «Озмак», собственно, значить: опередить, обогнать. — Близка киргизская пословица: «Родится дурное даже у хорошаго человѣка, — не найти средства (исправить это); родится у дурного хорошее — не найдется ему ровни» (П. Меліоранскій, № 15, ср. также № 16). Ср. также азербайджанскую пословицу «оттан күл төкер, күлден — от» (отъ огня идетъ пепель, изъ пепла — огонь). Ср. курдскую пословицу «отъ скверныхъ людей рождается хорошій». С. Егіазаровъ, Курды (*Зап. Кавк. Отд. И. Р. Г. О.*, кн. XIII, вып. 2, стр. 158, № 24).

664. Ср. по османски: «генчліјин кыјметі білінсе, коджалыбын шікајеті аз олу» (если бы вѣдома была цѣна молодости, на старости мало было бы жалобъ): Вефикъ-паша, стр. 244.

666. Та же мысль выражена по османски другими словами: «генчлікте — ölüm, коджалыкта — јоклук гүч» (трудна въ молодости смерть, въ старости — бѣдность): Вефикъ-паша, стр. 244.

Примѣты:

1) У османцевъ ладонь чешется передъ письмомъ.

4) Одинаковая примѣта о подергиваніи глазъ — у киргизовъ: А. Дя-

ваевъ. Этнографическіе матеріалы, вып. VII. Ташкентъ, 1901, стр. 56. (Отгискъ изъ «Сборн. мат. для статистики Сыръ-Дарьинской области», т. IX).

8) Подразумѣвается, очевидно, — «во снѣ».

11) Это какъ будто — загадка, а не примѣта. — «Чүҗлемек» значитъ: забить деревянными гвоздями.

12) Переводъ неудачный и непонятный; вотъ смыслъ: въ мартѣ неожиданно могутъ быть такіе холода, что только скорехонько выглянешь за дверь, схватишь лопату, что тамъ стояла, и бросишь ее въ печь: всѣ дрова (заготовленные на зиму) уже вышли.

14) Счетъ у османцевъ идетъ такимъ образомъ — «арбаин» («чилле», какъ и въ Крыму) — четыредесятница, т. наз. «кара кыш» — «лютень» (отъ 9-го декабря до 19-го января), затѣмъ — 50 дней — «хамсин» (съ 20-го января до 9-го марта); итого — девяносто дней; но у Д. Кантемира (цит. соч., стр. 261—262) счетъ — иной: «иді арбаин» (праздникъ четыредесятницы — 9-го марта), затѣмъ — «хамсин», и съ 1-го іюня лѣто.

Крымскій календарь сообщенъ у Ө. Хартахая. Историческія судьбы крымскихъ татаръ. *Вѣстн. Евр.*, 1867, № 2, стр. 141.

Выраженія и прибаутки:

13) Ср. по османски: 1) «ајаклары јере басмајор»: Вефикъ-паша, стр. 31, 2) «ајаклары јерден кесіді»: G. Jacob, стр. 109, прим. 2. — Въ выраженіи заключенъ намекъ на радость, какъ и по русски: «ногъ подь собой не чувствуетъ».

IV.

Заключеніе.

Привлекая для сравненія, хотя и въ небольшомъ объемѣ, пословицы народовъ, которые должны были оставить слѣдъ въ Крыму, мы можемъ сдѣлать кое-какіе выводы о составѣ «Пословиць крымскихъ татаръ». Подборъ османскихъ вариантовъ (изъ сборника Ахмеда Вефика-паши¹ и изъ моего собранія) обнаружилъ, что свыше $\frac{1}{4}$ пословиць, собранныхъ въ Крыму, находятъ, если не буквальное совпаденіе, то очень тѣсное приближеніе (въ формѣ!) къ османской пословицѣ. Отсюда, однако, было бы, пожалуй, неосмотрительно предполагать исключительное заимствованіе крымцами пословиць изъ Турціи: тождественность формы пословицы, при бли-

¹ Краткая характеристика сборника дана мной въ статьѣ «Изъ исторіи османской пословицы и поговорки». *Живая Старина*, 1909, вып. II—III, стр. 109—110.

зости лингвистической, вполне понятна, хотя долги политическія и культурныя взаимоотношенія, конечно, также не могли не оказать сильнѣйшаго вліянія.

Насколько устойчивъ крымскій пословичный матеріаль, видно, отчасти, изъ сравненія «Пословиць крымскихъ татаръ» съ пословицами, перепечатанными акад. В. В. Радловымъ изъ караимской «меджумы» конца XVIII или начала XIX вѣка¹: это какъ бы промежуточное звено, открывающее точки соприкосновенія какъ съ крымскими, такъ и съ османскими пословицами. О помѣстной распространенности пословиць въ Крыму говорить также то, что близкіе варианты пословиць встрѣчаются и въ сборникѣ В. Х. Кондараки; здѣсь, кстати, упомяну, что въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ хранится работа («дипломная») А. Н. Марисова (окончившаго Специальные Классы Института въ 1913 году), который, между прочимъ, собралъ въ 1912 году въ Крыму 104 южно-бережныхъ пословиць и 25 ногайскихъ; довольно большое количество ихъ (свыше 30) совпадаетъ съ пословицами, изданными П. А. Фалевымъ.

На этомъ, конечно, задача изслѣдователя пословиць не можетъ останавливаться: необходимо выяснитъ степень вліянія Византіи на османскія (а, стало-быть, и на крымскія) пословицы; византійскія пословицы, — какъ замѣтилъ уже К. Крумбахеръ², — обнаруживаютъ сходство какъ съ османскими, такъ, особенно, съ арабскими пословицами. Вопросъ о томъ, кто у кого заимствовалъ, османцы у византійцевъ или, наоборотъ, — рѣшается сравнительно просто въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда пословица говоритъ о значительной степени культурности народа, несвойственной еще недавнимъ кочевникамъ.

Въ конечномъ итогѣ должны быть привлечены еще пословицы другихъ турецкихъ народовъ; точнѣе: пословицы турокъ, живущихъ въ Азіи — на Алтаѣ³, пословицы киргизскія — должны представлять исходный пунктъ; такимъ образомъ, легче удастся отдѣлать позднѣйшія культурныя наслоенія, отразившіяся на пословицахъ турокъ, отброшенныхъ на крайній западъ

¹ Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ, часть VII, стр. XVIII. — «Меджума» интересна тѣмъ, что пословицамъ (расположеннымъ, конечно, въ алфавитномъ порядкѣ) предшествуетъ шуточный зачинъ: основныя слова начинаются неизмѣнно съ того звука, на который идутъ пословицы.

² Karl Krumbacher, *Mittelgriechische Sprichwörter*. München 1893, стр. 22. (Цитую по И. Тимошенку. Византійскія пословицы и славянскія параллели къ нимъ. *Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1894, № 3—4, стр. 135; книги Крумбахера въ университетской библиотекѣ нѣтъ).

³ Вскользь, алтайскія пословицы привлечены и П. А. Фалевымъ, стр. 14—15; пословицы, приведенныя изъ Г. Вамбери, взяты изъ перваго тома «Образцовъ народной литературы» акад. В. В. Радлова.

этнографической карты турецких племенъ. Это было бы монографическое обследованіе турецкихъ пословицъ, о которомъ давно уже мечталъ И. Н. Березинъ¹; но оно должно быть предоставлено не «стамбульскимъ филологамъ», а русскимъ ориенталистамъ, которые могутъ войти въ непосредственное общеніе, — на территоріи Россійскаго государства, — съ турецкими народами. Для этого необходима правильная организація на мѣстахъ собранія произведеній устнаго народнаго творчества².

Въ высшей степени желательно было бы привлечь къ собранію пословицъ въ Крыму мѣстныхъ жителей, предложивъ имъ, помимо точнаго обследованія района, подробнѣе сообщать и мѣстныя (народныя) объясненія пословицъ, и случаи ихъ примѣненія въ жизни.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ дополненіе къ перечисленнымъ въ предисловіи П. А. Фалева матеріаламъ для библиографіи пословицы³, отмѣчаю (въ хронологическомъ порядкѣ) пропущенныя книги, заключающія въ себѣ османскія пословицы. Книги, заглавіе которыхъ сопровождаются знакомъ * (звѣздочкой), мнѣ извѣстны изъ вторыхъ рукъ³.

*G. V. Donado di Nicolo. Della letteratura dei turchi. Венеція. 1688, 1690 (2-е изданіе).

Тамъ—спеціальнѣйшій отдѣлъ «Raccolta curiosissima d'adaggi turcheschi». Д. Кантеміръ. Книга свѣтима или состояніе мухаммеданскія религіи. СПб. 1722, т. I.

Мнѣ попалось въ текстѣ пять «сентенцій» или «аксіомъ» (см. стр. 30⁴, 207, 227, 230, 296).

[Holdermann]. Grammaire turque, Constantinople. 1730.

Между различными оборотами разбросано до 10 пословицъ.

Fundgruben des Orients. Wien. 1809.

¹ Народныя пословицы турецкаго племени. *Библиотека для Чтенія*, 1856, VI, стр. 107.

² Полезно было бы издать на русскомъ (а, можетъ быть, и на турецкихъ языкахъ) программу для собранія произведеній устнаго творчества у турецкихъ народовъ.

³ Библиографія пословицъ (турецкихъ) собрана, отчасти, въ трудѣ П. Илаюстрова «Жизнь русскаго народа въ его пословицахъ и поговоркахъ» М. 1915. Изданіе 3-е, стр. 56—58. — Пособіемъ для дополненій, отчасти, служилъ мнѣ сборникъ Ж. А. Desceurdemanche Mille et un proverbes turcs. Paris. 1878 (= *Bibliothèque orientale et elzévirienne*, XX), стр. 109—115. За нѣкоторыя справки, сдѣланныя по моей просьбѣ въ петроградскихъ библиотекахъ, привошу благодарность Л. И. Жиркову.

⁴ Сообщена сентенція, высказанная татаринномъ въ Меккѣ, когда онъ увидалъ «богатства премногія, а похищающа ихъ никого же» («мал—коп, алган—джок»).

На стр. 449 данъ текстъ и латинскій переводъ 24 пословиць — *Sententiae turcicae e variis auctoribus collectae et translatae a Rev. . . . Ноеск, direttore Academiae linguarum orientalium.*

Нѣкоторые обычаи турецкіе въ пословицахъ. *Историческій, статистическій и географическій Журналъ.* 1829, № 5, Смѣсь, стр. 168.

Сообщены 2 пословицы (?), съ объясненіями:

«Ни одинъ Франкъ не выноситъ денегъ изъ Турціи».

«Что Богъ написалъ на твоёмъ челѣ, рано или поздно, непременно съ нами случится».

Н. Коноплевъ. Турецкія пословицы. *Молва* (приложеніе къ *Телескопу*), 1832, № 78, стр. 310. Приведено 20 пословиць.

Н. Коноплевъ. Турецкія пословицы. *Молва*, 1834, № 43, стр. 259—262.

Приведено 25 пословиць. На стр. 262 (въ примѣчаніи) Н. Г. Коноплевъ говоритъ: «Я имѣю 357 турецкихъ [османскихъ] пословиць, которыя намѣренъ издать въ особой книжкѣ. Сіи пословицы для насъ должны быть интересны, потому что между ними есть такія, которыя употребляются у насъ и на Руси».

Судьба рукописнаго собранія, принадлежавшаго преподавателю арабскаго языка въ Московскомъ университетѣ въ первую половину 30-хъ годовъ XIX вѣка, мнѣ неизвѣстна; это тѣмъ болѣе жаль, что Н. Г. Коноплевъ (умеръ въ 1855 г.) былъ, повидимому, первый русскій османистъ, собиравшій произведенія устнаго творчества.

Пословицы, сообщенныя въ *Молву* за 1834 г., переводились какъ будто иногда по смыслу, а не дословно: ср., напр., пословицу: «люди — не горы — сходятся между собою» (здѣсь пропускъ, вѣроятно, см. въ «Пословицахъ крымскихъ татаръ», 178); интересны пословицы: № 11 («никакимъ образомъ не произноси словъ: земля имѣетъ уши»), ср. пословицу 599; № 25 («гдѣ лошадь *курда* потоптала землю, тамъ трава не растетъ»), — обыкновенно такой отзывъ дается о туркѣ.

Х. Ксенофоновъ. Турецкія и татарскія пословицы. *Закавказскій Вѣстникъ*, 1848, № 43.

Насколько можно судить по транскрипціи пословиць (9), сообщенной Л. И. Жирковымъ, это, скорѣе, азербайджанскія пословицы¹.

Bianchi et Kieffer. *Dictionnaire turc-français et français-turc.* Paris. 1841—1850.

¹ Въ Азіатскомъ Музеѣ Россійской Академіи Наукъ хранится рукопись: «Ксенофоновъ, Собраніе турецкихъ и татарскихъ пословиць и поговорокъ. Въ Тифлисѣ 1849». (В. Догп, *Chronologisches Verzeichniss . . .*, стр. 591). А. С.

*Вахидъ. Собрание пословицъ, расположенныхъ въ алфавитномъ порядкѣ. Константинополь. 1276 г. х.¹ (литографированное издание).

N. Mallouf. Dictionnaire français-turc et turc-français. Paris. 1854—1862—1867.

*Turkish proverbs translated into english. Venice. Printed at the armenian monastery of S. Lazzarus. 1868, 36 стр., 180 пословицъ, въ армянской транскрипціи и переводѣ.

*Емсаіі (?)². Константинополь. 1286 г. (= 1869). Султанская типографія.

М. Терентьевъ. Хрестоматія турецкая, персидская, киргизская и узбекская. СПб. 1876.

На стр. 5—21 идутъ османскія пословицы (текстъ и переводъ), заимствованныя, по всей вѣроятности, изъ изданія Вѣнской академіи (1865 г.).

* Dschulardian. Собрание пословицъ [4214 №№]. Венеція. 1882.

Jean D. Démetriades. Proverbes turcs-français. Constantinople. 1888. 25 стр.

Въ сборникѣ — 353 пословицы; въ предисловіи Ж. Деметриадисъ говоритъ, что собиралъ пословицы изъ книгъ и, въ особенности, «dans la conversation populaire».

Въ 80-хъ годахъ изданъ былъ въ Константинополѣ на османскомъ языкѣ — арабскимъ и армянскимъ шрифтомъ — сборникъ сказокъ *Хоросъ Кардашъ* («Братецъ Пѣтушокъ»), гдѣ рассказъ пересыпанъ пословицами и изреченіями. Сборникъ этотъ дважды былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ: 1) Г. Якобомъ (въ 1906 г.), *Türkische Bibliothek*, 5 Band, 2) Э. Зейделемъ (въ 1909 г.), *Der Bruder Kikeriki*. Dresden.

Въ изданіи проф. Г. Якоба пословицы (90) даны въ транскрипціи (удачно отдѣляющейся въ текстѣ благодаря курсиву) и въ нѣмецкомъ переводѣ; Э. Зейдель напечаталъ одинъ (нѣмецкій) переводъ, пословицы онъ слыхалъ въ изданіяхъ сборника и находитъ между ними нѣкоторую разницу.

J. Kúnos. Kisázsiai török nyelvjárások. *Nyelvtudományi Közlömnnyek*, т. XXII, вып. 2, 4. Будапештъ. 1890.

¹ См. Th. Menzel, *Der Islam*, IV, стр. 131.

² Повидимому, пропущено какое-то слово (имя собирателя?), иначе непонятенъ мѣстоименный аффиксъ 3-го лица. (Заглавіе выписано у J. Decourdemanche'a).

На стр. 113—121 2-го выпуска сообщено 40 пословицъ, собранныхъ въ округахъ Бруссы и Айдына; на стр. 261—274 (вып. 4-й) — 165 пословицъ брусскихъ.

А. Мерх. *Türkische Sprichwörter ins Deutsche übersetzt*. Venedig. 1893. 2-te Ausgabe. 335 пословицъ (въ армянской транскрипціи).

В. Смирновъ. Очеркъ исторіи турецкой литературы (Всеобщая исторія Корша-Кирпичникова, т. IV. СПб. 1892), стр. 432—434.

Пословицы приведены, вѣроятно, изъ сборниковъ Дица и Вефика-паши.

О. Jehlitschka. *Türkische Konversations-Grammatik*. Heidelberg. 1895.

Ј. Кúnos. *A dunai tatárok nyelvéröl* (Über die Sprache der Donautataren), *Keleti Szemle*, т. V (1904).

На стр. 300—304 дана въ транскрипціи и (мадьярскомъ) переводѣ 61 пословица; пословицы, вѣроятно, записаны на островѣ Ада-калэ (на Дунаѣ).

Ј. Кúnos. *Janua linguae ottomanicae*. Budapest. 1905.

Дано въ транскрипціи 120 пословицъ (изъ константинопольскихъ сборниковъ?).

Ј. Кúnos. *Das türkische Volksschauspiel*. Leipzig. 1908.

На стр. 18 сообщается пословица изъ Эвлия-челеби: «что ты бѣгашь, какъ гончая Эфели-оглу [родоначальникъ Хаджи-Эйвада]?».

Н. Мартиновичъ. Поѣздка въ Бруссу. СПб. 1908 (Оттискъ изъ *Извѣстій Русскаго Географическаго Общества*, т. XLIV, вып. 1-й).

На стр. 23 данъ переводъ 12 пословицъ.

«Мусавверъ Невсал-і Османі» (Иллюстрированный Османскій календарь) на 1326 г. х. 2-й годъ изданія. Составители: Экремъ Решадъ и Османъ Феридъ. Константинополь. 1326 г. х. 254 стр.

Начиная со стр. 62 по 248 стр., внизу на каждой страницѣ по пословицѣ, это уже подражаніе европейской календарной модѣ.

*А. С. Діамантарасъ. Османскія пословицы, загадки и пѣсни. Ловинскій этнографическій журналъ *Λαογραφία*, т. III (1911—1912 гг.), вып. 1—2, стр. 227—242.

Вл. Гордлевскій. Образцы османскаго народнаго творчества. Москва. 1916.

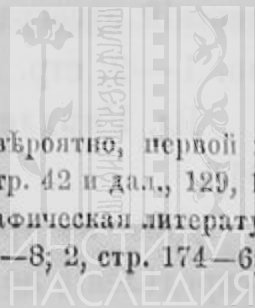
Дано въ транскрипціи, съ примѣчаніями 1545 пословицъ; система распределенія не очень удачная.

Кромѣ того, у меня находится сборникъ османскихъ пословицъ (армянскимъ шрифтомъ), списанный для меня въ 1906 году (съ пропускомъ нѣкоторыхъ грубыхъ пословицъ) со своего оригинала владельцемъ, г. Бояджианомъ, жителемъ города Нигдэ (въ Малой Азіи)¹.

Вл. Гордлевскій,

Москва, октябрь 1915 г.

¹ Въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ хранится рукопись, вѣроятно, первой половины XIX вѣка, изъ собранія Бахрушина за № 42904, гдѣ на стр. 42 и дал., 129, 148 помѣщено свыше 20 пословицъ (османскихъ?) въ переводѣ. [Библиографическая литература указываетъ еще: Proverbi turchi. Arch. tradiz. pop. VIII, 1, стр. 26—8; 2, стр. 174—6; 3, стр. 415 сл. А. С.]

Ассириологическія замѣтки.

I.

Титулы SAL, NIN и SAL.ME LUGAL въ документахъ XXVIII—XXIV вѣковъ.

Полковникъ Allotte de la Fuÿe первый установилъ смыслъ термина SAL, обозначающаго въ пресаргоническихъ документахъ жену патеси, въ частности — Барнамтарру, супругу патеси Лугальанды¹. Постоянство употребленія этого титула въ примѣненіи къ супругѣ патеси достаточно убѣдительно доказывается таблечкой АО. 3415², идущей отъ времени Гудеа и упоминающей жену патеси Ура, также съ титуломъ SAL³.

Эта таблечка и документы, перечисленные Allotte de la Fuÿe, кажутся мнѣ единственными, содержащими этотъ титулъ. Несравненно чаще встрѣчается, начиная съ династїи Агаде⁴, упоминаніе титула nin, примѣняемаго исключительно къ супругамъ царей. Я уже пытался конъектурально возстановить имя одной изъ царицъ⁵, — Саммураматъ, супруги Шаргали-шарри; мнѣ представляется теперь возможнымъ найти еще одно утерянное имя, — супруги Дунги, второго царя династїи Ура.

¹ Revue d'Assyriologie IX, pp. 143—152.

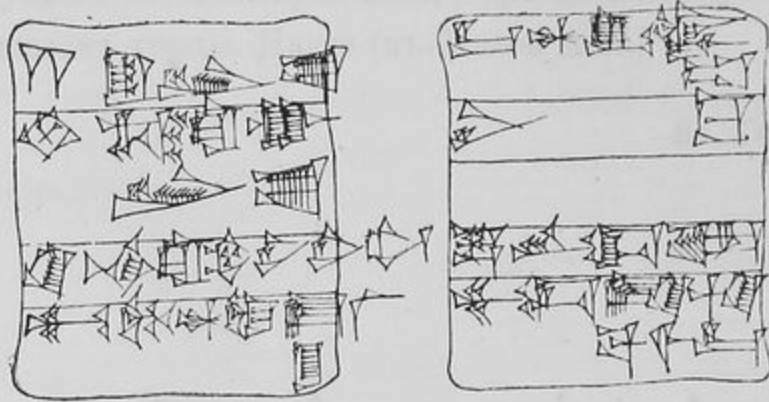
² Thureau-Dangin, Recueil de Tablettes Chaldéennes, n° 248.

³ В. Шилейко, Вотивныя Надписи, стр. XXIX, прим. 1.

⁴ Въ пресаргоническихъ таблечкахъ встрѣчается, можетъ быть, въ nin-ni gar-ra Никольскій, Документы отчетности I, n° 23 лиц. III, 12 etc.

⁵ В. Шилейко, Вотивныя Надписи, стр. XXIV, прим. 4. — Я вынужденъ снова и снова настаивать на отождествленіи этой царицы съ Семирамидой греческаго преданія. Вновь изданный (Scheil, Nouveaux renseignements sur Šarrukin въ Revue d'Assyriologie XIII, 1916, n° 4, pp. 175—179) маленькій фрагментъ изъ Варки, содержащій шумерійскую версию Саргоновой легенды въ редакціи эпохи Исина, сообщаетъ о сватаніи Саргона I за супругу его врага, урукита Лугаль-заггиси (rev. 1—2). Эта черта, совпадающая кое съ чѣмъ въ біографіи вавилонянки, умѣвшей плѣнить сердце мальчика Адад-нирари III (о ней см. теперь E. Unger, Reliefstele Adad-niraris III aus Saba'a und Semiramis, 1916), далекииъ эхо еще откликается въ греческой Семирамидѣ.

Датированная 57-мъ годомъ Дунги таблетка въ собраніи Лихачева читается:

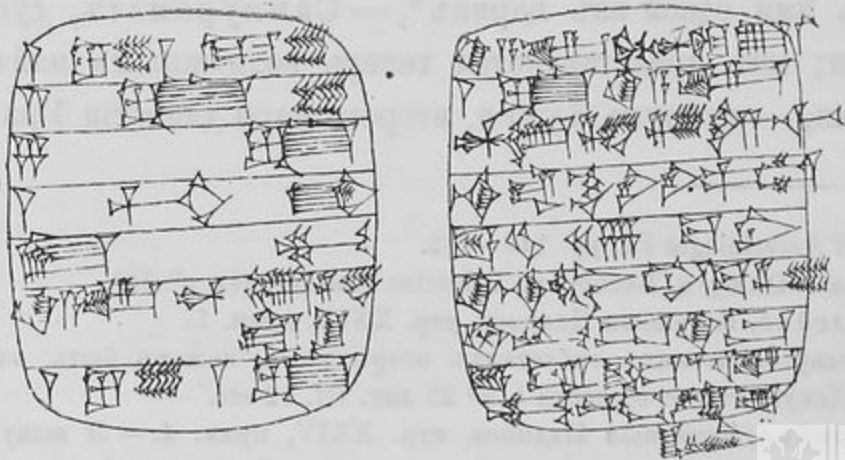

лиц. 1 II ganam lú-Su
šag nam-ra-ak lú-Su¹
ki-Na-ra-am-í-lí-ta
mu-Gím-*Nin-lil-lá-šú

оборот. 1 Ur-*Gál-alim sūm
í-ku
itu šes-da-kú
mu us-sa Ki-maš^{ki}
ba-ḥúl

2 овцы отъ народа Су,
изъ добычи, (взятой отъ) Су, —
отъ Нарâm-или
для Гим-Нинлиль
Ур-Гальалимъ, мясникъ,
взялъ въ распоряженіе.
мѣсяць šes-da-kú,
годъ вслѣдъ за тѣмъ, какъ
былъ разрушенъ Кимашъ.

Упоминаемый здѣсь Ур-Гальалимъ, мясникъ Гим-Нинлиль, въ другомъ документѣ² носить званіе sūm nín, — «мясника царицы». Вотъ еще одна неизданная таблетка, также изъ собранія Лихачева, говорящая въ пользу отождествленія Гим-Нинлиль съ женой Дунги:

¹ Какъ видно изъ даты слѣдующаго года, подъ «народомъ Су» понимается здѣсь жители Харши и Хумурти.

² L. Legrain, Le temps des rois d'Ur, n° 126 (8-й годъ Бур-сива). Придворныя должности часто не зависѣли отъ смѣны государей: Schileico, Revue d'Assyriologie XI, pp. 62—63.

лиц.	1	I udu-še I síl-še	1 жирный баранъ, 1 жирный ягненокъ,
		II gukkal-še	2 жирныхъ праздничныхъ барана,
		V gukkal	5 праздничныхъ барановъ, —
		é-mu	на кухню
	5	ki-a-nág *Dun-gi-ra-šú ¹	для жертвенника Дунги;
		I udu-še I gukkal	1 жирный баранъ, 1 праздничный баранъ, —
обор.	1	ki-a-nág Gím-*Nin-lil-lá	для жертвенника Гим-Нинлиль;
		I gukkal ki-a-nág	1 праздничный баранъ — для жертвенника Дунги-зимти;
		*Dun-gi-zi-im-ti ²	надсмотрщикъ: Нарám-или.
		Na-ra-am-i-li ra-ím	На 28 день мѣсяца
		itu-ud-XXVIII-ba-ni	выдано Налулемъ
	5	ki-Na-lul-ta ba-zid	въ Урѣ.
		šag Urim ^{ki} -ma	мѣсяць ū-bí-kú (3-й),
		itu ū-bí-kú	годъ воцаренія Бур-Сина.
		mu *Bur-*Sin lugal	

Эта таблетка — подобно предыдущей происходящая изъ Дрехема — перечисляетъ жертвы, принесенныя при воцареніи Бур-Сина манамъ его родныхъ; Гим-Нинлиль названа здѣсь непосредственно вслѣдъ за покойнымъ Дунги³.

¹ Болѣе полная форма царскаго имени, звучавшаго *Dungi-rama.

² Ср. L. Legrain, Le temps des rois d'Ur, n^o n° 76—78; Никольскій, Документы отчетности II, n° 250; старшій сынъ царя? — Другія дѣти Дунги (кроме Бур-сина):

1. Gimil-*Enlil: Genouillac, La Trouvaille de Dréhem, 1912, n° 86 obv. 2 (55-й годъ Дунги).

2. Ur-*Sin: Genouillac, Trouv. n° 81 rev. 8 (55-й годъ); AM. n° 1 obv. 2 (54 г.); Никольскій² n° 460 rev. 6 (55-й г.).

3. Lú-*Nannar: Legrain n° 24 obv. 4 (54 г.), n° 28 obv. 9 (54-й г.), Никольскій², n° 460 obv. 11 (55-й г.).

4. Nadi: Genouillac, Trouv. n° 81 obv. 10 (55-й г.).

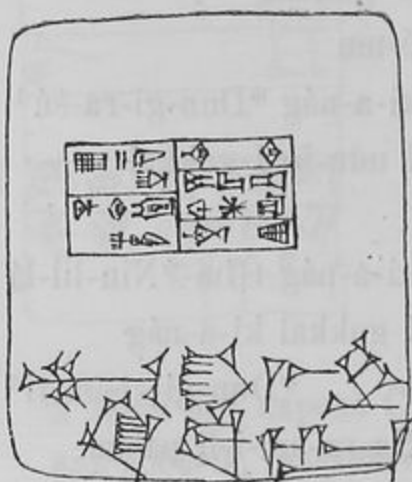
5. Lugál-á-zid-da: Legrain, n° 24 obv. 2 (54-й г.); Никольскій², n° 530 obv. 3 (54-й г.).

6. Me-*Dungi, дочь: SA. n° 12 obv. 2 (55-й г.).

7. Šat-*Sin, дочь: Legrain, n° 31 rev. 1 (56-й г.); Genouillac, Trouv. n° 85 obv. 3 (57-й г.).

³ Другія упоминанія Гим-Нинлиль: Legrain, Le temps des rois d'Ur, n° 278 obv. 2, n° 298 rev. 2.

Можетъ быть, также правленію Дунги¹ принадлежить и слѣдующій документъ, — табетка МА. 9612 Эрмитажа, называющая въ оттиснутой на ней печати титуль SAL.ME LUGAL:

лиц. 1 II túg uš-bar
túg geštin-na RA.TÚG
ki-Arad-mu-ta
Na-di šu-ba-ti
обор. 1 mu Ša-aš-ru^{ki}
ba-húl

2 тканыхъ одежды,
— одежды. . . . , —
отъ Арад-му
Нади получилъ.
годъ, когда Шашру
былъ завоеванъ.

П Е Ч А Т Ь :

1 É-a-í-ša ² SAL.ME ki-ág lugal	Эа-иша, любимая наложница царя;
2 Na-di dumu Ur-ab-ba-dingir-ra (?) arad-zu	Нади, сынъ Ур-абба-дингирры, твой слуга.

Я перевожу здѣсь «наложница», согласно вавилонской передачѣ SAL.ME черезъ tikiltu³ «наперница», ж. р. отъ tiklu. Изъ числа царскихъ SAL.ME мнѣ знакома еще только одна, — Башауша⁴, наложница Иби-Сина.

¹ Или Бур-Сина.

² Женская форма, параллельная мужскому Ea-išû (permansivum глагола išû). Ср. имя Mama-išû луврской печати (W. H. Ward, Cylinder Seals n° 352).

³ Thureau-Dangin, Revue d'Assyriologie IX, p. 21 note 1; Jensen, Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1913, S. 508; Dhorme, Revue d'Assyriologie XI, p. 106.

⁴ Пикольскій, Документы отчетности II, n° 484.

II.

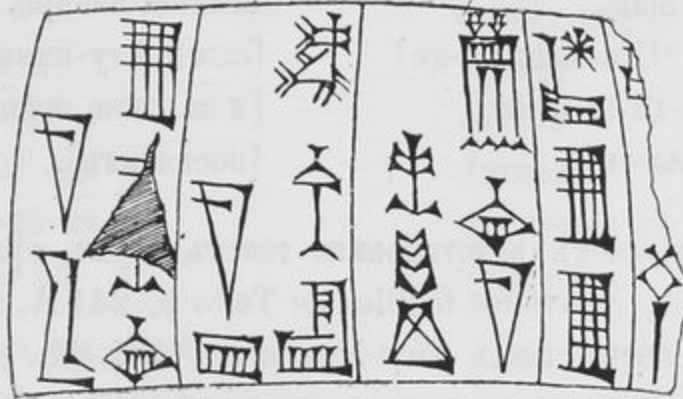
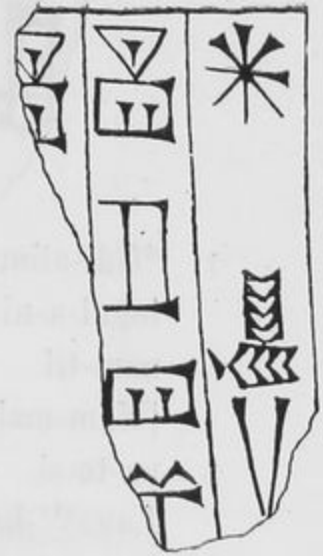
Надписи государей изъ дома Ур-Бау въ русскихъ собраніяхъ.

1. Статуи Гудеа.

(Собраніе Голенищева, n° 5144,1-5).

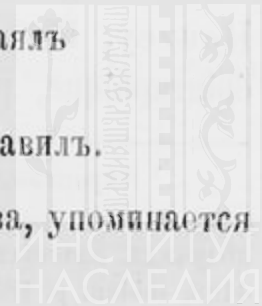
Пять фрагментовъ двухъ статуй изъ сѣраго камня, болѣе чѣмъ вѣроятно изображавшихъ патеси Гудеа. Два кусочка, принадлежавшіе плечамъ статуй, содержатъ легенду:

n ^o 5144,5. *Nidaba	Нидабъ,
nin giš-túg-pi	госпожѣ разумѣнія,
ni[n.....]	владычи[цѣ.....]
.....

n ^o 5144,1. [.....]-gid	[.....]
*En-lil-ge	Энлиля,-
alan-na-ni mu-tud	свою статую изваялъ
nam-til-la-ni-šú	и за свою жизнь
é-a mu-na-ni-gub	во храмѣ ее поставилъ.

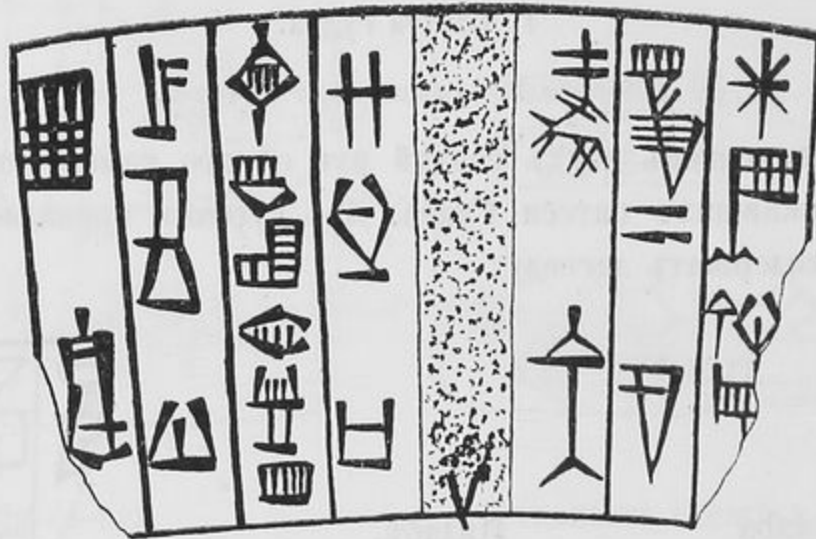
Богиня Нидаба, покровительница письменнаго искусства, упоминается цилиндромъ А Гудеа, V 25, XVII 15, XIX 21.

2. Надпись Наммахни.

(Собрание Голенищева, n° 5152).

Фрагментъ вотивной булавы изъ сѣраго камня. Легенда:

1	*Gál-alim lugal-a-ni nam-til [Nam-mah-n]i	Галь-алиму, своему царю, за жизнь Наммахни,
5	pa-te-si Lagaš ^{ki} -ka-šú Ur-ab-ba ¹ sukkal-mah [dumu *Utu-kam pa-ge]	патеси Лагаша, Ур-Абба, великій визирь, [сынъ Уту-кама, старосты,]
10	[ù nam-til-la-ni-šú] [a-mu-na-gu]	[и за свою жизнь] [посвятилъ].

Надпись позволяет возстановить текстъ двухъ фрагментовъ вотивныхъ булавъ: Cros, Nouvelles fouilles de Tello p. 241 A, p. 242 E; вторая изъ этихъ булавъ посвящалась богу Ури-зидъ (*U^{ri}-zid).

Имя патеси было умышленно стерто на булавѣ. Изъ 14 дошедшихъ отъ Наммахни надписей только четыре сохранились вполне: кирпичъ Découvertes en Chaldée, II, pl. 37 n° 10, дверной камень ibid. pl. 27 n° 1, блюдо Heuzey, Revue d'Assyriologie, II, p. 79 (и Découvertes en Chaldée, Partie épigraphique, p. LVIII) и булава Cuneiform texts, I, 96—6—15, 1; на че-

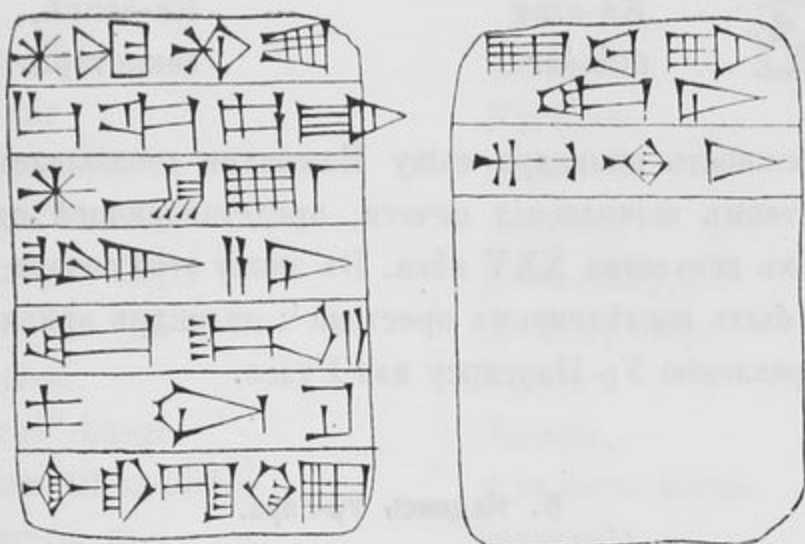
¹ Вѣроятно тождественный съ Ур-Аббой, патеси Лагаша при царѣ Ур-Энгурѣ. Сравните исторію рода великаго визиря Лани, внукъ котораго, великій визирь Арад-Наанаръ, получилъ патесіать Лагаша при царѣ Иби-Синѣ (Nouvelles fouilles de Tello p. 183 и AO. 4198, ibidem p. 185).

тырехъ другихъ¹ имя было умышенно стерто, а послѣднія шесть разбиты², — вѣроятно еще въ древности: ударъ во всѣхъ шести случаяхъ пришелся по имени патеси.

3. Надпись Гудеа.

(Эрмитажъ).

Вотивная таблетка изъ чернаго діорита, инвентарный н^о мпѣ неизвѣ-
стенъ. Легенда:

лиц. 1 *Nin-gir-su
ur-sag kal-ga

* En-lil-lá
lugal-a-ni

5 Gú-dē-a
pa-te-si
Lagaš^{ki}-ge

оборот. 1 é-Ba-gà-ka-ni
mu-na-dū

Нингирсу,
могучему воину
Энлиля,
своему царю, —

Гудеа,
патеси
Лагаша,

его храмъ въ Бага
построилъ.

Эта надпись позволяет отнести къ правленію Гудеа таблечку АО. 3349³, помѣченную, «построеніемъ храма въ Бага»⁴. Фрагментъ параллельнаго текста въ Берлинѣ: VA. 2101⁵; самый храмъ, посвященный Нингирсу, упоминается цилиндромъ А Гудеа, II 7, 9, X 27.

¹ Женская статуэтка Déc. en Chaldée, Partie épigraphique, p. LVIII; булавы Golén. n° 5152, АО. 309 и Découvertes, Partie épigr. p. LVIII.

² Ваза Découvertes en Chaldée, pl. 44 bis n° 5, булавы VA. 3042 (= Vorderasiatische Schriftdenkmäler, I, n° 12), Nouvelles fouilles de Tello p. 241 A, p. 242 C, D и E.

³ Thureau-Dangin, Recueil de Tablettes Chaldéennes, n° 212.

⁴ Шилейко, Вотивныя надписи, 1915, стр. XXVII, прим. 8.

⁵ Vorderasiatische Schriftdenkmäler I, n° 18.

4. Цилиндръ Ка-азага.

(Эрмитажъ, МА. 17397).

Каменный цилиндръ исключительно тонкой работы. Двойной Эбани, одоляющій льва; справа внизу—Гильгамешъ, возвращающійся отъ истоковъ обѣихъ рѣкъ. Легенда:

Ка-azag
dub-šar

Ка-азагъ,
секретарь.

Принадлежность цилиндра сыну Наммахни доказывается несравненнымъ изяществомъ выполненія печати, представляющей одинъ изъ лучшихъ образцовъ искусства XXV вѣка. Въ эпоху этой печати Ка-азагъ очевидно еще не былъ наслѣдникомъ престола¹; цилиндръ принадлежитъ, слѣдовательно, правленію Ур-Нингирсу или Гудеа.

5. Надпись Ур-Гара.

(Собраніе Голенничева, n° 5151).

Вотивная булава изъ зеленоватаго камня, фрагментъ. Легенда:

1	*Dun-šag-ga-na dumu ki-ág *Nin-gir-su-ka lugal-a-ni	Дуншагганъ, любимому сыну Нингирсу, своему царю, —
5	nam-til Ur-Gar pa-te-si Lagaš ^{ki} -ka-šú Nin-ka-gi-na	за жизнь Ур-Гара, патеси Лагаша, Нинкагина ² ,
10	dumu Ka-[azag] da[m-ni] [ù nam-til-la-ni-šú] [a-mu-na-ru]	дочь Ка-[азага], [его ж]ена, [и за свою жизнь] [посвятила].

¹ Сравните карьеру патеси Лугаль-ушумгала, первоначально также «секретаря» (Шилейко, Вотивныя надписи, стр. 13—14).

² Шилейко, Вотивныя надписи, стр. XXVIII примѣчаніе 1.

Параллельный текст содержался, может быть, на фрагментѣ булавы *Nouvelles fouilles de Tello* p. 241 В, сдѣланной изъ характернаго чернаго съ широкими бѣлыми пятнами мрамора, свойственнаго нѣкоторымъ булавамъ Наммахни. Надпись голенищевскаго фрагмента окончательно опредѣляетъ мѣсто Ур-Гара въ ряду государей династїи, помѣщая его послѣ Ка-азага.

Отъ времени Ур-Гара сохранилась еще одна только надпись, — на женской статуэткѣ *Découvertes en Chaldée, Partie épigraphique* p. LVIII. Первая колонна этой надписи отбита; вотъ двѣ остальныхъ:

II, 1	nam-til	за жизнь
	Ur-gar	Ур-Гара,
	pa-te-si	патеси
	Lagaš ^{ki} -ka-šú	Лагаша,
5	[Nin-gán-dú]	[Нин-гауду,]
III, 1	dumu Ur-*Ba-ú	Дочь Ур-Бау,
	pa-te-si	патеси
	Lagaš ^{ki} -ka-ge	Лагаша, —
	ù nam-til-la-ni-šú	и за свою жизнь
5	a-mu-na-ru.	посвятила.

Имя дочери Ур-Бау, — жены Наммахни и бабки жены Ур-Гара, — въ подлинникѣ тщательно стерто. Отъ патеси Ка-азага, тестя Ур-Гара, не сохранилось ни одной надписи¹; въ какомъ видѣ дошли до насъ документы Наммахни, я уже говорилъ. Кто-то преслѣдовалъ самую память объ этой вѣтви династїи, уничтожая имена Наммахни и Ка-азага и истребляя въ документахъ Ур-Гара то женское имя, на которое опиралось право Ур-Гара на престоль. Кто былъ гонителемъ? Отвѣтъ не кажется мнѣ невозможнымъ.

Три слѣдующихъ за Ур-Гаромъ патеси², — Лу-Гула, Лу-Бау и Ур-Мама, — правили по одному только году³. Власть переходить затѣмъ, — судя по палеографическимъ даннымъ, безъ всякаго промежутка, — въ руки Ур-Аббы⁴, патеси при царѣ Ур-Энгурѣ. Сыну Ур-Энгура, царю Дунги,

¹ Таблетки съ его именемъ: АО. 3310, АО. 3311 и АО. 3890. Таблетка Ур-Гара: АО. 3308. Таблетка Наммахни: АО. 3309.

² Шилейко, Вотивныя надписи, стр. XXVIII.

³ Таблетки съ ихъ именами: АО. 3328, АО. 4309 (*Nouvelles fouilles de Tello* p. 184), АО. 3327 и АО. 3306. Вотивная надпись Ур-Мамы: АО. 3284 (*Découvertes en Chaldée, Partie épigraphique* p. LVIII).

⁴ Thureau-Dangin, *Recueil de Tablettes Chaldéennes*, n^o n° 261—265 и 287.

III.

Неизданная надпись Дунги.

Фрагментъ votивной булавы изъ чернаго базальта, на которомъ вырѣзана эта надпись, — n° 5150 бывшаго собранія Голенищева, — принадлежитъ Московскому Музею Изыщныхъ Искусствъ; я привожу легенду по фотографическому снимку съ фрагмента.

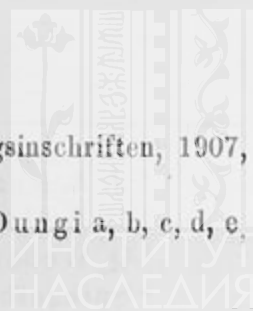
1	[*X]	[Богу X,]
	[lugal-a-ni]	[своему государю,]
	[nam-til]	[за жизнь]
	[*Dun-gi]	[Дунги,]
5	[nitaḥ KAL-ga]	[мощнаго мужа,]
	[lugal Urim ¹] ⁱ -ma	[царя Ур]а,
	lugal Ki-en-gi Ki-urí-ka-šú	царя Шумера и Аккада, —
	Ur-Mes	Ур-Месъ,
	dumu I-lam-lam-mu-ma-ge	сынъ Илам-ламмуы,
10	a-mu-na-gu	принесъ въ даръ.

Имя царя не сохранилось въ уцѣлѣвшихъ строкахъ фрагмента, но его легко возстановить. Цари второй династїи Ура дважды мѣняли свою титулатуру, — при основателѣ дома Ур-Энгурѣ, прибавившемъ къ титулу Ур-скаго царя¹ титулъ царь Шумера и Аккада², и при его сынѣ Дунги, во второй половинѣ своего правленія замѣнившимъ эти слова универсальнымъ царь четырехъ странъ свѣта³, удержаннымъ его преемниками. Палеографически позднѣйшая Ур-Энгур, надпись датируется первой половиной правленія Дунги. — Имя жертвователя булавы, Ur-Mes, представляетъ обычное сокращеніе полной формы Ur-*Mes-lam-ta-é-a; семитическое имя его отца (Iam-lammú-ma ср. Iam-išú, женск. Ea-išá, Мама-išá), встрѣчается здѣсь, сколько я знаю, впервые.

¹ F. Thureau-Dangin, Die Sumerischen und Akkadischen Königsinschriften, 1907, XX, A, Ur-engur a, b, f, h, n.

² Thureau-Dangin, SAKI XX A, Ur-engur c, d, e, g, i, k, l, m; Dungi a, b, c, d, e, f, h, i, k, l, m, n, p, w, a', b', c'.

³ Thureau-Dangin, SAKI XX A, Dungi g, o (?), s, t, y, c'.

IV.

Объ одной ханаанской поговоркѣ.

Риб-Адди библискій пишетъ фараону: eḳlija aššata ša lā muta mašil aššum bali irišim *мое поле подобно женѣ безъ мужа, затѣмъ что нѣтъ земледѣльца*¹. Какъ видѣли Д. Миллеръ² и О. Веберъ³, въ этой фразѣ заключена цитата поговорки: *жена безъ мужа подобна полю безъ пахаря*.

Невавилонское происхожденіе цитаты очевидно. Сравненіе жены съ воздѣланной землей обычно для классическаго Востока⁴, дальнѣйшее развитіе подобія, однако, необходимо зиждилось на нѣкоторыхъ данныхъ, всего естественнѣе—на омофоніи. Слова *жена* и *мужъ*, *земля* и *земледѣлецъ* созвучны только въ ханаанской группѣ семитическихъ языковъ: אִשָּׁה בְּלֹא אָדָם *жена безъ мужа, какъ поле безъ пахаря*, и этимъ рѣшается вопросъ объ оригинальномъ языкѣ поговорки.

Я думаю, что эта маленькая «притча» (מִשְׁלָל) была извѣстна автору второй главы Бытія. На протяженіи короткаго разсказа здѣсь использованы оба сочетанія: וְאָדָם אֵין לְעֹבֵד אֶת־הָאָדָמָה Бытія II 5, ср. Бытія II 6, и дальше: לְזֹאת יִקְרָא אִשָּׁה כִּי מֵאִישׁ לְקָהָהּ זֹאת Бытія II 23.

В. Шилейко.

¹ J. A. Knudtson, Die El-Amarna Tafeln n^o n° 74 17-19, 75 15-17, 81 37-38, 90 42-44.

² D. H. Müller, Semitica I S. 30 ff.

³ O. Weber, Die Literatur der Babylonier und Assyrer, 1907, S. XVI, 307.

⁴ Spiegelberg, Der alte Orient VIII n° 2 S. 30.

Персидскія народныя четверостишія.

II.

Персидскія народныя четверостишія, какъ уже было указано¹, представляютъ особую форму народной поэзіи и выдѣлены поэтому въ особую группу среди матеріаловъ по народному творчеству Персіи, собранныхъ мною въ 1912—1914 гг.

Четверостишія эти записаны были мною въ 1913 и 1914 гг. въ центральной и южной Персіи, въ различныхъ пунктахъ послѣдней, которые приводятся вмѣстѣ съ датой записи подъ каждымъ четверостишіемъ. Четверостишія расположены въ алфавитномъ порядкѣ конечныхъ буквъ рима, въ предѣлахъ-же одинаковой конечной буквы рима четверостишія расположены въ алфавитномъ порядкѣ начальныхъ буквъ каждаго.

1/ Äǵár mǘrdum² guzǘrǘnum³ sǎre rǘ Сезǘ ву нǘсезǘ бǎr māi zǎpǎd pǘ
Jékǘ gǘjǎd ke ĩn gǘre karǘbǎ⁴ Jékǘ gǘjǎd ke dǘb āz jǘr dǘrǎ⁵

سزا و ناسزا بر من زند پسا اگر مُردم گزاریتم سر را
یکی گوید که داغ از یار داره یکی گوید که این گور غریبه

Если я умру, меня похороните при дорогѣ,
Достойный и недостойный пройдутъ надо мною;
Одинъ скажетъ — это могила пришлеца,
Другой молвить: страданье отъ друга онъ имѣеть.

Свендъ — Шпразъ 1914.

¹ ЗВО, XXIII, стр. 313 сл.

² v. mǘrdǎm. ³ v. III. guzǘrǘnǎm (діалект.) = مرا بگذارید.

⁴ v. C. karǘbǎn, zǎmǘnǎn = زمين است; غريب است; v. III. ke zǎxm āz mǘr dǘrǎ. ⁵ v. III. ke kǘm āz dǘl nǎdǘdǘ.

- 2/ Бебáндám шóл бiáндóзám кадáкрó Беғáрдám дóуре дунјóје Фáлáкрó
Беғáрдám тó бiбiнám чáнiме зóрi Бúшýрám һáр дý дáсте бiнámáкрó
بببندم شال بياندازم قردكرا بگردم دور دنياي فلڪرا
بگردم تا ببينم چشم زاري بشورم هر دو دست ببينمڪرا
Повяжу я (поясную) шаль, наброшу на плечи «кабá»¹ изъ «кадака»²,
Поскитаюсь я по свѣту и по мiру;
Поскитаюсь, чтобы повидать заплаканныя очи,
Умою обѣ руки не извѣдавшiя соли³.

Ширазь 1914.

- 3/ Бесóзám рýје хýд мán iн зámýпрó Бусýзýнám дiле нiр у цáвýнрó
Бесóзám чiне зýфáм halká halká Бiјóрám дáр kámáндám óшiкýнрó
بسازم روی خود من اين زمانرا بسوزانم دل پير و جوانرا
بسازم چين زلفم حلقه حلقه بيارم در كمندم عاشقانرا
Разукрашу я свое лицо въ настоящее время,
Сожгу сердце старца и юноши;
Завью кудряшки локоновъ своихъ колечками,
Завлеку въ петлю аркана своего влюбленныхъ.

Ширазь 1914.

- 4/ Буlándi мiзáném бéшноу сáдóрó Сáге Leilí негiред óшенóрó
Сáге Leilí бе мó óшнó нэмiшэд Нэкуи ваквáк ке iн соудó нэмiшэд
سگ ليلي نگيرد آشنارا بلندي ميزنم بشنو صدا را
نکن وقوق كه اين سودا نميشد سگ ليلي به ما آشنا نميشد
Я громко кричу — прислушайся къ крику,
Собака Лейли не нападетъ на знакомаго;
Собака Лейли съ нами знакома не станетъ,
Не лай, вѣдь это дѣло не выгорить.

Ездъ 1913.

¹ Верхняя мужская одежда — родъ кафтана безъ воротника, съ открытой грудью.

² Тонкая матерiя разныхъ цвѣтовъ, которую ткали въ Ездѣ, родъ сатина.

³ т. е. я всегда встрѣчалъ со стороны людей одну лишь неблагодарность (дáстám бiнámáк шуд) и поэтому перестану имѣть съ ними дѣло.

Скажи: «возлюбленная, молитву о тебѣ я сообщаю —
Въ равнинѣ Касре Дашта¹ умерь я отъ стужи».

Сивендъ — Кенәрэ 1914.

7] Dīlām mīxōd begīrām Mōhgyūrō Hāmūn chāīmō durūīnt y xūshgelūrō
Hāmūn duxṭū ke dōbrād xōle nīkū Dīlōrōm y kashānc y makbūlūrō
همان چشمها دُرُشت و خوشگلورا دلم میخواد بگیرم ماهگلورا
دلارام و قشنگ و مقبولورا همان دختو که دارد خال نیکو
Сѣрдце мое желаетъ, чтобы я взялъ Māhгуль,
Ту самую большеглазую и красивую;
Ту самую дѣвушку, которая имѣетъ прелестную родинку,
(Дѣвушку) сердце успокаивающую, прекрасную и милостивую.

Керманъ 1913.

8] Zemestūn bōdāst y bārḡāst y Tūvestūn oṭēshe gārmāst y gārmō
sārmō
Че хūш бōшād боhōр y еид y Ке hār цō mīrāsī gūjēn бѣfārmō
ноурūз
تاوستان آتش گرمست و گرما زمستان بادست و برفست و سرما
که هر جا میرسی گویند بفرما چه خوش باشد بهار و عید و نوروز
Зимою — вѣтеръ, снѣгъ и холодъ,
Лѣтомъ — горячій зной и жара;
Какъ хорошо бываетъ весною и въ праздникъ «ноуруза»:
Всюду куда ни придеши — говорятъ «пожалуйста»!

Ездъ 1913.

9] *Саhарgōhī rāsīдем дār Хурāmшō Бедідем духтārī kārдем тāmōшō
Бегūфтем духтерекъ бусі бе мō деh Бегūфт еі бīhājō jōрем аз īncō

котораго (Пүзэ Туфāncīчi) лежатъ развалины Персеполя. Въ этомъ южномъ выступѣ высѣчена площадка, отъ которой вверхъ и внизъ идутъ двѣ высѣченныхъ въ скалѣ лѣстницы. См. Мухаммадъ Насіръ Фурсати Хусейнi-и-Шīрāzī. Āsār-i-Adjām. Бомбей. 1312, стр. 240 — 241.

¹ Касре Даштъ (قصر الدشت — замокъ равнины) находится въ булюкѣ Кемйна (Фāрс-нāмэ, II, 260) въ разстоянiи около 2 фарс. отъ Калīлака, центра булюка, въ 3 фарс. отъ Сивенда и въ фарс. 14 къ с.-в. отъ Шīраза. Названіе свое эта деревня получила отъ развалинъ кирпичнаго зданiя (قصر), строителемъ котораго мѣстное преданіе считаетъ Баhрама Гūра, поселившаго въ немъ одну изъ своихъ красавицъ — царевенъ.

سحرگاہی رسیدم در خرّمشا بدیدم دخترى کردم تماشا
 بگفتم دخترک بوسى به ما ده بگفت ای بیحیا یارم از اینجا

Однажды на зарѣ пришелъ я въ Хуррамшāхъ¹,
 Увидѣлъ одну дѣвушку, залюбовался (ею);
 Сказалъ я: дѣвонька, одинъ поцѣлуй намъ дай;
 «Эй, безстыжій, (вѣдь) другъ мой здѣсь (поблизости)», молвила она.

Ездъ 1913.

10] Gūle махмāl² māzān tū pō бе дārjō Māxūr бусте берōје мōле дунjō
 Māxūr бусте ке мārđūm мōле Черōбе кās nāsūzād tō бе фārđō
 дōrān³

مخور غصه برای مال دنیا گل محمل مزن تو پا به دریا
 مخور غصه که مردم مال دارند چراغ کس نسوزد تا به فردا

Цвѣтикъ амаранта, не старайся понапрасну,
 Не тоскуй по богатствамъ свѣта;
 Не тоскуй (о томъ), что люди богатства имѣютъ,
 Ничей свѣтильникъ не горитъ до завтрашняго дня.

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

11] Lābāt канд у доhōnāt шīr у хурмō Tū ва'деје чīvīn бār мō nāfārmō
 Āfār ке ва'деhōt hāmē чīvīnen Kenōre ва'деqōt мурдум зе сārмō
 تو وعده چنين بر ما نفرما لب ت قند و دهانت شیر و خرما
 کنار وعدهات همه چنينند اگر که وعدهات همه چنينند

¹ Деревня въ 2 фарс. къ з. отъ Езда, на пути въ Тафтъ, населенная гебрами.

* v. всего четверостишія:

Саhālgōhī rāsīdām бōбе пестге Бедідām духтāру ūnqō nīshāstē
 Бегуфтām духтāру jāi бūs бе мō deh Бегуфт ei бīhājō jōrām nīshāstē

Однажды на зарѣ пришелъ я въ садъ фисташковыхъ деревь,
 Увидѣлъ (ту) дѣвушку усѣвшуюся тамъ;
 Сказалъ я: «дѣвушка, одинъ поцѣлуй намъ дай»,—
 Сказала она: «эй безстыжій—(вѣдь) другъ мой (здѣсь) сидитъ».

² Gomphrena globosa, globe amaranth.

³ v. III. первыхъ трехъ стиховъ:

Берōдār tū māshīn бār рjе дārjō
 Бāfō бār кās nādōrād мōле дунjō
 Берōдār вам māxūr шūкре худō кун

Братъ, ты не садись на поверхность моря,
 Вѣрности никому не соблюдаетъ богатство міра;
 Братъ, не тоскуй, возблагодари Бога

Губы твои (какъ) сахаръ, а ротъ твой (какъ) молоко съ финниками,
Ты такое обѣщаніе намъ не пзволь давать;
Если-же твои обѣщанія всѣ таковы,
У края обѣщаній твоихъ умру я отъ холода.

Исфаганъ (бахтіяр.) 1913.

- 12/ *Muscālmōwūn bēbīnīd tōlī' mōrō* *Ke emšāb mībārān ahvōle mōrō*
Ke emšāb mībārān ābdāsh bēbāndān *Pārīshūn mīshāvād ahvōle mōrō*
 که امشب میبرند احوالِ مارا مسلمانان ببینید طالعِ مارا
 پریشان میشود احوالِ مارا که امشب میبرند عقش ببندند
 Мусульмане, возрите на нашу звѣзду (счастья) —
 Сегодня ночью уведутъ наше счастье;
 Сегодня ночью уведутъ (и) замужъ ее выдаютъ, —
 Тревожнымъ станетъ наше настроеніе.

Ширазъ 1914.

- 13/ *Héje shīshūr kāmār bāsté be shīn qō* *Mījūne bshīkūn y shōuke ra'nō*
Hār ūnkās ke zebūne nei bēdūnā *Héje shīshūr mīgūjād lōm āléf lō*
 میان عاشقان و شوقِ رعنا نی ششبر کمر بسته به شش جا
 نی ششبر میگوبد لام الف لا هر آنکس که زبانِ نی بدانه
 Тростникъ шестинадрѣзный¹, опоясанный въ шести мѣстахъ²,
 Между влюбленными и страстью къ прелестницѣ;
 Всякій тотъ, кто языкъ тростника познаетъ,
 (Услышитъ, что) тростникъ шестинадрѣзный говорятъ: «лямъ алефъ-ля»³.

Керманъ 1913.

- 14/ *Véle kōlīchebōfum dāss mārīzō* **Hārīre sīnesōfum dāss mārīzō*
Tū ke kaichī zānī bō rūje kōlī ***Mījūne pāncé vu shāssāt mārīzō*
 حریرِ سینہ صافم دستِ مریرا ولِ قالیچہ بافم دستِ مریرا
 میان پنجه و شستتِ مریرا تو که قیچی زنی با رویِ قالی

¹ т. е. съ шестью междоузліями.

² т. е. перетянутый въ мѣстахъ междоузлій зех'омъ — тонкой бычачьей жилкой.

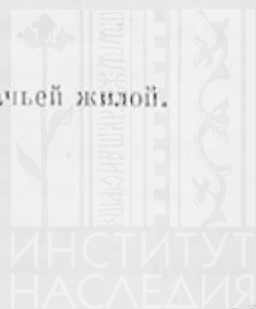
³ т. е. по-арабски «нѣтъ» — отрицательный отвѣтъ прелестницы.

* в. Кен.: *Dūwōré bōrikāllo dāss mārīzō.*

Вторично молодець ты! да будетъ тебѣ благо!

** в. Кен.: *Būlōme zārharīdum dāss mārīzō.*

Я златомъ купленный рабъ (твой), да будетъ тебѣ благо!

Цвѣтикъ мой ткущій коверъ, да будетъ тебѣ благо¹!
 Шелкъ мой гладкогрудый, да будетъ тебѣ благо!
 Ты пожницами подстригаешь поверхность ковра,
 Между ладонью и большимъ пальцемъ твоимъ да будетъ тебѣ благо!

Сивендъ — Кенāрā 1914.

15] Bēlām dār ġārmesīl ūmād be bōlō Rīkōbāsh nukrē vu zīnāsh mīnallō
 Бурбӯ тӯ ѳбе сārphād нēше цӯн² кун Bēlām рāфт у мārō ѳтеш бе цӯн мӯнд
 ركبش نقره و زينش منلا ولم در گرمسيل آمد به بالا
 ولم رفت و مرا آتش به جان موند برو تو اب سرحد نش جان کن

Цвѣтикъ мой въ ġārmesīr³ взобрался на верхъ,
 Стремя у нея изъ серебра, а сѣдло ея...
 Стунай, ты, воду сārphād⁴ выпей на здоровье,
 Цвѣтикъ мой ушелъ, и у меня на душѣ огонь (страданія) остался.

Ширазъ 1914.

16] *Ālō mōhe buḷān mehmunām emshāb Gedō būdām vēlī suḷtūnām emshāb
 Хābār bār mōdāre pīrām rāsūnīd Ke dur rō bār sadāf mīnshūnām emshāb
 گدا بودم ولی سلطانم امشب الا ماه بُلند مهمانم امشب
 که در را بر صدف می‌نشانم امشب خبر بر مادر پیرم رسانید

¹ dāss mārīzō, въ правильной формѣ دست میرزا, значить: да не разсыпется, да не истлѣетъ твоя рука! — формула одобренія и благопожеланія.

² = دوش جان.

³ Ġārmesīr (множ. ч. ġārmesīrōt) — мѣстности по побережью Персидскаго залива, отличающіяся жаркимъ климатомъ, куда перекочевываютъ племена Фарса съ наступленіемъ первыхъ осеннихъ холодовъ; тур. кышлак.

⁴ Sārphād (множ. ч. sārphādōt), иначе sārdesīr — мѣстности, расположенныя высоко надъ уровнемъ моря, на склонахъ горныхъ хребтовъ и въ горныхъ долинахъ, отличающіяся умѣреннымъ климатомъ, обиліемъ растительности, вкусной родниковой водой, зимой-же сильными холодами и большимъ количествомъ осадковъ, когда дороги въ этихъ мѣстностяхъ становятся непроходимыми изъ-за массы снѣга. Сюда перекочевываютъ весной изъ ġārmesīra кочевья племена Фарса; тур. jaiлак.

* в. III. всего четверостишія:

Біјō сārве чāmān mehmunām emshāb Ġādō būdām vālī suḷtūnām emshāb
 Бе дāсте нōзукāt бōлчē бēндоз Ke tō dur dār sadāf benshūnām emshāb

Приди, кипарисъ (растущій) на лужайкѣ — я въ гостяхъ сегодня ночью;
 Нищимъ былъ я, но царь я сегодня ночью;
 Рукою нѣжною своей коверъ ты разстели, —
 Чтобы жемчужину въ раковину всадилъ я сегодня ночью.

Эй высокій мѣсяць, — я въ гостяхъ сегодня ночью,
 Нищимъ былъ я, но царь я сегодня ночью;
 Вѣсть престарѣлой матери моей вы сообщите,
 Что жемчужину въ раковину всажу я сегодня ночью.

Керманъ 1913.

17] Біјо сокъі ке меһмун дора́м умша́б На́ та́мбоку́ на́ калжу́н дора́м умша́б
 Худат а́рре бу́бурри́ ті́зе цунум Худат ша́мши́р ба́р до́ри ба́нде цунум

نه تنباکو نه قليان دارم امشب بيا ساقی که مهمان دارم امشب
 خودت شمشیر بر داری بند جانم خودت ازه بُبُری تیز جانم

Прійди, кравчій, гостя имѣю я сегодня ночью;
 Ни табаку, ни кальяна не имѣю я сегодня ночью;
 Самъ ты пилой распили быстро мою душу,
 Самъ ты мечъ подними на связки моей души.

Ширазь 1914.

18] Сеторе́ осемун мшмора́м емша́б¹ Бе бо́лнум ма́жо² бшмора́м³ емша́б¹
 *Бе бо́лнум ма́жо³ хобе ху́ши кун Тамуме душману́н бшдора́н емша́б¹

به بالينم مييا بيمارم امشب ستاره آسمان ميشمارم امشب
 تمام دشمنان بيدارند امشب به بالينم مييا خواب خوشی کن

¹ v. И. емшóу. ² v. К. біјо́. ³ v. И. Е. К. та́б дора́м.

* vv. второй половины четверостишія:

И. Беро́у бо́ ра́хте хобе ху́д бе́куп ноб Тамум һамсodeгун бшдоре́н емшóу

Ступай, на постели своей ты повѣжься, —
 (Вѣдь) всѣ сосѣди бодрствуютъ сегодня ночью.

Е. Бе бо́лнәм ма́жо та́бдор мшш Гиріфто́ре та́бе бшпир мшш

Къ изголовью моему не подходи, — одержимымъ лихорадкой станешь,
 Плѣнникомъ жестокой лихорадки станешь.

К. Ке мшдүза́м че́ме мшбу́те мшкш Бе бо́лнәм мшжод жора́м емша́б

Сошью я сапоги изъ чернаго сукна, —
 Къ изголовью моему придетъ мой другъ сегодня ночью.

v. Е. всего четверостишія:

Сеторе́ осемун мшмора́м емша́б Гедо́ буда́м велі султoна́м емша́б
 Саһарго́ цо́же ма́н ма́стoне́ бeндoз Ке по́банде гу́ле бшхора́м емша́б

Звѣзды небесныя считаю я сегодня ночью,
 Нищимъ былъ я, но царь я сегодня ночью;
 На зарѣ постель для меня упонтельно приготовь —
 Во власти розы безъ шиповъ я сегодня ночью.

Звѣзды небесныя считаю я сегодня ночью,
 Къ изголовью моему не подходи—я боленъ сегодня ночью;
 Къ изголовью моему не подходи, засни сладкимъ сномъ,
 Все враги (мой) бодрствуютъ сегодня ночью.

Исфаганъ (бахт.) — Ездъ — Керманъ 1913.
 Ширазъ 1914.

19] Саре куне булан меһмунам емшаб Надорам хуне ву веіунам емшаб
 Біјо ділбар маро меһмуне худ кун Бе зіре һар дү лаб дандуне худ кун

ندارم خانه و ویلانم امشب سر کوه بلند مهمانم امشب
 به زیر هر دولاب دندان خود کن بیما دلبر مرا مهمان خود کن

На вершинѣ высокой горы я въ гостяхъ сегодня ночью —
 Не имѣю дома и скитаюсь сегодня ночью;
 Прийди, красавица, меня гостемъ своимъ сдѣлай,
 Подъ обѣими губами (меня) зубами своими сдѣлай!

Исфаганъ 1913.

20] Саворе аспе хоіохіам емшаб Гулоб бар зуіфе вел пошонам емшаб
 Бе дасте нозукат болче мандоз Ке меһмуне парірухсорам емшаб

گلاب بر زلفِ ول پاشانم امشب سوار اسپ خالخالم امشب
 که مهمان پریرخسارم امشب به دست نازکت غالیچه مندار

Всадникомъ на пѣгомъ конѣ я нынѣшней ночью,
 Розовую воду на кудри цвѣтика лью я нынѣшней ночью;
 Рукою нѣжною своей ты коврикъ не стели,
 Въ гостяхъ у красавицы съ ланитами пери я нынѣшней ночью.

Ширазъ 1914.

21] Шабі ке бѳ тѳ будам јѳд¹ аз ѳн шаб Шабі ке бѳ тѳ будам дѳд аз ѳн шаб
 Шабі ке Leilí jáz² Мацнун³ цедѳ⁴ Фубѳн у нѳлѳ⁶ ву фарјѳд аз ѳн шаб
 шуд⁵

شبی که بی تو بودم داد از آن شب شبی که با تو بودم یاد از آن شب
 فغان و ناله و فریاد از آن شب شبی که لیلی از مجنون جدا شد

¹ v. Ш. օհ. ² v. Ш. бѳ. ³ v. Ш. Нәцмѳн (тахаллусъ народного поэта изъ Фарса).
⁴ v. Ш. севѳ. ⁵ v. Ш. гәйт. ⁶ v. Ш. һезѳрун нѳлѳ.

Та ночь, когда съ тобой я былъ—(сколько) воспоминаній отъ той ночи!
 Та ночь, когда безъ тебя я былъ, — (сколько) жалобъ отъ той ночи!
 Та ночь, когда Лейли съ Меджнӯномъ разлучилась —
 (Сколько) жалобныхъ криковъ, стенаній и воплей отъ той ночи!

Кенәрэ — Ширазъ 1914.

22] Bělām dāsse henōī dorād umšāb Be pō káпше máшōī dorād umšāb
 Шáбе éйдán vélām хеирóте бáхчин Дíлám méile гáдōī dorād umšāb
 به پا كپش مشائى دارد أمشب ولم دست دنائى دارد أمشب
 دلّم مَیلِ گدائى دارد أمشب شب عیدرن ولم خیرات بَخچین

Цвѣтикъ мой руки въ хеннѣ имѣеть сегодня ночью,
 На ногахъ туфли съ узкимъ перехватомъ имѣеть сегодня ночью;
 Ночь подъ праздникъ — цвѣтикъ мой раздаеть мплостыню,
 Сердце мое склонность къ нищенству имѣеть сегодня ночью.

Ширазъ 1914.

23] Āgār jóre máro dídī be хálvát Бугú еі бівáфó ву бімуруввáт
 Тū ке рáфтī пáгúфтī чūн кунáм мán Чі чорé бáр діе пур хūн кунáм мán
 بگو ای بیوفا و بیمرۆت اگر یار مرا دیری به خلوت
 چه چاره بر دل پر خون کنم من تو که رفتی نگفتی چون کنم من

Если друга моего ты увидишь наединѣ,
 Скажи (ему): о вѣроломный и безчеловѣчный!
 Ты вѣдь ушелъ (п) не сказалъ, какъ мнѣ поступить,
 Какъ мнѣ помочь сердцу истекающему кровью?

Керманъ 1913.

24] Ālō духтáр бенóзám hoуц у мóуцáт Гулūбáнде телó бō цу́фте цóузáт
 Āgār чáрхе фáлáк бáр мō пáхáндáд Hámеш бōзí купáм бáр кúнце hóузáт
 گلوبند طلا بسا جفت جوت الا دختر بنازم هوج و موجت
 همش بازی کنم بر گنج حوضت اگر چرخ فلک بر ما نخندد

Эй дѣвушка, я возгоржусь миловидностью твоей,
 Ожерельемъ золотымъ съ парой грудей твоихъ;

Если небосводъ надъ нами не посмѣется,
Я постоянно забавляться буду въ уголкѣ водоема твоего¹.

Керманъ 1913.

25] Ālō духтáр тū дōи́ jу худōжет Ке мán ōshík шудám бár чōр цōжет
Āvvāl lāb у дувум дāндūн сеjум Ке чōрум хōlehōje пуште пōжет
чāи́м

الا دختر تو دانی و خدایت که من عاشق شدم بر چار چایت
اول لب و دُوم دندان سیم چشم که چارم خالهای پشتِ پایت

Эй дѣвушка, ты знаешь, и Богъ твой (знаетъ),
Что я влюбился въ четыре мѣста (у) тебя:
Первое — губы, второе — зубы, третье — глаза,
А четвертое — родинки на подъемѣ твоей ноги.

Ездъ 1913.

26] Bédeh búsi äz in zîre demōbat Ке мán мīрám бе діl мīmūnā дōбат
Ке мán мīрám бījōjám jō vājōjám Зе мурбūне hāvō гīрám сурōбат

بده بوسی از این زیر دماغت که من میرم به دل میمانه داغت
که من میرم بیایم یا نیایم ز مرغان هوا گیرم سراغت

Дай поцѣлуй одинъ въ ямочку подъ носикомъ твоимъ,
Я вѣдь ухожу — на сердцѣ (у меня) останется страданіе по тебѣ;
Я вѣдь ухожу — прійду иль не прійду —
У птицъ небесныхъ я справлюсь о тебѣ.

Керманъ 1913.

27] Беродáр пуи́т берōдáрзōде hám Дірáхте бī берōдáр кеi куnád руи́т
пуи́т

Дірáхте бō берōдáр kāңgé kāңgé Дірáхте бī берōдáр рīше äш хуи́к

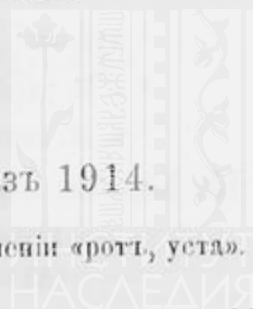
درخت بی برادر کی کند رُشت برادر پشت برادرزاده هم پشت
درخت بی برادر ریشه اش خشک درخت با برادر کنگه کنگه

Братъ есть сильная опора, племянникъ — также есть опора,
Дерево безъ брата² когда даетъ ростъ?
Дерево съ братомъ (даетъ) много вѣтвей,
Дерево безъ брата — корень его сухой.

Ширазъ 1914.

¹ т. е. я постоянно буду цѣловаться съ тобой; ноуз—здѣсь въ значеніи «ротъ, уста».

² т. е. садовника.

28/ Боһор ūmād ке духтәрһо́ шудән Ке һәр кәс пүле дорәд мидәһән дәст
мәст

Мәне бичорé ке пүл¹ нәдөйтәм Lāgād zād ке ценобе синам ешкәст

بهار آمد که دخترها شدند مست که هر کس پول دارد میدهند دست
من بیچاره که پولی نداشتم لگدر زد که جناغ سینم اشکست

Весна наступила, и дѣвушки опьянѣли,

Всякому, кто деньги имѣетъ, онѣ отдаются;

Я несчастный ни гроша не имѣлъ, —

Пивкомъ ударила она (меня такъ), что кость груди моей сломалась.

Керманъ 1913.

29/ Бе курбуне туфәңге пур жаро́кат Бе курбуне дү зулфуне сижо́һәт²
*Ке һәр бөб мәрәвәм³ сәилә нәдорәд Ту ке рәфтї ју мән мүрдәм феро́кат

به قربان ننگ پُریراقت که هر باغ میروی سیلی ندارد
به قربان دو زلفان سیاهت تو که رفتی و من مردم فراق

Пусть жертвою я стану ружья вполне снаряженного твоего,

Пусть жертвою я стану двухъ черныхъ локоновъ твоихъ;

Въ какой-бы садъ я ни пошелъ — онъ не имѣетъ (прїятнаго) зрѣлица,

Ты вѣдь ушелъ, а я умеръ отъ разлуки съ тобой.

Исфаганъ — Ездъ 1913.

30/ Бе курбуне дү чаһиме пур җазо́ләт Ägär куһте шудәм хунәм һало́ләт
Ägär куһте шудәм кәрбәм бәбән- Бе рүје синеје пур хатт у хо́ләт
дїд

به قربان دو چشم پُریغزالت اگر کشته شدم خونم حلالت
اگر کشته شدم قبریم ببندید به روی سینۀ پُریخط و خالت

Пусть жертвою я стану двухъ глазъ твоихъ точь въ точь какъ у газели,

Если убить я буду — кровь моя не запретна для тебя;

¹ пүл = 1/2 шаһи, мѣдная монета, равная 25 динарамъ, вѣсомъ въ 2 1/2 грамма.

² v. E. жаро́кат. ³ v. И. мәрәвї.

* v. И. двухъ послѣднихъ стиховъ:

Ке һәр бөб мәрәвї lölé гузорәм Бе зїре lölehó сїбї гузорәм —

Въ какой-бы садъ ты не пошелъ — тюльпаны (тамъ) я посажу,

(А) подъ тюльпанами одно яблоко я положу.

Если убитъ я буду — могилу мою устройте
На груди твоей всей въ рисункахъ и родинкахъ.

Ширазь 1914.

31/ Бе курбуне дӯ чаи́ме сурмеризат Сухіле Муштәри һәр дӯ канізат
Āġār jāk būsēi dāstām biġrī Нәбіні дѳе фәрзәнде азизат

سهيل و مُشتری هر دو كنيزت به قربان دو چشم سرمه ريزت
نهميني داغ فرزند عزيزت اگر يك بوسه دستم بگيري

Пусть жертвою я стану двухъ глазъ твоихъ сыплющихъ сурьму,
Канопусъ и Юпитеръ — оба прислужницы твои;
Если однимъ (только) поцѣлуемъ ты мнѣ поддержку окажешь,
Да не увидишь ты страданія по дорогомъ своемъ ребенкѣ¹.

Ширазь 1914.

32/ Бе курбуне дӯ чаи́ме ма́ссе ма́ссат Тӯ кылу́н² чѳк ма́куи мисӯзәд
дәссәт³

Тӯ кылу́н² чѳк ма́куи аз мѳ һарӯман⁴ Ке мән чѳк микунәм мидәм бе дәс-
сәт⁵

تو قليان چاق مکن ميسوزد دستت به قربان دو چشم مست مست
که من چاق ميکنم ميدم به دستت تو قليان چاق مکن از ما درومن

Пусть жертвою я стану двухъ хмельныхъ глазъ твоихъ,
Ты кальяна не начиняй — обожгутся твои руки;
Ты кальяна не начиняй, для насъ онъ запрещенъ —
Я самъ начиню (его) (и) дамъ тебѣ въ руки.

Ширазь 1914.

33/ Бе курбуне дӯ чаи́муне Һазѳләг Херѳмун сѳз сәлве рѳсетуирѳ
Херѳмун сѳз сәлве рѳсетуирѳ

خرامان ساخته با يك نگاهت به قربان دو چشم غزالت
به سر سايه فكن ابن دل غيبرا خرامان ساز سلو راستانرا

¹ т. е.: Клянусь, что ты не увидишь своего дорогого ребенка мертвымъ.

² v. kailūn. ³ v. шәссәт. ⁴ v. һарӯмә. ⁵ Ср. ЗВО, т. XXIII, стр. 42, № 7.

⁶ v. һигѳрәт.

Пусть жертвою я стану двухъ глазъ твоихъ (какъ у) газели,
(Смотрящаго на тебя) стройно качающимся ты сдѣлала однимъ твоимъ
Стройно качающимися сдѣлай прямые кипарисы, [взглядомъ;
Тѣнь брось на голову этого скорбнаго сердцемъ¹.

Ширазь 1914.

34/ Бе курбуне дӯ зу́лфе ч́не ч́нәт *Ä́är kōfār beš́i mījōm be d́nät
Ä́är tūxmī šev́i sahrō benōšām Mīšām ōb u mījōm ruje zemínät
اگر کافر بشی میام به دینت به قربان دو زلف چین چینت
میشم آب و میام روی زمینت اگر نخسی شوی صحرا بپاشم
Пусть жертвою я сдѣлаюсь двухъ локоновъ твоихъ кудрявыхъ,
Если невѣрующей ты станешь — я перейду въ твою вѣру;
Если сѣменемъ ты станешь — въ полѣ (тебя) посѣю я,
Сдѣлаюсь водою я и потеку на твою землю.

Исфаганъ — Ширазь 1914.

35/ Бе курбуне дәһуне тәңге тәңгет Бе курбуне дӯ чәшмуне кашәңгет
Бе курбуне дӯ пәнң пәнңе булүрīg Ke häp dām mīkupí tīmōre räңгет
به قربان دهان تنگ تنگت به قربان دو چشمان قشنگت
که هر دم میکنی تیمار رنگت به قربان دو پنج پنج بلوریت
Пусть жертвою я стану ротика маленькаго твоего,
Пусть жертвою я стану двухъ глазъ прекрасныхъ твоихъ;
Пусть жертвою я стану двухъ ладошекъ хрустальныхъ твоихъ —
Ты каждое мгновение заботишься о краскѣ на лицѣ твоемъ.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

36/ Бе курбуне сәре зу́лфе sijōhät Hälökām kārdeī äz jāk nigōhät
Бе уммиді кәзін күчә бижо́и Дӯ чәшмунум интизōр мӯндә зе рōhät

¹ т. е. утѣшь его.

* v. III. 2 — 4 стиховъ:

Be häp millät rävi ōjām be d́nät
Be häp millät rävi hōsyıl nārūjäd
Šävām abr u bebōrām bär zämínät

Въ какую-бы религіозную общину ты ни вступишь — я перейду въ твою вѣру;
Въ какую-бы религіозную общину ты ни вступишь — урожай не вырастетъ,
Я стану облакомъ и прольюсь дождемъ на твою землю.

به قربان سر زلف سیاهت هلاکم کرده از یک نگاهت
به آمیدی کزین کوچه بیایی دو چشماتم انتظار مانده ز راهت

Пусть жертвою я стану кончика черныхъ локоновъ твоихъ,
Погубила ты меня однимъ взглядомъ твоимъ;
Въ той надеждѣ, что по этой улицѣ прійдешь ты,
Два глаза мои въ ожиданіи остались (устреmlенными) на дорогу твою.

Ширазъ 1914.

37] Bijó ásne kyzı́l būsám rı́kóbát Sád u pánçó tūmán dódám bohójat
Be díl şódám ke árzúnát xáridám Zemestún ūmád u xéirat nádidám

صد و پنجا تومن دادم بهایت بیایا اسپ قیزل بنوسم رکابت
زمستان آمد و خیرت ندیدم به دل شادم که ارزانت خریدم

Прійди, (мой) конь поцѣлую твоє стремя,
Сто пятьдесятъ тумановъ далъ я (какъ) цѣну тебѣ;
Въ сердцѣ радостенъ я, что дешево тебя купилъ я,
Зима пришла, и добра отъ тебя не видалъ я.

Ширазъ 1914.

38] Bijó¹ духtár² be çúne ják³ берórat Mákásh⁴ сурме be⁵ çáimúne хумórat
*Mákásh⁴ сурме ke бi сурме ráshídí **Kábóbám⁶ kárdí⁷ ju síxám káshídí

مکش سُرْمه به چشمان خُارت بیایا دختر به جان یک برارت
کبابم کردی و سیخم کشیدی مکش سُرْمه که بی سُرْمه رشیدی

Прійди, дѣвушка, (заклинаю тебя) душой одного брата твоего,
Не наводи сурьмы на глаза хмельные твои;
Не наводи сурьмы, вѣдь безъ сурьмы ты отважна —
Жаркимъ ты сдѣлала меня и на вертелъ нанизала.

Исфганъ — Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

¹ v. K. Ālō; Ш. Бурóу. ² v. И. xohár. ³ v. Ш. dū, çor.

⁴ v. И. Békásh; K. Ш. Mákun. ⁵ v. И. be in çáime; K. bār in çáimó;
Ш. ke çáimúnát хумórat (خماریست). ⁶ v. Ш. Hälókám. ⁷ v. Ш. kárdéi.

* v. K. второй половины четверостишія:

Āgár сурме kuní çün mısétúní Mákun сурме ke бi сурме çávúní

Если сурьму наведешь — душу ты возьмешь,
Не наводи сурьмы, вѣдь безъ сурьмы ты молода.

** v. Ш. Āgár сурме kuní xúnám bîrízí

Если сурьму наведешь — кровь мою прольешь.

39/ *Bijō духтār gūle bōbat cāvūnāst Hāmēsh surx u safīde aḡravūnāst
 Шāfōkāg kун gūle bōbat be dīvār Ke fārdō pīше mōlīk¹ tārcūmūnāst²
 همیشه سرخ و سفید آغرونیست بیبا دختر گل باغت جوانست
 که فردا پیش مالک ترجانست شفاقت کن گل باغت به دلور

Прійди, дѣвушка, цвѣты сада твоего молоды,
 Всѣ они красные, бѣлые и багряные;
 Смилуйся и подари розу сада твоего возлюбленной,
 Вѣдь завтра предъ владѣльцемъ (сада) нужно дать отчетъ.

Ширазь 1914.

40/ Bijō mūrḡe safīde kām muhabbāt Mārō vel kārdī ju rāftī be ḡurbāt
 Be ḡurbāt rāftī ju héifāt najūmād Nāgūftī bār sāre jōrām cē ūmād
 مرا ول کردی و رفتی به غربت بیبا مرغ سفید کم محبت
 نگفتی بر سر یارم چه آمد به غربت رفتی و حیفت نیامد

Прійди, птица бѣлая мало благосклонная,
 Меня ты покинула и улетѣла на чужбину;
 На чужбину улетѣла ты и жаль тебѣ (меня) не стало,
 (И) не сказала ты: «надъ головою друга моего что разразилось?».

Ширазь 1914.

41/ Tū ke bōlōje būnī guī be cōjāt Nādōrām zār bīrīzām pīше pōjāt
 Telō vu nuḡrēī kūrbi nādōrād Sāre cūnām fedōje xōke pōjāt
 ندارم زر بریزم پیش پایت تو که بالای بونی گل به جایت
 سر جانم فدای خاک پایت طلا و نقره قُربی ندارد

Ты на крышѣ, розы на мѣстѣ твоємъ,
 Я не имѣю золота, дабы сыпнуть (его) къ ногамъ твоимъ;
 Золото и серебро цѣнности какой-либо не имѣютъ —
 Голова и душа моя (да будутъ) жертвою праха ногъ твоихъ.

Ширазь 1914.

* v. первой половины четверостишія:

Худāt hām mōlīkī hām bōzījōrī Худāt муздурізі кул іхтіјōрī

Самъ ты и владѣлецъ и землеробъ,

Самъ ты выплачиваешь заработокъ, и полный распорядитель.

¹ v. Allō.

² v. rōsseḡōrī; tārcūmūn, кромѣ того, имѣетъ еще значеніе штрафа.

42] Чини ке м̀рāvи к̀рдām доб́ят Ке la'vāt б̄ар т̄у ву анд у б̄аф́о́ят
 Āgār xōhī бе б̄āirām jōre gīrī Занām ōhī бе д̄арде діл б̄емірі

که لعنت بر تو و عهد و بغایت چنین که میروی کردم دُعایت
 زنم آهی به درد دل بمیری اگر خواهی بگیرم یار گیری

Такъ какъ ты уходишь — я помолился о тебѣ,
 Проклятіе да будетъ надъ тобой и клятвой вѣрности твоей,
 Если ты хочешь друга (иного) помимо меня избрать,
 Вздохну я (тяжко), и ты въ страданіи сердца умрешь.

Исфаганъ 1913.

43] Че с̄б́зām ке д́іām ф̄арм̀уне м̄ан н̄іст Нешōне зендегі б̄ар ц̄уне¹ м̄ан н̄іст
 Бе hār kās² д̄уст́і к̀рдām душ́мā- Ді́гār jāk цоу н̄амāк б̄ар н̄уне м̄ан
 нām³ шуд н̄іст

نشان زندگی بر جان من نیست چه سازم که دلم فرمان من نیست
 دگر یک جو نمک بر نان من نیست به هر کس دوستی کردم دشمنم شد

Что мнѣ дѣлать — сердце мое мнѣ не подвластно,
 Признака жизни въ душѣ моей нѣтъ;
 Всякій съ кѣмъ я дружбу свелъ, врагомъ моимъ сталъ,
 Больше ужъ ни одной крупинки соли на хлѣбѣ моемъ нѣтъ⁴.

Ширазь 1914.

44] *Huseinō tū mākun taħrīfe jōret Берāфтām х̄унеет д́ідām н̄іг̄орет
 **Ке jōre tū kānizūne gūle mān Немід̄унем куц̄ō gānīte dūchōret

برفتم خانهات دیدم نگارت حسینا تو مکن تعریفِ یارت
 نمیدانم کجا گشته دوچارت که یار تو کنیزان گل من

Хусейнā, ты не расхваливай друга своего, —
 Я сходилъ въ домъ твой (и) видѣлъ красавицу твою;
 Другъ твой въ служанки (годится) цвѣтику моему,
 Не знаю, гдѣ она тебѣ повстрѣчалась.

Ездъ 1913. Ширазь 1914.

¹ v. д̄уше. ² v. kāsī. ³ v. душ́мān.

⁴ т. е. всѣ оказались неблагодарными.

* v. Ш.: Huseinō chūn kunīm taħrīfe jōret—Хусейнā, какъ мы станемъ расхва-
 ливать друга твоего?

** v. Ш.: Kānizōje kānizōje vēlum būd — (Другъ твой) въ служанкахъ, въ слу-
 жанкахъ моего цвѣтика была.

خودم اینجا و یارم گرم سیرست سرِ راهم درخت زنجفیلست
درخت زنجفیلم دانه کردست غم عالم مرا دیوانه کردست

Самъ я здѣсь, а другъ мой въ гармесѣрѣ,
У края дороги моей стоитъ имбирное дерево;
Имбирное дерево мое плоды дало,
Печаль міра меня безумнымъ сдѣлала.

Исфаганъ — Ездъ 1913. Шпразъ 1914.

47] Dīlām āz hūssēje dūnjō kābōbāst Nāmīdūnām cherō bāxtām be xōbāst
Shāb u rūz rūz u shāb fīkrī tū Būkun rāhmī ke oxbīr īn savōbāst
dōrām

دلَم از غصّه دنیا کبابست نمیدانم چرا بختم به خوابست
شب و روز روز و شب فکر تو دارم بکن رومی که آخر این صوابست

Сердце мое отъ тоски (въ) этой жизни (превратилось въ) жаркое,
Не знаю я почему счастье мое спить;
Ночь и день, день и ночь помыслы о тебѣ я имѣю,
Окажи (хотя) нѣкоторое состраданіе, вѣдь это наконецъ вполне заслу-
женно.

Исфаганъ 1913.

48] * Dū pānc rūzāst sādōje mān gi- Hāme olām ze¹ dūnām² rō girīftāst³
rīftāst
** Hāme olām⁴ jāk⁵ rūz⁶ jō dū rū- Hāme mān rūz be rūz bolō girīftāst⁷
zāst⁶

دو پنج روزست صدای من گرفتهست غم عالم ز جانم را گرفتهست
غم عالم یک روز یا دو روزست غم من روز به روز بالا گرفتهست

(Уже есть) десять дней (какъ) я охрипъ,
Печаль мірская въ душу мою путь избрала;

* v. Ш. первого стиха:

Hāmum ham bīd ke bolōjāsh ham uftōd —

Печаль моя была печалью, и на нее (еще) печаль свалилась.

¹ v. Ш. be.

² v. Ш. dūnum.

³ v. Ш. dānc uftōd.

⁴ v. Ш. hār kās.

⁵ v. Ш. jāi.

⁶ v. Ш. rūzān.

⁷ v. Ш. bolōtār uftōd.

** v. И.

Hāme hār kās ke bīnī jāk dū rūzāst —

Печаль всякаго, кого увидишь, (продолжается) одинъ два дня.

Сказалъ я: «дѣвонька, одинъ поцѣлуй намъ дай», —
Собачья дочь та дѣвушка ругательства давала.

Ездъ 1913.

52] Саһаргѳһі гузайгтам пуиґге бунат Шенідәм бұје миха́к аз деһуи́ат
Касам хурди́ ке маи́ миха́к на- Шеходат мидаһад һар ду лабу́нат
хурдам

شنیدم بوی میخک از دهانت سحرگاهی گذشتم پشتِ بونت
شهادت میدهد هر دو لبانت قسم خوردی که من میخک نخوردم

Однажды на зарѣ прошелъ я по твоей кровлѣ,
Услыхалъ запахъ гвоздики изъ устъ твоихъ;
Ты поклялась: «гвоздики я не ѣла» —
Но свидѣтельствуютъ (объ этомъ) обѣ губы твои.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

53] Саһалгѳһі берѳтам дәр Чам у Бедідәм духтарі хумбор мѳрафт
Тѳфт

Бегуфтәм духтаракъ жакъ бус бе мо Себу́ андохт у оһувѳр мѳрафт
деһ

بدیدم دختری خمار میبرفت سحرگاهی برفتم در چم و تفت
سبو انداخت و آهوار میرفت بگفتم دخترک یک بوس به ما ده

Однажды на зарѣ отправился я въ Чамъ¹ (что возлѣ) Тафта,
Увидѣлъ одну дѣвушку — навеселѣ она шла;
Сказалъ я: «дѣвонька, одинъ поцѣлуй намъ дай»,
Кувшинъ сбросила она (съ плеча) и какъ газель она шла².

Ездъ 1913.

54] Саре саңгī че кайлунум шекассат Кубѳри бѳ дѳле таңгум нешассат
Черѳ кам мѳхурі аз баһри кайлун Булурі мүсле маи́ пәһлү нешассат

¹ Чамъ — деревня въ двухъ фарсахъ отъ Тафта; Тафтъ — селеніе въ 5 фарс. къ ю.-з. отъ Езда, расположенное въ предгорьяхъ Ширкӯһа; центръ одноименнаго булюка и излюбленное дачное мѣсто жителей Езда. Описание Тафта см. N. de Khanikoff. Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale. Paris. 1861, p. 203 — 5; A. Houtum Schindler. Reisen im südlichen Persien 1879. Zeitschrift d. Ges. für Erdkunde zu Berlin XVI (1881), S. 321 — 2; Баумгартенъ. Поѣздка по Восточной Персіи... 1894. Сборникъ... Матеріаловъ по Азии Вып. LXIII Спб. 1896, стр. 157 — 8.

² т. е. пустилась на утекъ.

سِرِ سَنَگِ چِه قَلِيَانُم شَكْسَتَسْت غُبَارِي بَا دَلِ تَنَگَم نَشَسْتَسْت
چِرَا غَم مِيخُورِي اَز بَهَرِ قَلِيَا-ن بُلُورِي مَثَلِ مَن پَهَل-و نَشَسْتَسْت

(O) край камня когда кальянь мой разбился,
Пыль на сердце стѣсненное мое усѣлась;
Зачѣмъ печалишься ты изъ-за кальяна? —
Хрусталь подобный мнѣ рядомъ (съ тобой) усѣлся.

Сивендъ 1914.

55] Саре кѹне булан дѣам бе бѹраст Ду чаймуне манам дар роһе јѹраст
Äġār jōrām bijōjād sūje mānzīl Dīlām mūnānde kāddāsh bīkarōbrāst
سِرِ کُوه بُلند دِيگَم بَه بَارَسْت دو چَشْمَانِ مَنَمِ دَر رَاهِ يَارَسْت
اگر يارم بِيَايِد سَوِي مَنَزَل دَلَم مَانَنَدِ قَدَش بِيَقَرَارَسْت

На вершинѣ высокой горы мой котелокъ на огнѣ,
Два глаза мои (устремлены) на путь друга;
(O) если (бы) другъ мой пришелъ въ (мое) жилище!
Сердце мое подобно его (стройно качающемуся) стану не знаетъ покоя.

Керманъ 1913.

56] Шáбе чѹршáмбэде мѹһе алѹмáт Че бáд кѣрдáм ке бáдһѹ бáр мán ūмáд
Шáбе чѹршáмбэде мѹһе сафáр бѹд Ферѹке дѹрѣ јáз мурдáн бáтáр бѹд
شِب چارشنبدِ مَاهِ علامت چه بد كردم كه بدها بر من آمد
شِب چارشنبدِ مَاهِ صفر بود فراقِ دوري از مردن بهتر بود

Ночь на среду¹ и мѣсяць съ (дурной) примѣтой,
Чтѹ дурного я сдѣлалъ, что несчастія на меня обрушились!
Ночь на среду и мѣсяць сафаръ были,
Разлука и отдаленіе хуже смерти были.

Ширазь 1914.

57] Шáбе е́дáст у дáр бѹзѹр кыјѹмáт Ке дѣлбáр ва'дэ фáрмѹд у нáјѹмáд
Ке дѣлбáр ва'дэ фáрмѹд у кáрáм Кыјѹмáт ūмáд у дѣлбáр нáјѹмáд
кáрд

شِب عیدست و در بازار قیامت که دلبر وعده فرمود و نیامد
که دلبر وعده فرمود و گرم کرد قیامت آمد و دلبر نیامد

¹ Считается дурной примѣтой, если новолуніе падаетъ на ночь подъ среду.

Ночь подь праздникъ, и на базарѣ свѣтопреставленіе,
Возлюбленная обѣщать изволила и не пришла;
Возлюбленная обѣщать изволила и ласку оказала,
Свѣтопреставленіе наступило, а возлюбленная не пришла.

Сивендь 1914.

58] Шáбе мáнтóб берóје бór хубáст Нíшестáн бáр кенóре jór хубáст
Нíшестáн бáр кенóре jór нá чáндун Mijúne máhrúm y gulzór хубáст

نشستن بر کنار یار خوبست شب مهتاب برای یار خوبست
میان محروم و گلزار خوبست نشستن بر کنار یار نه چندان

Лунная ночь для навьючки (каравана) хороша,
Возсѣдать рядомъ съ другомъ хорошо;
Не столько возсѣдать рядомъ съ другомъ, —
(Сколько) среди запретнаго и цвѣтника хорошо.

Ездъ 1913.

59] Шáвídám ке вéлám jórí гíруфтáт Гú'lb vel kirdé vu xórí гíруфтáт
Ágár бáр¹ мán бейтáр хуб кóрí Ágár бáр¹ мán бáттáр гу'кóрí
кíрдáт кíрдáт

شنیدم که ولم یاری گرفتم گلا ول کرده و خاری گرفتم
اگر بر من بهتر خوب کاری کردت اگر بر من بتر گهکاری کردت

Я слышала, что цвѣтикъ мой много друга избрала,
Розу покинула и какой-то шипъ избрала;
Если (этотъ другъ) лучше меня — хорошее дѣло она совершила,
Если (— же онъ) хуже меня — дрянное дѣло она совершила.

Шяразъ 1914.

60] Azízó pōh y ráftórát máró куи́т Турéнц y бáбжáб y² xóle ilōhí³ Турéнц y бáбжáб y² хóлэ ilōhí³
Турéнц y бáбжáб y² хóлэ ilōhí³ Седóје кáпше бурбóлáт⁴ máро куи́т

ترنج و غبغب و خالت مرا کشت عزیزا راه و رفتارت مرا کشت
صدای کپش برغالت مرا کشت ترنج و غبغب و خال الهی

Дорогая, нравъ и поступки твои меня сразили,
Груды и подбородокъ и родинка твоя меня сразили;

¹ бáр = áз.

² v. III. Терéнце куи́куне.

³ v. III. худóí.

⁴ v. III. бу'бóрáт.

Груди и подбородокъ и родинка божественная,
Скрипь тувель юфтяныхъ твоихъ меня сразилъ.

Ездъ 1913. Шпразъ 1914.

61/	Азизун лаззайте дунјо зе молает	Нә аз аkl у һуш у нә аз кәмолает
	Цавуні ке надорад мөле дунјо	Агар Цамшир бувад ке ¹ би кәмолает
	نه از عقل و هوش و نه از کمالست	عزيزان لذت دُنیا ز مالست
	اگر جشیر بود که بی کمالست	جوانی که ندارد مال دُنیا

Дорогіе (друзья), сладость этой жизни отъ богатства проистекаетъ,
Ни отъ ума и сметливости, ни отъ совершенныхъ качествъ не прои-
Юноша, который не имѣетъ богатства этой жизни, [стекаетъ;
Если (даже) Джамшидомъ былъ-бы, все таки безъ совершенныхъ
качествъ бываетъ.

Исфаганъ 1913.

62/	*Ғаріб уфтодэ ам дур аз веложат	**Бе піше кі берам ² дод у шекожат
	Зе ³ дассе коум у хыше ⁴ кам	Бесобзам kal'ai дур аз веложат
	таассуб ⁵	

غریب افتاده ام دور از ولایت	به پیش که برم داد و شکایت
ز دست قوم و خویش کم تعصب	بسازم قلعه دور از ولایت

Я оказался чужениномъ вдали отъ (родного) края,
Къ кому пойду я искать справедливости и жаловаться?

¹ v. oхыр

* v. И. Ш. первого стиха:

Ділі дорам пур аз цірме цероһат —
Сердце я имѣю полное гноя и ранъ.

** v. И. 2 — 4 стиховъ:

Равам касри бесобзам дур аз веложат
Егар гужен черо дур аз веложат
Һами гужам бе дасті коуме би һаможат

Пойду, замокъ я построю вдали отъ (родного) края;
Если мнѣ скажутъ, почему вдали отъ (родного) края,
Я буду говорить: изъ-за притѣсненія родичей не оказавшихъ (мнѣ) защиты.

² v. Ш.: Равам дур піше кі.

³ v. Ш. Әз.

⁴ v. Ш. коумедуне.

⁵ v. Ш. тефокам (اتفاق).

Изъ-за притѣсненія родичей мало приверженныхъ (ко мнѣ)
Построю я крѣпостцу вдали отъ (родного) края.

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

63] *Каманд андѳзъм у ѳжъм бе бунат Биграм гүшеје тахте равунат
Агар шамшър бибандан коумедунат Бе дандун вар канам хѳл аз лабунат
нат

بگیرم گوشه تخت روانت کمند اندازم و آیم به بونت
به دندان ور کنم خال از لبانت اگر شمشیر ببندند قومدانت

Арканъ заброшу я и взберусь на крышу къ тебѣ;
Возьмусь за уголокъ «тахте равана»¹ твоего;
Если съ саблями нападуть на меня твои домочадцы,
(Все таки) зубами я сорву родинку съ губъ твоихъ.

Ширазъ 1914.

* v. всего четверостишія:

а) Бе цунте бунам умад кад буланді Мақолам нист ке бендѳзъм каманді
Каманд андѳхтам у ѳжъм бе сунат Беграм гүшеје тахте равунат

На крышу ко мнѣ пришла станомъ высокая,
Возможности у меня вѣтъ забросить арканъ;
Арканъ забросилъ я и прійду къ тебѣ,
(Или) возьмусь за уголокъ твоего «тахте равана».

в) Бибандум банде буррам банде бунат Кешам шамшър бе рүје коумедунат
Агар луфте худѳ бѳшад бе Мансур Кацак ман вар канам хѳл аз лабунат

Привяжу я поводъ моего гнѣдка къ твоей крышѣ,
Обнажу я мечъ противъ твоихъ родичей;
Если милость Бога будетъ къ Мансүру,
Укусомъ я вырву родинку съ губъ твоихъ.

Данное четверостишіе и его варианты являются отвѣтомъ на приводимое ниже четверостишіе, вмѣстѣ съ послѣднимъ представляя собою тенцону.

Сувѳре бур машоу ту хамчи туркун Бе маһлѳ мѳ најоу һар субһ у һар шум
Ке һар вахт коумедуне ман будунан На цун ту дар барі на бур зе меидун

Не садись верхомъ на гнѣдого (коня) ты подобно туркамъ,
Въ кварталъ нашъ не пріѣзжай каждое утро и каждый вечеръ;
Какъ только родичи мои узнаютъ,
Ни жизнь ты не спасешь, ни гнѣдого (не уведешь ты) съ поля битвы.

Ширазъ 1914.

¹ паланкивъ; фотографич. снимокъ его см. ЗВО, XXIII, таб. VII.

64] Guzáínít äz píshe rújám särv kómát Kyjómát mīkunád ōn kaдd y kómát
Muázziín ġär bēbīnád kaдd y kómát Be kaд kómát bēmbōnád tō kyjómát

قیامت میکند آن قد و قامت گذشت از پیش رویم سرو قامت
به قد قامت بماند تا قیامت مؤذن گر ببیند قد و قامت

Прошелъ передъ моимъ лицомъ тотъ, станъ котораго какъ кипарисъ,
Свѣтопреставленіе дѣлаеть тотъ ростъ и станъ;

Муаззинъ если увидить (тотъ) ростъ и станъ,

На возгласѣ «кыяма»¹ застрянетъ до страшнаго суда.

Керманъ 1913.

65] Gúle surx y säfíd dū дәстéje jōst Aqáb ei dilbārī² hāmsōjéje mōst
Nišūnāt mīdāhām ġär mīšinōsí Bulān bōlō ke sōjāsh bār sāre mōst

عجب ای دلبری همسایه ماست گل سرخ و سفید دو دسته یاست
بلند بالا که سایهش بر سر ماست نشانت میدهدم گر میشناسی

Роза алая и бѣлая, два букета сирени,

Что за удивительная красавица по сосѣдству съ нами;

Примѣты (ея) тебѣ я укажу, если ты (ее) узнаешь:

Высокая ростомъ, тѣнь ея падаетъ на нашу голову³.

Исфаганъ 1913.

66] Mārō dīdī nāxāndīdī hāmūn bāst Xūdām dūnām ke jōre dībārī hāst
Berbu jōre nōvāt ārzūnījāt bōd Xudō ōbe mārō ŗūge dīġār dōd

خودم دانم که یار دیگری هست مرا دیدی نخندیدی همان بست
خدا آب مرا جوگ دگر داد برو یار نوت ارزانیست باد

Меня ты увидѣла, (привѣтливо) не улыбнулась — этого достаточно,

Я знаю самъ (уже), что другъ иной есть (у тебя);

Ступай, другъ новый твой достойнымъ для тебя да будетъ,

Богъ воду для меня изъ ручья другого дароваль.

Исфаганъ 1914.

¹ Возглашеніе въ началѣ молитвы: قَدْ قَامَتِ الصَّلَاةُ.

² v. духтārī.

³ т. е. она питаетъ склонность ко мнѣ.

Среди Фейзāбāда¹ есть одинъ ручей воды,
Роза и цвѣтикъ мой вотъ каковы — спать;
Не имѣю я посланца, (чтобы) къ ней послать (его),
Если она подобна мнѣ, то ея состояніе удрученное.

Ездъ 1913.

70/ Nigōrō īn hāmē feiz u bazāb čīst Dīlāt bār mō nāmīcūzād sābāb čīst
Šāmōl āz cōnībe Bāgdōd xīzād Ğunōhe mardūme Šattul Arāb čīst

دلٔ بر ما نمیسوزد سبب چیست نگارا این همه غیض و غصب چیست
گناه مردم شط العرب چیست شمال از جانب بغداد خیزد

Красавица, весь этотъ яростный пылъ и гнѣвъ что такое?
Сердце твое (изъ жалости) къ намъ не сгораетъ — что за причина?
Сѣверный вѣтеръ со стороны Багдада подымается, —
Въ чемъ (-же) виноваты люди Шатт-уль-Араба?

Керманъ 1913.

71/ Belōjāt dūr u mān dūre velōjāt Mā ke dulvār nāmībīnām cē bōjād
Berām be Šōhvelī mānzēl bēḡrām Ke bālkum dīlvār ōjād mān bībīnām

مه كه دلور نمیبینم چه باید ولایت دور و من دور ولایت
كه بلكم دلور آید من بینم برم به شاه ولی منزل بگیرم

(Родной) край далеко, и я вдали отъ (родного) края,
Я вѣдь возлюбленной не увижу — что-же должно (дѣлать)?
Пойду я въ Шāhвелī², стоянку (тамъ) устрою,
Быть можетъ возлюбленная моя придетъ, чтобы я (ее) увидѣлъ.

Сивендь 1914.

72/ Bēlum tūhe derīcē sār kāshīdāt Dū zuḡfūneš bō ōbe zār kāshīdāt
Dū čāšmūneš mišōle mōdé ōhū Be cōje vāsmē lūlūfār kāshīdāt

دو زلفانش با آب زر کشیدت و لم توی درپچه سر کشیدت
به جای وسه لولوفر کشیدت دو چشمانش مثال ماده آهو

¹ Деревня въ 4 фарсахъ отъ Тафта на пути въ Абаркунъ.

² Имāmзādэ около Behbehāna.

Цвѣтикъ мой въ дверцу голову просунула,
 Два локона своихъ водою золотой обмыла;
 Два глаза своихъ подобныхъ (глазамъ) самки-газели
 Въмѣсто васмы нениофаромъ она подвела.

Сивендь 1914.

73] Béle мәст у туфáңг мәст у хўдám Сад у пánцō гулўlé бár кáдám һáст
 мәст
 Бiгiрám пōчéје кўһе булэндi Бецáңгám тō нáфáс дár кōлiбám һáст
 صد و پنجا گلوله بر قدم هست ول مست و تفنگ مست و خودم مست
 بگيرم پاچۀ كوه بلندي بچنگم نا نفس در قابلم هست
 Цвѣтикъ мой пьянъ, ружье (мое) пьяно, и самъ я упоенъ,
 Сто пятьдесятъ пуль на станѣ моемъ находится;
 Примусь я (взбираться) по склону высокой горы,
 Стану я сражаться, пока дыханiе въ тѣлѣ моемъ есть.

Ширазь 1914.

74] Bélum kaljún бе дáссе чáп гируфтáт Нéје kaljún бе зiре лáб гируфтáт
 Тесадўк кун нéје kaljún бегáрдўн Тáмўме цiсме цўнám тáб гируфтáт
 ني قليان به دست چپ گرفتت ولم قليان به دست چپ گرفتت
 تمام جسم جانم تب گرفتت تصدق كن ني قليان بگردان
 Цвѣтикъ мой кальянъ въ руку лѣвую взяла,
 Трубку кальяна въ губы (свои) взяла;
 Милость окажи — трубку кальяна поверни, —
 Всѣмъ тѣломъ и душой моими лихорадка овладѣла.

Ширазь 1914.

75] Ágár дōдi нáмiссўнi чé мiшўд Гўлi аз бōбe вáслáт кáм нáмiшўд
 Ágár жáк бўсé мiдōдi бе ошўк Дár ўн шáб ўн шáфōхōһe тў мiшўд
 گلی از باغ وصلت کم نمیشد اگر دادی نميستاني چه ميشد
 در آن شب آن شفاخواه تو ميشد اگر يك بوسه میدادی به عاشق
 Если справедливаго воздаянiя ты не получишь, что случилось-бы?
 Одной розой изъ сада соединенiя съ тобою меньше не стало-бы;

Если-бы одинъ поцѣлуй дала ты любящему,
Въ ту ночь онъ желающимъ здоровья тебѣ сталь-бы.

Керманъ 1913.

76] Āġār dūnām velām ūamġir bōšād Elōce rāftānām šābġir bōšād
Elōce rāftānām šābġire īvōr Āġār bār ġārdānām zānġir bōšād

علاج رفتنم شبگیر باشد اگر دانم ولم غمگیر باشد
اگر برگردنم زنجیر باشد علاج رفتنم شبگیر ایوار

Если я узнаю, что цвѣтикъ мой печальнымъ будетъ,
Цѣлебной помощью въ отравленіи моемъ заря будетъ;
Цѣлебная помощь въ отравленіи моемъ — (утренняя) заря и вечеръ,
Если (даже) на шеѣ моей цѣпь будетъ.

Керманъ 1913.

77] Berāftām Ĥōġōbōbd Ĥōġōbōbd Bīġnām sibe šīrīn bāhre nūmzōd
Bīġnām sibe šīrīn nōre bīsġōr Būsūzād toī y bāxte tū nūmzōd

بچینم سیب شیرین بهر نامزاد برفتم حاجی اباد حاجی آباد
بسوزد طالع و بخت تو نامزاد بچینم سیب شیرین نار بسیار

Я отправился въ Хаджйабадъ, въ Хаджйабадъ¹
Нарвать сладкихъ яблокъ для обрученной;
Нарвать сладкихъ яблокъ (и) много гранатъ —
Пусть сгоритъ звѣзда счастья твоего, обрученная!

Ширазь 1914.

78] Berōu bōd y berōu bōd y berōu bōd Rāfīke rāftērō kī mīkunād jōd
Rāfīke rāfté mīcle murdé dōrād Ke xōke murdērō keī mībārād bōd

رفیق رفتہ را کہ میکند یاد برو باد و برو باد و برو باد
کہ خاک مرده را کی میبرد باد رفیق رفتہ مثل مرده دارد

Ступай вѣтеръ, ступай вѣтеръ, ступай вѣтеръ!
Товарища ушедшаго кто станетъ вспоминать?
Товарищъ ушедшій сходство съ мертвецомъ имѣеть,
А прахъ мертвеца когда доноситъ вѣтеръ?

Исфаганъ (бахт.) 1913.

¹ Деревня въ долинѣ Хафрака, на пути изъ Сивенда въ Кенарэ, расположенная у подошвы горы Хусейнъ-кӯһъ, верстахъ въ пяти къ в. отъ Накши-Рустэма. Къ с. отъ этой деревни, въ одной изъ горныхъ разсѣлинъ находится извѣстная надпись Шапура I.

- 79] Бѣзай пейрѳ дїлам фарвѳз дѳрѳд Нѳвѳѳе сарнаде Ширѳз дѳрѳд
 Бѣзай пейрѳ мукѳм ѳз пей бѣгѳрдѳн Бе нѳр пѳнви ке дїлѳар нѳз дѳрѳд
 دارد هر وای سرحد شیراز دارد یزن نیرا دلم فرواز دارد
 دارد به هر نحوی که دلبر ناز دارد بزن نیرا مقام از نی بگردان

Играй на флейтѣ — сердце мое рвется въ даль,
 Желаетъ отправиться въ «сарнаде» и Ширазѣ;
 Играй на флейтѣ, напѣвы флейты перемѣняй
 На всякій ладъ — вѣдь возлюбленная кокетничаетъ.

Керманъ 1913.

- 80] *Булан болѳ бе межгѳн тїр мїкард³ Дїлам¹ ѳз² зендегѳнї сїр мїкард³
 Шекѳле мѳрдумѳн кѳукѳсс⁴ кѳмѳ- Шекѳле мѳ⁵ кѳлѳѳе⁶ пїр мїкард³
 тар

بلند بالا به مژگان تیر میکند دلم از زندگی سیر میکند
 شگال مردمان کوکست کموتر شگال ما کلاغ پیر میکند

Высокая ростомъ рѣсницами стрѣляла,
 Сердце мое жизнью сытымъ она дѣлала;
 Дичью людей куропатки бываютъ и голуби,
 Дичью нашей ворону старую она дѣлала.

Сивендъ — Ширазъ 1914.

- 81] Булан болѳѳе кермѳнї лѳбет канд Бѣдеh бѳсї бѣфармѳ кеїметеш чѳнд
 Боhѳѳе бѳсе тѳ кеїмет ресїде Бухѳрѳ ву Сефѳhѳн у Сѳмѳркѳнд
 بدہ بوسی بغرما قیمتش چند بلند بالای کرمانی لببت قند
 بخارا و سفاهان و سمرقند بهای بوس تو قیمت رسیده

Высокая ростомъ керманка, губы твои (какъ) сахаръ,
 Дай поцѣлуй одинъ, пожалуйста скажи, цѣна его во сколько;
 Цѣна поцѣлуя твоего достигла
 (Цѣны) Бухары, Исфагана и Самарканда.

Ездъ 1913.

* v. Ш.: Кѳмѳн ѳбрѳ ву межгѳн тїр кѳрдї
 Съ бровями какъ лукъ ты рѣсницами стрѣльнула.

¹ v. Ш. Дїламрѳ. ² v. Ш. он. ³ v. Ш. кѳрдї. ⁴ кѳбк у. ⁵ v. Ш. мѳн.

⁶ v. Ш. кѳлѳѳе.

82] Боһор ўмад ке гулһо чидави шуд Лабуне духтарун бусидани шуд
Лабуне духтарун чун һасте лиму Хабар ўмад ке лиму хурдани шуд

لبان دختران بوسيدنى شد بهار آمد كه گلها چيدنى شد
خبر آمد كه ليمو خوردنى شد لبان دختران چون هسته ليمو

Весна пришла, и цветы надо срывать,
Губы девушки надо целовать;
Губы девушки как косточки лимона —
Вѣсть пришла, что лимоны надо ѣсть.

Кермань 1913.

83] Бе ин духтар бугу ке ди небандад Дӯ дасмоле батунеш¹ сар небандад
Ман аз зист у цевун парво надорам Худо бахт у каборо нам бевандад

دو دستمال كتانش سر نبرد به اين دختر بگو كه دل نبرد
خدا بخت و قضارا هم ببندد من از زشت و جوان پروا ندارم

Этой девушке скажи, чтобы не увлекалась,
Два платка полотняных своих на голову не повязывала;
Я о безобразном и молодом (несколько) не забочусь —
Богъ счастье и судьбу (самъ) создаетъ.

Ездъ 1913.

84] Бе мардум дод у бар ман дод у бидод Бе мардум цоур у бар ман цоур у
Фаржд

Зе бѣе мардумун биди буридан Зе бѣе ман буридан сарве озод

به مردم جور و بر من جور و فریاد به مردم داد و بر من داد و بیداد

زباغ من بریدند سرو آزاد زباغ مردمان بیدی بریدند

У людей жалобы на жестокость, а у меня на жестокость и неспра-
ведливость,

У людей притѣсненіе, а у меня обида и крикъ отчаянія;

Въ саду людей одну какую-то иву срезали,

Въ саду моемъ срезали вольный кипарисъ.

Кермань 1913.

85] Биѣо бод у буроу дар Гулшанобод Салуме ман расун бар саве озод
Бугу бод у ке аз коуле Першун Ту Ширини гузар кун сѣје Фарход

¹ v. цевунеш.

بیا باد و بُرُو در گلشناباد سلام من رسان بر ساسو آزاد
 بگو باد و که از قول پریشان تو شیرینی گذر کن سوی فرهاد

Прійди, вѣтеръ, и отправляйся въ Гульшанабадъ,
 Привѣтъ мой передай кипарису вольному;
 Скажи, вѣтеръ, со словъ Перішана:
 «Ты Шірінъ, (такъ) перейди къ Фарһаду».

Ширазь 1914.

86/ Пәрізбод у пәрізбод у пәрізбод Че рӯзе пәһеі бӯд мӯдәр мәрбә збд
 Ке у цӯшаш гиріфт шіре җамам дбд Бузурғам кәрд у дәсте пәкәсам дбд

چه روز نحسی بود مادر مرا زاد پریزاد و پریزاد و پریزاد
 بزرگم کرد و دست ناکسم داد که او جوشش گرفت شیرغم داد

Ангелочекъ, ангелочекъ, ангелочекъ!

Что за день злополучный былъ, когда мать меня родила;
 Ее волненіе охватило, (и) молоко печали мнѣ она дала,
 Взростила она меня и въ руки негодяя отдала меня.

Исфарапъ 1913.

87/ Че сбзәм ке земӯна муғлісум кїрд Telb бӯдәм бе мӯнанде мїсум кїрд
 Каббје поу пәдбрәм мән бӯнӯшәм Каббје кунне хоре мағлісум кїрд¹

طلا بودم به مانندی مِسْم كِرد چه سازم که زمانه مُغْلِسْم كِرد
 قباي كهنه خوار مجلسم كِرد قباي نو ندارم من بپوشم

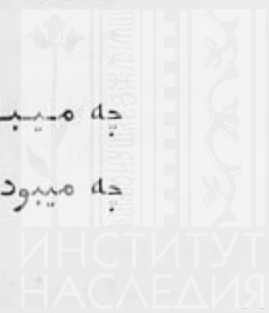
Что подѣлать мнѣ, что судьба бѣднякомъ меня сдѣлала;
 Золотомъ былъ я, на подобіе мѣди меня сдѣлала;
 Кабә новой не имѣю я, чтобы облачиться,
 Кабә старая презрѣннымъ (въ глазахъ) общества меня сдѣлала.

Кенәрә 1914.

88/ Чә мїбӯд шәб нәмїбӯд рӯз мїбӯд Hämıshé cöl y mō nourúz mībúd
 Чә мїбӯд гәр худбевен һукм мї- Ке мәрге нөгәһүн һәрғіз нәмї-
 кәрд бӯд

همیشه سال و ما نوروز ميبود چه ميبود شب نميبود روز ميبود
 که مرگ ناگهان هرگز نميبود چه ميبود گر خداوند حکم ميکرد

¹ Ср. ЗВО, XXIII, стр. 52, № 47.

Что было-бы: ночь не была-бы, день былъ-бы,
 Всегда годъ и мѣсяцъ ноурӯза былъ-бы;
 Что было-бы, если-бы Господь повелѣлъ,
 Что-бы смерть внезапная никогда не была?

Ездъ 1913.

89/ Чѣ мīшӯд цӯне мāн цӯне тӯ мīшӯд Чѣ мīшӯд цӯн бе курбӯне тӯ мīшӯд
 Чѣ мīшӯд кōсеhōje hār дӯ чāīmām Бе цōje чāкмѣ дār пōje тӯ мīшӯд
 چه ميشد جان من جان تو ميشد چه ميشد جان به قربان تو ميشد
 چه ميشد کاسهاي هر دو چشم به جاي چکه در پاي تو ميشد
 Что стало-бы: душа моя душой твоею стала-бы;
 Что стало-бы: душа (моя) жертвою (за) тебя стала-бы;
 Что стало-бы: орбиты сбоихъ глазъ моихъ
 Вмѣсто сапоговъ на ногахъ твоихъ стали-бы.

Исфаганъ 1913.

90/ Хāбār ūmād ке jōrām kāдхудō шуд Дīlām тӯ рīхт у рāцгām kāhрубō шуд
 Бе дīl гӯфтām цāvунī hāст дōjīm Черō jōrām . . . āз мāн цудō шуд
 خبر آمد که یارم کدخدا شد دلم تو ریخت و رنگم کهربا شد
 به دل گفتم جوانی هست دایم چرا یارم . . . از من جدا شد
 Вѣсть пришла, что другъ мой женился,
 Сердце мое упало, и цвѣтъ лица моего янтаремъ сталъ;
 Сердцу я сказалъ — молодость существуетъ постоянно,
 Почему другъ мой со мною разлучился?

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

91/ Хӯдāt рāфтī хьjōlāt пīшām ūmād Зādī тīрī нīгōрīнām¹ нās ūmād
 Зādī зōнӯ бе зōнӯве бузургӯн Нāгӯфтī сāре jōре дāрвīшām чѣ ūmād
 زدی تیری نگارینم پس آمد خودت رفتی خیالت پیشم آمد
 نگفتی سر یار درویشم چه آمد زدی زانو به زانو بزرگان
 Самъ ты ушелъ — мечта о тебѣ предо мной явилась,
 Ты метнулъ стрѣлу — красавица моя назадъ отошла;
 Ты преклонилъ колѣна къ колѣнамъ вельможъ²,
 Ты не сказалъ, надъ головою друга-дервиша моего что стряслось.

Исфаганъ 1913.

¹ v. нīгōрām.

² т. е. ты сидѣлъ въ обществѣ вельможъ.

92] Діра́хте па́рпа́ру́к со́је на́до́ра́д Таби́бе му́лке мо́ хо́је на́до́ра́д
 Таби́б аз му́лке Иска́ндар би́јо́рд Ке па́нц ма́н кір у сад ма́н хо́је до́ра́д
 طبیبِ مُلکِ ما خایه ندارد درختِ پَرِپَرِک سایه ندارد
 که پنج من کیر و صد من خایه دارد طبیب از مُلکِ اسکندر بیارید
 Дерево «парпарукъ» тѣни не имѣеть,
 Врачъ царства нашего scrotum не имѣеть;
 Врача изъ царства Александра приведите, —
 Въ пять мановъ penis и въ сто мановъ scrotum онъ имѣеть.

Ездъ 1913.

93] Діле та́ңгі ке ма́н до́рам кі до́ра́д Ру́хе за́рді ке ма́н до́рам кі до́ра́д
 Је́кі гу́жа́д ке за́рді́је за́міне Ху́дам ду́нам ке до́бе по́зеніне
 رخ زردی که من دارم که دارد دل تنگی که من دارم که دارد
 خودم دانم که داغ نازنینه یکی گوید که زردی زمینه
 Сердце стѣсненное, которое я имѣю, кто имѣеть?
 Лицо желтое, которое я имѣю, кто имѣеть?
 Одинъ (кто-нибудь) скажетъ, что (это) — желтизна земли,
 (Но) самъ я знаю, что (это) слѣды страданій (по моей) нѣжной (подругѣ).

Ширазъ 1914.

94] Діла́м диву́не бӯд диву́нетар шуд На́кім у́ма́д бе бо́лінам ба́тар шуд
 На́кім у́ма́д да́во́је о́ши́кьі до́д Му́со́ле ноуке́рі со́лам бе са́р шуд
 حکیم آمد به بالینم بتر شد دلم دیوانه بود دیوانه تر شد
 مثال نوکری سالم به سر شد حکیم آمد دواي عاشقی داد
 Сердце мое безумно было, безумпѣй стало,
 Врачъ прибылъ къ изголовью моему — (мнѣ) хуже стало;
 Врачъ прибылъ, лекарство отъ любви мнѣ даль —
 Подобно слугѣ годъ мой пришелъ къ концу¹.

Ширазъ 1914.

95] Діле ма́н² да́р ба́рбі во́ на́мша́д³ Ка́си ха́мда́рде ма́н² па́идо́ на́мша́д³
 Ка́си ха́мда́рде ма́н² бо́ша́д бе- Ве́рода́р би⁴ педа́р па́идо́ на́мша́д³
 ро́да́р

¹ т. е. я излечился отъ любви.

² в. И. мо́.

³ в. И. на́мшуд.

⁴ в. К. іо́.

دل من در غریبی و نمیشد کسی همرد من پیدا نمیشد
 کسی همرد من باشد برادر برادر بی پدر پیدا نمیشد

Сердце мое на чужбинѣ радостнымъ не станетъ,
 Кто-нибудь сочувствующій моему страданію не появится;
 Человѣкъ сочувствующій моему страданію (моимъ) братомъ будетъ.
 (Но) братъ безъ отца не появится¹.

Исфаганъ-Керманъ 1913.

96] Ду пāнц рўзāст ке бўје гул пā- Сāдōје чāнчāне булбўл пāжўмāд
 жўмāд
 Берīд² āз бōбѣбўне гул бенўрсīд³ Черō булбўл бе сўје⁴ гул пāжўмāд
 صدای چه بلبُل نیامد دو پنج روزست که بوی گل نیامد
 چرا بلبُل به سوی گل نیامد برید از باغبان گل بپرسید

(Уже) десять дней какъ запахъ розы не донесся,
 Звукъ трелей соловья не донесся;
 Ступайте, у садовника розы спросите,
 Почему соловей къ розѣ не прилетѣлъ.

Исфаганъ-Керманъ 1913.

97] Ду пāнц рўзāст ке чōнāм об Ду чāнīmī гōб сījōhām⁵ хōб нāдōрāд
 нāдōрāд
 Худōвѣндō бѣдеh бōрўне раhмѣт Ке об āз чō кешīдāн дōрѣ захмѣт
 دو چشم گاب سیاهم خواب ندارد دو پنج روزست که چاهم آب ندارد
 که اب از چا کشیدن داره زحمت خداوند ابدہ باران رحمت

(Уже) десять дней какъ колодезь мой воды не имѣетъ,
 Два глаза чернаго быка моего сна не имѣютъ,
 О Господи, подай дождь милосердія (Твоего)⁶
 Вѣдь воду изъ колодца накачивать тяжело⁷.

Исфаганъ 1913.

98] Ду чāнīmўнум бе чāнīmўне вел Че мāнтōбī ке дār бōје гул уфтōд
 уфтōд
 Цолоудōр кōфīлѣ lāңgār бурўнīн Ке кōре мō дār īнцō мушкīл уфтōд

¹ т. е. никто не сочувствуетъ миѣ.

² = برويد.

³ v. К. бунўрсīд.

⁴ v. К. céile.

⁵ v. сījōhī.

⁶ пошли благодатный дождь.

⁷ Ср. ЗВQ,

دو چشانم به چشمان ول افتاد چه مهتابی که در باغ گل افتاد
چلو دار قافله لنگر برونین که کار ما در اینجا مشکل افتاد

Два глаза мои съ глазами цвѣтка встрѣтились,
Подобно лунному свѣту, который въ садъ съ розами упалъ;
Вожатый каравана, вы тише погоняйте:
Дѣло наше въ этомъ мѣстѣ труднымъ стало.

Шяразъ 1914.

99] Земестуйн умад у гулһорѳ хуи Мәрѳ сәр кәрдеје ѳше туруйи кәрд
кәрд

Пѳһи хеир нәбинәд ин кесѳги Тәмүме мәрдумѳнрѳ кӯле нуи кәрд

مرا سر کرده آتش ترش کرد زمستان آمد و گلهارا خشک کرد

تمام مردمانرا کول پست کرد الهی خیر نبیند این کساتی

Зима пришла и цвѣты изсушила,
Меня начальникомъ похлебки кислой сдѣлала¹;

О Боже, добра да не увидить этотъ застои въ дѣлахъ —

Всѣхъ людей какъ куль на спинѣ она сдѣлала².

Ездъ 1913.

100] Setore micle man shab dar najojad Kasi chun micle man modar najojad
Chu kashtijam mijune bouce darjo Hamin tarsam ke kashitim dar najojad

کسی چون مثل من شب در نیاید ستاره مثل من شب در نیاید

همین ترسم که کشتیم در نیاید چو کشتیم میان موج دریا

Звѣзда подобная мнѣ ночью не восходитъ,

Никого подобнаго мнѣ мать не рождаетъ;

Какъ корабль я среди волнь моря,

Того боюсь я, что корабль мой не выберется (цѣлымъ).

Шяразъ 1914.

101] Sahargohi rasidem Rahmetobod Bedidem duhtar-i migant dilshod
Begufthem duhterek busi be mo deh Hamiraksid u xandid busi midod

بدیدم دخترى مىگشت دلشاد سحرگاهى رسيدم رحمتاباد

هميرقصيد و خنديد بوسه ميداد بگفتم دخترک بوسى به ما ده

¹ т. е. заставила меня есть.

² т. е. безпомощным.

Однажды на зарѣ пришелъ я въ Раһметабәдъ¹
Увидѣлъ одну дѣвушку — гуляла она весело;
Сказалъ я: «дѣвонька, одинъ поцѣлуй намъ дай»,
Она плясала, хохотала и поцѣлуй (намъ) давала.

Ездъ 1913.

102] Сәре дәсте кәкәм шіні дукмә дәрәд Кәде бәрїк у шәле термә дәрәд
Һәмін цорү кунід обі бепәшід Ке кәкәм тәре меһмуні мјәјәд
قد باریک و شال ترمه دارد سر دست کاکام شش دکه دارد
که کاکام تر مهمانی میاید همین جارو کنید آبی بپاشید

Концы рукавовъ брата моего шесть пуговицъ имѣютъ,
Станъ тонкій и (поясную) шаль (изъ) тармаламы онъ имѣетъ;
Сейчасъ-же подметите, воды побрызгайте (на землю),
Вѣдь братъ мой сейчасъ въ гости (къ намъ) придетъ.

Ширазъ 1914.

103] Сәре күһе булан хуш халвәтї бӯд Түрө бәр мө мідодән һәһметї бӯд
Түрө бәр мө пәдодән дөд у бидөд Ке ышкам микунәд һәр дәм түрө
jöd

ترا بر ما میدادند نعمتی بود سر کوه بلند خوش خلوتی بود
که عشقم میکند هر دم ترا یاد ترا بر ما ندادند داد و بیداد

На вершинѣ высокой горы пріятное уединеніе было,
Тебя за насъ выдавали — блаженство было;
Тебя за насъ не выдали — о горе, пощади!
Любовь моя каждое мгновеніе тебя вспоминаетъ.

Ездъ 1913.

104] Сәрум² чүн гү бе³ меідүне⁴ тү⁵ Ділум⁷ әз аһд у⁸ пеимүн бәр
гәрдәд⁶ һәгәрдәд⁹
Ägär дувјо¹⁰ бе һәмәрдөн¹¹ дәһәд *Кунум сәбрї ке тө дбурї бегәрдәд
көм

¹ Раһметабәдъ — деревня въ 2 фарсахъ отъ Езда.

² v. Ш. Сәрім.

³ v. Ш. дәр.

⁴ v. Ш. ін меідүн.

⁵ Ш. оп.

⁶ v. Ш. бегәрдә.

⁷ v. Ш. Ділім.

⁸ v. Ш. аһде.

⁹ v. Ш. һәгәрдә.

¹⁰ v. Ш. доуләт.

¹¹ v. Ш. һәмәрдүм.

* v. Ш. Нішіһәм тө бе мән доурүн бегәрдә — Я посижу пока судьба комиѣ не повернется.

سرم چون گو به میدان تو گردد دلم از عهد و پیمان بر نگردد
اگر دنیا به نامردان دهد کام کنم صبری که تا دوری بگردد

Голова моя какъ мячь на ристалищѣ твоємъ катается,
Сердце мое отъ договора и клятвеннаго обѣщанія (въ вѣрности) не
Если жизнь недостойнымъ поблажаетъ, [отступитъ;
Я нѣсколько потерплю, чтобы кругъ (неудачъ) завершился.

Исфаганъ (бахт.) 1913. Ширазъ 1914.

105] Сърәм дәрд м̀кунад сандал б̀јорід¹ Табѣб² аз³ мулке Искандәр б̀јорід¹
Табѣб² аз³ мулке Искандәр на *Неботе хоссе аз Бандәр б̀јорід¹
чандун⁴

سرم درد میکند صندل بیارید طبیب از مُلکِ اسکندر بیارید
طبیب از مُلکِ اسکندر نه چندان نباتِ خاصّه از بندر بیارید

Голова моя болитъ — сандалу⁵ принесите,
Врача изъ царства Александра приведите;
Не столько врача изъ царства Александра,
Сколько отмѣннаго леденца изъ Бендера привезите.

Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

106] Сърәм дәрд у с̀рәм дәрд у с̀рәм Бе рӯјам в̀б кунід б̀бе гуле зәрд
дәрд

Бе рӯјам в̀б кунід раңғам б̀бѣнід Місѣле кәһрубѣ раңғам шуде зәрд

سرم درد و سرم درد و سرم درد به رویم و کنید باغ گل زرد
به رویم و کنید رنگم ببینید مثال کهربا رنگم شده زرد

Голова моя болитъ, голова моя болитъ, голова моя болитъ,
Лицо мое раскройте — (вы увидите) садъ желтыхъ цвѣтовъ;
Лицо мое раскройте, на цвѣтъ лица (моего) посмотрите:
Подобно янтарию цвѣтъ лица (моего) сталъ желтымъ.

Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

¹ v. Ш. б̀јорін.

² v. Ш. накім.

³ v. Ш. дәр.

⁴ v. Ш. п̀абѣшад.

⁵ Кусокъ сандаловаго дерева толкутъ въ порошокъ, смѣшиваютъ съ водой и полученную массу употребляютъ въ качествѣ притиранія при головной боли.

* v. Ш.: Кәфән дәр б̀ухчәи дівәр дәр őrін — Саванъ изъ узла возлюбленной (моей) вытащите.

107] *Suñíl äz kũ dāmíd y mĩdurũxšĩd* *Váli Zeiló¹ be Zeinó¹ bũsé bāxšĩd*
Dũ зуlфўне сїјорó сóјебўн кун *Ke рўје нóзукāt мїсўзā хўршĩд*
 ولی زیلا به زینا بوسه بخشید سهیل از کو دمید و میزرخشید
 که روی نازکت میسوزه خورشید دو زلفان سیارا سایه بان کن

Канопусъ изъ-за горъ взошелъ и засверкалъ,
 Но Зейнальабидинъ Зейнабъ поцѣлуи дарилъ;
 Два локона черныхъ (своихъ) зонтикомъ ты сдѣлай,
 Вѣдь лицо нѣжное твое обожжетъ солнце.

Керманъ 1913.

108] *Suñíl dār² kũ zānād булбóр сўзāд* *Dĩlām äz² ðonĩbe dĩdóр сўзāд*
Suñíl dār² kũ zānād dār sóli jāk бóр *Dĩle mān соātĩ сад бóр сўзāд*
 دلّم از جانپ دلدار سوزد سهیل در کو زند بلغار سوزد
 دل من ساعتی صد بار سوزد سهیل در کو زند در سالی یک بار

Канопусъ изъ-за горъ восходитъ, «булгаръ» онъ сожигаетъ,
 Сердце мое въ отношеніи возлюбленной пламенѣтъ;
 Канопусъ изъ-за горъ восходитъ ежегодно одинъ разъ,
 Сердце мое каждый часъ сто разъ пламенѣтъ.

Ширазъ 1914.

109] *Sijó cháimĩ ke nórānĩ be mān dōd* *Be dīl gũftām худó gānĩ be mān dōd*
Sāre dāstum gĩrũft бўрдум be хўнā *Äz ūn кўнче lābāsh бўсї be mān dōd*
 به دل گفتم خدا گنجی به من داد سیا چشمی که نارنجی به من داد
 از آن گنج لبش بوسی به من داد سر دستم گرفت بر دم به خانه

Черноокая, которая померанецъ мнѣ дала! —
 Сердцу (своему) сказалъ я: «Богъ сокровище мнѣ далъ»;
 За руку меня взяла, повела меня въ домъ,
 Изъ того уголка губъ своихъ одинъ поцѣлуй мнѣ дала.

Исфаганъ (бахт.) 1913. Ширазъ 1914.

110] *Šābe ābrāst y bōrũn xōhād ūmād* *Çoloudóre Сефóhũn xōhād ūmād*
Dũtō jōрĩm ke äz hām gelle dōрĩm *Šābe gelleгузóрũn xōhād ūmād*

¹ Zeiló и Zeinó — уменьшительныя отъ زينب و زين العابدین.

² Чередованіе въ значеніи предлоговъ «дār» и «äz».

شب ابرست و باران خواهد آمد جلو دار سفاهان خواهد آمد
دوتا یاریم که از هم گله داریم شب گله گذاران خواهد آمد

Ночь облачная, и дождь пойдетъ,
Вожатый Исфагана придетъ;
Мы два друга — другъ на друга жалобу имѣемъ,
Ночь изложенія жалобы наступить.

Керманъ 1913.

111] Шáбе шамбэ хьјóл¹ аз јóрám у́мáд Дӯ шамбэ кóсьде дилдóрám у́мáд
Се шамбэ² чáним бе рóh у дил² бе Ке чóр шамбэ гýле бixóрám у́мáд
уммíд³

شب شنبه خیال از یارم آمد دوشنبه قاصد دلدارم آمد
سه شنبه چشم به راه و دل به امید که چار شنبه گل بیخارم آمد

Въ ночь на субботу мечта о другѣ пришла,
Въ понедѣльникъ гопецъ возлюбленной пришелъ;
Во вторникъ глаза (устремленные) на дорогу и сердце въ надеждѣ,
А въ среду роза безъ шиповъ моя пришла.

Ездъ — Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

112] Шáбе máhtób dí'ár áбреш куцó бӯд Зáне бивé dí'ár шáрмеш куцó бӯд
Зáне бивé егér коум у егér кьш Hámín gújád ei дóд аз шоуháре пш
زن بیوه دگر شرمش کجا بود شب مهتاب دگر ابرش کجا بود
همین گوید ای داد از شوهر پیش زن بیوه اگر قوم و اگر خویش

Ночь лунная, гдѣ-же ея облака бývають?
Женщина-вдова, гдѣ-же ея стыдъ бývаетъ?
Женщина-вдова, если она (даже) соплеменница и если она родня,
Только и говоритъ: увы! (гдѣ мой) прежній мужъ!

Ездъ 1913.

113] Шáбе máhtób у фóнусí нáмíхóд Сáфáр кáрдán бе ín дурí нáмíхóд
Hámé gúján сáфáр дурí аз дуссé Há бе дурí нá бе дуссé нáмíхóд
سفر کردن به این دوری نمیخواود شب مهتاب و فانوسی نمیخواود
نه به دوری نه به دوستی نمیخواود همه گویند سفر دوری از دوستی

¹ v. K. Ш. хáбáр; хьјóле јóрám.

³ v. рóhe дил.

² v. K. Ш. íптízóрín мíкáнíдум.

Ночь лунная и фонаря не нужно,
Путешествовать въ такую даль не нужно;
Всѣ говорятъ — далекое путешествіе изъ-за дружбы,
Ни въ (такую) даль, ни изъ-за дружбы не нужно.

Ширазь 1914.

114/ Шáбi ке мánzilám tū ocijóu būd Дū léңге гáндум у ják léңге цоу бūd
Берóје хóтыре ják píре тóтy Шáб у рўз рáхте мán дóјím гирóу
бūd

دو لنگه گندم و یک لنگه جو بود شبی که منزلم تو آسیاو بود
شب و روز رخت من دایم گرو بود برای خاطر یک پیره تاتو

Въ ту ночь когда стоянка моя была на мельницѣ,
У меня было два вьюка пшеницы и одинъ вьюкъ ячменя;
Ради одной старой лошадки
Ночь и день платье мое постоянно въ закладѣ было.

Ездъ 1913.

115/ Шáбi ке мánzilum dār Чóhe Нār бūd Хурóкám óбе шўр у цóуе тār бūd
Bijóу Хóмбóз bijóу ei túлe нóдyн Ке оулóде Кавóм бурдум бе вендyн¹

خوراکم آب شور و جو تر بود شبی که منزلم در چاه نر بود
که اولاد قوام بردم به زندان بیاو خانباز بیاو ای طغل نادان

Въ ту ночь когда стоянка моя была въ Чáhe Нарь²,
Моей ждой была соленая вода и мокрый ячмень;
Приди, Хáмбáзъ³, приди, о дитя неразумное —
Приверженцы Кавáма⁴ повели меня въ темницу.

Ширазь 1914.

116/ Шутўр бéңгáр ке Leilí бór мibурд Цоhóз рáңгín ке бi óбсóр мibурд
Сáр оусóреш бе дáссе чáрхе гáрдyн Дiле бáмвóк бе нáзре бór мibурд

جهاز رنگین که بی آبسار میبرد شتر بنگر که لیلی بار میبرد
دل غناک به نذر بار میبرد سر اوسارش به دست چرخ گردان

¹ Пьеня Аскеръ-хана, своими набѣгами наводившаго ужасъ на окрестности Шираза, схваченнаго Кавáм-уль-Мулькомъ и казненнаго въ Ширазѣ въ 1909 г.

² Деревня въ булюкѣ Мазйджана.

³ Сынъ Аскеръ-хана.

⁴ Кавáм-уль-Мулькъ.

Посмотрите на верблюда, (на которомъ) Лейли поклажу везла,
Сѣдло раскрашенное безъ недоуздка (на себѣ) онъ несъ;
Конецъ его недоуздка въ рукахъ вертящагося колеса¹,
Сердце печальное вмѣсто обѣщанной поклажи онъ несъ.

Ширазь 1914.

- 117] *Шутур хубаст ке бораш намбе Цавун хубаст² лабаш пур ханде
бошад бошад
Цавуні ке надорад мале дунјо Бемрад бехтараст³ то⁴ зенде бошад
جوان خوبست لبش پر خنده باشد شتر خوبست که بارش پنبه باشد
بمیرد بهترست تا زنده باشد جوانی که ندارد مال دنیا
Хорошо, когда ношей верблюда хлопокъ⁵ бываетъ,
Хорошо, когда губы юноши полны смѣха бываютъ;
Юноша, который не имѣетъ богатства этого міра,
Лучше пусть умереть, нежели живъ будетъ.

Исфаганъ — Ездъ 1913. Ширазь 1914.

- 118] Шумо ке мардумуне ин дијорид Бијод у диар арзан макорид
Ке сахташ кистан у осун деридан⁶ Ке одамро мкушад вахте ридан
بيمائيد و دگر ارزن مكاريد شما که مردمان اين دياريدي
که آدمرا ميکشيد وقت ريدن که سختش کشتن و آسان دريدن
Вы вѣдь люди этой мѣстности,
Придите и больше проса не засѣвайте;
Тяжело его сѣять и легко пожинать,
Человѣка убиваетъ онъ во время испражненія.

Керманъ 1913.

- 119] Шанидам булбули дар доме сажјод Намі аз ышке гул микард фарјод
Ке еі сажјод дар доме балојам Бе руже гулрухі ман мупталојам

¹ т. е. небеснаго свода; судьбы.

* v. Ш: Дирахт хубан сад у сі кані бошад — Хорошо, когда дерево о ста тридцати вѣтвяхъ бываетъ.

² v. Ш. хубан.

³ v. Ш. бехтаран.

⁴ v. Е. Ш. ке.

⁵ Вьюки съ хлопкомъ, въ силу своей упругости, равномерно давятъ на всю поверхность вьючнаго сѣдла (قوالب) и, плавно и ритмически раскачиваюсь при ходьбѣ верблюда, не стѣсняють его движенія впередъ.

⁶ = درويدن.

شنیدم بلبلی در دام صیّاد همی از عشق گل میکرد فریاد
 که ای صیّاد در دام بلایم به روی گلرخى من مبتلایم

Слышалъ я, однажды соловей въ силкѣ охотника

Отъ любви къ розѣ жалобно стеналъ:

«Эй, охотникъ, я (очутился) въ сѣтяхъ напасти,

Изъ-за (прекраснаго) лица розоликой я подвергся испытанію».

Керманъ 1913.

120] Садъф¹ дәр Козерун дур дәр² Занóје румешүрі Доулетобод
 Фатобод

Āḡār xōhī ke xūbūnrō bībīnī

Бурóу дәр кунце mahléje³ Riḡōbōd

زنای رومشور دولتآباد

صدفی در کازرون در فتحآباد

بُرو در کُنجِ مَحَلَّةٔ رِجَابَاد

اگر خواهی که خوبانرا ببینی

Раковина въ Казерунѣ, жемчужина въ Фатһабādѣ⁴,

Женщины съ немытыми лицами въ Доулетабādѣ⁵;

Если хочешь ты красавиць увидѣть,

Ступай въ уголокъ квартала Риджабада⁶.

Сивендъ — Шпразъ 1914.

121] Аңаб боді бе рўје гушан ӯмад

Ke ḡūne rāḡtē⁷ ām bōz bār tān ūmād

Mijūne hār dū didéje Ja'kūb roushān

Ke būje Jūsūf āz pīrōhān ūmād

که جان رفته ام باز بر تن ام

عجب بادی به روی گلشن آمد

که بوی یوسف از پیراهن آمد

میان هر دو دیدهٔ یعقوب روشن

¹ v. С. Сārām.

² v. С. āz; предлоги āz, bār и дәр въ языкѣ сивендцевъ чередуются между собою въ значеніи.

³ v. С. mahléje кунце.

⁴ Фатһабādъ — административный центръ (قصبة) булюка Марведашта; лежитъ на ю.-з. отъ Накши Рустэма, въ 9 фарсахъ къ с. отъ Шпраза, на правомъ берегу р. Пульвара и состоитъ приблизительно изъ 250 дворовъ (Фāрс-нāмэ, II, 300).

⁵ Доулетабādъ находится въ 2 съ лишнимъ фарсахъ къ ю. отъ Фатһабāда, въ Марведаштѣ.

⁶ Риджабадъ — тамъ-же, около 2 фарс. къ ю.-в. отъ Фатһабāда, вблизи Кенāрэ, южиѣ послѣдняго.

⁷ v. III. rāḡtānum.

Что за удивительный вѣтеръ на цвѣтникъ повѣялъ,
Такъ что душа отлетѣвшая моя въ тѣло возвратилась;
Средина обоихъ глазъ Іакова просвѣтлѣла,
Когда запахъ Іосифа отъ (его) сорочки повѣялъ.

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

122] Азизам мита́вунам тарке цун кард Нашо́яд тарке јоре меһребун кард
Дил инчо́ дилбар инчо́ ман мусофи́р Сафар би дилбарам кеи мита́вун кард

نشاید ترکِ یارِ مهربانِ کرد عزیزم میتوانم ترکِ جانِ کرد
سفر بی دلبرم کی میتوان کرد دل اینجا دلبر اینجا من مسافر

Дорогой мой, я могу съ душой моей разстаться,
(Но) не слѣдуетъ съ другомъ добрымъ разставаться,
Сердце (мое) здѣсь, возлюбленная (моя) здѣсь, (а самъ) я путешество-
вать собрался —

Путешествіе безъ возлюбленной моей когда-же можно совершить!

Ширазъ 1914.

123] Азизун бар дилам бам мигузори́д Намак бар цуне пур захм мигузори́д
Намак шураст у захмам тозе магзор Маро кунти бе шаһр овозе мандоз

نمک بر جانِ پر زخم میگذارید عزیزان بر دلم غم میگذارید
مرا کشتی به شهر آوازہ منداز نمک شورش و زخم تازه مگذار

Дорогіе (мои), на сердце мое печаль вы палагаете,
Соль на душу (мою) израненную вы посыпаете;
Соль солона, а раны мои свѣжи — не посыпай (соли),
Меня ты сразила, — по городу молву (объ этомъ) не распространяй.

Керманъ 1913.

124] Азизун дил бе хубун мита́вун дод Бе јоре меһребун цун мита́вун дод
Агар бошад ризо́је бобебуні Ка́лиде цун бе цонун¹ мита́вун дод

به یارِ مهربانِ جانِ میتوان داد عزیزانِ دل به خوبانِ میتوان داد
کلیدِ جانِ به جانانِ میتوان داد اگر باشد رضایِ باغبانی

¹ v. дәсташ.

Дорогіе (мои), сердце красавицамъ можно отдать,
Другу милому душу можно отдать;
Если послѣдуетъ согласіе на охрану сада,
Ключъ (сада) души душенькѣ можно отдать.

Исфаганъ 1913.

125] Азізун нушам умад нушам умад Булан бѳлѳје махмал¹ нушам умад
Ніјат кардам ке дәр хѳбаш бѳбншам Бе бѳдорі бе рѳје кушам умад
بکنند بالای محمل پوشم آمد عزیزان نوشم آمد نوشم آمد
به بیداری به روی گوشم آمد نیت کردم که در خوابش بینم
Дорогіе (мои), сладость пришла ко мнѣ, сладость пришла ко мнѣ,
Высокая ростомъ одѣтая въ бархатъ пришла ко мнѣ;
Я вознамѣрился во снѣ ее увидѣть, —
На яву на колѣни она пришла ко мнѣ.

Керманъ 1913.

126] Барібі сахт мәрѳ ділгир дѳрәд Фәләк бәр² гәрданам занқир дѳрәд
Фәләк аз гәрданам занқир бәр дѳр Ке бурбат³ хѳке⁴ дѳмангир дѳрәд
فلک بر گردتم زنجیر دارد غریبی سخت مرا دلگیر دارد
که غربت خاک دامنگیر دارد فلک از گردنم زنجیر بر دار
Чужестранство сильно меня удручаетъ,
Небо на шеѣ моей цѣпь держитъ;
Небо, съ шей мой цѣпь сними —
Вѣдь чужбина почву цѣпкую имѣетъ.

Исфаганъ — Керманъ 1913.

127] Фәләк дѳд у фәләк дѳд у фәләк дѳд Фәләк тахте Сулеймун дѳд бәр бѳд
Сулеймуні ке нуқм бәр⁵ бѳд мѳкард Худаш мѳдѳд⁶ ке тахташ рѳ бәрәд⁷
бѳд
فلک تخت سلیمان داد بر باد فلک داد و فلک داد
خودش میدید که تختش را برد باد سلیمانی که حکم بر باد میکرد

¹ v. атлас.

² v. и. дәр.

³ v. и. барібі.

⁴ v. и. ѳхе.

⁵ v. и. аз.

⁶ v. и. мѳрәфт.

⁷ v. и. тахташ мѳбәрәд.

Горе отъ неба, горе отъ неба, горе отъ неба!
Небо тронъ Соломона пустило на вѣтеръ;
Соломонъ, который повелѣвалъ вѣтромъ,
Самъ видѣлъ, какъ тронъ его уносить вѣтеръ.

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

128] Фäläák дур аз рафiке хушгiлām кäрд Чū булбуl будам цудō аз гуlām кäрд
Нäмiхōстām аз ин рафiк цудōi Мäн аз дōбе цудōi кōмiлām кäрд
فلک دور از رفیق خوشگلم کرد چو بلبل بودم جدا از گلم کرد
نیخواستم از این رفیق جدائی من از داغ جدائی کاملم کرد
Небо далекимъ отъ прелестнаго товарища меня сдѣлало,
Какъ соловей я былъ — разлучило меня съ розой;
Я не хотѣлъ съ этимъ товарищемъ разлуки,
Меня отъ страданій разлуки совершеннымъ¹ сдѣлало.

Ширазъ 1914.

129] Фäläák дiдi че тiре² кōрiјум зäд Нä дäр хōбум³ нä дäр бiдōрiјум зäд
*Пōhi хeйр нäбiнi мäрдe сäjjōд Ке тiр бäр шeддeјe⁴ мурвōрiјум зäд
فلک ديدى چه تير کاريم زد نه در خوابم نه در بيدار يم زد
الهى خير نبينى مرد صيباد كه تير بر شده مرواريم زد
Небо, ты видѣлъ, что за мѣткую стрѣлу въ меня метнуло,
Ни во снѣ меня, ни на яву меня не поразило;
О Боже, добра да не увидишь ты, человекъ-охотникъ —
Вѣдь стрѣлу въ кисточку четокъ жемчужную мою метнуло.

Ширазъ 1914.

130] Фäläák рuzi ке сäр бōре бāмум кäрд Мäно дур аз хbш у коум нäмeмум
кäрд
Берōге бāм невiштe дōд бе дäстām Мyсегäрдyне кyлле olāmум кäрд

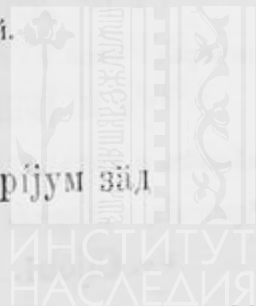
¹ کامل — состарившейся, въ противоположность جاهل — молодой.

² v. тiрi. ³ v. хōб у. ⁴ шeддe = мäцгулe.

* v. второй половины четверостишя:

Бе пyнте хyнејe Маһмyде Lōri Бе зiре чōдыре гулнōрiјум зäд

Позади дома Маһмyда Ларi
Въ шатрѣ гранатового цвѣта меня поразило.

133] Gýle sýrxám¹ черо́ рáңгáт шудé² Mägár бóде хазóн³ аз⁴ тū гузár
зáрд кáрд

*Mán⁵ аз⁶ бóде хазóн³ gilé⁷ нáдóрám Ke⁸ hár кóрт сáрám умáд худó кáрд

مگر بادِ خزان از تو گذر کرد گلِ سرخم چرا رنگت شده زرد
که هرکاری سرم آمد ذرا کرد من از بادِ خزان گله ندارم

Моя алая роза, почему цвѣтъ твой сталъ желтымъ?

Развѣ осенній вѣтеръ пронесся надъ тобой?

Я на осенній вѣтеръ не жалуясь —

Вѣдь каждое дѣло, на мою голову пришедшее, Богъ устроилъ.

Исфаганъ — Керманъ 1913. Сивендъ — Ширазъ 1914.

134] Gýli mîxóm ke чордéh cólé бóшáд Дū пóје нозукáш бáр чолé бóшáд
Дáмóдám мízánáд дафтín бе кóрáш Бағалхóбе мáне бичóре бóшáд

دویای نازکش بر چاله باشد گلی میخوام که چارده ساله باشد
بغل خواب من بیچاره باشد دمامد میزند دفتین به کارش

Розу хочу я, которая четырнадцати лѣтъ была-бы,

Двѣ ножки нѣжныя ея на «чáлэ» были-бы;

Непрестанно бьетъ она желѣзнымъ гребнемъ о свое издѣліе⁹ —

Спящей въ объятіяхъ со мной была-бы.

Ездъ 1913.

135] Lábúnát¹⁰ бó lábum¹¹ хūн¹² тūм¹³ Чū¹⁵ бáррэ меіле¹⁶ шіре хūм¹⁷ дó-
дóрáд¹⁴ рáд¹⁴

Lábi ke¹⁸ бó lábát óмұхтé кáрдí Lábé бусідé¹⁹ кеі óрум дóрáд¹⁴

¹ v. Ш. сýрхум. ² v. Ш. шудáт. ³ v. С. Ш. казóн. ⁴ v. И. К. бáр;
К. умáд тýрo зáд. ⁵ v. Ш. Мū. ⁶ v. Ш. бáр. ⁷ v. И. gilé; Ш. gellé.

⁸ v. Ш. Бе; и. К. Ke hár кóр бáр сáрám; Ш. Ke hár чí бáр.

* v. К. второй половины четверостишія:

Бурбу бóде хазóн hārgíz nājōi Ke рáңге гулáнóрám кáрдéи зáрд

Ступай, осенній вѣтеръ, никогда (больше) не приходи,

Цвѣтъ (лица моего) похожій на цвѣты граната ты сдѣлалъ желтымъ.

⁹ т. е. коверъ, тканьемъ котораго она занята и который растянуть на рамѣ (тáндóр),
горизонтально поставленной на землѣ; передъ рамой въ землѣ сдѣлано углубленіе (чолé),
куда ставятъ ноги во время работы.

¹⁰ v. И. Lábúnám. ¹¹ v. И. lābúnát. ¹² v. И. ош. ¹³ مزه = طعم.

¹⁴ v. И. дóрен. ¹⁵ v. И. Ш. Че. ¹⁶ v. И. meil бе. ¹⁷ v. И. хūн.

¹⁸ v. И. Lábúnám. ¹⁹ v. И. óмұхтé.

لبانت با لبم خوش طعم دارد جو برّه میل شیر خوم دارد
 لبی که با لب ت آموخته کردی لب بوسیده کی آروم دادرد

Губы твои съ моими губами сладкій вкусъ имѣютъ,
 Какъ ягненокъ склопность къ молоку свѣжему имѣеть;
 Губы, которыя къ губамъ своимъ ты приучила, —
 Губы, вкусившія поцѣлуя, когда покой имѣютъ?

Исфаганъ (бахт.) 1913. Ширазь 1914.

136] Musālmōnūn¹ dilām jōde² vatān Nāmīdūnām vatān ki jōde mān kārd³
 kārd³

*Нāmīdūnām pedār būd jō беродār **Jākūn dūnām ke mōdār jōde mān
 kārd³

مسلمانان دلم یاد وطن کرد غیرانم وطن که یاد من کرد
 غیرانم پرر بود یا برادر یقین دانم که مادر یاد من کرد

Мусульмане, сердце мое вспомнило о родинѣ,
 Не знаю я, на родинѣ кто вспомнилъ обо мнѣ;
 Не знаю я, отецъ былъ (это) или братъ,
 Съ увѣренностью знаю, что мать вспомнила обо мнѣ.

Керманъ 1913. Кенārэ — Ширазь 1914.

137] Musālmōnūn musālmūni nādōrīd Nāmé gābrīd y īmūni nādōrīd
 Dilō gābrī be dīne gābr tō kei Musālmūn shoū be dīne gābr tō ke¹

¹ v. Ш. Худовендо. ² v. Ш. méile. ³ v. Кен. кірд.

* v. К.: Ватān hāqās nābūd veir āz беродār — На родинѣ никого не было, кроме брата.

v. Кен.: Nādōrām dār vatān kāc jōre dilcūz — Не имѣю я на родинѣ никого сердобольнымъ другомъ.

v. Ш.: Nāmīdūnām rafīkāst jō беродār — Не знаю я, товарищъ (это) или братъ.

** v. Кен.: Хушāsh bōshād ke Сугрō jōd āz mān кірд — Да будетъ радостно ей, вѣдь (это) Сугрā вспомнила обо мнѣ.

v. Ш.: Sālōmāt bōshād ūnke jōde mān kārd — Да будетъ благополучіе тому, кто вспомнилъ обо мнѣ.

v. Ш.: Хушāsh bōshād беродār jōde mān кірд — Да будетъ радостно ему, (вѣдь это) братъ вспомнилъ обо мнѣ.

v. Е. всего четверостишія:

Dilōrōje хушī dōrēm be Кермūn Nāmīdūnām ke gābrāst jō musālmūn
 Ājō gābrō musālmūn shoū chē mīshē Be dīne хūd пешеīmūn shoū chē mīshē

Красавицу прелестную имѣю я въ Керманѣ,
 Не знаю, гебрка она или мусульманка;
 Эй гебрка, мусульманкой стань, — (отъ этого) что сдѣлается?
 Въ вѣрѣ своей раскайся — (отъ этого) что сдѣлается?

مسلمانان مسلمانى نداريد همه گبريد و ايمانى نداريد
 دلا گبرى به دين گبر تا كى مسلمان شو به دين گبر تا كى

Мусульмане, мусульманства вы не имѣете,
 Всѣ вы гебры и (истинной) вѣры не имѣете;
 О сердце, ты гебрь, въ религiи гебровъ доколѣ (будешь ты коснѣть)?
 Мусульманномъ стань, въ религiи гебровъ доколѣ (будешь ты ко-
 снѣть)?

Керманъ 1913.

138] *Мән аз модәр безодәм модәрәм Мурд Мурд
 **Мән аз шіре бузболé⁴ шудәм Фәләк бәр гаһит у⁵ бузболém⁶ әм
 kōnī Мурд

من از مادر بزادم مادرم مُرد مرا دادند به دايه دايه هم مُرد
 من از شیر بزغاله شدم قانع فلک بر گشت و بزغاله هم مُرد

Я отъ матери родился — мать моя умерла,
 Меня отдали кормилицѣ — кормилица моя также умерла;
 Я молокомъ козы удовольствовался,
 Счастье⁷ отвернулось, и коза моя также умерла.

Ширазь 1914.

139] Māhe mән bāzm у ajōne⁸ kī gārđād Бе рух шāhме шābestōне kī gārđād
 Māhe mән рāфтéi бō⁹ пуштéје бум Бе поін һәм нāзār кун еi дiлорум

مه من بزم و عيان كه گردد به رخ شمع شبستان كه گردد
 مه من رفتۀ با پشتۀ بام به پائين هم نظر کن ای دلارام

Мѣсяць мой пиромъ яснымъ кого станеть?
 Лицомъ (своимъ) какъ свѣчей опочивальни кого станеть?
 Мѣсяць мой, ты ушла на крышу (дома),
 Внизъ также посмотри, о сердце-успокаивающая!

Ширазь 1914.

* v.: Mānāk tīflī būdām ke modārām murd — Вѣдь я ребенкомъ былъ, какъ мать моя умерла.

1 v. Mānāk. 2 v. tōjé. 3 v. tōjém. 4 v. buzkolé.

** v. Mānāk pobāstéje buzkolé kārđān — И вотъ меня пристроили къ козѣ.

5 v. rāhmī nākārd. 6 v. buzkolém. 7 собств. небо, небесный сводъ.

8 = بزم عيان 9 = ده.

140] Hāfās bār nei zānām tō nei beхōnād Ke шōjād rōze mān bō kāс nāgūjād
 Āfār nei rōze mān bō kāс beгūjād Ōгеш bār nei zānām tō nei бесūzād

که شاید رازِ من با کس نگوید نفسِ بر نی زخمِ تا نی بخواند
 آتشِ بر نی زخمِ تا نی بسوزد اگر نی رازِ من با کس بگوید

Подую я въ тростникъ, чтобы тростникъ зацѣль,
 Быть можетъ мою тайну онъ никому не сумѣетъ разсказать;
 Если тростникъ мою тайну кому-нибудь разскажетъ,
 Огонь (страсти) вдуну я въ тростникъ, чтобы тростникъ сгорѣлъ.

Исфаганъ 1913.

141] Vélām āz сарhāде bōlō mījōjād Худе āсп у чапār hāmрō mījōjād
 Telbāsh vō kunīd dōurāsh bīgīrīd Сāре сōl рāфтā ву hōlō mījōjād

خود اسپ و چپر همرا میاید ولم از سرحدِ بالا میاید
 سر سال رفته و حالا میاید ... وا کنیید دَورِش بگیرید

Цвѣтикъ мой изъ верхняго «сарhада» прибываетъ,
 Съ конемъ и въ сопутствіи чапара прибываетъ;
 . . . раскройте, ее вы окружите —

Ровно годъ какъ ушла и (только) теперь прибываетъ.

Ширазъ 1914.

142] Vēle mān būrce bōlō сār dār ōvūrđ Dīle kām сāбре mān тоkāt nājōvūrđ
 Dāmōdām būđ ke mān vel рō bībīnām Dārīчā bībāфō сār dār hāvō бурđ

دلِ کم صبرِ من طاقتِ نیاورد ولِ من برجِ بالا سر در آورد
 دریچه بیبنا سر در هوا برد دما دم بود که من ولرا ببینم

Цвѣтикъ мой въ башнѣ наверху высунула голову,
 Сердце малотерпѣливое мое не выдержало;
 Непрестанно (можно) было (-бы) миѣ цвѣтика видѣть,
 Да дверца вѣроломная захлопнулась.

Ширазъ 1914.

143] Vēle mān Шāhrбонū нūме дорād Бе дāстāш тārкeje бодуме дорād
 Бе дāстāш тārкeje бодум у бōкы Худāш ōшīк мārō бāдaуме дорād

به دستش تركه بادام دارد ولِ من شهربانو نام دارد
 خودش عاشقِ مرا بدنام دارد به دستش تركه بادام و باقی

Цвѣтикъ мой Шаһрбāнū имя имѣеть,
 Въ рукахъ своихъ вѣтку миндаля имѣеть;
 Въ рукахъ ея вѣтка миндаля осталась —
 Сама она влюблена, а меня опозореннымъ оставила.

Керманъ 1913.

144] Vēle mān lōilōje ġāhvōré mīkīrd¹ Седōје нōзукāш дīл пōрē мīкīрд¹
 Седōје нōзукē lōilōje dīlbār Ешōрā бār māпe бīчōрē мīкīрд¹

صدای نازکش دل پاره میگرد دل من لایلائی گه-واره میگرد
 اشاره بر من بیچاره میگرد صدای نازک لایلائی دلبر

Цвѣтикъ мой колыбель качала,
 Голосокъ тонкій ея (мое) сердце раздираль;
 Голосокъ тонкій баюканья возлюбленной (моей)
 На меня несчастнаго указываль².

Ширазь 1914.

145] ġār ūn jōrī ke méile jōr dōrād Че пāрвō āз дār у дīвōр dōrād
 ġīgōrām nōzenīn eī rīzē dāndūn Тūrō āз бīшке mān бārān³ бе вендūn

چه پروا از در و دیوار دارد هر آن یاری که میل یار دارد
 ترا از عشق من برند به زندان نگارم نازنین ای ریزه دندان

Каждый тотъ другъ, который склонность къ (своему) другу питаетъ,
 Какую боязнь передъ дверью и стѣной питаетъ?
 Красавица моя, нѣжная, съ мелкими зубами!
 Тебя изъ-за любви ко мнѣ ведутъ въ темницу,

Исфаганъ 1913.

146] *Jéki nōumād⁴ jéki āz Lōr nōumād⁴ Jéki āz dōnībe dīldōr nōumād⁴
 **Jéki nōumād je⁵ ahvōlī bīġrām⁶ Bībīnām dīlxūshāt⁷ jō dīġīrūnāt⁸

¹ v. mīkārđ. ² Ср. В. Жуковский. Колыбельныя пѣсни etc., стр. 100.

³ v. mībārān, būrdān.

* v. Кен.: Jéki āz ġārmesīre Lōr nōumā—Одинъ кто-либо изъ ġārmesīra и Лара не пришелъ.

⁴ v. ibid. nōumā.

⁵ v. ibid. ke.

⁶ v. ibid. būpurcām.

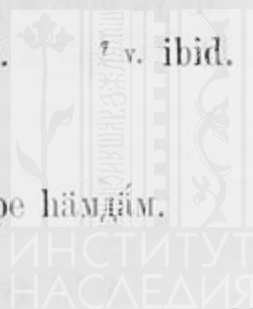
⁷ v. ibid.

dīlxūshāse. ⁸ v. ibid. dīġīrūnā.

** v. Ш. второй половины четверостишія:

Jéki nōumād бе ġ māhmūrīje cām Jéki nōumād бе піше jōre hāmđīm.

Одинъ кто-либо не пришелъ по этому общему порученію,
 Одинъ кто-либо не пришелъ къ другу близкому.

یکی نَومد یکی از لار نَومد
یکی نَومد یه احوالی بگیرم
یکی از جانب دلدار نَومد
ببینم دلخوشست یا دلگرونت

Одинъ кто-либо не пришелъ, одинъ кто-либо изъ Лара не пришелъ,
Одинъ кто-либо со стороны возлюбленной не пришелъ;
Одинъ кто-либо не пришелъ, чтобы я (о ней) хоть коротко освѣдомился,
(И) увидалъ, весела или печальна она сердцемъ.

Кенāрэ — Ширазъ 1914.

147] Āz ūn bōlō mijōd jāk ūft poloūdōr Кудум кōкō хумин¹ нимчē kalamkōr
Ке рiшеш вōвудин² рiшā бō рiшā Сāре чāңгеш hōrūm³ keilūne шiшā

از اون بالا میاد یک جفت جلّودار
که ریشش واوودن ریشه با ریشه
کدام کاکا خومن نیچه قلمکار
سر چنگش هاجم قیلون شیشه

Оттуда сверху идетъ одна пара вожатыхъ (каравана),
Который (изъ нихъ) мой братъ? — (Одѣтый въ) полукафтанъ (изъ) ка-
Борода его растрепалась на множество прядей, — [лямкара⁴.
Въ руки ему я подамъ стеклянный кальянъ.

Ширазъ 1914.

148] Бeбуррāм дāсте устōдūне дурrār⁵ Дигār бār hām nābāndād тахтē ву
дār

Че кōр дōрi бe устōдūне⁶ дурrār⁵ Ке бār hām рōст овордē тахтē ву
дār

ببرم دست استادانِ درگر
چه کار داری به استادانِ درگر
دگر بر هم نیندد تخته و در
که بر هم راست آورده تخته و در

Отрѣжу я руки мастеровъ-дверодѣлателей,
Больше какъ попало не стануть прибывать дверныя доски;

¹ = خود است. ² = شده است. ³ = میدهم. ⁴ набивной ситець.
* v. Ш. всего четверостишія:

Āz ūn bōlō mijōd kōfilē sāңgin Кудум jōре mānāt pōtuvē rāңgin
Pōtuvētrō vō kunām рiшā бe рiшā Нūкiш мурвōрi jū бiхеш bānāfshā

Оттуда сверху идетъ тяжело навьюченный караванъ.
Который (изъ нихъ) мой другъ? Тотъ у котораго цвѣтныя гетры;
Гетры твои я вскрою бахромка за бахромкой —
Кончикъ ихъ — жемчугъ, а низъ — фиалка.

⁵ v. Ш. дурrār. ⁶ v. Ш. ūn устōде.

Что за дѣло тебѣ до мастеровъ-дверодѣлателей —
Вѣдь они правильно сложили дверныя доски.

Исфаганъ 1913.

149] Біјо бѣде себѣ ву сѹбхе ділгір Хāбāр āз мāн бēбāр бе мōдāре пīр
Бугу фāрзāн доhōјēt мīрāсунād Hālōlām кун ке шābōhō дōдēt шīр
خبر از من بپر به مادر پیر بیما باد صبا و صبح دلگیر
حلالم کن که شبها داده شیر بگو فرزند دعایت میرساند

Приди, вѣтеръ разсвѣта и утро сердцеплѣняющее,
Вѣсть отъ меня снеси къ матери старой;
Скажи: дитя (твое) молитву о тебѣ посылаетъ,
Прости меня — вѣдь по ночамъ ты (мнѣ) давала молоко.

Сивендъ 1913.

150] Біјо духтāр біјо мōпōрē духтāр Берēнче роубūне гūнīt āз кāmūtār¹
Берēнче роубāне бūшкōбе чīнī Дū дāстām гāрдāне jōре lāshānī
برنج روغن گوشت از کموتر بیما دختر بیما مایاره دختر
دو دستم گردن یار لشنی برنج روغن بوشقاب چینی

Приди, дѣвушка, приди, луноподобная дѣвушка!
Рисъ, масло и мясо голубя!
Рисъ, масло и тарелка фаянсовая, —
Двѣ руки моя (покоятся) на шеѣ друга «ляшані»².

Ширазъ 1914.

¹ = کبوتر.

² Lāshānī Tānīte Obōdé — деревня въ 4—5 фарсахъ къ ю.-в. отъ Кāдирāбāда и Мургаба; жители не брезгаютъ грабежемъ каравановъ.

Lāshānī — небольшое полукочевое племя иранскаго происхожденія; живутъ въ Хаф-ракѣ, въ 2 — 3 фарс. отъ Сейдūна, лѣтомъ въ шатрахъ (чōдīр нīшīн) по склонамъ горъ, на зиму же строятъ хижины изъ камня и покрываютъ ихъ тростникомъ; такія постройки называются «кūмā». Lāshānī состоятъ изъ 35—40 семействъ (хōнвōдē), занимается скотоводствомъ и выдѣлкой ковровъ; говорятъ на языкѣ близкомъ къ діалекту луровъ.

По даннымъ А. Г. Туманскаго «Лешени — самое большое племя «фарсовъ» кочевниковъ—1,000 шатровъ, лѣтуютъ у Серчехана, недалеко отъ Нейриза, зимуютъ въ Нешенганѣ (Фичеганъ) въ 15 фарсахъ къ сѣверо-востоку отъ Шираза». См. его «Отъ Каспійскаго моря къ Хормузскому проливу и обратно 1894 г.». Сборникъ... матеріаловъ по Азии. Изд. Военно-Ученаго Ком. Гл. Штаба. Вып. LXV. Спб. 1896, стр. 77.

151] Педър хубасс¹ ке² модър бѣке *Надѳрам мѣвѣ мѣсле берѳдър
 беһтър

**Берѳдър мѣвѣје бѳбе бѣһштѣ Хушѣн бѳнѣд педър ке і мѣвѣ кенгѣ

ندارم میوهٔ مثلِ برادر پدر خوبست که مادر بلکه بهتر
 خوشش باشد پدر که این میوه کشته برادر میوهٔ باغ بهشته

Отець хорошъ, но мать пожалуй лучше,

Я не имѣю плода, подобнаго брату;

Братъ (есть) плодъ райскаго сада,

Отцу да будетъ благо, что онъ посѣялъ этотъ плодъ.

Керманъ 1913. Ширазъ 1914.

152] Ту ин бун у мѣн ин буне берѳбър Тамуме цѣсм у цунѣм шудѣ Іѳбър
 Пѳһи һѣр ке мѣнрѳ аз ту сѣвѳ кѣрд Бегѣрдѣд тѳ кыјумѣт бѣ берѳдър

تو این بون و من این بون برابر تمام جسم و جانم شده لاغر
 الهی هر که منرا از تو سوا کرد بگردد تا قیامت بسی برادر

Ты на этой крышѣ, а я на этой крышѣ насупротивъ,

Все тѣло и душа моя похудѣли;

О Боже, всякій кто меня съ тобою разлучилъ, —

Пусть будетъ до страшнаго суда безъ брата.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

153] Ту ке бѳлѳје бунѣ рѳје тѣндѳр Бе цунѣ шѣн берѳрет сѣр булѣн дѳр
 Му ке сѣр булѣн дѳрам ту чѣ дунѣ Тѳ нѳрѳ нѣшкенѣ тѳмеш нѣдунѣ

تو که بالای بونی روی تندار به جان شش برارت سر بلند دار
 مو که سر بلند دارم تو چه دانی تا نارانشکنی طعمش ندانی

¹ v. Ш. хубѣн.

² v. К. у.

³ v. К. нѳзенѣнѣт; v. Ш. нѳзенѣнѣн.

* v. К. второго стиха:

Берѳдър мѣвѣје рѳје земѣнѣст (Ш. земѣнѣн) — Братъ — (прекраснѣйшій)
 плодъ на землѣ.

** v. двухъ послѣднихъ стиховъ:

Ш. Берѳдър бѣм мѣхур дунѳѳ һѣмѣнѣн Ке доулѣт сѳјѣје сѳбһ у нѣѣнѣнѣн

Братъ, не печалься, (вѣдь) мѣръ таковъ, —

Вѣдь богатство (какъ) тѣнь утромъ и на закатѣ.

دم آوشهٔ ولم جفت سفیدار هم صبح و پسین آیم به دیدار
شنیدم میوهٔ باغت فروشن فروشنده توئی بنده خریدار

Возлѣ двора цвѣтика моего (есть) пара бѣлыхъ тополей,
Всегда утромъ и предъ закатомъ я прихожу на свиданіе,
Слышаль я — плоды сада твоего продаются,
Продавецъ ты, (а) рабъ (твой) покупатель.

Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

160] دُتو گُрге äcäl peidō шуд аз дур Гірібунам гіріфтат мібарад зур
Рафкун шарбеге ешам бунушд Гаһи тах у гаһи шірін гаһи шур
دوتا گرگ اجل پیدا شد از دور گریبمانم گرفتت میبرد زور
رفیقان شربت عیشم بنوشید گهی تلخ و گهی شیرین گهی شور

Два волка смерти показались издалека,
За воротъ меня схватили и уводятъ силою;
Товарищи, напитокъ жизни моей испейте:
То онъ горекъ, то онъ сладокъ, то онъ солонъ.

Ширазъ 1914.

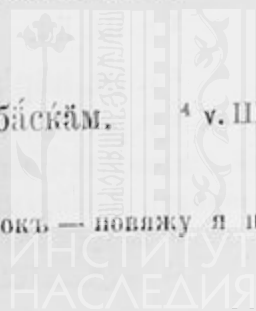
161] دُ чаіимунам¹ бе дард умад² бе Зе баска³ герја кардам⁴ аз раме
jāk bōr jōr
*Бедех дасмоле дасе чаіимам бе- Ке шојад⁵ хуб шавад аз⁶ буже
бандам дасмоl

ز بسکه گریه کردم از غم یار دو چشمانم به درد آمد به یک بار
که شاید خوب شود از بوی دستمال بدہ دستمال دست چشمم ببندم

Два глаза мои заболѣли сразу,
Отъ того что много плакалъ я отъ печали по другѣ;
Дай платокъ, (что) въ рукахъ (у тебя) — глаза мои (имъ) повяжу,
Быть можетъ лучше станеть (имъ) отъ запаха платка.

Исфаганъ 1913. Ширазъ 1914.

¹ Ш. чаіимунум. ² v. Ш. (сивенд.) oméi. ³ v. Ш. Ке баскām. ⁴ v. Ш. кірдām. ⁵ v. Ш. Зе бākām. ⁶ v. Ш. бār.
* v. Ш. Бедех дасмоl бeбандām руже чаіимам — Дай платокъ — повяжу я на глаза свои.

162/ Дӯ се рӯзән ке бәр¹ jōрум² шӯ- Кенóre⁴ Цаһрум у Рӯдхунéје Шӯр
дум³ дӯр

Нар ункās ке мән⁵ аз jōрум² ку- Забӯнāш lōl бегāрдād⁷ дīдеш⁸ кӯр
нād дӯр⁶

دوسه روزن که بر یارم شدم دور کنار چه-روم و رودخانه شور
هر آنکس که من از یارم کند دور زبانش لال بگردد دیده اش کور

Уже нѣсколько дней какъ отъ друга своего я удалился:

Нахожусь возлѣ Джаһрума⁹ и Соленой Рѣки¹⁰;

Всякій, кто меня отъ друга моего отдалить, —

Языкъ его нѣмымъ пусть станетъ, (а) глаза его слѣпыми.

Сивендъ — Ширазъ 1913.

163/ Дӯкӯнā умādām бōлōје Кулвōр Дīлум мīхōст берām бār дīдāне jōр
Земестунāt¹¹ māцōle рāфтāнум нисс Боһōр мīрām ке сарһād гāштé
gυlzōр

دو کوهه آمدم بالای گلوار دلم میخواست برم بر دیدن یار
زمستانست مجال رفتنم نیست بهار میرم که سرحد گشته گلزار

Въ Дӯкӯнā¹² я пришелъ, что выше Кульвāра,

Сердце мое желало, чтобы я пошелъ на свиданіе съ другомъ;

(Теперь) зима, возможности отправиться у меня нѣтъ,

Весною отправляюсь, когда «сарһадъ» станетъ цвѣтникомъ.

Ширазъ 1914.

164/ Саһаргōhī рāsīдām бōбе āнцīр Бедīдām духтāрī мīāшт дīгīр
Бе у āнвōl кārдām hōle зōрāш Бегуфто jōре мән кārдāн бе зāнцīр
بدبدم دخترى میگشت دلگیر سرگاهى رسيدم باغ انجیر
بگفتا یار من کردند به زنجیر به او احوال کردم حال زارش

¹ v. Ш. āз. ² v. Ш. jōрām. ³ v. Ш. шудām. ⁴ v. Ш. Mijūne.

⁵ v. Ш. mār'āз. ⁶ v. Ш. севō кīрд. ⁷ v. Ш. гāрдād. ⁸ v. Ш. дīдеш.

⁹ Городъ къ ю.-в. отъ Ширази съ населеніемъ около 9000 чел. Главное занятіе жителей составляетъ земледѣліе и культура финиковыхъ пальмъ; по количеству добываемыхъ финиковъ Джаһрумъ не уступаетъ даже Басрѣ.

¹⁰ Течетъ вблизи Джаһрума, на в. отъ него.

¹¹ = زمستانست. ¹² Дӯкӯнā — д. въ 3½ фарс. къ с.-з. отъ Ширази.

Однажды на зарѣ пришелъ я въ садъ фиговыхъ деревьевъ,
Увидѣлъ одну дѣвушку — бродила она уныло;
У нея я справился о состояніи ея печальномъ, —
Сказала она: «друга моего въ цѣпи заковали».

Ездъ 1913.

165/ Саһаргāһ хоб дідам бѳ дїле зѳр Āġār ġā sār noġōdam dōmāne jōr
Ġāhī be īn ḡsūdeġī rōzī nābūdām Ke tō maġšār šāvām āz хоб бїдѳр

اگر گه سر نهادم دامن یار سحرگه خواب دیدم با دل زار
که تا محشر شوم از خواب بیدار گهی به این آسودگی راضی نبودم

На зарѣ во снѣ я видѣлъ съ сердцемъ угнетеннымъ,
Какъ будто голову я положилъ на полу (платья) друга;
Ни на одинъ мигъ при такомъ покоѣ согласенъ не былъ я (на то),
Чтобы до страшнаго суда проснулся я отъ сна.

Шяразъ 1914.

166/ Ацāб кўһе¹ булāндї дѳрā Цўпѳр Ĵākōġāk mīvāmōġād хўнѳје jōr
Нїшўнї² мїдāһām ġār бѳшїпѳсї³ Сāре⁴ кўфте чāпāш дѳрā дўтѳ хѳл

عجب کوه بلندی داره جویار یکایک مینماید خانه یار
نشانی میدهم گر بشباسبی سر کفت چپش داره دوتا خال

На удивленіе высокую гору имѣеть Джўпāрѣ⁵,
Постепенно показывается домъ подруги;
Одну примѣту дамъ (тебѣ), если ты узнаешь:
У лѣвой щеки имѣеть она двѣ родинки.

Ездъ — Керманъ 1913.

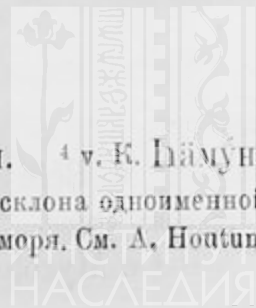
167/ Ġūle сурх у сāфїд у дўнѳје пѳр Мѳ пѳбāсте тўġām еї нѳзāнїн jōr
Мѳ пѳбāсте тўġām шāһре бārїбї Мāкун нѳмāрдї ју хўбум нїġāһ дѳр

گل سرخ و سفید و دانه نار ما پابست تویم ای تازنین یار
ما پابست تویم شهر غریبی مکن نامردی و خوبم نگه دار

Роза алая и бѣлая, зернышко гранатовое,
Мы во власти твоей, о нѣжный другъ;

¹ v. E. бўрце. ² v. K. Нїшўнїт. ³ v. K. E. пѳмеш нāмїġām. ⁴ v. K. Дāмун.

⁵ Селеніе, расположенное къ югу отъ г. Кермана, у подошвы с.-з. склона одноименной горы, двойная вершина которой достигаетъ 12850 футовъ надъ уровнемъ моря. См. A. Houtum Schindler, Reisen im südlichen Persien, S. 350.

Мы во власти твоей въ городѣ чужбины,
Не проявляй безчеловѣчности и хорошо меня береги.

Ширазь 1914.

168/ *Bäfō¹ xōstum² äġār nā jōr bičjōr Ğūli xōstum² äġār nā xōr bičjōr
Ğūli xōstum² ke sojāš bēnešinum Äġār nā sojēje dīvōr³ bičjōr
گلی خواستم اگر نه خار بسیار وفا خواستم اگر نه یار بسیار
اگر نه سایه دیوار بسیار کلی خواستم که سایهش بنشینم

Вѣрности я пожелалъ, вѣдь иначе друзей много;
Одну розу пожелалъ я, вѣдь иначе шиповъ много;
Одну розу я пожелалъ (такую), чтобы въ тѣни ея мнѣ посидѣть,
Вѣдь иначе тѣни (отъ) стѣны (бываетъ) много.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

169/ *Béle bolōbulāndum tūje nīmdār Mičōle⁴ rūče kūhī mīkāšē⁵ sār
Nīšinum hāmčī sajjōdī kāmīneš Bāsō bōre diġār ojad be šābčār
مثال قوج کوهی میکشه سر ول بالا بلندم توی نیمدر
بسا بار دگر آید به شپجر نشینم همه صیادی کمینش

Цвѣтикъ высокаго роста мой въ полуоткрытую дверь
Подобно горному барану протягиваетъ голову;
Сяду я какъ охотникъ въ засадѣ противъ нея —
Много разъ еще придетъ она въ ночное.

Ширазь 1914.

170/ Béle bolōbulāndīm dūneje nōr Mijūne mō vu tū jāk lūje dīvōr
Mijūne mō vu tū kōsyd nāmīxōd hāmé subh y nāsī oīm be ddōr

¹ v. Bāfō. ² v. mīxōm. ³ v. dīfōl.

* v. K. всего четверостишія:

Äġār jōre māwī hāmōr hāmōr Ke bōšād jōre nōhāmōr bičjōr
Назар бәр сојѣје зулфе тӯ дорам Ke bōšād sojēje dīvōr bičjōr

Если ты другъ мой — будь-же подходящимъ,
Вѣдь друзей неподходящихъ бываетъ много;
Взглядъ на тѣнь локоновъ твоихъ я устремилъ,
Вѣдь тѣни (отъ) стѣны бываетъ много.

* v. Béle Nācmōn nīšesté tūje nīmdār — Цвѣтикъ Наджма усѣлась между створокъ двери.

⁴ v. Mucōle. ⁵ v. mīkāšād.

ول بالابلاندرم دانسه ناز میان ما و تو یک لوی دیوار
 میان ما و تو قاصد غیخواد همه صبح و پستی آئیم به دیدار

Цвѣтикъ високаго роста мой, зернышко гранатовое,

Между нами и тобой одинъ слой стѣны¹;

Между нами и тобой гонца не нужно —

Всегда по утрамъ и вечерамъ мы приходимъ на свиданіе.

Ширазь 1914.

171/ Béle mū tūje nīmdār mīkāshé sār Gulōb āz gul girīft īn mōhe hōvār
 Худōjō nācle lūr shīrīn zābōien Худеш маэс буд у мōрō кирде кофār

گلآب از گل گرفت ابن ماهِ خاور ول مو توی نیمه در میکشه سر

خودش مست بود و مارا کرده کافر خدایا نسل لُر شیرین زبانن

Цвѣтикъ мой въ полуоткрытую дверь протягиваетъ голову,

Розовую воду у розы взялъ этотъ мѣсяць востока;

О Боже, племя луровъ краснорѣчиво, —

Сама она хмѣльна была, а насъ сдѣлала невѣрующимъ.

Ширазь 1914.

172/ Be Ноубандегун расидам бō иззāt Бе тупе сӯзāнī jāk фбуце сārвōз
 у нōз

Сāvōrī bōsīrī dār shīd be meidūn Бе уммиде худō гīрām Мāзīcūn

به توپ سوزنی یک فوج سرواز به نویندگان رسیدم با عزت و ناز

به امید خدا گیرم مزبجان سوار باسری در شید به میدان

Въ Ноубандегāнъ² я прибылъ съ почетомъ и важностью,

Съ пушкой игольчатой (и) однимъ полкомъ солдатъ;

Всадники бāсирī³, выступайте на поле битвы,

Съ надеждою на Бога возьму я Мазīджāнъ⁴.

Ширазь 1914.

173/ Se rūzān rāftī jū cī rūzāt emrūz Земессун рāфтī jū ноурūзāt emrūz
 Худāt гūфтī ке мāн енсōфе дōрām Шумōрē кун бēбīн чāн рўзāt emrūz

زمستان رفتی و نوروزت امروز سه روزن رفتی و سی روزت امروز

شماره کن بین چند روزت امروز خودت گفتی که من انضای دارم

¹ стѣна въ одинъ кирпичъ.

² Въ 3 фарс. къ ю.-в. отъ Фесā, на пути въ Дарабъ.

³ Племя, входящее въ составъ племень Хамсэ, качующихъ въ Фарсѣ. См. G. Demorgny. Les reformes administratives en Perse. Les tribus du Fars. Revue du Monde Musulman V. 22 (1913), p. 100—107.

⁴ Центръ одноименнаго булюка между Дарабджирдомъ на с. и Ларемъ на ю.

На три дня ушла ты — тридцать дней (уже) сегодня,
 Зимою ушла ты — ноурӯзъ (уже) сегодня;
 Сама ты сказала: «я справедливостью обладаю», —
 Подсчетъ сдѣлай, посмотри, сколько дней (уже) сегодня.

Сивендь 1914.

174/ Ацáб об у һаво́и до́ре Ширóз Ке за́нһо́ биһа́жо́и до́ре Ширóз
 Һамé чо́дур са́фид у ноуару́сен Ченóи му́рӯи́ бе думбóле хуру́сен
 كه زنوها بيحيمايى داره شيراز عجب آب و هوایى داره شيراز
 چنان مرغى به دنبال خروسن همه چادر سفيد و نوعروسن
 Удивительный климатъ имѣеть Ширазъ!
 Женщинъ безстыдныхъ имѣеть Ширазъ!
 Всѣ (онѣ) въ бѣлыхъ покрывалахъ и (какъ) новобрачныя,
 Такъ-же какъ курица (бѣгають) вслѣдъ за пѣтухомъ.

Ездъ 1913.

175/ *Ацáб гáрд у бубóри¹ дидám емрúз³ Бе то́бессу́н² боһóри дидám емрúз³
 **Бе то́бессу́н боһóрум моусíме гу́ Гу́ле һа́ргиз на́чидé чидám емрúз³
 به تابستان بهارى ديدم امروز عجب گرد و غبارى ديدم امروز
 گل هرگز نچيده چيدم امروز به تابستان بهارم موسم گل
 Удивительную пыль увидѣлъ я сегодня,
 Лѣтомъ — нѣкую весну увидѣлъ я сегодня;

* v. Кен. всего четверостишия:

Ацáб гáрд у кубóри дидám емрúз Ацáб тоусу́н боһóри дидám емрúз
 Ми́јуне челлé ву но́фе земессу́н Гу́ле һа́ргиз на́чидé чидám емрúз

Удивительную пыль увидѣлъ я сегодня,
 Удивительно: лѣтомъ — нѣкую весну увидѣлъ я сегодня,
 Въ срединѣ (большой) сороковицы^a и въ разгарѣ^b зимы
 Розу никогда не сорванную сорвалъ я сегодня.

a. Большая сороковица — چلّه بزرگ — периодъ въ сорокъ дней отъ 1 جدى (10 декабря)
 до 10 دلو (20 января), послѣ котораго слѣдуетъ малая сороковица — چلّه کوچک — отъ 10 دلو
 (20 января) до 1 حوت (10 февраля), продолжающаяся 20 дней.

b. собств.: пунъ зимы.

¹ v. Т. бухóри. ² v. Т. Земистóнрo — Зимой.

** v. Т. второй половины четверостишия:

Һаму́и јóри́ ке бо́ мо́ ноз ми́кард Зе думбóлеш шафóли́ дидám емшóбу

Тотъ самый другъ, который съ нами жеманился —
 Вслѣдъ ему шакала увидѣлъ я сегодня ночью.

³ v. Т. емшóбу.

Лѣтомъ — весна у меня, пора розъ —

Розу не сорванную никогда сорвалъ я сегодня.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

176] Каде¹ jōrām² miçōle³ tärkéje rāz Гіріфтѣ бѣре Бендѣр мѣбабрд Јаз

*Гіріфтѣ бѣре Бендѣр рафт дәрвѣзе Харідѣ туне махмал мѣкунад газ

گرفته بار بندر میروود یز قد یارم مثال ترکیه رز

گرفته بار بندر رفت دروازه خریده توپ مخمل میکند گز

Станъ друга моего — подобіе виноградной лозы;

Получивъ выюки Бендера⁴, отправляется (другъ) въ Ездъ;

Получивъ выюки Бендера, отправился онъ къ воротамъ,

Купивъ кусокъ бархата, мѣритъ (его) гязами⁵.

Керманъ 1913.

177] Ке занціі гәрдәнәм мїрәм бе Шірѣз Бе дассе lurrām у jāk фбуце сарвѣз

Черѣ Аскәр хѣн дїдѣ аш пашуд кūr Бе Дѣрѣб куштѣ шуд Шāhбѣзе зулфбūr

که زنجیل گردنم میرم به شیراز به دست لرم و یک قوچ سرواز

چرا اصغر خان دیده اش نشد کور به داراب کشته شد شهباز زلفبور

Цѣпь на шеѣ моей, (и) я отправляюсь въ Ширазъ,

Въ рукахъ луровъ я и одного полка солдатъ;

Почему глаза Аскеръ-хана не ослѣпли? —

Въ Дārābѣ убитъ Шāhбāзъ⁶ рыжекудрый.

Ширазъ 1914.

178] Lābe būn ūmādī çörkād⁷ sār āndōz⁸ *Ду цуфт тѣуке телѣ бār гārдān

āndōz

**Āġār tōyke telō kūrbi nādōrād

***Mārō fīrūzē kun⁹ zīre lāb āndōz

¹ в. Ш. каде bolōi.

² в. Ш. vélum.

³ в. Ш. çūn.

⁴ Бендеръ Аббасъ.

⁵ Гязъ = $\frac{1}{2}$ zār a = 51—52 см.

* в. Ш.: Бе курбуне аңгуштѣ булуріш—Пусть жертвою я стану пальчиковъ
ей хрустальныхъ.

⁶ Сынъ Аскеръ-хана.

⁷ в. Е. çödūr; в. К. кіші.

⁸ в. Е. пās āndōz.

⁹ в. К. кунце.

* в. Е.: Mārō tōyke telō kun gārđān āndōz — Меня ожерельемъ золотымъ ты
сдѣлай (и) набрось на шею.

** в. К.: Āġār fīrūzē hām kūrbi nādōrād—Если бирюза также цѣнности какой-
либо не имѣетъ.

*** в. И.: Mārō sījā xōlī kun künçe lāb āndōz — Меня черной родинкой ты сдѣ-
лай (и) въ уголкѣ губъ (своихъ) ты прилѣпи.

لب بون امدی چارقد سرانداز دو جفت طوق طلا بر گردن انداز
اگر طوق طلا قُربی ندارد مرا فیروزه کن زیر لب انداز

На край крыши ты пришла въ платкѣ на голову наброшенномъ,
Двѣ пары ожерелій золотыхъ на шею (себѣ) набрось;
Если ожерелье золотое цѣнности какой-либо не имѣеть
Меня бирюзой ты сдѣлай подь губами (своими) помѣсти.

Исфаганъ — Ездъ — Керманъ 1913.

179] Musālmōnūn dīlum шеидōст емрӯз Ке јорум дӯр у нōшеидōст емрӯз
Бе зире чāшме мāн нōсyл бекорид Ке о́бе чāшме мāн дārјōст емрӯз
مسلمانان دلم شیدا ست امروز که یارم دور و ناپیدا است امروز
به زیر چشم من حاصل بکارید که آب چشم من دریاست امروز

Мусульмане, сердце мое неистовствуетъ сегодня,
Вѣдь другъ мой далекъ и невидимъ сегодня;
Подъ глазами моими (цѣлый) урожай посѣйте,
Вѣдь вода глазъ моихъ (льется) моремъ сегодня.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

180] Niğōrīnum бе мy лац кārде емрӯз Сār у гārдāн бе мy кац кārде емрӯз
Ке нār кās јōре мy сyлhāш бiјōрād Немōзе рӯзēāш нāц кārде емрӯз
نگارینم به مو لچ کرده امروز سر و گردن به مو کج کرده امروز
که هر کس یارِ مو صلحش بیارد نماز روزه اش حج کرده امروز

Красавица моя на меня разсердилась сегодня;
Голову и шею отъ меня отвернула сегодня;
Всякій кто подругу мою примирить (со мною)
Молитву и постъ свой онъ сдѣлаеть хаджемъ¹ сегодня.

Ширазь 1914.

181] Буlāндiје вѣлум нiч кās буlāн нiсс² Бе макбуlи вѣлум гуl дār чāмāн
нiсс²

Хāбār уmād чāмāн о́геш гируфтē Чāмāн мiсyзād у мōрō хāбār нiсс²
به مقبولی ولم گل در چن نیست بلندی ولم هیچ کس بلندی نیست
چن میسوزد و مارا خبر نیست خبر آمد چن آتش گرفتہ

¹ т. е. въ награду за примиреніе его молитва и постъ по своему религіозному значенію стануть равными цѣлому паломничеству въ Мекку.

² v. III,

Высоотою роста моего цвѣтика никто не высокъ,
По милovidности моего цвѣтика розы на лугу нѣтъ;
Вѣсть пришла, что лугъ огнемъ объять —
Лугъ горить, а у насъ (объ этомъ) вѣсти нѣтъ.

Кенарэ 1914.

182/ Біјобун рѣфтѣ ам цѣи бѣлад нисс
Пѣнн бѣбурѣм дѣсте нѣмѣдмѣл

Ке сѣрмѣ хурдѣ ам јѣк лѣ нѣмѣд нисс
Нѣмѣд тѣцѣсс у цѣје нѣр дѣмун
нисс

که سرما خوردہ ام یک لا غد نیست
غد تنگست و جای هر دو مان نیست

Въ пустыню я ушелъ, ни одного мѣста я не знаю,
Смерзь я и куска войлока (у меня) нѣтъ;
О Боже, отрѣжу я руку валяльщика войлока —
Войлочная бурка тѣсна и мѣста (для) насъ обоихъ (въ ней) нѣтъ.

Ширазь 1914.

183/ *Біјѣу¹ ке цѣвум ѣз цѣнат цѣдѣ
нисс²

**Біјѣу¹ ке мѣцѣсум³ бѣ тѣ сѣфѣ
нисс²

***Біјѣу¹ тѣ рѣзе дѣл бѣнѣм бѣгѣум

Бѣбѣнѣм бѣбѣфѣи⁴ цѣнѣбе кѣсс²

بیاو که مجلسم بی تو صفا نیست

بیاو که جانم از جانت جدا نیست

ببینیم بیفائی جانب کیست

بیاو تا راز دل باهم بگوئیم

* v. И.: Чунѣн рѣ мѣравѣ јѣк дѣм бѣкун ѣст — Ты такъ по дорогѣ идешь — (на) одинъ мигъ остановись.

v. К. Кен.: Біјѣ цѣнѣ (Кен. цѣнѣум) біјѣ умрѣм (Кен. умрум) біјѣ нѣц — Приди, душа (моя), приди, жизнь моя, подойди ближе.

** v. И. К.: Мѣѣне мѣ ву тѣ дѣгѣр кѣсѣ нисс (И. нѣст) — Между нами и тобой больше ужъ никого нѣтъ.

*** v. И.: Зѣбѣне зѣргѣрѣ бѣнѣм бѣгѣум — На языкѣ заргярскомъ другъ съ другомъ поговоримъ.

Языкъ заргярскій есть условный языкъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ (зѣргѣр) въ Персіи. Вся хитрость заключается въ прибавленіи послѣ каждаго слога новаго слога, начинающагося согласнымъ звукомъ «з» съ соотвѣтствующимъ гласнымъ даннаго слога; напр.: безѣ бізі нѣзім бізі бѣзѣ фѣзѣзі цѣзѣ нѣзі безѣ кѣзісс = бѣбѣнѣм бѣбѣфѣи цѣнѣбе кѣсс. Ср. Н. Brugsch. Reise der K. Preuss. Gesandtschaft nach Persien. В I, S. 339. Кромѣ языка «зѣргѣрѣ» употребительны и другіе условные языки, напр. «зѣбѣне баззѣзі» въ Ширазь — языкъ баззѣзовъ — торговцевъ бумажной мануфактурой.

¹ v. К. Біјѣ. ² v. Кен. нѣ, кѣ, И. кѣст. ³ v. Кен. мѣнзілум. ⁴ v. К. бѣбѣфѣи.

Приди — душа моя отъ души твоей неотдѣлима,
 Приди — въ собраніи моемъ безъ тебя нѣтъ веселья;
 Приди — тайну сердца другъ другу мы расскажемъ,
 Посмотримъ — вѣроломство на сторонѣ кого.

Исфаганъ (бахт.) — Керманъ 1913.

Кенārэ 1914.

184/ Huseinō būrre xūbā būrre xūbāsse Eḡār pulūy neḃōshed şullé xūbāsse
 Zānum zīştāst¹ berōje kūnçe xūné² Xārum lāñḡāst³ berōje kurre xū-
 bāsse

اگر پُلو نباشد شلّه خوبست حُسَيْنَا بُرّه خوبه بُرّه خوبست
 خرم لنگست برای كره خوبست زَنَمِ زِشْتَسْتِ بَرای كَنِجِ خُونِه

Хусейнā,

Если пилава не будетъ, то и «шумлэ»⁴ хороша;

Жена моя безобразна — для домашняго уголка (хорошо),

Осель мой хромъ — для осленка (онъ) хорошъ⁵.

Ездъ 1913. Шпразъ 1914.

185/ Dū chāşime māsse māssāt mō ḡile kīss Xāme ḡisūt be kullōbe dīle kīss
 Mānō vel kīrdī tū heifāḡ nājūmād Be rūje sīneje tū mānzīle kīss

خم گیسوت به قلاب دل کیست دو چشم مسِ مست ما گل⁶ کیست

به روی سینّه تو منزل کیست منا ول کردی تو حیفت نیامد

Два глаза съ сильной поволокой твоихъ...?

Завитки косъ твоихъ крючкомъ для чьего сердца являются?

Меня покинула ты (я) жаль тебѣ (меня) не стало, —

(Теперь) на груди твоей чья стоянка?

Сивендъ 1914.

186/ Sāre kūhe bulān ālmōse ālmōs Mūrōde mān bēdeh ei hazrete Abbōs
 Mūrōde mān bēdeh ke bī mūrōdām Ke xārmān kūftām u bandūre bōdām

¹ v. E. Зене māştī. ² v. Ш. берōje баче хубāст. ³ v. E. Зене zīştām.

⁴ Похлебка изъ муки; иначе — шумі.

⁵ т. е. для развода ословъ. Семейная жизнь Хусейна и его жены Абурі стала сюжетомъ насмѣшливыхъ стишковъ.

⁶ Б. м. مايل.

سر کوه بُلَند الماس الماس مراد من بده ای حضرت عباس

مراد من بده که بی مرادم که خرمن کوفتم و بندور بادم

На вершинѣ высокой горы (разсыпаны) алмазы,

Желаніе мое исполни, о святой Аббасъ¹!

Желаніе мое исполни — желаннаго я не имѣю,

Хлѣбъ въ снопахъ я обмолотилъ и ожидаю вѣтра².

Ширазь 1914.

187/ Сафър дәр пии дорам дидә вә пәс Намшад рөст дилгуй бе һәр кәс
 Агәр мурдум бинвисин мәзбурум Фулуни³ мурдә әст⁴ дөбе фулуни⁵ кәс

سفر در پیش دارم دیده وا پس نمیشد راست دلگویی به هر کس

اگر مردم بنویسین مزارم فلائی مرده است داغ فلان کس

Путешествіе впереди имѣю, глаза (обращаю) назадъ,

Невозможна искренняя сердечная бесѣда со всякимъ;

Если умру я, напишите на моемъ надгробіи:

Такой-то умеръ отъ страданій по такому-то.

Сивендъ — Ширазь 1914.

188/ Äz ün bōlō mijōjad kırmizi pūni Şakār künce läbät mizānād cūni
 Äz ün künce läbät būje hyl oja Çedoi bār māne tū muşkil oja

شکر کنج لبّت میزند جوش از آن بالا میاید قرمزی پوش

جدائی بر من تو مشکل آیه از آن کنج لبّت بوی هل آیه

Оттуда сверху подходит одѣтый въ красное,

Сахаръ въ уголкѣ губъ твоихъ вскипаетъ;

Изъ того уголка губъ твоихъ запахъ кардамона доносится,

Разлука для меня и тебя трудной оказывается.

Ширазь 1914.

189/ Äz in pōje safid u narme simkaş Äz in rō raftānāt dil mizānād kaş
 Namiduvām dilörüne ki bōşi Zādī dār xārmāne umrum tū otaş

ازین پای سفید و نرم سیمکش ازین راه رفتنت دل میزند غش

زدی در خرمن غرم تو آتش نمیرانم دلاران که باشی

¹ Племянникъ сына халифа Али Хусейма, шиитскій святой, павшій въ битвѣ у Кер-
 белл въ 680 г.

² Чтобы провѣять обмолоченный хлѣбъ.

³ С. Фелуни.

⁴ v. С. мурдәт әз.

⁵ С. Фелуни.

Отъ этихъ ногъ бѣлыхъ, мягкихъ какъ «сѣмкляшъ»¹,
 Отъ этого твоего хожденія по дорогѣ сердце (мое) замираетъ;
 Не знаю я, чьей сердце-успокаивающей ты будешь,
 Скирды жизни моей ты подожгла.

Ширазь 1914.

190/ *Äz in kũché guzâr kirdãm kãm u bin̄ Muhabbatõje vel micle² ävâl n̄ss
 Nêşud xâlfaq̄t ke mæn bõ³ vel bu- Dumõb̄ tõu dõdene vel bî säbâb⁴
 n̄ss

ازین کوچه گذر کردم کم و بیش
 دماغ تاو دادن ول بی سبب نیس

По этой улицѣ я проходилъ много разъ,
 Любовь цвѣтика (теперь) не похожа на первую (любовь);
 Не удалось остаться наединѣ, дабы я у цвѣтика спросилъ —
 Отворачиваніе носа цвѣтикомъ — не безъ причины.

Сивендъ 1914.

191/ Be Bãm râftãm be taħrife änr̄esh Põh̄i sâr nigũn ġardâd gudõresh
 ġâr ūvkâs äz gudõre Bãm benõlâd Çenõre⁵ Seid Huseinî jõdegõresh

به بسم رفتیم به تعریف انارش
 چنار سید حسینی یادگارش

Въ Бамъ я отправился, наслышавшись о его гранатахъ;
 О Боже, пусть опрокинется его переваль;
 Всякій кто отъ перевала Бама застонетъ,
 Чинарь Сейида Хусейнî (да будетъ) воспоминаіемъ о немъ.

Керманъ 1913.

¹ Штукатурка изъ глины съ навозомъ, поверхъ которой намазывается известка.

² v. micle. ³ v. dâr. ⁴ v. çihâg.

* v. Ken. всего четверостишія:

Даре кũçât guzâr kirdãm h̄iç mahâl Muhabbatõi velũm fãnde ävâl n̄ss
 n̄ss

Утõb̄ (v. sãrõ) holî nãmîşâ vel bẽ- Dãmõb̄ tõu dõdene vel bî säbâb n̄ss
 n̄ss

У входа въ улицу твою прошелъ я—ни малѣйшаго вниманія (ко мнѣ),
 Любовныя ласки цвѣточка моего (ужь) не такія какъ въ началѣ;
 Комната (v. домъ) никакъ не опустѣетъ, чтобы я спросилъ у цвѣтика.—
 Отворачиваніе носа цвѣтикомъ не безъ причины.

⁵ v. Dirâhte.

192] Хушō Гуртōпасин̄ ов̄ у һавōјеш Кенōре чаимē ву сеил̄ у сәфōјеш
Нигōре маһвāшун̄ раде бе гулāшт Кунум̄ цунум̄ песōре хōке пōјеш

خوشا غرناپسین آو و هوايش کنار چشمه و سایل و صفایش
نگار مہوشان رده به گلگشت گنم جانم نثار خاکِ پایش

Какъ хорошъ Гуртāпасинъ и его климатъ;

(Какъ хорошъ) берегъ ручья и упоительные виды его!

Луноподобныя красавицы отправились на прогулку среди розъ —

Душу свою я разсыплю во прахъ ея ногъ.

Исфаганъ (бахт.) 1913.

193] Сāре кўне булāн̄ умād кабōпўн̄ Бағāл мурвōрī ју обў сāре дўн̄
Че дīдām̄ ин̄ бе думбōлеш̄ дāvīдām̄ Celehnūш̄ у зерehnūш̄ і җазабицўн̄

سر کوه بلند آمد قباپوش بغل مرواری و آهو سر دوش

چه دیدم این به دنبالش دویدم سلجپوش و زرھپوش و قصبپوس

На вершину высокой горы пришелъ одѣтый въ «кабā»,

На груди (у него) перлы и газель на плечѣ;

Когда увидѣлъ я его, вослѣдъ ему я побѣжалъ,

Обвѣшанному оружіемъ, одѣтому въ панцырь и (платье изъ) «касаба».

Ездъ 1913.

194] *Сāлōме сад сālōм̄ еі бўте āбрīшум̄ Telō бār гāрдānāt дурдōнē бār гўн̄
пўн̄

Муһаммāд̄ һāмчī тулфī шīре мўнā Бīгīр дāссāш¹ бēбār бōзōр бēфрўн̄

سلام صد سلام ای بت ابریشم پوش طلا بر گردنت دُر دانه بر گوش

محمد همچسه طفلی شیر مانه بگیر دستش بببر بازار بفروش

Привѣтъ и сто привѣтовъ, о разоде́тый въ шелкъ кумпиръ,

Золото на шеѣ у тебя и жемчужины въ ушахъ;

* в. И. (бахт.) Véle bōlō булāн̄ дурдōнē дār гўн̄

Бе јāк̄ җамзē дīлуме бўрдī āз̄ һўн̄

Āgār xōhī ке Фōјīз̄ бāндē гāрде

Цвѣтикъ высокаго роста съ жемчужиной въ ушахъ,

Однимъ игривымъ взглядомъ сердце мое ты отвлекла отъ здраваго разсудка;

Если ты хочешь, чтобы Фāизъ сталъ (твоимъ) работъ...

¹ в. И. дāстум̄.

Мухаммадъ на пѣкое грудное дитя походитъ, —
Возьми его (за) руку, отведи на базаръ (и) продай.

Ширазь 1914.

195] Шáбе дūш у шáбе дūш у шáбе дūш Худе¹ сѣмѣнтáнѣ гáштáтѣм хámобудѣ
Худе¹ дѣлбáр ценобѣ бáстѣ будѣм Ке дѣлбáр жод буд мáнрō феромунѣ
شب دوش و شب دوش و شب دوش خود سيمين تنی گشتيم هم آغوش
خود دلبر جناغی بسته بوديم که دلبر ياد بود من را فراموش

(O) ночь вчерашняя, ночь вчерашняя, ночь вчерашняя!

Вмѣстѣ съ пѣкой сребротѣлой мы другъ друга обнимали;

Вмѣстѣ съ сердцепохитительницей на грудной косточкѣ мы побились

Сердцепохитительница помнила, (а) я забылъ.

[объ закладъ²—

Ездъ 1913.

196] Шáбе мбáст³ у⁴ гургун мѣбáрáн⁵ Дū зулфунáт хámojil⁶ куп бѣжō пѣш
мѣш

Ágár хámсōдегун⁷ áз тū бѣпурсáн⁸ Бугу⁹ хѣре¹⁰ худō дōдáм бе дáр-
вѣш¹¹

شب ماهست و گرگان ميبرند ميش دو زلفانت حمائل كن بيا پيش

اگر همسازدگان از تو بپرسند بگو خير خدا دادم به دروېش

Ночь лунная, и волки утащутъ овцу,

Два локона своихъ ты перевязью сдѣлай (и) подойди поближе;

Если сосѣди у тебя спросятъ,

Скажи: милостыню Божью дала я дerviшу.

Ширазь 1914.

197] Vélám áз хунѣ дáр умáд бáчѣ дáр Шекáр кунце лáбунáш мѣзáпáд цунѣ
дунѣ

Бѣжō духтáр бе цуне жáк бербáт Шекáр дáр бōр дōрѣ урō мáфрунѣ

¹ = جا.

² ценобѣ бáндѣ — пари на грудной косточкѣ курицы или другой птицы, состоящее въ томъ что два держащихъ пари условливаются не произносить опредѣленное слово, разламываютъ грудную косточку пополамъ и каждый хранитъ при себѣ доставшуюся ему половинку. Если одинъ изъ нихъ, по забывчивости, произнесетъ это слово, другой предъявляетъ ему свою половинку косточки, и пари считается проиграннымъ.

³ v. máhtōb.

⁴ v. ke.

⁵ v. mēbārād.

⁶ v. shāmōjil.

⁷ v. hāmsojeyun.

⁸ v. bēdōr gāshān.

⁹ v. Bery.

¹⁰ v. dār rōhe.

¹¹ v. dōd dārvīsh.

امردم با سلسوسنان با دل تنگ نیامد قاصدی با محمد قلی لنگ
 کاکام کل محمد قلی بلکم کنی کار که اصغر شیر نر افتاد به انبار

Прибыль я въ Сарвестанъ¹ съ сердцемъ стѣсненнымъ,
 Не пришелъ какой-либо гонецъ съ Мухаммадъ-кулї хромымъ;
 Братецъ мой, Кяль² Мухаммадъ-кулї, быть можетъ ты что-либо
 подѣлаешь?
 Вѣдь Аскеръ (-ханъ), храбрый левъ, попалъ въ амбаръ³.

Ширазь. 1914.

201/ *Xúдум lāng у хáрум lāng у díлум Бе бóрум шīше ву **сáр бóрум hei
 тáңг сáңг

Тū ке äз бóре хūd äндīше дōрї ***Черō бáр бóре дīгáр мīзáнї сáңг

به بارم شیشه و سر بارم هی سنگ خودم لنگ و خرم و دلم تنگ

چرا بر بار دیگر میزنی سنگ تو که از بار خود ابریشه داری

Самъ я хромой и осель мой хромой и сердце мое стѣсненное,
 Во выюкахъ моихъ стекло, а поверхъ выюковъ — камни;
 Ты вѣдь о выюкахъ своихъ думу имѣешь,
 Зачѣмъ (-же) во выюки другого ты бросаешь камни.

Ширазь 1914.

Мїи́ 4.

202/ Зе бáртáңг у зе бáртáңг у зе Ке пáи́ме мán шáвáд kōlїje hāф-
 бáртáңг рáңг

Тýрō ке сáр бурáн чýбáст у кундá Мáрō ке сáр бурáн гýштáст у думбá

میش

ز برتنگ و ز برتنگ و ز برتنگ که پیشم من شود قالی هفت رنگ

ترا که سر بُرند چوغست⁵ و كنده مرا که سر بُرند گوشتست و دُنبه

¹ Сарвестанъ. — центръ одноименнаго булука въ 14 фарс. къ в. отъ Шираза.

² = كربلائی. ³ въ амбаръ Кавāм-уль-Мулька, т. е. въ руки Кавāм-уль-Мулька.

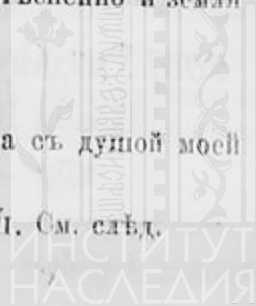
* v. Dīlām тáңг у зáмиц тáңг у бōсемýн тáңг — Сердце мое стѣсненно и земля тѣсна и небо тѣсно.

** v. рōhām гáч у сáңг.

*** v. Ъáме ōlām бе цýнáм мīкунáд цáңг — Печаль мїра съ душой моей борется.

⁴ Тенцона — споръ виноградной лозы и овцы — цáңге рез у мїи́. См. слѣд.

⁵ چوب = چوغ.

ترا مبینم و میسوزم ای ول به حسرت خونِ دل میخورم ای ول
شنیدم که ترا بر من نمیدند ترا ور دارم و بگروزم ای ول

Тебя я вижу и сгораю отъ любви, о цвѣтикъ,
Въ горести (мое) сердце кровью обливается, о цвѣтикъ;
Я слышалъ, что тебя за меня не отдадутъ —
Тебя я заберу и убѣгу, о цвѣтикъ.

Ширазъ 1914.

209/ Tū ke jōrī jū nojōrī chē hōsyīl Gūle sūrxi jū nur bōrī chē hōsyīl
Egār jōkūt y murvōrīd bērīzī Tū ke jōre dilōzōrī chē hōsyīl

گل سرخی و پر باری چه حاصل تو که یاری و نایاری چه حاصل
تو که یارِ دلزاری چه حاصل اگر یاقوت و مروارید بریزی

Другъ-ли ты или недругъ — что за польза?
Роза-ли алая и въ полномъ цвѣту ты — что за польза?
Если яхонты и жемчугъ ты разсыпешь,
Ты вѣдь другъ сердцетерзающій — что за польза?

Ездъ 1913.

210/ Хушō rūzī ke gul būdī mū bulbūl Behām dōnītīm dū sad nōzu tākābbūr
Pōhī khūnéje bādgu bēsūzād Gul āz bulbūl rāmīd y bulbūl āz gul

خوشا روزی که، گل بودی مو بلبل بهم داشتیم دو صد ناز و تکبر
گل از بلبل رمید و بلبل از گل الهی خانۀ بدگو بسوزد

Хорошъ тотъ день, когда ты розой была, а я соловьемъ,
Вмѣстѣ мы имѣли двѣ сотни жеманства и кичливости;
О Боже, домъ сплетника пусть сгоритъ —
Роза отъ соловья пугливо убѣжала, а соловей отъ розы.

Ширазъ 1914.

211/ Dīlām tācāst mīcōle chāime balbōl Rūxām zārdāst mīcōle kōhe dīvōl
Rūxām zārdāst y ahvōlī vedōrēm Be beir āz tū digār jōrī nedōrēm

رخم زردست مثالِ چشمِ غلبال دلم تنگست مثالِ چشمِ غلبال
به غیر از تو دگر باری ندارم رخم زردست و احوالی ندارم

Сердце мое тѣсно на подобіе отверстій рѣшета,
 Лицо мое желто на подобіе соломы стѣны;
 Лицо мое желто и настроенія я не имѣю,
 Кромѣ тебя я больше друга не имѣю.

Ездъ 1913.

212/ Ділум мѣхѣст аз ѿн меймуніе вел Кабѣбі бѣкунѣм аз нардеје діл
 Кабѣбе бѣ намѣк тѣмі нѣдорѣ Бе курбѣне лѣбе тѣмдорет еі вел

كبابى بكنم از پرده دل دلم ميخواست ازین مهمانی ول
 به قربن لب طعمدارت ای ول كباب بی نمك طعمی نداره

Сердце мое желало для этого пріема гостемъ цвѣтика,
 Чтобы я жаркѣе приготовилъ изъ сердечной оболочки;
 Жаркѣе безъ соли вкуса не имѣеть, —

Пусть стану я жертвою губъ вкусныхъ твоихъ, о цвѣтикъ!

Исфаганъ (бахт.) 1913.

213/ Ділум¹ мѣхѣст² ке тѣнѣ³ бѣнамѣт *Мејѣне бѣб у сѣјеје серенѣел
 вел⁴

Неһѣм⁵ лѣб бе лѣбѣг⁶ зѣнѣ бе зѣнѣ **Дѣр ѣрѣм кыссѣје сад сѣлѣ аз діл

ميان باغ و سايه سرجدل دلم ميخواست كه تنها بينم ول

در آريم قصه صد ساله از دل نهم لب به لب زانو به زانو

Сердце мое желало, чтобы я наединѣ повидаль тебя, (о) цвѣтикъ,
 Среди сада и тѣни дикой маслины;

Приложу губы (свои) къ губамъ твоимъ, колѣни къ колѣнямъ,

Изъ сердца мы воспроизведемъ расказъ, (котораго хватить) на сто
 лѣтъ.

Исфаганъ (бахт.) — Ездъ 1913. Ширазъ 1914.

¹ v. E. III. Діләм.

² v. III. мѣхѣд.

³ v. E. тѣнѣ.

⁴ v. III. әі вел.

⁵ v. III. Нѣшѣвѣм.

⁶ v. III. лѣб.

* v. E.: Чѣме рѣдхѣнѣ ву сѣје серенѣел — На берегу рѣки и въ тѣни дикой маслины.

v. III.: Ке бѣр сѣрѣм дѣрѣхте сѣнѣат әі вел — Надъ головой моею дерево дикой маслины, о цвѣтикъ.

** v. III.: Бѣкунѣм геллѣје чѣн сѣлѣ әі вел — Печально жаловаться и буду втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, о цвѣтикъ.

214/ Ду чаи́мунум бе чаи́мунат мут- Ту ке чаи́мат бе чаи́мемун па́бурд
 таси́l vel
 Че һаммólī муттаси́l зiре бóрiн Ка́шам бóре б́амам ма́нзиl бе ма́нзиl
 تو که چشمه‌انم به چشمه‌انم متصل دو چشمه‌انم به چشمه‌انم متصل
 کشم بار غم منزل به منزل چه دمی متصل زیر بارن

Два глаза мои на глаза твои пристально устремлены,
 Вѣдь глаза твои на глаза наши не устремлялись, (о) цвѣтикъ!
 Какъ носильщикъ безпрерывно подъ (тяжестью) ноши находится,
 Тащу я бремя печали своей отъ стоянки до стоянки.

Ширазь 1014.

215/ Расидум бó дам у һа́ивунат ай вел Шанідум кулкúле кайлунат ай вел
 Тасаддúк кун не́жу кайлун бегардун Ман у кайлун ба́лөгардунат ай вел
 شنیدم غلغل قلیانتم ای ول رسیدم با دم و آیوانتم ای ول
 من و قلیانم بلاگردانتم ای ول تصدق کن نی و قلیانم بگردان

Достигъ я до края эйвана¹ твоего, о цвѣтикъ;
 Услышалъ бульканье кальяна твоего, о цвѣтикъ;
 Милость окажи — трубку кальяна поверни,
 Я и кальянъ — (жертва) для отвращенія зла отъ тебя.

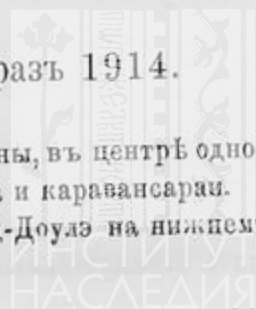
Сивендъ 1914.

216/ Саре Банде Амiр у гуше́је пул Кадамго́һе Алi б́уд с́умбе Дулдúl
 Ара́к дэр сiне́је со́фе Муһамма́д Чекiде ба́р земiн һос́ыл шудá гуl
 قدمگاه علی بود سنب دلدل سر بند امیر و گوشه پل
 چکیده بر زمین حاصل شده گل عرق در سینه صافی محمر
 У Банде Амiра² и угла моста
 Мѣсто стопы Алi было и копыта Дульдуля;
 Потъ на груди чистой Мухаммада
 Паль каплями на землю, (и) выросли (здѣсь) розы.

Ширазь 1914.

¹ Эйванъ то-же что ливанъ — высокая комната безъ лицевой стѣны, въ центрѣ одной изъ сторонъ четырехугольника, который представляютъ персидскіе дома и каравансарай.

² Плотина построенная около 970 г. по Р. Х. бундомъ Азуд-уд-Доула на нижнемъ теченіи р. Кура, въ 2 фарс. къ в. отъ впаденія въ нее р. Пульвара.

217/ Sārāt nōzām ke sārśār dōrī ei vel Miśōle bārṛā vārṁār dōrī ei vel
 Miśōle bārṛēi tōzé reḡōi Dāmōdām méile mōdār dōrī ei vel

مثال بره ورمَر داری ای ول سرت نازم که سرسر داری ای ول

دمادم میلِ مادر داری ای ول مثال برهٔ تازه رھائی (?)

Головой твоей я возгоржусь, вѣдь ты взбалмошна, о цвѣтикъ,
 На подобіе ягненка бессмысленно пуглива ты, о цвѣтикъ;
 На подобіе ягненка недавно выпущеннаго на волю (?)
 Постоянно склонна ты къ матери (бѣжать), о цвѣтикъ.

Шяразъ 1914.

218/ Sāre čāšmé ke ōbum dōdī ei vel Miśōle riīnté tōbum dōdī ei vel
 Ke čān vāxtī be pōhe tū dūvidām Be jāk lahzá čāvōbum dōdī ei vel

مثال رشته تابم دادی ای ول سر چشمه که آبم دادی ای ول

به يك لحظه جوابم دادی ای ول که چند وقتی به پای تو دویدم

У источника когда воды мнѣ ты дала, о цвѣтикъ,
 Подобно ниткѣ ты меня ссучила, о цвѣтикъ;
 Сколько времени у ногъ твоихъ я бѣгалъ, —
 Въ одно мгновеніе отвѣтъ мнѣ ты дала¹, о цвѣтикъ.

Кенәрэ 1914.

219/ Sārī pōin sārī bōlō kun ei vel Niḡōhī bār dīlām hōlō kun ei vel
 Muḥammād ḥāmčī tūlḥī šīre mūvā Bēḡumbūnaš dāmī lōlō kun ei vel

نگاهی بر دلم حالا کن ای ول سری پائین سری بالا کن ای ول

بجنبانش دمی لالا کن ای ول محمد همچه طفلی شیر مانه

* v. III. всего четверостишія:

Sārōsār čāšmēje ōbī tū dōrī Miśōle riīnté tōbī tū dōrī
 Nādōnistām че бад кірдām че таксѣр Черō ḥāmčūn čāvōbī tū dōdī

Спознашь повсюду источникъ воды ты имѣешь,
 Какъ нитка извиваешься ты;
 Я не дознался какое зло я совершилъ, какой проступокъ,
 Зачѣмъ подобный отвѣтъ ты (мнѣ) дала?

¹ čāvōb dōdān въ большинствѣ случаевъ въ разговорномъ языкѣ имѣетъ значеніе
 дать отрицательный отвѣтъ, отказать.

Голову внизъ (опусти), голову вверхъ подними, о цвѣтикъ,
 (Хоть) однимъ взглядомъ на сердце мое теперь посма- ч, о цвѣтикъ;
 Мухаммадъ на нѣкое дитя грудное походитъ —
 Покачай его (и) одно мгновение побаюкай (его), о цвѣти.

Ширазь .

220/ Се вел² дорум³ ке һар се пѣрәнәш⁴ Жекі⁵ кәбк⁶ у жекі⁵ түті жу
 гул
 Ке дәсс кѣрдум⁷ ке түтірө бѣгѣрум⁸ Ке кәбк⁶ аз⁹ кү рәмид¹⁰ у було,
 аз гул

سه ول دارم که هر سه پيرنش گل یکی کبک و یکی طوطی و بلبل
 که دست کردم که طوطی را بگیرم که کبک از کو رمید و بلبل از گل

Три цвѣтика я имѣю, — у всѣхъ трехъ ихъ сорочка въ цвѣтахъ;
 Одна (изъ нихъ) куропатка, одна — попугай, а одна — соловей;
 Когда я протянулъ руку, чтобы попугая поймать,
 Куропатка въ горы умчалась, а соловей отъ розы улетѣлъ.

Ширазь 1914.

221/ Сіјо чаіим у сіјо бурм у сіјо хәл Біјо бүсі бәдеһ гобәт кунәм бөр
 Нә ин гөб у нә ин бөр у нә ин јөр Серіне шуи берөр һәкѣрдәм ин
 көр

سیا چشم و سیا بزم و سیا خال بیبا بوسی بده گابت کنم بار
 نه این گاب و نه این بار و نه این یار سرین شش برار نکردم این کار

Черноокая, чернобровая, съ черной родинкой,
 Приди, одинъ поцѣлуй (миѣ) дай — быка¹¹ твоего навьючу;
 Ни этотъ быкъ, ни эта поклажа и ни эта подруга,
 Клянусь головой шести братьевъ — я не совершилъ этого дѣла.

Ширазь (свв.) 1914.

¹ Ср. В. Жуковский. Колыбельныя пѣсни, стр. 101, № 3.

² v. јөр. ³ v. дорәм. ⁴ v. јоре мән. ⁵ v. жекіш.

⁶ v. кәбк. ⁷ v. кѣрдәм. ⁸ v. бѣгѣрам. ⁹ v. дәр. ¹⁰ v. беноләд.

¹¹ Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ юга Персіи быки и коровы служатъ верховыми и вьючными животными.

222/ Бари́би́ жу́ ба́р жу́ таһамму́ | Бе һәр хори́ расам нима́ш пана́м
 гу́

Бе һәр рәсәм гүжәм беродар | Бе һәр му́рзи́ расам гүжәм ту́
 булбу́

به هر خاری رسم نامش گل | غریبسی و غریبسی و تحمل
 به هر مرغسی رسم گویم نو | به هر ناکس رسم گویم برادر

ужбина и чужбина и терпѣніе!

Съ какимъ-бы шипомъ я ни повстрѣчался, имя ему я налагаю «роза»,
 Съ какимъ-бы негодяемъ я ни повстрѣчался, (его) я называю «братъ»,
 Съ какой-бы птицей я ни повстрѣчался, говорю: ты «соловей».

Ширазь 1914.

223/ Намитунамъ бамат бар дорам аз ді | Намитунамъ бесобам дуре манзи́
 *Намитунамъ сабури́ пише гира́м | Ду по́жам то́ бе зону́ мунде́ дар ги́

غمیتانم بسازم دور منزل | غمیتانم غمت بر دارم از دل
 دو پایم تا به زانو مانده در گل | غمیتانم صبوری پیش گیرم

Я не могу печаль о тебѣ удалить изъ сердца,
 Я не могу устроить вдали (отъ тебя) жилище;
 Я не могу терпѣливость избрать удѣломъ, —
 Двѣ ноги мои по колѣна увязли въ глинь.

Керманъ 1913.

224/ Не́же һафба́н ту́ қоһи́л у му́ коми́ | Бенóлим то́ бенóлим аз та́һе ді́
 Ту́ ми́ноли́ ма́ро са́бзи́ бури́дан | Му́ ми́ноли́м ке́ ду́р уфтóдам аз вел

بنالیم تا بنالیم از ته دل | نی هفتبند تو جاهل و مو کامل
 مو میبالم که دور افتادم از دل | تو مینالی مرا سبزی بریدند

Тростникъ съ семью перехватами, ты молодежь, а я старь,
 Застонемъ, чтобъ застонать изъ глубины сердца;
 Ты стонешь, (говоря): меня зеленымъ срѣзали,
 Я стону (отъ того) что далеко отъ цвѣтика я оказался,

Ширазь 1914.

* v.: Намитунамъ дамъ би́ ту́ ни́шинамъ — Я не могу одинъ миръ безъ тебя усидѣть.

225/ *Véläm póje päti mágzör tū bär¹ gil **Ke otísh bär sáram mîsúzâd äi vel
 Äz in púste sáram kápsi bêsözám Be póje vel kunám² mänzíl be mänzíl

ولم پای پتی مگذار تو بر گل كه آتش بر سرم میسوزد ای ول
 ازین پوست سرم کپشی بسازم به پای ول کنم منزل به منزل

Цвѣтикъ мой, ноги голыя (свои) не ставь ты въ грязь,
 Огонь надъ головой моей пылаеть, о цвѣтикъ;
 Изъ этой кожи (на) головѣ моей я туфли изготовлю,
 На ноги цвѣтика надѣвать я буду стоянка за стоянкой.

Ширазь 1914.

226/ Pâstni ke fâdó çörü kuni vel Be didâ áške börü mîkuni vel
 Mâgar ôshik be çâimúnât bariâ Kâdât äz dür pâhnü mîkuni vel

پسینی که فدا جaro کنی ول به دیده اشکی بارو میکنی ول
 مگر عاشق به چشمانت غریبه قدرت از دور پهنو³ میکنی ول

Передъ вечеромъ, когда дворъ ты подметаешь, цвѣтикъ,
 Изъ глазъ слезы дождемъ ты проливаешь, цвѣтикъ;
 Развѣ любящій въ глазахъ твоихъ чужой,
 (Что) стань свой издали (уже) ты прячешь, цвѣтикъ.

Ширазь 1914.

227/ Hejörö kóre bi takdir muşki Be çânce ştr bi şâmşir muşki
 Suxân dönisté guft biçöré dârvîn Zâne çöhl be mârde ştr muşki

به جنگ شیر بی شمشیر مشکل هیارا کار بی تقدیر مشکل
 زن جاهل به مرد پیر مشکل سخن دانسته گفت بیچاره درویش

¹ v. бб. ² v. Ke rûdâm pō kunâd.

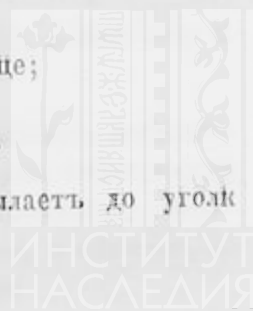
* v. И. (бахт.) всего четверостишія:

Mânêh póje petíte bär sâre gel Черó hâr dâm zâni xânçâr be i del
 Mân äz púste tânüm kápsi bedúzum Kunüm póje vélum mänzél be mänzél

Не ставь ноги голыя свои въ грязь,
 Зачѣмъ каждое мгновение разишь ты кинжаломъ въ это сердце;
 Я изъ кожи тѣла своего туфли сошью,
 Надѣвать я буду на ноги цвѣтика моего стоянка за стоянкой.

** v. III: Sâre mân mîsúzâd tō gūshéje dil — Голова моя пылаеть до уголка
 сердца.

³ = پنجهان.

О другъ, дѣло заранѣе не предрѣшенное трудно.
Въ борьбѣ со львомъ безъ сабли (очень) трудно;
Понявъ въ чемъ дѣло молвилъ бѣдный дервишъ:
Съ молодой женой человѣку старому (очень) трудно.

Ширазъ 1914.

А. А. Ромаскевичъ.

Петроградъ.

1. X. 1916.

Астрономическія и этническія значенія двухъ племенныхъ названій армянъ.

Наукъ «Хайкъ», родоначальникъ армянъ, «Оріонъ» || «созвѣздіе маговъ», «мушки» || «месхи», «абхазы» и haу-q «хаи», національное названіе армянъ, «созвѣздіе Кони», «сваны», «фоны» || «іоны», «эніохи».

I.

Объ армянахъ цѣлый рядъ этнологическихъ преданій частью національныхъ, т. е. сохранныхъ самими армянами, частью иноземныхъ. Преданія сильно расходятся. Они армянамъ даютъ различное происхожденіе. Въ этомъ нѣтъ ничего подозрительнаго, ничего возбуждающаго сомнѣнія въ дѣйствительности самихъ преданій или обезкураживающаго изслѣдователей началъ армянской націи, поскольку мы стоимъ на почвѣ реальныхъ представлений. А почвой реальныхъ представлений объ исторически извѣстномъ армянскомъ народѣ является то, что армяне — метисы, армянская нація — *terque quaterque* мѣшанаго типа народъ¹, и у нея, очевидно, должно быть и есть не одно родословіе.

Подлинное родословіе армянъ должно, до момента окончательнаго сліянія разныхъ этническихъ теченій въ одномъ типѣ, мѣняться въ зависимости отъ того, о какомъ входящемъ въ составъ армянскаго народа племенномъ, томъ или иномъ яфетическомъ основномъ словѣ идетъ рѣчь, или о какомъ лежащемъ въ основѣ армянскаго этническаго типа расовомъ словѣ, аrioевропейскомъ или яфетическомъ, говоритъ преданіе. Сомнѣніе и

¹ Этимъ утвержденіемъ я отнюдь не думаю, насколько это касается нашего этнологическаго міровоззрѣнія, выдѣлять армянъ какъ исключительное явленіе, я лишь констатирую фактъ и признаю одну только исключительность въ отношеніи армянъ: вопросъ о мѣшаности ихъ типа легче освѣщается, по этому вопросу матеріалы обильны, и рѣшеніе, во всякомъ случаѣ освѣщеніе его — задача первой очереди по кавказовѣдѣнію.

недовѣріе должно возбуждать такимъ образомъ не расхождение преданій, а, наоборотъ, единство. Въ этомъ смыслѣ грѣшили армянскіе историки, по духу своей эпохи желавшіе всему армянскому народу, то непосредственно, то черезъ возглавлявшую его наиболѣе національную по ихъ представленіямъ династію — Багратидскую, дать единство происхожденія отъ іудейскаго народа или вообще отъ библейскихъ родоначальниковъ, въ согласіи съ матеріалами библейскихъ традицій. Въ этомъ смыслѣ еще болѣе грѣшила индоевропейстическая лингвистическая теорія, твердящая до сего часа, вопреки всѣмъ матеріальнымъ фактамъ, объ единствѣ происхожденія армянскаго языка. Арменисты изъ лингвистовъ-индоевропейстовъ, ничѣмъ не смягчавшіе тяжести своихъ утвержденій, бросавшихся на вѣсы этнологическаго вопроса объ армянахъ, не сопровождали своего теоретическаго построенія, соотвѣтственно съ положеніемъ дѣла формулированными, сообщеніями о фактахъ иного порядка хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой это дѣлали армянскіе историки, въ первую голову — Моисей Хоренскій. Армянскіе историки все-таки жизненно разнообразили унитаризмъ, утверждавшійся національной историографіею о происхожденіи армянскаго народа, сообщеніемъ народныхъ преданій этногеническаго значенія касательно различныхъ племенъ, и ими, этими преданіями, осложнялась и пестрилась цѣльность состава армянской націи. Лингвисты-индоевропейцы серьезно вовсе и не считались съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей: примѣняя въ обратномъ смыслѣ положеніе «*cogito, ergo sum*», они не размышляли вовсе о вещахъ, не существовавшихъ для нихъ, такъ какъ они не знали ихъ и знать о нихъ не хотѣли.

Въ связи съ этимъ незамѣтно вводилось въ сознаніе ученыхъ круговъ, какъ бы лингвистически-научно укрѣплялось положеніе объ единствѣ происхожденія армянскаго народа. Между тѣмъ вопросъ назрѣваетъ еще иной, именно явилось ли въ Арменіи какое-либо аріоевропейское этническое объединеніе, племенное, въ чистомъ видѣ или оно было уже яфетизовано на подступахъ къ кавказской территоріи, въ частности у межи коренныхъ земель исторически извѣстныхъ армянъ. Въ работѣ нашей «Классификація племенъ Кавказа», рабочемъ проспектѣ по изслѣдованію этническаго состава населенія этого края, пришлось къ слову сказать, какъ бы подѣлиться новостью слѣдующаго содержанія: «назрѣваетъ постановка вопроса о томъ, не были ли яфетическіе языки, слившіеся съ аріоевропейскимъ въ двухъ извѣстныхъ намъ языковыхъ типахъ Арменіи, гибридными еще до послѣдняго процесса сліянія съ инородными слоями, вообще до появленія аріоевропейцевъ въ предѣлахъ Арменіи»¹. Но назрѣлъ и приходится ставить другой вопросъ —

¹ Классификація племенъ Кавказа, изд. КИПС, стр. 20.

вопросъ и о мѣстѣ и о времени скрещенія яфетическаго племени съ арійскимъ или аріоевропейскимъ, разъ скрещеніе могло произойти за предѣлами Арменіи?

Въ этомъ смыслѣ и въ настоящее время ничего реально опредѣленнаго не даетъ намъ и преданіе, сообщаемое Геродотомъ, что армяне отселенцы или выселенцы (ἄποικοι) фригійцевъ. И фригійцы, и связанные съ ними этнически еракійцы сами стоятъ подъ вопросомъ: какого они въ первичномъ зернѣ происхожденія? Рѣчи уже не можетъ быть, чтобы мы въ нихъ имѣли чистыхъ аріоевропейцевъ. Археологія сейчасъ бдительно стоитъ реалиями на стражѣ положенія, что еракійскій народъ не исчерпывается, да и не характеризуется тѣми культурными началами, которыя опредѣляютъ однихъ европейцевъ, да и вообще аріоевропейцевъ, если вообще за примитивомъ той или иной расы признавать право исключительной принадлежности ему матеріальныхъ памятниковъ изъ всего вѣка опредѣленной культуры.

Изъ иноземныхъ источниковъ о происхожденіи армянъ мы имѣемъ возможность выяснитъ реальное значеніе мѣстныхъ кавказскихъ племенныхъ преданій. И въ нихъ разнообразіе насъ не должно смущать. Наоборотъ, надо быть на стражѣ его сохраненія въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, разносоставностью армянскаго метисованнаго племени, и не давать вводить себя въ заблужденіе унитаризму національной армянской или грузинской исторіографіи, тѣмъ болѣе, что матеріалы, сообщаемые національными историками-унитаристами Кавказа, вовсе не такъ согласно говорятъ въ пользу ихъ унитаристическаго построенія. Этнологическіе вопросы національная исторіографія, естественно для своего подхода, рѣшаетъ въ призмѣ интересовъ единства происхожденія того или иного народа. Общественные, а отнюдь не научные интересы заставляли выдвигать положеніе о непрерывности и цѣльности племенного состава народовъ, когда подъ названіемъ армянъ въ Арменіи и грузинъ въ Грузіи такіе единые въ мнимой, хронологической непрерывности племенные объединенія являются строителями національной армянской или грузинской и затѣмъ и общей кавказской культуры. Въ той части, гдѣ національные историки, такъ въ частности армянскіе, пользуются въ изложеніи мѣстныхъ преданій чуждыми элементами изъ письменнаго источника, на стражѣ быть не трудно. Легко, напр., совлечь библейскую оболочку съ того, *что* и особенно *какъ* національные историки повѣствуютъ о началахъ армянскаго народа. Но задача значительно осложняется, когда дѣло касается того, *что* имѣетъ характеръ мѣстнаго преданія. Большая опасность изъ корыта за одно съ водой выплескать ребенка, живое, народное, точнѣе — племенное преданіе, идущее съ необы-

чайной цѣпностью изъ поколѣнія въ поколѣніе съ опредѣленнымъ этническимъ теченіемъ, кровно родное для представляющаго такое теченіе слоя въ составѣ изучаемаго народа. И наоборотъ, въ подлинныя изначальныя племенные преданія легко внести индивидуальныя или позднѣйшія народныя плетенія, часто плоды такъ называемой «народной этимологіи», или возвести на нихъ надстройки изъ мѣстныхъ этническихъ, географическихъ и лингвистическихъ данныхъ. И здѣсь только длительной долгой кропотливой работой дѣйствительно изначальное племенное преданіе можно высвободить изъ культурно-исторической отдѣлки, плода работы національнаго писателя, особенно когда его унитаристическому міровоззрѣнію внѣшне соотвѣтствуетъ фактическое положеніе этнологическихъ данныхъ въ толкуемыхъ этническихъ названіяхъ, въ области лингвистическаго подхода и ихъ созвучіе, часто случайное. Въ этой линіи и яфетидологъ можетъ быть вовлеченъ въ защиту или поддержаніе освѣщенія, не имѣющаго ничего общаго съ истиннымъ положеніемъ дѣла, дѣйствительнымъ составомъ племенныхъ слоевъ армянскаго народа и ихъ соотношеніемъ. Такое вовлеченіе произошло со мною въ толкованіи термина Наук. Сдѣлана, какъ сейчасъ я вижу, ошибка, когда Наукъ былъ отождествленъ съ *hauc*¹. Объ этомъ приходится спѣшить высказаться печатно, такъ какъ выясненіе истиннаго происхожденія имени Наукъ бросаетъ свѣтъ на неправильность признанія въ исторической жизни армянскаго національнаго объединенія только двухъ верховодившихъ народовъ, армянъ и *хайевъ*, слѣдовательно, подрывается основаніе для распредѣленія наличныхъ языковъ Арменіи между двумя племенами — армянами и *хаями*; приходится отказаться отъ называнія языковъ Арменіи армянскимъ и *хайскимъ*. Вопросъ, конечно, самъ по себѣ былъ ясенъ, что въ лингвистической номенклатурѣ слѣдовало держаться соотвѣтственной терминологіи, и тутъ, пока выяснится окончательно соотношеніе двухъ, теперь уже трехъ (да трехъ ли только?) языковъ Арменіи, мы легко можемъ обойтись различіемъ ихъ по образованію мн. числа, въ одномъ случаѣ съ *q* (*q*), а въ другомъ съ *g* (*g*). И если бы рѣчь шла или пока бы рѣчь шла и идетъ о языкахъ Арменіи, мы бы могли называть ихъ по армянскимъ названіямъ буквъ *qeu* (*qeu*) и *geu* (*geu*), служащихъ начертаніями соотвѣтственныхъ согласныхъ звуковъ, показателей множественности: одинъ изъ занимающихъ насъ языковъ естественно именовать кейскимъ (*qeu*'скимъ), другой — рейскимъ (*geu*'скимъ): 1) кейскій это тотъ языкъ, который мы доселѣ называли *хайскимъ*, это — языкъ, лежащій въ основѣ древнелитературнаго языка армянъ; 2) рейскій языкъ,

¹ Н. Марръ, *Надпись Русы II изъ Маку* (ЗВО, XXV), стр. 7.

тотъ, который доселѣ у насъ именовался армянскимъ, языкъ, дожившій до нашихъ дней сравнительно въ чистомъ для его природы видѣ и лежащій въ основѣ новолитературнаго языка армянъ, съ особой послѣдовательностью въ основѣ новолитературнаго языка армянъ кавказскихъ, менѣе — мало-азійскихъ. Такимъ образомъ въ предѣлахъ Арменіи, пока рѣчь идетъ объ языкахъ Арменіи или точнѣе объ арменійской группѣ языковъ¹, положеніе остается количественно по существу прежнее — противоплагаются другъ другу два языка.

Однако образованіе мн. числа съ каждымъ изъ указанныхъ согласныхъ различается еще по гласному элементу. Въ рейскомъ языкѣ арменійской группы языковъ первичная огласовка — «а», именно окончаніе + е - аг, ослабляющее ea въ новой стадіи развитія въ «е» — -er². Но въ яфетическихъ языкахъ есть образованіе мн. числа съ плавнымъ г и при иныхъ огласовкахъ, именно о (→ u) и е (→ i). Слѣдовательно, принимая во вниманіе, что существуетъ цѣлый кругъ языковъ, имѣющихъ мн. число на г, мы должны терминъ рейскій использовать примѣнительно ко всей группѣ, различая каждый языкъ по разновидности огласовки. Въ связи съ этимъ арменійскій рейскій языкъ точнѣе слѣдуетъ опредѣлять словами «типа а» или именовать акающимъ. То же самое надо имѣть въ виду съ терминомъ «кейскій». Правда, въ арменійскомъ кейскомъ языкѣ показатель множественности появляется въ именахъ обыкновенно безъ огласовки или безъ ясной огласовки, съ неопредѣленнымъ э $r - [r]e [ə]q$; но, во-первыхъ, въ мѣстоименіяхъ имѣемъ и q (p) съ огласовкой, и не только съ а (ш), притомъ перемѣщенно — -qa (вм. -aq), напр. по-qa они, но и съ е || 1, — -qe || -q1 (а не -eq || -iq) и даже u (← o) — -qu, напр. ameneqe-an «всѣ они», amene-q1-p «всѣ они», по-q1-p «тѣже самые», amenequ-m-b-q «всѣми ими» и т. п. Главное же то, что есть яфетическіе языки, которые мн. число на г образуютъ нормально или съ огласовкой а (-aq ∞ -qa) или е (-eq ∞ -qe) или о (-oq ∞ -qo) и т. п. Слѣдовательно, и терминъ кейскій собственно — групповой: онъ обнимаетъ кругъ яфетическихъ языковъ, образующихъ мн.

¹ Независимо отъ того, что «армянскій» или «арменскій» (armenus) есть видовой терминъ, въ качествѣ родового лучше пользоваться терминомъ «арменійскій» (armeniacus) и соответственно и именовать всю группу — арменійской. Названіе «языки Арменіи» способно, особенно внѣ контекста, породить недоразумѣніе, такъ какъ въ предѣлахъ Арменіи были въ древности также, какъ нынѣ, языки и не принадлежащіе арменійской группѣ, напр. курдскій.

² Объ ослабленіи ea > e см. Н. Марръ, *Гр.* § 54,4; что же касается звука е, предшествующаго въ данномъ случаѣ гласному а, это пережитокъ сращеннаго съ основною именнаго окончанія, яфетическаго характера им. падежа е || 1, чтѣ и сохраняетъ въ современной стланутой ослабленной разновидности суффикса -er, діалектически и -ig.

число на г, каждый изъ которыхъ съ той или иной огласовкой или вовсе безъ огласовки.

Въ каждомъ уже изъ двухъ арменійскихъ языковъ имѣемъ въ дошедшемъ до насъ видѣ мѣшанный типъ, помѣсь кейскаго и съ рейскимъ, равно рейскаго и съ кейскимъ, и соотвѣтственно въ образованіи мн. числа, напр., даже кейскій проявляетъ въ томъ или иномъ случаѣ показатель множественности г, а въ рейскомъ, болѣе подвергшемся вліянію кейскаго или смѣшенію съ нимъ, наблюдается цѣлая категорія, такъ въ глаголахъ, съ образованіемъ мн. числа на q по усвоенію. Но въ кейскомъ языкѣ, менѣе гибридованномъ морфологически въ отношеніи мн. числа съ рейскимъ языкомъ, рядомъ съ заднеязычнымъ показателемъ множественности q наблюдаемъ и переднеязычный — ħ, съ оглаской — ħa и т. п.: ħ, ħa, ħu, ħi, но этотъ рядъ используется лишь въ косвенныхъ падежахъ, собственно въ части косвенныхъ падежей. Есть и другіе еще показатели множественности, но они или общіе у кейскаго съ рейскимъ, какъ, напр., n, или рѣдко употребительны въ одномъ изъ двухъ арменійскихъ языковъ, какъ напр. глухой зубной t, съ огласовкою—te||ti въ кейскомъ языкѣ, напр. man^Γə¹k^{-t1}/te *отроки* отъ maпik *отрокъ* или, что съ нашей тезой сроднѣе, ħaħ-ti (|| ħaħ-te) *халды понтійскіе* отъ основы племенного названія ħaħ-(\surd haħ-), отъ котораго съ заднеязычнымъ показателемъ множественности первичнаго вида k — ħaħ-k имѣемъ греческое названіе металла χαλκός, первоначально *бронза*, потомъ и *мѣдь*, продукты племенной матеріальной культуры того же народа, въ древности или, вѣрнѣе, раньше у грековъ извѣстнаго подъ тѣмъ же названіемъ съ губнымъ показателемъ множественности — -ub (-υβ) → -ib — халибы (χαλ-υψ или χαλ-υβ-ος), какъ именовался раньше у грековъ же не только самъ этотъ яфетическій народъ металлургъ, но и произведеніе его племенной матеріальной культуры — *сталь*¹. Попутно укажу и на то, что съ основой этого племенного названія неразрывно связано и названіе рѣки Halys не по связи съ этническимъ названіемъ этого народа, занимавшаго въ древности болѣе обширную территорію, а по родству корня, такъ какъ Halys значитъ *рѣка, вода* и основа haħ означаетъ не только «течь», «бѣгать» «двигаться» (арм. ħaħ-am), но и гнать (арм. haħ-at-em)², «плавить» (haħ-em), что уже по своему существу связывается съ названіемъ такого народа металлурга, какъ халибы.

¹ По многократности дачи мною этого здѣсь лишь повторяемаго разъясненія ħaħti (съ сугубымъ мн. числомъ ħaħ-ti-q) можно не ссылаться на литературу. Еще менѣе основанія ссылаться на тѣ извѣстныя индоевропестическія этимологіи, авторы которыхъ не сознавали реального тождества основъ χαλκός и χαλυβος, или χαλυψ. Вѣроятно, отъ того же корня (q) > q1) произведено грузинское qhb-1.

² Сюда же со сванской огласовкой др.-л. арм. hel-um *лечь*.

На Кавказѣ, въ частности и въ Арменіи классификація языковъ и по сей день, тѣмъ болѣе для древности, имѣетъ существенное значеніе для этнической номенклатуры, отнюдь не наносной. И, наоборотъ, правильное использованіе племенныхъ названій содѣйствуетъ установленію болѣе реальнаго представленія и о сложномъ составѣ метисованныхъ языковъ, какими въ данномъ случаѣ являются арменійскіе языки или арменійская группа языковъ. Они выпукло намѣчаютъ соотношенія между наличными въ этомъ составѣ этническими слоями и сродными слоями сосѣдящихъ народовъ. И это въ сугубой степени вынуждаетъ спѣшить покончить съ тѣмъ разъясненіемъ происхожденія հայկ, которымъ, независимо отъ намѣреній автора, поддерживалась его терминологія по классификаціи языковъ Арменіи, принятая имъ по другимъ основаніямъ, номенклатура съ особымъ фиксированнымъ опредѣленіемъ терминовъ «армянскій» и «хайскій».

II.

Наукъ есть терминъ астрономическій, названіе свѣтила, по традиціонному армянскому толкованію — «Оріонъ»¹ и имя прародителя армянъ Хайка; հայ-զ этнической терминъ, названіе армянъ. Казалось бы, имя прародителя армянъ Наукъ и національное названіе ихъ самихъ հայ-զ спаяны другъ съ другомъ неразрывными узами генетическаго родства. Въ связи съ этимъ мною былъ разъясненъ конечный к въ имени Наукъ какъ показатель множественности², архаичная разновидность того показателя множественности, которая налицо въ этническомъ терминѣ հայ-զ. Въ результатъ этого толкованія было выставлено мною положеніе, что національное названіе армянъ հայ-զ находится въ связи съ названіемъ свѣтила Наукъ, такъ какъ это, молъ, былъ, вѣроятно, національный богъ армянскаго народа, հայ'евъ, въ послѣдствіи герой эпическихъ сказаній: հայ'и поклонялись богу свѣтилу Наук'у и назывались по его имени հայզ, т. е. хай'ами³. Но изъ такого разъясненія выходило, что терминъ Наукъ, имѣетъ ту же исторію, что հայ-զ, названіе армянъ, которое представляетъ пережитокъ термина հայ + օ-զ, эквивалента «эніохъ»⁴. И это обстоятельство чрезвычайно смущало. Оно было источникомъ колебанія въ формулировкѣ, казалось, окончательнаго приобрь-

¹ У мокскихъ армянъ это же названіе Оріона сохранилось съ придаткомъ окончанія мя. числа -гъ въ видѣ Չեզ-ը («Գե.բ.ը» по записи Орбели): въ немъ основа Չեզ- есть передача Наук'а.

² Н. Марръ, ц. с., стр. 4—5.

³ Ц. с., стр. 4, 7.

⁴ Н. Марръ, *Изъ лингвистической поездки въ Абхазію*, стр. 332 сл. Подробнѣе и болѣе разработано см. Кавказскія племенные названія и мѣстныя параллели, § 8.

тенія науки, разъясненія и Нау'ка отождествленіемъ его съ haу-q'омъ¹. Сомнѣніе возникало отъ того, что въ haуk'ѣ, при архаичности наличнаго въ немъ исходнаго согласнаго k, показателя множественности, становилось затруднительнымъ объяснить исчезновеніе и не въ паузѣ. И сомнѣніе было вполне основательное. Теперь напали мы на настоящее объясненіе термина Haуk, названія по національной традиціи прародителя армянъ, которое имѣетъ свою исторію, независимую отъ исторіи термина haу-q. Названіе прародителя Haуk'a также этнической терминъ. Если докапываться коренного состава этого термина по до-исторической его природѣ, по всей видимости, и въ немъ k есть показатель множественности, но это относится къ исторіи возникновенія и развитія яфетическо-семитическихъ корней, вообще вопроса объ ихъ трехсогласности («трехбуквенности»). Нѣтъ основанія отказываться и отъ положенія, что соотвѣтственный народъ уже haуk (а не haу-q) поклонялся богу свѣтилу Haуk'у и назывался по его имени, по имени своего національнаго божества, или говоря точнѣе и этнологически—своего *тотема*, только надо считаться еще съ одной звуковою особенностью, по-видимому, морфологическаго происхожденія въ этомъ же терминѣ. Въ памятникахъ древне-армянской литературы Haуkъ появляется и въ формѣ согласной основы съ носовымъ исходомъ и, принимаемымъ обыкновенно за опредѣлительный членъ, тогда какъ въ древне-литературномъ арменійскомъ языкѣ, въ *кейскомъ* языкѣ, собственные имена не могутъ быть снабжаемы членомъ. Слѣдовательно, существуетъ, во-первыхъ, форма съ утратой согласнаго исхода и (позднѣйшая?) Haуk'ḡ¹, отъ котораго налицо составныя haуkazən (← haуk-azun) *хайкидз* (букв. «родъ Хайка»), Haуkaberḡ *Хайкабердз* (букв. «крѣпость героя» или «хайка-народа» || «хайкскаго народа») и производныя Haуk-ak *Хайкакз* (букв. «Хайчекъ»), но существовала и форма Haуk-ən (← Haуk-in).

Какъ бы то ни было съ разновидностями названія божества и затѣмъ свѣтила, но поклонявшійся ему народъ былъ не хай'скимъ, не хаями (haу-q, haу + e-ar → haу + -er), одноименными съ эпохами (heп + i-oq)², а хайками.

Спирантъ h въ haу совершенно иного происхожденія, чѣмъ въ haуk'ѣ; h въ немъ перебойный эквивалентъ сибиланта s, причемъ какъ haу'ḡ¹ ← han-1 съ групповыми перегласовочными разновидностями, по-

¹ Н. Марръ, *Подпись Русь II изъ Маку*, стр. 5: «Однако, можно колебаться, правда ли Haуk *Хайкз* и haуq *хай* (армяне) — разновидности одного и того же слова, а не созвучныя слова различнаго происхожденія» и т. д.

² Н. Марръ, *Изъ лингвистической поездки въ Абхазію* (къ этнологическимъ вопросамъ), ИАН, 1913, стр. 325 сл., съ той оговоркой, что въ Heпюq нѣтъ основанія не видѣть полностью подлинную мѣстную разновидность племеннаго названія, а не греческое искаженіе.

являлся въ видѣ heyn (←hen-1), hoyn←hon-1 (huyn←hun-1) и т. п. природно, разумѣется, въ средѣ яфетидовъ со спирантными языками, такъ по сибилантнымъ языкамъ ихъ перегласовочно дифференцированные соотвѣтствія звучали san-1 || шон-1, resp. son | шен и т. д., не говоря о подъемныхъ перерожденіяхъ -tan, ten и т. п. Уже обращалось вниманіе, что gens Saponum Неніосорум Плинія носила двойное названіе¹: оно сложено изъ сибилантной разновидности со спирантной (san || hen), причемъ послѣдняя въ формѣ мн. числа -oq (hen + 1-oq). Если бы отъ первичной или, во всякомъ случаѣ, слабой ступени сибилантной разновидности san сохранилось образованіе съ глухимъ показателемъ множественности k, архаичнымъ какъ въ hauk, то этнической терминъ звучалъ бы sank (ср. san-ik). У haу'евъ былъ свой предметъ культа, также свѣтило и животное. Какое было это свѣтило и какое животное, вопросъ, требующій особаго разъясненія, но во всякомъ случаѣ не созвѣздіе маговъ или Оріонъ.

III.

О народѣ haуk'овъ, правда, мы ничего не узнаемъ отъ историковъ, если не имѣть въ виду отраженія его племенныхъ преданій въ родословіяхъ хозяевъ армянской земли, въ частности хайкидской династіи, но всѣ прекрасно освѣдомлены о народѣ, носившемъ ту разновидность или тѣ разновидности этого же названія, которыя вскрываетъ лингвистическая палеонтологія въ этомъ малоговорящемъ при поверхностномъ къ нему отношеніи армянскомъ терминѣ.

Въ полное отличіе отъ спиранта h || s въ haу'ѣ, звукъ h въ haуk'ѣ является перебоемъ губного p → b, подобно h въ haуg *отецъ* и т. п. Это самый точный, безукоризненно законѣрный представитель прототипа *hark, эквивалента этническаго термина pask [bask → φasq], разновидности хорошо известнаго племеннаго названія masq || moшоq || mesq, resp. по спирантной вѣтви — me^hh^q. Это то названіе, которое за историческій періодъ жизни Кавказа носили и до нашихъ дней сохранили различные яфетическіе народы и племена отъ крайняго юга Арменіи до крайняго сѣвера Кавказа. Въ числѣ этихъ народовъ то же названіе сохранили, притомъ отнюдь не по случайному заимствованію одного лишь именованія своего, современные обитатели сѣверо-западной области Кавказа — абхазы, по-грузински а-φqaz'ы², собственно a-bas-k'и → a-baz-g'ы (a-vaz-g'ы) или а-φas-q'и, безъ абхазскаго именнаго префикса pask → bask → φasq и т. д.

¹ Nat. hist., VII, 11; см. I. Орбели, *Городъ близнецовъ Διοσχουρίδς и племя близнецовъ ηνίοχοι*, стр. 214.

² Н. Марръ, *Исторія термина «абхазъ»*.

Если армянские историки не сознавали факта восхождения *Наук* прежде всего къ *Нарк*, исключаящаго всякую его связь съ *haу* (← *han-1*), геср. мн. ч. *haу-г*, то они во всякомъ случаѣ располагали подлинно народными преданіями о прародителѣ *Наук'ѣ*, въ которыхъ можно видѣть отложение дѣйствительной исторіи термина *Наук*: по Хоренскому, повѣствуящему со словъ болѣе древняго историка, *Хайкъ* (*Наук*) «отправляется съ прочими своими домочадцами на сѣверо-западъ, приходитъ, поселится на одномъ плоскогоріи и называетъ его, это плоскогоріе, *Харкъ* (*Нагq*)»¹.

Армянскимъ историкамъ извѣстна и разновидность термина безъ перебора губного въ спирантъ въ основѣ имени одного изъ армянскихъ родоначальниковъ — *Pasq-am*, съ суффиксомъ *-am*, общимъ для многихъ армянскихъ именъ этническаго происхожденія, какъ то — *Geł-am* (*Geğ-am*), [←**Ger-am*]; образовательный элементъ *-am* имѣетъ параллели въ видѣ *-an* || *-ar*², *-un* || *ur*³ и т. п.

Сейчасъ нѣтъ надобности приводить всю многочисленную родню этого термина, сохранившагося по-нынѣ также въ бассейнѣ Вана и въ названіи мокцевъ или моковъ (*мокѣк* || *мошк* → *мишк*). Приблизительно въ этомъ районѣ и застаётъ ассирійская лѣтопись, въ XI-мъ вѣкѣ до Р. Х., племя мушковъ, тогда, разумѣется, иной этнической консистенціи. Когда однако мы находимъ носителей того же племенного названія въ другихъ мѣстахъ по письменнымъ источникамъ позднѣе, это еще не значитъ, что въ реальности ихъ не было въ тѣхъ именно мѣстностяхъ до того момента. Хронологія мушковъ, геср. *месховъ* || *асковъ*, насколько она до-историческая, т. е. наиболее важная для этногенія, менѣе всего можетъ быть установлена на основаніи письменныхъ источниковъ. По письменнымъ источникамъ также трудно было бы выяснитъ и установить площадь первоначальнаго расселенія мушковъ-мошоховъ, какъ и картвеловъ.

¹ Нисколько не реально толкованіе самимъ Хоренскимъ этого преданія на почвѣ этимологизаціи: онъ усматриваетъ въ *Нагq'ѣ* нарицательное имя въ формѣ им. падежа мн. числа «отцы» (I, 10). Сохранилась и более древняя въ отношеніи 3-го коренного форма этой основы въ виде *arg* уже со значеніемъ административнымъ въ *argaret* см. Н. Марръ, Армянскій терминъ *arg-ay* [«магъ» || «жрецъ» > «жрецъ-вождь» || «жрецъ-царь» > «вождь» || «царь», приложение къ протоколу засѣданія Отд. Ист. Наукъ и Филологіи 28 янв. 1920 г.

² Объ этническомъ значеніи *geł*, основы эпонимнаго имени *Geł-am*, и раннемъ ея появленіи въ письменныхъ документахъ, такъ въ халдскихъ надписяхъ ванскихъ царей и ея переживаніяхъ въ средневѣковой армянской географической номенклатурѣ см. цит. работу: Армянскій терминъ *argay* и т. д.

³ Отъ формы на *-or* > *-ur* отъ той же основы — **paskor* > *pasq-ur* || *pask-onđ* > *pas-und* см. Н. Марръ, *Ossetica-Japhetica*. I. Фақонд-і осетинскихъ сказокъ и яфетической терминъ *paskund* [«магъ», «вестникъ», «вѣщая птица», стр. 2081 сл. У насъ однако имѣется сомнѣніе, нѣтъ ли случая семасіологической контаминаціи на почвѣ созвучія нашего этническаго термина съ названіемъ птицы, образованнымъ при помощи префикса *pa-*: *pa-skund* (ср. *skwinđ-a* *воробей* и т. п.).

Какъ то В. Ф. Миллеръ по вопросу писалъ: «остатки мусковъ [мушковъ] въ 8 вѣкѣ и позднѣе живутъ въ восточной части Малой Азіи (Малой Арменіи, Понтѣ), и имя ихъ сохранилось доселѣ въ названіи месховъ, народа картвельскаго (грузинскаго) племени, живущаго въ Ахалцихскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи»¹. Нынѣ и по имени почти не живущіе въ Ахалцихскомъ уѣздѣ месхи, дѣйствительно, были не народцемъ, а народомъ громаднаго культурно-историческаго значенія, не меньшаго, чѣмъ расы или урарту. Месхи не теряли еще своего культурнаго значенія и въ средніе вѣка, когда они были грузинизованы, стали частью картвельскаго, грузинско-картвельскаго народа, но раньше эти яфетиды, и лишь постольку родственные съ грузинами-яфетидами, были самостоятельнымъ народомъ. Не остатки мушковъ, а ихъ сородичи, раскинуты по Кавказу, и за его предѣлами, не только на западъ въ Малой Азіи, но и далеко на востокъ, можно было бы думать, въ противоположность двинувшимся на западъ расамъ или урарту, да и на сѣверъ². Во всѣ эти стороны они заносили свое племенное названіе и сохраняли его и тогда, когда, скрещиваясь съ другими племенами яфетической и иной породы, этнически перерождались. Эти месхи имѣютъ занять насъ не разъ въ вопросахъ внѣ-кавказской племенной номенклатуры, связанной съ Кавказомъ. У термина не только какъ слова, но и какъ племеннаго названія, повторяю, весьма многочисленная родня, но сейчасъ мы останавливаемся лишь на одной кавказской линіи, связанной неразрывно съ Наук'омъ. Въ этой линіи дѣло не ограничивается номенклатурной связью: ее реально поддерживает пережиточная языковая связь объединяемыхъ общимъ племеннымъ названіемъ народовъ, несмотря на то, что они также успѣли переродиться этнически и отнюдь не говорятъ уже на языкахъ тождественной природы.

IV.

Основа этого этническаго термина и при сохраненіи губнаго безъ перебора, въ видѣ ли глухого р или эквивалентныхъ замѣстителей ($b \rightarrow \varphi \setminus m \parallel v$) означаетъ также свѣтило, какъ и перебойный его эквивалентъ nauk. Въ грузинскомъ mask || vask, resp. varsk находится въ основѣ слова maskulav-1 ||

¹ Кавказское языкознаніе и вопросы исторической этнографіи Передней Азіи (ЭО, 1906, № 1 и 2, стр. 10).

² Но, какъ выяснилось затѣмъ, месхи и на западѣ достигли крайняго предѣла, оставивъ за собой даже расеновъ-урарту Аппенинскаго полуострова. О яфетическомъ происхожденіи баскскаго языка (предварительное сообщеніе) въ Прилож. къ Прот. Отд. Ист. наукъ и Филологіи отъ 28 апрѣля 1920 г., см. ниже, стр. 253.

vazsklav-1 *зольда*¹. Въ этихъ разновидностяхъ имѣемъ и mask → masq, отъ которой налицо образованіе по шипящей группѣ съ суффиксомъ -ur — м. masq-ur *горосконъ* и т. п.

Этнологически и эта разновидность не менѣе важна, такъ какъ vask — основа названія абхазовъ (a-bask → a-vazg).

V.

Такимъ образомъ въ предѣлахъ Арменіи къ населенію ея прилагались два различныхъ этническихъ термина въ значеніи армянина — hay и hayk, оба въ произношеніи спирантной вѣтви яфетическихъ языковъ, второй кромѣ того съ діалектическимъ закономъ о перебоѣ губного въ спирантъ (p || h ↗ q), общимъ у армянскаго съ лезгинскимъ (онцукумскимъ: b || h → -). Населенію той же исторически армянской территоріи не было чуждо и третье, общеизвѣстное названіе армянъ — arm-en, герср. агам-en — въ формѣ этническихъ терминовъ на -ik въ видѣ gam-ik, но въ живомъ народномъ употребленіи — въ лексиконѣ дошедшихъ до насъ двухъ языковъ арменійской группы, кейскаго и рейскаго, это племенное названіе извѣстно лишь въ значеніи соціального термина, названія простонародія. Наконецъ, въ устахъ населяющихъ ту же площадь курдовъ армяне носятъ названіе felâ. Есть еще названіе армянъ — грузинское: someq, также этнической терминъ, но сугубый по составу. Каждое независимое названіе по природѣ принадлежитъ одному изъ племенъ, входившихъ въ племенной составъ армянскаго народа. Въ составѣ сложнаго армянскаго этническаго типа, если подходить лингвистически, элементы имѣются различныхъ типологическихъ категорій числомъ не меньше, а больше, чѣмъ число перечисленныхъ названій армянъ. Пока неизвѣстно, какое названіе носило аrioевропейское племя, вошедшее въ этнической составъ армянскаго народа, и гдѣ его искать? Естественно его бы искать въ данномъ нами исчерпывающемъ перечнѣ названій армянскаго народа. Но едва ли эти поиски могутъ намъ дать прямой и положительный отвѣтъ, такъ какъ большинство названій, именно и «армянинъ», и «хайк», герср. хайкидъ (haykazən), и хай и, разумѣется, «сомехъ» не только прилагались первоначально къ племенамъ Арменіи чистой яфетической природы, но они и по корню и по формѣ — этническіе термины яфетическаго происхожденія. Остается одно курдское названіе армянъ — felê (الہ), но если даже оно дѣйствительно племенное названіе, а не передача арабскаго соціального термина faïah, мы этимъ путемъ дойдемъ развѣ до главнаго

¹ Н. Марръ, *Яфетическое происхождение армянскаго слова targareu пророкъ*, ИАН, 1909, стр. 1156. Ср. Кавказскія племенные названія и ихъ мѣстныя параллели.

источника иранских аrioевропейских элементов въ языкахъ Арменіи, а не до вкладчика основного аrioевропейскаго ихъ слоя¹.

Антропологическое пзслѣдованіе, когда оно будетъ произведено исчерпывающе, быть можетъ, намъ дастъ возможность разложить армянскій народъ на пять, если не болѣе типовъ, по числу племенныхъ названій отложившихся въ немъ этническихъ слоевъ. Весьма вѣроятно, такую же поддержку найдутъ многочисленныя племенные названія армянъ въ соответственномъ числѣ бытовыхъ типовъ, въ соответственныхъ категоріяхъ типологическихъ явленій, но какъ быть съ распределеніемъ пяти племенныхъ названій армянъ, когда въ нашемъ распоряженіи лишь два основныхъ типа арменійской рѣчи, кейскій и рейскій, два языка Арменіи — кейсій и рейскій.

VI.

Подходя съ точки зрѣнія народнаго самоопредѣленія самихъ армянъ, мы должны были бы рѣшить, что рейскій языкъ, основной слой современной рѣчи армянъ, есть хайскій языкъ, это языкъ хайевъ, какъ называютъ себя современные армяне. Подходя съ точки зрѣнія культурно-историческаго національнаго самоопредѣленія армянъ, выраженнаго лишь въ письменныхъ ихъ источникахъ — въ армянской исторической литературѣ, кейскій, основной слой древнелитературной рѣчи армянъ, есть хайкскій языкъ (haukakan), это языкъ хайковъ или хайкидовъ, по-армянски — хайказновъ (haukazən, haukazun): это они, по-природѣ «хайкорѣчивые» (по-армянски — haukaban'ы), были создателями или основопологателями средневѣковой общественности въ Арменіи, древней армянской христіанской культуры, древней литературы армянъ. Но ясное дѣло, терминъ «хайкскій» (haukakan) своей простотой такъ же не покрываетъ реально наличнаго древнелитературнаго языка, далеко не идеально чистаго кейскаго, а съ примѣсью и рейской рѣчи, не говоря объ элементахъ другихъ типологическихъ категорій, какъ названіемъ «хайскій» (hayeren → hayerēn или hayeren) отнюдь не опредѣляется полностью матеріальный составъ современной ар-

¹ «Армянинъ» по-курдски согласно сборнымъ даннымъ словаря Жабы — *فله* felé, *flah* (Kl), «одинъ армянинъ» — *فلکی زبانی* (فله یکی <), «армянскій языкъ» — *فلکی زبانی*, «армянскіе деревни» — *گوندید فلان*, иное какъ будто *fallah* (SG) *крестьянинъ*, *христіанинъ*, *föllah* (S) *христіанинъ*. Можно бы думать, что послѣдніе два — дѣйствительно, *فلاح* felah, но не созвучныя предшествующія слова, куда примыкаютъ и записанныя I. A. Орбели *Ֆլահ* fəłá армянинъ, *Ֆլահի* fəłáí армянскій языкъ, *Ֆլահիստան* Flāistán Арменія. Этнический терминъ, если бы онъ оказался отличнымъ отъ арабскаго слова, могъ бы быть возведенъ фонетически къ архетипу — **φαρδα*, т. е. *paɾdew'u* или *пароянну*.

мянской рѣчи, насыщенный примѣсью кейской рѣчи, помимо другихъ еще конструктивныхъ для ея реального типа элементовъ. Можно бы не притязать на обхватъ всѣхъ элементовъ, наличныхъ въ двухъ дошедшихъ до насъ реально языкахъ, кейскомъ и рейскомъ, и довольствоваться дать каждому изъ нихъ составное названіе по безспорной скрещенности въ немъ кейской рѣчи съ рейскимъ, это въ древнелитературномъ, или рейской рѣчи съ кейскимъ, это въ современномъ, т. е. можно бы попытаться получить составныя названія ихъ съ постановкой на первомъ мѣстѣ племенного названія, опредѣляющаго основной слой даннаго языка. В такомъ случаѣ такъ называемый древнелитературный армянскій языкъ долженъ былъ называться не просто хайскимъ, а хайк^го¹-хайскимъ, а говорившій на немъ народъ — хайк^го¹хаями (хайк^го¹хай'ями), а такъ называемый современный армянскій языкъ долженъ былъ называться не просто хайскимъ, а хай^го¹хайскимъ, говорящіе же и говорившіе¹ на немъ — хай^го¹хайками. И послѣднее названіе, дѣйствительно, существовало, и его сохранили грузины, естественно, въ произношеніи сибилантной вѣтви яфетическихъ языковъ. Вѣдь терминъ someq (← son-mesq, resp. шон-месq || сан-маск) *сваномесхъ*, не что иное, какъ сибилантная разновидность *hay-hayk'a хай-^го¹хайка, будучи гибриднымъ — въ составѣ so- (son), эквивалента термина hay (← hayn), и meq (← mesq || masq ↗ pask → pasq), эквивалента термина hayk.

Грузины, слѣдовательно, называли и продолжаютъ называть армянъ не особымъ какимъ-либо этническимъ терминомъ, а тѣмъ, точнѣе, сліянно тѣми двумя терминами, какими армяне раздѣльно пользовались для именованія двухъ арменійскихъ народовъ, hay'evъ (|| so^гn¹ovъ) и hayk'ovъ (|| mesq'ovъ), отложившихся основными слоями природной своей рѣчи въ двухъ реально сохранившихся языкахъ Арменіи, хайскомъ (hayegen) и хайкскомъ (haykakan). Для Арменіи грузинскій гибридный терминъ someq (|| *hay-hayk) болѣе реально историченъ и объективенъ, чѣмъ простыя армянскія названія, субъективныя, будетъ ли это по народному самоопредѣленію — hay, или по культурно-историческому, т. е. національному самоопредѣленію — hayk, resp. haykazən || haykazun. Но тотъ же терминъ someq у грузинъ являлся съ извѣстнаго момента камнемъ преткновенія въ отношеніи Грузинъ. Имѣя въ краѣ до-историческую давность съ точки зрѣнія національной исторіи и грузинской, и армянской, someq первоначально означалъ гибридное племенное объединеніе или первичнаго населенія Арме-

¹ Вѣдь онъ существовалъ и въ древности, какъ самостоятельный языкъ народно, хотя и не литературно.

ни, чисто яфетического, или вторичного ее населения — мѣшаного уже съ аріоевропейцами, яфетидо-аріоевропейцами. Позднѣе, по мѣрѣ дальнѣйшаго перерожденія части того же со-мехскаго ||*хай-хайкского населения въ предѣлахъ Грузіи въ грузинъ, этнической терминъ someq сталъ означать грузинское племя, сохранивъ однако исторически-преемственно первоначальное свое значеніе какъ этническаго термина, наименованія населенія Арменіи. Грузинскій языкъ использовалъ двѣ возможности образованія имени мѣста отъ одного и того же племенного названія someq съ помощью двухъ разновидностей окончанія -eθ || -iθ: Somq-eθ въ значеніи *Арменіи*, а Somq-iθ въ значеніи грузинской области, населенной грузинизованными или огрузинившимися someq'ами, хотя Somq-eθ и Somq-iθ формально означаютъ одинаково *Сомехія*, *Сомехская страна* (букв. pl. t.: «сомехи»); грузинскій языкъ использовалъ мѣстный суффиксъ мн. числа -ar для образованія названія населенія огрузинившейся Сомехіи — somq-iθ-ar *сомехіецъ* = грузинъ изъ Сомехіи въ отличіе отъ someq *сомехъ* = *армянинъ*, someq-n *армяне* (им. п. someq-i, someq-n-i), и всетаки это не избавило грузинъ отъ смѣшенія терминовъ, а иногда въ связи съ нимъ, при недостаточной ихъ звуковой дифференцированности, и смѣшенія понятій. На той же почвѣ возникло извѣстное лѣтописное преданіе грузинъ, поражавшее при незнаніи всѣхъ этихъ сложныхъ обстоятельствъ метисацій и перерожденій, — преданіе о томъ, что сначала грузины говорили (qarθvel'ы) по-сомехски, а затѣмъ они стали говорить по-грузински (qarθulad «по-картски» или «по-картвельски»). Но судьбой огрузинившейся части гибриднаго народа «someq» мы сейчасъ не будемъ заниматься, какъ и судьбой огрузинившейся части отложившихся въ гибридномъ народѣ someq'ѣ, т. е. son-mesq'ѣ простыхъ по составу народовъ, напр., месховъ или меховъ.

Для насъ важнѣе прослѣдить реально-лингвистическую связь входящихъ въ составъ гибриднаго арменійскаго народа so-meq (son-mesq) ||*hay-hayk простыхъ арменійскихъ народовъ hay'евъ [||son'овъ] и hayk'овъ [||mesq'овъ, resp. mask'овъ ↗ pask'овъ → basg'овъ и т. д.] съ одноименными народами, не подвергшимися гибридизаціи съ аріоевропейскимъ народомъ, именно съ сонами (точнѣе — шонами) или сванами и a-bask'ами → a-bazg'ами или абхазами.

VII.

Пока достаточно отмѣтить одно основное типологическое явленіе для каждаго изъ двухъ обсуждаемыхъ арменійскихъ языковъ, хайскаго || сонскаго и хайкского || мехскаго именно образованіе мн. числа: какъ извѣстно, хайскій || сонскій языкъ образуетъ мн. число съ показателемъ множествен-

ности г (почему онъ и названъ рейскимъ), а хайкскій || месхскій языкъ — съ показателемъ множественности q (почему его и именуемъ кейскимъ). Намъ сейчасъ нѣтъ надобности входить въ исторію этихъ формативовъ, какъ и въ то, напр., какъ фактически распредѣляется данный образовательный элементъ мн. числа по яфетическимъ языкамъ, господствуя особенно въ нѣкоторыхъ группахъ лезгинскихъ языковъ. Намъ сейчасъ достаточно знать, что образованіе мн. числа на -аг (+е-аг → +е-г), природное для хайскаго || сойскаго (сонскаго) арменійскаго языка, дѣйствительно, раздѣляется съ нимъ сонскимъ или сванскимъ языкомъ, въ которомъ мн. число образуется обычно съ помощью суффикса -аг, а образованіе мн. числа на -q, природное для хайкскаго || месхскаго, *гесп. mask'*скаго ↗ баскскаго языка, является существенно характернымъ для образованія мн. числа въ *a-bask'*скомъ *a-basg'*-скомъ языкѣ, т. е. опять-таки, дѣйствительно, раздѣляется съ нимъ (хайкскимъ языкомъ) абхазской рѣчью.

Болѣе того, въ абхазскомъ языке имѣемъ и тотъ второй уже переднеязычный показатель множественности ѓ, который присущъ лишь арменійскому языку хайк'овъ, но не хайевъ, причемъ лишь въ определенныхъ косвенныхъ падежахъ, но такъ какъ въ абхазскомъ языкѣ нѣтъ склоненія, то въ немъ два показателя множественности распредѣляются между двумя категоріями иного порядка, именно переднеязычный ѓ усвоенъ разумнымъ предметамъ, а заднеязычный q — неразумнымъ.

Тотъ же переднеязычный показатель множественности ѓ, уже десибилонный в видѣ ѓа → ѓ, присущъ и грузинскому, но лишь древнелитературному грузинскому, возникшему среди сон-меховъ, т. е. опять-таки связанъ съ языковой природой племени месховъ || басковъ или, что то же, хайковъ.

VIII.

Такимъ образомъ одни и тѣ же племенные названія яфетическаго происхождения, самостоятельно или въ гибридномъ объединеніи, посятъ народы различнаго племеннаго состава съ различными языками, какъ то армяне, грузины, сваны и абхазы.

Недоразуменія предупреждаются тѣмъ, что термины успѣли дифференцироваться исторически или по развѣтвленіямъ яфетической семьи. Къ перечисленнымъ разновидностямъ присоединяется еще представитель сибилантной вѣтви, названія *hay* || *so* ← *son*, приуроченный къ лавскому племени, въ разновидностяхъ какъ свистящей группы — *san*, *tan*, *ten* (*den*), такъ шипящей — **shan*, *ṭan* (*ḍen*), *ṭen* и т. п.

IX.

На территории позднейшей Армения племенное название *hauk* также было одновременно и этническим термином, наименованием народа, и словом, означающим светило, здесь уже специально «Орионъ» или «созвездіе трехъ маговъ», которое, слѣдовательно, и являлось божествомъ народа *hauk'ovъ*. Это передалось преимущественно позднейшему населению Армения, уже известному подъ названіемъ то армянъ (у иранцевъ, сирійцевъ, грековъ и др.), то *hauevъ* (у самихъ армянъ), то *somēq'ovъ* (у грузинъ и другихъ народовъ Кавказа), то *felé* (у курдовъ). Передалось имъ, называвшимъ себя уже хаями (*haug*, *haug+e-ag* → *haug-eg*), вмѣстѣ съ представленіемъ о *Hauk'ъ*, какъ герой, вмѣстѣ съ этническими сказаніями о немъ.

Въ семасическомъ отношеніи все вскрытое лингвистической палеонтологіею въ отдаленіи, глубинѣ времени, съ реальностью и яркостью свѣтила, наблюдаемыхъ въ телескопѣ, устанавливаетъ, что *Hauk* это названіе само по себѣ лишь звѣзды, но звѣзды по преимуществу обращавшей на себя вниманіе и поэтовъ, и ученыхъ, именно Ориона; *Hauk* это «гигантъ», «титанъ», «исполинь»¹, прародитель одного племенного слоя армянской націи, именно *hauk'skago*, и въ этомъ смыслѣ опять-таки названіе созвѣздія Ориона, оно же названіе героя-исполина племени-примитива, такъ какъ восемь звѣздъ, входящихъ въ составъ этого созвѣздія, представляютъ гиганта съ контурами фигуры, проходящими черезъ пять звѣздъ (λ , α , γ , κ , β) при поясѣ изъ трехъ звѣздъ со свѣшивающимся мечемъ въ видѣ двухъ звѣздъ (δ , ι), плотно примыкающихъ другъ къ другу. *Hauk* это царь-жрецъ.

Слѣдовательно, по тремъ звѣздамъ Орионъ долженъ былъ называться три *хайка*, герм. три маргара || **h¹arkara*². Совпаденіе съ этимъ искомымъ, теоретически восстанавливаемымъ *harkar'omъ* слова *arkar* въ составѣ киргиз-казацкаго названія Ориона иш-*arkar* *три аркара* вызываетъ сомнѣніе въ народной этимологіи, отождествляющей этотъ астрономическій терминъ съ монгольскимъ словомъ *arqar* («архар») *баранъ*; это сомнѣніе вызывается отчасти и потому, что терминъ *arkar* въ его дальнейшей разновидности *arka* (ср. арм. *arqau*) появляется въ названіи того же созвѣздія у алтайцевъ—*Учъ-Арка* (ср. далѣе — уже мѣстное перерожденіе *egек* у черневыхъ татаръ — *уч-ерек*), между тѣмъ ни въ алтайскомъ *arka*, ни у черневыхъ татаръ *egек* не означаетъ «горнаго барана», да и по-монгольски «горный баранъ» — *архар*,

¹ Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть признана его диалектическая разновидность, съ окончаніемъ *-ag* > *au*, — *hask-au* (> *h¹askau*) *исполинь*.

² Г. Н. Потанинъ, *Восточные мотивы въ средневековомъ европейскомъ эпосѣ*, Москва 1899, стр. 628, см. Куфтинъ, ц. с., стр. 128.

если и можетъ звучать аркар¹, въ названіи Оріона вовсе и не находимъ². Мы все-таки не рѣшились бы указать на это поразительное совпаденіе, имѣющее видъ случайнаго созвучія, когда матеріаль сличается изъ такихъ разобщенныхъ и ничего общаго, казалось бы, не имѣющихъ районовъ, какъ киргизскій и яфетическо-аріоевропейскій армянскій міръ, если бы не открытіе на Памирѣ яфетической лингвистической родни (вершики || бурешки), и налицо въ ихъ рѣчи особой связи съ армянской рѣчью въ элементахъ даже индоевропейскихъ, и если бы яфетическій міръ своими матеріалами не вынуждалъ насъ искать его наслѣдія въ связи съ вопросами о скиахъ-сакахъ, о хазарахъ и въ районѣ расселенія киргизовъ³.

Х.

Не будемъ сейчасъ осложнять вопроса, какимъ путемъ это произошло, согласно ли теоріи анимистической или тотемической, но анализъ его эквивалентныхъ основъ *pask* || *mask* → *marg* намъ уже вскрылъ, что этотъ же терминъ и производные отъ него означали не только *пророка, мага, волхва*⁴, но и *птицу, вѣщую птицу*, впоследствии полу-антропоморфизованную птицу *сиринъ*, вообще чудесную птицу⁵. Въ какой мѣрѣ съ тѣмъ первобытнымъ религіознымъ представленіемъ, анимистическаго оно или тотемическаго происхожденія, связано то, что далѣе звѣрь или птица (а не только птица сиринъ), отождествляется съ душой, это также особый вопросъ, но фактъ, что для исторіи семасики эта первобытная психологическая атмосфера имѣетъ громадное значеніе: въ ней именно должны найти дѣйствительное разрѣшеніе многіе наши недоумѣнные, а иногда кажущіеся простыми и легко рѣшаемые вопросы по семасіологіи, а не въ нашихъ

¹ Наоборотъ, въ родной средѣ нашъ яфетической терминъ могъ бы звучать и агѣар («архар»), болѣе того, въ немъ звукъ *q* долженъ былъ пройти эту ступень развитія по исторіи африкатовъ (*k* > *g* > *q*).

² По-монгольски Оріонъ — «гурба марал» діалектически по нарѣчіямъ а) Кешихтэн — «гурба марыл», б) Найманъ — «гурба мыші», в) Найманъ и Баринъ — «гурба нохои», г) Дурбут-бэйсэ — «горван нох». (А. Д. Рудневъ, *Матеріалы по говорамъ восточной Монголіи* СПб. 1911, подъ словами «гѣрба», «марѣл», «нох»), т. е. то «три самки благороднаго оленя (марал и разновидности)», то «три собаки (нох)».

³ Потанинъ киргиз-казацкое названіе «уш-аркар» переводитъ (ц. с., стр. 628) «три каменныхъ барана», Куфтинъ (ц. с., стр. 128) — «три горныхъ барана», причемъ этотъ переводъ основанъ на признаніи въ словѣ монгольскаго архар (Куфтинъ, ц. м.).

⁴ Н. Марръ, *Яфетическое происхожденіе армянскаго слова margareu пророкъ*, ИАН, 1909, стр. 1153 сл.

⁵ Н. Марръ, *Ossetica-Japhetica*, I, ц. м., стр. 2079 — 2093, 2094 — 2096 сл.

гипотетических построениях о связи понятий¹. Когда исследователей средневековой литературы анализ апокрифического сказания о волхвах приводил какъ къ источнику въ армянскую страну, то, какъ лишній разъ видно, нѣтъ дыма безъ огня: помимо связи въ именахъ трехъ маговъ Багдасара, Гаспара и Мелкона, сказаніе, использованное въ христіанской легендѣ, могло, дѣйствительно, имѣть генезисъ въ культурно-исторической средѣ, гдѣ народъ, магъ и свѣтило носили одно и тоже названіе². Но для выясненія этихъ далеко идущихъ нитей, связывающихъ популярную христіанскую легенду съ определенной племенной основой необходимой культурно-исторической среды, требовалось бы, да и теперь не поздно, углубленіе историко-литературнаго анализа съ перенесеніемъ бремени доказательнаго матеріала съ письменныхъ памятниковъ на устные народные источники соотвѣтственной среды. Пересмотръ въ этомъ смыслѣ народной, въ частности сказочной литературы армянъ и сродныхъ съ ними народовъ Кавказа неизбеженъ и потому, что въ ея матеріалахъ мы видимъ пережитки и того явленія, когда народъ и то или иное животное, четвероногое или пернатое, у армянъ преимущественно какъ будто птица, носятъ одно и то же названіе. Далекое не единственный у армянъ случай съ *Togq'om*, чрезвычайно важнымъ не для кавказской лишь номенклатуры названіемъ. На этотъ случай обратилъ вниманіе Н. Г. Адонцъ³, между тѣмъ такіе случаи поддерживаются не только народными преданіями, нашедшими слабое или капризное отраженіе у древнихъ армянскихъ писателей, но и современнымъ армянскимъ народнымъ эпосомъ. По яркому выявленію родства имени, отъ племени перешедшаго на олицетворяющаго его героя, съ названіемъ птицы особо выдѣляется одна малоизвѣстная въ литературѣ армянская эпическаго цикла сказка о Мокосѣ, записанная на чарсанчагскомъ нарѣчій⁴. Въ ней старшій сынъ Мокоса *Sin-am* носитъ весьма популярное въ сказкахъ названіе чудесной птицы *sinama-hawq* «птица *Синамъ*»⁵, и это же имя героя въ то же время построено безукоризненно правильно по типу яфетическихъ,

¹ По всей видимости, соотвѣстнаго разъясненія ждетъ тотъ фактъ, что г. *merđiq-al* || м. *marđiq-ol* *ласточка* одного корня со словомъ означающимъ «звѣзду» (г. *va'gr'skulavi*, см. Н. Марръ, *Яфетическое происхождение армянскаго слова *marđiqey* пророкъ*, стр. 1156) и съ терминомъ *vask*, основой этническаго названія абхазовъ.

² Н. Марръ, *Армянскій терминъ *argay* и т. д.*

³ *Торкъ* — богъ древнихъ армянъ (на арм. языкѣ) въ *Յուշարձան'Է*, стр. 389—394, см. также Н. Марръ, *Ossetica-Japhetica*, ц. изд., стр. 2096.

⁴ *Գոգոս. Ջոզգրիշիան Վիւր (Չարանճաղի բարրանով. պատմից Գրեան Բարար. գրի տակ. Ե. Հոյհուհի)* [Мокосъ. Народная повѣсть (на чарсанчагскомъ нарѣчій), разсказалъ Минасъ Бабаръ, записалъ С. Хайкуни], Эчмиадзинъ 1896.

⁵ См. между прочимъ появленіе птицы *Синамъ* въ роли иранскаго Симурга (Н. Марръ *Ossetica-Japhetica*, I, стр. 2089).

наличныхъ пережиточно и у армянъ племенныхъ названій съ суффиксомъ -an¹.

XI.

Природа термина hauk, какъ названія армянскаго народа, собственно одного изъ основныхъ слоевъ, отложившихся въ немъ, выступаетъ довольно ярко и въ историческихъ сочиненіяхъ армянъ съ повѣствованіями объ ихъ генезисѣ. Национальный историкъ hauk'ovъ, повидимому, погибъ: его освѣщеніе сохранилось у Анонима, произведеніе котораго внесено въ начало *Исторіи похода Пракла*, принадлежащей перу Себэоса, и отъ Анонима, или, правильнѣе, сродного съ нимъ источника, изложеніе родословія завѣщанно усвоено Моисеемъ Хоренскимъ.

Произведеніе Анонима цѣнно въ томъ отношеніи, что въ немъ преданіе о мѣшанности армянскаго народа выступаетъ безъ всякихъ прикрасъ, и довольно полно, несмотря на то, что, помимо внесенія библейскихъ элементовъ, мѣсто обезображено дефектностью чтенія.

О мѣшаномъ генезисѣ армянскаго народа, съ хайками въ составѣ, можно дѣлать выводы и по даннымъ Хоренскаго, насколько можно придавать реальное значеніе сообщаемому у него родословію армянъ, насколько постепенно выяняется восхожденіе предложенныхъ имъ списковъ родоначальниковъ армянскаго народа, съ разказами о нихъ, къ армянскимъ племеннымъ преданіямъ. Достаточно указать въ спискѣ хайкидовъ съ одной стороны на фактъ сліянія арамидовъ или арменидовъ съ хайкидами, съ другой стороны — на схождение вмѣстѣ въ родословіи армянскаго народа эпонимныхъ именъ, представляющихъ племенное названіе mask ↗ pask въ разновидностяхъ по различнымъ языкамъ арменійской группы, съ одной стороны по языку спирантной вѣтви — Hauk, Hauk-ak, съ другой по языкамъ различныхъ группъ сибилантной вѣтви — Pasq-am, то Pert², то безъ функциональнаго согласнаго k || q, но съ префиксомъ a-: A-mas-eau. Но у Анонима прямое заявленіе о томъ, что съ араменидами («родомъ Араменака», azg Aramenakau) смѣшались потомки mask'ovъ, resp. marsk'ovъ, эпонимный герой которыхъ Maseak || Marseak обращенъ въ книжно-научной оболочкѣ армянскаго историка въ Marseak'a (Maseak'a), домочадца Авраама, бѣглеца

¹ Въ самой сказкѣ вскрывается, что основа имени именно sin: отъ нея, съ озвонченнымъ первымъ кореннымъ — s > z, образованы два имени, одно составное — Zina-qar, другое производное съ префиксомъ ma- — Ma-zin. Для исторіи имени не случайно, что и основа sin > bin означаетъ животное пернатое, у армянъ нынѣ «коршунъ».

² О связи pert блестящій съ той же основой va'g'sk- звезда, см. П. Марръ, *Ифенитическое происхожденіе армянскаго слова taryageu пророкъ*, ц. м., стр. 1155, 2.

высланца изъ Дамаска, опять съ использованиемъ созвучія Mask'a, resp. Maseak'a съ Da-mask'омъ¹.

ХІІ.

Любопытно отмѣтить, что въ родословіи и по передачѣ Моисея Хоренскаго, какъ и у Анонима, этнологически важными для состава армянскаго народа племенами являются аракиды и хайкиды, но никакъ не хаи (hay-q). Даже въ именахъ родословія ни разу не появляется эпонимъ hay, если его представителемъ не считать имени «хой» (Հոյ), разновидности въ такомъ случаѣ племеннаго названія hay, съ перегласовкой «а» въ «о»². Такое ничтожное отраженіе значенія хайскаго племени въ основной исторіи армянскаго народа тѣмъ более поразительно, что авторъ, М. Хоренскій, ее, эту исторію армянъ, пишетъ по національному самосознанію его эпохи, сравнительно поздней, какъ исторію хайевъ (hay + o-ճ), да и родословіе въ первой книгѣ онъ даетъ именно «великихъ хайевъ» (hay + o-ճ meta-ճ). Единственнымъ объясненіемъ такому соотношенію сильной заинтересованности Хоренскаго въ судьбахъ хайевъ и слабого отраженія именно хайскаго родословія въ его трудѣ мы можемъ признать отсутствіе въ армянскомъ народѣ хайскихъ племенныхъ преданій, исчезновеніе изъ народной памяти армянъ традицій того именно племени, названіемъ котораго они сами однако себя величали и величаютъ. Такимъ племенемъ безъ корней въ яфетической по началу этнической и территоріальной средѣ естественнѣе бы всего признать то аrio-европейское племя, которое скрестилось съ яфетическими народами арменійской группы. Для него именно и не досчитываемся мы особаго названія. Однако, hay || hoу, какъ и его эквиваленты по свистящей породѣ so- ← son (→ swan), resp. шон, сан (tan) || шан (tan) и т. д., безспорно яфетическаго происхожденія, и въ нихъ имѣемъ названія такихъ также безспорно яфетическихъ народовъ, какъ сваны и лазы или чаны. И мы должны бы остаться безъ возможности найти какое либо реально-историческое названіе для вливагося въ племенной составъ армянскаго народа аrio-европейскаго слоя, если бы стали упорно исходить изъ казалось бы незыблемаго положенія, что аrio-европейская этническая масса, наличная въ скрещенномъ и антропологически, и лингвистически этнологическомъ типѣ арменійской группы,

¹ Трудно предположить, что армянскимъ историкомъ, кромѣ чисто вѣшняго созвучія, руководило дѣйствительное званіе построения термина Da-mask (De-mank-u) || De-mesk (Damenk-, De-mesk || Du-mank по извѣстной нормѣ яфетической морфологии. Къ этому термину вернемся особо.

² Акад. В. В. Латышевъ обратилъ мое вниманіе на то, что кавказское племенное названіе Хо: извѣстно еще Гекатею.

явилась на арменійскую територію въ дѣйствио непочатомъ видѣ своего аріоевропеизма и, принеши свое аріоевропейское названіе, въ сохранности передала его всему этническому объединенію Арменіи. Но мы не имѣемъ никакого основанія считать это положеніе незыблемымъ ни съ исторической, если смотрѣть глазами Геродота, видѣвшаго въ армянахъ отселенцевъ фригійцевъ, ни съ этнологической точки зрѣнія, поскольку въ племенной составъ армянскаго народа даетъ возможность заглянуть лингвистическая палеонтологія номенклатуры. Въ составѣ армянскаго народа нѣтъ ни одного племени съ аріоевропейскимъ названіемъ, нѣтъ и племени съ названіемъ фригійскимъ, если даже сочтемъ доказаннымъ, какъ то въ наукѣ принято безъ достаточнаго обоснованія, что фригійцы съ оракійцами изначально аріоевропейскіе, вообще чистые аріоевропейскіе народы, хотя бы по языку. При скрещенности племенного состава армянскаго народа, особенно при расовой его гибридности мы въ правѣ бы ожидать и гибриднаго этническаго термина именно отъ перваго момента этногенического скрещенія. Впослѣдствіи теряло реальное значеніе двусложное племенное названіе, когда говорившіе на гибридномъ яфетическо-аріоевропейскомъ языкѣ сомехи грузинизовались или среди самаго этого племени, именовавшагося двухсоставнымъ названіемъ so-meq или его спирантной разновидностью *hay-hayk, самосознаніе одного изъ основныхъ вошедшихъ въ составъ этого этническаго объединения племенъ становилось общенароднымъ и выносило на поверхность именно соотвѣтственное простое племенное названіе, въ данномъ случаѣ hay, взаи́мъ терявшаго реальный смыслъ и потому у себя на родинѣ изчезавшаго, да и изчезнувшаго, гибриднаго термина *hay-hayk. Въ психологическомъ воспріятіи самаго народа его племенной составъ, матеріально продолжавшій быть гибриднымъ, становился единымъ, переживъ расщепленіе первичнаго единства племени — примитива отъ гибридизаціи, т. е. получается формула: по субъективному психологическому воспріятію — $A \rightarrow AB \rightarrow A$, по объективному матеріальному положенію дѣла — $A \rightarrow AB \rightarrow A(B)$ или $B(A)$, т. е. формально въ обоихъ случаяхъ — $1 \rightarrow 2 \rightarrow 1$, съ той качественной варіаціею, что первая единица по составу представляемаго тѣла — простая, вторая, что въ концѣ формулы, — сложная (скрещенная). Слѣдовательно, первоначально это двусложное племенное названіе, въ сибилантной разновидности so-meq, фактически засвидѣтельствованное, несомнѣнно знаменовало и психологически явно матеріальную реальность — наличие въ именовавшемся такъ народѣ двухъ расовыхъ слоевъ, аріоевропейскаго и яфетическаго, и если однако обѣ части этого двухчленнаго названія являются одинаково яфетическими, то въ моментъ скрещенія по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ, или so (\leftarrow son) или meq (\leftarrow mesq), была названіемъ уже гибриднаго

аріоевропейско-яфетическаго племени. Такимъ простымъ названіемъ прегнантнаго содержанія намъ представляется именно *so* ← *son*, ввиду слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) Яфетическое племенное названіе *so* ← *son*, какъ мы уже видѣли, фонетически дифференцируясь по различнымъ вѣтвямъ и группамъ яфетической семьи языковъ, служитъ названіемъ этническихъ единицъ различныхъ консистенцій и армянъ (*hay* || *hou*) ← *han-1* || *hon-1*), и свановъ (*шоп* || *son* ← *so*), и лазовъ или чановъ (*san* || *шан*¹ ↗ *tan* || *тан*, равно *ден* || *ten* и т. п.).

2) То же яфетическое названіе *son*, resp. *шоп* могло перейти, очевидно, и на совершенно ино-расовое племя, и его спирантная разновидность *hoyn* (← *hon-1*) || *huyn* (← *hun-1*), она же *yoyn* изъ *yon-1*, эквивалентъ общеизвѣстнаго племеннаго названія іонянинъ, обратилась въ названіе такого чистаго, по существующему представленію, аріоевропейскаго народа, какъ эллины или греки: армяне иного названія для грековъ какъ *yoyn* → *yuyn* || **hoyn* → *huyn* и не знаютъ.

3) Всѣ именуемые этимъ племеннымъ названіемъ народы гибридные по составу, и если гибридность одного изъ нихъ, именно свановъ, представляетъ скрещеніе племенъ спирантной и шипящей природы все одной и той же яфетической расы, то съ армянами и лазами или чанами мы находимся уже въ области расовой гибридизаціи: для армянъ доказательство этого положенія на лицо, въ отношеніи чановъ мы въ не столь благоприятныхъ условіяхъ, такъ какъ наличный представитель этого народа лишь пережитокъ слившагося съ аріоевропейскимъ слоемъ того народа, который послужилъ затѣмъ образованію двухъ гибридныхъ разновидностей этническихъ объединеній — *хайской* (армянской) на востокъ и *фонской* (греческой) на западѣ. У наличнаго остатка этого этногенически важнаго чанскаго племени, современныхъ чановъ или лазовъ, языкъ проявляетъ двустороннія интимныя связи, съ одной стороны съ *хайскимъ* языкомъ, вообще съ языками Арменіи, съ другой — съ греческимъ языкомъ, съ послѣднимъ — обиліемъ греческихъ словъ, иногда даже въ составѣ сложныхъ образованій, оказывающихся *лазо-греческими*.

4) «*Сон*» и его разновидности входятъ въ составъ большинства гибридныхъ этническихъ терминовъ яфетическаго Кавказа въ его приморскомъ краѣ и непосредственно примыкающихъ къ нему областяхъ, т. е. въ районѣ, чрезвычайно важномъ для міровой этногеніи, особенно для этногеніи культурныхъ народовъ Запада по связанности Черноморскаго побережья со Средиземноморскимъ міромъ, прежде всего съ Элладою; эти гибридные этническіе

¹ Гурійскія фамиліи *San-ik-1-de* и *Шан-1-de* сохраняютъ до нашихъ дней эти двѣ разновидности (*шан*, *san*, resp. *san-ik*) занимающаго насъ племеннаго названія.

термины съ «сон» или его разновидностями въ составѣ слѣдующіе — swano-kolq'и, eger-swan'ы, ber-đen'ы и so-meq'и. Если пока оставить въ сторонѣ swano-kolq'овъ и e-ger-swan'овъ, двѣ разновидности одного и того же по составу входящихъ въ нихъ племенныхъ названій (swan = swan, kol-q || ger-) термина, имѣющаго насъ занять особо, остаются два для насъ чрезвычайно важныхъ этническихъ термина — ber-đen и so-meq, оба являющіеся племенными названіями по господствующему въ наукѣ представленію чистыхъ аріоевропейскихъ народовъ — грековъ и армянъ. Въ отношеніи армянъ намъ теперь извѣстно, въ какой степени далеки они отъ чистаго аріоевропейскаго типа, если вообще онъ мыслимъ въ живой реальности, какую ярко выраженную гибридизацію аріоевропейской природы съ яфетической представляютъ они и въ рѣчи, въ обоихъ своихъ языкахъ, и въ кейскомъ, и въ рейскомъ. Относительно грековъ яфетидологическая работа лишь начинается, и того, что наблюденно, не торопимся обобщать. Но кавказская этническая номенклатура въ отношеніи обоихъ названныхъ народовъ устанавливаетъ одно и тоже положеніе, вскрываетъ аріоевропейско-яфетическую двусоставность каждаго изъ нихъ: въ грекахъ — ber-đen'ахъ || ber-đan'ахъ, (отсюда бц. ber-đa)¹ — она вскрываетъ скрещеніе иверовъ или иберовъ (ber-) съ чанами или ченами (-đan || -đen), въ армянахъ — so-meq'ахъ — месховъ (meq'овъ) съ сонами (→ сванами || санами и т. п.). Расходятся греки съ армянами по двумъ различнымъ яфетическимъ племеннымъ слоямъ, у армянъ — месхскому или һайскому, у грековъ — иверскому или берскому; сближаются они второй частью своихъ названій, прегнантноносящей въ себѣ указаніе на аріоевропейско-яфетическій слой, такъ какъ при всемъ бросающемся въ глаза и воспринимаемомъ слухомъ расхожденіи наличныхъ въ нихъ племенныхъ названій ðen || đan и so (son) — лишь частичные представители одного и того же этническаго термина вмѣстѣ съ рядомъ другихъ еще сибилантныхъ представителей — san ↗ tan || шон ↗ тон || sen ↗ тен || тен и т. п., и того же этническаго термина представителями по спирантной вѣтви языковъ, если ограничиться одними лишь основными разновидностями, являются съ одной стороны — han || hon || hen, resp. han-1 || hon-e/1 || hen-1, откуда и һау, усвоенное какъ національное племенное названіе армянами, уже гибридизованными съ аріоевропейцами, съ другой — уоун || һоун ← hon-1, присвоенные какъ племенное названіе грекамъ. Въ разновидностяхъ дп сибилантной вѣтви или спирантной, архетипы шон || һон, яфетическія племенные названія, и являлись прегнантными по содержанию: носители ихъ были двойники или двуприродны, яфетидо-аріоевропейцы, понятно, если это не

¹ См. Марръ, Кавказскія племенные названія и ихъ мѣстныя параллели.

пережитки яфетическихъ народовъ, реликтовые представители, какъ сваны, а новообразованія, возникшія у открытыхъ міровыхъ переселенческихъ путей, именно у побережья Чернаго моря, на грани, быть можетъ, перваго схождения аріоевропейскаго этническаго міра съ яфетическимъ.

Само собою понятно, что если армянскій народъ представляетъ цѣлый клубокъ этническихъ скрещеній, то тѣмъ болѣе основаній ожидать многогранности племенного состава въ греческомъ народѣ. Какъ со-мехское || *най-найкское по названію армянское скрещеніе, принимая даже прегнантность термина «най», прикрывающаго собою гибридизацію аріоевропейцевъ съ яфетидами, не исчерпываетъ полноты племенного состава армянъ, такъ и бер-дзекское (*ибер^{го}¹-чанское) || *иберо-іонское по кавказскому названію греческое скрещеніе, съ параллельной прегнантностью эквивалентнаго яфетическаго термина «дзен» или, что тоже, «іонъ», разумѣется, не исчерпываетъ полноты племенного состава эллиновъ. Эллиновъ съ тѣмъ же райономъ черноморскаго побережья связываетъ и ихъ названія «а-хаи» и «греки», этническіе термины также яфетическаго происхожденія. Вопросъ объ этногеническомъ значеніи яфетидовъ въ возникновеніи эллинскаго народа нельзя разлучать и съ долею участія пелазговъ въ племенномъ его составѣ. Однако это все вопросы, привходящіе въ большую проблему о происхожденіи не только грековъ, но и всего средиземноморскаго населенія, носителя живыхъ силъ, творцовъ міровой европейской культуры, и насъ здѣсь занять не могутъ даже въ предѣлахъ нашей весьма частичной компетенціи¹.

По части же о хаяхъ въ занимающемъ насъ здѣсь вопросѣ о племенномъ составѣ армянъ остается указать предметъ племенного культа, тотема и впоследствии бога, которому носившее это названіе яфетическое племя, до гибридизаціи съ аріоевропейцами, поклонялось, отождествляясь съ нимъ или отождествляя его съ собою, въ видѣ-ли свѣтила и животнаго, четвероногаго и пернатаго, или одновременно и четвероногаго и пернатаго, правильнѣе — крылатаго. Исходя изъ лингвистической реальности, мы видимъ, что съ нашимъ племеннымъ названіемъ, болѣе того со многими его разновидностями у яфетидовъ связано представленіе о конѣ. Въ разновидностяхъ сибилантной породы *ḥen* служить у грузинъ для образованія отыменнаго

¹ Въ видѣ сказки однако я вынужденъ былъ изложить то, что рисуется воображенію яфетидолога и за предѣлами его спеціального міра въ докладѣ, прочитанномъ на ученомъ собраніи Академіи Исторіи Матеріальной Культуры—«Кавказъ и третій этническій элементъ въ Средиземноморской культурѣ», да и на такое изложеніе рѣшился я, когда въ томъ мірѣ оказался живой яфетическій народъ—баски, что было яфетидологически вскрыто и опредѣлено послѣ того, какъ настоящая замѣтка не только возникла, но получила окончательную отдѣлку, см. выше, стр. 239.

глагола, *ten-sb-a* означающаго «гнать коня (*ten*)», т. е. *ten* означало «конь». «Лошадь» же означала и разновидность той же основы съ звонкимъ представителемъ 1-го коренного *den*, какъ то находимъ во второй части гибриднаго племеннаго названія грековъ — *ber-den*: отъ этой разновидности, съ потерей носового исходнаго согласнаго въ армянскомъ мы имѣемъ *di лошадь*. Разновидность той же основы съ удвоеніемъ перваго кореннаго средней уже звонкости *ḡ*, именно *ḡq* палицо въ грузинскомъ словѣ *ḡqen лошадь*. Параллельно такому использованию сибилитныхъ разновидностей въ значеніи лошади, нами не исчерпанному, наблюдается употребленіе спирантныхъ представителей въ томъ же значеніи, такъ *hon-e* ← *hun-e* у древнихъ грузинъ означало коня, вообще лошадь (отсюда г. *unagr*, св. *hun-gig сѣдло*); «коня» означало и слово **hen-1*, откуда др.-лит. терминъ армянъ *heun-q наѣздъ*, «разбойничій наѣздъ», букв. «кони» (ср. др. л. арм. *asp-atak* отъ п. *asp лошадь*)¹. Такимъ образомъ слово *hay* (← *han-1*), племенное названіе, одновременно могло означать коня, и такъ могло именоваться у нихъ не свѣтило Орионъ, а другое созвѣздіе: было ли это созвѣздіе «Пегасъ», раньше называвшееся у Птолемея Конемъ (*Ἴππος*), или, какъ у киргизовъ, звѣзды Медвѣдицы², или созвѣздіе Возницы, у найевъ именовавшееся, можетъ быть, терминомъ «Кони», мы сейчасъ не спѣшимъ рѣшать по различнымъ соображеніямъ. Прежде всего насъ смущаетъ неразъясненность связи греческаго термина *Ἡνίοχος возница*, какъ названія созвѣздія. Если такое пониманіе термина есть, дѣйствительно, плодъ греческой этимологизаціи надъ унаслѣдованнымъ отъ яфетидовъ словомъ *henoq*, то послѣднее въ качествѣ названія свѣтила, хотя бы и созвѣздія *Возницы*, на яфетической почвѣ могло означать «кони»: *hen-1-oq* есть правильное мн. число съ показателемъ множественности *q* при огласовкѣ *o*, отъ *hen-1*, прототипа армянской основы *heun* въ разобранномъ выше словѣ *heun-q*³.

Съ другой стороны, представленіе о «конѣ», сравнительно позднее для

¹ Теперь, слѣдовательно, мы не можемъ уже раздѣлять утвержденія И. А. Орбели «разумѣется, въ дѣйствительности по происхожденію это *hone*, *hune* не имѣетъ ничего общаго съ названіемъ племени» (ц. с., стр. 215), притомъ именно потому, что найденъ, какъ то предпочтительно И. А.—чъ склонился признать правильнымъ, «болѣе желательный и болѣе рѣшающій выходъ» для объясненія этническаго термина *Ἡνίοχοι*, чѣмъ греческая этимологизація съ отождествленіемъ *Ἡνίοχοι возница* (ц. с., стр. 210), причемъ открывается и та почва, на которой греки «имѣли достаточное основаніе признать въ созвучномъ названіи сосѣдняго племени свои слова *поводья*, *возжси*, а затѣмъ и *возницы*» (ц. с., стр. 215).

² Чоканъ Валихановъ, Сочиненія (Зап. И. Р. Г. Общ. отд. этн., т. XXIX, стр. 19); Б. А. Куфтинъ, *Календарь и первобытная астрономія киргиз-казацкаго народа* (ЭО, кн. CXI—CXII, 1916, № 3—4, стр. 126: «двѣ крайнихъ звѣзды Малой медвѣдицы — бѣлая и сивая лошадь: Ак-боз-ат и Кок-боз-ат».

³ Подробности см. еще Н. Марръ, *Кавказскія племенные названія и родственныя параллели*, § 8.

начальныхъ, этногеническихъ эпохъ яфетическаго міра, набѣгающее теперь въ лексическихъ матеріалахъ въ связи съ племеннымъ названіемъ *haу*, можетъ быть вторичной замѣной иного существа, также быстро и плавно бѣгущаго или текущаго. Корню разбираемаго этническаго термина природно присущее значеніе «течь», «плавить», «расплавляться», «бѣгать», «гнать» и т. п., и по связанности ли съ этими корнями или съ дѣятельностью народа-металлурга, наше племенное названіе, какъ уже извѣстно, означаетъ и металлъ, именно «жельзо», также объединяющее у яфетидовъ «землю» съ «небомъ», называемымся прямо-таки *жельзомъ*, и небесныя явленія съ предметами, если можно такъ сказать, матеріальной культуры, что впрочемъ наблюдаемъ въ семасикѣ не только нашего этническаго термина, да и его разновидностей, такъ, напр. *шап-ḡi* → *шап-ḡ* *молнія* (арм.), и *раскаленное жельзо* (арм., г.), *искра* (арм.), но и другихъ яфетическихъ названій, напр., отъ *mes-ḡ* || *mes-t* — *me-ḡ* (→ **me^hḡ*) *громовая стрѣла*, *громовой ударъ* и *meḡ* *воздь*, спец. *мѣдный воздь* (арм., п. *میغ*), а также, казалось бы, безъ функціональнаго конечнаго согласнаго *ḡ* — *mis* *медь*, но терминъ этотъ, весьма распространенный также на Западѣ, и представленный въ рядѣ особыхъ разновидностей, требуетъ освѣщенія съ подходомъ отъ другихъ матеріаловъ. Здѣсь отмѣтимъ лишь безспорный фактъ: племенное названіе, означающее въ одной разновидности — *Наук Оріонъ*, въ другой разновидности *meḡ* означаетъ *воздь*, что бросаетъ примиряющій насъ свѣтъ на появленіе одного и того же слова у армянь *bewer* въ значеніи *воздя*, а у курдовъ *réwör* («*قوئلور*», *réwâr* = «*قوئلور*», *réwḡn* = «*قوئلور*») въ значеніи Оріона. Или еще племенное названіе, уже занимающее наше вниманіе, означая *коня* или *коней*, означаетъ и «молнію», и какъ будто словесно подводитъ насъ къ громоносной или, точнѣе, молніеносной колесницѣ, въ этотъ разъ—уже окрещеннаго въ библейское имя Ильи пророка. Вообще въ развитіи яфетической семасіологіи въ части такихъ доисторическихъ терминовъ приходится держаться больше связи образовъ, чѣмъ связи понятій. Самое представленіе о лошади, вызываемое словомъ *hipe* у грузинъ въ литературныхъ памятникахъ, рисуетъ особо быстрое животное, оно приближается къ представленію, вызываемому терминомъ *гаш* → *гај*, въ кавказскихъ сказкахъ означающимъ «крылатаго коня», терминомъ также яфетическаго этническаго происхожденія громаднаго распространенія. Съ заднеязычнымъ показателемъ множественности это племенное названіе, уже *гашḡ*, въ перестановкѣ, какъ въ названіи рѣки Аракса — *гаḡш* отъ яфетидовъ заимствовано и въ значеніи коня иранцами: это чудесный конь иранскаго этническаго героя Рустема, а за тѣмъ вообще «лошадь». При дальнѣйшихъ палеонтологическихъ изысканіяхъ въ яфетическихъ матеріа-

лахъ можетъ вскрыться, что животное тотемъ хайскаго племени было первоначально не «конь», даже не «крылатый конь», а какая либо «птица»¹.

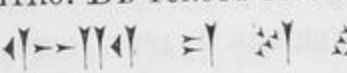
Словомъ, *heshiq'yi* и ихъ тезки *hai* (*haiq*) въ эпохи чистаго ихъ яфетидизма назывались такъ, и тѣмъ же названіемъ ихъ именовался предметъ ихъ культа, тотемъ, крылатое животное — кони или крылатые кони (или птица?), и то или иное свѣтило небесное, созвѣздіе Пегасъ или созвѣздіе Возница.

Этотъ культъ однако не былъ донесенъ до армянской почвы хаями, утратившими его, надо полагать, въ процессѣ гибридизаціи съ аріоевропейцами, во всякомъ случаѣ намъ пока не удастся уловить ни его отложенія въ родословіяхъ армянскихъ историковъ или въ христіанской терминологіи, ни его пережитковъ въ армянскихъ народныхъ сказкахъ. Съ затемненіемъ преданія о свѣтилѣ, тотемѣ этого народа, не находятся ли въ согласіи болѣе поздніе тотемные его же представители и въ металахъ — желѣзо и въ животныхъ — лошадь? Остается теперь не менѣе важный, если не болѣе, для Кавказа, тотъ, уже третій племенной составъ армянскаго народа — подлинно армянскій, съ которымъ въ этнической связи находятся святиши *kağar-et* || *kerp*, также одно время названія племенного бога. Но здѣсь придется вскрыть явленіе обратное съ участіемъ термина *haiq* || *mesq*: переходъ на армянъ племенного названія подлинныхъ грузинъ.

Н. Марръ.

¹ Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ считаться и съ тѣмъ, что позднѣе этнической терминъ понимали какъ «конь», и съ этимъ связано не только названіе рѣки *Ἰπλος*, по-грузински — *ḡqenis-ḡkal-i*, но и, какъ указалъ любезно В. В. Латышевъ, горъ — *Ἰπλικὸς ὄρη*.

По поводу Макинской надписи Русы, сына Аргиштія¹.

Время начертания нашей надписи легко определяется временем царствования упоминаемого в ней ванскаго правителя. Если это былъ Руса II, то памятникъ датируется серединою VII вѣка до Р. Х., такъ какъ Русу II обычно отождествляютъ съ тѣмъ Русою, о которомъ говорятъ Ассурбанипаль, принявшій его посольство послѣ разгрома Элама, имѣвшаго мѣсто около 655 года. Но Руса II, современникъ Ассурбанипала, называетъ себя сыномъ Эримена², тогда какъ авторъ изслѣдуемой надписи именуется своимъ отцомъ Аргиштію. Въ текстѣ Макинской надписи имя Русы сопровождается поясненіемъ Ар-гш-те-қи-ни-ше, то есть тѣми же самыми знаками, которые на другихъ ванскихъ надписяхъ, напримеръ Атамханской, поставлены послѣ имени царя Сардура³. Слѣдовательно Руса Макинской надписи не тождествененъ съ Русою II, а представляетъ собою другого ванскаго правителя и, повидимому, брата Сардура II, значить дядю его сына Русы I, и въ такомъ случаѣ давность памятника отодвигается вглубь на цѣлое столѣтіе, ко временамъ, примѣрно, ассирійскаго Саргона; самая хронологическая послѣдовательность ванскихъ Русъ мѣняется на еди-

¹ Текстъ Макинской надписи опубликованъ въ 1912 году Sayce'омъ въ JRAS (The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland), въ статьѣ подъ заглавіемъ A new Vannic Inscription, и нынѣ подробно съ лингвистическими объясненіями разбирается Н. Я. Марромъ въ настоящемъ томѣ ЗВО, въ особомъ изслѣдованіи «Надпись Русы II изъ Маку». Помѣщаемая здѣсь моя замѣтка была доложена 27 апрѣля 1920 г. въ засѣданіи Разряда археологіи Кавказа и этнографическаго міра Россійской Академіи Исторіи Матеріальной Культуры.

² Мат. по Арх. Кав., выш. V, стр. 69, Армавирская надпись, и тамъ же, на стр. 122, статья «Келаны-Кирланы».

³ Ц. с., Атамханская надпись, стр. 115, стк. 2.
Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXV.

лицу, причѣмъ современникъ Ассурбанипала обратится уже въ Русу III, такъ какъ до него царствовало въ Ванѣ не менѣе двухъ Русъ¹.

Такая перемѣна въ общепризнаваемой до сего времени хронологіи ванскихъ правителей отразится и на опредѣленіи времени нѣкоторыхъ другихъ халдскихъ памятниковъ, потому что не одна только Макинская надпись принадлежитъ Русѣ, сыну Аргиштія; ему же принадлежитъ, напримѣръ, надпись церкви Зовартноцъ², давность которой отодвинется также на столѣтіе.

Измѣненіе въ датировкѣ памятника, и тѣмъ болѣе письменнаго, можетъ имѣть существенное значеніе. Клинопись, при ея чтеніи, возбуждаетъ многія сомнѣнія, и постоянно приходится прибѣгать къ сравненію съ другими надписями для уясненія смысла изучаемой. Между тѣмъ такой промежутокъ времени, какъ столѣтіе, могъ отразиться на составѣ словъ и даже на грамматикѣ. Живая рѣчь мѣняется внутренними переживаніями и внѣшними замѣшаніями: въ частности и въ нашемъ памятникѣ встрѣчается знакъ, до сего времени не попадавшійся въ халдской клинописи, но сходный съ ассирійскою. Тѣмъ осторожнѣе нужно быть при параллельномъ изученіи нѣсколькихъ текстовъ, обращая больше вниманія на тексты имъ современные. Поэтому надписи Русы, сына Эримена, уже не могутъ служить главнѣйшимъ матеріаломъ для объясненія Макинской, и отойдутъ на второе мѣсто, предоставивъ первое текстамъ Аргиштія и его сыновей, Русы и Сардура II. Это въ особенности отразится на послѣдующемъ толкованіи термина игі, неяснаго въ Макинской надписи, но въ значительной мѣрѣ объясняемаго сравненіемъ съ текстомъ Сардарабадской, и такое сравненіе будетъ еще обоснованнѣе, если мы въ авторѣ послѣдняго памятника, царѣ Аргиштія, признаемъ отца упоминаемаго въ Макинской надписи Русы. вмѣстѣ съ тѣмъ для уясненія текста желательно обратить вниманіе на всякія подробности, хотя бы, на первый взглядъ, и не существенныя; между прочимъ, можетъ имѣть значеніе указаніе на обнаруженіе Макинской надписи при постройкѣ моста, очевидно вблизи рѣки, и на обнаруженіе ея въ развалинахъ древняго города въ предѣлахъ Макинскаго ханства, а не въ царской резиденціи Тушпѣ (Ванѣ)³.

¹ По халдскимъ клинописямъ удастся прослѣдить династію царей Вана въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ отца къ сыну, а именно: Лутипри, Сардуръ (около 830 г.), Ишпуини, Менуа, Аргиштій, Сардуръ (около 745 г.), Руса (около 715 г.). Засимъ, послѣ нѣкотораго перерыва, слѣдуютъ: Эрименъ, Руса (около 655 г.), Сардуръ (около 645 г.). Упоминается еще одинъ Аргиштій (около 710 г.). Очевидно имъ заполняется, можетъ быть и не всецѣло, указанный перерывъ, поэтому М. В. Никольскій считаетъ его сыномъ Русы. Въ этотъ перечень нужно включить еще нашего Русу, помѣстивъ его рядомъ со вторымъ Сардуромъ. Такимъ образомъ въ приведенномъ, можетъ быть еще не полномъ, списокѣ попадаются два Аргиштія, три Сардура и три Русы. Ср. М. В. Никольскій въ Древ. Вост., т. I, вып. 3.

² В. С. Голенищевъ — «Надпись древне ванскаго царя Русы II», въ ЗВО, т. XIII, стр. 086.

³ И. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 1-3.

Въ Макинской надписи Руса выступаетъ въ обликѣ мирнаго правителя, сооружающаго храмъ для прославленія боговъ и себя. Онъ упоминаетъ въ текстѣ лишь существа высшаго порядка: божественную троицу, включающую національнаго бога Халда, засимъ иноземнаго, но акклиматизировавшагося, по словообразованію родственнаго Эламу, бога Теишбу «владыку вишана» - «царь-рыбу» и бога Солнце (Ардиши или Арди). Къ нимъ присоединяются другіе боги безъ особаго поименнаго ихъ перечисленія, просто «боги многіе», а потомъ самъ царь. Для этихъ высокихъ особъ сооруженъ въ Макинскомъ ханствѣ храмъ, увѣковѣченный сохранившеюся надписью. Такой характеръ текста въ значительной мѣрѣ объясняетъ многія его особенности и подтверждаетъ, такъ сказать, наличие культурныхъ заданій въ работѣ ванскихъ правителей. Исслѣдователь халдскихъ клинописныхъ памятниковъ М. В. Никольскій пришелъ къ заключенію, что Аргиштій направлялъ всю свою энергію на исполненіе самыхъ неотложныхъ въ политическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ предпріятій; онъ, Аргиштій, не пашелъ времени и силъ для сооруженія храмовъ, что осталось на долю его «преемника»¹. Ознакомившись съ Макинской надписью, мы можемъ сказать, что созидательная «культурная» дѣятельность выпала на долю его ближайшихъ «преемниковъ», потому что и Руса, сынъ Аргиштія, занимался сооруженіемъ не однихъ только, важныхъ въ стратегическомъ отношеніи, построекъ. Такимъ образомъ, Макинская надпись принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ изъ открытыхъ до сего времени ванскихъ письменъ, указывающихъ на мирную культурно-культовую работу, и въ этомъ ея особая цѣнность.

Въ Макинской надписи останавливаетъ на себѣ особое вниманіе седьмая строка . Въ концѣ строки стоитъ различно толкуемый и впервые встрѣчающійся въ халдскихъ клинописяхъ знакъ . Н. Я. Марръ допускаетъ двойное его объясненіе, въ зависимости отъ чего и приводитъ двойной переводъ этого мѣста. По одному толкованію, знакъ могъ образоваться изъ соединенія двухъ знаковъ: одного , означающаго ра, и другого , означающаго 1. Если первый изъ нихъ наложить на второй, то и получится помѣщенное въ подлинникѣ сложное начертаніе. Въ этомъ случаѣ идеографическое выраженіе будетъ означать ра+1 или ра-1, поставленное подъ титломъ, которое раскрывается полнымъ словомъ ра-tar-1, что значитъ «городъ». По второму толкованію, болѣе простому и потому легче приѣмлемому, знакъ не представляетъ собою никакого условнаго сокращенія,

¹ Мат. по Арх. Кав., в. V, стр. 60-61.

а является совершенно особымъ начертаніемъ, встрѣчающимся въ ассирійской клинописи именно въ этомъ самомъ видѣ и въ значеніи tur «малый». Последнее толкованіе легче подходитъ къ тексту Макинской надписи, тѣмъ болѣе, что tur не ассирійское природное слово, а иноземное, яфетическое, попавшее въ ассирійскую клинопись, повидимому, путемъ заимствованія. И самъ Н. Я. Марръ предлагаетъ первое толкованіе «съ большою нерѣшительностью».

Если мы остановимся на второмъ толкованіи и будемъ понимать знакъ въ буквальномъ его смыслѣ по ассирійскому силлабарію, то послѣднія два слова получаютъ ясный переводъ   то есть urbs tur, что значить «городъ малый».

Какъ интересную особенность, соединяющую оба толкованія, можно отмѣтить общность понятія, выражаемаго словами, съ одной стороны, tur и pataḡa, съ другой стороны urbs и pataḡi. Дѣло въ томъ, что отъ яфетическаго корня ptr имѣется грузинское pataḡ-a, «малый» - «маленькій», равнозначущее яфетическому слову ассирійской рѣчи tur «малый». Въ то же время въ халдской клинописи встрѣчается свое pataḡi, до сего времени понимаемое всѣми халдовѣдами въ значеніи «города», равнозначущее не родственному начертанію urbs¹. Такимъ образомъ tur и pataḡi въ общемъ объемѣ яфетической рѣчи имѣютъ внутреннюю связь: pataḡa соединяется съ tur, а pataḡi, при данномъ его толкованіи, соединяется съ идеограммою urbs. Впрочемъ эта интересная подробность не отражается, мнѣ кажется, на Макинской надписи, такъ какъ все же въ конечномъ своемъ значеніи халдской рѣчи оба слова различны по смыслу: «городъ» и «малый» означаютъ собою два совершенно различныхъ понятія. Къ тому же, толкованіе знака какъ попытки, не встрѣчающейся въ другихъ надписяхъ, идеографически представить звуковой составъ слова «городъ» (pataḡi) осложняется еще тѣмъ, что передъ нимъ стоитъ вполне ясное начертаніе , несомнѣнно выражающее идеограмму именно «города», и тогда у насъ получится натянутый переводъ, состоящій изъ повторенія двухъ сходныхъ словъ «городъ городъ». Кромѣ того, идеограмма, означающая «городъ», и послѣднее слово седьмой строки, въ случаѣ его чтенія въ томъ же значеніи «города» pataḡi, даютъ неправильное построеніе фразы, не соответствующее тому, которое имѣется въ концѣ надписи на шестнадцатой строкѣ, гдѣ находимъ ясный образецъ размѣщенія словъ въ сочетаніи съ наименованіемъ города. Тамъ мы встрѣчаемся совсѣмъ съ другою разстановкою, а именно названіе города стоитъ не передъ двумя одинаковыми знаками а между

¹ Н. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 8-9.

вленъ обычный знакъ 𐎧𐎶 , и если здѣсь *pa-ta-ri* имѣеть дѣйствительно тождественное съ идеограммою значеніе, то по общей системѣ халдской клинописи непонятно, почему авторъ текста измѣнилъ принятому стилю, поставивъ рѣдко встрѣчающееся слово вмѣсто характерной идеограммы, сказавъ *urbs Tu-ush-ra-e pa-ta-ri*, вмѣсто *urbs Tu-ush-ra-e urbs*.

Возникаетъ вопросъ: не скрывается ли въ этомъ рѣдкомъ для халдской клинописи словѣ тотъ же самый яфетическій терминъ, который у яфетическихъ народовъ образованъ отъ корня *prt* въ значеніи «малый»? Тогда и самое слово халдскихъ надписей *pa-ta-ri*, въ общемъ яфетическомъ его смыслѣ, могло бы въ Зовартноцкой надписи имѣть такое же значеніе какъ грузинское *pataḡ-a*, армянское *puṭur*, отгѣняя текстъ надписи *urbs Tu-ush-ra-e pa-ta-ri*, означающій «городъ Тушпа малый», можетъ быть даже совсѣмъ другой городъ, названный такъ въ отличіе отъ столицы. Въ такомъ случаѣ, переводъ знака 𐎧𐎶 въ Макинской надписи терминомъ *tur* совпадетъ съ болѣе сложнымъ объясненіемъ спорнаго знака сочетаніемъ *pa-1* подъ титломъ.

Допустимость подобнаго толкованія подтверждается, мнѣ кажется, тѣмъ, что общепринятый переводъ термина *pataḡi* все же представляется предположительнымъ и М. В. Никольскій, разбирая текстъ надписи изъ Мелазгерда и ссылаясь лишь на четыре памятника, а именно на упомянутую выше Зовартноцкую надпись и еще на три другія надписи, найденныя Белькомъ и Леманномъ въ Турецкой Арменіи, находитъ значеніе этого термина «въ смыслѣ города наиболѣе подходящимъ»¹. При такихъ условіяхъ, казалось бы вполне возможнымъ не придерживаться объясненій халдовѣдовъ и въ переводѣ слова *pataḡi* предпочесть обоснованное на лингвистическихъ фактахъ чисто яфетидологическое толкованіе, тѣмъ болѣе, что разсужденія Шейля о необходимости присвоенія ошибочно прочтенному имъ слову *dup-ri* именно значенія «городъ» въ виду того, что *dupri* (*pataḡi*) поставлено за именемъ города, замѣняя идеограмму *urbs*, будто бы всегда слѣдующую за этимъ именемъ, не точно: помѣщеніе двухъ идеограммъ, одной впереди, а другой послѣ наименованія города, не обязательно (Ганлиджинская и Даш-Керпинская надписи). Интересно тутъ же замѣтить, что въ Ганлиджинской надписи, послѣ словъ *urbs Ir-da-ni-u-ni*, стоитъ созвучное *pa-ta-ri* слово *ra-ri*, переводимое М. В. Никольскимъ «отъ» и не связываемое съ самимъ названіемъ города.

Остановившись на приведенномъ толкованіи *urbs tur*, буквально «городъ малый», обратимся къ предшествующимъ словамъ, помѣщеннымъ въ началѣ

¹ Тамъ же.

седьмой строки, te-gu-bi ti-ni . Первое изъ нихъ, te-gu-bi ti-ni сомнѣнія не возбуждаетъ: это глагольная форма въ первомъ лицѣ «я довелъ до конца» «я докончилъ»; второе, ti-ni , толкуется различно, какъ производное отъ глагола t «говорить», въ данномъ случаѣ «называемый» (called), или какъ образованное отъ существительнаго te || ti «голова», въ значеніи притяжательнаго мѣстоименія «свой», здѣсь «къ себѣ». Перваго объясненія придерживается Сэйсъ¹, ко второму объясненію склоняется Н. Я. Марръ при толкованіи этого слова въ данномъ контекстѣ².

Для уясненія смысла этого знака можетъ имѣть значеніе то, что онъ встрѣчается въ томъ же самомъ начертаніи ti-ni не только въ седьмой строкѣ, но и ниже, въ двѣнадцатой строкѣ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ переводъ его ясенъ. Тамъ ti-ni стоитъ передъ глаголомъ ma-ni-ni и въ переводѣ значитъ «для себя сдѣлалъ». Частичка ni въ глаголѣ ma-ni-ni указываетъ на третье лицо «онъ сдѣлалъ», а въ существительномъ и мѣстоименіи означаетъ особый придалокъ, характеризующій принадлежность «для». Въ этомъ смыслѣ Н. Я. Марръ, ссылаясь на примѣры изъ языковъ мегрельскаго и сванскаго, объясняетъ встрѣчающіеся въ текстѣ въ строкѣ тринадцатой Ru-sa-a-ni и въ строкѣ двѣнадцатой ti-ni , переводя послѣднее «для себя»; первое въ переводѣ значитъ «для Русы». Разница въ строкахъ седьмой и двѣнадцатой заключается только въ томъ, что то же ti-ni сопровождается разными глаголами, въ первомъ случаѣ te-gu-bi , а во второмъ ma-ni-ni , при чемъ ti-ni въ седьмой строкѣ стоитъ послѣ глагола, а въ двѣнадцатой передъ нимъ. Повидимому, такая разстановка значенія не имѣетъ, а потому, если за одинаковымъ начертаніемъ того же ti-ni сохранить то же значеніе, придаваемое ему окончаніемъ ni , означающимъ принадлежность «для», то переводъ текста клинописи Макинской надписи будетъ въ первомъ случаѣ «для себя я докончилъ», а во второмъ «для себя онъ сдѣлалъ».

Впрочемъ, наше заключеніе было бы ошибочно, если бы мы надежное окончаніе царскаго имени въ концѣ Макинской надписи объяснили бы исключительно наличіемъ въ текстѣ слова ti-ni . При параллельномъ изученіи настоящей надписи съ текстами другихъ ванскихъ надписей, мы легко убѣдимся, что имена ихъ авторовъ въ концѣ письменнаго памятника обычно снабжаются тѣмъ же знакомъ ni внѣ зависимости отъ наличія въ текстѣ

¹ Saucе—«A new Vannic Inscription». То же значеніе придаетъ слову $ti-ni$ В. М. Никольскій. См. Армавирская и Сардарабадская надписи въ Мат. по Арх. Кав., в. V, стр. 50, 55.

² «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 31-33, 45-46, от. от.

слова *ti-ni*. Это вполне подтверждается сравнениемъ съ опубликованными М. В. Никольскимъ надписями¹, хотя бы съ Каракалинскою надписью. Тутъ поставлено *Ag-gi-ш-ti-ni* съ титуломъ царя и указаніемъ на его мѣстопробываніе въ городъ Тушпѣ, то есть съ тѣми же дополненіями какъ и въ Макинской надписи, но безъ слова *ti-ni*, что не мѣняетъ, а лишь подтверждаетъ приведенное выше толкованіе: имя царя съ окончаніемъ $\overline{\text{ш}}$ такъ же какъ и отдѣльно взятое *ti-ni*, съ тѣмъ же конечнымъ знакомъ, оба независимо другъ отъ друга, какъ при взаимномъ сочетаніи въ Макинской надписи, такъ и безъ него въ Каракалинской, свидѣтельствуютъ объ особо выражаемомъ ими характерѣ принадлежности, отмѣчаемой знакомъ $\overline{\text{ш}}$ и переводимой словомъ «для», или «въ честь», какъ это дѣлаетъ М. В. Никольскій².

Каждый воздвигаемый памятникъ, а равно и сама надпись, имѣютъ цѣлью прославленіе. Они создаются въ честь, для увѣковѣченія можетъ быть даже не столько боговъ, сколько самого царя. Но въ этомъ лишь особый оттѣнокъ рѣчи, такъ какъ царь все же связываетъ себя съ небесными покровителями. Поэтому *ti-ni* въ текстѣ Макинской надписи, въ двѣнадцатой строкѣ, согласуется такъ же какъ и *Ru-sa-a-ni*, не находясь съ нимъ въ неразрывной связи. По сравненію съ другими, упомянутыми выше, надписями, очевидно, что имя царя оканчивалось бы на *ni* и въ томъ случаѣ, если бы *ti-ni* вовсе отсутствовало въ данномъ текстѣ.

Отсюда можно придти къ очень заманчивому заключенію: хотѣлось бы въ частицѣ *ni*, присоединенной къ существительному *te* или *ti* «голова», видѣть въ данномъ контекстѣ окончаніе множественности при сохраненіи его прямого значенія принадлежности, что допустимо по примѣрамъ другихъ словообразованій³. Тогда *ti-ni*, но конечно не имя царя *Ru-sa-a-ni*, означало бы принадлежность многимъ лицамъ, и въ седьмой и двѣнадцатой строкахъ Макинской надписи означало бы не только «для Русы», но вообще для всѣхъ упоминаемыхъ лицъ, то есть для боговъ и для царя. Но если въ седьмой строкѣ это легко можетъ имѣть мѣсто, такъ какъ *Ru-sa-a-i* здѣсь поставлено совсѣмъ съ другимъ окончаніемъ и такимъ образомъ оторвано отъ *ti-ni*, то въ двѣнадцатой допускается съ нѣкоторою оговоркою, потому что послѣ *ti-ni* тутъ все же слѣдуетъ лишь одинъ Руса, съ тѣмъ же окончаніемъ на *ni*, предшествующее же ему божественное имя *Ardi-ni* стоитъ особо (*Ardi-ni ka-i*) и случайно заканчивается такимъ же знакомъ $\overline{\text{ш}}$: это

¹ М. В. Никольскій — ц. с.

² См. текстъ надписей, изданныхъ въ ц. с., напримѣръ та же Сардарабадекая, гдѣ *Ag-gi-ш-ti-ni* переведено «въ честь Аргишти», Эйлярская, гдѣ *Hal-di-ni-ni* переведено «для халдійцевъ». Ср. ц. с., стр. 27.

³ П. Я. Марръ — «Надпись Сардура II въ Даш-Керни», стр. 12.

имя имѣеть въ своей основѣ знакъ *ni* и безъ падежной прибавки, что явствуетъ изъ одиннадцатой строки, гдѣ начертано то же имя въ Р. падежѣ *Ardi-ni-she*. Въ такомъ случаѣ слово *ti-ni* можетъ имѣть характеръ множественнаго числа лишь при его обособленности, при одинаковомъ съ именемъ царя согласованіи, но не съ нимъ непосредственно, что, какъ мы видѣли, болѣе чѣмъ возможно. Въ двѣнадцатой строкѣ такое толкованіе какъ будто бы подтверждается наличіемъ передъ *ti-ni* слова *me-ku-shi*, переводимаго «для нихъ». Въ этомъ примѣрѣ *ti-ni* подкрѣпляетъ предыдущее слово, съ которымъ вмѣстѣ означаетъ «для нихъ» «для себя», подразумевая въ обоихъ тѣхъ же боговъ и царя. Крайне желательно было бы такое же объясненіе примѣнить и къ седьмой строкѣ, такъ какъ странно допустить, чтобы храмъ строился для боговъ и для царя, а водопроводъ, или каналъ, воздвигался бы лишь для одного Русы.

Насколько ясно падежное окончаніе $\text{𐤅𐤍𐤍𐤍 𐤅𐤏𐤏 𐤅𐤏 𐤅𐤏 Ru-sa-a-ni}$ въ тринадцатой строкѣ, настолько же не ясно согласованіе царскаго имени въ седьмой, гдѣ оно заканчивается точно воспроизведеннымъ на снимкѣ надписи знакомъ 𐤅 , а не *ni* 𐤅𐤍 а не 𐤅𐤏 . Въ седьмой строкѣ отчетливо читается $\text{𐤅𐤍𐤍𐤍 𐤅𐤏𐤏 𐤅𐤏 𐤅𐤏 Ru-sa-a-i}$, съ характернымъ для яфетическихъ языковъ окончаніемъ на *i* въ Р. падежѣ, очевидно требующимъ иного толкованія. Повидимому различіе въ окончаніяхъ царскаго имени въ двухъ мѣстахъ той же надписи объясняется различіемъ согласованія его съ близъ стоящими словами. Въ такомъ случаѣ возможно, что въ тринадцатой строкѣ это имя согласовано такъ же, какъ и предыдущее *ti-ni*, а въ седьмой строкѣ оно согласовано или съ предыдущими глаголами 𐤅𐤏𐤏 𐤅𐤏𐤏 𐤅𐤍𐤍 𐤅𐤏 𐤅𐤏 *sh-di-sh-tu-bi* и $\text{𐤅𐤏𐤏 𐤅𐤍𐤍𐤍 𐤅𐤏 te-ru-bi}$, которые по своей формѣ аориста требуютъ подлежащаго именно въ Р. падежѣ, или съ идеограммою 𐤅𐤏𐤏𐤏 . Въ первомъ случаѣ нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ падежное окончаніе *Ru-sa-a-i*, характеризованное звукомъ *i*, такъ какъ въ верхней строкѣ той же Макинской надписи аористъ *sh-di-sh-tu-bi* согласовалъ съ собою подлежащее *Ru-sa-she* въ Р. падежѣ на *she* 𐤅𐤏 , но въ этой строкѣ рѣчь идетъ въ третьемъ лицѣ, такъ какъ глаголъ оканчивается на *ni*, тогда какъ въ седьмой авторъ надписи говоритъ уже самъ отъ своего имени и глаголы оканчиваются на *bi*: *sh-di-sh-tu-bi*, *te-ru-bi*. Этимъ можетъ быть и объясняется усѣченная форма Р. падежа на *i* въ седьмой строкѣ.

Во второмъ случаѣ, при согласованіи съ идеограммою 𐤅𐤏𐤏𐤏 , царское имя должно было бы заканчиваться на тотъ же гласный характеръ Р. падежа, на *e*, которое имѣетъ названіе города Тушпы въ шестнадцатой строкѣ, несомнѣнно согласованное съ идеограммою. Слово Тушпа, *Tu-sh-pa-a-e*, поставлено въ шестнадцатой строкѣ въ Р. падежѣ съ обычнымъ для

такого сочетанія словъ гласнымъ характеромъ этого падежа именно на е $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧} \text{𐎨𐎩} \text{𐎪𐎫} \text{𐎬𐎭}$. Слѣдовательно и Руса въ седьмой строкѣ Ru-sa-a-1 $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧} \text{𐎨𐎩} \text{𐎪𐎫} \text{𐎬𐎭}$ долженъ былъ бы, при согласованіи его съ такою же какъ и въ шестнадцатой строкѣ идеограммою $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧}$, имѣть въ концѣ такое же падежное окончаніе, какое имѣеть приведенное выше Ту-иш-ра-а-е, то есть $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧}$ е, а не $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧}$ 1, въ связи съ чѣмъ и должно было бы писаться $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧} \text{𐎨𐎩} \text{𐎪𐎫} \text{𐎬𐎭}$ Ru-sa-a-e, а не $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧} \text{𐎨𐎩} \text{𐎪𐎫} \text{𐎬𐎭}$ Ru-sa-a-1. Впрочемъ подобное однообразіе при согласованіи словъ въ сходныхъ по построенію фразахъ не можетъ быть навязано халдскимъ авторамъ. Намъ лишь хотѣлось бы видѣть у нихъ сознательную послѣдовательность при соблюденіи одинаковыхъ формъ въ одномъ и томъ же текстѣ; но общаго грамматическаго правила, требующаго послѣ детерминатива постановки собственного имени въ Р. падежѣ на е, нѣтъ и, какъ сейчасъ мы увидимъ, означенное окончаніе въ названіяхъ городовъ послѣ детерминатива вовсе не обязательно.

Правильность такого толкованія, съ одной стороны, подтверждается примѣромъ Зовартноцкой надписи, гдѣ названіе «Тушпа» согласовано съ детерминативомъ $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧}$, и поставлено съ гласнымъ окончаніемъ Р. падежа на е: $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧}$ Tu-иш-ра-е ра-та-гі, съ другой стороны не подтверждается примѣрами Ганляджинской и Даш-Керпинской надписей, въ которыхъ послѣ того же знака $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧}$ стоитъ названіе города безъ такой согласовки: $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧}$ Ir-da-и-и, городъ Ирданіуни, и $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧}$ Ma-ka-al-tu-и-и, городъ Макалтунн¹. Значитъ, терминъ городъ въ халдской рѣчи не всегда требуетъ согласованія съ собою въ формѣ Р. падежа на е, но допускаетъ и другія падежныя окончанія, а можетъ быть и разные падежи въ зависимости отъ построенія всей фразы. Въ такомъ случаѣ Ru-sa-a-1 можетъ оказаться Р. падежомъ при идеограммѣ $\text{𐎠𐎡𐎢𐎣} \text{𐎤𐎥𐎦𐎧}$, что въ переводѣ на русскій языкъ дастъ «Русы городъ малый». Къ тому же слѣдуетъ замѣтить, что слово Руса безусловно является собственнымъ именемъ царя, а не названіемъ города: это явствуетъ изъ поставленнаго передъ нимъ детерминатива, вполне схожаго съ детерминативами передъ царскими именами той же надписи. Слѣдовательно, при такомъ толкованіи, мы имѣемъ не городъ Русу, а городъ царя Русы, то есть принадлежащій ему, быть можетъ, какъ владѣльцу вообще всего Ванскаго государства.

¹ П. Я. Марръ—«Надпись Сардура II въ Даш-Керпи», стр. 28; «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 28, от. от.; М. В. Никольскій—Ганляджинская надпись, п. е., стр. 89; В. С. Голенищевъ—«Надпись древне-ванскаго царя Русы II», ЗВО, т. XIII, стр. 091. Разнообразіе падежныхъ окончаній, на примѣръ въ Р. падежѣ, а съ другой стороны совпаденіе одинаковыхъ въ разныхъ падежахъ, указываютъ на то, что самое представленіе о падежахъ у насъ не соответствуетъ конструкціи халдской грамматики.

хитектурныя заданія и это вполне естественно, такъ какъ глаголь, основную часть котораго составляетъ предлогъ *шдi*, болѣе всего подходитъ къ труду надъ архитектурными строеніями. Въ такомъ смыслѣ онъ и употребленъ въ началѣ текста Макинской надписи: ^d D Qal-di-e ⁱ DN 1-ni ⁱ TMR ^d P Ru-sa-ше ^d P Ar-gиш-te-qi-ni-ше *ш-di-ш-tu-ni*, что въ русскомъ переводѣ можетъ означать: «^dбога Халда ⁱмилостью этотъ ⁱхрамъ ^dл Руса ^dл Аргиштя сынъ воздвигъ». Въ томъ же значеніи воздвиженія постройки можетъ быть понятъ глаголь *ш-di-ш-tu-bi* и въ шестой строкѣ: «я воздвигъ»; тогда предшествующее слово $\text{𐌆𐌆𐌇} > \text{𐌆𐌆𐌇}$ и-ги, образованное отъ корня г «ходить», и какъ «вода» иг-1, скорѣе могло бы означать послѣднее, предполагая строеніе для воды, въ данномъ случаѣ водопроводъ, такъ какъ дорога не могла быть архитектурной постройкой, тогда какъ каналъ и водопроводъ имѣли именно эти формы. На возможность подобнаго толкованія термина иги указываетъ седьмая строка Сардарабадской надписи, гдѣ, въ связи съ такимъ терминомъ, говорится про рѣку Ману. Казалось бы, что здѣсь идетъ рѣчь именно о проводкѣ воды каналомъ, или какимъ либо инымъ сложнымъ сооруженіемъ, такъ какъ въ самомъ текстѣ упоминаются прочныя строенія изъ камня¹.

Н. Я. Марръ, въ личной бесѣдѣ, далъ мнѣ крайне цѣнныя указанія, подтверждающія основательность перевода и-ги словомъ «вода». Н. Я. Марръ устанавливаетъ наличие термина иги какъ разъ въ этомъ значеніи въ языкѣ баскскомъ, по словообразованіямъ родственномъ месхскому. Въ такомъ случаѣ и пятый знакъ первой строки $> \text{𐌆𐌆}$ можетъ быть толкуемъ какъ «милость», а не «господинъ» или «владыка», тѣмъ болѣе, что означенный знакъ, по утверженію Н. Я. Марра, въ «нашей (то есть Макинской) надписи» появляется въ такомъ сочетаніи, въ какомъ въ иныхъ надписяхъ стоитъ фонетически написанное слово иг-1 (Р.: иг-1-е), съ префиксомъ е-иги (Р.: еиге) . . . слѣдовательно, каково бы ни было идеографическое значеніе начертанія $> \text{𐌆𐌆}$, за словомъ иги не можемъ въ параллельномъ чтеніи не признать значенія „милость“ (← вода), оправдываемаго и яфетическимъ языкознаніемъ и контекстомъ².

При указанномъ объясненіи, начало Макинской надписи будетъ гласить «Бога Халда милостью этотъ храмъ Руса, сынъ Аргиштя, воздвигъ.» Такой текстъ вполне соответствуетъ концу надписи, гдѣ сказано, что строительныя работы произведены не для одного бога Халда, а «для нихъ», то есть для упомянутыхъ въ одиннадцатой строкѣ боговъ Халда, Теишбы, Ар-

¹ Ц. с., стр. 55.

² Н. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 10, от. от., и «Изъ поѣздокъ въ Сванію», Хр. Вост., II, стр. 28-29.

дини и многихъ другихъ. Такимъ образомъ, храмъ не могъ быть воздвигнутъ лишь для Халда, и начало надписи «богу Халду владыкѣ этотъ храмъ воздвигъ» не согласуется съ концомъ ея, тогда какъ текстъ: «бога Халда милостью этотъ храмъ воздвигъ» вполне отвѣчаетъ всему смыслу обращенія царя Русы.

Изслѣдованіе баскскаго языка, къ которому приступаетъ въ настоящее время Н. Я. Марръ, помимо цѣннѣйшаго указанія на принадлежность этого языка къ семьѣ яфетическихъ, даетъ полное подтвержденіе многимъ теоретическимъ выводамъ, дѣлаемымъ на основаніи матеріаловъ по сравнительному изученію кавказскихъ языковъ. Въ частности, объясненіе слова игі въ значеніи «вода» приведено Н. Я. Марромъ по теоретическимъ заключеніямъ, и теперь правильность всѣхъ такихъ научныхъ, но все же построительныхъ для языкознанія, выводовъ вполне подтверждается реальнымъ примѣромъ изъ баскскаго языка.

Наличіе рядомъ двухъ глаголовъ *ш-ді-ш-ту-бі* и *те-гу-бі*, относящихся къ одному и тому же строенію, можетъ получить свое объясненіе: оба они не замѣняютъ другъ друга, не являются повтореніемъ, потому что первый изъ нихъ содержитъ въ себѣ характеръ дѣящагося дѣйствія «воздвигать», а второй заканчиваемаго «доводить до конца», здѣсь въ вольномъ переводѣ «достраивать». Форма аориста въ первомъ глаголѣ придаетъ ему въ нашемъ представленіи то же значеніе законченнаго дѣйствія, но, очевидно, яфетидъ временъ царствованія Русы чувствовалъ различіе во внутреннемъ смыслѣ обоехъ словъ и помѣстилъ ихъ умышленно, дополняя вторымъ первое, что и дало помѣщенную въ нашей надписи фразу: «я воздвигъ достроилъ», собственно «докончилъ» «довелъ до конца».

Для кого производилась вся эта работа? Для боговъ и для царя. Такъ объясняетъ самъ Руса въ концѣ своей надписи. Все сдѣлано для божественной троицы Халда, Теишбы, Солнца (Ардини), многихъ другихъ боговъ и для царя, очевидно какъ ихъ ближайшаго сподвижника на землѣ, поэтому въ седьмой строкѣ надписи помѣщено то же *ті-ш*, то есть «для себя» «для нихъ всѣхъ».

Въ этомъ смыслѣ и высказался царь Руса, сынъ Аргиштія, въ своемъ обращеніи, начинающемся съ четвертой строки Макинской надписи: «алтарь бога сдѣлавъ и его поставивъ, сверхъ того водопроводъ (каналъ), какъ богъ Халдъ велѣніе изрекъ, такъ воздвигъ достроилъ (буквально докончилъ) для себя (для нихъ, то есть и для боговъ) я Руса въ городъ малый || или въ Русы городъ малый», то есть въ то поселеніе, гдѣ былъ для халдскихъ боговъ и въ прославленіе властителя сооруженъ храмъ.

Наконецъ, какъ возможный вариантъ перевода того же мѣста Макип-

ской надписи, укажемъ на нѣсколько иную согласовку словъ, взявъ параллельный текстъ двухъ надписей: Сардарабадской и нашей,

Сардарабадская надпись. стк. 6: *ḳi-u-ra-a-ni ḳu-ul-di-ni ma-a-ni*

стк. 7: *u-i gi-i ṣṣ-ti-ni ṣṣ-da u-ri*

Макинская надпись. стк. 4: *ḳar-bi sal-ṣṣi ma-ni u-i gi e-i*

стк. 5: *ṣṣ-ti-ni ṣṣ-da u-ri*

Главные предложенія слѣдуютъ далѣе: въ Сардарабадской надписи имъ будетъ: «отъ рѣки Ману... я вывелъ»¹, а въ Макинской: «воздвигъ, построилъ для насъ (ti-ni) я Руса въ городъ малый || въ Русы городъ малый». Приведенныя выше строки содержатъ придаточныя предложенія съ безличною аористно-причастною глагольною формою на *u* въ одномъ случаѣ и на *i* въ другомъ. Такими глаголами въ обѣихъ надписяхъ являются: *ma-a-ni* (*ma-ni*) отъ основы *man* «строить» «дѣлать» и *gi-i* (*gi*) отъ корня *g* «вести» «проводить»². Слово *u-ri* уже разобрано выше, остаются еще два слова, одинаковыя по начертанію и въ той и въ другой надписяхъ: *ṣṣ-ti-ni* и *ṣṣ-da*. Первое значитъ «потомъ» «затѣмъ», второе «сверхъ», при чемъ эти два слова можно было бы не соединять въ одно цѣлое: потомъ + сверхъ, что даетъ «сверхъ того». Эти два слова вовсе не такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, чтобы въ данномъ построеніи означать одно понятіе. Въ Каракалинской надписи, гдѣ конструкція фразы примѣрно такая же, *ṣṣ-ti-ni* сопутствуется иными словами: *u-i a-i-ni-i ṣṣ-ti-ni a-i u-ri*. То же самое и въ Зовартноцкой надписи: *u-i gi e-i ṣṣ-ti-ni ma-ni (u)-ri*. Отсюда я дѣлаю выводъ, что интересующій насъ терминъ можетъ быть понимаемъ въ буквальномъ его смыслѣ «потомъ», и тогда оторванное отъ него *ṣṣ-da* сохранить также свое прямое значеніе «сверхъ», а весь переводъ получить уже не тотъ характеръ, который ему придается до сего времени, и даже *u-ri* можно сохранить въ чистомъ его видѣ, безъ отождествленія съ предназначаемою для него постройкою, безъ замѣны его настоящаго смысла «вода» нѣсколько произвольнымъ «водопроводъ».

Термины *u-i* и *e-i* въ Макинской надписи не поддаются точному объясненію. Н. Я. Марръ усматриваетъ въ нихъ частицу, союзъ или мѣстоименный элементъ. Переводъ первыхъ двухъ словъ я заимствую у Н. Я. Марра и у М. В. Никольскаго безъ повторенія ихъ толкованій³.

Цитованное мѣсто Сардарабадской надписи, при переводѣ, прекрасно дѣлится по строкамъ:

¹ Ср. Н. Я. Марръ — «Надпись Русы II изъ Маку», стр. 25.

² Тамъ же, стр. 22, 23 и 27.

³ Н. Я. Марръ, ц. с., стр. 27; М. В. Никольскій, ц. с., стр. 55 и 58.

стѣны крѣпкія сдѣлавъ,

... проведя затѣмъ сверхъ воду (отъ рѣки Ману... я вывелъ)

Макинская надпись соединяетъ обѣ строки:

алтарь бога сдѣлавъ, ... проведя ...

затѣмъ сверхъ воду, (воздвигъ достроилъ для насъ я Руса въ го-
родъ малый || въ Русы городъ малый)

Здѣсь уже получается полное представленіе о той сложной архитектурной работѣ, которая передавала воду надземною постройкою.

Настоящую мою замѣтку окончу краткимъ упоминаніемъ о трехъ главныхъ божествахъ, очевидно виднѣйшихъ покровителяхъ ванскаго народа: только они поименно названы въ Макинской надписи. Первымъ поставленъ богъ Халдъ. Это, внѣ сомнѣнія, національное божество халдскаго народа. Второе мѣсто занялъ Теишба, то есть тотъ «владыка вишапъ», изображенія котораго въ образѣ чудовищной рыбы найдены въ предѣлахъ Эриванской губерніи. Каменные вишапы являются интереснѣйшимъ образцомъ вишняго изображенія, несомнѣнно уже отживающаго свой вѣкъ, натуралистическаго божества. Н. Я. Марръ говоритъ, что, по словообразованію, Теишба чуждъ халдской почвы, онъ принесенъ сюда изъ другихъ странъ. Если это такъ, то все же онъ принесенъ не изъ странъ семитическихъ, не изъ Ассиріи, ближайшаго культурнаго сосѣда Вана, имѣвшаго на него сильное вліяніе, такъ какъ по своему имени этотъ богъ типиченъ для яфетическихъ народовъ.

Первую составную часть слова Теишба составляетъ *te* || *ti* «голова», или, съ выпаденіемъ гласнаго, «глава», отсюда «властелинъ» «владыка». Окончаніе второй части: *ba* скорѣе всего указываетъ на Эламъ, гдѣ показатель множественности имѣетъ звонкій характеръ *pa* || *ba*, или, съ перестановкою гласнаго звука, *ar* || *ab*. Съ такимъ окончаніемъ мы имѣемъ эламское образованіе *ш-ba* ← *ш-ba*. Но это не исключительно эламское слово, его же мы встрѣчаемъ у другихъ народовъ, сохранившихъ въ своей рѣчи яфетическія основы, напримѣръ у армянъ *ш-ар*, въ древне литературной разновидности *вш-ар*, у грузинъ *веш-ар*. При такихъ условіяхъ, сознавая несомнѣнность принадлежности эламскаго языка къ семьѣ яфетическихъ и встрѣчаясь, въ то же время, съ чисто яфетическимъ словообразованіемъ въ наименованіи бога, мы неизбежно признаемъ въ немъ, уже по одному его имени и широкому распространенію въ предѣлахъ яфетическаго міра, божество не узко національное, а божество расовое, составляющее собственность яфетической семьи народовъ, и, при томъ, божество не астральное.

Изслѣдователи древнихъ Сузь де-Морганъ, Потье и сочлены ихъ по научной экспедиціи въ Персію неоднократно указываютъ на то, что стилизація рисунка на эламской керамикѣ свидѣтельствуесть о сохранившемся въ искусствѣ пережиткѣ, уже вымершаго въ культѣ, обоготворенія природы. Божество перестало жить на землѣ и переселилось на небо, обратившись изъ натуралистическаго въ астральное. Живыя существа стали лишь слугами боговъ. Тѣмъ болѣе интересно для насъ наличие, еще въ VII вѣкѣ до Р. Х., Теишбы-Вишапа, къ тому же въ единеніи съ чисто астральнымъ халдскимъ богомъ Арди или Ардини (богомъ Солнце). Такое единеніе тоже характерно для яфетическаго міровоззрѣнія, которое связало небо съ землею: то и другое отождествляется съ желѣзомъ, и при томъ не только въ миѣ, но и въ самомъ названіи егкіп и егкіг: первое означаетъ небо, а второе землю. Тутъ мы останавливаемся передъ еще мало изслѣдованною областью яфетическаго культа.

И. Мѣщаниновъ.

Роль стрѣлы въ обрядахъ и ея символическое значеніе¹.

Летитъ птица перната,
Безъ глазъ, безъ крыль,
Сама свиститъ, сама бьетъ.

Въ описаніи свадьбы царя Михаила Ѳеодоровича съ Евдокією Лукьяновною Стрѣшневою въ 1626 г. встрѣчаемъ одну интересную подробность, касающуюся стрѣлы. На другой день послѣ вѣнчанья царь и царица появлялись передъ боярами, «и раскрывалъ государыню царицу бояринъ Иванъ Никитичъ Романовъ, покровъ поднявъ стрѣлою. А послѣ того пожаловалъ государь, велѣлъ видѣть свои царскіе и царицыны очи всеѣмъ бояромъ и окольнымъ и думнымъ людямъ въ сѣнникѣ»². Буквально то же самое обстоятельство повторилось на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича съ Марією Ильиничною Милославскою въ 1648 году: и раскрывалъ государыню царицу бояринъ Борисъ Ивановичъ (Морозовъ), а покровъ поднималъ стрѣлою³. Въ Домостроѣ объ этомъ обрядѣ ничего не говорится.

Д. И. Языковъ, напечатавшій «Изысканіе о старинныхъ свадебныхъ обрядахъ у Русскихъ», утверждалъ, что сѣнникъ внутри оболакивался запонами, а по четыремъ угламъ втыкались стрѣлы, а на стрѣлахъ по сороку соболей, или по одному соболю, какъ государь приказывалъ, да по колачу. Въ каждомъ углу ставилось по оловенику меда⁴.

¹ Докладъ, читанный въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія въ сентябрѣ 1917 г. Вскорѣ послѣ доклада Н. И. Веселовскій передалъ эту статью мнѣ для помѣщенія въ Запискахъ; и тогда и позже неоднократно Н. И., высказывая увѣренность, что не увидитъ въ печати этой своей «послѣдней» работы, которою онъ очень дорожилъ. Предположенія Н. И. оправдались: онъ успѣлъ просмотрѣть и вернуть мнѣ корректуру только первыхъ четырехъ гранокъ, смерть помѣшала ему довести до конца эту работу. Статья печатается по сличенію съ черновою рукописью: переписанная самимъ Н. И. чистая рукопись и корректура послѣднихъ пяти гранокъ затерялась въ квартирѣ покойнаго въ теченіе времени послѣ его кончины, до принятія его бумагъ подъ охрану Археологическаго Института. *Г. Орбел.*

² Сахаровъ, «Сказанія русскаго народа». СПб. 1849, кн. 6-я, стр. 82.

³ Тамъ же, стр. 94.

⁴ Библия для Чтенія 1834, VI, отд. III, стр. 21.

Защита Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXV.

Старинные свадебные обряды изложены и объяснены Н. П. Степановымъ въ его книгѣ «Народные праздники на святой Руси». Авторъ говоритъ: «Окручивая невѣсту, дѣвичью косу ея раздѣляли стрѣлою (*символъ любви*) Стрѣла, которою на другой день брака, когда просыпалась молодая, приподымали съ нея покровъ, въ свадебномъ обрядѣ служила знаменіемъ *плодородія* и вмѣстѣ съ тѣмъ была орудіемъ, *освящающимъ брачный союзъ*»¹. Г. Степановъ не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу своихъ толкованій, и насколько эти толкованія имѣютъ значеніе, мы увидимъ дальше.

Въ такихъ обрядахъ, каковы свадебные, ничего не можетъ быть случайнаго, и всякая мелочь непременно имѣетъ опредѣленный смыслъ. Доискаться этого смысла не всегда легко и не всегда удается, потому что древній бытъ и древнія религіозныя воззрѣнія народа намъ во всей полнотѣ неизвѣстны. Я поставилъ себѣ задачей изслѣдовать значеніе стрѣлы въ обрядахъ, при чемъ оговариваюсь, что не имѣю въ виду разсматривать въ полномъ объемѣ этотъ вопросъ, имѣющій на западѣ довольно обширную литературу, чтобы не загромождать основную мысль разными подробностями, такъ какъ держусь мнѣнія, что «много доказать — ничего не доказать». Кромѣ того всѣ приводимые въ иностранной литературѣ факты сводятся, какъ мнѣ кажется, къ одному основному принципу, который я надѣюсь установить за стрѣлою.

Въ нашей старинной литературѣ стрѣла описывается неоднократно. Богатыри Дюкъ Степановичъ и Михайль Казариновъ обладаютъ очень цѣннымъ оружіемъ, у нихъ: «Тугой лукъ разрывчетой, а цена тому луку три тысячи, потому цена луку три тысячи, полосы были серебряны, а рога красна золота, а и титивочка была шелковая, а белова шолку шимаханскова, и колчанъ пошоль съ каленныхъ стрель, а во колчане было за триста стрель, всякая стрела по десяти рублевъ»², и проч.

Но русская литература не даетъ никакихъ указаній на значеніе стрѣлы въ обрядахъ, для нашей цѣли надо обратиться на Востокъ, гдѣ стрѣла играетъ роль въ различныхъ обрядахъ и въ настоящее время.

У кочевыхъ народовъ Средней и Сѣверо-восточной Азіи стрѣла выдѣляется изъ числа другого оружія на первый планъ³. По мѣстнымъ легендамъ и сказкамъ герой прокладываетъ себѣ дорогу въ лѣсу пущенной

¹ «Народные праздники на Святой Руси». СПб. 1900, стр. 87—88.

² Сборникъ Кирши Данилова. СПб. 1901, стр. 11, 84—85.

³ При клятвахъ и на Востокѣ прибѣгали къ разному оружію, такъ какъ любое изъ нихъ одинаково могло поразить клятвopреступника. Въ алтайскихъ сказкахъ люди, при заключеніи союза дружбы, «конецъ пики нюхали, лезвѣе меча лизали» (Н. Я. Никифоровъ, Дюссельский Сборникъ, Записки зап.-сиб. отд. Р. Г. О., т. XXXVII, 1915, стр. 29, 39).

стрѣлой¹; стрѣлою онъ пробиваетъ скалу, преграждающую ему путь²; стрѣлою онъ разсѣкаетъ рѣку и переходитъ по обнажившемуся дну ея. Онъ стрѣляетъ въ звѣзды на небѣ и сшибаетъ ихъ³. Очевидно, стрѣла на Востокѣ, по своимъ боевымъ свойствамъ, являлась оружіемъ исключительной техники и еще на нашихъ глазахъ не хотѣла склониться передъ пулей, удерживаясь въ китайскихъ войскахъ до самаго конца XIX столѣтія.

У восточныхъ народовъ стрѣлы имѣютъ наименованія. Въ монгольскомъ сказаніи о Чингизъ ханѣ упоминаются стрѣлы съ именами *Анхуа* и *Кайбуръ*⁴. Замѣчательно, что стрѣла кайбиръ извѣстна и въ настоящее время у алтайцевъ по свидѣтельству Г. Н. Потанина, сообщившаго, что ее знаютъ и крестьяне Иркутской губерніи⁵. Особенно богатый матеріалъ о стрѣлѣ даютъ народныя сказки. Одинъ богатырь, отправляясь на подвиги, обратился къ своей матери съ вопросомъ: «Если спросятъ мое имя, что сказывать»? Мать отвѣчала ему: «Твое имя Ерь-сару, твоя лошадь Ербей Ширбей, твоя стрѣла Джесь-тумана»⁶. У богатыря Гунынъ Настай Мекеле стрѣла по имени Галынъ Табыкъ, величиною съ небольшую степь, выстругана изъ дерева Цангысъ, оперена перьями птицы Чакцагай-Куу-кюнъ; развилокъ у нея былъ съ сѣдло; всего въ колчанѣ было 30 такихъ стрѣлъ⁷.

Если къ богатырю приходитъ другой, незнакомый богатырь, то хозяинъ, желая узнать, пришелъ ли къ нему гость съ добрыми или дурными намѣреніями, предлагаетъ ему, въ видѣ испытанія, взаимно стрѣлять другъ другу въ грудь: у кого намѣренія чистыя, отъ того стрѣла отскочитъ, въ противномъ случаѣ убьетъ⁸. На этомъ же основаніи стрѣла разрѣшаетъ

¹ Аносскій Сборникъ, стр. 34.

² Очерки с. з. Монголіи, IV, стр. 585. Миддендорфъ, Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. (Якутскія сказанія). СПб. 1878, ч. II, стр. 812.

³ Г. Н. Потанинъ, Ерке. Томскъ, 1916, стр. 3, 43.

⁴ Труды Пекинской духовной миссіи, т. IV, стр. 107.

⁵ Н. Я. Никифоровъ, Аносскій Сборникъ, стр. 88, 96, 105, 178, 285 и въ другихъ мѣстахъ. Про волшебную стрѣлу кайбуръ (кайбуръ-жебе) можно отмѣтить, что она не превосходила другія величиной; когда Канъ-Тади вынулъ свою стрѣлу кайбуръ, оказалось, что она на семь карышевъ (четвертей) короче стрѣлы богатыря Когъ-Айры (тамъ же, 178).

⁶ Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи. СПб. 1883, вып. IV, стр. 344. Джесь значитъ мѣдъ, тумана — слово неизвѣстное. Условно можно перевести: мѣдная Тумана. Замѣчу, что по Рашидъ эд-Дину, одинъ изъ предковъ Чингизъ хана назывался Тумена ханъ. (Тр. Вост. отд. Арх. Об., ч. XIII, стр. 22). Интересъ здѣсь заключается въ томъ, что составленіе сказки относится къ тому отдаленному времени, когда въ Сѣверо-восточной Азіи наконецники для стрѣлъ изготовлялись изъ мѣди.

⁷ Тамъ же, стр. 433—434.

⁸ Разныя монгольскія сказки тамъ же. Повидимому, это свойство стрѣлы было перенесено на ружье. Казакъ-киргизъ, цѣлуя дуло ружья въ удостовѣреніе своей клятвы, вѣритъ, что пуля поразитъ клятвopреступника,

споръ противниковъ. Два соперника, претенденты на дочь Бурканъ Халамы, Ертене-мергенъ и Акъ-ханъ, должны были разрѣшить споръ о невѣстѣ. Ертене сказалъ: «я сяду на порогъ, ты стрѣлай въ меня; убьешь — жена твоя! Потомъ ты сядь; я убью — я возьму дочь Бурканъ Халамы». Сѣлъ Ертене-мергенъ на порогъ, выстрѣлилъ Акъ-ханъ, стрѣла ударила въ Ертене-мергена и отлетѣла прочь. Сѣлъ Акъ-ханъ на порогъ; дунуль на него Ертене, Акъ-ханъ ударился о каменный косякъ двери и умеръ¹.

Когда подвиги богатыря Ерь-сару оспаривали передъ ханомъ другіе богатыри, его соперники, Джетытасы, онъ сказалъ хану: «прикажи, чтобъ Джетытасы вмѣстѣ со мною выстрѣлили въ небо; кто не правъ, того стрѣла, обратно возвращаясь, убьетъ». Ханъ отдалъ приказъ, стали стрѣлять, выстрѣлилъ Ерь-сару, его стрѣла упала мимо; Джетытасы выстрѣлили и были убиты своими стрѣлами².

Приведу еще одинъ примѣръ изъ бурятскихъ сказокъ. Въ сказкѣ о Ханъ-гужирѣ конь бросилъ дядѣ Зотонъ-хара одну стрѣлу и сказалъ: «Стрѣлай въ меня! Если стрѣла попадетъ въ концы моихъ четырехъ копытъ, то ты свой; если не свой, то стрѣла воротится въ колчанъ»³. Стрѣла, по вѣрованію бурятъ, обладаетъ разумомъ, ей можно сдѣлать внушеніе и она исполнить порученное ей дѣло⁴.

Въ алтайскихъ сказкахъ упоминаются стрѣлы о девяти глазкахъ⁵.

Замѣтимъ еще, что герой стрѣляетъ только одинъ разъ и если сдѣлаетъ промахъ, то не повторяетъ попытки исправить ошибку, а случается — отрубаетъ большой палецъ правой руки, чтобы никогда уже больше не стрѣлять.

Чтобы выяснитъ роль стрѣлы въ обрядахъ, необходимо прослѣдить ея участіе въ главнѣйшіе моменты, съ человѣкомъ связанные, а именно: при рожденіи, во время свадьбы и на похоронахъ. Здѣсь главное мѣсто будетъ отведено бурятамъ, какъ наиболѣе изученному народу; а свѣдѣнія о другихъ народахъ послужатъ дополненіемъ къ основному изложенію.

I. По свидѣтельству Г. Н. Потанина, алтайцы, чтобы отогнать

¹ Тамъ же, стр. 424.

² Тамъ же, стр. 348.

³ Бурятскія сказки и повѣрья, собранныя М. Н. Хангаловымъ и др. (Записки вост.-сиб. отдѣла Р. Г. О. по отд. Этнографіи, т. I, вып. 1. Иркутскъ, 1889, стр. 64).

⁴ Въ сказкѣ Алтанъ-Шагай-мэргынъ, этотъ герой, получивши ударъ стрѣлой отъ невидимаго противника, «вытащилъ изъ серебрянаго колчана стрѣлу одонъ-хангай, налаживаетъ ее на лукъ и наговариваетъ ей, чтобъ она преслѣдовала (стрѣлявшаго), куда бы онъ ни заходилъ и куда-бы онъ ни выходилъ и пускаетъ ее». Стрѣла полетѣла въ Жоргодой-мэргына и погналась за нимъ; онъ впрыгнуль въ море и обратился въ семьдесятъ молекъ (рыбокъ), стрѣла превратилась въ семь щукъ и проч. Совершивъ свое дѣло, стрѣла прилетѣла къ хозяину и вошла въ колчанъ («Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями». Зап. вост.-сиб. отд. Р. Г. О. по Этнографіи, т. I, вып. 2. Иркутскъ, 1890, стр. 10—11).

⁵ Дюссскій Сборникъ, стр. 32.

діавола, похищающаго младенцевъ, вѣшаютъ въ люльку плеть, стрѣлку и колючее растеніе¹. Употребленіе стрѣлы для насъ особенно важно, потому что цѣль, съ какою перечисленные предметы привѣшиваются къ люлкѣ или кладутся въ нее, вполне опредѣленна. По наивному представленію шаманистовъ, злой духъ боится плети, и пережитки этого вѣрованія сохраняются и теперь у нѣкоторыхъ народовъ, давно принявшихъ мусульманство. Такъ, у киргизъ-казаковъ и въ наше время можно было наблюдать, какъ баксы, приглашенный къ мучающейся въ родахъ женщинѣ, бѣгаетъ съ плетью въ рукахъ вокругъ ложа больной, чтобы выгнать вселившегося въ нее злого духа и препятствующаго появленію ребенка на свѣтъ. Для наибольшаго успѣха, баксы ударяетъ плетью не только по постели, но и по самой роженицѣ². Иногда киргизъ-казачкѣ, ходящей взадъ и впередъ по юртѣ, держась за протянутую веревку, вѣшаютъ на шею плеть, чтобы отогнать албасту отъ роженицы³.

Колючее растеніе тоже страшно злымъ духамъ и потому служить хорошей защитой отъ нихъ. Если спрятаться въ кустъ шиповника, то злой духъ никакими силами не въ состояніи взять оттуда спрятавшегося: онъ и близко не подойдетъ къ такому страшному предмету. У монголовъ существуетъ много рассказовъ на этотъ счетъ⁴. Въ люльку кладутъ и другіе острые предметы, напр., ножикъ, ножницы. Особенно интересно примѣненіе большихъ овечьихъ ножницъ, ихъ помѣщаютъ въ люлкѣ тогда, когда берутъ оттуда ребенка и занимаютъ въ люлкѣ его мѣсто¹. Безъ этой предосторожности злой духъ овладѣетъ сперва помѣщеніемъ, а потомъ и ребенкомъ. вмѣстѣ взятыя плеть, стрѣла и колючее растеніе должны усиливать дѣйствіе. Цѣль указанныхъ предосторожностей одна: отогнать злыхъ духовъ. Отсюда очевидно, что и стрѣлка принадлежитъ къ категоріи пред-

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. IV, стр. 27.

² И. И. Ибрагимовъ, «Этнографическіе очерки Киргизскаго народа» (Русскій Туркестанъ, М. 1872, стр. 121—123).

³ «Киргизъ-кайсаки Большой, Средней и Малой орды» (Сибир. Вѣстн. 1820, ч. X, стр. 155).

⁴ Укажу на алтайскую сказку «Аргачи и Кучечи», въ которой курмѣси (духи, населяющіе воздухъ и похищающіе души людей) несли въ царство Ерлика только что похищенную душу дочери Тасъ-хана. Къ нимъ присоединился Аргачи и дорогой спросилъ: «вы чего боитесь на этомъ свѣтѣ?» — Мы боимся тэгэнека (шиповника) и толоно (боярышника); а ты чего боишься? — «О, я боюсь только масла въ пузыряхъ и связокъ курута». Улучивъ благоприятный моментъ, Аргачи вмѣстѣ съ похищенной душой бросился въ кустъ шиповника, откуда курмѣси пробовали выгнать похитителя масломъ и сыромъ, которые Аргачи поѣдалъ съ удовольствіемъ. Въ концѣ концовъ курмѣси отступились, и тогда Аргачи вернулъ душу дочери Тасъ-хана. «Аносскій Сборникъ», стр. 168, 235—236. См. также сказку «Сирота-парень» (Сказанія бурятъ, запис. разн. собирателями, стр. 59—60). Ибрагимовъ, стр. 123. Потанинъ, сказки Бамба Шиту и Дзулдаукъ (Очерки, IV, стр. 241—242) и Талынъ Хутылчи (тамъ же, стр. 243).

метовъ, устрашающихъ злыхъ духовъ. Запомнимъ это для усвоенія дальнѣйшихъ разсужденій и выводовъ. Въ оправданіе такой наивности злыхъ духовъ можно привести то соображеніе, что по понятію шаманистовъ злые духи во главѣ съ Ерликомъ, повелителемъ ада, не отличаются ни умственными способностями, ни сообразительностью и потому провести и обмануть ихъ совсѣмъ нетрудно. Въ алтайской сказкѣ Акъ-би конь учитъ Кудая (бога), какъ обмануть Ерлика и прибавляетъ: «Не очень-то большой разумокъ (у Ерлика); повѣрить»². Простоватый Ерликъ не можетъ справиться со смѣтливымъ богатыремъ, который въ сказкахъ одолеваетъ подземнаго бога и, распявъ его на четыре кола (или привязавъ руки и ноги къ четыремъ коламъ, вбитымъ въ землю), жестоко сѣчетъ его прутьями шиповника³.

Иногда къ люлькѣ привѣшиваютъ въ видѣ амулета небольшой колчанъ со стрѣлами (ог-ча), если младенецъ мальчикъ, а если дѣвочка, то — веретено (предметъ острый, колющій)⁴.

По наблюденіямъ Г. Н. Потанина, дюрбюты дѣлаютъ въ люлькѣ надъ головой ребенка войлочную стѣнку, поддерживаемую обручемъ; на ней вѣшается серебряный маленькій лукъ и три стрѣлы, что, по мнѣнію дюрбютовъ, содѣйствуетъ укрѣпленію физическихъ силъ ребенка⁵. Мнѣ кажется, что «мнѣніе» дюрбютовъ въ данномъ случаѣ является прямымъ недоразумѣніемъ, потому что они не могутъ не знать подлинной цѣли, для которой подвѣшиваются къ люлькѣ лукъ и стрѣлы.

У киргизъ подъ изголовье младенца теперь кладутъ саблю и коранъ.

Можетъ быть и у насъ въ древности клали желѣзные предметы въ люльки младенцамъ для отогнанія нечистой силы. Когда морской царь обратился къ Садко съ вопросомъ, какъ на Руси:

Булатъ ли жёлѣзо дороже красна золота
Али красно золото дороже булатъ-желѣза?

Садко отвѣчалъ:

Дороже у насъ на Руси красно золото,
А булатъ-желѣзо катается
У маленькихъ робятъ по зыбочкамъ⁶.

¹ А. А. Кузнецовъ, «Жилища, одежда и пища минусинскихъ и ачинскихъ инородцевъ». Минусинскіе и ачинскіе инородцы. Красноярскъ, 1898, стр. 130.

² Аносскій Сборникъ, стр. 145—146. См. также сказку Канъ-Таджи, сынъ Акъ-Бока, стр. 187—189, 192—194; сказку Алтынъ-Кучкашъ, стр. 231.

³ Тамъ же, стр. 145—146.

⁴ Кузнецовъ, стр. 130—131.

⁵ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. II, СПб. 1881, стр. 31.

⁶ Иѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Ч. I, М. 1861, стр. 366.

Въ этихъ словахъ, не вполне определенныхъ, Г. Н. Потанинъ положительно видитъ указаніе на обычай класть въ люльки стрѣлки¹; но для защиты младенцевъ отъ злыхъ духовъ съ тѣмъ же уснѣхомъ служатъ ножъ, сабля, топоръ и пожницы. Поэтому осторожиѣе будетъ о стрѣлѣ здѣсь не говорить.

А. И. Ивановъ доставилъ мнѣ слѣдующую замѣтку, имѣющую для моей темы существенное значеніе:

«Уже въ обрядникѣ Ли-цзи — составленіе котораго относится къ доханьскому времени, отмѣчается обычай вывѣшиванія у дверей дома, гдѣ только что родился мальчикъ, лука изъ тутоваго дерева и 6 стрѣлъ изъ травы². Объясняется этотъ обычай тѣмъ, что 6 стрѣлъ символизировали якобы отношеніе мальчика къ небу, землѣ и четыремъ странамъ свѣта. Однако въ текстѣ не говорится о вывѣшиваніи, а сказано шэ — стрѣлять. На сѣверѣ Китая и стрѣляютъ, при рожденіи мальчика, изъ лука. Самый матеріаль (тута для лука и артемизія для стрѣлъ), какъ дѣйствительное для отогнанія злыхъ духовъ средство, указываетъ и на значеніе самой стрѣлы».

Въ китайскомъ разъясненіи, явно искусственномъ, любопытно то, что сами китайцы утеряли смыслъ стрѣлянія изъ лука при рожденіи мальчика. Между тѣмъ съ точки зрѣнія шаманства здѣсь все понятно, все ясно. Начать съ того, что стрѣляютъ въ воздухъ, конечно, въ злыхъ духовъ, только при рожденіи мальчика, а не дѣвочки. У многихъ восточныхъ народовъ рожденіе сына считается предпочтительнымъ передъ рожденіемъ дѣвочки, потому что сынъ будетъ продолжателемъ своего рода и не дастъ «очагу погаснуть», тогда какъ дочь уйдетъ въ другую семью и станетъ содѣйствовать продолженію чужого рода. На этомъ основаніи мальчика называютъ *керек бала* — нужное дитя, про дѣвочекъ же говорятъ *керек жок бала* — ненужное дитя³. У киргизъ есть поговорка: «худая жена дѣвицу родить»⁴. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что дѣвочекъ не надо оберегать отъ злого начала. Ее также стараются защитить отъ невидимой силы только другими мѣрами, болѣе подходящими для дѣвочки, напр., веретеномъ, острый конецъ котораго соотвѣтствуетъ острію наконечника стрѣлы.

Не слѣдуетъ думать, что стрѣляніе въ воздухъ есть простая формальность; напротивъ, шаманистъ увѣренъ, что стрѣла исполнитъ свое назначеніе. Что стрѣляя въ воздухъ, можно задѣть злого духа, хотя и при извѣстныхъ условіяхъ, это мы знаемъ изъ повѣрій другихъ народовъ не

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. 673.

² Ср. Нань-цзы чу шэнь и-сань-ху-пынь-ши лю-шэ тьянь-ди сы-фань.

³ Аносскій Сборникъ, стр. 6.

⁴ Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. IV, стр. 821—822.

миновавшихъ въ древности шаманства. П. Демидовичъ сообщилъ намъ крайне интересный фактъ изъ вѣрованій бѣлоруссовъ. Когда поднимается вихрь, бѣлорусъ убѣжденъ, что это ѣдетъ «чортово вяселье». Если въ это время бросить въ вихрь какое либо острое орудіе, то на немъ можно замѣтить кровь; это означаетъ, что брошенное орудіе попало въ чорта¹.

II. Свадебные обряды даютъ намъ самый обильный матеріалъ о стрѣлѣ. Литература по этому вопросу въ послѣднее время значительно обогатилась, благодаря трудамъ серьезныхъ наблюдателей и путешественниковъ по Средней и Сѣверо-восточной Азіи. Сдѣлаемъ выборку тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣютъ отношеніе къ нашей темѣ.

На Востокѣ свадьба требуетъ разнообразныхъ и сложныхъ обрядностей, среди которыхъ видное мѣсто занимаютъ мѣры предосторожности противъ злыхъ духовъ, которые могутъ имѣть на свадьбѣ обильную и интересную для себя добычу и поэтому стремятся присоединиться къ пирующимъ. Съ нашей точки зрѣнія эти мѣры до крайности наивны; но не такъ смотрятъ на нихъ, даже теперь, азіатскіе народы. М. Н. Хангаловъ обнаружилъ слѣдующій фактъ: «Обыкновенно у Унгинскихъ бурятъ свадебный поѣздъ уѣзжаетъ къ жениху за одинъ или два дня раньше назначеннаго срока, или послѣ; это дѣлается для того, чтобы обмануть злыхъ и нечистыхъ духовъ, которые обманутые не ѣдутъ на свадьбу, а остаются въ ожиданіи назначеннаго срока»². И у насъ на Руси при свадебныхъ обрядахъ примѣнялись мѣры, чтобы обмануть злыхъ духовъ, старающихся вредить невѣстѣ. Съ этою цѣлью на ея голову надѣвали шапку жениха и дѣлали другія обрядовыя переодѣванія, чтобы ввести въ заблужденіе нечистую силу³. Очевидно, и наши предки считали злыхъ духовъ въ достаточной степени глупыми, какъ это отразилось въ шаманскихъ вѣрованіяхъ.

Обратимся къ бурятской свадьбѣ. У Хангалова читаемъ: «при выѣздѣ (когда невѣсту везутъ къ жениху) каждый старается выѣхать впередъ, ибо по мнѣнію бурятъ на заднюю телѣгу или на сани садятся нечистые и злые духи, которые тоже ѣдутъ на свадьбу; кто послѣ всѣхъ выѣдетъ, къ тому подсядутъ злые и нечистые духи, и съ нимъ или съ его конемъ по дорогѣ что нибудь случится»⁴.

¹ П. Демидовичъ, «Изъ области вѣрованій и сказаній бѣлоруссовъ». Этногр. Обзор., 1896, № 1, стр. 101.

² «Свадебные обряды, обычаи, повѣрья и преданія у Бурятъ Унгинскаго инородческаго вѣдомства Балаганскаго округа» (Этногр. Обзор. 1898, № 1, стр. 51). Попытка г. Хангалова объяснить происхожденіе этого обычая не можетъ быть признана сколько нибудь удачной.

³ Е. Г. Кагаровъ, О значен. нѣкот. рус. свад. обрядовъ. Извѣстія Академіи Наукъ, 1917 г., № 9, стр. 649.

⁴ Свад. обряды, стр. 51—52.

Объ этомъ свадебномъ поѣздѣ Г. Н. Потанинъ сообщилъ много интереснаго. Невѣстина свита, приближаясь къ жилищу жениха, посылаетъ впередъ верховыхъ посланниковъ («туруши»); одинъ изъ нихъ держитъ стрѣлу съ желѣзнымъ наконечникомъ; на другомъ концѣ стрѣлы привязанъ кадыкъ (кусокъ бѣлой матеріи). Этотъ туруши, прискакавъ къ дому жениха, бросаетъ лошадь, не привязавъ къ столбу (другіе должны подобрать ее), вбѣгаетъ въ юрту, и не оглядываясь и ни съ кѣмъ не здороваясь, стремительно подходитъ къ западной тенге (подпоркѣ), которая находится между очагомъ и семейною кроватью, и втыкаетъ въ нее свою стрѣлу такъ, чтобы она была обращена хвостомъ своимъ на востокъ¹. Затѣмъ онъ садится на самое почетное мѣсто или гдѣ вздумается; если мѣсто занято, онъ грубо сталкивается съ него сидящаго, хотя бы то былъ почтенный старикъ; если то молодой, то садится къ нему прямо на голову. Затѣмъ онъ здоровается со сватомъ; является угощеніе². Потанинъ ограничился фактическимъ изложеніемъ дѣла и никакихъ разъясненій этому обряду не далъ.

Подобное же описаніе находимъ у М. Н. Хангалова. Когда туруше подѣдетъ къ дому родителей жениха, онъ соскакиваетъ съ коня, бросивъ поводья на сѣдло, не привязывая коня, и входитъ въ юрту, держа въ рукѣ стрѣлу, которую, входя въ юрту, втыкаетъ покрѣпче въ столбъ юрты (въ хойморъ тэнги, въ другіе же столбы юрты ея по обычаю втыкать нельзя), гдѣ она остается до окончанія свадьбы; если стрѣла худо воткнута, то ее не поправляютъ до тѣхъ поръ, пока стрѣла сама не упадетъ на полъ, и тогда снова ее втыкаютъ, но это считается худымъ признакомъ: новобрачные будутъ несчастливы, и кто-нибудь изъ нихъ умретъ. Стрѣла означаетъ душу человѣка: какъ отъ привезенной стрѣлы въ колчанѣ (хадак) прибавляется въ юртѣ стрѣла, такъ и невѣста должна умножить потомство мужа³. Эта мысль была высказана Хангаловымъ и въ другомъ мѣстѣ: когда невѣста вступала въ жилище мужа, она, въ числѣ обрядовъ, клала въ огонь нѣсколько полѣнъ, а лежавшія уже тамъ нѣсколько передвигала. По мнѣнію Хангалова, какъ отъ новыхъ полѣнъ увеличивается огонь, такъ и она должна увеличивать общество, въ которое вступаетъ⁴. Г. Хангаловъ не пояснилъ, самъ ли онъ додумался, что стрѣла означаетъ душу человѣка, или такое представленіе сложилось у народа? Во всякомъ случаѣ это толкованіе ошибочно, какъ будетъ выяснено дальше. Какъ наблюдатель, Хангаловъ едва ли имѣетъ соперниковъ скольконибудь ему равносильныхъ; но

¹ Когда везутъ стрѣлу, ее затыкаютъ за поясъ.

² Очерки сѣв.-зап. Монголіи, вып. IV, стр. 31. См. также статью М. Т. Поротова «Къ антропологии бурятъ. Буряты-Аларцы». СПб. 1895, стр. 45—46.

³ Свадебные обряды, стр. 54.

⁴ М. Н. Хангаловъ, Зэгэтэ-оба (Изв. вост.-сиб. отд. Р. Г. О., т. XIX, № 3, стр. 14).

что касается толкованій, то это самая слабая сторона въ его научной дѣятельности. Въ той же статьѣ Хангалова находимъ дополнительное сообщеніе къ тому же обряду. «У бурятъ Бильширскаго инородческаго вѣдомства на свадьбу ѣдутъ тоже со стрѣлою; иногда втыкаютъ ножикъ на мѣсто стрѣлы; нѣкоторые буряты этотъ ножикъ берутъ, а когда у новобрачныхъ родится ребенокъ, тогда этимъ ножомъ отрѣзываютъ пупокъ»¹.

Особенно интересно описаніе свадьбы у бурятъ при отсутствіи жениха. Обычный свадебный обрядъ, совершаемый въ домѣ жениха, въ своей существенной части состоитъ въ слѣдующемъ: когда невѣсту выводятъ изъ юрты, женихъ подходитъ къ невѣстѣ, и они, взявшись за руки, идутъ кругомъ юрты, причѣмъ женихъ идетъ съ правой стороны невѣсты. «Если жениха на свадьбѣ нѣтъ по какому нибудь случаю и свадьбу приходится дѣлать безъ него, что случается у бурятъ, тогда невѣста, идя подъ шалью (большую шаль несутъ надъ женихомъ и невѣстой посторонніе мужчины, поддерживая за четыре угла), въ правой рукѣ держитъ стрѣлу, которая замѣняетъ жениха; безъ стрѣлы совершать обрядъ нельзя, потому что на правой рукѣ невѣсты на мѣсто жениха пойдетъ духъ, за котораго невѣста выйдетъ замужъ, т. е. послѣ свадьбы она скоро должна помереть»². Что стрѣла можетъ замѣнять жениха, это толкованіе Хангалова, для насъ нисколько не обязательное; не такъ легко разрѣшаются древніе обряды, смыслъ которыхъ съ теченіемъ времени утратился.

[Стрѣла играетъ роль въ свадебныхъ обычаяхъ и тибетцевъ, но объясненія этой роли пока еще нѣтъ, есть только предположеніе, что стрѣла является пережиткомъ обычая умыканія невѣсты. Стрѣла, повидимому, дважды встрѣчается въ упомянутыхъ обрядахъ: 1) при прибытіи невѣсты въ юрту родныхъ жениха, невѣста сажается на войлокъ у новой юрты, лицомъ къ лунѣ съ зерномъ и стрѣлою и 2) передъ выѣздомъ невѣсты ей втыкаютъ сзади въ платье стрѣлу, украшенную 5 драгоценными камнями и 5 лентами, пяти цвѣтовъ, такъ чтобы кончикъ стрѣлы касался головнаго убора]³.

Вернемся къ русской царской свадьбѣ. Когда государь и государыня вошли въ церковь для вѣнчанія, на государева аргамака сѣлъ конюшій бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ; а въ сани на государынино мѣсто сѣлъ окольничій князь Григорій Константиновичъ Волконскій. Послѣ вѣнчанія царь Михаилъ Федоровичъ съ новобрачною отправились изъ церкви въ грановитую палату, царь на аргамакѣ, царица въ саняхъ. А какъ царь и великій князь пріѣхалъ отъ церкви, ссѣлъ съ коня у лѣстницы, и

¹ Тамъ же, стр. 55.

² Тамъ же, стр. 66.

³ Ср. С. Ольденбургъ, Новыя книги о Тибетѣ, II, ЖМНП, 1907, № 9, отд. 2, особенно стр. 253 и 263.

царица и великая княгиня вышла изъ саней, и царь и вел. кн. взявъ царицу за руку, шелъ съ нею тою же лѣстницею въ грановитую палату. . . . А въ то время на аргамака сѣлъ конюшій, бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ, и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника въ то время какъ государь былъ въ сѣнникѣ, съ голымъ мечемъ, а на царицыно мѣсто въ сани сѣлъ ясельничій Богданъ Глѣбовъ и отвезъ на конюшню. То же повторилось и на свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича: «сѣлъ на аргамака конюшій бояринъ Иванъ Васильевичъ Морозовъ и поѣхалъ къ сѣннику, и ѣздилъ около сѣнника въ то время, какъ государь былъ въ сѣнникѣ, и всю ночь съ голымъ мечемъ»¹. Остановлюсь на этой мелкой, повидимости, подробности: какъ только царица выходила изъ саней, ея мѣсто сейчасъ же занималъ бояринъ. Ради чего это дѣлалось? Мнѣ кажется, что здѣсь повторенъ мотивъ, намъ уже извѣстный: когда младенца берутъ изъ люльки, туда кладутъ ножницы, безъ этой предосторожности злой духъ можетъ поселиться въ люлкѣ и причинить младенцу вредъ. Подобное же явленіе надо видѣть и здѣсь. Если сани, на которыхъ пріѣхала невѣста въ церковь, оставить пустыми, то въ нихъ водворится злой духъ и на обратномъ пути новобрачной во дворецъ причинить ей вредъ, испортить ее.

Тоже самое приходится сказать и относительно царскаго аргамака; его нельзя держать свободнымъ, потому что на него сядетъ злой духъ съ цѣлью воспользоваться женихомъ для своихъ злыхъ умысловъ на обратномъ пути; а опасность для жениха въ данномъ случаѣ, какъ сейчасъ увидимъ, была еще болѣе серьезная, чѣмъ для невѣсты.

Отъ кого оборонялъ конюшій бояринъ новобрачныхъ въ брачную ночь? Конечно, какъ показываетъ вся обстановка, не отъ людей, для этого охрана въ лицѣ одного боярина была бы слишкомъ ничтожной, а отъ другой, невидимой напасти². И на этотъ разъ Востокъ поможетъ намъ разобраться въ данномъ дѣлѣ.

Можно было бы ограничиться замѣчаніемъ, что бояринъ оберегаетъ новобрачныхъ отъ навожденій злой силы; но мы имѣемъ возможность ближе подойти къ рѣшенію вопроса. Бѣда угрожаетъ исключительно жениху, а не невѣстѣ. По шамаанской демонологіи, не вполне до насъ дошедшей, есть существо опасное для жениха. Подробными свѣдѣніями объ этомъ существѣ мы обязаны В. А. Гордлевскому, который нашелъ ихъ въ суевѣріяхъ османскихъ турокъ³. Въ числѣ зловредныхъ духовъ (джинновъ), подстерегающихъ человѣка, турки признаютъ *Алг-карысы*, это — джиннъ жен-

¹ Сахаровъ, Сказанія, кн. VI, стр. 80, 81, 92.

² См. Е. Г. Кагаровъ, О знач. нѣкот. русскихъ свадебныхъ обр., стр. 647.

³ В. А. Гордлевскій, «Изъ османской демонологіи» (Этнографическое Обзорѣніе; Москва, 1914, № 1—2, стр. 23—28).

щина; у нея волосы спутанные и спускаются до пятъ, руки тоненькія, какъ пальцы, на нихъ всего два пальца. Она жадно глядитъ на роженицъ и жениховъ, къ роженицамъ она является подъ видомъ бабки и, улучивъ удобный моментъ, похищаетъ сзади легкое. Къ женихамъ она подступаетъ подъ видомъ матери или родственницы и старается похитить у нихъ печень, которая, слегка поджареная, составляетъ для Аль-карысы самое любимое лакомство. Съ Аль-карысы можно бороться и уберечь отъ нея, какъ роженицу, такъ и жениха, для чего необходимо принять надлежащія мѣры. Аль-карысы боится иголки (колющее) и если около роженицы кладутъ иголку, то Аль-карысы боится уже подойти къ постели роженицы; а если смѣло продѣтъ иголку сзади въ полы Аль-карысы, когда она пробирается за легкимъ, такъ она, будто зачарованная, останется въ домѣ и будетъ работать служанкою, а можетъ сдѣлаться женою хозяина. Однажды мужъ спросилъ такую жену: «Отчего это вы ѣдите печенъ роженицъ и жениховъ? . . . вы не знаете жалости. . . . ну какъ можно убивать жениха накануне свадебной ночи?» Аль-карысы отвѣтила: «разъ въ недѣлю всѣ мы, наши отцы, матери, родственники, собираемся въ одно мѣсто, гдѣ-нибудь на окраинѣ города. Одинъ разводитъ огонь, а другіе разбредаются по городу. Кому удастся захватить окровавленную печенъ, — несетъ ее къ костру; тогда, чуть-чуть поджаривъ, мы ѣдимъ наполовину сырую печенъ и веселимся». Далѣе Аль-карысы добавила: если взять угольевъ, на которыхъ жарилась печенъ, мелко истолочь ихъ и дать выпить человѣку, у котораго три-четыре часа тому назадъ была вынута печенъ, онъ опять оживетъ. Мужъ прослѣдилъ за своей женой, собралъ угольевъ и на обратномъ пути услыхалъ въ одномъ домѣ материнскія причитанья надъ покойникомъ: «Ахъ, птенчикъ ты мой, такъ и не достигъ ты своего желанія, пришлось тебѣ умереть въ свадебную ночь!» Этотъ человѣкъ оживилъ покойника, вливъ ему въ ротъ раствора угольевъ, на которыхъ жарилась его же, покойника, печенъ.

Это сообщеніе представляетъ особенный интересъ. Не смотря на исламъ, у османскихъ турокъ сохранились обрывки древнихъ шаманскихъ вѣрованій, конечно, не въ первоначальной чистотѣ; но сущность совершенно ясна. Нельзя сомнѣваться, послѣ приведенныхъ свѣдѣній, что и у насъ нѣкогда была распространена въ народѣ вѣра въ существованіе злого духа, стремившагося причинить вредъ жениху въ брачную ночь, что этотъ злой духъ боялся остраго или колющаго предмета и бѣжалъ отъ него, что опасность ограничивалась одною только ночью и въ дальнѣйшей охранѣ не представлялось надобности. Если мы примѣнимъ эти объясненія къ описанію царской свадьбы, то тѣ обряды, которыхъ я коснулся здѣсь, полу-

чать надлежащій смыслъ и яркое освѣщеніе. Что подлинный смыслъ обнаженнаго меча въ нашихъ обрядахъ утратился, можно видѣть у Сахарова же въ главѣ: Нарядъ, какъ охранять домъ и все жилое у молодаго князя (стр. 109). «Да дать ясельничему булатной мечъ, чтобы съ тѣмъ мечемъ караулить клѣтъ, гдѣ будетъ опочивать князь съ княгиней, чтобы не учинили какого лиха». Т. е. здѣсь имѣются въ виду лихіе люди, а не духи.

І. А. Орбели сообщилъ мнѣ, что у кавказскихъ армянъ и теперь сохраняется обычай, въ силу котораго, при возвращеніи новобрачныхъ изъ церкви, у дверей дома становится «крестный братъ» (*хачебайр* — лицо, держащее надъ брачующимися крестъ во время вѣнчанія) и держитъ *обнаженную* шашку горизонтально поперекъ двери; новобрачные должны пройти подъ этою шашкою и только они одни. При этомъ на порогѣ со стороны мужа кладется тарелка, которую онъ разбиваетъ ударомъ ноги. Мѣстами (напр., въ Делижанѣ, Казанскаго уѣзда) этотъ обрядъ совершается у входа въ храмъ, тогда тарелка отсутствуетъ. То же наблюдается и у грузинъ, по крайней мѣрѣ тифлисскихъ. Шашка въ данномъ обрядѣ препятствуетъ злему духу прослѣдовать за новобрачными въ ихъ домъ, какъ это явствуетъ изъ всего предшествовавшаго изложенія; символическое значеніе разбиваемой тарелки понятно безъ поясненія.

Если бы потребовать развить тему о боязни злыхъ духовъ остраго оружія, то недостатка въ матеріалѣ не встрѣтится. Не желая загромождать статью подробностями, я всетаки приведу еще одинъ примѣръ. Казанскій татаринъ Каюмъ Насыровъ отмѣтилъ, что у мѣстныхъ татаръ существуетъ повѣрье, что джинны боятся желѣза, а потому тѣ татары, которые въ это вѣрятъ, кладутъ подъ постель топоръ или какое либо другое орудіе¹. Помимо свойства желѣза, устрашающаго злого духа тѣмъ, что изъ металла можно приготовить оружіе, здѣсь придется обратить вниманіе не столько на металлъ, сколько на острый предметъ, изъ него сдѣланный. Злой духъ настолько боится остраго орудія или оружія, что не рискнетъ приблизиться къ такому опасному мѣсту, оставить молодыхъ въ покоѣ, а больше ничего и не требуется².

Доминиканецъ Вильгельмъ Рубрукъ, посѣтившій въ Монголіи ханшу Коту, видѣлъ тамъ слѣдующее колдовство: четыре меча, извлеченные изъ

¹ «Повѣрья и обряды Казанскихъ татаръ». (Зап. Р. Г. О. по отд. Этнографіи, т. VI, Спб. 1880, стр. 255).

² Почему бы эту идею объ острыхъ и колющихъ предметахъ не перенести и на нашъ *осиновый колъ*, который вбиваютъ въ могилу колдуновъ? И въ такомъ случаѣ обычай получиль бы подходящее освѣщеніе. Подобное существуетъ и у бурятъ, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ. Были въ Балаганскомъ вѣдомствѣ случаи, когда при похоронахъ черной шаманки, возбудившей противъ себя ненависть народа, поступали слѣдующимъ образомъ: въ

ноженъ до половины, оберегали больную, одинъ у изголовья ложа ея, другой у подножія, а два другіе по одному съ обѣихъ сторонъ входа¹.

Итакъ, въ старинной русской свадьбѣ долго, до половины XVII ст., удерживались языческіе, т. е. шаманскіе обряды, имѣвшіе въ свое время надлежащій смыслъ. Соблюдались ли эти обряды сознательно или бессознательно, иначе говоря, по традиціи, для меня существеннаго значенія не имѣетъ. Какъ называлось у насъ вредное существо, которое угрожало жениху; какъ народъ представлялъ это существо въ своемъ воображеніи и какія придавалъ ему свойства, — это, повидимому, останется тайной; но идея, повторяю, должна быть общей съ турецкой идеей, воплощенной въ Аль-карысы².

Не встрѣтилъ я такого духа и у бурятъ, у нихъ имѣется нѣчто иное, а именно *Охинъ хара тэнгэри* (Черная дѣвица), которая насылаетъ разныя болѣзни людямъ и скоту, особенно она поражаетъ женщинъ и мужчинъ безплодіемъ и насылаетъ всякія болѣзни половыхъ органовъ³.

Г. А. Орбели сообщилъ мнѣ, что на свадьбѣ, на которой онъ присутствовалъ въ 1911 г. въ Моксѣ, въ Ванскомъ вилайетѣ, передъ тѣмъ, какъ жениху отправиться въ церковь, послѣ освященія его платья, священникъ заперъ ключемъ небольшой (висячій) замочекъ, отдалъ его жениху, а ключъ сохранилъ у себя; присутствующіе объяснили, что это дѣлается для того, чтобы кто нибудь, питая злобу къ жениху, не «связалъ» его такимъ же, или инымъ, способомъ и тѣмъ самымъ не лишилъ бы его мужской силы: второй разъ уже связать нельзя, и священникъ такимъ образомъ предохраняетъ жениха отъ злой силы; по минованіи установленнаго срока, по «снятіи вѣнцовъ», священникъ вернетъ ключъ новобрачному и тѣмъ разрѣшитъ его.

гробѣ изъ осины положили шаманку внизъ лицомъ; потомъ вырыли глубокую яму, въ которую опустили гробъ, осиновыми кольями пригвоздили шаманку къ землѣ, придавили осиною (дерево нечистое по понятію бурятъ) и засыпали землею. (М. Н. Хангаловъ, «Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ». Зап. Вост.-сиб. отд. Р. Г. О. по Этнографіи, т. II, в. I, стр. 85—86).

¹ Русскій переводъ А. И. Маленна, стр. 132.

Я намѣренно избѣгаю европейской ученой литературы по намѣченной темѣ, потому что мой методъ иной, вполне самостоятельный, не навѣянный ни чѣмъ вліяніемъ, и мои положенія всѣ основаны на шаманскомъ культѣ. Но если бы я хотѣлъ въ томъ или иномъ случаѣ опереться на авторитетъ западныхъ ученыхъ, это не составило бы значительнаго труда. Такъ, для значенія обнаженнаго меча въ связи съ чародѣйствомъ въ древнихъ классическихъ мифахъ, самъ собою напрашивается Комментарій Э. Нордена на Энеиду Вергилія (P. Vergilius Maro. Aeneis Buch VI, erklärt von Eduard Norden. Leipzig, 1903, S. 162, 201—202).

² Замѣчу, что тонкія руки Аль-карысы не чужды и нашимъ мифологическимъ представленіямъ. Во Владимірской губерніи русалкамъ приписываютъ руки тощія и холодныя. Д. К. Зеленинъ, «Очерки русской мифологіи». Петрогр. 1916, стр. 133.

³ М. Н. Хангаловъ, «Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ», Зап. вост.-сиб. отд. Р. Г. О. по Этнографіи, т. II, вып. I, Иркутскъ, 1890, стр. 14.

Злые духи боятся также звона металла, потому что и страшныя для нихъ острия орудія звенятъ. Этимъ легко объясняется пришиваніе къ плащу шамана металлическихъ предметовъ, издающихъ сильный звонъ. Тамъ находятся мѣдные колокольчики, желѣзные изображенія звѣрей и птицъ и т. п., помѣщается и желѣзный лучокъ съ наложенною стрѣлкой; онъ имѣетъ цѣлью отпугивать отъ камлающаго шамана злыхъ духовъ¹.

III. При похоронныхъ обрядахъ стрѣла также примѣняется у народовъ сѣверо-восточной Азіи. Указаніе на это далъ Хангаловъ.

Когда покойника у сѣверныхъ бурятъ доставляли къ мѣсту сожженія, одну стрѣлу изъ колчана покойника выстрѣливали назадъ; при возвращеніи эту стрѣлу брали съ собой въ домъ. Этотъ обычай сохраняется до нынѣ у Кудинскихъ бурятъ при похоронахъ шамана².

На этотъ разъ Хангаловъ не далъ намъ никакихъ объясненій этому обряду; возможно, что и сами буряты утратили смыслъ его и совершаютъ его по традиціи. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ переднемъ пути стрѣляютъ назадъ съ цѣлью отогнать злого духа, который, по примѣру свадьбы, слѣдуетъ за похоронной процессіей сзади. Что стрѣлу брали затѣмъ въ домъ, это вызывалось, конечно, шаманской демонологіей, но ближайшее значеніе стрѣлы въ послѣднемъ случаѣ неясно.

Разберемся въ собранномъ матеріалѣ. Мы видѣли, что присутствіе стрѣлы въ обрядахъ понималось и объяснялось различно. То она являлась *символомъ любви*, очевидно подъ вліяніемъ греческаго Эрота, и отсюда выводили, что она *освящала* брачный союзъ; то ее считали *знаменіемъ плодородія*, на что не было уже никакихъ основаній. Въ шаманскихъ обрядахъ стрѣла замѣнялась ножомъ, а на сколько извѣстно, ножъ никакого отношенія къ любви не имѣетъ, поэтому и стрѣла у народовъ сѣв.-вост. Азіи никогда не служила символомъ любви. Какимъ образомъ стрѣла, въ свое время страшное оружіе, причинявшее людямъ смерть въ грозныхъ размѣрахъ, могла олицетворять любовь, мнѣ совершенно непонятно. Если бы стрѣла служила символомъ любви, то слѣдовало бы ожидать, что такой много знаменательный предметъ будетъ находиться въ рукахъ жениха, а между тѣмъ у жениха-то стрѣла никогда и не бываетъ; ею дѣйствуетъ обыкновенно дружка или кто-либо другой изъ свадебной свиты.

Это мы рассмотрѣли объясненія европейскихъ ученыхъ, перейдемъ къ азіатскимъ. Начнемъ съ толкованія, что стрѣла означаетъ *душу человека*. По шаманскимъ вѣрованіямъ духъ можетъ вселиться въ любой предметъ,

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 50.

² М. Н. Хангаловъ, «Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ» (Этногр. Обзор., 1891, № 3, стр. 164).

напримѣръ въ знамя, можетъ сдѣлаться оборотнемъ; но чтобы стрѣла сближалась, хотя бы символически, съ человѣческой душою, на это въ шаманствѣ нѣтъ не только указаній, но и никакихъ намековъ. Если стрѣла символизируетъ *увеличеніе* женою *потомства* мужа, то казалось бы, что полезнѣе воткнуть въ столбъ не одну стрѣлу, а нѣсколько, хотя бы сотню, вѣдь это ничего не стоитъ. Да и самый способъ дѣйствія туруши, характеризующійся стремительностью и какъ-бы угрозой, показываетъ, что здѣсь нѣчто иное, чѣмъ символика души. Къ тому же допускаемая замѣна стрѣлы ножомъ говоритъ не въ пользу Хангалова. Его же объясненіе, что стрѣла замѣняетъ отсутствующаго жениха, тоже не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Почему стрѣлѣ предоставлена такая честь, когда для замѣны отсутствующаго жениха можно прибѣгнуть къ болѣе наглядному и болѣе понятному способу? Напримѣръ, извѣстны случаи, когда вмѣсто настоящаго жениха съ невестой идетъ его замѣститель-мальчикъ. За то очень цѣнно сказанное мимоходомъ замѣчаніе, что безъ стрѣлы на мѣсто жениха пойдетъ духъ; только Хангаловъ не пояснилъ намъ, въ чемъ тутъ дѣло, а между тѣмъ нѣтъ никакой трудности дать надлежащее толкованіе. Какъ у колыбели младенца стрѣла отгоняетъ злого духа, такъ и здѣсь она производитъ то же дѣйствіе. Такимъ образомъ мы подошли къ разрѣшенію вопроса во всемъ его объемѣ. Стрѣла, какъ острый, колющій предметъ, подобно иглѣ, ножу, топору, саблѣ, мечу, копьё, а также колючему растенію, наводитъ страхъ на злого духа. Въ этомъ единственно и заключается свойство стрѣлы и ея значеніе въ обрядахъ, ничего другого въ ней нѣтъ, ни человѣческой души, ни плодородія, ни тѣмъ болѣе любви, только одинъ страхъ. Какъ только человѣкъ попалъ на эту мысль, онъ легко и просто порѣшилъ съ мучившими его вопросами о происхожденіи болѣзней, о разныхъ напастьяхъ въ жизни и успокоился. Все это находилось въ прямой зависимости отъ шаманской демонологіи.

Какъ только мы свойство стрѣлы устрашать и отгонять злого духа примемъ за основаніе, то присутствіе ея въ обрядахъ сейчасъ же станетъ обязательнымъ, устранить всѣ другія произвольныя толкованія. Стрѣла отгоняетъ злого духа отъ колыбели младенца, это—понятно. Когда туруши втыкаютъ стрѣлу въ хойморъ тэнги, устанавливаемый между очагомъ и семейною кроватью, то дѣлается это съ цѣлью отогнать злого духа отъ новобрачныхъ въ первую ночь брака, т. е. съ простою практическою цѣлью, а вовсе не для символика души и не для умноженія потомства. Понятно намъ раздѣленіе косы у невесты стрѣлою. Нѣжныя и слабыя существа, неспособныя къ сопротивленію, какъ дѣти и молодыя женщины, нуждаются въ защитѣ отъ нечистой силы; положеніе невесты особенно опасно; злой

духъ старается причинить ей вредъ, «испортить», непрочъ даже похитить невѣсту. Раздѣленіе косы является однимъ изъ первыхъ приемовъ приготовления дѣвицы къ новой, супружеской жизни и потому теперь же необходимо закрыть злему духу подступъ къ невѣстѣ стрѣлою. Мотивъ все одинъ и тотъ же. Помимо того невѣстиной косѣ угрожаетъ какая-то опасность, которую надо устранить. Въ бурятскихъ сказаніяхъ мышъ отгрызаетъ женскую косу и уноситъ ее¹. На Востокѣ женщины привѣшиваютъ къ косамъ колокольчики и металлическіе предметы, быть можетъ не только ради украшенія, а и въ традиціяхъ охраны.

Стрѣлы св. Себастьяна въ западной Европѣ, на которыя мнѣ указалъ Б. Л. Богаевскій, и которыя изготовлялись во время эпидемическихъ болѣзней, имѣли, по моему мнѣнію тоже значеніе устрашенія, какое присуще имъ и въ восточной Азіи, только подъ христіанскимъ оттѣнкомъ. И европейцы думали такимъ средствомъ отогнать холеру, чуму и другія злыя силы.

Проф. Е. Г. Кагаровъ, въ своемъ изслѣдованіи «О значеніи нѣкоторыхъ русскихъ свадебныхъ обрядовъ»², оченъ близко подошелъ къ рѣшенію вопроса о сущности предохранительныхъ мѣръ на свадьбѣ, и только осталось сдѣлать послѣдній шагъ, чтобы дать надлежащее освѣщеніе тому или другому обряду. Въ самомъ дѣлѣ: почему стрѣльба, напримѣръ, имѣла апотропейческій, т. е. отвращающій характеръ, какъ это признаетъ цѣлый рядъ ученыхъ? Чтобы такое толкованіе не казалось произвольнымъ, слѣдовало выяснитъ, на чемъ оно основано. Отвращающій характеръ стрѣльбы не есть ея первоначальное свойство, а лишь дальнѣйшее его развитіе, вытекающее изъ того, что всякій острый, колющій, рѣжущій металлическій и даже деревянный предметъ страшенъ злымъ духамъ, которые не осмѣливаются къ нему приближаться. Отсюда вытекаетъ, какъ логическое слѣдствіе, то положеніе, что подобный *устрашающій* предметъ долженъ имѣть *отвращающее* значеніе, слѣдовательно, изслѣдователи, остановившись на второй стадіи, никакого произвола не совершили, только они не дошли до первой. Я не рѣшился бы назвать такіе обряды «религіозно-магическими»; подобные громкіе термины совсѣмъ не къ лицу дѣтски наивнымъ вѣрованіямъ младенствующаго человѣчества. Не такъ просто обстоитъ дѣло съ обрядомъ раскрыванія стрѣлою покрывала новобрачной. Здѣсь намъ придется обратиться въ область суевѣрій о дурномъ глазѣ.

Вѣра въ дурной глазъ есть явленіе общераспространенное и сильно укоренившееся въ людяхъ съ глубокой древности вплоть до образованнаго

¹ Е. Г. Кагаровъ уже отмѣтилъ, что длинные, развѣвающіеся волосы особенно доступны пагубному воздействию демоновъ. Стр. 649.

² Извѣстія Акад. Наукъ, 1917 г., № 9.

Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXV.

общества нашихъ дней, и всегда, и вездѣ принимались, а равно принимаются и теперь разныя мѣры предосторожности противъ сглаза. Насколько дурной глазъ отравлялъ существованіе человѣка, можно видѣть изъ обширнаго труда Зелигманна, собравшаго поразительно богатый и разнообразный матеріалъ о дурномъ глазѣ. Авторъ — глазной врачъ въ Гамбургѣ заинтересовался данной темой съ исторической стороны и далъ этому явленію свои объясненія, которыя, по моему мнѣнію, не принадлежать къ числу приѣмлемыхъ¹.

Б. В. Фармаковскій въ статьѣ «Живопись въ Пальмирѣ»² объяснилъ рисунокъ, изображающій глазъ, на который устремлены острые орудія (мечъ, гвозди), а также хищныя животныя, птицы (пѣтухъ) и гады (змѣя, тарантулъ и два скорпіона)³. Такой рисунокъ имѣлъ значеніе амулета противъ колдовства и дурного глаза, гибельныя вліянія котораго устраняются окружающими глазъ изображеніями. На мусульманскомъ востокѣ боязнь сглаза, который извѣстенъ тамъ подъ арабскимъ названіемъ *назар* نظر, что значитъ *взглядъ* и *дурной глазъ*⁴, развита до болѣзненности и вызвала разнообразную систему амулетовъ. Тамъ туземцы объясняютъ пользу амулетовъ тѣмъ, что человѣкъ, обладающій дурнымъ глазомъ, сперва взглянетъ на амулетъ, отразитъ на немъ свою злую силу, а потомъ посмотритъ на самое существо уже обезвреженнымъ окомъ⁵. Такое объясненіе не можетъ быть принято потому, что нѣкоторые амулеты отъ сглаза зашиваются въ одежду и не могутъ быть видимы посторонними людьми⁶.

Лицо невѣсты до извѣстнаго момента скрыто отъ присутствующихъ покрываломъ и когда настаетъ время раскрыть покрывало, всѣ взоры присутствующихъ, а можетъ быть и злой силы, устремятся на новобрачную. Тутъ-то и грозитъ ей бѣда отъ сглаза; однако, стрѣла принесетъ пользу, устрашая все вредное для женщины. Конечно, стрѣла направлена не противъ молодой, а въ защиту женщины, чтобы на пути къ ней отразить злое начало во взглядахъ⁷.

¹ Der böse Blick und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte des Aberglaubens aller Zeiten und Völker. Von Dr. S. Seligmann. 2 B. Berlin, 1910.

² Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, VIII, София, 1903.

³ Подобный рисунокъ помещенъ у Зелигманна на обложкѣ и въ текстѣ (II, 117).

⁴ Это слово *назар* извѣстно и у насъ въ южной Россіи, и напрасно проф. П. О. Сумцовъ производитъ его отъ славянскаго глагола *назирать*, откуда — *назорь*. («Культурныя переживанія», К. 1890, стр. 233).

⁵ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 131.

⁶ Записки Одесск. общ. Ист. и Др., т. XXV (1904), смѣсь, стр. 17.

⁷ И ребенка оберегаютъ отъ сглаза. Когда у бурятской женщины родится ребенокъ, она долго не показывается никому на глаза, и въ юрту, гдѣ находится она съ новорожденнымъ, не допускается никто изъ постороннихъ, въ особенности женщины. Полгода послѣ

Профессору А. А. Дмитриевскому посчастливилось въ Малороссіи ознакомиться съ рукописью, въ которой между прочими «чинами» помѣщенъ «чинъ скриванія новобрачныхъ», совершаемый въ Малороссіи и въ настоящее время. Сущность обряда, какъ видно изъ статьи г. Дмитриевскаго, заключается въ томъ, что на другой день послѣ вѣнчанія новобрачныхъ ведутъ въ церковь, гдѣ священникъ, во время особаго богослуженія, надѣваетъ на новобрачную покрывало изъ полотна или кисей. Женихъ въ этомъ обрядѣ самостоятельной роли не играетъ¹. Послѣ того въ домѣ новобрачныхъ исполняется обрядъ «разстрѣливанія новобрачной», этотъ обрядъ не помѣщенъ въ «чинѣ» и переданъ мнѣ профессоромъ Дмитриевскимъ устно по личнымъ наблюденіямъ въ Черниговской губерніи. Новобрачную, скрытую покрываломъ, сажаютъ на почетное мѣсто, въ уголь, и мальчикъ, родственникъ ея, бросаетъ одинъ за другимъ нѣсколько камешковъ въ стѣну вокругъ головы молодой и затѣмъ раскрываетъ покрывало *заостренной* палкой, очевидно, за неимѣніемъ въ настоящее время стрѣлы.

По замѣчанію Г. Н. Потанина, нашъ народъ убѣжденъ, что свадьбы подвержены большимъ приключеніямъ, и дружка долженъ умѣть отвращать эти несчастія; каковы бываютъ «приключенія», можно увидѣть въ статьѣ этого автора².

По тѣмъ же соображеніямъ стараются отогнать злого духа отъ покойника и отъ участниковъ похоронной процессіи, такъ какъ на похоронахъ злымъ духамъ предстоитъ поживиться богатой добычей. Однимъ словомъ, шаманистъ былъ постоянно озабоченъ борьбой съ невидимымъ, но враждебнымъ ему міромъ, чтобы предупредительными мѣрами избѣжать катастрофы въ видѣ болѣзни или преждевременной смерти.

Надѣюсь, изъ всего изложеннаго будетъ понятно, почему стрѣлу иногда замѣняютъ ножомъ или саблею³. Если колючее растеніе, какъ шиповникъ, гонитъ прочь злого духа, то ножъ своимъ острымъ лезвіемъ еще болѣе страшенъ злымъ духамъ и, пожалуй не уступитъ стрѣлѣ; теоретически онъ даже равносильнъ съ нею; но въ практическомъ отношеніи стрѣла

того, какъ родился ребенокъ, около юртъ стоятъ сторожевыя зек—березки съ протянутыми на нихъ нитками, ленточками или кусками невода, и при видѣ этихъ зекъ ни одинъ бурятъ, ни одна бурятка не войдутъ въ юрту. (Ольхонъ, хозяйство и бытъ бурятъ Еланцинскаго и Кутульскаго вѣдомствъ. Составилъ П. Е. Кулаковъ. Зап. Р. Г. О. по отд. статистики, т. VIII, в. I, СПб. 1898, стр. 35).

¹ См. журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей». Т. I, Кіевъ, 1885, стр. 41—50.

² «Юго-западная часть Томской губерніи» (Этнографическій Сборникъ, издаваемый Рус. Геогр. Общ., вып. VI, СПб. 1864, стр. 144).

³ Если человекъ давитъ кошмаръ, «хара дарна», Халхасцы кладутъ подъ подушку на ночь саблю. (Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, стр. 100). О значеніи сабли см. у Ибрагимова, стр. 123.

имѣть то преимущество, что ею можно поражать враждебныхъ духовъ на значительномъ разстояніи, а потому она и должна была занять первенствующее мѣсто въ борьбѣ съ злымъ началомъ.

Кромѣ указанныхъ случаевъ стрѣла примѣняется и при другихъ обрядахъ, уже подвергшихся вліянію буддизма. У Дюрбютовъ во время жертвоприношенія огню хозяинъ, вынувъ мясо изъ котла, колеблетъ имъ въ воздухѣ и читаетъ молитву, держа въ рукѣ «сумынъ» (стрѣлу), т. е. палочку съ пятью наконечниками, къ которымъ привязаны «пять цвѣтовъ», т. е. тряпочки пяти цвѣтовъ¹.

Аларскіе буряты во время жертвоприношенія огню ставятъ подлѣ огня ведро со сметаной, въ которое опущена стрѣла (уткэ); эта сметана поѣдается въ теченіе трехъ дней, и во все это время стрѣла остается въ ведрѣ².

Идея устрашенія злого духа какимъ либо символическимъ знакомъ или предметомъ очень распространена и въ наше время. Дюрбюты на двери въ юртѣ вѣшаютъ кость бутё чумыкъ, къ которой привязываютъ «бу», деревяшку; въ этой кости, украшенной деревяшкою, находятъ сходство съ человѣкомъ, стрѣляющимъ изъ ружья (ружье-бу); этотъ снарядъ будто бы отпугиваетъ отъ юрты читкура³ (духъ, похищающій ребенка).

Исчерпать всѣ случаи, когда пользовались стрѣлой при совершеніи обрядовъ, теперь трудно; но и то, что доступно, не должно быть упущено. У бурятовъ, во время общественной облавы на звѣрей, *зэгэтэ-аба*, производилась расправа съ виновными, нарушившими правила облавы. Сильно провинившихся устраняли отъ дѣлежа добычи или пускали въ нихъ стрѣлы, снявъ острые наконечники, или, наконецъ, ломали надъ преступникомъ стрѣлу, что считалось самымъ позорнымъ наказаніемъ⁴.

И здѣсь стрѣла необходима своимъ устрашающимъ свойствомъ. Это такъ естественно и въ тоже время просто, что становится страннымъ, почему до сихъ поръ никто не далъ этого объясненія.

Н. Веселовскій.

¹ Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, стр. 90.

² Тамъ же, стр. 91.

³ Г. Н. Потанинъ, Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 132. На основѣ этой идеи и нашъ народъ въ крещенскій сочельникъ изображаетъ или выжигаетъ на притолкѣ дверей крестъ чтобы отогнать дьявола отъ жилища.

⁴ М. Н. Хангаловъ, «Зэгэтэ-аба». Изв. вост.-сиб. отд. Р. Г. О. т. XIX, № 3, Иркут., 1888, стр. 8.

О первоначальной формѣ купола Ахтамарскаго храма.

Корректурa этой статьи была мнѣ возвращена послѣ просмотра въ октябрѣ 1918 года Яковомъ Ивановичемъ Смирновымъ, за нѣсколько дней до его смерти. Свѣтлой памяти его посвящаю эту работу.

Храмъ св. Креста на островѣ Ахтамарѣ, на Ванскомъ озерѣ, выдающееся значеніе котораго въ исторіи не только армянскаго искусства, но и искусства восточно-христіанскаго вообще, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого термина, уже неоднократно отмѣчалось и, повидимому, признается теперь всѣми, посвятившими свои силы изученію византійскаго и даже русскаго искусства, до сихъ поръ главнымъ образомъ привлекалъ къ себѣ вниманіе тѣми богатѣйшими рельефами, которыми сплошь покрыты его стѣны снаружи¹.

Между тѣмъ, и въ отношеніи архитектурномъ, и по плану и по различнымъ особенностямъ конструкціи, церковь эта должна была бы быть поставлена въ одинъ рядъ съ наиболѣе выдающимися памятниками Арменіи, и матеріалъ для сужденій по этому вопросу, правда, очень скудный, сталъ доступенъ уже давно². Именно одной изъ такихъ чертъ, характеризующихъ Ахтамарскій храмъ, какъ памятникъ совершенно исключительный въ ряду другихъ армянскихъ храмовъ, и посвящается настоящая замѣтка³.

¹ Только сегодня, 2 іюня 1921 г., сдавая на машину къ печати свою статью, я имѣлъ возможность просмотрѣть проспектъ новаго обширнаго труда І. Стшиговскаго, *Die Baukunst der Armenier und Europa*, въ которомъ, кажется, должное вниманіе удѣляется и архитектурѣ Ахтамарскаго храма, не только его рельефамъ.

² Впрочемъ точный его планъ изданъ лишь въ 1913 г. въ трудѣ W. Bachmann, *Kirchen und Moscheen im Armenien und Kurdistan*. Л. 1913.

³ Я имѣю въ виду издать особо приготовленное мною еще весной 1912 г. подробное описаніе Ахтамарскаго храма и его рельефовъ, со включеніемъ всѣхъ надписей, находящихся на островѣ; печатаніе этой работы я до сихъ поръ откладывалъ въ надеждѣ побывать еще разъ на Ахтамарѣ и пополнить свое описаніе и снятые мною въ 1912 г. фотографіи.

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ рельефовъ, украшающихъ снаружи церковь, — изображеніе строителя церкви, Васпураканскаго царя Гагика Арцруни, наглядно представляющее торжественный нарядъ армянскаго царя первой половины X вѣка и передающее даже рисунокъ ткани.

Рельефъ этотъ находится на западной стѣнѣ западнаго крыла храма, къ сѣверу отъ окна, противъ находящагося къ югу отъ того же окна рельефа Спасителя.

Въ исторіи Оомы Арцруни, въ одномъ изъ двухъ очерковъ, посвященныхъ церкви св. Креста¹, находимъ упоминаніе объ этомъ рельефѣ, при описаніи фасада западнаго крыла храма:

...մանահան ճշգրտութեամբ յաւրինեալ է (ճարտարապետ Մանուէլն) ընդ դէմ Փրկչին և զխոազարգ սատկեր արքային Գագկայ որ մեծապարծ հաւատով բարձեալ ունի զեկեղեցին ի վերայ բազկացն, իբրև զսափորն ոսկի լի մանանայիւն, և իբրև տուփ մի ոսկի անուշահոտութեամբ լցեալ. կայ առաջի Տեան կերպարեալ այնպէս՝ որպէս թէ թողութիւն խնդրեցէ մեղաց:՝²

«...съ портретной точностью изобразилъ (архитекторъ Мануэль) противъ Спасителя и украшенное славой изображеніе царя Гагика, который съ великой вѣрой подъялъ церковь на руки³, какъ золотой сосудъ, полный манной, или какъ золотой ларецъ, наполненный благовоніями; изображенный такъ, пребываетъ (царь) передъ Господомъ, какъ бы прося объ оставленіи грѣховъ».

Дѣйствительно, изображеніе Гагика если не является портретнымъ (оно слишкомъ грубо), то во всякомъ случаѣ содержитъ не одну индивидуальную черту, указывающую на стремленіе мастера изобразить не чело- вѣка вообще, а опредѣленное лицо. Это особенно замѣтно, если сравнить рельефъ Гагика съ рельефами, изображающими различные ветхозавѣтныя сцены и даже съ рельефами армянскихъ князей, мучениковъ Саргиса и Амазаспа, умершихъ задолго до изсѣченія ихъ рельефовъ. Разумѣется, наиболѣе индивидуальныя черты носить не лицо, а нарядъ царя, его мантия и, особенно, корона. Но въ данный моментъ насъ интересуетъ не изображеніе самого царя, а та модель построенной имъ церкви, которую царь держитъ на локтевой части лѣвой руки.

¹ Оставляю сейчасъ въ сторонѣ вопросъ о согласованіи этихъ двухъ отрывковъ, быть можетъ — результата компіляции двухъ сочиненій, вошедшихъ въ составъ исторіи, въ полномъ объемѣ приписываемой по традиціи Оомѣ Арцруни.

² Оома Арцруни, К-поль, стр. 335.

³ Բազուկ — локтевая часть руки.

Модель эта выполнена въ чрезвычайно высокомъ рельефѣ, такъ что полностью показаны не только западное крыло крестообразной церкви, но и лицевыя, сѣверная и южная, стороны боковыхъ крыльевъ. Модель невелика, нижняя площадь ея имѣетъ съ С. на Ю. — 0,42 м., съ В. (отъ руки) на З. — 0,25 м., высота южнаго фасада 0,49, общая высота съ куполомъ — 0,63 м.; но, несмотря на это, вся модель въ общемъ вполне выдержана и правильна, архитектурныя формы сохранены; не разработаны и потому не точны лишь верхнія части башенокъ, помѣщенныхъ въ углахъ креста, и уменьшено число ступеней imposta: представлены лишь двѣ ступени.

На модели видны всѣ три глубоко врѣзанныя двери, сѣверная, западная и южная; надъ дверьми, въ согласіи съ дѣйствительностью, показаны глубоко врѣзанныя среднія окна фасадовъ, надъ которыми видны наличники съ отходящими концами, въ видѣ \sim . По сторонамъ дверей вырѣзаны треугольныя ниши, увѣнчанныя такими же, какъ у оконъ, наличниками. Перекрытіе крыльевъ храма, съ фронтонами, и угловыхъ частей, надъ башенками, согласно съ дѣйствительностью.

Въ виду такой точности модели особый интересъ пріобрѣтаетъ верхняя часть модели, — барабанъ и куполь. Барабанъ представленъ восьмиграннымъ, причѣмъ видны лишь семь граней; на граняхъ барабана показаны пять оконъ, сѣверное, сѣверо-западное, западное, юго-западное и южное. Такимъ образомъ, изображеніе барабана существенно упрощено; въ дѣйствительности граней шестнадцать, съ восемью окнами, такъ что число граней уменьшено на половину, а число оконъ и ихъ размѣщеніе сохранены согласно дѣйствительности. Вокругъ барабана внизу представленъ карнизъ.

Наиболѣе существенное отличіе модели отъ нынѣшняго вида самого храма представляетъ покрытіе купола, не пирамидальное, не коническое, а, совершенно опредѣленно, — полусферическое; это ясно видно и на снимкѣ В. Бахманна¹ и, особенно, на фотографіи Е. А. Лалаяна², и на моемъ снимкѣ. Въ верхушкѣ купола, западная часть которой отбита, благодаря чему особенно ясно видна на снимкахъ полусферическая форма покрытія купола, выдолблено вертикальное гнѣздо, несомнѣнно служившее для укрѣпленія въ немъ креста, вѣроятно металлическаго³.

¹ Bachmann, тбл. 39.

² В. Ասլաջեան. Աղթամարի սուրբ Խաչ վանքը (Աղթ. հանդ., XXII) и отд. отт.: Վասպուրականի նշանակուր վանքեր, Ա սրահ, табл. [3].

³ Поврежденіе купола произошло, очевидно, при извлеченіи этого креста, быть можетъ золоченнаго, изъ гнѣзда; оно было причинено, какъ мнѣ сообщалъ въ 1912 г. одинъ изъ членовъ монастырской братіи, грабителями, искавшими будто бы внутри модели скрытаго

Въ настоящее время куполь церкви св. Креста имѣетъ покрытие не полусферическое, а пирамидальное; такимъ образомъ, модель, какъ я старался подчеркнуть, — вполне точная, вѣроятно представляетъ первоначальный видъ храма, позже подвергшагося частичной перестройкѣ. Трудно предположить, чтобы, хорошо передавъ даже менѣе важныя части храма, мастеръ искажилъ такую существенную черту, значенія которой онъ не могъ не сознавать, — тѣмъ болѣе, что это не могло быть вызвано стремленіемъ облегчить или упростить работу, чѣмъ, единственно, объясняется уменьшеніе на модели числа ступеней imposta и числа граней барабана, послѣднихъ — просто въ силу необходимости.

Вопросъ о первоначальной формѣ купола Ахтамарской церкви св. Креста, пріобрѣтаетъ особый интересъ и даже, я бы сказалъ, особую остроту, въ виду того, что, по крайней мѣрѣ — въ позднѣйшей перспективѣ, та или другая, полусферическая или пирамидальная (или коническая), форма покрытия можетъ являться чертой, опредѣляющей и догматическую принадлежность строителей къ византійскому халкедонитству или армянскому антихалкедонитству. Первое время послѣ того, какъ я убѣдился въ столь существенномъ отличіи модели отъ храма, мнѣ даже казалось, что форма покрытия купола модели можетъ служить указаніемъ на ромейское, происхожденіе архитектора Мануэла, одного изъ тѣхъ мастеровъ, которые принадлежали по словамъ Өомы Арцруни къ разнымъ національностямъ (*յամեհ նայն ազգաց*).

Такая моя поспѣшность въ сужденіи можетъ объясняться тѣмъ, что, потому ли что ихъ не было вовсе, потому ли что они всѣ были перестроены, — намъ неизвѣстенъ ни одинъ полусферическій куполь на армянской церкви, въ предѣлахъ Арменіи. Поэтому, если даже совершенно отказаться отъ преувеличенія значенія первоначальной формы купола церкви св. Креста для выясненія вопроса о національности или исповѣданіи ея строителя, полусферичность купола Ахтамарскаго храма ни въ какой мѣрѣ не теряетъ своего интереса.

Въ связи съ этимъ большое получаетъ для насъ значеніе одна изъ немногочисленныхъ надписей церкви св. Креста и, безспорно, наиболѣе интересная изъ нихъ, даже въ томъ обрывочномъ видѣ, въ какомъ она до сихъ поръ была извѣстна. Сохранность этой надписи настолько плоха, что Н. Саргисянъ¹ смогъ прочесть лишь нѣсколько отдѣльныхъ словъ (чтеніе Е. А. Лалаяна² отличается отъ чтенія Саргисяна только тѣмъ, что въ

сокровища; любопытно, что въ своихъ поискахъ они будто бы руководствовались приведеннымъ выше «указаніемъ» историка Өомы Арцруни. Мнѣ кажется, мой освѣдомитель заблудился, относя поврежденіе модели къ недавнему времени.

¹ Տեղադրութիւնք ԿՆ., 277.

² Лалаянъ, 210, отд. отт. 18.

его изданіи не сохранено раздѣленіе строкъ и текстъ напечатанъ строчными буквами); тѣмъ не менѣе, было ясно, что надпись эта относится къ куполу храма; въ изданіи Саргисяна надпись читается такъ:

... ԽԱՐՀԱԿԱԼ ԹԱԳԱ

ԻՈՐՈՒԹԵ...

ՀԱՅԿԱԶԵԱՆ

... ՅԻ ԶԳՈՒՄԵԷԹ

... ՀԱՅՈՅ

Упомянутое въ этой надписи о куполѣ побудило меня съ особеннымъ вниманіемъ отнести къ ней, и, при благопріятномъ освѣщеніи, мнѣ удалось, хотя и съ большимъ трудомъ (я не располагалъ лѣстницей), прочесть весь сохранившійся текстъ надписи.

Надпись находится на южной стѣнѣ восточнаго крыла церкви, вверху, подъ фризомъ.

Вся надпись очень испорчена, такъ какъ камень промытъ водою и выѣтрился, а правая сторона надписи (т. е. концы строкъ) не сохранилась вовсе: тутъ вставленъ новый камень, судя по ширинѣ котораго, въ каждой строкѣ недостаетъ по 10—12 буквъ. Надпись довольно крупными, хорошо вырѣзанными буквами, читается такъ:

ՅԱՇԽԱՐՀԱԿԱԼ ԹԱԳԱ ԻՈՐՈՒԹԵՆ

ԱՆԻՆԵԻ Ի ՀԱՅԿԱԶԵԱՆ ԱՌՈՒԱԿԱՆԻՍ: Զ

ԱՆՈՍՀԱՅՈՅԿԱՌՈՂԿ ՈՒԹԵՐՈՐԴԱՄԻՆ

ԻԹԵՐՈՆ: ՎԵՄՄՄՄՄ ՆՈՐՈԳԵՅԻԶԳՈՒՄԵԷ

ՍՄՄԽԱԶԻՍԶՈՐԷՐՇԻՆԵԱԼԻԶԻՍԱՆ

ԳԱԳԻԿԱՌԱԳԱ ԻՈՐՀԱՅՈՅ: ՈՎՈ

ՔՅԻՇԵՍ ՔԻՅՐ

ՅԱՇԽԱՐՀԱԿԱԼ ԹԱԳԱ ԻՈՐՈՒԹԵԱՆԵՆ | ... ԱՆԻՆԵ ԵՐ Ի ՀԱՅԿԱԶԵԱՆ ԱՌՈՒԱԿԱՆԻՍ ... ԵՍ
ՍՍԵՓՂԱՆՈՍ ՀԱՅՈՅ ԿԱՌՈՂԿՈՍ ԳՅՈՒԹԵՐՈՐԴ ԱՄԻՆ ԴԱՅՐԱՊԵՏՈՂԻԹԵԱՆ ԻՍՈ ՎԵՐՍԻՆՆ
ՆՈՐՈԳԵՅԻ ԶԳՈՒՄԵԷԹՈՍ ԴՈՒՐԵՐ ԽԱԶԻՍ ԶՈՐ ԷՐ ՇԻՆԵԱԼ Ի ՀԻՍԱՆԻՑԻ ԳԱԳԻԿ ԹԱԳԱ ԻՈՐ
ՀԱՅՈՅ: ՈՎ ՈՐՐ ԿԱՐԳԱՅԻՔ ՅԻՇԵՍՁԻՐԻ Ի ՏԷՐ:

«Въ миродержавное царствованіеана, въ лѣто армянскаго лѣто-счисленія . . . , я владыка Стефанъ, католикосъ Арменіи, въ восьмой годъ моего патріаршества возобновилъ куполъ и кровлю сей церкви святого Креста, которую построилъ отъ основанія Гагикъ, царь Арменіи. Кто прочтете, помяните во Господѣ».

Характеръ и размѣры работъ, произведенныхъ Стефаномъ съ бѣльшею точностью опредѣляетъ ахтамарскій синодикъ¹. Послѣ упоминанія о католикосѣ Давидѣ, сынѣ Абдулмусеѣа, сообщается.

«А послѣ владыки Давида, (сѣлъ) владыка Григорій, а послѣ владыки Григорія владыка Стефанъ Отрокъ, который выстлалъ плитами куполь (церкви) св. Креста и исправилъ (сдѣлалъ) двѣнадцать камней съ южной стороны св. Креста»...².

Время возобновленія купола не можетъ быть опредѣлено на основаніи одной только надписи, такъ какъ совершенно неясно, о какомъ католикосѣ Стефанѣ идетъ рѣчь и не сохранилось имя «міродержавнаго царя». Но, такъ какъ въ томъ же синодикѣ послѣ «юнаго католикоса Стефана» упоминаются, какъ его преемники на Ахтамарскомъ престолѣ Захарія, Давидъ, Нерсесь и Захарія, претерпѣвшій мученичество въ Востанѣ въ 1396 г., возобновленіе купола приходится присвоить тому католикосу Стефану, отъ котораго до насъ дошли на Ахтамарѣ еще двѣ надписи.

Первая изъ нихъ находится на большомъ крестномъ камнѣ, вложенномъ въ южную стѣну притвора (дарабаса).

ՄԻ: 22Թ: ԵՍՏՐՍՏԵՓՍ. ՆՈՍԱ. ԹՈՌԱ. ԿԱ. ԼԱ. Գ. ԹԱ. ՄԱ.
 ԲԱ. ՅԱ. ԶԳԱ. ԲԱ. ԲԾՐՈՒՆԻ: ԿԱ. ՆԳ. ՆԵՅԻԶԻԱ. ԶՍԲԱ. ԲԵՒԱ. ԲԱ.
 ՈՒ. ԾԻՆԶԵՒՄԱ. ԲԻՄՈՅԹԱ. ԳՈՒՀՈՅԵՒ. ԲՈՒՐՈՉԻՄՈՅ
 ՆՈՒՐԻԽԱ. ԹՈՒՆԻ: ԵՒ. ԲՈՒՐՈՉԳՍՏԵՐԻՄՈՅ ԲԵՒՈՒԱ. ՆԳ
 ԶԻ: ԵՒԱ. ՍԼԱ. ՆՍԵԼԻ. ԲԻ: ՈՐ. ԲՀԱ. ՆԻՊԻ. ԲՅԻՇԵՅԵ. ԲԻ. ԲՄ

ԲԾՐՈՒՆԻ, 22Թ ԵՍ ՏԵՐ ՍԵՓՍԱՆՈՍ Ա. ԹՈՌԱ. ԿԱ. ԼԱ. Գ. ԹԱ. ՄԱ. ԲԱ. ՅԱ. ԶԳԱ. ԲԱ. ԲԾՐՈՒՆԻ ՎԱՆԳ. ՆԵՅԻ ԶՍԱԶՍ ԲԱՐԵՒԱԲԱ ԱՌ ՈՒ ԾԻ ԻՆԶ ԵՒ ՄԱՒԲ ԲՄՈՅ ԹԱ. ԳՈՒՀՈՅ ԵՒ ԲՈՒՐՈՉ ԲՄՈՅ ՆՈՒՐԻԽԱ. ԹՈՒՆԻ ԵՒ ԲՈՒՐՈՉ ԳՍԵՐ ԲՄՈՅ ԲԵՒԱ. ՆԳ. ԶԻ ԵՒ ԱՍԼԱՆ ՄԵԼԻ. ԲԻ: ՈՐ. ԲՀԱ. ՆԻՊԻ. ԲՅԻՇԵՅԵ. ԲԻ. ԲՄ

«Лѣта 789, я, владыка Стефанъ, престолодержецъ Ахтамара, родомъ Арцруни, поставилъ сей крестъ, ходатай передъ Богомъ за меня и мать мою Тагуһи и сестру мою Нури-хатунъ и племянницу мою (по сестрѣ) Ревандузъ³ и за Асланъ-мелика. Кто посѣтите, помяните во Христѣ».

¹ Синодикъ, содержащій въ началѣ рассказъ о построеніи Ахтамара (по Өемѣ Арцруни), сохранился въ двухъ спискахъ; одинъ изъ нихъ, которымъ я пользовался въ Ахтамарѣ и списалъ, представляетъ собою палимпсестъ, свитокъ пергамента, спитый изъ листовъ большой рукописи, первоначально писанной въ два столбца; списокъ поздній. Второй списокъ, 1824 г., изданъ архим. Месропом (Максудяномъ) и представляетъ мало отличій отъ моей копии (см. *Հաւարարանի անուանց կաթողիկոսաց Աղթամարայ*, Эчмиадзинъ, 1916).

² Такъ въ моемъ спискѣ. Въ изданіи же архим. Месропа говорится о 13 камняхъ (назв. соч., стр. 38).

³ Я не увѣренъ въ правильности моего чтенія этого имени.

Вторая изъ этихъ надписей находится на камнѣ, лежащемъ около скалы, недалеко отъ берега, въ сѣв.-вост. части острова¹.

ԻԹՈՒԻԶՂԷ

ՎԱՂՃԱՆԵՅՍԻՍՏԱՊՍՏԱՍԷՐԶԱՅՐ

ՏՏԵՏ ՐՍՏԵՓՍՆՈՍԿՍԹՈՂԻԿ

ՈՍՍԵՆՍՆԶԱՅՈՅՈՅՍՉԳՍԻՍՏՐԹՐՈՒՆԻ

ՈՂՈՐՄՈՒԹՆՍԹՈՒԱԿԻՅ

ԱՐՍՍՅԷԶՆԱՍՐԲՈՅԶԱՅՐ

ԱՊԵՏԱՅՆԱՍԷՆ

Ի ԹՈՒԻ ԶՂԷ | ՎԱՂՃԱՆԵՅՍԻՍ ԵՂՔՍՍՍԵՐ ԶԱՅՐՐԱՊԵՏԸՆ ՏԷՐ ՍՏԵՓՍՆՈՍ ԿՍԹՈՂԻԿՈՍ
ՍՍԵՆՍՆԵ ԶԱՅՈՅ ԱՉԳՍԻ ՍՐԹՐՈՒՆԻ: | ԳԲԲՍՈՒՐ ԱՅՅՈՂՈՐՄՈՒԹՐԵՆՆ ԱԹՈՒԱԿԻՅ |
ԱՐՍՍՅԷ ԶՆԱ ՍՐԲՈՅ ԶԱՅՐՐԱՊԵՏՍՆԵ ԱՍԷՆ:

«Въ лѣто 797 скончался нищелюбивый патріархъ владыка Стефанъ, католикось всей Арменіи, родомъ Арцруни. Милость Бога да сдѣлаетъ его сопрестольникомъ святыхъ патріарховъ. Аминь».

Такимъ образомъ, возобновленіе купола церкви св. Креста Стефаномъ должно относиться къ первой половинѣ XIV вѣка; точнѣе дату опредѣлить не удастся, такъ какъ мнѣ не извѣстенъ годъ помазанія Стефана.

Впрочемъ, среди списанныхъ мною на Ахтамарѣ надписей есть одна, которая могла бы очень помочь въ этомъ вопросѣ, но, къ сожалѣнію, я не увѣренъ, какъ надо читать первую букву ея даты, Չ или Ռ (буквы, въ смѣшанномъ письмѣ весьма сходныя по начертанію), такъ что эта надпись можетъ относиться къ 1617 или къ 1317 году; ни фотографіи, ни эстампажа у меня нѣтъ.

Надпись находится на скалѣ мыса, гдѣ стоитъ церковка св. Саргиса. Надпись не закончена.

ԻԶԳՁՍՄԻՆԶՍՏԵՓՍՆՈՍՆ

ԵԴՍՔԿՍԹՂՍԵԲՆՈՅՆԱՍ

ԻՆԳՐԳԻՆՎԱԶՃԱՆԵ

ՅԱԲԵՍՆՈՒՍՍՅՅՎՆՍ

ՆՅԻՆԱՐԲՍՆ

ԵՍԿ

¹ Надпись эта была напечатана Лалаяномъ, 210 (отд. отт., 18).

Ի 242 ԱՄԻՆ ԶՍԵՓԱՆՈՍԻ | ԵԳԱՔ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍ ԵՒ ՆՈՅՆ ԱՄԻՆ ԳՐԻԳՈՐԻՍԻ ՎՍՀՀԱՆ
ՆԵՅԱԲ: ԵՍ ՆՈՒՍՍ ՅՈՎԱՆԵՍ | ՆՈՂՅԻՆ ԱՐԲԱՆԵՍԿ...

«Въ годъ 766 поставили мы католикосомъ Стефана п въ томъ же году скончался Григорисъ. Я убогій Ованэсъ, ихъ воспитанникъ». . . .

Если эта надпись дѣйствительно относится къ нашему Стефану, что весьма вѣроятно, такъ какъ и тому предшествовалъ на престолѣ Григорій, то возобновленіе купола датируется совершенно точно — 1325 годомъ.

«Міродержавнымъ царемъ» названъ былъ по всей вѣроятности Османъ I, или Урханъ.

Если эти соображенія правильны, то весь текстъ надписи долженъ читаться такъ:

ՅԱՆՅԱՐԶՈՒՄ | ԹՎԳԱՒՈՐՈՒԹԵԱՆՆ | ՄԻՐԶԱՆԻՆ (ՄԹՄԱՆԻՆ) ԵՒ Ի ԶԱՅԿԱԶՆԵԱՆ
ԹՈՒԱԿԱՆԻՍ 1242 ԵՍ ՍԵՓԱՆՈՍ ԶԱՅՈՅ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍ (ՅՈՒԹԵՐՈՐԳՒ ԱՄԻՆ ԸԱՅՐԱՊԵ-
ՏՈՒԹԵԱՆ ԻՄՈ ՎԵՐՍԻՆԻՆ ՆՈՐՈԳԵՅԻ ԶԳՈՒՄԵԹԹՈՍ ՄՈՒՐԵՐԻ ԽԱԶԻՍ ԶՈՐ ԷՐ ՇԻՆԵԱՄ Ի
ՀԻՄԱՆՅԻ ԳԱԳԻԿ ԹՎԳԱՒՈՐ ԶԱՅՈՅ: ՈՎ. ՈՐ ԿԱՐԳԱՅԻՔ ՅԵՆԵՂԻՐԻՔ Ի ՏԷՐ:

Размѣры починокъ, произведенныхъ Стефаномъ въ южной стѣнѣ, на которыя указываетъ синодикъ, могутъ быть установлены изученіемъ кладки въ ея нынѣшнемъ видѣ; присутствіе новыхъ камней въ верхнемъ, «виноградномъ», фризѣ именно по сосѣдству съ надписью Стефана — несомнѣнно.

І. Орбели.

Къ вопросу о происхожденіи племенныхъ названій „этруски“ и „пеласги“.

«Стану сказывать я сказки . . . ». И не пора-ли перейти къ нимъ? Не достаточно-ли пройденной нами школы, чтобы сказкамъ Геродотовскимъ придавать больше значенія въ смыслѣ реальности, чѣмъ въ теплицахъ выношеннымъ культурно-историческимъ построеніямъ?

§ 1. Въ Академію Наукъ, именно въ Отдѣленіе Историческихъ Наукъ и Филологіи, 10-го марта я вошелъ съ двумя предложеніями: одно изъ нихъ—приглашеніе удина въ помощь мнѣ для работъ по удинскому языку, другое — командировка моя для этрускологическихъ занятій въ предѣлы древней Этруріи.

Первое предложеніе также имѣетъ отношеніе по существу къ этрусскому вопросу. Я имѣю пока въ виду не столько то, что говорится въ упомянутомъ предложеніи о формальномъ сродствѣ удинской рѣчи съ этрусскимъ языкомъ по образованію мн. числа¹.

Для насъ болѣе важно сейчасъ повторить здѣсь то, какъ «эчміадзинскій монахъ арменистъ Галусть Тер-Мыкыртчянъ предполагалъ, что этиунскій языкъ имѣетъ въ халдскомъ языкѣ надписей ванскихъ царей, что въ современной удинской рѣчи—ключъ къ опредѣленію языка названныхъ эпи-

¹ Кореннымъ признакомъ мн. числа, плавнымъ показателемъ «множественности, удинскій языкъ входитъ въ одинъ кругъ съ основнымъ «рейскимъ» слоемъ абхазской рѣчи (-га), со сванскимъ языкомъ (-аг) и «рейскимъ» (въ быту называемымъ ново-армянскимъ) языкомъ арменійской группы (-е-аг > -ег || 1-г)», и «въ кругъ яфетическихъ языковъ съ тѣмъ же признакомъ мн. числа вступаетъ и этрусскій, насколько плавный г и въ немъ появляется показателемъ множественности, притомъ чаще всего въ формѣ -ur, наиболее близкой къ удинской разновидности -ог», да и безъ измененія въ видѣ -ur, также наблюдаемой въ нѣкоторыхъ удинскихъ формахъ мн. числа. Такіе морфологические факты имѣютъ быть умножены, но дѣло не въ нихъ.

графическихъ памятниковъ»; утверждение было нѣсколько преувеличенное, но, будучи безспорно яфетическимъ, удинскій языкъ не въ столь скрещенной формаци, тогда этіунскій, современникъ надписей ванскихъ царей и генетически явно родственнѣй съ ихъ языкомъ, не могъ не имѣть опредѣленныхъ отношеній съ языкомъ урартскаго населенія Ванскаго района, откуда урартцы были оттѣснены и на западъ, и на сѣверъ, на сѣверъ именно халдами, какъ оттѣсненъ на сѣверъ и удинскій народъ изъ Этіуни, лежавшей въ бассейнѣ Аракса и на Севанскомъ озерѣ, въ районъ лезгинскаго населенія, къ побережью Каспійскаго моря¹.

Наконецъ, удины для насъ важны въ качествѣ живого примѣра того, какъ историческій народъ съ высоты положенія несокрушимаго врага мірового государства могъ пасть въ ничтожество, въ населеніе двухъ селъ Бакинскіи губерніи, приманку сосѣдящихъ народовъ для того, происходящаго уже на нашихъ глазахъ, процесса «поглощенія», которое безслѣдно скрыло отъ насъ физически и въ живой реальности этрусковъ. Можно себѣ представить, какъ великъ долженъ былъ быть размахъ культурнаго существованія этрусковъ, оставившихъ намъ все-таки памятники и вещественные и словесные своей общественной жизни и слѣды своей жизни въ анналахъ не только сосѣдей, міровыхъ народовъ Средиземноморскаго населенія, когда похороненный безъ единой строки эпитафій въ двухъ селахъ и заживо забытый исторіею удинскій народецъ при вниманіи къ реаліямъ современной и погасшей кавказской жизни вырастаетъ въ безспорно большаго героя, творца общественныхъ цѣнностей, матеріальныхъ и духовныхъ, если не вчерашняго, то позавчерашняго дня.

Что касается предложенія объ этрусскомъ языкѣ, сводившагося къ мотивировкѣ ходатайства о командировкѣ моеи въ Этрурію, то позволю себѣ повторить его здѣсь цѣликомъ съ нѣкоторыми дополнительными утвержденіями явной для непосвященныхъ въ наши матеріалы рискованности, удержавшей меня отъ внесенія ихъ въ дѣловое обоснованіе поѣздки; ей больше мѣста въ докладываемой сегодня сказкѣ.

«Въ числѣ проблемъ яфетическаго языкознанія стоитъ вопросъ объ этрусскомъ языкѣ. Къ нему я подходилъ еще на студенческой скамьѣ, когда въ моемъ распоряженіи и со стороны яфетидологическихъ знаній были весьма ограниченныя данныя съ кругозоромъ грузиновѣда. Затѣмъ

¹ Нужно-ли оговориться, что ассирійцы продолжали называть Урарту Ванское царство, уже халдское, по традиціи, какъ почти весь міръ до сего дня продолжаетъ называть современное населеніе Арменіи армянами, тогда какъ давно въ ней мѣсто армянъ заняли хаи, какъ именуютъ себя обитатели названной страны съ момента возникновенія ихъ христіанской письменности. Урартцевъ этнически надо отличать отъ халдовъ, урартцы предшествовали имъ, халдамъ, авторамъ ванскихъ клинообразныхъ надписей.

неоднократно возвращался къ нему по мѣрѣ нарастанія и теоретическихъ положеній и факгическихъ данныхъ по яфетичеекимъ языкамъ. Послѣдній разъ я взялся за тотъ же вопросъ въ 1911-мъ году, когда я работалъ по командировкѣ отъ Академіи Наукъ въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ я не разставался съ нимъ, насколько позволяли другіе научныя работы и текуція занятія. Правильнѣе будетъ сказать, отвлекаемый новыми научными исканіями второстепеннаго значенія, а иногда и вовсе не научными дѣлами, я невольно возвращался къ этрусскому вопросу, какъ одному изъ основныхъ и наиболѣе существенныхъ для кавказовѣда по мѣрѣ того, какъ внутренній процессъ яфетидологическихъ занятій въ своемъ развитіи вынуждалъ ставить, независимо отъ этрусскаго, вопросъ объ этно-культурныхъ взаимоотношеніяхъ яфетическаго населенія кавказскаго края съ племенами внѣ-кавказскаго міра, не-яфетическими или яфетическими. Съ вопросомъ этимъ стоятъ въ связи не только хетскій и халдскій лингвистическій вопросы, слѣдовательно, и эламскій древній и позднѣйшій, но и древности Передней Азіи, опредѣляемая часто расширенно пользуемымъ терминомъ «хеттскія», а по вскрывшимся слѣдамъ ихъ вліянія въ памятникахъ матеріальной культуры Юга Россіи и Южно-русская археологія. И все-таки это нахожденіе этрусскаго вопроса чуть-ли не въ центрѣ большихъ этнологическихъ проблемъ и разнообразныхъ историко-культурныхъ научныхъ исканій могло и не вторгаться въ планъ моихъ кавказовѣдныхъ занятій, если бы не рядъ обстоятельствъ. Въ числѣ этихъ обстоятельствъ указывалось мною на то, что на смѣну «Яфетическимъ элементамъ въ языкахъ Арменіи» я приступаю къ печатанію новой серіи яфетидологическихъ работъ, въ которыхъ будутъ выясняться яфетическіе элементы въ греческомъ языкѣ. Эти мелкія лингвистическія разысканія связаны, какъ бы старательно этого не избѣгать, не только съ проблемою объ отношеніи пеласговъ къ эллинамъ, но и объ образованіи вообще эллинской націи въ процессѣ скрещенія съ неаріоевропейскимъ іонійскимъ племенемъ, причемъ въ освѣщеніи яфетидологическихъ данныхъ самъ актъ скрещенія могъ совершиться на кавказской или при-кавказской почвѣ, въ томъ районѣ Черноморскаго побережья, который извѣстенъ впоследствии, въ историческія эпохи, развитіемъ колониальной жизни грековъ, какъ бы обратно плывшихъ къ тѣмъ же берегамъ прародины, а въ доисторическія эпохи эллинскаго національнаго самосознанія—богатымъ наборомъ мѣоовъ и сказаній, связывающихъ Грецію съ Кавказомъ. Предварительный серьезный пересмотръ этрусскаго вопроса настоятеленъ именно съ точки зрѣнія яфетидологическихъ знаній и наблюденій».

На кавказовѣдномъ пути яфетидолога этногенической вопросъ объ элли-

пахъ въ указанной перспективѣ вырастаетъ въ зависимости отъ неустрашимыхъ матеріаловъ; какъ иначе охарактеризовать то положеніе, когда съ одной стороны племенное названіе haу || qau или съ именнымъ префиксомъ а-qau объединяетъ народъ, населявшій сѣверо-восточное побережье Черноморья, съ населеніемъ Арменіи и населеніемъ Греціи не по простому лишь созвучію¹, а въ связи съ лингвистическими фактами, устанавливающими наибольшую связь языковъ Арменіи съ яфетическими языками того же района — адигейскимъ, абхазскимъ и сванскимъ, съ какими у греческаго языка улавливаются очень яркіе случаи общности лингвистическаго матеріала въ такихъ словахъ, какъ гр. ψυχή *душа*, ἀδελφός *братъ* и др. Съ удержаніемъ, какъ въ этническомъ терминѣ а-qau (Ἀχαιοί), адигейско-абхазскаго именного префикса а-, ἀδελφός, первоначально ἀδελφεός, основой повторяетъ адигейскій составной терминъ родства -deh-qw, *братъ*, собственно первую его часть deh ← *delh, въ которой адигейскій спирантъ h находится въ такомъ же соотношеніи съ греческимъ звукомъ φ, какъ арм. спирантъ h въ словѣ haуг *отецъ* съ инд.-евр. p въ pater². Терминъ у грековъ появляется и безъ префикса а-: δελφός, слово же греческое ψυχή *душа*, въ которомъ лингвисты усматривали основу ψ̄ сь «сравнительно новымъ образовательнымъ элементомъ χ», находитъ свой двойникъ опять таки въ адигейскомъ -pse *душа* и абхазскомъ φsə (съ префиксомъ — а-φsə) *душа*, причемъ признанный лингвистами индоевропейцами «сравнительно новый образовательный элементъ χ» есть извѣстный яфетическій функциональный согласный q для образованія pl. tantum и вообще именъ, показатель множественности q.

Любопытно, что въ выраженіи обоихъ понятій и армянскій языкъ проявляетъ параллельную измѣну общеаріоевропейскимъ терминамъ или въ матеріалѣ или въ формѣ. «Братъ» на обоихъ языкахъ Арменіи принялъ форму e-ğbaуг, но не въ силу лишь законовъ исторической или сравнительной фонетики аріоевропейской фонетики на почвѣ Арменіи, а по адаптаціи къ народно-психологической потребности мѣстной яфетической среды со словомъ e-qubag || me-qubag, означавшимъ *брата* и сохранившимся въ сванскомъ въ рядѣ природныхъ его терминовъ сроднаго значенія, а также по

¹ Есть гипотеза отождествленія ахайцевъ съ эолийцами Hoffmann'a (см. Thumb, Handbuch der griechischen Dialekte, стр. 70, § 74), но по этимологіи Hoffmann'a Ἄχαιοί = Λύγολος (такъ же и Fick) получается уродливая анатомія, а не лингвистическій анализъ.

² Л. Г. Лопатинскій, указавшій на созвучіе адигейскаго слова съ греческимъ, повидимому, не подозревалъ его составности (Русско-каб. Словарь, СМ, XII, отд. II, стр. 11). Индоевропейцы и лингвисты греческое слово готовы сопоставить (Prellwitz, Et. Wb. 1892, s. v.) съ др.-инд. sá-garbhya-s «братъ», даже произвести отъ него (L. Meyer, Hb. d. gr. Et. s. v.: «Vom altind. gorbha-s weicht das gleichbedeutende Sefori nur im Suffix ab»).

усвоению изъ сванскаго и въ грузинскомъ, гдѣ *me-gobaq* значитъ *товарищъ, другъ*, изъ семейнаго понятія ставъ соціальнымъ. Начальный гласный въ армянскомъ *e-*, появляющійся и въ видѣ *a-*, есть не безразличная фонетическая представка для благозвучія, а яфетическій морфологическій элементъ, префиксъ *e- || a-*, равнозначущій префиксу *me- || ma-* и его многочисленнымъ разновидностямъ.

Терминъ *eḡbaug братъ* по природѣ принадлежитъ, очевидно, тому изъ двухъ языковъ Арменіи, который находится въ болѣе тѣсной связи со сванскимъ, именно рейскому языку, языку Арменіи, дожившему до нашихъ дней и внѣ письменности. Основа армянскаго слова для понятія *душа andə* (*andə-ən*) есть, наоборотъ, природное достояніе именно древне-литературнаго языка Арменіи, кейскаго языка, находившагося въ особо тѣсной связи съ кейскимъ слоемъ абхазскаго: представляя форму съ абхазо-адигейскимъ префиксомъ *a-*, эта древне-литературная основа *andə* восходитъ къ архетипу **a-mse → *amze*, діалектической разновидности абхазскаго *a-φsə*. Какъ будто, выходитъ такъ, что звукъ *χ* въ греческомъ *ψυχή*, дѣйствительно, «сравнительно новый образовательный элементъ»; на яфетическомъ востокѣ въ составѣ эквивалента даннаго слова его нѣтъ, однако въ значеніи души у армянъ три слова, всѣ три яфетическаго происхожденія: одно разобранное уже нами *andə- (andən)* свистящаго типа въ обликѣ абхазо-адигейской нормы, другое, *shund*, усвоенное изъ шипящей группы, слѣдовательно, или чанскаго или мегрельскаго языка, и третье изъ спирантной вѣтви *hog e/1*. Въ послѣднемъ словѣ появляется въ качествѣ образовательнаго элемента тотъ-же показатель множественности *g → q*, разновидность греческаго *χ*, сванскаго типа, собственно спирантнаго.

Гр. *χείρ рука*, находящее соотвѣтствіе въ яфет. *qeg*, съ префиксомъ *me-* въ сванскомъ *me-qeg* *длань, рука* и т. п., причемъ въ армянскомъ древне-литературномъ съ исчезающимъ спирантомъ *her* въ выраженіяхъ *aḡ eḡi y руки, близко, əndəgaḡau (ənd-her-aḡau) ассистентъ*, букв. *стоящій у руки*,—а равно у грузинъ съ утраченнымъ спирантомъ въ послѣлогѣ *-er (her || yer)* и въ значеніи *рукой → орудіемъ, при помощи* и т. п. Мнѣ отлично извѣстно, что *χείρ* діалектизовано въ рядѣ аріевропейскихъ языковъ, далеко впрочемъ не во всѣхъ, но, во-первыхъ, и эти діалектизованныя разновидности отражаютъ соотношенія сравнительной фонетики яфетическихъ языковъ, во-вторыхъ, *qeg, resp. qeg* представитель въ яфетическихъ языкахъ одного лишь спирантнаго типа; имѣются его сибилантные эквиваленты по различнымъ группамъ. Болѣе того, яфетическое языкознаніе вскрываетъ, что съ *χείρ рука* въ греческомъ находятся въ связи и *χρη* *должно* и даже *χάρις милость*, которые индоевропейцамъ кажутся словами

различнаго происхожденія: они усвоены греческой рѣчью въ ея глотогеническую эпоху, каждое съ особымъ значеніемъ, изъ яфетическихъ языковъ, когда въ послѣднихъ они уже были семасіологически дифференцированы.

Два греческіе слова—*ῥόδον* *роза*, и *ῥοιά*, *ῥοά* *гранатовое дерево* также, предполагается, различнаго происхожденія, притомъ для *ῥοιά* = *ῥοά* объясненія нѣтъ, а *ῥόδον* склонны признать заимствованіемъ архетипа **varda*, сочиняемаго для древне-персидскаго на томъ основаніи, что въ томъ же значеніи существуетъ у армянъ *vard* и у сирійцевъ *vardā*¹, между тѣмъ и армянское, и арамейское, да и арабское *vard*, или заимствование или усвоение яфетическаго *vard*, наличнаго въ грузинскомъ и въ формѣ *bagd шиповникъ*; корень этихъ словъ въ двухъ видахъ, стянуто-двусогласно съ губнымъ префиксомъ *ba-* || *va-* → *o-* — *gd* → *gθ*, полностью со слабымъ вторымъ согласнымъ *w* — *wgd*, въ рядѣ разновидностей въ зависимости отъ той или иной характеризованности 3-го коренного, зубного *d*, по свистящей группѣ *t* → *ḏ* → *ḥ* или шипящей *t* → *d* → *θ*, означаетъ *поджигать, раскалять, румянить*, и отъ него произведены и *роза* г. *va-rd*, и *шиповникъ съ красной листвою*, — г. *bard*, и *лоза виноградная* — арм. *o-gθ*, и *гранатъ*, — г. *b-rot* || *m-rot*, причемъ въ спирантной вѣтви третій коренной *t*, имѣвшій переродиться въ *k* — основа *gok*, долженъ былъ быть представленъ на низшей ступени исчезающимъ спирантомъ, и туда примыкаетъ, какъ представитель спирантной разновидности, греческ. *ῥοιά* || *ῥοά* *гранатовое яблоко*. Подробности жизни этого термина по исторіи культуры растений чрезвычайно интересны, интересенъ самъ возвращенный корень².

Точно также индоевропейцы лингвисты *ἄριθμός* *число* и *ῥυθμός* *тактъ, ритмъ*, воспринимая какъ различныя по корнямъ слова, соответственно этимологизируютъ, на самомъ же дѣлѣ это двѣ разновидности одного и того же слова, въ первомъ случаѣ съ пережиткомъ яфетическаго префикса *a-*; и греческая основа *-ριθμ* || *ρυθμ*, означающая *число*, одного происхожденія съ г. *gíθjw* *число*, съ раздвоеніемъ 2-го коренного *ḥ* въ *θj*.

Иное дѣло, когда приходится указывать на общность терминовъ матеріальной культуры, напр. *серебро* — *ἄργυρον* || *argentum* и *вино* — *αἶνος* || *vinum*. Но и въ отношеніи ихъ, допустимъ, позднѣе заимствованныхъ изъ яфетическихъ языковъ, а не усвоенныхъ въ глотогеническія эпохи, мы должны сосчитаться съ тѣмъ, что изъ словъ для понятія *серебро* одно —

¹ Prellwitz, Et. Wb., s. v.

² Дальнѣйшее дослѣдованіе выявитъ, нужно ли отказываться отъ усматриванія показателя множественности въ 3-мъ коренномъ *t* (ср. Н. Марръ, Яф. названія деревьевъ и растений (plur. tantum), стр. 939), но пересмотръ вопроса и переизложеніе фактовъ во всякомъ случаѣ необходимы. Кстати, надо привлечь и г. *brot*-1, занесенное въ глоссаріи Чконіею съ объясненіемъ «темнокрасный гранатъ», Беридзе — «персидскій гранатъ».

ἀργύρου связано съ яфетической лингвистической средой понтійскаго района, а другое — лат. argentum съ яфетической лингвистической средой ванскаго района, хотя оба спирантнаго типа, т. е. греки и римляне получили этотъ терминъ независимыми другъ отъ друга путями изъ различныхъ частей яфетическаго міра: греки съ его сѣвера, а латиняне съ его юга. До сего дня на сѣверѣ яфетическомъ, понтійскомъ, у герцевъ или мегреловъ, пережитковъ колховъ, и лазовъ или чановъ, одноименныхъ со сванами, сохранился терминъ типа греческой разновидности, но съ полной состава коренныхъ — *varǝǝ-ur || *varǝǝ-ir → varǝǝil *серебро*, а на югѣ яфетическомъ, у гибридованныхъ яфетидо-аріоевропейцевъ армянъ, терминъ латинской разновидности — arǝaǝ, чистая основа котораго arǝ распространена и на яфетическомъ сѣверѣ, но при-каспійскомъ. И корень, и суффиксъ, и разновидности основы, и цѣлый рядъ яфетическихъ словъ, происходящихъ отъ того же корня, но означающихъ другія, сродныя, бытовые понятія ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія яфетическое происхождение этого металлургическаго термина, и вторичность формъ, въ какихъ онъ усвоенъ греками и латинянами.

Таково же положеніе съ терминомъ для понятія «вино» у грековъ и римлянъ. Греко-латинская группа здѣсь не раздваивается по источнику, оба слова, и οἶνος, и vinum — изъ одного и того же лингвистическаго района яфетическаго міра, но и здѣсь яфетическіе языки даютъ не только цѣлую семью понятій и словъ того же корня, но и эквиваленты сибилантной вѣтви, какъ напр. по свистящей группѣ twen сокъ (*сочный плодъ* и проч.). Въ кругѣ разновидностей спирантнаго типа яфетическіе языки сохранили трехсогласіе ǝwn: м.-ч. ǝwn-1, картв. (груз.) ǝwn-0, причемъ окончаніе -0, повліявшее на формировку основы слова у грековъ, латинянъ, да и у русскихъ, есть усѣченный видъ суффикса -or, соотвѣтствія по другой группѣ суффикса -al, что на лицо въ сванской разновидности ǝwn-al. И двухсогласный корень vn представленъ у яфетидовъ, какъ самостоятельно, съ потерю носового n въ паузѣ при назализаціи гласнаго 1, такъ ч. v1, уд. fi (Д. = В. f1n-aǝ), удинское же v1n-e *виноградникъ, садъ*, абх. wə (a-wə) и т. д., а съ функціальнымъ показателемъ множественности у мегреловъ v1neǝ-1 *виноградная лоза, виноградникъ*, у чановъ — v1neǝ-1 *виноградная лоза*, у картвеловъ (грузинъ) v1neǝ-1 и *лоза, и виноградникъ*, у свановъ v1neǝ-1 || v1neǝ-1 *виноградная лоза* и т. д., причемъ я не касаюсь разновидностей съ сохраненіемъ именно перваго коренного, какъ напр. у чановъ или лазовъ рядомъ съ ǝwn-1 и ǝwn-1 *вино*, у армянъ ǝwn-1 *вино* и au-g1 *виноградникъ*, букв. *мѣсто вина* или *мѣсто виноградной лозы* и т. п.

Здѣсь могла бы быть рѣчь, какъ и въ вопросѣ о «серебрѣ», о появле-

ни слова у грековъ и латинянъ и не въ качествѣ усвоенія въ этногеническую эпоху, а какъ культурно-историческаго заимствованія. И тогда вопросъ, этрусски ли, имѣющіе это слово въ своей рѣчи въ видѣ латинской формы *vinum*, и пеласги — источники этого заимствованія въ греко-римскомъ мірѣ, или другіе родственные имъ яфетическіе народы. Фактъ лишь то, что и у грековъ, и у латинянъ терминъ взятъ не только изъ одной и той же лингвистической среды, но изъ строго характеризованной слабоспирантной языковой группы яфетическихъ языковъ: были ли передатчиками термина этрусски съ пеласгами или ахаи или другое какое-либо яфетическое племя; естественно, это представляетъ существенной важности деталь для основной проблемы, какъ бы она ни разрѣшилась, причемъ въ числѣ другихъ племенъ не придется выдѣлять іонянъ особо отъ ахейнъ, насколько они носятъ разновидности одного и того же племенного названія: и на Кавказѣ шон'ы (нынѣ сваны), чаны (лазы) съ одной стороны и hon'ы || uon'ы и han || a-ǰai съ другой — разновидности одного и того же этническаго термина, закономерно дифференцированные по нормамъ звуковыхъ соотвѣтствій сибилантной и спираантной вѣтвей, въ каждой же вѣтви дополнительно еще по нормамъ соотвѣтственныхъ группъ, свистящей, шипящей, акающей, окающей и т. д.

Возвращаясь къ предложенію, внесепному мною въ Академію Наукъ, готовъ я повторить и болѣе сдержанную мотивировку моей командировки, именно: «произвести посильно работу по этрусскому вопросу было бы, думаю, желательно и въ томъ случаѣ, если бы мои занятія сводились лишь къ тому, чтобы расчистить путь отъ мало реальныхъ въ цѣломъ гипотезъ С. Бугге о родствѣ этрусскаго съ армянскимъ или Томсена о генетической его связи съ «кавказскими» языками, если бы, вопреки ихъ взглядамъ, я приходилъ къ отрицательному вообще выводу о связи этрусскаго съ яфетическими языками, но намѣчаются болѣе обнадеживающіе, положительные результаты. Работу эту хотѣлось бы мнѣ исполнить въ условіяхъ, въ какихъ обыкновенно я производилъ изысканія надъ яфетическими языками Кавказа, т. е. въ матеріальной средѣ, гдѣ или жива наблюдаемая рѣчь или налицо въ натурѣ памятники и природныя условія, въ которыхъ жилъ «исчезнувшій» въ своей загадочной рѣчи народъ, т. е. въ данномъ случаѣ въ предѣлахъ Эгруріи на Апеннинскомъ полуостровѣ».

Будетъ теперь понятно, почему я не спѣшу сейчасъ изложеніемъ моихъ наблюденій по опредѣленію этрусскаго языка и дѣлюсь лишь предположительными яфетидологическими толкованіями племенного названія *etrusk*. По части произведенныхъ въ этрусскомъ языкѣ наблюденій ограничусь заявленіемъ, что намѣтились въ освѣщеніи яфетидологическихъ дан-

ныхъ разъясненія его фонетики, морфологіи и лексики, насколько языкъ нашелъ выраженіе въ небогатой по содержанію этрусской письменности, но о серьезности усѣха въ опредѣленіи этого загадочнаго языка можно будетъ говорить лишь тогда, когда результаты наблюденій надъ этрусскими эпиграфическими текстами будутъ провѣрены или дополнены наблюденіями надъ этрусскими или иными также яфетическими элементами въ латинскомъ.

Пока, слѣдовательно, попытаемся яфетидологически истолковать терминъ *etrusk*.

§ 2. «По платю встрѣчаютъ, по уму провожаютъ». Это правило народной мудрости весьма кстати вспомнить при нашемъ заданіи. Толкованіе племеннаго названія *etrusk* можетъ имѣть всѣ видимости морфологически научно обоснованнаго и въ этой мѣрѣ убѣдительнаго положенія, но въ такомъ случаѣ признаніе яфетидологическаго анализа удачнымъ должно быть приравнено къ встрѣчѣ по платю. А чтобы стать въ уровень положенія, соотвѣтствующій моменту, когда провожаютъ по уму, надо получить оправданіе морфологическаго платя содержаніемъ термина *etrusk*, т. е. прежде всего природой и особенностями рѣчи, которой говорилъ народъ, носившій это названіе.

Вѣдь могло бы оказаться и такъ, что народъ, допустимъ, яфетическій, утративъ родную рѣчь, былъ носителемъ однихъ антропологическихъ, да развѣ еще устойчивыхъ бытовыхъ признаковъ своего происхожденія или, болѣе того, ничего не сохранилъ отъ своей предполагаемой яфетической природы кромѣ названія, но пока однако все еще существуетъ презумпція, что кавказовѣдъ - лингвистъ, слѣдовательно, яфетидологъ — ожидаемый работникъ-жнецъ для богатой жатвы кавказскихъ, собственно яфетическихъ матеріаловъ въ этрусскомъ языкѣ. Словомъ, настоящее дѣло первой очереди это — выявленіе яфетической природы этрускаго языка. Между тѣмъ къ этой, болѣе существенной сторонѣ вопроса, мы въ освѣщеніи яфетидологическихъ знаній только идемъ, увлекаемые рядомъ фактовъ. Факты, заманивающіе въ этрусскій вопросъ, стали извѣстны независимо отъ насъ. Вопросъ, однако, чрезвычайно сложный и трудный, если даже отвѣтъ и по существу имѣетъ разрѣшиться положительно въ пользу яфетидологіи, точнѣе — въ новое бремя и безъ того обремененныхъ малочисленныхъ яфетидологовъ; онъ гораздо сложнѣе и труднѣе, чѣмъ то рисовалось тѣмъ, которые направляли дѣло или сами направлялись для освѣщенія вопроса къ кавказскому лингвистическому міру, не представляя себѣ, на какое шаткое основаніе вступаетъ изслѣдователь, выбирая для опоры своихъ утвержденій коренные языки Кавказа, яфетическіе, когда онъ беретъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они доступны для использованія безъ историческаго освѣщенія.

Справедливо писалъ еще въ 1896-мъ году англійскій этнологъ Кеане въ общемъ трудѣ своемъ по этнологіи¹: «на Кавказѣ этническія и лингвистическія взаимоотношенія представляютъ бросающійся въ глаза (marked) контрастъ тому, что превалируетъ во всѣхъ прочихъ частяхъ удѣла кавказской расы (of the Caucasian domain). Среди немногихъ сотенъ тысячъ уроженцевъ (natives) этой относительно маленькой горной страны, вѣроятно, большій запасъ (stock) языковъ, чѣмъ среди мириадъ другихъ народовъ кавказской расы (of the Caucasian peoples), разсѣянныхъ по обоимъ полушаріямъ».

§ 3. Трудность вопроса однако не столько въ многочисленности языковъ, какъ ни многочисленны они, сколько въ чрезвычайно сложныхъ генетическихъ взаимоотношеніяхъ, какъ первичнаго атавистическаго, такъ вторичнаго, третичнаго и т. д. гибридизаціоннаго порядка. Эти взаимоотношенія, результаты скрещенія, притомъ часто и съ неяфетическими племенами, сложны до степени затемнѣнія подлинной наслѣдственной природы; они покрываютъ предполагаемую чистоту или цѣльность первичныхъ генетическихъ связей густымъ слоемъ элементовъ, вкладовъ скрещивающихся племенъ и яфетическихъ различной степени родства, и вовсе не яфетическихъ. Реальное положеніе дѣла осложнено не однимъ этимъ расхожденіемъ многочисленныхъ языковъ отъ историческихъ благопріобрѣтеній, усвоенныхъ природно до степени обращенія ихъ въ протогеническіе элементы наравнѣ съ первоприродными для данной рѣчи элементами. Расхожденія яфетическихъ языковъ выявляются и отъ ихъ принадлежности въ наличныхъ формаціяхъ различнымъ періодамъ и эпохамъ языкового творчества. Есть въ однихъ и тѣхъ же языкахъ пережитки первичныхъ языковыхъ формацій или какъ реликтовыея явленія или какъ позднѣйшія усвоенія въ процессѣ скрещенія съ сосѣдними языками полностью соотвѣтственнаго реликтоваго типа. Но есть, что особенно смущаетъ въ первый моментъ, такіе языки, замершіе въ стадіи первичной формаціи и дальнѣйшее свое развитіе получившіе, каковы бы ни были новообразования, въ рамкахъ общихъ нормъ ихъ реликтовой природы. Надо себѣ представить, каковы должны быть расхожденія, когда рѣчь объ оторванныхъ отъ яфетической массы Кавказа отдѣльныхъ племенныхъ языкахъ, въ числѣ ихъ и этрусскомъ, если онъ дѣйствительно яфетическій. Одинъ пройденный имъ путь, совершенный не наѣзднически, а длительнымъ миграціоннымъ путешествіемъ черезъ разноплеменную среду, не могъ не наложить на него особаго отпечатка со внесеніемъ гетерогенныхъ элементовъ, и на содержаніе этрусской племенной единицы, и на ихъ названіе.

¹ Ethnology, Cambridge 1896 (2-ое пересмотрѣнное изданіе), стр. 415.

Естественно при такихъ условіяхъ, если въ наукѣ, стоящей, увы, далеко отъ кавказовѣдныхъ работъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій, даже кавказскіе языки представляются лишь территоріально объединенными, безъ всякихъ узъ родства. Въ общей наукѣ, не отказывающейся ссылаться на кавказскіе лингвистическіе матеріалы, представленіе о положеніи дѣла адекватно той застывшей простотѣ, какую являетъ Кавказъ при взглядѣ на него черезъ призму свѣдѣній письменныхъ источниковъ, классическихъ и восточныхъ, тогда какъ непосредственное вхожденіе въ живую этно-лингвистическую среду вскрываетъ передъ нами картину бурныхъ и мирныхъ передвиженій, перебросовъ, вклиненій, разрывовъ, сдѣпленій, ярусныхъ находеній одного племени на другое, одного языка на другой, сліяній и т. д. Съ такимъ лингвистическимъ матеріаломъ, при отсутствіи историческаго освѣщенія, можно доказать, что угодно, и тѣмъ хуже для положеній, которыя выставляются съ опорой въ этихъ матеріалахъ, принимаемыхъ за нѣчто опредѣленное и прочное, тѣмъ болѣе основанія относиться скептически къ такимъ положеніямъ, вырабатываемымъ наѣзднически.

Но и простой, казалось бы, вопросъ о терминѣ вовсе не такъ простъ и легокъ, какъ то можетъ представиться при первомъ взглядѣ и какъ то рисовалось въ первый моментъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ поставленный вопросъ о происхожденіи термина *etrusk* имѣлъ одно лишь рѣшеніе съ точки зрѣнія яфетидологіи. Учитывая накопленіе яфетидологическихъ знаній съ того времени, мы вынуждены изложить три возможныхъ рѣшенія, включая одно прежнее.

§ 4. Разъясненіе поставленнаго въ заданіи вопроса гипотетическое. Объ яфетическомъ происхожденіи термина *etrusk* рѣчь можетъ быть только въ томъ случаѣ, если не только этруски были яфетиды, но и сосѣдившіе съ ними народы, хотя бы еще одинъ изъ нихъ. Необходимая предпосылка для яфетидологическаго анализа это то, что на Апеннинскомъ полуостровѣ яфетиды были первыми насельниками въ составѣ различныхъ племенъ, каждое со своимъ названіемъ, по крайней мѣрѣ они въ такомъ разноплеменномъ составѣ были вклинены въ аріоевропейское населеніе края съ сѣдыхъ временъ этногенической эпохи, или терминъ привезенъ извнѣ. Естественно, никакое яфетическое племенное названіе не могло возникнуть въ средѣ аріоевропейцевъ. Съ другой стороны, интересующій насъ народъ, извѣстный другимъ, да и намъ подъ названіемъ этрусковъ, самъ себя именовалъ *gasna*, съ бѣглымъ *e*, почему Р. падежъ — *gasnal*.

Нельзя допустить, чтобы первобытный цѣльный по единому, племенному составу народъ называлъ себя двумя названіями. Такъ какъ *etrusk* морфологически еще болѣе поддается яфетидологическому анализу, объ

аріоевропейской же его этимологіи нѣтъ и рѣчи, то или этруски имѣли въ Италіи сосѣдей яфетидовъ, названіе которыхъ переносили на самихъ подлинныхъ этрусковъ, или этруски въ племенномъ своемъ составѣ представляютъ сліяніе двухъ народовъ, каждаго съ его названіемъ; это—независимо отъ того, имѣемъ ли въ *rasena* и *etrusk* два совершенно различныхъ названія или двѣ разновидности одного и того же названія. Здѣсь слово есть вещь, предметъ, хотя бы одушевленный предметъ, и особый этнический терминъ говорить объ особомъ племени рядомъ съ этрусками или въ составѣ самого этрускаго народа, въ какой бы степени родства они, оба племени, ни состояли другъ съ другомъ, хотя бы въ степени родства племень, говорящихъ на двухъ нарѣчіяхъ или говорахъ одного языка¹.

§ 5. Если подойти къ термину съ кругозоромъ перваго впечатлѣнія отъ внѣшняго вида и грубо морфологически, то оба термина имѣютъ лишь одну общую черту, оба представляютъ, какъ то полагается для яфетическихъ этническихъ терминовъ, форму мн. числа, также яфетическую—*-k* и *-en* — *Etrus-k* || *Ras-en-a*. Чередованіе этихъ именно *-k*, resp. *-q* и *-en* мы наблюдаемъ у яфетидовъ не только при разныхъ племенныхъ названіяхъ, но и въ одномъ и томъ же, напр. названіе племени гугаровъ — *gug+ag-q*, какъ его называли армяне, и *Gog+ag-en-e*, какъ то сохранили греки, или названіе населенія Этиуніи — *Uti-q* (|| *Ute-q*), какъ его называли армяне и *Ot-en-e* (← *Ote-en-e*), какъ то сохранили греки и римляне².

§ 6. Намъ важно тутъ же отмѣтить, что эти окончанія изъ показате-

¹ W. Max Müller можетъ имѣть серьезныя культурно-историческія основанія утверждать, что по его мнѣнію «невозможно различить настоящихъ этрусковъ — какъ *Rasenaev* *Rasenaï*, вселившихся воякъ — какъ тирсеновъ, *Tursener*» (и. с. стр., 382, пр. 1), но этимъ вовсе не предрѣшается этнологическій вопросъ о племенномъ составѣ этрускаго населенія, связанный съ фактическимъ наличіемъ двухъ названій. Другое аподиктическое утвержденіе В. Макса Мюллера — «національное названіе *Ῥασέναι* (Dion. Hal. 1, 30, и надп.) никоимъ образомъ не отличается отъ названія *Etrusci*» — мы готовы были бы принять, поскольку интересъ нашъ ограничивался бы вопросомъ объ единомъ національномъ содержаніи термина. Но Максъ Мюллеръ имѣетъ въ виду и формальное тожество двухъ терминовъ, имѣющее существенное значеніе уже для этнологическаго вопроса объ этрускахъ, а такое утвержденіе есть уже предвзятое отрицаніе очевидности, существованія двухъ формально совершенно различныхъ терминовъ — *E-trus-ci* и *Rasenaï*. Максъ Мюллеръ это знаетъ прекрасно, обосновывая свое мнѣніе о тожествѣ двумя новыми утвержденіями, будто разница лишь въ томъ, что «отпалъ начальный слогъ *Tü* (ср. O. Müller, II, 74?)», и «сосѣдніе народы, какъ то часто бываетъ, сохранили болѣе древнюю форму» (*Tusci*, *Tursce*, *Turs-ener*, *Τυρσηνοί*). Но это есть лишь поясненіе мнѣнія, которое надо доказать, а нисколько не доказательства или основанія. Въ стихахъ 1013—1015, правда, вставочныхъ, творенія Гесиода *Theogonia* этнический терминъ *Τυρσηνοί* обнимаетъ этрусковъ и латинянъ (Herbig, *Sopra la provenanza degli Etruschi*, стр. 136). Въ связи съ этимъ любопытно отмѣтить пережитокъ племеннаго названія этрусковъ *tusc* въ наименованіи древняго города *Tusculum* въ Лациумѣ.

² *Sof-en-e* || *Toф-q* и др. Существа не касается то, что въ этомъ языкѣ Арменіи показатель множественности функционально получилъ значеніе суффикса им. падежа мн. числа, но потомъ въ другихъ падежахъ мн. ч. его замѣняютъ соотвѣтственныя надежныя окончанія.

лей множественности *k*, *n*, съ огласовкой *ли* (-en) или безъ огласовки (-k), одинаково вторичнаго періода въ развитіи яфетическихъ языковъ, именно флективного. Никакихъ признаковъ первичнаго періода—агглютинативнаго, существовавашаго при родовомъ строѣ и отражавшаго его въ морфологіи языка, когда вместо служебныхъ суффиксовъ (-k, -en) у яфетидовъ были служебныя слова (*kin* || халд. *qim* *сынъ*, [или **kev* || *qev* *женщина?*], *men* || *ven* *сынъ* и т. п.). Слѣдовательно, этруски вселились въ Италію уже какъ національно сложившійся народъ съ соціальнымъ строемъ историко-культурнаго періода.

§ 7. Намъ нѣтъ надобности останавливаться сейчасъ на звукѣ *k* и его разновидностяхъ, какъ яфетическихъ показателей множественности: это составляетъ уже часть элементарныхъ свѣдѣній по яфетическому языкознанію, многократно повторявшихся въ различныхъ уже печатныхъ работахъ. Также повторно, до степени злоупотребленія вниманіемъ читателей и слушателей, сообщалось при каждомъ случаѣ, что показатель множественности *k* и его родня используются въ качествѣ суффиксовъ въ яфетическихъ названіяхъ народовъ. Въ рабочемъ проспектѣ по изученію племеннаго состава второй выпускъ посвященъ спеціально классификаціи яфетическихъ показателей множественности, какъ функціональныхъ согласныхъ въ образованіи этническихъ названій, въ числѣ ихъ и интересующій насъ рядъ $k \leftarrow g \leftarrow q$, а равно и *q*¹. Онъ же, этотъ заднеязычный рядъ, всплываетъ въ перечнѣ различныхъ образованій мн. числа, когда яфетическіе народы распредѣляются по нимъ въ работѣ о происхожденіи термина «скиѣ»².

Съ давнихъ поръ, тѣмъ болѣе въ новѣйшее время, въ XIX в., когда началась хоть кое-какая регистрація фактовъ живой рѣчи безписьменнаго многоязычнаго Кавказа, въ интересующихъ насъ языкахъ, яфетическихъ, мы имѣемъ уже скрещенные или гибридизованные типы, и потому характерные признаки языковъ-примитивовъ приходится искать и не въ природной ихъ средѣ въ связи съ элементами, вносившимися въ тотъ или иной языкъ въ итогѣ скрещенія и образующими въ нихъ иногда цѣлые гетерогенные слои. Но все-таки въ отношеніи заднеязычнаго показателя множественности замѣчается, что его разновидности представляютъ объединяють часть сѣверно-кавказскихъ яфетическихъ языковъ, въ числѣ ихъ частично и сванскій и особенно абхазскій, съ однимъ изъ двухъ яфетидондныхъ языковъ Арменія, именно древне-литературнымъ, потому именно называемымъ «кей»скимъ. Языки сибилантной вѣтви яфетической семьи, нынѣ занимающіе

¹ Н. Марръ. Кавказскія племенные названія и мѣстныя параллели.

² Н. Марръ. Яфетическая этимология термина «скиѣ» (памяти В. О. Миллера), работа, ждущая очереди для печатанія въ Мат. по яфет. языкознанію.

курный бассейнъ и южную часть понтійскаго района, совершенно чужды этого вида показателя множественности: ни въ грузинскомъ, ни въ мегрельскомъ, ни въ чанскомъ (лазскомъ) его нѣтъ.

Въ кругѣ языковъ, въ той или иной мѣрѣ раздѣляющихъ образованіе мн. числа съ помощью заднеязычнаго согласнаго, одинъ, именно сванскій, проявляетъ особенность въ производствѣ мн. числа и съ префиксомъ: у него всплываетъ своего рода, извѣстное изъ арабскаго языка, семитическое «ломанное» мн. число. Но въ линіи яфетидологическаго освѣщенія это собственно префиксовое образованіе отвлеченныхъ понятій, собирательныхъ именъ, равно именъ мѣста и т. п. При этомъ одновременно съ префиксомъ основа принимаетъ тотъ или иной суффиксъ мн. числа или обходится безъ него. Префиксы эти звучатъ различно въ отношеніи согласныхъ въ зависимости отъ вѣтви сибилантной двухъ типовъ, свистящаго — $s \nearrow t \rightarrow d \rightarrow \delta$ || шипящаго — $ш \nearrow t \rightarrow d \rightarrow \delta$, при нехарактеризованности — одинаково $t \rightarrow d \rightarrow \delta$ съ послѣдней и плавной ($n \rightarrow l$) или спирантной ($h \parallel \varphi \rightarrow -$), равно въ отношеніи гласныхъ (свист. а || шип. о || сван. е). Въ связи съ этимъ г. Sa-qaḡḡ-vel-o (←*Saqaḡḡ-vel-or) Грузія собственно означало *грузины*, букв.: *картавелы*, Sa-ḡrang-eḡ Франція, букв. *франки*, la-z (изъ св. la-zən) *лазы*, букв. *заны*, *чаны*¹, арм. E-ger Мегрелія, букв. *геры*, г. E-gr-is Мегрелія, *мегрелы*, букв. *геры*, св. Le-ḡḡu-m Лечхум (область въ Кут. губерніи, смежная съ юга со Сванією, «чху»и², Lāw-šḡ (→la-w-šḡ) *Лашх* (область Цхенисцхальской Сваніи), *страна месховъ*, букв. *месхи* или *мошохи*. Конечный согласный въ послѣднемъ терминѣ одна изъ разновидностей заднеязычнаго показателя множественности, функціонально вошедшая третьимъ согласнымъ въ составъ корня племеннаго названія: m-ш-ḡ || w-ш-ḡ; тотъ же корень въ XI-мъ вѣкѣ до Р. Х. на югѣ Ванскаго озера звучалъ m-ш-k, какъ то явствуется изъ передачи въ ассирійской надписи — mшk. Въ исходѣ термина etrus-k (Etrusci) мы имѣемъ этотъ же яфетическій показатель множественности, если вообще дѣло имѣемъ, какъ то предполагается, съ яфетическимъ матеріаломъ. Когда у грековъ находимъ вмѣсто глухого k звонкій g (γ) или аффрикату средней звонкости ḡ (χ), то это отнюдь не есть греческое искаженіе, а лишь воспроизведеніе греками соответственнаго по эпохѣ или диалекту согласнаго изъ того же заднеязычнаго ряда, въ яфетическихъ языкахъ, впрочемъ, представленнаго болѣе богато: простой рядъ — k → g → ḡ || аффрикатный — k → ḡ → ḡ. Потому то у грековъ оказывается иногда передача звонкимъ g, когда въ кавказскихъ матеріалахъ мы встрѣчаемъ k или

¹ Н. Марръ, Крещеніе армянъ, грузинъ, абхазовъ и алановъ св. Григоріемъ (араб. версія), Спб., 1905, стр. 166).

² Н. Марръ, Яфетическое происхожденіе термина «скиоѣ».

даже лишь *q*, напр. еще, какъ ни разъ приводилось, при груз. *afqaz* изъ **a-bas-q* греч. *a-baz-g* (Ἀβάσγοι, причемъ греки сохранили этотъ терминъ и съ глухимъ *k*: Ἀβάσχοι). Такое же передвиженіе глухого *k* въ звонкій *g*, происшедшее, по всей видимости, еще на яфетической почвѣ, имѣемъ и въ *relas-g* ← **relas-k*, откуда греч. Πελασ-γός, Πελασ-γ-οί, Πελασ-γ-ία и т. д.

Слѣдовательно, при такомъ толкованіи чистая основа въ названіи одного народа есть *relas-*, но въ названіи другого народа, помимо суффикса *k*, по отвлеченіи котораго получаемъ тему *Etrus-*, имѣется префиксъ съ перваго взгляда легко дающійся выдѣленію, именно *e-*. Префиксъ *e-* есть эквивалентъ префикса по сибилантной вѣтви *si-* || *ше-*, и въ немъ утраченъ спирантъ *h*, слѣдовательно, видъ, въ какомъ терминъ появляется въ формѣ названія страны у Арнобія — *Netruria*¹, лишь поддерживалъ бы такой анализъ, представляя въ сохранности первичное состояніе префикса спирантной вѣтви *he-*, тогда какъ и на Кавказѣ спирантъ успѣлъ въ большинствѣ исчезнуть въ томъ же префиксѣ, особенно въ племенныхъ названіяхъ или отражающихъ ихъ названіяхъ странъ — *E-gr-is*, *E-guш-eθ* и т. п. При выдѣленіи префикса въ такомъ видѣ чистая основа получается *trus-*.

§ 8. Основа *trus-* имѣетъ параллель въ *turs* || греч. *турс-* (Τυρσηνός) и въ то же время у римлянъ находимъ разновидность *tus-* (Tusci) — *vicus Tuscus* село этрусское, съ изображеніемъ бога *Vertumnus*, улица этрусковъ, *Mare Tuscum* этрусское море². Отсюда и ит. *Toscana*. По всей видимости, дѣло имѣемъ съ утратой плавнаго *г*, но если основу *turs-* признать архаичной сравнительно съ *trus-*, то съ точки зрѣнія яфетической фонетики можетъ возникнуть мысль, что *г* есть наростъ, обычный въ яфетическихъ языкахъ передъ сибилантами. Въ такомъ случаѣ чистая основа звучала бы *tus*, и въ ней мы могли бы имѣть то племенное названіе, которое безъ всякаго показателя множественности въ видѣ *tuш* (← *tuш*) носятъ современные намъ горцы — тушины, въ древности по свидѣтельству Птолемея именовавшіеся *tus-k'*ами (Γοῦσχοι), арм. *Туш-q*, т. е. названіемъ отъ той же основы въ формѣ мн. числа на *k*, а еще раньше населявшіе югъ Арменіи въ бассейнѣ Ванскаго озера, гдѣ то же этническое названіе съ губнымъ показателемъ множественности *p* при ванскихъ царяхъ носятъ городъ *Туш-ра*, ихъ резиденція на берегу озера, а позднѣе у армянъ — *Tos-p*.

Ванскій районъ и сѣвернокавказская полоса одинаково приемлемые

¹ Adv. gent., VII, 26.

² Сюда-же относится, какъ будто, названіе древняго укрѣпленнаго города *Tusculum* въ *Лаціумѣ*, но объ его происхожденіи цѣлесообразнѣе говорить одновременно съ происхожденіемъ термина *Latium*, населеніе котораго (*Latini*), по сказанію, возводится къ автохтонамъ оскамъ вмѣстѣ съ сикулами и пеласгами.

пункты отправленія для яфетидовъ, выходцевъ изъ Азіи на Апеннинскій полуостровъ, но реальныхъ данныхъ въ пользу отождествленія этрусковъ съ тусками у насъ нѣтъ, нѣтъ даже топографическаго свидѣтельства въ географической номенклатурѣ о посредствующемъ этапѣ въ движеніи тусковъ въ Этрурію, не говоря и о фонетическихъ затрудненіяхъ примирить всѣ производныя формы съ архетипомъ основы tus-.

§ 9. Выдѣляя тотъ же префиксъ e- (←he) въ Etrus, если приоритетъ древности признать за разновидностью основы trus, мы не досчитываемся ея эквивалента въ племенныхъ названіяхъ яфетическихъ народовъ Кавказа и прилежащихъ странъ, но въ яфетическихъ языкахъ этого основного нынѣ яфетическаго района есть матеріалъ для истолкованія упомянутаго племенного названія, какъ нарицательнаго слова.

Названія народовъ даже безспорно яфетическихъ далеко не всегда удается истолковать семасіологически. Пока намѣчены лишь нѣкоторые общіе принципы, вліявшіе на возникновеніе того или иного нарѣчія: въ кругу яфетическихъ народовъ въ творчествѣ этническихъ терминовъ руководились названіемъ племенного бога, которому народъ поклонялся, связаннаго съ нимъ или, вѣрнѣе, неотдѣлимаго отъ него животнаго, тотема и т. п. Съ другой стороны, не разъ въ качествѣ племенного названія у яфетидовъ всплываетъ слово, означающее «человѣкъ» («дѣти», «отроки», «люди»), хотя и въ такихъ случаяхъ возникаетъ вопросъ, не потому ли названіе того или иного народа тождественно съ понятіемъ «человѣкъ» или его разновидности, что въ религіозномъ сознаніи даннаго этническаго объединенія «человѣкъ» успѣлъ занять мѣсто тотема божества, мѣсто животнаго-божества. Конечно, мы не имѣемъ основанія исключать возможность, что иногда на возникновеніе племенного названія вліяло и ремесло, которымъ занимались. Лично я далекъ отъ мысли пользоваться при толкованіи интересующаго насъ названія случайно сложившимися благоприятно обстоятельствами, чтобы въ названіи этрусковъ усмотрѣть указаніе ихъ отличительнаго ремесла, но дѣйствительно легко дается такое его толкованіе, и оно, пожалуй, можетъ показаться заманчивымъ.

Существуетъ такъ называемый возвращенный корень trs, съ функціональнымъ начальнымъ согласнымъ t, пережиткомъ зубного префикса, эквивалента губного префикса p. Архетипъ корня пустой: по свистящей группѣ — rws, въ подъемѣ rwt→rwd, уже извѣстный намъ по произведеннымъ отъ него названіямъ растенія — «розы», въ частности и плодового дерева — «граната». Возвращенный корень trs сохранился какъ безъ всякаго измѣненія, такъ съ подъемомъ s въ рядъ t→*d→j по свистящей группѣ, въ d по щипящей, притомъ въ чистыхъ яфетическихъ съ удержаніемъ сла-

баго коренного w въ составѣ огласовки, гдѣ съ гласнымъ характеромъ e онъ сливается въ u, такъ: г. trusa→truša онъ *палилъ*, т. е. съ функциональнымъ первымъ согласнымъ та же основа, что въ глаголѣ по шипящей группѣ ruša онъ *палилъ*. Тотъ же возвращенный корень въ яфетидоидномъ др.-литер. армянскомъ языкѣ въ видѣ ʒgt̄ лежитъ въ основѣ глагола ʒəgt̄-el *обжигать* (кирпичъ, глиняную посуду и т. п.). Отъ параллельнаго также возвращеннаго корня, но съ губнымъ функциональнымъ согласнымъ вмѣсто зубного — b-gwt̄ (←b-gwt̄)→brwṑ̄: въ грузинскомъ brwṑ̄-a или brwṑ̄-1-an-1 *слѣпой*, букв. «съ сожженными глазами» (равно bruti-an-1 *косой*), въ армянскомъ, да и въ грузинскомъ¹, по заимствованію изъ армянскаго, brut *гончаръ*, букв. *обжигатель*. Соответственно и trus, основа глагола trusa→truša, nomen actoris по формѣ qmen (*trwesn, *trweṑ̄), можетъ означать *обжигателя, гончара*.

Слѣдовательно, нашъ загадочный народъ по этой этимологіи назывался бы по ремеслу trus'ами или trusk'ами, т. е. племенемъ *гончаровъ*, какъ прославленный гончарь-обжигатель, какъ племя хат' ἔξοχήν занимавшееся гончарнымъ дѣломъ.

§ 10. Однако, помимо того, что не всегда самое простое рѣшеніе есть и самое правильное и, что важнѣе, дѣйствительное, съ префиксомъ въ комплексѣ etrusk требуется особая осторожность. Мы видѣли, что въ яфетическихъ языкахъ префиксъ съ огласовкою e, какъ и его эквивалентъ, имѣя разнообразное значеніе, появляется и съ согласными элементами. Въ числѣ согласныхъ элементовъ по фактическому положенію въ гибридномъ представителѣ спирантной вѣтви—имѣемъ n→l, слѣдовательно нашъ префиксъ въ этой лингвистической средѣ звучитъ ne→le-, а при общесванскомъ чередованіи l съ d мы не могли бы исключать возможности существованія того же префикса въ видѣ de-, если уже не имѣемъ его фактически въ сванскомъ же словѣ de-ṑ̄ *небо*². Но нѣтъ и надобности съ этой стороны подходить къ оправданію зубного префикса, въ частности въ формѣ te-||t̄i-. Это лишь одна изъ подробностей ряда префиксовъ сибилантной вѣтви, когда зубной не охарактеризованъ: языки шипящей группы его теперь представляютъ звонкимъ эквивалентомъ *de-||d̄i-.

Разъ въ формѣ съ префиксомъ etrusk, какъ это было разъяснено, семасически насъ интересуетъ его множественность и участіе въ ея выраженіи и префикса, не можемъ не обратить вниманія на то, что зубной звукъ

¹ Орб.: «brut-1—гончаръ (me-keṑ̄-e)», у Ч² его нѣтъ.

² Сомнѣніе въ правильности такого толкованія начального слога de- возникаетъ отъ грузиновѣдной точки зрѣнія, по которой сванское de- въ приведенномъ словѣ представляется соответствіемъ грузинскаго ze- *верхъ* въ составѣ грузинскаго слова ze-ṑ̄a *небо* (ṑ̄a также *небо*), но грузинскому ze *верхъ* въ сванскомъ соответствуетъ j.

есть яфетическій показатель множественности не только въ именахъ, но и въ глаголахъ, и именно глухой его представитель *t*, напр., въ грузинскихъ глаголахъ образовывалъ особую породу, по значенію учащательную или энергичную, придаваясь къ корню въ качествѣ функциональнаго согласнаго или съ конца, напр. *ṭureta впитаться взоромъ* (отъ $\sqrt{\text{ṭwr}}$ *быть прозрачнымъ, видимымъ*), или съ начала, напр. *t-kwera грызть* (отъ $\sqrt{\text{kwr}}$ *кусать*, разновидности *kwn* || *kbn* отсюда и *зубъ kbil* ← **kbin*). Этотъ первичный глухой представитель зубного *d*, нынѣ наличнаго въ нашемъ префиксѣ **de-* || *dī-* у мегреловъ и чановъ, пережиточно могъ сохраниться и позднѣе въ діалектическихъ районахъ съ мутуаціею, и любопытно отмѣтить, что такіе діалектическіе районы наблюдаются у сѣверянъ—свановъ и южанъ—армянъ, для предмета нашего вопроса объединяющихся въ весьма существенной для него роли.

Въ лентехскомъ нарѣчій самого сванскаго языка этотъ зубной видъ интересующаго насъ префикса подлежалъ возвратному перерожденію въ *te-* и въ томъ случаѣ, если исторически ему слѣдовало-бы звучать *de-*. Еще болѣе иллюстрирована была бы судьба вообще всего занимающаго насъ термина съ его нынѣ распознаваемымъ префиксомъ въ армянской лингвистической средѣ кейскаго типа, типа древне-литературнаго армянскаго языка, характеризуемаго тѣмъ заднеязычнымъ показателемъ множественности *q*, который черезъ звонкій *g* восходитъ къ архетипу *k*. Здѣсь префиксъ *te-* не только продолжалъ бы звучать *te-* или, по царящему въ немъ закону мутуаціи, подвергся бы возвратному перерожденію въ *te-*, если бы его нормальный звуковой обликъ вездѣ былъ *de-*, но далъ бы неизбежно примѣръ перестановки *te-* въ *et-*: въ этой лингвистической средѣ, связанной органически съ территоріею бассейна Ванскаго озера, имѣется тенденція перемѣщать гласный на первое мѣсто, гласный звукъ въ группѣ предпосылать согласному, такъ *ezr край* вм. **zer* (|| *ṭayr* [→*ṭer*], г. *ṭwer*), *etḡ мѣсто* вм. *teḡ* или *teḡi*. Въ послѣднемъ словѣ подозрѣвается именно нашъ префиксъ *et-* ← *te-*: основа *ḡi*, эквивалентъ грузинскаго *gī* *стоитъ, находится*, есть остатокъ трехсогласнаго корня *gwm* || сем. *ḡwm*, въ грузинскомъ употребительнаго съ тѣмъ же зубнымъ префиксомъ *d-*: *d+goma* (*d+gwm-a*) *стоятъ*: арм. *teḡi*, равно *et-ḡ* значить *устой, стоянка* → *мѣсто*. Въ освѣщеніи какой бы исторіи ни разъяснить терминъ *etrusk*, мы не можемъ замалчивать возможности признанія въ его основѣ *etrus-* префикса не *e-*, а *et-* ← *te-*. При такомъ толкованіи прототипомъ разновидностей основы въ этническомъ терминѣ, отождествляемыхъ съ основой *etrusk*, явилось бы *Te-rus* ~ *Et-rus*, а съ перестановкой гласнаго и въ группѣ основы *rus* — *Et-urs*, и затѣмъ отъ перваго вида основы съ показателемъ

множественности k — Et-rus-k, отъ второго вида съ окончаніемъ мн. числа -en и потерю гласнаго въ неударномъ слогѣ¹ — Турσ-ην-ός (← Et-urs-en)².

Перерожденіе ρσ въ ρρ мы имѣемъ и въ сродномъ по основѣ греческомъ терминѣ Турρηνός изъ Турσηνός. Это перерожденіе группы rs въ греческомъ словѣ можетъ, понятно, имѣть обоснованіе на почвѣ греческой фонетики, но надо имѣть въ виду, что въ яфетическихъ языкахъ одно изъ нормальнѣйшихъ явленій чередованіе s съ r и по сравнительной (s || r) и по исторической (s → r) фонетикѣ, и во всякомъ случаѣ, напр. для самой основы Etrur — въ географическомъ терминѣ Et-rur-1-a нѣтъ надобности прибѣгать къ аналогичнымъ явленіямъ въ греческомъ или латинскомъ. Это — то же самое явленіе, какое наблюдаемъ въ опредѣленныхъ лингвистическихъ районахъ яфетическаго міра въ терминахъ Agarar вм. *Arasat, Ururda и Ugarra вм. *Urušda и Uraštu и въ десяткахъ, если не въ сотняхъ простыхъ словъ, въ послѣдствіи и въ аріевропеизированныхъ языкахъ Арменіи, въ которыхъ самъ законъ пережиточно сохранялся еще долго. Если этимъ фонетическимъ явленіемъ пользоваться для этнологическихъ выводовъ, то развѣ въ порядкѣ установленія, что вообще латинской рѣчью на Аненинскомъ полуостровѣ, какъ армянами на Кавказѣ, отъ яфетидовъ была унаслѣдована въ той или иной степени фонетическая система соотвѣтственнаго круга яфетическихъ языковъ, и въ ея составѣ наше звуковое явленіе.

Въ образованіи Etruria вм. *Etrusia для насъ цѣннѣе въ яфетидологическомъ отношеніи то, что народъ, въ устахъ котораго возникла эта форма, еще, слѣдовательно, сознавалъ, что k въ основѣ Etrusk есть придаточный элементъ, суффиксъ. Поэтому приходится считаться и съ тѣмъ, что нѣтъ надобности и самую форму географическаго термина на -1a объяснять непременно изъ аріевропейской морфологіи. Не только I-beg-1-a || I-veg-1-a, но рядъ названій странъ или населенныхъ пунктовъ Кавказа, отложеній племеннаго названія ихъ населенія, въ яфетическихъ языкахъ проявляютъ суффиксъ -1a, имѣющій свою особую исторію, какъ то Gur-1-a, Be-d1-a (← Be-d1-1-a) и др. Поскольку въ греческихъ легендарныхъ сказаніяхъ о Кавказѣ имѣемъ отложеніе мѣстныхъ терминовъ, и въ мѣстности A-1a сказанія аргонавтовъ, вѣроятно, предлежитъ та же форма названія страны. Звукъ a во всѣхъ ихъ — остатокъ окончанія мн. числа an (флективного періода), въ свою очередь трансформации служебнаго слова -van сынъ, сочетавшагося съ префиксомъ 1, мѣстоимѣніемъ (изъ агглютинативнаго періода),

¹ Опять-таки по фонетической нормѣ др.-л. армянскаго языка см. Н. Марръ, Грам. древне-арм. яз., § 63.

² Конечно, можетъ быть возбужденъ вопросъ, не состоялъ-ли префиксъ въ послѣднемъ случаѣ отъ начала изъ одного согласнаго звука (t-)?

каковое слово въ свою очередь и въ формѣ -va (иногда и van), и въ формѣ -a массово налично въ фамильныхъ названіяхъ Мегреліи, какъ Akirta-va, Aq̄q̄aza-va, Фаḡa-va, Gabun-1-a, Dad-1-a (|| Dad1-an), Q̄ošt̄ar-1-a¹ и т. п.

Эта форма фамильныхъ образованій у мегреловъ неразрывно связана въ свою очередь съ образованіемъ такихъ племенныхъ названій у абхазовъ, какъ a-gr-wa *мегрелы*, a-φs-wa *абхазы*, a-q̄əθ-wa *грузины*, букв. «картвелы» и т. п. Для насъ сейчасъ интересенъ примѣръ съ Be-d1-a (←Be-d1-ḡ1-v1an) по другому основанію, именно по наличію въ немъ префикса be-, имѣющаго въ яфетическихъ языкахъ исторію me- || re- ↗ be- → φe-. Это образовательная частица, эквивалентная разобранному уже въ той же цитованной работѣ префиксу ma- въ ma-gog, въ образованномъ изъ gog и т. п. Чередованіе me || ma- наблюдаемъ въ этническихъ терминахъ me-gr-el || ma-gral, изъ которыхъ послѣдній въ письменной традиціи классиковъ по опискѣ обращенъ въ Μαυραλοι, а въ устахъ самихъ мегреловъ по природной для ихъ рѣчи закону перемѣщенія — ma-rgal. Чередованіе re- || ra- въ числѣ прочихъ наблюдается въ разновидностяхъ съ префиксомъ племенного названія ḡen (вм. ḡen) || ḡan, перенесенныхъ по наслѣдству на Кавказѣ отъ яфетидовъ на турокъ: это хорошо извѣстный терминъ re-ḡen-eg (→re-ḡen-eg) || ra-ḡan-ak (ra-ḡan-ag) и т. п., проявляющій одновременно заднеязычный показатель множественности и глухой, какъ etrus-k, и звонкій g, какъ pelas-g.

Въ Be-d1-a основа племенного названія — d1 ← ḡ1- || d1-, которую мы имѣемъ въ различныхъ формахъ мн. числа, какъ то O-d1-ш *Мегрелія*, d1-q или ḡ1-q̄ *дзихи*, a-də-ge *адыгейцы*, *черкесы* и т. п.² Есть основаніе утверждать, что по отвлеченіи абхазо-черкесскаго нароста a- и въ a-ba-ḡe-ḡ, resp. ba-ḡe-ḡ вскрывается не только та же основа племенного названія ḡe || d1, но и эквивалентный префиксъ ba-, причемъ этотъ префиксъ также имѣетъ исторію ma ↗ ra → ba → φa, но и въ Be-d1-a и -ba-ḡe-ḡ префиксы стоятъ на тождественной ступени звонкости (be- || ba-).

Между Be-d1-a ← Be-d1-an и -ba-ḡe-ḡ при такомъ освѣщеніи по существу получается лишь та формальная разница, что мн. число образовано съ помощью показателя множественности въ первомъ случаѣ -n, во второмъ -q (→k), т. е. передъ нами выступаетъ совершенно то же самое морфологическое расхожденіе, что между Turs-en (Τυρσ-ην-ός) и Etrus-k.

¹ Г. Кипшидзе, Мингрельско-русскій словарь, стр. 423: «Списокъ мингрельскихъ фамилій». Въ соотвѣтственномъ выпускѣ нашей работы по географическимъ и племеннымъ названіямъ Кавказа, задерживаемомъ изданіемъ Комиссіи по изученію племенного состава Россіи, это подробно излагается.

² Н. Марръ, Исторія термина «абхазъ» (ИАН 1912), стр. 700—701, а не разновидность bazq (bazg), ср. Н. Марръ, ц. м., гдѣ усѣченію подлежитъ въ такомъ случаѣ и *bd1-ḡ.

Я сейчас не останавливаюсь на томъ, что -ап и въ яфетическихъ языкахъ по групповой перегласовкѣ свистящаго типа имѣетъ параллель -еп, и на тому подобныхъ мелочахъ.

Если упоминаемый въ египетскихъ надписяхъ XIII-го и XIV-го вѣковъ до Р. Х. народъ Тугша имѣетъ отношеніе къ этрускамъ, одного племенного съ ними происхожденія и, слѣдовательно, носить съ ними одно общее названіе, то въ этомъ египетскомъ вариантѣ рядъ исторически важныхъ особенностей: 1) въ основѣ читается шипящій ш вм. свистящаго звука — Тугша, 2) въ египетскомъ вариантѣ нѣтъ суффикса-показателя множественности, заднеязычнаго к, за то префиксъ показатель множественности *te || ti* на лицо, появляясь иногда въ первичномъ видѣ *Ti-ug-ша*¹. Египетская разновидность вскрываетъ, что перестановка гласнаго на первое мѣсто въ группѣ *gush* весьма древнее явленіе, что оно налично было въ терминѣ еще на малоазійскомъ Востокѣ.

Независимо отъ египетскаго преданія, природность этой перестановки для малоазійскаго Востока подтверждается разновидностью того же этническаго термина *Tur̄r̄-β-oi*, поскольку она на лицо въ составѣ племенныхъ названій населенія Лидіи. Перебой сибиланта въ спирантъ, обращающій основу *tur̄σ || tur̄sh* въ *tur̄r̄ || tur̄r̄*, resp. *tur̄h* также прослѣживается, слѣдовательно, на томъ же Востокѣ. Однако и лидійская разновидность, проявляя одновременно губной показатель множественности *b*, не даетъ опоры для объясненія заднеязычнаго показателя множественности *k*, наличнаго въ терминѣ *Et-rus-k*. Для основы въ перемѣщенномъ видѣ *urs* (*ur̄σ || ur̄ = ur̄h*) мы получаемъ рядъ разновидностей или безъ всякаго суффикса мн. числа (*Ti-ur̄sh-a*), какъ въ египетскомъ вариантѣ, или съ окончаніями мн. числа типа губнаго (*Tur̄r̄-β-oi*) и носового (*Tur̄στηνοί, Tur̄r̄ηνοί, Tyr̄henus*), и этотъ рядъ характеризуетъ восточную традицію малоазійскаго юга.

Въ этомъ смыслѣ я оказываюсь поддерживающимъ какъ будто взглядъ *W. Max Müller*'а, который предполагалъ, что движеніе этрусковъ съ малоазійскаго Востока исключается, что этруски—европейцы, и особенности головного убора этрусковъ, объединяющаго ихъ съ лидійцами, не представляетъ противорѣчія, къ чему-либо обязывающаго, съ мыслью объ этрускахъ европейцахъ, хотя и для него также *Tur̄sh, Tur̄στηνοί, Turs-se* тождественные термины, какъ и *E-trus-ci*. Главное же то, что египтологъ съ большимъ сомнѣніемъ относится къ преданію Геродота, онъ прямо-таки его отвергаетъ².

¹ LD, 209, см. *W. M. Müller, Asien und Europa*, стр. 379.

² Ц. с., стр. 383 и 382, пр. 1. Считаю необходимымъ привести обоснованіе такого крайняго скептицизма. *W. Max Müller* при оцѣнкѣ родства головного убора

Однако еще болѣе сомнительно, чтобы отвергаемое Max Müller'омъ преданіе, сообщаемое Геродотомъ, опиралось на какое-либо созвучіе. Едва ли есть основаніе возводить къ созвучію, когда тирсеновъ въ діаспорѣ греки (Діон. Галик., I, 25, Фукид. I, 1, Соф., Inach.) именуютъ такимъ «прэ-историческимъ» названіемъ какъ пеласги, между тѣмъ Max Müller отказываетъ любопытному явленію въ какомъ бы то ни было историческомъ значеніи. И, наоборотъ, тотъ же Max Müller придаетъ большое историческое значеніе единичному созвучію, когда его толкованіе можетъ лить воду на его мельницу. Я буквально повторяю и это мѣсто въ аргументаціи выдающагося знатока вопроса¹:

«Вѣское свидѣтельство лежитъ въ библейской родословной таблицѣ Быт. 10,2, гдѣ сыномъ Іафета приводится תִּרְסַנִּי . Древнія преданія даютъ столько бессмысленнаго, что поражаетъ, почему мало вниманія было обращено на сравненіе этого племенного названія (Thiras) Tusch съ Τυρσηνοί . Это сопоставленіе можно поставить внѣ сомнѣнія, стоитъ только Tiras ($\Thetaειρας$, Thiras) прочесть Turs, что едва ли можно счесть поправкой».

Не говоря о примитивности приѣма въ установленіи текста, Müller, очевидно, и не чуялъ, какую опасную почву представляетъ сѣверное побережье Эгейскаго моря для упрощеннаго разъясненія этнологическихъ вопросовъ. Въ полосѣ связи Юга съ Сѣверомъ на межѣ Европы съ Азіею и Востока съ Западомъ у Чернаго моря и Эгейскаго лежали пути всѣхъ переселенческихъ движеній, съ какой бы стороны ни шли они и куда бы ни

этрусковъ съ малоазійскимъ, необходимости признать ихъ сосѣдями ликійцевъ, пронизываетъ «натурально вспомнить о традиціи, по которой Tursen'ы должны были быть выселенцами изъ Лидіи, т. е. изъ Западной Малой Азіи (Геродотъ, I, 94), но ни въ какомъ случаѣ нельзя было думать, что древніе Tursen'ы были осѣдлы еще въ «долинѣ Каистра» при Рамзесѣ III (XIII вѣкъ) (E. Curtius, Berl. Sitzungsab., 1882, 933, до него Масперо). Турши принадлежатъ безусловно къ народамъ самаго дальняго Запада. Потому изображеніе выводитъ ихъ за прославленными Шардїанами и передъ малоазіатцами съ широкими коронами. Вообще вещь сомнительная, когда съ туманными тирсенами производятъ эксперименты на «лидійскомъ» (?) побережьи, опираясь лишь на случайное созвучіе въ географическомъ названіи Turgtha (O. Müller, Etrusker, 80). Древніе турши, должно быть, представляли собою прославленный на морѣ народъ, чѣмъ были и италійскіе тирсены. Только на этихъ послѣднихъ указываютъ всѣ мѣста у классиковъ, ни одного изъ нихъ при лучшемъ желаніи не могу я толковать въ смыслѣ тѣхъ «прэ-историческихъ» малоазіатовъ. Тѣ же самые тирсены, что боролись въ Сициліи съ аоніанами (Фук. 7, 52—54) и выставляють противъ фокійцевъ большое число кораблей, какъ карфагеняне (Герод. I, 166) и т. д., суть тѣ, которыхъ гомеровскій гимнъ Вакху выводитъ пиратами въ Эгейское море. Что они въ Египетъ или на Кипрѣ сбывали рабовъ, не указываетъ, конечно, на мѣстопробываніе ихъ у Эгейскаго моря (Curtius), отправлялись же они еще ἐς Ὑπερβορέως ἢ ἑκατέρω. Какъ велико было ихъ могущество, явствуетъ изъ того, что они были въ силахъ утвердиться въ различныхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ Эгейскаго моря и устоять (Гер. I, 57, Фук. 4, 109), что равнѣе случалось явно чаще».

¹ Ц. с., стр. 382—383.

направлялись, и въ связи съ этимъ тамъ сходились все фонетическія теченія, вліявшія на преобразование звукового облика племенного названія *Oigas* и на рожденіе ряда разновидностей и его, и происходящихъ отъ его основы сродныхъ терминовъ, осѣдавшихъ въ географической номенклатурѣ края. И безъ какой либо цѣльной системы, дающей возможность классифицировать эти сродные термины, нельзя подходить ни съ какой, даже самой незначительной, поправкой ни къ одному изъ нихъ.

§ 11. Намъ интереснѣе сейчасъ остановиться на основѣ термина *Etrusk*, если за послѣднимъ яфетидологическимъ его анализомъ придется признать пальму первенства. Чистая основа термина въ такомъ случаѣ *gus-*. Отсюда естественный вопросъ, не имѣемъ ли въ основѣ латинскаго названія города въ Этруріи *Rusellae* этрусской формы *R.* падежа на *-el* (ср. *-l*) — *Rus-el-* отъ этого именного этническаго термина *gus-*? Во всякомъ случаѣ основа *gus* термина *Et-gus-k* съ основой *gas* наименованія *Ras-en-a*, какое давали себѣ сами этруски, находятся въ соотношеніяхъ групповой перегласовки шипящаго (*o*→*u*) и свистящаго (*a*) типовъ въ яфетическихъ языкахъ. Если бы латинскій алфавитъ располагалъ для этого средствами, мы имѣли бы и шипящій *vm.* свистящаго именно въ *Etrusk*, который долженъ былъ звучать *Etrushk*, какъ находимъ поддержку для этой первоначальной черты звукового облика основы *-trush* въ египетскомъ преданіи *Ti-trush-a* или *Tursh-a*¹. И потому еще острѣе чувствуется потребность въ отвѣтѣ, нѣтъ ли данныхъ для продолженія въ глубь яфетическихъ нѣдръ на востокъ той линіи движенія этрусковъ съ востока на западъ, которая и исторически, и по номенклатурной палеонтологіи насъ приводитъ къ малоазійскому этапу въ Лидіи.

§ 12. Нѣмецкому ученому Борку линія связи представлялась достигающей отъ Этруріи до Элама. «Не только», писалъ онъ въ рецензіи на работу *A. Fick'a*², «повторно всплываютъ въ діалектически отгѣненныхъ формахъ (*in mundartlich abgestuften Formen*) тѣ же самыя названія божествъ *Tarku* (*Tarqu* [*a* не *Tarhu* = *Tarhu*]) *Turgu* и *Teshur* (*Trebos*, *Tigum*) на всемъ пространствѣ отъ Этруріи вплоть до Элама, но прослѣживается также въ широкомъ распространеніи рядъ созвучныхъ образовательныхъ элементовъ ономастикона, такъ *ag* *давать* и *ki*»³. Если бы Боркъ былъ знакомъ съ основными положеніями яфетической теоріи, то онъ могъ бы глу-

¹ *W. Max Müller* (ц. с., стр. 383, пр. 2) появленіе *ш* *vm.* считаетъ результатомъ особенности транскрипціи египетскими сибилантами (тамъ же, стр. 372, пр. 4).

² *Hattiden und Danubier in Griechenland. Weitere Forschungen zu den «Vorgriechischen Ortsnamen»*, Геттингенъ 1909.

³ *OLZ*, XV (1912), 6, стр. 263.

хую ссылку на вообще «діалектическую дифференціацію» замѣнить указаніемъ на опредѣленное морфологическое расхожденіе двухъ основныхъ видовъ въ приведенныхъ имъ разновидностяхъ названія божества по образованію формы съ помощью показателя множественности, по появленію функціональныхъ согласныхъ въ роли 3-го коренного, въ одномъ видѣ — заднеязычнаго показателя множественности ($k \rightarrow g, \acute{q}$), это въ названіи божествъ Тагки, Тугги, Тагқи, въ другомъ случаѣ — губного показателя множественности ($m \nearrow p \rightarrow b$) (это въ названіяхъ божествъ Тигиш, Тешир, Треш-). Вопросъ лишь въ томъ, исключать или нѣтъ изъ ряда второго вида Тешир, поскольку его отождествляли (отождествлялъ и я) съ халдскимъ Тешва, между тѣмъ Тешва составное слово: второй своею частью -шва ← шва оно имѣетъ неразрывную связь съ арм. Уш-ар || Ош-ар или арм. vш-ар || г. вешар, яфетическимъ божествомъ-рыбою¹, какъ то уже разъяснено мною въ печати. Противъ разлученія эламскаго Тешир съ халдскимъ Тешва и включеніе его, Тешир, въ кругъ перечисленныхъ разновидностей названія божества вида съ губнымъ показателемъ множественности мы не имѣли бы особыхъ возраженій²: Тешва и Тешир оставались бы въ одномъ кругу лишь по сродству окончанія мн. числа -ва → -ра термина съ функціональнымъ согласнымъ показателемъ также множественности, обратившимся въ 3-ій коренной въ Тешир и его разновидностяхъ. Въ остальномъ же, наоборотъ, есть яфетидологическія данныя и лингвистическія и этнологическія въ пользу такого опредѣленія термина Тешир, да и вообще у него въ такомъ случаѣ оказалась бы болѣе многочисленная родня, чѣмъ названная въ перечнѣ Борка, притомъ объединяемая общностью этого же божества, уже по линіи съ сѣвера на югъ, отъ Кавказскихъ горъ до Палестины.

Возраженіе имѣемъ мы лишь противъ того, чтобы неправильное использование видового термина хатты въ общемъ расовомъ значеніи, какъ то со многими другими дѣлалъ А. Fick, исправлять такимъ же неправильнымъ употребленіемъ термина «кавказцы». Такая поправка ввела бы ту же постановку частного вм. общаго съ другого конца. Терминъ «кавказцы» также отнюдь не столь общій, къ тому же, какъ выяснено нынѣ номенклатурной палеонтологіею, «Кавказъ» опредѣленное видовое племенное названіе, притомъ гибриднаго типа.

Дѣла не мѣняетъ, когда и Fick и, понятно, Боркъ съ ссылкой на «важныя работы» Каннегиссера признають, что «кавказскій слой имѣетъ

¹ Н. Марръ, Надпись Русы II изъ Маку (ЗВО, XXV) стр. 44—46, et pass.

² Въ цитованной работѣ у насъ было уже колебаніе, чѣмъ и вызывалась едѣющая фраза (стр. 44): «Отождествленіе, которое дѣлалось кунеологами съ божествомъ Тешир, богомъ стихій и бури, такимъ образомъ получаетъ какъ будто и лингвистическую поддержку въ фонетикѣ халдскаго языка».

отношеніе къ Этруріи»¹. Яфетическіе языки отнюдь не прикрѣплены къ Кавказу, не являются порожденіемъ кавказской почвы, а яфетидологія и въ кавказскихъ и внѣ-кавказскихъ яфетическихъ народахъ и языкахъ строго разграничиваетъ родовое отъ видового, а равно — территориальную дифференціацію отъ племенной, не отказываясь отъ признанія особыхъ геоэтническихъ единицъ, особенно, когда рѣчь идетъ о такой доступной реальному непосредственному наблюденію населенной территоріи, какъ Кавказъ, но пышное сосредоточеніе яфетическихъ племенныхъ названій, если не исчерпывающая полнота ихъ въ предѣлахъ Кавказа побуждаетъ вести настойчивую работу по опредѣленію именно спеціальнаго значенія отдѣльныхъ племенныхъ названій, обосновать ихъ классификацію прежде всего на строго формальныхъ основаніяхъ номенклатурной палеонтологіи, насколько компетентна лингвистическая наука и позволяютъ дѣлать это ея яфетидологическія достиженія. Забѣгать въ лингвистическія разысканія фактами культурно-историческаго значенія, изъ мало и неравномѣрно освѣщенныхъ еще областей, также нецѣлесообразно, какъ выводамъ яфетическаго языкознанія придавать обратно преувеличенное значеніе въ опредѣленіи памятниковъ матеріальной культуры и ихъ археологической или историко-художественной классификаціи. Сведеніе результатовъ этихъ разностороннихъ изслѣдовательскихъ подходовъ для концентраціи всѣхъ спеціальныхъ изысканій въ рѣшеніи общаго вопроса дѣло послѣдующаго момента.

Такимъ образомъ, минуя пока не разъясненныя и политическія и культурно-историческія связи Лидіи съ близкимъ къ ней хеттскимъ и особенно съ болѣе отдаленнымъ халдскимъ (ванскаго царства) и эламскимъ національными мірами, мы остановимся на хорошо извѣстномъ пути, по которому съ ранняго средневѣковья просачивались переселенческія струи армянскаго населенія территоріи, освященной еще строительствомъ халдскихъ царей въ бассейнѣ Вана и прилежащихъ краяхъ.

По разрушеніи южно-армянскаго средневѣковаго царства на берегу Ванскаго озера, оттуда по тому-же пути хлынули уже переселенческія волны цѣлыми руководящими общественными слоями и классами, которыя нашли стоянку для перваго своего строительства въ Киликіи. Однако основанію средневѣковаго колониальнаго армянскаго царства въ этомъ районѣ предшествовала долгая земледѣльческая миграція армянскаго племени. Въ VI-мъ вѣкѣ армяне-земледѣльцы еще южнѣе, близъ Антиохіи, были бытовымъ явленіемъ края, работая косарями, какъ то свидѣтельствуется въ житіи Симеона Дивногорца. Продвиженіе въ Киликію населенія средне-вѣковой Арменіи опиралось на его вѣками предшествовавшее видреніе въ

¹ OLZ, XV (1912), ц. м.

арамейскія страны, въ Месопотамію и Сирію, дѣлившіяся и раньше между семитами и яфетидоидами, а еще раньше — яфетидами, какъ спорное достояніе. Общее съ Сиріею начало политической жизни въ историческомъ самосознаніи христіанской Арменіи покоится, даже въ легендарной его части, на реаліяхъ, дѣйствительно объединявшихъ армянъ или арамидовъ съ арамейцами, пережиточно сохранившими уже не изъ легендъ, а изъ подлинной жизни общность племенного названія, притомъ терминъ *агаг* || *армен* — наслѣдіе господствовавшего въ краѣ яфетическаго населенія, во всякомъ случаѣ элементъ, усвоенный семитами отъ яфетидовъ, а не наоборотъ. Населеніе Кавказа, прежде всего его юга, юга Арменіи входило какъ на родную территорію въ семитизованный впоследствии арамейскій районъ, и съ нимъ туда-же вносились, смотря по эпохѣ, въ качествѣ мѣстнаго племенного населенія яфетическіе и другіе этническіе термины, не менѣе для своего времени громкіе, чѣмъ арамеи.

Позднѣе сравнительно яфетидоидное населеніе древней и средне-вѣковой Арменіи лишь шло по стопамъ яфетидовъ, первыхъ насельниковъ Арменіи. Со стоянки въ Киликіи и средне-вѣковое армянство имѣло боковое на сѣверъ движеніе. Путь черезъ Малую Азію, Бруссу, съ юга на сѣверъ, на сѣверное побережье въ предѣлы древней Фракіи, въ Крымъ, въ Польшу былъ вбирающимъ переселенческія волны юга Арменіи. Объ этомъ говорятъ не только лингвистическіе факты, армянскіе говоры соответственныхъ районовъ армянскихъ колоній, но и предметы матеріальной культуры, между прочимъ вносившіеся армянами, какъ то выяснялъ *И. А. Орбели*¹, навыки и техника армянскаго мастерства по серебру.

Мы не будемъ злоупотреблять аналогіею въ направленіи средне-вѣковаго миграціоннаго движенія на западъ, достигшаго въ особыхъ условіяхъ политической жизни соответственныхъ эпохъ сѣвера Апеннинскаго полуострова, уже сѣверной Италіи, именно, Венеціи, черезъ островъ Кипръ и югъ Балканскаго полуострова — Морею. Но въ направленіи на востокъ, какъ изъ Киликіи въ средніе вѣка, такъ въ архаичныя времена изъ Лидіи искомая линія движенія этрусковъ, достигавшихъ въ своемъ движеніи на западъ Апеннинскаго полуострова, могла-бы быть продолжена до бассейна Ванскаго озера.

Здѣсь, дѣйствительно, находимъ мы яфетическое племя *tus* или *tuš* (←*гош), предшественниковъ племени халдовъ. Это то племя, названіе котораго въ формѣ мн. числа на *t* (*tuš-t*) унаслѣдовано было армянскимъ княжествомъ *Раш-t-uni* (←*Ruš-t-une*); отъ его основы образованъ бы-

¹ *И. А. Орбели*, Два серебряныхъ ковша, *ХВ*, V, 1.

товой терминъ, названіе обуви гэш-ік, сохранившійся на мѣстѣ до нашихъ дней. Особенно важно отмѣтить, что той-же основы съ префиксомъ и, какъ въ U-gartu, т. е. отъ темы и-гуш образовано племенное названіе и-гуш-ік, въ мѣстномъ діалектическомъ прозвищеніи w-гэш-ік, изъ этническаго термина обратившееся въ социальный и означающій, какъ то любезно сообщилъ Г. А. Орбели, «крестьянинъ», «мужикъ» и т. п.¹, т. е. какъ въ одной части Арменіи этнической терминъ эгам-ік, пережитокъ племенного названія «арамей» || «армянинъ», обращенъ въ социальный терминъ, названіе поработочнаго этническаго слоя, некогда славнѣйшаго, такъ въ другой части на югѣ наблюдаемъ то-же самое съ терминомъ wгэш-ік, пережиткомъ племенного названія также въ свое время прославленнаго народа, также наслѣдія племени, нисколько не менѣ важнаго, чѣмъ армяне и арамеи, также своимъ именемъ объединявшаго, какъ увидимъ, если и не своей сущностью, кавказскій край съ сирійскимъ, Арменію съ арамейскими землями, но въ болѣе древнее время, чѣмъ дата культурно-исторической роли армянъ и даже арамеевъ.

Съ перерожденіемъ сибиланта ш основы гуш въ плавный г разновидность gur- мы имѣемъ въ основѣ названія страны съ префиксомъ и- и суффиксомъ -da— U-gur-da, какъ то свидѣтельствуется халдской надписью ванскаго царя. Халдскія надписи по этому вопросу интересны для насъ еще тѣмъ, что они сохранили въ формѣ Rus-a имя ванскаго царя, извѣстнаго по ассирійской передачѣ въ видѣ Urs-a: имѣемъ-ли въ имени наше племенное названіе или стоящее въ связи съ нимъ нарицательное имя gos (авар.) *человѣкъ* или нѣтъ, для насъ важно свидѣтельство изъ нашего района о перемѣщеніи gur-a въ urs-a въ параллель фонетическому явленію Etrus-k || Turs-en. И такъ и это южно-малоазійское преданіе въ разновидностяхъ нашего племенного названія поддерживается уже первоисточникомъ, безспорнымъ яфетическимъ Востокомъ. На этомъ-же яфетическомъ Востокѣ налицо и другая особенность южно-малоазійскаго преданія, перерожденіемъ сибиланта въ спирантъ.

Широкое распространеніе спирантныхъ языковъ яфетической семьи на югѣ подтверждается и особенностями халдскаго языка. И въ порядкѣ гибридаціи рядомъ съ Agas-ǵ || Erasǵ халдскія надписи удостовѣряютъ еще для IX-го в. до Р. Х. форму Ega-ǵin (*Egah-ǵin-1), причемъ спирантъ самъ безслѣдно исчезаетъ уже тогда. Весьма рано именно на югѣ застрявшее племенное названіе шипящаго типа tušk ← tošk переродилось въ tok, и потому мы въ правѣ искать для одной изъ южно-яфетическихъ

¹ Съ тѣмъ же значеніемъ и ǵəštunī записано Г. А. Орбели со словъ агулискаго армянина.

разновидностей нашего этнического термина, исторически важной, именно Rəštuni (←Ruštuni) спирантный двойникъ Rətuni или Rətunu (←*Ruh-tuni), что дѣйствительно на лицо въ этническихъ терминахъ юга какъ одно изъ важнѣйшихъ племенныхъ названій района, вполнѣдствіи объединявшася разновидностями другого уже пережиточно общаго этническаго термина — армяне || арамеи. Терминъ Rtnu это болѣе древнее названіе Сиріи по египетскимъ источникамъ. Это именно племенное названіе, и мы не видимъ никакого основанія признавать ошибкой соответственное употребленіе, и вмѣсто того, чтобы дать слову природную огласовку, согласованную съ огласовкой его армянскаго эквивалента Rəštuni, читать его retān для того только, чтобы въ немъ усмотрѣть, какъ то дѣлаетъ Müller, сем. רִשְׁלֵי языкъ, и названіе страны понимать въ смыслѣ «страны языка», понятнаго, «родины» и т. д.¹ Детерминативъ острова (○) при племенномъ названіи Rtnu, если-бы онъ оказался дѣйствительно наличнымъ, указывалъ-бы на извѣстность этого яфетическаго племени и на островахъ, что, понятно, и безъ того не подлежитъ сомнѣнію, разъ они соплеменники тиреновъ и этрусковъ.

Въ Сиріи основа этого термина, какъ племенное названіе, пережила въ устахъ мѣстнаго населенія и ближайшихъ сосѣдей какъ названіе населеннаго пункта, она налицо именно въ восточныхъ разновидностяхъ названія Эдессы: это арб. Ruha (Al-ruha), сир. Urhau, арм. Urha, послѣднія двѣ съ той перестановкой, которая представляетъ параллель urh вм. rus въ сибилантныхъ разновидностяхъ. Съ такой-же перестановкой та-же основа urh, съ потерей спиранта, на лицо въ названіи рѣки Евфрата, архетипъ котораго *Re-urh-at, наличный въ египетской транскрипціи въ видѣ R1-ur-at, съ перестановкой e въ префиксѣ *Er-ur-at, откуда грецизованный Εὐφράτης , асс. Ruratu, Prat и т. д. Пережитокъ того-же термина съ глухимъ губнымъ m, а не мусульманское имя имѣемъ въ названіи части того-же Евфрата у армянъ и турокъ = Murad (←Me-urh-at). И здѣсь пережитокъ чередованія префиксовъ me- / re-*. Съ другой стороны, основа rus (rush) → rug имѣетъ, по корреспонденціи групповой перегласовки шип. u (←o) || свист. a, параллельную разновидность ras (rash) → rag, откуда U-rash-tu U-rag-tu, равно A-rag-at и т. п.² Въ самой Арменіи палеонтологически мы встрѣчаемъ ras → rat въ географическихъ названіяхъ, такъ въ названіи рѣки A-ras-ḡ, равно A-rat-an-1, названіи того-же Евфрата и т. п.

Такимъ образомъ уже въ первоисточникѣ, до котораго мы пока въ

¹ Ц. с., стр. 147.

² Н. Марръ, Надписи Сардура II, сына Аргишти, въ Даш-керни, на Чалдирскомъ озерѣ (Записки Кавказскаго Музея, Серія В. — I), Петроградъ 1919, стр. 10 сл.

силахъ добраться, располагая лишь морфологическими данными термина, мы имѣемъ не только ту-же самую основу племенного названія, но его двѣ основныя разновидности по групповой перегласовкѣ u ($\leftarrow o$) || a — gu (gu) || gas , какъ на Апеннинскомъ полуостровѣ въ предѣлахъ этрускаго населенія — gu || gas , а равно его перемѣщенную разновидность ug || ugs по сибилантной породѣ, какъ также и по спирантной породѣ и первичную guh , и перемѣщенную ugh ($\rightarrow ur$) разновидности, а равнымъ образомъ двойное образованіе мн. числа при помощи той-же пары показателей множественности, въ бассейнахъ Ванскаго озера и Аракса въ видѣ $-q$ и $-ap$, а на Апеннинскомъ полуостровѣ въ видѣ $-k$ и $-en$. Расхожденіе лишь въ префиксахъ, да и здѣсь не вполне; такъ огласовка префикса не чужда этому племенному названію въ бассейнѣ Аракса, когда отъ основы по спирантной группѣ на халдскомъ языкѣ подписей ванскихъ царей образуется $E-ga-qi$ ($\leftarrow *E-gah-qi$ || $E-gas-qi$), resp. $E-ga-qi$ (графич. $E-gi-a-qi$ или $E-gi-a-qi-m$), да и архетипной разновидности термина $*E-ugh-at$, отложившейся въ названіи рѣки. Изъ первоисточника, Ванскаго района, могъ проистекать и показатель множественности k въ терминѣ $Et-gus-k$, но въ такомъ случаѣ, какъ понять, что на промежуточной стоянкѣ, въ Лидіи, этого образовательнаго элемента въ племенномъ названіи, собственно его отложенія нѣтъ, да и вообще египтяне знаютъ его безъ того-же суффикса, точно это не южная форма. Это для насъ камень преткновенія.

§ 13. На яфетическомъ востокѣ однако этнической терминъ имѣеть еще одинъ основной видъ, именно корень съ перерожденіемъ g въ l : $l-s \rightarrow l-z$. Въ Италіи какой-либо мѣстной формы отъ этого корня мы не находимъ, во всякомъ случаѣ ее не видать какъ на ладони подобно кавказскимъ разновидностямъ, приходящимъ отъ корня $g-s$, resp. $g-sh$. На Кавказѣ, наоборотъ, племенные названія или отложенія ихъ въ географической номенклатурѣ отъ корня $l-s \rightarrow l-z$ многочисленны, однако главнымъ образомъ въ сѣверной части Кавказа или прямо-таки на Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ скрещеніе съ языками спирантной вѣтви породило рядъ разновидностей или по спирантной перегласовкѣ (e вм. a) или по перебою сибиланта ($s \rightarrow z$) въ исчезающей спирантѣ ($h \rightarrow j$) или въ силу скрещеннаго воздѣйствія обоихъ фонетическихъ законовъ, такъ мы имѣемъ съ префиксомъ $a-$ названіе рѣки $A-laz-ap$, отложеніе племенного названія въ материково-перевальномъ районѣ Кавказскаго хребта съ суффиксомъ мн. числа $-ap$, двойникомъ $-en$, наличнаго въ $Ras-en-a$, племенные названія и этно-культурные термины — $lāzg$ лезинъ, г. $lesk-ur$ сабля (букв. «лезинское оружіе»), $*lez-gi \rightarrow leq + z + i$ (арм.) лезинъ, кази-кум. laq ($\leftarrow *lahq$) лакъ, кази-кумухъ, г. lek ($\leftarrow *lehk$) лезинъ, $lek-ur$ ($\leftarrow *lehk-ur$) лезинка (букв. «лезинскій танецъ»), сабля

(букв. «лезинское оружіе») и др. Здѣсь, на Сѣверномъ Кавказѣ, господствуютъ образованія съ показателемъ множественности $k \rightarrow g$, но ни одно изъ нихъ, повторяю, не прослѣживается на Апеннинскомъ полуостровѣ, поскольку оно несетя яфетическимъ племенемъ съ послѣдней своей стоянки въ бассейнѣ Каспійскаго моря. Чтобы съ при-каспійскаго края достигнуть такой дали, терминъ долженъ былъ обязательно пропутешествовать по сѣверному пути и еще до исчерпанія яфетическаго и по нынѣ района пройти два лингвистическихъ средостѣнія, сванское, тогда переливавшееся и на сѣверъ, и абхазо-дзихское (абхазо-адигейское или абхазо-черкесское), если не касаться смежнаго чеченскаго міра—материково-перевальнаго. Слѣдовательно, та или иная разновидность сѣвернокавказскаго типа могла перестроиться въ новую форму, получивъ или въ сванской средѣ префиксъ *le-* или въ абхазо-дзихской средѣ префиксъ *re-*, однако и такихъ новообразованій мы не находимъ достигшими Апеннинскаго полуострова, точно Балканскій полуостровъ перехватилъ эти сѣверныя переселенческія волны этрусковъ или урартійцевъ, поскольку получившіе при-каспійское и сѣверно-кавказское крещенія ихъ сородичи по общему въ корнѣ наименованію *lazg* ($\leftarrow las-k$) въ абхазо-дзихской формѣ *re-lasg* (чит. или *re-lask* или *re-lazg*) или *leg'*ы ($\leftarrow le^h k$ -и) въ сванской формѣ *le-leg*, проникнувъ на этотъ уже европейскій полуостровъ, входили въ составъ первоначальнаго населенія его территоріи, имѣли уже отсюда распространеніе на другіе острова, въ числѣ ихъ и на Критъ, да съ моря и на сосѣдній полуостровъ.

Разумѣется, пеласги такимъ образомъ съ Балканскаго полуострова также распространялись на острова, заселили вмѣстѣ съ яфетидами и Апеннинскій полуостровъ, но все-таки, насколько яфетидологическому анализу и исторіи занявшаго насъ племеннаго названія можно придавать реальное значеніе, картина намѣчается такая: этруски съ юга Кавказа, изъ предѣловъ бассейна Ванскаго озера, сдѣлавъ этапъ въ Лидіи, двигаются Средиземнымъ моремъ на Апеннинскій полуостровъ, а ихъ сородичи съ сѣвернаго Кавказа лазги или *relasg'*и || *le-leg'*и по сѣверному пути, Чернымъ моремъ или по сѣверному его побережью, вливаются въ предѣлы Балканскаго полуострова. Далѣе ихъ встрѣчи на островахъ, да и на Апеннинскомъ полуостровѣ. Въ этихъ встрѣчахъ однако для насъ ближайшій интересъ можетъ представить лишь одна. Это та встрѣча, которая знаменовала-бы не выявленіе культурно-исторической роли той или иной страны, уже окончательно сформировавшейся національно, а схождение линій ихъ переселенческихъ движеній въ эпоху этногеническія еще для средиземноморскихъ народовъ Европы. Узловымъ пунктомъ такой встрѣчи по физико-географическимъ условіямъ выступаетъ территоріальная полоса у схождения Чернаго моря съ Эгейскимъ.

Если неизбеженъ былъ наплывъ переселенческихъ волнъ сѣверно-кавказскихъ яфетидовъ, то сюда-же была естественная тяга эмиграционныхъ массъ южно-яфетическаго района по стезямъ, указуемымъ движеніемъ эпигоновъ, уже аrioевропеизированныхъ армянъ, въ средніе вѣка. И здѣсь интересно прослѣдить соотвѣтственное схождение и мѣстами скрещеніе двухъ фонетическихъ теченій въ различныхъ оформленіяхъ нашего этническаго термина. Съ юга имѣемъ окающія разновидности, съ сѣвера — окающія, на югѣ больше и раньше, чѣмъ на сѣверѣ улавливается воздѣйствіе звуковой природы спирантныхъ яфетическихъ языковъ, а на сѣверѣ болѣе ярки морфологическія черты сѣвернаго приморскаго теченія, заднеязычное образование мн. числа, здѣсь, на приморскомъ сѣверѣ и на каспійскомъ и понтійскомъ, пережившее до нашихъ дней, и губной показатель префиксоваго производства, но уже на лицо факты скрещенія, свидѣтельствующіе о вращеніи сѣверныхъ яфетидовъ, балканскихъ, въ среду южныхъ, малоазійскихъ. Потому-то съ формою *Tigas*, до-плѣннымъ библейскимъ терминомъ, и его традиціоннымъ обликомъ начертательнымъ и произносительнымъ надо быть чрезвычайно осторожнымъ. Въ немъ драгоцѣнна именно его огласовка «а», какъ безспорный характеръ сѣвернаго фонетическаго теченія. Префиксъ для сѣвера вмѣсто зубного $\Theta e- \parallel \Theta i-$ могъ-бы быть съ еще большимъ основаніемъ губной $M i- \nearrow P e- \parallel \Phi i$. Еще больше даетъ чувствовать себя отсутствіе сѣвернаго фонетическаго показателя множественности — заднеязычнаго: ожидаемое съ нимъ образование $\Theta gas-k$ впрочемъ на лицо въ спирантной разновидности $\Theta g\bar{a}-k$, сохраненной греческимъ $\Theta\rho\acute{\alpha}\chi\eta$, $\Theta\rho\acute{\alpha}\xi$ и т. п. На югѣ та же форма съ эквивалентнымъ губнымъ префиксомъ φ даетъ основу съ перегласовкой по южной окающей нормѣ $-gi$ въ этническомъ названіи * $\Phi-guh-g$, сохраненномъ греками въ $\Phi\rho\acute{\upsilon}\xi$, $\Phi\rho\acute{\upsilon}\gamma\epsilon\varsigma$, названіи по ихъ преданію племени еракійскаго происхожденія или соплеменниковъ еракійцевъ. На южной сторонѣ интересъ еще болѣе непосредственный для нашего вопроса представляетъ разновидность съ глухимъ зубнымъ префиксомъ при окающей основѣ безъ заднеязычнаго показателя множественности — $T\rho\varphi-\acute{\alpha}\varsigma \parallel T\rho\omega\acute{\iota}-\acute{\alpha}\varsigma$ съ эпонимнымъ основателемъ $T-g\bar{o}-s$ ($T\rho\acute{\omega}-\varsigma$) и племеннымъ названіемъ $T-g\bar{o}-es$ ($T\rho\bar{\omega}-\epsilon\varsigma$), у носителей котораго, по лучше освѣдомленному этнографически географу, такъ много было общихъ именъ съ еракійцами и которые, съ другой стороны, у трагиковъ выводились подъ именемъ фриговъ. Мы не предрѣшаемъ вопроса, на какой почвѣ произошло перерожденіе сибилантов $s \parallel \text{ш}$ въ спиранты $h \parallel s$ и въ архетипѣ $T-g\bar{o}\text{ш}$ и въ архетипѣ $T i-gas$, и растяженіе гласныхъ въ возмѣщеніе утратившагося спиранта, но историческая фонетика яфетическихъ языковъ повелительно требуетъ признанія именно выставляемыхъ нами архетиповъ $T-g\bar{o}\text{ш}$

(←*Et-гош) и T1-gas, а затѣмъ съ послѣдующимъ наростомъ заднеязычнаго показателя множественности к *Et-гош-k (←Te-гош-k) || *T1-gas-k. Схожденіе въ Италіи двухъ разновидностей племеннаго названія Et-gus-k || Ras-en-a, повторяя соотношенія основъ тѣхъ-же формъ въ огласовкѣ, воспроизводя цѣликомъ архетипъ окающей стороны *Et-гош-k, оставляетъ безъ соотвѣтствія форму Ras-en-a. И такъ какъ у его суффикса имѣется двойникъ въ южно-яфетическихъ разновидностяхъ Τυρσηνοί, Τυρρηνοί, то на лицо съ сѣверно-яфетической основой gas обратное скрещеніе съ южно-яфетическимъ образовательнымъ элементомъ, а это говоритъ о вхожденіи этрусковъ въ Италію въ двѣ различныя эпохи и во всякомъ случаѣ изъ двухъ различныхъ этаповъ послѣдняго ихъ стоянія на пути въ Италію ¹.

Съ этническимъ терминомъ lask || la^hk (←lak→lağ→lag) на кавказской яфетической почвѣ находится въ неразрывной «племенной» связи одинъ важный для вопроса орнитологической термины — названіе аиста. Семасіологически использованіе одной и той же основы в значеніи названія и племени и птицы объясненіе можетъ найти у насъ лишь въ тотемѣ. Морфологически наше названіе птицы представляетъ четырехсогласный корень отъ состава спирантной разновидности по типу удвоенныхъ корней съ двумя первичными согласными ². Это у грузинъ lak-lak-1 (↘lak-lak-1 || →lag-lag-1 *аистъ*). И простая основа въ видѣ lağ-1 сохранилась въ значеніи эпического термина, эпитета героевъ, который приходилось переводить то въ значеніи *гордаго*, то въ значеніи *веселаго* ³, и все какъ то невпопадъ, потому именно, что пережиточно въ психологіи даже средневѣковыхъ грузинъ, слышавшихъ народно этотъ терминъ въ качествѣ эпитета прилагательнаго и

¹ До-греческая лемноская надпись, на значеніе которой, какъ признаваемой большинствомъ этрускологовъ этрусской, для нашей темы обратилъ любезно мое вниманіе С. А. Жебелевъ, возбуждаетъ слишкомъ много вопросовъ, чтобы осложнять наличными въ литературѣ расходящимися результатами ея изученія настоящимъ опытомъ чисто терминологическаго изысканія на совершенно независимой палеонтологической основѣ яфетическаго языкознанія. Съ другой стороны, я лично недостаточно освоился еще съ техникой этрускологической работы, чтобы выступать съ собственнымъ освѣщеніемъ памятника, хотя фактически и весьма благоприятнаго для нашей точки зренія, но вызвавшего съ самаго начала, какъ теперь мнѣ стало извѣстнымъ, чрезчуръ разнорѣчивыя толкованія и сужденія; ср., напр., отношеніе С. Pauli къ работѣ Bugge, *Der Ursprung der Etrusker durch zwei lemnische Inschriften erläutert*, какъ то явствуется изъ его Vorrede въ *Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos (Altitalische Forschungen, II B., I Abteilung, Leipzig 1886)*.

² Н. Winckler'омъ это обычное въ яфетической морфологіи явленіе, не чуждое и семитическимъ языкамъ, было использовано въ обоснованіи родства эламскаго языка съ «кавказскими», но примѣры, приводимые имъ, требуютъ пересмотра и отбора (*Elamisch und Kaukasisch, OLZ, 1907, № 11, стр. 568—570*).

³ Притомъ всегда съ исканіемъ опоры въ иранскомъ мірѣ, насквозь пронитанномъ яфетидизмами, требующемъ разъясненія именно яфетидологическаго (ср. Н. Марръ, *Вступительныя и заключительныя строфы Витязя въ барсовой кожѣ Шоты изъ Рустава*, Спб. 1910, стр. IX, прим. 1).

употреблявшихъ еще его письменно въ томъ же значеніи, съ нимъ соединялось, по всей видимости, представленіе о чемъ то особо важномъ (→гордомъ), счастливомъ, (→веселомъ), священномъ. Что порода цапель въ яфетическомъ мірѣ была священная, свидѣтельствуется и кавказскимъ памятникомъ матеріальной культуры: изображеніе журавля, если не аиста, мы находимъ на такомъ архаичномъ культовомъ памятникѣ, какъ каменный вишанъ-рыба. Лексически основа представлена и на Кавказѣ значительно богаче у яфетидовъ, даже въ формахъ отъ разновидности сибилантной вѣтви (la^rv^lǵ=lazǵ- и т. п.).

Отъ сибилантной разновидности lasg мы имѣемъ за предѣлами Кавказа у грековъ не только племенное названіе Pe-lasg, но и названіе птицы relarg (πελαργός) аистъ, на какой бы почвѣ ни считать происшедшимъ перерожденіе s въ r (въ яфетической фонетикѣ оно обычно)¹.

Священность, болѣе того тотемизмъ термина аистъ на Балканскомъ полуостровѣ достаточно выяснена S. Reinach'омъ въ слѣдующихъ строкахъ²: «Будучи священной птицей въ Фессалии, гдѣ умерщвленіе аиста шло за такое же преступленіе, какъ челоѵкоубійство (Пс. Аристот., *Μίγαβ.*, 23, 832), аистъ былъ также священенъ на Акрополѣ Афинъ съ самыхъ древнихъ поръ, свидѣтельствомъ чего является такъ называемая *пеласгическая* стѣна, про которую еще современники Аристофана знали, что она раньше именовалась Pelargikon, стѣной аистовъ (Аристоф., *Птицы*, 869, 1139). Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые допускаютъ историческую реальность пеласговъ, и мною даны въ другомъ мѣстѣ обоснованія мнѣнія, что ихъ названіе, какъ и названіе аистовъ Фракіи, было ни чѣмъ инымъ, какъ названіемъ ихъ священной птицы — аиста»³.

Для реальной культурно-исторической поддержки нашихъ лингвистическихъ палеонтологическихъ изысканій по этнической терминологіи, необходимы главнымъ образомъ свидѣтельства памятниковъ матеріальной культуры. Показанія письменныхъ источниковъ имѣютъ для затрагиваемыхъ нами эпохъ подсобное, но второстепенное значеніе. Но и свидѣтельства исторической и особенно прото-исторической матеріальной культуры должны быть установлены независимо. Я коснусь лишь двухъ деталей.

¹ См. выше стр. 330. Думаю, современный лингвистъ не долженъ быть склоннымъ не только отстаивать, но и предлагать хотя бы съ вопросомъ такую этимологию доисторическаго еще тотемической эпохи слова, какъ «πελός schwarzblau, ἀργός weiss?» (Prellwitz, *Et. Wb.*, s. v.), и станетъ скорѣе на сторону L. Meyer'a, признавшаго его съ индоевропейской точки зрѣнія непонятнымъ; напрасно это «непонятное» однако L. Meyer «съ вѣроятностью» считалъ «составнымъ» (*Hb. d. Gr. Et.*, s. v.: «*Etymologisch nicht verständlich. Wahrscheinlich ein zusammengesetztes Wort.*»).

² Aetos Prometheus въ *Cultes, mythes et religions*, t. III, Парижъ, 1908, стр. 72—73.

³ *Cultes, mythes et religions*, II, стр. 243.

Американская экспедиція (Февр. — июнь 1911) въ дополненіе къ матеріаламъ, побуждавшимъ ставить вопросъ о связи этрусковъ съ лидійской культурой, вскрыла въ откопанныхъ ею золотыхъ украшеніяхъ поразительное сходство въ лидійской и этрусской техникѣ золотыхъ дѣлъ мастерства. Для нашего вопроса во всемъ объемѣ, пожалуй, большее значеніе могли бы представить въ результатахъ той-же экспедиціи новыя данныя, касающіяся монументальнаго искусства. «Подъ самымъ нижнимъ рядомъ могилъ напали на стѣны домовъ, нижнія части которыхъ сложены были изъ сырцовыхъ кирпичей («изъ кирпичей высушенныхъ на солнцѣ»), тогда какъ кровли и другія детали состояли изъ кирпичей обожженныхъ (Teggekottaziegel); послѣдніе, повидимому, были выкрашены и покрыты какой-то глазурью. Эти остатки частью достигаютъ VI-го вѣка до Р. X. (bis ins sechste Jahrhundert zurück)¹. На такую осторожную датировку повліяло, вѣроятно, и то обстоятельство, что «въ числѣ интереснѣйшихъ находокъ въ могилахъ» отмѣчаются «кирпичи или плиты (Ziegelsteine), которые въ большинствѣ принадлежатъ греко-персидскому народу». Любопытно, что и въ Ванѣ сырцовые кирпичи относятъ ученые въ позднѣйшее строительство, въ такомъ строительствѣ на Топрах-Кале въ Ванѣ усматриваютъ наслоеніе даже сасанидской эпохи. Между тѣмъ обстоятельства, вскрытыя именно въ указанномъ пунктѣ раскопками нашими 1916-го года, вынуждаютъ отнести сооруженіе дворца изъ сырцовыхъ кирпичей съ бронзовыми и шлифованнаго камня орнаментными частями къ древнѣйшимъ памятникамъ, быть можетъ, первымъ, монументальнаго искусства халдскихъ царей: этотъ дворецъ, развалины котораго на Топрах-Кале, существовалъ до предполагаемаго разгрома Сардура II-го Тиглатъ-Пилесаромъ въ половинѣ VIII-го вѣка. Во всякомъ случаѣ сравнительное изученіе ванскихъ руинъ изъ сырцовъ на Топрах-Кале съ остатками сырцовыхъ-же построекъ въ нижней стратѣ подъ раскопанными въ Сардахъ, въ Лидіи, могилами могло бы дать намъ руководящую нить въ томъ или иномъ смыслѣ, когда намѣчается въ этой малоазійской странѣ звено цѣпи, соединяющей Этрурію съ Кавказомъ. Эта подробность могла-бы представить интересъ въ нашемъ вопросѣ и прослѣживаніемъ соотвѣтственной подробности матеріальной культуры, когда особенно съ одной стороны хеттско-малоазійская обувь и культурно выявляетъ сродныя черты, объединяющія съ этимъ краемъ Этрурію², а съ другой и на западѣ, какъ въ Ар-

¹ Asien Sardes въ *Altertumsberichte* за подписью Wdr въ *OLZ*, XV (1912), 5, стр. 230.

² W. M. Müller, A. u. E., стр. 341, прим.: « . . . merkwürdig ähnlich dagegen auf manchen etruskischen Bildern, Zz. B. auf dem Relief von Caere, Longpérier, Mus. Nap. 88 u. Vergers, L'Etrurie, pl. 9».

мении нынѣ¹ былъ терминъ отъ того-же племенного названія для обозначенія особой обуви — *Tυρρηνικά σανδάλια*².

Исторія этническаго термина сама по себѣ, не спору, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, пока не узнанъ языкъ племени, названіе котораго анализируется, пока не разъяснены оставленные имъ памятники родной рѣчи въ такой хотя-бы степени, чтобы признать ихъ подсуднымъ яфетидологическому разбору. Однако, во-первыхъ, нельзя считать лишеннымъ своего собственнаго значенія разсмотрѣніе формальной стороны племенныхъ названій, поскольку оно вскрываетъ явленія, общія для всего яфетическаго міра, и свидѣлствуютъ все-таки о наличіи хотя-бы частичномъ въ этрусскомъ звуковыхъ законовъ и морфологическихъ явленій, общихъ съ фонетикой и морфологіею яфетическихъ языковъ. Во-вторыхъ мы далеки отъ мысли искать въ этрусскомъ языкѣ, непременно, примитива-представителя яфетической семьи. Какъ этруски, такъ пеласги и лелеги, не оставившіе намъ письменныхъ памятниковъ, еще на азіатской прародинѣ находились въ условіяхъ, обязывавшихъ пережить процессъ скрещенія и гибридизаціи. И на югѣ, и на сѣверѣ Кавказа тому свидѣтели гибридные языки, яфетическо-аріоевропейскіе, въ числѣ ихъ на югѣ такіе характерные типы, какъ два языка Арменіи, возникшіе въ тѣхъ-же условіяхъ. И если не на этой прародинѣ, то по пути миграціи и этруски и особенно пеласги съ лелегами могли подвергнуться тому-же процессу скрещенія, и влиться въ предѣлы двухъ полуострововъ Европы уже гибридизованными и этнически, и лингвистически. Могло бы оказаться и такъ, что въ моментъ вступленія на почву конечнаго пункта та или иная миграціонная волна отъ яфетидизма сохраняла лишь одно наименованіе. Анализъ племенного названія въ такомъ случаѣ приобрѣталъ бы болѣе самостоятельное значеніе, но и тогда не было бы основанія терять надежду въ плодотворности исканія яфетическихъ элементовъ не только въ перерожденномъ въ языкъ другой семьи языкѣ самихъ яфетидовъ, если племя первоначально было дѣйствительно яфетическимъ и говорило на одномъ изъ яфетическихъ языковъ, но и въ языкахъ сосѣднихъ народовъ, тѣмъ болѣе тѣхъ народовъ, которые дали міру неслыханно пышный расцвѣтъ человѣческой рѣчи на территоріи, унаслѣдованной отъ «исчезнуващаго» культурнаго населенія иного племени. И чудеса, когда они дѣйствительны, имѣютъ реальное оправданіе въ богатыхъ источникахъ матеріальныхъ средствъ, изъ которыхъ создается чудо природы, тѣмъ болѣе такое соціальное чудо какъ міровой языкъ, языкъ міровой обще-

¹ См. выше, стр. 327.

² O. Müller, 272, см. W. M. Müller, A. u. E., стр. 383, п. 3.

ственности, языкъ міровой культуры. Не одни художественныя достиженія эллиновъ въ памятникахъ матеріальной культуры получены усвоеніемъ духовныхъ богатствъ «исчезнувшихъ» творцовъ-народовъ, происходило-ли это усвоеніе подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ совершенныхъ формъ матеріальныхъ памятниковъ ихъ культурнаго наслѣдія или въ силу наслѣдственно сохранившагося накопленія культурныхъ навыковъ древняго народа въ «поглощавшемъ» его скрещенномъ этническомъ новообразованіи. Чтобы реалистически раскрыть матеріальныя условія возникновенія упомянутыхъ социальныхъ чудесъ нашъ этрусскій вопросъ, для освѣщенія подхода къ которому и взята была тема настоящей статьи, надо разбить на двѣ существенно различныя темы, двѣ различныя проблемы. Во-первыхъ, этногеническая роль урартійцевъ (этрусковъ и пеласговъ) на западѣ въ выработкѣ новыхъ племенныхъ типовъ — греческаго и латинскаго. Во-вторыхъ, культурно-историческая роль націонализовавшихся на западѣ урартійцевъ, именно этрусковъ въ Италиі, связь ихъ въ памятникахъ матеріальной культуры въ Передней Азіи, какъ съ западными малоазійскими національными объединеніями, такъ съ позднѣйшими національными единицами въ предѣлахъ кавказскаго яфетическаго міра, на югѣ съ халдами на захваченной ими урартской территоріи, на сѣверѣ, по сѣверному Кавказу, съ рядомъ смѣнявшихся національно-культурныхъ новообразованій на территоріи, унаслѣдованной отъ яфетидовъ, лазговъ или пеласговъ.

Наконецъ, отъ этрусскаго и пелазгскаго вопроса, важнаго для этногеніи и эллиновъ и сугубо латинянъ, долженъ быть отдѣляемъ іонійскій, съ аспектомъ также двойнымъ, эллинскимъ, іонійско-ахейскимъ и іонійско-греческимъ (іоно-герскимъ), а также чисто кавказскимъ двухстороннимъ, именно армянскимъ—хайо- или ахайо-хайкскимъ (іоно-бас^Гк^Гскимъ) или, въ паличномъ произношеніи термина, сон-мехскимъ (шон-мехскимъ) и грузинскимъ—иверо-чанскимъ (иберо-іонскимъ) или, какъ звучитъ терминъ реально въ живой рѣчи, бер-дзэнскимъ, и ни въ какомъ случаѣ ни на этрусскій, ни на іонійскій, ни на иной частный по существу вопросъ нѣтъ основанія взваливать цѣлкомъ всю тяжесть яфетидологической проблемы о средиземноморской культурѣ, о чуемой въ ея созиданіи большой роли народовъ яфетическаго племени, не однихъ пеласговъ-этрусковъ и іоновъ.

Н. Марръ.

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДІЯ

Н. Веселовкин?

Н. И. Веселовскій, какъ изслѣдователь Востока и историкъ русской науки¹.

12 апрѣля (30 марта) текущаго года скончался Николай Ивановичъ Веселовскій, съ 1908 г. стоявшій во главѣ нашего Отдѣленія, принимавшій дѣятельное участіе въ жизни нашего Общества въ цѣломъ, въ которомъ съ 1881 г. состоялъ членомъ-сотрудникомъ, съ 1889 г. дѣйствительнымъ членомъ.

Николай Ивановичъ былъ ученикомъ и преемникомъ перваго представителя кафедры исторіи Востока въ нашемъ университетѣ, проф. В. В. Григорьева, также принимавшаго дѣятельное участіе въ жизни Археологическаго Общества и его восточнаго отдѣленія, въ которомъ былъ управляющимъ съ 1867 г. до своей смерти, послѣдовавшей въ 1881 г. О научныхъ заслугахъ В. В. Григорьева и о его вліяніи на молодое поколѣніе изслѣдователей Востока писали многіе, но Николай Ивановичъ своей книгой «В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ», изданной въ 1887 г. Археологическимъ Обществомъ, поставилъ своему учителю памятникъ, какого не имѣеть до сихъ поръ ни одинъ изъ другихъ русскихъ ориенталистовъ². Въ этой книгѣ ясно очерчено, со всѣми своими достоинствами и недостатками, то научное направленіе, главнымъ представителемъ котораго былъ Григорьевъ и къ которому еще въ студенческіе годы примкнулъ покойный Николай Ивановичъ.

По замѣчанію Николая Ивановича, «преподаваніе восточныхъ языковъ первоначально возникло въ нашихъ университетахъ изъ подражанія западной Европѣ», тогда какъ «кафедра исторіи Востока—учрежденіе наше соб-

¹ Читано въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 23/10 мая 1918 г.

² До нѣкоторой степени съ этой книгой можетъ быть сопоставлена изданная въ томъ же году «Bibliographie analytique des ouvrages de M. M.-F. Brosset», составленная по другому плану и имѣвшая другую цѣль.

ственное, оригинальное, возникшее органически»¹. Первымъ профессоромъ исторіи Востока было суждено сдѣлаться ученому, болѣе чѣмъ за четверть вѣка до учрежденія этой каѳедры указавшему на необходимость такого учрежденія. Николай Ивановичъ не прибавляетъ, что въ 1837 г., когда Григорьевъ представлялъ въ университетъ свой проектъ², каѳедра исторіи Востока существовала, если не въ университетѣ, то въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. За все время существованія каѳедры въ учебномъ отдѣленіи (1835 — 1843) ее занималъ будущій академикъ Б. А. Дорнъ³; его лекціи могъ слушать и Григорьевъ, принадлежавшій къ числу студентовъ учебнаго отдѣленія съ октября 1834 до марта 1836 г.

Какъ указываетъ въ своей книгѣ Николай Ивановичъ, обобщающій культурно-историческій курсъ долженъ былъ установить связь между разрозненными лингвистическими спеціальностями и дать студентамъ тотъ «общій взглядъ на Азію», котораго не могли давать лингвистическія каѳедры. Въ учебномъ отдѣленіи, гдѣ преподавались только языки арабскій, персидскій и турецкій, предметомъ такого обобщающаго курса могла быть только исторія мусульманскаго Востока, которая и читалась Дорномъ⁴; въ факультетѣ задачи курса были поставлены шире и должны были обнять всю Азію. Личной собственностью Григорьева можно признать, повидимому, тѣ политическія соображенія, которыя приведены въ пользу учрежденія каѳедры въ проектѣ 1837 г.: «лучшее средство противодѣйствовать вліянію Запада — это опереться на изученіе Востока», такъ какъ «распространеніе и усиленіе въ Россіи восточныхъ занятій» сдѣлаетъ «горизонтъ нашихъ свѣдѣній и соображеній шире, чѣмъ у мыслителей и дѣятелей западной Европы».

Въ устахъ такого ученаго, какимъ былъ проф. Григорьевъ, слова о «противодѣйствіи вліянію Запада» не имѣли того анти-культурнаго и реакціоннаго смысла, какой можно было бы приписать имъ по ихъ буквальному значенію. Григорьевъ не могъ не сознавать, что въ Россіи XIX в. каждая научная мысль, хотя бы предметомъ ея былъ Востокъ, была неразрывно связана съ западно-европейской культурой. Онъ могъ называть своей родной

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 231.

² О немъ *ibid.* 332 и сл.

³ По формулярному списку Дорна (въ архивѣ Академіи Наукъ) онъ «при введеніи при учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ министерства иностранныхъ дѣлъ преподаванія исторіи и географіи Азій, опредѣленъ въ вѣдомство сего министерства по Высочайшему повелѣнію 1834 г. 28 августа»; приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей 1 ноября 1835 г.; «при назначеніи къ увольненію его изъ учебнаго отдѣленія Азіатскаго департамента Всемилостивѣйше пожаловано ему единовременное пособіе 4000 р. сер. 1843 г. 4 дек.»

⁴ Такъ по запискѣ Николая Ивановича въ Трудахъ 3-го междунар. съѣзда ориенталистовъ, I, 134.

Петербургъ самымъ нерусскимъ городомъ изъ русскихъ городовъ¹, но достаточно было ему въ томъ же 1837 г. побывать въ Москвѣ, чтобы писать оттуда своему другу Савельеву: «теперь только я начинаю понимать цѣну той европейской холодности Петербурга, которую укоряютъ его москвичи»². Для Григорьева борьба съ вліяніемъ Запада сводилась, по крайней мѣрѣ въ области науки, къ борьбѣ съ рабской зависимостью отъ этого вліянія. Лучшимъ средствомъ борьбы, какъ указывалось не однимъ Григорьевымъ и не только въ области востоковѣдѣнія, было самостоятельное изученіе первоисточниковъ, преимущественно тѣхъ, которые русскимъ ученымъ были ближе и доступнѣе, чѣмъ западно-европейскимъ; но, конечно, необходимымъ условіемъ было предварительное усвоеніе западно-европейскихъ научныхъ методовъ и созданіе въ Россіи научной школы, которая бы не уступала западно-европейскимъ. Съ нѣсколько преувеличеннымъ рвеніемъ оберегая достоинство и самостоятельность русской науки, Григорьевъ не всегда сознавалъ несоотвѣтствіе между вполне законными національно-культурными стремленіями и тѣми средствами къ ихъ достиженію, которыми располагали его современники. Если Академія Наукъ въ 1911 г. имѣла право протестовать противъ подчиненія русской высшей школы «иноземному учительству»³, то едва ли Григорьевъ имѣлъ основаніе требовать въ 1866 г., чтобы «посылка за границу молодыхъ людей собственно для приготовленія къ профессурѣ» была «вовсе отмѣнена»⁴. Несмотря на долговременное существованіе кафедры арабской филологіи, прочныя традиціи были созданы въ Россіи въ этой области востоковѣдѣнія только въ 70-хъ годахъ дѣятельностью бар. Розена; еще труднѣе было прочно организовать въ Россіи преподаваніе такого новаго предмета, какимъ была исторія Востока.

Предлагая въ 1837 г. свой проектъ обобщающаго курса, Григорьевъ безсознательно подчинился вліянію западной Европы, гдѣ въ 30-хъ годахъ господствовало стремленіе къ синтезу, тогда же получившее въ Россіи нѣсколько уродливое выраженіе въ извѣстныхъ «Философическихъ письмахъ» Чаадаева⁵. Къ 60-мъ годамъ, когда проектъ получилъ осуществленіе, въ европейской наукѣ, въ томъ числѣ и въ востоковѣдѣніи, уже произошелъ поворотъ въ сторону спеціализаціи. вмѣсто предполагавшагося проектами

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 1.

² Ibid., стр. 24.

³ ИАН, 1911 г., стр. 962.

⁴ Матер. для ист. фак. Вост. яз., II, 36.

⁵ Особенно характерны выраженія второго письма (не напечатаннаго при жизни Чаадаева); автору казалось, что фактовъ «собрано довольно»; «историческій матеріалъ теперь почти истощенъ, и исторіи остается только размышлять» (А. Н. Пыпинъ, Характеристики литер. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. СПб. 1890, стр. 165).

20-хъ и 30-хъ годовъ преподаванія исторіи Востока однимъ лицомъ, даже не равноправнымъ съ представителями лингвистическихъ кафедр¹, уставомъ 1863 г. было предусматрѣно дѣленіе исторіи Востока на три специальности— исторію семитическихъ народовъ, исторію сѣверо-восточной Азіи и исторію арійскихъ народовъ Азіи, чтобы каждая специальность «обнимала исторію извѣстнаго числа соплеменныхъ азіатскихъ народовъ»². Предметомъ лекцій проф. Григорьева, кромѣ общаго введенія, была «исторія сѣверо-восточной Азіи», т. е. исторія народовъ той предполагавшейся семьи языковъ, которую Григорьевъ въ годы своей молодости называлъ «чудьской»³. Общее введеніе, въ которомъ профессоръ сначала ставилъ себѣ гораздо болѣе широкія задачи, скоро превратилось въ обзоръ исторіи постепеннаго ознакомленія европейцевъ съ различными частями Азіи⁴.

Кореннымъ недостаткомъ этого дѣленія было приуроченіе его не къ культурно-историческимъ группамъ или періодамъ, но къ группамъ лингвистическимъ; между тѣмъ народы, родственные по языку, могли не имѣть между собою по своимъ историческимъ судьбамъ ничего общаго. При чтеніи лекцій по исторіи сѣверо-восточной Азіи этотъ недостатокъ не былъ ощутителенъ; для народовъ сѣверо-восточной Азіи кочевой бытъ былъ еще болѣе реальнымъ связующимъ звеномъ, чѣмъ предполагавшееся лингвистическое родство. Выясненію фактовъ, повторявшихся въ исторической жизни кочевниковъ всѣхъ расъ и періодовъ, Григорьевъ посвятилъ одну изъ своихъ лучшихъ статей⁵. Для Россіи, по ея историческимъ судьбамъ, изученіе исторіи кочевниковъ и основанныхъ ими государствъ имѣло особенное значеніе. Еще до появленія національной русской науки работавшими въ Россіи иностранными учеными⁶, оріенталистами и даже не-оріенталистами, были поставлены на очередь вопросы, связанные съ изученіемъ кочевыхъ государствъ, въ составъ которыхъ нѣкогда входила Россія, именно государствъ хазарскаго и монгольскаго; по мѣрѣ развитія сношеній между Россіей и средне-азіатскими ханствами къ этому присоединилось изученіе исторіи тѣхъ завоеванныхъ кочевниками культурныхъ областей Средней Азіи, которыя для западно-европейскихъ ученыхъ были въ то время почти совер-

¹ Проектомъ 1832 г. предполагалось создать шесть ординатуръ для шести восточныхъ языковъ и одну экстраординатуру «для исторіи, географіи и археологіи восточныхъ». Ср. Матер. для ист. фак. Вост. яз., I, 137; IV, 46.

² Матер. для ист. фак. Вост. яз., I, 381.

³ В. В. Григорьевъ, стр. 13.

⁴ Ibid., стр. 234 сл. В. Бартольдъ, Исторія изуч. Востока, предисловіе.

⁵ ЖМНП, ч. 178 (1875), стр. 1—27.

⁶ Ср. предисловіе къ «Сборнику матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды» бар. В. Г. Тизенгаузена.

скихъ занятій въ определенное время, Григорьевъ старался возбудить въ студентахъ стремленіе къ самостоятельной разработкѣ научныхъ вопросовъ, не стѣсня ихъ въ выборѣ темы: «пусть каждый пишетъ о томъ, что кажется ему интереснѣе, лишь бы писалъ научнообразно, и предметъ относился до Азіи». Но, предлагая студентамъ темы для соисканія наградъ медалями, Григорьевъ, конечно, руководился своими собственными научными интересами въ области изученія исторіи монгольской имперіи и средне-азіатскихъ народовъ. Одна изъ такихъ темъ, о податяхъ и повинностяхъ, взимавшихся монголами съ покоренныхъ народовъ, была разработана Николаемъ Ивановичемъ, трудъ котораго въ 1873 г. былъ удостоенъ факультетомъ, на основаніи отзыва Григорьева¹, золотой медалью.

Занятія Николая Ивановича еще раньше обратили на себя вниманіе профессоровъ; осенью 1870 г. факультетъ предполагалъ назначить ему стипендію министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ студенту, «по своимъ занятіямъ и недостаточности средствъ вполне заслуживающему такого ходатайства факультета»². Выборъ имъ специальности, помимо вліянія Григорьева, могъ быть определенъ также личными причинами. Происходя изъ матеріально необезпеченной мѣщанской семьи³, получивъ среднее образованіе въ провинціальной, именно въ Вологодской гимназіи, Николай Ивановичъ, естественно, не владелъ иностранными языками въ такой степени, какъ молодые люди, выросшіе при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и потому долженъ былъ отдать предпочтеніе специальности, въ которой онъ менѣе всего зависѣлъ отъ западной науки. Николай Ивановичъ оставался и впоследствии болѣе русскимъ, чѣмъ европейскимъ ученымъ; дѣятельный участникъ едва ли не всѣхъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ, начиная съ 6-го (одесскаго), онъ до конца жизни не совершилъ ни одной поѣздки въ западную Европу и не имѣлъ сколько нибудь оживленныхъ сношеній съ западнымъ ученымъ міромъ.

Въ факультетскомъ отзывѣ о медальномъ сочиненіи Николая Ивановича указывается, что молодой авторъ не вполне правильно понялъ тему; имѣлась въ виду чисто-филологическая цѣль — выяснитъ точное значеніе монгольскихъ и турецкихъ словъ, встрѣчающихся въ ханскихъ грамотахъ и относящихся къ податямъ и повинностямъ; авторъ поставилъ свою задачу шире и старался по источникамъ «выяснить монгольскую систему податей

¹ Отзывъ напечатанъ въ Проток. засѣд. сов., № 7, стр. 121 сл.

² Проток. засѣд. сов., № 3, стр. 16.

³ Въ одномъ изъ документовъ, находящихся въ дѣлѣ Н. И. Веселовскаго (въ университетскомъ архивѣ), упоминается увольнительное свидѣтельство, полученное его отцомъ изъ московской ремесленной управы.

и повинностей». Повидимому, приходится въ этомъ случаѣ признать взглядъ ученика болѣе правильнымъ, чѣмъ взглядъ учителя; выполнение филологической задачи едва ли было возможно безъ изученія реально-историческихъ условій, безъ выясненія той стороны государственной жизни, къ которой относятся встрѣчающіеся въ грамотахъ термины. Вполнѣ естественно, что эта работа, не выполненная и до сихъ поръ, оказалась непосильной для студента. О рѣдкой добросовѣстности, съ которой молодой авторъ старался сдѣлать все, что было въ его силахъ, свидѣлствуютъ слова факультетскаго отзыва, что въ представленной работѣ нельзя было найти ни одного историческаго, географическаго или хронологическаго промаха — слова, которыя довольно рѣдко приходится читать въ отзывахъ о студенческихъ работахъ вообще и о работахъ студентовъ-оріенталистовъ въ особенности.

Къ исторіи Золотой Орды и монгольской имперіи Николай Ивановичъ возвращался впоследствии много разъ, начиная со статьи о Куликовской битвѣ, напечатанной въ «Древней и Новой Россіи» 1880 г., по случаю четырехсотлѣтія со дня битвы, и кончая рецензіей на изданный въ 1916 г. трудъ М. Д. Приселкова «Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ». Въ этой области Николай Ивановичъ успѣшно продолжалъ труды своего учителя, которому уступалъ по дарованіямъ и широтѣ научнаго кругозора, но котораго превосходилъ трезвостью сужденій и стремленіемъ имѣть подъ ногами твердую почву. По справедливому замѣчанію Николая Ивановича, «у Григорьева не было той эрудиціи, которая пріобрѣтается кропотливымъ собираніемъ фактовъ, но онъ обладалъ яснымъ взглядомъ на историческія событія, имѣлъ широкій полетъ мысли, оттого его выводы и заключенія иногда смѣлы, но всегда цѣнны»¹. Принявшись еще въ молодости, подъ руководствомъ Френа и Сенковскаго, за составленіе исторіи Золотой Орды², Григорьевъ впоследствии далъ объ этомъ предметѣ рядъ блестящихъ этюдовъ, но самая исторія не была написана, какъ остается ненаписанной и до сихъ поръ. Николай Ивановичъ и впоследствии предъявлялъ къ трудамъ въ этой области такія же строгія требованія, какъ въ своей студенческой работѣ; его не удовлетворялъ даже талантливый «Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева» И. Н. Березина, такъ какъ въ этомъ трудѣ не выяснено, «дѣйствительно ли существовали въ Золотой Ордѣ всѣ тѣ подати, которыя перечислялись въ ярлыкахъ, и существовали ли всѣ тѣ должности, которыя упоминались въ этихъ документахъ»³. Своими собственными работами Николай Ивановичъ не подвинулъ, однако, впередъ

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 277.

² Ibid., стр. 22 сл.

³ ЖМНИ, ч. 68 (1917), стр. 120.

этой задачи; превосходя своего учителя усидчивостью и выдержкой, онъ тѣмъ не менѣе далъ намъ о татарахъ и монголахъ только рядъ статей сравнительно небольшого объема, притомъ составленныхъ главнымъ образомъ на основаніи словарнаго матеріала и переведенныхъ на русскій языкъ источниковъ. Не владѣя при поступленіи въ университетъ ни однимъ языкомъ, кромѣ русскаго, Николай Ивановичъ не усвоилъ и восточныхъ языковъ въ той степени, въ какой это было необходимо для производства самостоятельныхъ изысканій по первоисточникамъ, можетъ быть именно потому, что принимался за изученіе слишкомъ большого числа языковъ; кромѣ языковъ арабско-персидско-турецко-татарскаго разряда, имъ изучался и китайскій. Какъ въ послѣдніе, такъ уже въ первые годы своей научной дѣятельности¹, Николай Ивановичъ для изданія и перевода восточныхъ текстовъ былъ вынужденъ обращаться къ помощи представителей лингвистическихъ спеціальностей. Рядъ пробѣловъ и ошибокъ въ работахъ Николая Ивановича о монгольской имперіи и связанныхъ съ ней государствахъ объясняется невозможностью пользоваться подлинными текстами лѣтописей и официальныхъ документовъ².

До нѣкоторой степени этотъ недостатокъ возмѣщался тщательнымъ использованіемъ этнографическаго и археологическаго матеріала. Интересъ къ этнографіи, повидному, проявился у Николая Ивановича раньше, чѣмъ интересъ къ археологіи; Николай Ивановичъ еще въ 1879 г. вступилъ въ число членовъ Географическаго Общества и только въ 1881 г. сдѣлался членомъ-сотрудникомъ Археологическаго Общества. Въ статьяхъ о Золотой Ордѣ онъ касался и археологическихъ вопросовъ, какъ вопроса о мѣстоположеніи упоминаемаго на золотоордынскихъ монетахъ Гулистана; но въ гораздо большей степени имъ былъ использованъ для этихъ статей этнографическій матеріалъ, особенно свѣдѣнія о шаманствѣ, съ которыми было необходимо считаться и при разрѣшеніи такого археологическаго вопроса, какъ вопросъ о каменныхъ бабахъ. Этотъ вопросъ и другіе вопросы, свя-

¹ Въ томъ числѣ въ статьѣ о Куликовской битвѣ, для которой переводъ двухъ пѣсенъ о Мамаѣ былъ доставленъ В. Д. Смирновымъ (Др. и Нов. Россія, XVIII, 21 сл.). Первая пѣснь, о которой въ статьѣ Николая Ивановича сказано, что она «имѣется въ печатномъ сборникѣ», напечатана въ хрестоматіи Османова (Ногайскіе и Куманскіе тексты, стр. 63); вторая, извлеченная изъ «тетради Османова», по содержанію отчасти, но не вполне соответствуетъ тексту хрестоматіи на стр. 64.

² Ср., напр., статью Николая Ивановича «О турецко-татарскомъ словѣ тыш («зубъ») въ дипломатическихъ документахъ» (1915) и статью А. Н. Самойловича въ ИАН, 1917 г., стр. 1277 сл. Ср. также статью «Замѣтки по исторіи Золотой Орды» (1916), въ которой изъ лѣтописныхъ извѣстій использованы только источники, вошедшіе въ «Сборникъ» бар. Тизенгаузена, и совершенно оставленъ въ сторонѣ очеркъ исторіи Золотой Орды въ трудѣ Рашид-ад-дина, который уже въ то время былъ доступенъ въ печатномъ изданіи.

занные со средне-азиатскими религиозными вѣрованіями, касались не только монголовъ и ихъ современниковъ, но и болѣе раннихъ кочевыхъ народовъ; литературный матеріалъ, который, помимо этнографическихъ и археологическихъ данныхъ, было необходимо привлечь для такихъ изслѣдованій, относился, однако, главнымъ образомъ къ монгольскому періоду, такъ какъ о кочевыхъ народахъ того времени источники даютъ гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ о прежнихъ кочевыхъ государствахъ. Исторіи послѣднихъ Николай Ивановичъ въ своихъ печатныхъ работахъ мало касался; его статья по вопросу о гуннахъ стоитъ среди его работъ совершенно одиноко; къ мимоходомъ высказанной въ концѣ этой статьи гипотезѣ, что среди народовъ волжскаго бассейна потомками гунновъ являются башкиры, онъ потомъ не возвращался. Какъ этнографическимъ, такъ и археологическимъ матеріаломъ Николай Ивановичъ въ этой части своихъ изслѣдованій пользовался только изъ вторыхъ рукъ; ни этнографическихъ, ни археологическихъ изслѣдованій въ волжскомъ бассейнѣ онъ не производилъ, даже, насколько извѣстно, не посѣщалъ развалинъ золотоордынскихъ городовъ.

Послѣ окончанія университетскаго курса Николай Ивановичъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ занятію кафедры исторіи Востока. Съ 1 іюня 1873 до 1 января 1876 г. онъ пользовался стипендіей, потомъ еще полгода считался оставленнымъ при университетѣ безъ стипендіи; съ іюля 1876 г. связь его съ университетомъ была прервана и возобновилась только осенью 1877 г., послѣ защиты имъ магистерской диссертации. Къ этому неблагопріятному въ жизни Николая Ивановича времени относится 3-ій международный съѣздъ ориенталистовъ, состоявшійся въ Петербургѣ въ августѣ 1876 г. Участіе Николая Ивановича въ засѣданіяхъ съѣзда ограничилось представленіемъ статьи одного изъ его старшихъ товарищей М. Н. Ростиславова «Очеркъ видовъ земельной собственности и поземельный вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ», напечатанной потомъ въ «Трудахъ» съѣзда¹. Для тѣхъ же «Трудовъ», вышедшихъ въ свѣтъ только въ 1879 г., Николаемъ Ивановичемъ были собраны, въ обширной статьѣ, «Свѣдѣнія объ официальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи». Статья потребовала отъ автора большой кропотливой работы и до сихъ поръ остается незамѣняемымъ пособіемъ для всѣхъ, изучающихъ исторію русскаго востоковѣдѣнія.

Тема для магистерской диссертации была выбрана Николаемъ Ивановичемъ не изъ области исторіи монгольской и другихъ кочевыхъ имперій,

¹ Труды 3-го межд. съѣзда ориентал., т. I, стр. 329 сл. О представленіи статьи тамъ же, стр. LVII.

но изъ области исторіи новѣйшихъ средне-азиатскихъ ханствъ. Эта область тоже была близка проф. Григорьеву, посвятившему одной изъ странъ Средней Азіи, не вошедшей въ составъ Россіи, но сосѣдней съ Россіей, именно Восточному Туркестану, капитальное историко-географическое изслѣдованіе, въ видѣ дополненій къ соотвѣтствующей части труда К. Риттера. Григорьевъ не ожидалъ для Россіи большихъ экономическихъ выгодъ отъ завоеванія Туркестана, но понималъ, что для управленія вошедшей въ составъ Россіи культурной страной необходимо знать ея исторію. Его пора- жало «отсутствіе историческаго элемента» въ статьяхъ о будущности этого края, «точно будто бы онъ существуетъ со вчерашняго дня, точно будто бы въ прошлыхъ судьбахъ его нѣтъ никакихъ указаній относительно настоя- щаго его положенія»¹. Студентамъ для соисканія наградъ медалями нѣсколько разъ предлагались темы, относящіяся къ исторіи Туркестана; одна изъ такихъ темъ — о географической литературѣ арабовъ, «съ обозначеніемъ, какъ далеко простирались свѣдѣнія арабскихъ географовъ въглубь Сред- ней Азіи и какого достоинства эти свѣдѣнія», была разработана Н. Н. Пантусовымъ, сочиненіе котораго было удостоено въ 1871 г. золотой медали²; въ томъ же году Н. Н. Пантусовъ былъ оставленъ при универ- ситетѣ (по кафедрѣ исторіи Востока), но въ 1872 г. перешелъ на службу въ Туркестанъ³. 1873 г., годъ окончанія Николаемъ Ивановичемъ универ- ситетскаго курса, былъ годомъ хивинскаго похода (приготовленія къ кото- рому также отразились на русскихъ работахъ по востоковѣдѣнію). Студен- тамъ въ этотъ годъ для соисканія наградъ медалями было предложено «из- ложить историческій ходъ постепеннаго распространенія европейскихъ свѣ- дѣній о странахъ въ бассейнѣ Аму-дарьи»⁴; въ «Russische Revue» за тотъ же годъ было напечатано историко-географическое изслѣдованіе ориента- листа П. И. Лерха «Khiva oder Khârezm». Вѣроятно, не безъ вліянія Лерха, о которомъ онъ упоминаетъ въ предисловіи, какъ о своемъ руково- дителѣ, наравнѣ съ проф. Григорьевымъ, Николай Ивановичъ предме- томъ своей диссертациі избралъ «Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣ- ній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго». Зависимость отъ Лерха не ограничилась выборомъ темы; въ текстѣ книги⁵

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 237.

² Факультетскій отзывъ напечатанъ въ Проток. засѣд. сов. Имп. СПб. унив., № 3, стр. 132 сл.

³ Ср. ЗВО, XXIV, 240.

⁴ Факультетскій отзывъ объ удостоенной серебряной медали работѣ А. Романова (служившаго потомъ въ Туркестанѣ, ср. свѣдѣнія о немъ въ Матер. для ист. фак. Вост. яз., III, 71) напечатанъ въ Проток. засѣд. сов. Имп. СПб. унив., № 9, стр. 95 сл.

⁵ Очеркъ свѣд. о Хив. ханствѣ, стр. 87.

повторена ошибка Лерха¹, полагавшего, что съ конца XIV до второй половины XV в. мы не имѣемъ о Хорезмѣ никакихъ свѣдѣній. По плану работа Николая Ивановича, однако, существенно отличается отъ работы Лерха. Вопреки заглавію диссертациі, авторъ говоритъ въ предисловіи, что «избѣгалъ, по возможности, всякихъ географическихъ изслѣдованій»², тогда какъ въ работѣ Лерха географическимъ вопросамъ отведено значительное мѣсто. Для Лерха «Хива» была прежде всего старымъ культурнымъ «Хорезмомъ»; Николай Ивановичъ обращаетъ вниманіе не столько на этотъ Хорезмъ, о которомъ, кромѣ работы Лерха, въ то время уже существовала работа E. Sachau, сколько на «новую исторію Хивы, именно съ начала XVI столѣтія, съ утвержденія въ ней узбековъ», при чемъ главнымъ источникомъ были для него сообщенія русскихъ пословъ и путешественниковъ³.

Этимъ въ значительной степени опредѣляются достоинства и недостатки не только магистерской диссертациі Николая Ивановича, но и другихъ его трудовъ по исторіи культурной Средней Азіи. Подробное ознакомленіе съ восточными источниками было въ этомъ случаѣ еще болѣе необходимо, чѣмъ при изученіи исторіи кочевниковъ, и недостаточность познаній Николая Ивановича въ восточныхъ языкахъ не могла не отражаться на результатахъ его дѣятельности прежде всего въ количественномъ отношеніи; капитальныхъ историческихъ трудовъ, требовавшихъ сложныхъ изысканій по первоисточникамъ, онъ не могъ намъ дать. Довольно часто имъ высказывались предположенія, отъ которыхъ онъ отказался бы при сколько нибудь подробномъ ознакомленіи съ первоисточниками; таково, напримѣръ, высказанное въ диссертациі мнѣніе, что мусульманскіе владѣтели Хорезма до XII в. не могли называть себя хорезмшахами и что «арабскіе писатели» даютъ имъ этотъ титулъ только «по недостатку отчетливости»⁴. Той же причиной объясняются нѣкоторыя ошибки Николая Ивановича въ области внѣшней исторической критики, какъ отстаиваніе подлинности явно подложной автобіографіи Тимура⁵. Съ другой стороны, «нетрудное, но кропотливое»⁶, по выраженію Николая Ивановича, дѣло собранія и критическаго изслѣдованія рассказовъ русскихъ пословъ и путешественниковъ выполнялось имъ въ совершенствѣ. Въ этомъ отношеніи какъ изслѣдователи исторіи

¹ Khiva oder Khârezm, отд. оттискъ, стр. 40. Свѣдѣнія изъ *مطلع السعديين* Абд-ар-Резака Самарканди задолго до появленія труда Лерха были сообщены даже на французскомъ языкѣ Катрмеромъ (Not. et Extr. XIV, 1-re partie, 225 сл.).

² Очеркъ, стр. VI.

³ Ibid., стр. VII.

⁴ Очеркъ, стр. 60 сл.

⁵ ЗВО, VI, 345 и ЖМНП, ч. 303 (1896), стр. 226 сл.

⁶ Очеркъ, стр. VII.

Средней Азии, такъ и русскіе историки еще долго будутъ находиться въ зависимости отъ работъ Николая Ивановича, не только отъ изданныхъ имъ архивныхъ матеріаловъ, но и отъ его подробныхъ и тщательныхъ комментариевъ къ лѣтописнымъ и другимъ извѣстіямъ.

Особое мѣсто среди работъ Николая Ивановича по исторіи Средней Азии занимаютъ его рецензіи; въ нихъ онъ подробнѣе, чѣмъ въ своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ, высказывалъ свое мнѣніе о задачахъ русской науки и русской правительственной власти. Отзывы о чужихъ трудахъ писались имъ съ полнымъ уваженіемъ къ каждому добросовѣстному изслѣдованію или собранію матеріаловъ; только если авторъ ясно обнаруживалъ свое незнакомство съ предметомъ, о которомъ говорилъ, тонъ рецензента становился рѣзкимъ, иногда слишкомъ рѣзкимъ. Кромѣ того Николай Ивановичъ не выносилъ «патетическихъ разглагольствованій, которыя въ сущности ничего не говорятъ, но читать которыя какъ то противно»¹. Подобно Григорьеву, Николай Ивановичъ не раздѣлялъ «иллюзій насчетъ необыкновенныхъ богатствъ»² присоединеннаго къ Россіи Туркестанскаго края и въ своемъ скептицизмѣ шелъ, можетъ быть, даже слишкомъ далеко. Изъ научныхъ задачъ Николаю Ивановичу менѣе всего были понятны чисто-лингвистическія, особенно работы лингвистовъ новѣйшей школы, что нашло себѣ отраженіе если не въ печатныхъ рецензіяхъ Николая Ивановича, то на его публичныхъ выступленіяхъ, напримѣръ, на университетскихъ диспутахъ. Въ тѣхъ же выступленіяхъ, отчасти и въ печатныхъ статьяхъ, Николай Ивановичъ не всегда проявлялъ достаточно объективное отношеніе къ тѣмъ элементамъ, которыми опредѣляется культурное прошлое Востока — исламу, буддизму, дальне-восточной и средне-азиатской государственности. Николай Ивановичъ видѣлъ въ этихъ элементахъ силы, враждебныя современной русской и европейской культурѣ; имъ справедливо осуждались такія дѣйствія русской власти, какъ укрѣпленіе ислама³ и буддизма въ XVIII в. и укрѣпленіе такого обломка средневѣковой государственности, какъ власть бухарскаго эмира, въ концѣ XIX в.⁴ Но подъ вліяніемъ такого отношенія къ современности онъ былъ склоненъ преувеличивать и въ прошломъ отрицательныя стороны этихъ культурныхъ факторовъ и не вполне оцѣнивалъ ихъ заслуги.

Особенно значительны заслуги Николая Ивановича въ дѣлѣ археологическаго изученія Туркестана. Не вполне ясны причины увлеченія Нико-

¹ ЗВО, VI, 344.

² Ibid., II, 279.

³ Объ исламѣ особенно ЗВО, V, 118.

⁴ ЗВО, VIII, 164 сл.

лая Ивановича археологіей; можно было бы предполагать и въ этомъ случаѣ вліяніе Лерха, тѣмъ болѣе, что и Лерхъ, какъ въ послѣдствіи Николай Ивановичъ, интересовался археологіей не только какъ изслѣдователь Востока; еще въ 1862 г., за нѣсколько лѣтъ до своей археологической поѣздки въ Туркестанъ, Лерхъ напечаталъ статью объ орудіяхъ каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ. Но Николай Ивановичъ сталъ заниматься археологіей только въ 80-хъ годахъ, когда Лерха въ Россіи уже не было. Въ 70-хъ годахъ и въ началѣ 80-хъ Николай Ивановичъ еще не посѣщалъ археологическихъ съѣздовъ, хотя именно эти съѣзды, казанскій (1877) и тифлисскій (1881), по мѣсту своего созыва имѣли больше значенія для востоковѣдѣнія, чѣмъ послѣдующіе. Первымъ по времени признакомъ интереса къ археологіи была его поѣздка въ Москву въ декабрѣ 1882 г. для участія въ работахъ комитета, подготовлявшаго созывъ 6-го, одесскаго археологическаго съѣзда, состоявшагося въ августѣ 1884 г. Въ ноябрѣ того же 1884 г. Николай Ивановичъ получилъ отъ Археологической Комиссіи (средства на поѣздку были назначены также университетомъ) годичную командировку въ Туркестанъ для изслѣдованія городища Афрасіабъ близъ Самарканда и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ древности. Результатамъ раскопокъ, помимо отчета, опубликованнаго Археологической Комиссіей, Николай Ивановичъ посвятилъ въ послѣдствіи рядъ статей и докладовъ, но не сдѣлалъ ихъ предметомъ исчерпывающаго изслѣдованія; не былъ опубликованъ также атласъ находокъ, сдѣланныхъ на Афрасіабѣ и впервые установившихъ фактъ существованія въ до-мусульманскомъ Туркестанѣ искусства, находившагося подъ вліяніемъ греческаго. Вообще раскопками были добыты богатый матеріалъ для изученія до-мусульманскаго прошлаго этого края и возбужденъ рядъ научныхъ вопросовъ, въ послѣдствіи разъяснявшихся отчасти посредствомъ новыхъ археологическихъ находокъ, но главнымъ образомъ путемъ привлеченія литературнаго матеріала. По одному вопросу, именно по вопросу о стеклянномъ производствѣ въ Средней Азій, письменное свидѣтельство (изъ переведенныхъ на русскій языкъ китайскихъ источниковъ) было сообщено самимъ Николаемъ Ивановичемъ; въ остальныхъ случаяхъ это было сдѣлано другими. Догадка Николая Ивановича о принадлежности найденныхъ на Афрасіабѣ черепковъ къ «глинянымъ гробамъ до-мусульманскаго періода»¹ блестяще подтвердилась; но отъ археологическаго довода въ пользу своего мнѣнія (указаніе на аналогію съ кавказскими глиняными гробами) Николай Ивановичъ въ послѣдствіи самъ отказался; гораздо болѣе

¹ Ср. по этому вопросу мою статью (съ указаніемъ литературы предмета) въ Изв. Русскаго Комитета для изуч. Средней и Вост. Азій, № 8 (мартъ 1908 г.), стр. 47 сл.

важными оказались приведенныя другими учеными письменныя извѣстія о погребальныхъ обрядахъ послѣдователей религіи Зороастра вообще и населенія Туркестана въ частности. Раскопки Николая Ивановича на Афрасіабѣ доказали, что Афрасіабъ былъ покинутъ только въ XIII в., послѣ монгольскаго нашествія; но только показанія арабскихъ географовъ дали возможность выяснитъ историческую топографію до-монгольскаго Самарканда и то мѣсто, которое занимаетъ въ исторіи этого города Афрасіабъ¹. Николаемъ Ивановичемъ былъ установленъ фактъ существованія въ Туркестанѣ кургановъ, служившихъ не для погребенія, но представляющихъ остатки укрѣпленныхъ жилищъ прежнихъ жителей; сходство нѣкоторыхъ изъ этихъ кургановъ съ могильными курганами юга Россіи навело его на догадку, «не были ли первоначально всѣ курганы могильными, и уже потомъ, въ мусульманскій періодъ, населеніе придумало утилизировать ихъ для стратегическихъ цѣлей»². Впослѣдствіи, когда изъ арабскихъ источниковъ были извлечены извѣстія объ укрѣпленныхъ жилищахъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ — дихкановъ, Николай Ивановичъ отказался отъ своей прежней догадки и убѣдился, что курганы должны быть признаны остатками замковъ дихкановъ, хотя это убѣжденіе, несомнѣнно правильное (это видно уже изъ того, что именно въ долину Ангрена³, гдѣ дольше всего сохранялся прежній землевладѣльческій строй⁴, курганы особенно многочисленны), было высказано имъ только на лекціяхъ; въ печати его впервые высказалъ одинъ изъ туркестанскихъ изслѣдователей (нынѣ покойный)⁵, находившійся, какъ мнѣ извѣстно, въ перепискѣ съ Николаемъ Ивановичемъ.

Николай Ивановичъ интересовался культурной жизнью Туркестана не только въ до-мусульманскій періодъ, но и при исламѣ, до новѣйшихъ временъ включительно. Его вниманіе и въ этомъ случаѣ, какъ въ его работахъ о кочевникахъ, по тѣмъ же причинамъ, привлекали къ себѣ не столько письменные источники, сколько наблюденія надъ современной жизнью и вещественные памятники прошлаго. Николаемъ Ивановичемъ читались въ восточномъ отдѣленіи Археологическаго Общества доклады не только археологическаго, но и этнографическаго содержанія; имъ былъ собранъ въ Туркестанѣ даже нѣкоторый лингвистическій матеріалъ, переданный К. Г. Залеману⁶; кромѣ того имъ собирались и приводились въ извѣстность раз-

¹ ЗВО, XVI, стр. XXXIV сл.

² ЗВО, II, 224.

³ М. С. Андреевъ въ Средне-азиатскомъ Вѣстникѣ, май 1896 г., стр. 23.

⁴ Ср. объ «илакскомъ дихканѣ» В. Бартольдъ, Турк. въ эпоху монг. наш., II, 243 и 327.

⁵ Е. Т. Смирновъ въ Проток. Турк. кружка люб. арх., V, 178

⁶ Ср. ЗВО, XXI, 245.

сказы о недавнихъ политическихъ событіяхъ, изъ устъ участниковъ этихъ событіи. Но вообще въ работахъ Николая Ивановича о Туркестанѣ, въ противоположность его работамъ о кочевникахъ, этнографическій матеріалъ и наблюденія надъ современной жизнью занимали гораздо меньше мѣста, чѣмъ матеріалъ археологическій. Еще во время командировки 1885 г., какъ показываетъ прочитанный имъ въ мартѣ 1886 г. докладъ о Шахи-зиндѣ, онъ на ряду съ производствомъ раскопокъ на мѣстахъ древнихъ городищъ обратилъ вниманіе на необходимость изученія архитектурныхъ памятниковъ, сохранившихся на поверхности земли. Ассигнованіе средствъ на этотъ предметъ въ 1895 г. изъ государственнаго казначейства, по докладу министра финансовъ С. Ю. Витте, позволило Археологической Комиссіи въ томъ же году приступить къ выполненію намѣченныхъ работъ въ широкихъ размѣрахъ, при чемъ на Николая Ивановича, по его собственнымъ словамъ, было возложено «ближайшее наблюденіе и исполненіе плана работъ»¹. Въ дѣйствительности Николаю Ивановичу, какъ извѣстно многимъ, принадлежало не только выполненіе, но въ значительной степени также составленіе плана работъ, связанныхъ съ производствомъ обмѣровъ, изготовленіемъ чертежей, эстампажей, рисунковъ въ краскахъ и т. п. Работы возобновлялись нѣсколько разъ и были выполнены на средства Археологической Комиссіи для зданій Гуръ-эмиръ и Биби-ханымъ, отчасти для медресе Улугбека. Когда Археологическая Комиссія была вынуждена прервать эти работы по недостатку средствъ, въ связи съ японской войной, Николаемъ Ивановичемъ въ 1905 г. были произведены такія же работы на средства «Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи» въ мечети города Туркестана; на средства того же комитета въ 1908 г. были возобновлены работы въ Самаркандѣ, при чемъ предметомъ ихъ былъ на этотъ разъ мазаръ Рухабадъ. Весь матеріалъ поступилъ въ распоряженіе Археологической Комиссіи, которой было предпринято изданіе альбома «Самаркандскія мечети», съ текстомъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Изданіе альбома требовало большихъ средствъ, которыми комиссія не располагала; до сихъ поръ появился только одинъ выпускъ, вышедшій въ свѣтъ еще въ 1905 г. и посвященный только одному зданію Гуръ-эмиръ, при чемъ и это зданіе въ немъ далеко не исчерпано. На текстъ этого выпуска, какъ вообще на работахъ Николая Ивановича о Туркестанѣ, не могло не отразиться недостаточное изученіе литературныхъ источниковъ. Николаемъ Ивановичемъ было издано полностью историко-топографическое сочиненіе о Самаркандѣ одного изъ туземныхъ авторовъ XIX в. (русскій переводъ этого сочиненія еще

¹ ЗВО, XVII, 0182.

раньше былъ напечатанъ въ Самаркандѣ); довольно значительное число выписокъ изъ другихъ источниковъ, по обыкновенію, было передано имъ для перевода представителямъ лингвистическихъ кафедръ, но этотъ матеріалъ потомъ частью былъ утерянъ; кромѣ того этотъ способъ работы въ данномъ случаѣ не могъ привести къ цѣли. Необходимъ былъ не переводъ отдѣльныхъ текстовъ, но связное историческое изслѣдованіе по первоисточникамъ; только такое изслѣдованіе могло бы выяснитъ истинное значеніе архитектурныхъ и другихъ терминовъ въ данной мѣстности и въ данную эпоху. Пока эта работа не выполнена, не можетъ быть и научнаго описанія построекъ эпохи Тимура и Тимуридовъ. Отчасти, но не въ достаточной степени это сознавалъ и Николай Ивановичъ. Въ своей статьѣ о «Подробностяхъ смерти узбеккаго хана Мухаммеда Шейбани» онъ приводитъ свидѣтельство персидскихъ историковъ, что изъ черепа павшаго при Мервѣ въ 1510 г. хана была сдѣлана чаша, и рассказъ самаркандскаго уѣзднаго начальника Г. А. Арандаренко о перенесеніи на новое мѣсто ханской гробницы, при чемъ скелетъ Шейбани оказался безъ черепа. По замѣчанію Николая Ивановича, «настоящій случай свидѣтельствуесть, какъ исторія нуждается въ содѣйствіи археологій. Но не менѣе того нуждается и археологія въ помощи исторіи»¹. Едва ли правильно такое сопоставленіе исторіи и археологій, какъ двухъ самостоятельныхъ, хотя и связанныхъ между собою наукъ. Археологія, какъ дисциплина, посвященная изученію одной изъ категорій историческихъ источниковъ, именно вещественныхъ памятниковъ, составляетъ неразрывную часть единой исторической науки; только посредствомъ изученія источниковъ всѣхъ категорій можетъ быть выполнена задача историка, при чемъ это изученіе, конечно, можетъ быть результатомъ не только единоличнаго, но и коллективнаго труда. Русская наука располагала бы вполне достаточными силами для изученія самаркандскихъ построекъ не только съ точки зрѣнія археолога и художника, но въ связи съ общими задачами культурной исторіи; организаціей и выполненіемъ такихъ работъ былъ бы поставленъ лучшій памятникъ Николаю Ивановичу.

Защита магистерской диссертациіи открыла Николаю Ивановичу доступъ въ университетъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же 1877 г. былъ постигнутъ неизлечимой болѣзью П. И. Лерхъ, не успѣвшій окончить свою диссертацию, хотя еще въ 1871 г. блестяще выдержавшій магистерскій экзамень. По свидѣтельству Николая Ивановича, проф. Григорьевъ, отправляясь на этотъ экзамень, говорилъ: «Иду экзаменовать по исторіи Востока чело-вѣка, который лучше меня знаетъ эту исторію»². Въ 1878 г., тотчасъ

¹ Подробности смерти Шейбани, отд. отт., стр. 8.

² Труды вост. отд. И. Р. Арх. Общ., ч. XVIII, предисловіе.

послѣ избранія Николая Ивановича доцентомъ, Григорьевъ покинулъ университетъ, при чемъ въ своемъ прощальномъ письмѣ на имя ректора упоминалъ о томъ, что оставилъ кафедрѣ «не прежде, чѣмъ приготовилъ себѣ преемника»¹. Какъ университетскій преподаватель, Николай Ивановичъ, конечно, не могъ замѣнить своего предшественника, что лучше всего сознавалось имъ самимъ. Молодежь всегда относилась къ Николаю Ивановичу съ полнымъ уваженіемъ; но его университетскія лекціи не принадлежали къ числу такихъ, которыми могутъ увлекаться студенты. Среди собственныхъ научныхъ интересовъ Николая Ивановича исторія Востока все болѣе отходила на второй планъ по сравненію съ археологіей, и своимъ лекціямъ въ Археологическомъ Институтѣ онъ, вѣроятно, и самъ придавалъ больше значенія, чѣмъ лекціямъ въ университетѣ. Не только общія программы, но и содержаніе курсовъ Николая Ивановича мало отличались отъ курсовъ Григорьева, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда приходилось касаться новыхъ научныхъ открытій, напримѣръ дешифровки орхонскихъ надписей. Неоднократно Николаемъ Ивановичемъ предлагались для соисканія наградъ медалями темы, въ свое время предлагавшіяся его предшественникомъ². Изъ печатныхъ трудовъ бывшихъ слушателей Николая Ивановича мнѣ извѣстенъ только одинъ, въ которомъ авторъ называетъ своимъ непосредственнымъ руководителемъ Николая Ивановича, именно книга С. В. Жуковскаго «Сношенія Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе» (1915 г.); при разработкѣ такой темы, конечно, лучшаго руководителя, чѣмъ Николай Ивановичъ, не могло быть. Самому Николаю Ивановичу было совершенно чуждо стремленіе направлять молодежь на тотъ путь, которымъ онъ шелъ самъ. Какъ мнѣ извѣстно по собственному опыту, онъ предостерегалъ оставленныхъ при университетѣ по кафедрѣ исторіи Востока отъ увлеченія археологіей, чтобы археологическія разысканія не отняли у нихъ времени, необходимаго для научно-историческихъ трудовъ и пріобрѣтенія высшей ученой степени. Столь же мало онъ былъ доволенъ, когда его ученики вмѣсто изученія исторіи Востока по восточнымъ источникамъ выбирали для своихъ изслѣдованій тему изъ исторіи сношеній Россіи съ восточными государствами.

Своимъ отношеніемъ къ чужимъ трудамъ и къ дѣятельности другихъ ученыхъ Николай Ивановичъ показалъ себя достойнымъ ученикомъ автора

¹ В. В. Григорьевъ, стр. 270.

² Вопросъ о хуннахъ и хунъ-ну былъ поставленъ Григорьевымъ въ 1866 г., Николаемъ Ивановичемъ въ 1898 г. Предложенная Григорьевымъ въ 1871 г. тема «Опытъ обзора степныхъ законодательствъ отъ Модэ-шаньюя до Батора Хонтайдзи» вполне соответствуетъ темѣ, предложенной Николаемъ Ивановичемъ въ 1902 г., — «Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ до XVII столѣтія».

исторической записки, составленной ко дню пятидесятилѣтія С.-Петербургскаго университета. Составленная Николаемъ Ивановичемъ біографія К. П. Патканова показываетъ, съ какимъ вниманіемъ и любовью онъ слѣдилъ за дѣятельностью спеціалистовъ даже по такимъ отраслямъ востоковѣдѣнія, которыя были далеки отъ его собственныхъ занятій. Еще болѣе замѣчательны тотъ тактъ и то безпристрастіе, съ которыми Николай Ивановичъ въ некрологѣ бар. Розена сопоставилъ дѣятельность и вліяніе на студентовъ этого ученаго съ дѣятельностью и вліяніемъ Григорьева; рѣдко дѣятельность представителя новаго направленія, пришедшаго на смѣну старому, встрѣчала такую сочувственную оцѣнку со стороны преданнаго ученика руководителя прежней школы. Такое же безпристрастіе и такую же широту взгляда Николай Ивановичъ обнаруживалъ въ тѣхъ своихъ трудахъ по исторіи русской науки, въ которыхъ ему приходилось выступать за предѣлы востоковѣдѣнія, какъ въ «Исторіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилѣтіе его существованія». Николай Ивановичъ никогда не уклонялся отъ кропотливаго труда, связаннаго съ такими изданіями. Онъ былъ фактическимъ редакторомъ «Біографическаго словаря профессоровъ и преподавателей Императорскаго С.-Петербургскаго университета» за 1869—1894 гг.; имъ же редактировался третій (біографическій) томъ «Матеріаловъ для исторіи Факультета Восточныхъ Языковъ»; онъ же, наконецъ, взялъ на себя редактированіе біографическаго матеріала и матеріала по исторіи отдѣльныхъ кафедръ для сборника, который предполагалось издать ко дню столѣтія Петроградскаго университета.

Николай Ивановичъ не оставилъ по себѣ преемника, который былъ бы продолжателемъ его дѣятельности въ такой же мѣрѣ, какъ самъ онъ былъ продолжателемъ дѣятельности Григорьева. Научное направленіе, однимъ изъ главныхъ представителей котораго былъ Григорьевъ, все болѣе отходить въ прошлое. Несомнѣнно, что объ этомъ прошломъ и представители новыхъ направленій не разъ вспомнятъ съ сожалѣніемъ; по мѣрѣ того, какъ условія жизни вообще и условія дѣятельности ученаго въ частности становятся все болѣе сложными и противорѣчивыми, среди русскихъ ученыхъ все рѣже будутъ встрѣчаться такіе цѣльные люди, какими были, въ остальномъ, конечно, непохожіе другъ на друга В. А. Жуковскій и Н. И. Веселовскій. Если въ этомъ случаѣ приходится мириться съ отрицательными сторонами каждаго прогресса, то труднѣе примириться съ опасностью, угрожающей самостоятельности русскаго востоковѣдѣнія и тѣмъ его традиціямъ, которыя вполнѣ заслуживали бы сохраненія. По мѣрѣ сближенія русскаго ориентализма съ западно-европейскимъ среди молодыхъ ученыхъ замѣчается естественное стремленіе изучать первоисточники и первоначаль-

ныя основы каждой культуры; въ этомъ отношеніи ихъ болѣе привлекаетъ изученіе культуры Передней Азіи въ древности и въ мусульманскій періодъ, чѣмъ изученіе памятниковъ древней и средневѣковой культуры Кавказа и Туркестана, болѣе привлекаетъ изученіе буддизма въ Индіи, Китаѣ и Японіи, чѣмъ изученіе буддизма бурятъ и калмыковъ. Какъ бы ни было цѣнно участіе русскихъ ученыхъ въ обще-европейской, не связанной съ отдѣльными національными интересами научной работѣ, едва ли этимъ искупаются ущербъ отъ невыполненія задачъ, составляющихъ обязанность русской науки по географическому положенію Россіи и составу ея населенія. Отказываясь отъ изученія сѣверныхъ окраинъ древне-восточнаго, мусульманскаго и буддійскаго міра ради изученія основъ каждой культуры, русское востоковѣдѣніе вмѣстѣ съ тѣмъ отказывается отъ внесенія въ европейскую науку новаго матеріала и соглашается довольствоваться разработкой матеріала, уже затронутого западно-европейскими учеными. Въ интересахъ русской культуры и въ интересахъ міровой науки одинаково слѣдуетъ желать, чтобы научные вопросы, непосредственно связанные съ исторіей Россіи и входящихъ въ нее странъ, вновь нашли себѣ большее число изслѣдователей среди молодыхъ русскихъ оріенталистовъ, и чтобы послѣдніе пользовались своимъ лучшимъ знаніемъ западно-европейской науки и ея методовъ не для перехода отъ прежнихъ научныхъ задачъ къ новымъ, но для дальнѣйшаго развитія и углубленія трудовъ своихъ предшественниковъ.

В. Бартольдъ.

Памяти Н. И. Веселовскаго.

Въ августѣ 1907 года состоялось утвержденіе устава Русскаго Военно-Историческаго Общества, цѣлью котораго поставлено «изученіе военно-историческаго прошлаго русскаго народа во всѣхъ его проявленіяхъ».

Въ числѣ не военныхъ по своей профессіи лицъ на призывъ Общества откликнулся однимъ изъ первыхъ Н. И. Веселовскій, который съ первыхъ же дней своего пребыванія въ составѣ Общества принялъ непосредственное участіе въ его работахъ.

Будучи въ декабрѣ 1908 г. избранъ въ члены совѣта Общества и предсѣдателемъ разряда археологіи и археографіи, Н. И. неотступно входитъ во всѣ научныя предпріятія Общества и многими изъ нихъ руководить. Николая Ивановича мы видимъ на всѣхъ засѣданіяхъ Общества, какъ публичныхъ, гдѣ онъ выступаетъ съ рефератами, или принимаетъ участіе въ преніяхъ, такъ и въ организационныхъ — въ совѣтѣ Общества и особенно въ разрядѣ археологіи и археографіи, дѣятельностью котораго руководить непосредственно.

И нужно отдать справедливость покойному — только его настойчивости наука обязана осуществленіемъ изслѣдованія ряда древнихъ русскихъ крѣпостей. По его мысли для детальной разработки этой серьезной задачи была образована особая коммиссія, которая выработала подробную программу изслѣдованія древнихъ русскихъ крѣпостей Новгородско-Псковской земли¹.

Въ основу изслѣдованія крѣпостей при современномъ научномъ теченіи долженъ быть положенъ детальный непосредственный архитектурный обмѣръ всѣхъ сохранившихся частей крѣпости. Только при наличіи подроб-

¹ Труды Коммисіи напечатаны въ 1 т. «Запис. разр. воен. Арх. и Арх. Рус. В. И. Общ.» Прилож. I.

ныхъ чертежей, сопровождаемыхъ достаточнымъ количествомъ фотографическихъ снимковъ, возможно изученіе крѣпости, не говоря о томъ, что только такимъ путемъ имѣется возможность поддерживать сооруженіе въ будущемъ, не искажая его при реставраціи. Но эту часть работы (непосредственный обмѣръ и фотографированіе), какъ требующую значительныхъ средствъ и соотвѣтствующихъ работниковъ, — организовать являлось всегда наиболѣе труднымъ.

Н. И. Веселовскому наука обязана тѣмъ, что къ предпринятымъ работамъ удалось пригласить авторитетныхъ руководителей, и ему же обязана исходатайствованіемъ необходимыхъ средствъ для работъ.

До начала изслѣдованія крѣпостей Военно-Историческимъ Обществомъ, Н. И. было приложено много труда, чтобы поставить это дѣло вполне научно. По его приглашенію въ разрядѣ военной археологіи былъ сдѣланъ докладъ П. П. Покрышкинымъ о Смоленскомъ кремлѣ и были продемонстрированы чертежи, составленные по обмѣрамъ, какъ образцы для работъ Военно-Историческаго Общества.

Къ участию въ работахъ, для непосредственнаго руководства дѣломъ, были приглашены К. К. Романовъ и Н. К. Рерихъ, которыми и были составлены группы работниковъ для непосредственнаго обмѣра и фотографированія.

Результатами работъ 1910—1912 гг. явились: полное изслѣдованіе Изборской крѣпости (обмѣръ и фотографированіе всѣхъ деталей сохранившихся частей крѣпости въ составѣ шести башенъ съ пряслами и изслѣдованіе тайнаго хода), изслѣдованіе южной части новгородскаго дѣтинца (въ составѣ трехъ башенъ, съ прилегающими пряслами, въ томъ числѣ 16-саженной «Кукуевской» башни) и, наконецъ, детальное изслѣдованіе «Гремячей» башни псковской крѣпости. Н. И. принималъ участіе въ работахъ комиссіи по приему законченныхъ чертежей.

Начавшаяся въ 1914 году война прекратила эти работы и прервала предпринятое уже первое изданіе результатовъ изслѣдованія крѣпостей въ видѣ перваго выпуска Трудовъ Общества, посвященнаго монографіи «Гремячая башня псковской крѣпости» (изслѣдованіе К. К. Романова, со вступительной статьей С. О. Платонова).

Н. И. Веселовскимъ было сдѣлано и другое большое дѣло, тяжесть котораго онъ цѣликомъ принялъ на себя. Имъ были созданы «Записки Разряда военной археологіи и археографіи Импер. Русскаго-Военно-Историческаго Общества». Н. И. собиралъ для Записокъ матеріалъ, бралъ на себя всѣ хлопоты не только по редактированію, но и по изданію ихъ.

Всего было имъ выпущено три выпуска, включившихъ протоколы за-

сѣданій разряда, большое число оригинальныхъ статей и изслѣдованій военно-археологическаго содержанія (В. Г. Дружинина, Э. Э. Ленца, С. О. Платонова, С. М. Середонина, Н. Д. Чечулина и др.), критическія замѣтки и библиографію. Въ «Запискахъ» помѣщены изслѣдованія Н. И. Веселовскаго: «Военно-Историческій очеркъ гор. Анапы»¹, замѣтки «Дополненіе къ статьѣ А. И. Иванова: Походъ Монголовъ на Россію»² и «По поводу гравюры Р. де-Гоогге: Бой подъ Нарвой 19 ноября 1700 г.»³ и рядъ критическихъ статей подъ инициалами Н. В.

Н. И. Веселовскій припималъ участіе въ работахъ Общества и цѣлымъ рядомъ сообщеній въ публичныхъ собраніяхъ, изъ которыхъ отмѣчаемъ весьма содержательные доклады «О крымско-татарскомъ оружіи» и «Аральская флотилія по оффиціальнымъ даннымъ и по отзывамъ современниковъ»⁴ и сообщенія: «По поводу изданія архивныхъ документовъ», «О потерѣ якутскаго острога» и др.

Н. И., обладая замѣчательнымъ спокойствіемъ и выдержкой, относился всегда съ полнымъ уваженіемъ къ чужому мнѣнію, а своей доброжелательностью умѣлъ ободрить начинающаго и дать ему вѣру въ свои силы и способность работать на пользу науки, и такимъ образомъ являлся образцовымъ руководителемъ и предсѣдателемъ разряда, не допускавшимъ никакихъ отклоненій отъ программы. Въ своемъ заключительномъ словѣ, послѣ бывавшихъ бурныхъ преній, Н. И. всегда вносилъ умиротвореніе. Онъ тщательно слѣдилъ, чтобы работа разряда была объективно-научной, безъ какой бы то было тенденціи, хотя къ тому представлялось не мало случаевъ.

Такое направленіе дѣятельности разряда, естественно, сгруппировало въ разрядѣ настоящихъ работниковъ и лицъ интересующихся стариной, — и это также была одна изъ заслугъ покойнаго, всегда съ большою готовностью шедшаго на встрѣчу каждому изъ насъ, обращавшихся къ нему за научной помощью и совѣтомъ.

Н. Печенкинъ.

30/17 мая 1918 г.

¹ «Зап. разр. воен. Ар. и Арх. Имп. Р. В. И. Общ.», стр. 27—98, съ 10 таблицами.

² Ibid., стр. 23—26.

³ Ibid., стр. 99—100.

⁴ Это изслѣдованіе Н. И. подготовлено къ печати.

Н. И. Веселовскій — археологъ.

12 апрѣля (30 марта) 1918 года скончался Н. И. Веселовскій. Уже очень давно имя Н. И. въ русскомъ ученомъ мѣрѣ не отдѣлялось отъ Археологической Комиссiи. Болѣе тридцати лѣтъ Н. И. работалъ въ Комиссiи, производилъ изъ года въ годъ раскопки, публикуя о нихъ отчеты, слѣдя за всею археологическою жизнью въ Россiи, за новыми находками предметовъ древности, за производящимися научными изслѣдованiями, привлекалъ для занятiй въ Комиссiи свѣжiя силы, всюду самымъ горячимъ образомъ отстаивалъ интересы Археологической Комиссiи, всячески заботясь объ ея процвѣтанiи.

Приблизительно черезъ годъ послѣ смерти Н. И. Археологическая Комиссiя прекратила свое существованiе, развернувшись въ болѣе широкое учрежденiе, — въ Академiю Исторiи Материальной Культуры.

Некрологъ Н. И., предназначавшiйся еще для Извѣстiй Археологической Комиссiи, долженъ былъ бы появиться на страницахъ печатнаго органа учрежденiя, съ которымъ его дѣятельность связывалась бы только косвеннымъ образомъ. Въ виду этого представилось болѣе цѣлесообразнымъ помѣстить некрологъ на страницахъ Записокъ Восточнаго Отдѣленiя Русскаго Археологическаго Общества, съ которымъ Н. И. былъ связанъ не менѣе, чѣмъ съ Археологической Комиссiей, особенно въ виду того, что этотъ некрологъ былъ прочитанъ его составителемъ въ собранiи Отдѣленiя, посвященномъ памяти Н. И., 23 мая 1918 г.

Беззавѣтно преданный дѣлу, которое было возложено на него въ Археологической Комиссiи, Н. И. соединялъ съ нимъ еще одно дѣло, кото-

рое онъ также горячо любилъ, — дѣло служенія русскому просвѣщенію въ роли профессора исторіи Востока въ Петербургскомъ Университетѣ. Обѣ стороны дѣятельности Н. И. сливались у него во-едино, образовали цѣлое, были не отдѣлимы. Вотъ почему и въ настоящемъ очеркѣ, имѣющемъ цѣлью охарактеризовать Н. И., какъ археолога, занимавшагося древностями Россіи, нельзя не упомянуть вовсе его трудовъ въ области изслѣдованія Востока.

Н. И. родился въ Москвѣ въ 1848 г., кончилъ курсъ въ Вологодской гимназіи въ 1867 г. и въ 1869 г. поступилъ въ Петербургскій Университетъ по арабско-турецкому отдѣленію факультета восточныхъ языковъ. Въ Университетѣ Н. И. рано обнаружилъ склонность къ научнымъ занятіямъ. При прохожденіи курса имъ написана была работа «О податяхъ и повинностяхъ, налагавшихся монголами на побѣжденныхъ народовъ», которая удостоилась награжденія отъ факультета золотою медалью. По окончаніи курса въ Университетѣ (въ 1873 г.) Н. И. былъ оставленъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ исторіи Востока. Научные труды Н. И.¹, относящіеся къ годамъ непосредственно послѣ окончанія имъ курса въ Университетѣ, всѣ имѣли своими темами вопросы изъ области изученія Востока. Молодой ориенталистъ, видимо, особенно интересовался Востокомъ въ его отношеніяхъ къ Россіи. Въ 1877 г. вышло изслѣдованіе Н. И. «Опытъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ» (1). По защитѣ этой работы, представленной въ Петербургскій Университетъ для соисканія ученой степени магистра исторіи Востока, Н. И. былъ удостоенъ искомой степени и въ 1878 г. былъ утвержденъ доцентомъ Университета. Слѣдующія ближайшія работы Н. И., какъ и предыдущія, были посвящены средне-азиатскому Востоку, соприкасающемуся съ Россіей: «Манкытская династія, нынѣ царствующая въ Бухарѣ» (12), «Русскіе невольники въ средне-азиатскихъ ханствахъ» (13). Статья о куликовской битвѣ (15), написанная по поводу ея пятисотлѣтія, находится, очевидно, въ связи съ основными студіями Н. И., стремившагося выяснитъ взаимоотношенія Востока и Россіи.

На третьемъ международномъ съѣздѣ ориенталистовъ, происходившемъ въ 1876 г. въ Петербургѣ, Н. И. даны были «Свѣдѣнія объ официальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи» (14).

Съ 1881 г. научные интересы Н. И. замѣтно ширятся. По прежнему интересуюсь спеціально историческими судьбами Средней Азіи, Н. И. начи-

¹ Въ дальнѣйшемъ цитирую работы Н. И. по списку В. В. Латышева (см. ниже, стр. 387—398), такъ какъ въ немъ даны точныя заглавія работъ и указаны изданія, на страницахъ которыхъ напечатаны труды Н. И., или сообщаются о нихъ какія-либо свѣдѣнія.

насть заниматься археологіей Средней Азіи и археологіей тѣхъ областей на югѣ и юго-востокѣ Европейской Россіи, у которыхъ должны были быть въ прошломъ связи съ мусульманскимъ Востокомъ прежде всего, а затѣмъ и съ Востокомъ болѣе древнимъ. Завятія археологіей Туркестана поставили Н. И. лицомъ къ лицу съ античнымъ міромъ, вліяніе котораго доходило до Средней Азіи, а археологическія изысканія на югѣ и юго-востокѣ Россіи заставили Н. И. удѣлить еще болѣе вниманія греко-римскому міру. Въ наслоеніяхъ русской почвы каждому изслѣдователю приходится столкнуться и съ памятниками культуры восточной и культуры греко-римской. Каждый русскій археологъ вынужденъ бываетъ стать, вслѣдствіе этого, хотя бы отчасти, и оріенталистомъ и классикомъ. Такимъ образомъ и Н. И., оріенталистъ по своей основной спеціальности, становится одновременно археологомъ-классикомъ. Дальнѣйшія археологическія изслѣдованія на югѣ Россіи привели Н. И. къ необходимости углубиться въ изученіе и эпохъ доисторическихъ и эпохи славяно-русской. Въ концѣ концовъ Н. И. становится спеціалистомъ по русской археологіи, понимая это слово въ широкомъ его значеніи, никогда не прекращая, однако, своихъ спеціальныхъ занятій въ той области, съ которой онъ начиналъ свою ученую дѣятельность, т. е. въ востокѣдѣніи.

Въ 1881 г. Н. И. былъ избранъ въ члены-сотрудники Русскаго Археологическаго Общества. Въ 1884 г. онъ сталъ профессоромъ по кафедрѣ исторіи Востока въ Петербургскомъ университетѣ. Къ началу 80-ыхъ годовъ Н. И. напечатанъ рядъ работъ, указывающихъ на его усердныя занятія Востокомъ: «Посольство въ Хиву И. М. Федотова» (16), «Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу пересмотра вопроса о происхожденіи гунновъ» (17), «Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю» (19), «Первое подданство туркменъ Россіи» (20), «Пріемъ въ Россіи и отпускъ средне-азіатскихъ пословъ въ XVII—XVIII столѣтіяхъ» (21), «Одинъ фактъ изъ исторіи Герата» (22), некрологи востокѣдѣвъ В. В. Григорьева (150; ср. 18), К. А. Скачкова (150) и П. И. Лерха (152)¹.

На VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ въ 1884 г. Н. И. сдѣлалъ три сообщенія, всѣ по вопросамъ востокѣдѣнія (112—114).

Написанныя Н. И. въ началѣ 80-хъ годовъ рецензіи (99—102, 107) даютъ отчеты о трудахъ, относящихся также къ области востокѣдѣнія.

Въ 1884 г. Археологическою Комиссіею Н. И. былъ командированъ на годъ для производства археологическихъ изслѣдованій въ Туркестанѣ. Съ этого года начинается дѣятельность Н. И., какъ археолога. Онъ высту-

¹ Некрологъ П. И. Лерха составленъ Н. И. совмѣстно съ В. Г. Тизенгаузеномъ.

насть изслѣдователемъ въ области, въ которой, несомнѣнно, уже имѣлъ прекрасную подготовку, — въ области археологіи Средней Азии. Въ Туркестанѣ Н. И. пробылъ съ 15 ноября 1884 года до ноября 1885 года. Задачей командировки Н. И. ставилось «общее изслѣдованіе Туркестана». Результаты работъ Н. И. изложилъ въ рядѣ докладовъ, статей и въ отчетѣ, представленномъ въ Археологическую Комиссію (26—28).

Н. И. производились въ Туркестанѣ развѣдки съ цѣлью общаго ознакомленія съ остатками древности, сохранившимися въ этомъ краѣ, и раскопки въ разныхъ мѣстахъ. Наиболѣе важныя раскопки были произведены на городищѣ Афросіаба, къ сѣверу отъ Самарханда, гдѣ работы велись въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Въ Афросіабѣ Н. И. обнаружилъ остатки культуръ древне-греческой, древне-персидской, китайской¹. Весьма интересными являются до-мусульманскіе глиняные гробы съ рельефными изображеніями фигуръ людей и животных². Кромѣ Афросіаба, Н. И. разслѣдовалъ еще нѣкоторыя городища, изъ которыхъ городище Той-Тюбе Сырь-Дарьинской области дало монеты XIII в. Н. И. описаны были, далѣе, старинныя укрѣпленія, разслѣдованы древнія могилы, и сдѣланъ рядъ покупокъ предметовъ древности³. Однимъ изъ важныхъ результатовъ работъ Н. И. въ Туркестанѣ является установленіе широкаго распространенія тамъ буддизма въ до-мусульманскій періодъ. Н. И. собрано большое количество и памятниковъ мусульманскихъ.

Въ 1886 г. Н. И. становится членомъ-корреспондентомъ Археологической Комиссіи. Со слѣдующаго года начинаются его археологическія работы на юго-востокѣ Европейской Россіи. Въ 1887 г. Н. И. разслѣдованы «острая могила» и еще девять кургановъ близъ Ногайска и Владиміровки въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губ.⁴ и городище близъ станицы Цымлянской Донской области⁵.

Съ 1889 г. Н. И. производилъ раскопки ежегодно вплоть до самаго 1917 г., археологической кампаніи котораго суждено было быть послѣднею. Такимъ образомъ Н. И. было предпринято подъ рядъ 29 кампаній съ цѣлью производства раскопокъ, — фактъ почти безпримѣрный въ жизни ученыхъ изслѣдователей и свидѣтельствующій объ необыкновенной энергіи и настойчивости въ работѣ Н. И.

Въ 1889 г. Н. И. продолжалъ начатыя имъ въ 1887 г. раскопки у Ногайска Таврической губ. У с. Денисова, на землѣ В. П. Глѣбова имъ были разслѣдованы три кургана, извѣстные подъ названіемъ «Рясныхъ мо-

¹ ОАК, 1882—88, стр. LXXVIII сл. стр. LXXX.

² Тамъ же, стр. LXIX.

³ Тамъ же,

⁴ Тамъ же, стр. CLXXXIII — VI.

⁵ Тамъ же, стр. CLXXVII.

гиль»¹. Далѣе, производились раскопки у селъ Преслава, Обиточнаго, Шульговки-Новониколаевки, обнаружившія рядъ интересныхъ памятниковъ эллинистической эпохи². Въ томъ же году Н. И. начинаетъ работы около Симферополя, которыя велись имъ потомъ въ теченіе ряда лѣтъ. Изслѣдованія у Керменчика выдвигали вопросъ о мѣстоположеніи Неаполиса, упоминаемаго у Страбона. Открытые здѣсь остатки поселенія³ должны быть отнесены, вѣроятно, къ II—III в. по Р. Х. Изъ предметовъ, обнаруженныхъ раскопками, интересна статуэтка всадника-варвара⁴. Работы близъ Ногайска и близъ Симферополя Н. И. продолжалъ и въ 1890 г. Въ Шульговкѣ въ 1890 г. были опять найдены эллинистическіе предметы⁵. Близъ Симферополя раскопки велись на землѣ А. А. Нестроева (по дорогѣ въ Сарабузь), гдѣ были разслѣдованы три кургана и, между прочимъ, курганъ «Золотой»⁶. Изслѣдованные курганы относятся, видимо, къ древне-греческому времени. Тому же времени принадлежатъ, скорѣе всего, и два кургана, раскопанные Н. И. въ имѣніи М. Д. Талаевой⁷. Характеръ развѣдокъ представляли раскопки въ имѣніи С. И. Генкель, гдѣ былъ разрытъ одинъ курганъ⁸, и въ имѣніи И. О. Гротена, на верховьи Салгира. Здѣсь былъ разслѣдованъ одинъ курганъ, и открыто небольшое укрѣпленіе⁹. Въ томъ же 1890 г. Н. И. произвелъ развѣдки въ Перекопскомъ уѣздѣ, раскопавъ одинъ курганъ въ имѣніи И. М. Сочеванова Когенлы¹⁰, и въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, обследовавъ пещеры такъ называемаго «Каменнаго кургана» близъ с. Терпѣнія, у рѣки Молочной. На потолкѣ пещеръ были открыты рѣзныя украшенія, въ видѣ зигзаговъ и пересѣкающихся линий¹¹.

Производя въ 1886—1890 гг. археологическія раскопки и составляя о нихъ отчеты, Н. И. въ то же время велъ интенсивныя занятія въ области своей основной спеціальности. За это время имъ напечатаны слѣдующіе труды: въ 1877 г. — «В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ» (2), «Посольство къ зюнгарскому хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану капитана отъ артиллеріи Ивана Унковскаго» (25), въ 1888 г. — «Рамазанъ въ Самаркандѣ и курбанъ-байрамъ въ Бухарѣ» (30), «Дагбидъ» (31). Въ 1890 г. вышелъ I-ый томъ большого труда Н. И. «Памятники дипломатическихъ сношеній Московской Руси съ Персіей». Два другихъ тома этого изданія вышли въ 1892 и 1898 г. (171).

Читавшійся Н. И. въ университетѣ курсъ лекцій по исторіи Востока

¹ ОАК, 1889, 16 сл.

² Тамъ же, 17 сл.

³ ОАК, 1889, 20 сл.

⁴ Тамъ же, 26, рис. 11.

⁵ ОАК, 1890, 14, рис. 6—11.

⁶ ОАК, 1890, 5 сл., рис. 1—3.

⁷ Тамъ же, 4 сл.

⁸ Тамъ же, 10 сл.

⁹ Тамъ же, 11.

¹⁰ Тамъ же, 12.

¹¹ Тамъ же, 4.

издавался нѣсколько разъ слушателями, начиная съ 1886—7 г. (8). Последнее изданіе 1910 г. (11) было пересмотрѣно В. В. Бартольдомъ.

Въ 1890 г. Н. И. былъ напечатанъ некрологъ К. П. Патканова (155), и, за 1886—1890 г., появился рядъ рецензій и замѣтокъ на разныя работы по востоковѣдѣнію (103—106, 108—119).

На VII археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ въ 1887 году Н. И. сдѣлалъ сообщеніе «О надгробномъ памятникѣ Тимура въ Самаркандѣ» (115; ср. печ. тр., 35). На VIII съѣздѣ въ Москвѣ въ 1890 г. Н. И. были сдѣланы два сообщенія: «Подробности смерти хана Шейбани» (116; печ. тр., 47) и «И. Д. Хохловъ» (117; печ. тр., 36).

Въ 1889 году Н. И. избранъ былъ въ дѣйствительные члены Русскаго Археологическаго Общества, въ дѣятельности котораго онъ принималъ затѣмъ все время самое горячее участіе. Въ томъ же году Н. И. избрала въ члены Таврическая Ученая Архивная Комиссія. Въ 1890 г. Н. И. былъ назначенъ и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи Востока въ Петербургскомъ университетѣ.

Въ десятилѣтіе съ 1891 по 1900 г. Н. И. сосредоточилъ свое вниманіе на археологической дѣятельности, но продолжалъ и работы въ области востоковѣдѣнія. Н. И. ведетъ дальше начатыя изслѣдованія въ Таврической губ. и производитъ раскопки въ Бердянскомъ уѣздѣ¹, около Симферополя², гдѣ имъ были найдены, между прочимъ, интересныя предметы классической и эллинистической эпохъ³, среди коихъ выдается золотая обивка горита съ штампованными изображеніями орла и грифона III в. до Р. Х.⁴, и въ Мелитопольскомъ уѣздѣ у с. Шульговки, гдѣ оказались также интересныя эллинистическіе предметы III—II в.⁵ Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Н. И. въ теченіе четырехъ лѣтнихъ кампаній (1891—1894) работалъ надъ раскопкой большого кургана «Огузь» у Нижнихъ Сѣрогозъ⁶. Въ 1891 году былъ разслѣдованъ курганъ, расположенный непосредственно на ю. отъ «Огуза»⁷, а въ 1897 г. — «Дѣевъ» курганъ, расположенный также у Нижнихъ Сѣрогозъ⁸. «Огузь» и «Дѣевъ» курганъ дали великолѣпныя памятники эллинистической эпохи (II вѣка до Р. Х.)⁹. Одновременно съ веде-

¹ ОАК, 1892, 2 сл.

² ОАК, 1891, 75 сл.; ОАК, 1892, 2 сл.; ОАК, 1895, 15.

Въ курганахъ, раскопанныхъ въ 1895 г., обнаружены были каменные орудія. ³ ОАК, 1891, 77; ОАК, 1892, 4 сл.

⁴ ОАК, 1892, 94, рис. 5.

⁵ ОАК, 1891, 69 сл.

⁶ ОАК,

1891, 72 сл.; ОАК, 1892, 2 сл.; ОАК, 1893, 7; ОАК, 1894, 9 сл., 77 сл.

⁷ ОАК, 1891, 73

⁸ ОАК, 1897, 31 сл., 94 сл. Ср. Тр. XIV археологич. съѣзда въ Черниговѣ, 1909 г., III, протоколы, 102.

⁹ Въ 1893 г. Н. И. датировалъ древности «Огуза» по общепринятой хронологіи IV—III в. до Р. Х. Ср. ОАК, 1893, 10. Нынѣ о хронологіи ср. Б. В. Фармаковскій, ИАК, в. 58, стр. 132 сл., гдѣ см. и литературу.

ніемъ большихъ работъ по раскопкамъ перечисленныхъ кургановъ Н. И. велъ предварительное обслѣдованіе Крыма, сѣверныхъ частей Таврической губерніи и южной части Донской области, предпринимая по нимъ поѣздки и производя раскопки характера развѣдокъ.

Въ 1891 г. Н. И. раскопалъ курганъ у Верхняго Кульчука въ Евпаторійскомъ уѣздѣ¹, въ 1893 г. разслѣдованы каменные склепы въ Старомъ Крыму², въ томъ же году раскопаны курганы съ «каменными бабами» у с. Коиры и Горностаевки въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губ.³ и въ 1900 г. курганы, содержавшіе окрашенные красной краской костяки, у Морского Чулека Донской области⁴.

Съ 1894 г. начинаются систематическія изслѣдованія Н. И. въ Кубанской области. Необходимость тамъ производства раскопокъ была настоятельной въ виду того, что кубанскіе курганы въ 90-ыхъ годахъ усиленно раскапывались хищниками, добывавшими въ курганахъ древніе золотые предметы и сбывавшими большею частію ихъ на сплавъ. Нѣкоторые предметы, добытые хищническими раскопками, попадали въ руки торговцевъ. У нихъ иногда Н. И. удавалось приобрѣтать предметы для Археологической Комиссіи⁵.

Въ 1894—1900 гг. Н. И. произвелъ раскопки въ рядѣ мѣстъ съ цѣлью выясненія характера древностей, которыя скрывали нѣдра Кубанской области: въ г. Анапѣ⁶, въ станицахъ Андрюковской⁷, Бесленѣвской⁸, въ с. Бѣломъ⁹, въ станицахъ Бѣлорѣченской¹⁰, Воздвиженской¹¹, Губской¹², Костромской¹³, Крымской¹⁴, въ Отдѣлѣ Лабинскомъ¹⁵, въ г. Майкопѣ¹⁶ и въ Майкопскомъ Отдѣлѣ¹⁷, въ станицахъ Новолабинской¹⁸, Псебайской¹⁹, Тенгинской (на Зубовскомъ хуторѣ)²⁰, въ аулѣ Ульскомъ²¹, Хатажукаевскомъ²², станицахъ Царской²³, Чамлыцкой²⁴ и Ярославской²⁵.

Результаты всѣхъ этихъ раскопокъ оказались поразительными. Не только были установлены остатки наслоеній въ Кубанской области весьма разнообразныхъ культуръ различныхъ временъ, начиная съ II тысячелѣтія

¹ ОАК, 1891, 74. ² ОАК, 1893, 7. ³ Тамъ же. ⁴ ОАК, 1900, 48 сл.
⁵ Ср. ОАК, 1895, 65 сл., ОАК, 1896, 124, 442; ОАК, 1897, 65, 160 сл.
12 сл., 82 сл.: 1895, стр. 135 сл.; 1897, 22 сл. ⁷ ОАК, 1896, 53 сл. ⁸ ОАК, 1895,
28 сл., 129 сл. ⁹ ОАК, 1898, 38 сл., 31, 1—10. ¹⁰ ОАК, 1896, 2 сл., 1897, 17.
¹¹ ОАК, 1899, 44. ¹² ОАК, 1897, 20 сл. ¹³ ОАК, 1895, 65; 1896, 59 сл.; 1897, 11 сл.
¹⁴ ОАК, 1895, 27, 129. ¹⁵ ОАК, 1898, 39, 171. ¹⁶ ОАК, 1897, 2 сл.; 1898, стр. 39.
¹⁷ ОАК, 1898, 29 сл.; 1900, 34. ¹⁸ ОАК, 1899, 42 сл. ¹⁹ ОАК, 1895, 29 сл., 134 сл.
²⁰ ОАК, 1900, 38 сл. ²¹ ОАК, 1898, 30; 1899, 41. ²² ОАК, 1899, 47. ²³ ОАК,
1898, 33; 1899, 42. ²⁴ ОАК, 1898, 39. ²⁵ ОАК, 1895, 129 сл.; 1898, 56 сл.

до Р. Х.¹ вплоть до XV вѣка по Р. Х.², но для каждой изъ обнаруженныхъ культуръ добыты такъ сказать классическіе образцы, часто совершенно исключительнаго археологическаго и художественнаго значенія и выдающейся матеріальной цѣнности. Выяснились съ поразительною наглядностью и обряды погребеній въ различныя эпохи, устройство могилъ, ихъ обстановка, самая исторія кургановъ, въ которыхъ нерѣдко оказывались погребенія, совершенныя въ разныя (иногда весьма отдаленныя другъ отъ друга) времена. По блеску и важности открытія на первомъ мѣстѣ, безъ сомнѣнія, надо поставить Майкопскій курганъ, разслѣдованный Н. И. въ 1897 г.³ Въ курганѣ оказалось изумительное по богатству погребеніе съ «крашенымъ костякомъ», относящееся къ II тысячелѣтію до Р. Х. Художественные предметы, открытые въ Майкопскомъ курганѣ, должны быть отнесены къ кругу мало-азіатской культуры хеттовъ и, вѣроятно же всего, представляютъ образцы издѣлія древнѣйшаго населенія Урарту, вошедшаго впоследствии въ составъ халдскаго населенія Вана⁴. Родственнаго типа съ майкопскими являются предметы, открытые Н. И. въ курганѣ д. Костромской⁵.

«Крашенные» скорченные костяки обнаружены были въ 1897 г. въ «Межевыхъ курганахъ, на границѣ Костромской и Ярославской станицъ⁶, въ 1899 г. въ трехъ курганахъ ст. Новолабинской⁷, въ 1900 г. — на хуторѣ Кру въ Майкопскомъ отдѣлѣ⁸. Къ бронзовому вѣку относятся нѣкоторые курганы, раскопанные въ 1899 г. въ ст. Андрюковской⁹, и курганы, разслѣдованные въ 1898 г. въ ст. Царской¹⁰. Только что названные курганы дали ясную картину погребальнаго устройства. Той же эпохѣ принадлежатъ нѣкоторые курганы, раскопанные Н. И. въ 1898 г. въ ст. Чамлыцкой¹¹, въ 1899 г. въ ст. Воздвиженской¹² и въ ст. Царской¹³.

Курганы Кубанской области, разслѣдованные Н. И., обогатили науку, далѣе, великолѣпнымъ матеріаломъ, относящимся къ греческой архаической эпохѣ и представляющимъ произведенія искусства то центровъ жизни Іоніи, то аттическаго искусства. Рядомъ съ архаическими греческими предметами въ этихъ курганахъ оказывались и предметы чисто восточные (ванскіе и другіе) и, вѣроятно, мѣстныя издѣлія греческихъ колоній, на

¹ Такъ приходится датировать курганы съ крашеными костяками. Ср. Б. В. Фармаковский, въ Матеріалахъ по археологіи по Россіи, № 34, 61 слл. О датѣ Майкопскаго кургана ср. теперь Tallgren, L'âge de cuivre dans la Russie centrale, Journal de la Société finlandaise d'archéologie, XXXII, 2, Helsingfors, 1920 отд. отт., 25. ² Ср. ОАК, 1896, 2 сл.

³ ОАК, 1897, 2 сл. ⁴ Ср. мою работу «Архаическій періодъ въ Россіи», въ Матеріалахъ по археологіи Россіи, № 34, 50 слл. ⁵ ОАК, 1897, 15 сл., 53 сл. ⁶ ОАК, 1897, 17.

⁷ ОАК, 1899, 42 слл. ⁸ ОАК, 1900, 34. ⁹ ОАК, 1896, 53. ¹⁰ ОАК, 1898, 33 сл.

¹¹ ОАК, 1898, 39. ¹² ОАК, 1899, 47. ¹³ ОАК, 1899, 42.

которыхъ скрещиваются формы греческой архаики, восточнаго искусства и мѣстнаго варварства. Матеріаль, открытый Н. И., выдвигаетъ массу проблемъ, которыя ждутъ разработки со стороны специалистовъ, и общаетъ по новому освѣтить исторію греческаго искусства въ архаическую эпоху. Архаической эпохѣ принадлежатъ нѣкоторыя погребенія, открытыя въ курганахъ Бесленѣвской въ 1895 г.¹, Губской въ 1897 г.², Костромской 1897 г.³, Крымской въ 1895 г.⁴, въ Ульскомъ аулѣ въ 1898 г.⁵, въ ст. Царской въ 1898 г.⁶.

Въ Анапѣ⁷, въ станицѣ Бесленѣвской⁸ и въ юртѣ аула Хатажукаевскаго⁹ оказались, между прочимъ, греческіе предметы классической эпохи.

Рядъ кургановъ, разслѣдованныхъ Н. И., относится къ эллинистической эпохѣ, о чемъ свидѣлствуютъ находки 1895 г. въ ст. Бесленѣвской¹⁰, 1900 г. въ Майкопскомъ отдѣлѣ¹¹, 1886 г. въ ст. Ярославской¹². Далѣе, слѣдуютъ курганы конца эллинистической эпохи¹³ и эпохи римской имперіи¹⁴. Эти «римскіе» курганы¹⁵ дали матеріаль исключительной важности для рѣшенія вопроса о происхожденіи такъ называемаго «варварскаго» искусства эпохи переселенія народовъ.

Выдающееся значеніе имѣетъ большая группа кургановъ Кубанской области, разслѣдованныхъ Н. И., которая найденными предметами, между прочимъ, золотоордынскими монетами и арабскими надписями, датируется главнымъ образомъ XIV—XV в.¹⁶ Нѣкоторые курганы этой группы, несомнѣнно, принадлежатъ болѣе отдаленнымъ временамъ вплоть до X в.¹⁷. Всѣ эти курганныя находки X—XV в. образуютъ ансамбль, единственный въ своемъ родѣ. Предъ нами любопытнѣйшая богатая восточная культура. Среди находокъ — масса предметовъ, весьма интересныхъ для исторіи мусульманскихъ цивилизацій.

Матеріалы, добытые Н. И., далеко еще не изучены и не оцѣнены. И вся классификація матеріала пока можетъ быть только приблизительной. Время нѣкоторыхъ кургановъ остается еще неяснымъ. Опредѣленія, которыя мною даны выше, по мѣрѣ болѣе углубленнаго изученія матеріала, конечно, должны будутъ нѣсколько измѣняться. Но одно остается безспор-

¹ ОАК, 1895, 129 сл. рис. 42 — 44; 15, рис. 50 — 52. 53 — 55.

⁷ ОАК, 1894, 14.

¹⁰ ОАК, 28, 43; 49, 44—61; 129 слл.

¹³ ОАК, 1895, 28; 1896, 56 сл.

¹⁵ Ср. ниже, стр. 371, 375.

² ОАК, 22, рис. 78 — 82.

⁴ ОАК, 27, 41.

⁸ ОАК, 1895, 129 слл.

¹¹ ОАК, 34 сл.

¹⁴ ОАК, 1895, 28; 1896, 34 слл.; 1899, 44; 47 слл.; 1900,

³ ОАК, 11,

⁵ ОАК, 30.

⁶ ОАК, 36,

⁹ ОАК, 1899, 51.

¹² ОАК, 58 слл., 284 слл.

¹⁶ Курганы въ ст. Андриковской 1896 г., въ

Бѣломъ 1898 г., въ ст. Бѣлорѣченской 1896 г., Костромской 1896 г. въ Майкопскомъ отдѣлѣ 1900 г.

¹⁷ Курганы въ Анапѣ X—XI, XI—XII, XIII—XIV в. (Ср. ОАК, 1894,

12 сл.), въ ст. Губской и Семирѣченской XIII—XV в (ср. ОАК, 1897, 17, 20).

нымъ: это — колоссальная важность и цѣнность открытаго матеріала. Для археологическаго изслѣдованія Кубанской области раскопками Н. И. 1894—1900 гг. былъ положенъ мощный фундаментъ. Эти раскопки въ исторіи изслѣдованія края, несомнѣнно, составляютъ эпоху.

Неутомимая энергія изслѣдователя и важные результаты, которые все время давали работы Н. И., естественно создали для него видное положеніе въ русскомъ ученомъ мірѣ. Въ 1891 г. Н. И. былъ избранъ профессоромъ первобытной археологіи въ Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ. Въ качествѣ знатока южно-русскихъ древностей въ 1898 г. Н. И. пришлось выступить съ разъясненіями въ газетѣ «Новое Время» по поводу надѣлавшаго въ то время много шума приобрѣтенія парижскимъ Лувромъ пресловутой золотой «тіары царя Сайтаферна», яко-бы найденной въ Ольвіи (46). Въ 1903 г. было установлено съ полною несомнѣнностью, что злополучная тіара сдѣлана была ювелиромъ Рахумовскимъ въ Одессѣ¹. Н. И. принадлежитъ честь перваго разоблачителя настоящаго значенія тіары. Въ указанной статьѣ Н. И. рѣшительно заявилъ, что новое приобрѣтеніе Лувра представляетъ современную фальсификацію.

Ученые труды, опубликованные Н. И. за періодъ 1891—1900 гг., и читанные имъ въ это время доклады посвящены были, какъ и раньше, главнымъ образомъ вопросамъ востоковѣдѣнія. Въ другихъ работахъ Н. И. занимался вопросами, связанными съ его археологическими открытіями или съ его дѣятельностью въ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ.

За 1891—1900 годы вышли слѣдующіе труды Н. И.: «Скиѣскій всадникъ. Поясная пряжка» (37), «Замѣтка о стеклянномъ производствѣ въ Средней Азіи» (39), «Орхонскія открытія» (40), «Киргизскій рассказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ» (3), «Бадаулетъ-Якубъ-Бегъ» (50), «С. М. Георгіевскій» (154), рядъ біографическихъ очерковъ профессоровъ и преподавателей Петербургскаго университета (155—164), «А. О. Бычковъ» (165), «Памятникъ Ходжи Ахрара въ Самаркандѣ» (45), «О каменныхъ бабахъ въ Таврической губерніи» (43), «Когда появились складные ножи» (48), «Дольмень на древнемъ кладбищѣ въ верховьяхъ р. Кифара» (49). Въ 1900 г. вышелъ большой трудъ Н. И. «Исторія Русскаго Археологическаго Общества, 1846—1896» (5). Это сочиненіе Н. И. написалъ по порученію Общества по случаю празднованія Обществомъ его 50-лѣтняго юбилея. Н. И. все время писалъ и рецензіи, давая отчеты о книгахъ по изученію Востока (120—131). За указанное время Н. И. принималъ дѣятельное участіе въ работахъ археологическихъ съѣздовъ. Въ

¹ См. S. Reinach, Revue archéol., 1903, II, 105.

1893 г. на IX съѣздѣ въ Вильнѣ Н. И. сообщилъ «о татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніаль до Петра Великаго» (118, печ. тр., 70). На XI съѣздѣ въ 1899 г. въ Кіевѣ Н. И. сдѣлалъ два сообщенія: «О послѣднемъ разореніи Самарканда» (119) и «Каменные орудія въ курганахъ сѣвернаго Кавказа первыхъ вѣковъ христіанской эры» (120, печ. тр., 53). Одновременно со всѣми многочисленными и крайне разнообразными предпріятіями, о которыхъ была рѣчь, Н. И. велъ большія работы по подготовкѣ изданія древнихъ мечетей и другихъ памятниковъ Самарканда. Съ этою цѣлью Н. И. были организованы въ Самаркандѣ двѣ экспедиціи, въ составъ которыхъ въ качествѣ сотрудниковъ входили художники и архитекторы С. М. Дудинъ, П. П. Покрышкинъ, А. П. Раевскій, А. В. Щусевъ въ 1895—6 г.¹ и Басинъ, Быстренинъ, Джанѣевъ, П. П. Покрышкинъ, А. П. Раевскій и фотографъ И. Ѳ. Чистяковъ въ 1898—99 г.²

Съ 1901 г. Н. И. представлялъ уже чрезвычайно виднаго дѣятеля русской науки, пользовавшагося авторитетомъ и въ области востоковѣдѣнія, и въ области археологіи Россіи. Въ 1908 г. по смерти барона В. Р. Розена Н. И. былъ избранъ управляющимъ Восточнымъ Отдѣленіемъ Русскаго Археологическаго Общества. Въ 1909 г. Военно-Историческое общество избрало Н. И. предсѣдателемъ своего разряда археологіи и археографіи. Въ 1914 г. Н. И. удостоился избранія отъ Россійской Академіи Наукъ въ ея члены-корреспонденты по Историко-Филологическому Отдѣленію.

Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности Н. И. велъ раскопки въ тѣхъ районахъ, которые сосредоточивали его вниманіе уже съ самаго начала его археологическихъ изслѣдованій. Въ Кубанской области онъ работалъ изъ года въ годъ съ 1901 по 1917 г. включительно. Расширяя область наблюденій, Н. И. въ послѣдніе годы произвелъ развѣдки въ Ставропольской губерніи. Въ то же время Н. И. продолжалъ работы въ Донской области и въ Таврической губерніи. Въ общемъ Н. И., очевидно, стремился выяснитъ въ археологическомъ отношеніи юго-восточную часть Европейской Россіи, прилегающую къ Азовскому морю, и области, смежныя съ этою частью, т. е. ту территорію древней Скиѳіи, которая непосредственно соприкасалась съ владѣніями царей Боспора. Планъ изслѣдованія Н. И. былъ весьма удаченъ: изслѣдователю посчастливилось добыть матеріаль, благодаря которому вся исторія Скиѳіи принимаетъ новый, болѣе отчетливый и реальный обликъ, причемъ вырисовываются различныя

¹ Ср. ОАК, 1895. 49.

² Ср. ОАК, 1899, 138.

культурныя теченія, смѣнявшія въ Скиѣи одно другое или составлявшія здѣсь въ различные періоды совершенно своеобразную смѣсь разнородныхъ элементовъ. Н. И. не удалось самому подвести итоги своихъ изслѣдованій. Но добытый имъ богатый матеріалъ настолько полонъ и представляетъ настолько цѣнную картину, что продолжателямъ дѣла Н. И. не представитъ особенной трудности дать выводы изъ собранныхъ имъ научныхъ фактовъ. Теперь пока необходимо отмѣтить, что факты эти собирались не случайно, а по продуманной программѣ, которая могла быть составлена только знаткомъ дѣла, какимъ заставляеть считать Н. И. оставленное имъ научное наслѣдіе.

Какъ ранѣе, такъ и въ 1901—1917 гг. раскопки въ Кубанской области Н. И. производилъ въ многихъ мѣстахъ, и точно такъ же древности, открытыя имъ при раскопкахъ, оказываются принадлежащими весьма различнымъ и по времени, и по культурѣ группамъ.

Большое количество разслѣдованныхъ кургановъ Кубанской области оказались содержащими погребенія съ костяками въ скорченномъ положеніи, окрашенными красной краской. Повидимому, это остатки древнѣйшей культуры, дошедшіе до насъ отъ первыхъ обитателей степей сѣвернаго Кавказа и Новороссіи. Н. И. разслѣдовалъ курганы съ крашеными костяками въ Армавирѣ¹, въ станицахъ Бѣлорѣченской², Гастагаевской³, Джегутинской⁴, Дондуковской⁵, Елизаветинской⁶, Казанской⁷, въ юртѣ ст. Келермесской⁸, въ ст. Кужорской⁹, въ с. Праздничномъ¹⁰, въ юртѣ ст. Тифлисской¹¹. Къ бронзовому вѣку относятся курганы, большей частью съ крашеными костями, раскопанные въ ст. Гіагинской¹², въ западной части Кавказскаго отдѣла (къ сѣверу отъ р. Кубани)¹³, въ Келермесѣ¹⁴, въ станицахъ Кужорской (Шатохинъ курганъ)¹⁵, Некрасовской¹⁶, Петропавловской¹⁷, Роговской¹⁸. Въ 1906 г. къ с. отъ Майкопа Н. И. былъ разслѣдованъ курганъ, который содержалъ древности, аналогичныя по стилю съ древностями, обнаруженными въ знаменитомъ Майкопскомъ курганѣ 1897 г.¹⁹ Въ 1909 г. въ Ульскомъ аулѣ Н. И. раскопалъ замѣчательный «Ивань-курганъ», въ которомъ оказались погребенія съ предметами древности бронзоваго вѣка, обнаруживающими вліянія эгейской культуры, достигавшими Кубанской области, вѣроятно же всего, морскимъ путемъ²⁰.

¹ ОАК, 1902, 86 сл.; 1903, 65.

² ОАК, 1907, 85.

³ ОАК, 1903, 79 сл.

⁴ ОАК, 1901, 86 сл.

⁵ ОАК, 1905, 71 сл.

⁶ Раскопки 1916 г.

⁷ ОАК, 1901, 66 сл.

⁸ ОАК, 1908, 117.

⁹ ОАК, 1905, 69.

¹⁰ ОАК, 1903, 76.

¹¹ ОАК, 1902, 69.

¹² ОАК, 1907, 90.

¹³ ОАК, 1911, 43 сл.

¹⁴ ОАК, 1904, 95 сл.

¹⁵ ОАК, 1908, 116 сл.

¹⁶ ОАК, 1908, 119.

¹⁷ ОАК, 1907, 88 сл.

¹⁸ ОАК,

1912, 50.

¹⁹ ОАК, 1906, 104.

²⁰ ОАК, 1909 — 1910, 153 сл.

Раскопками 1906 г. въ станицѣ Калужской обнаружены были остатки любопытной, видимо доисторической стоянки¹. Цѣлый рядъ разслѣдованныхъ Н. И. кургановъ Кубанской области далъ великолѣпныя находки, которыя по стилю являются издѣліями греческой (главнымъ образомъ іонійской) промышленности и среди которыхъ иногда попадаются одновременные восточные (малоазійскіе, частью, вѣроятно, ванскіе) предметы. Эпоха этихъ кургановъ падаетъ въ общемъ на VI вѣкъ до Р. Х. Курганы указанной группы обнаружены Н. И. въ Армавирѣ², въ станицѣ Воронежской³, въ Келермесѣ⁴, въ Майкопѣ⁵, ст. Тифлисской⁶, въ Ульскомъ аулѣ⁷, въ станицѣ Усть-Лабинской⁸. Сравнительно немногіе курганы изъ разслѣдованныхъ Н. И. въ Кубанской области относятся къ классической эпохѣ греческаго искусства. Въ станицѣ Елизаветинской и въ Келермесѣ были обнаружены обломки красно-фигурныхъ вазъ развитого «прекраснаго» и «роскошнаго» стилей (V—IV в. до Р. Х.)⁹. Изъ Елизаветинской станицы происходитъ великолѣпный бронзовый панцырь съ ликомъ горгоны¹⁰. Тамъ же найдены различные другіе предметы, которые должны быть отнесены къ V—IV в. до Р. Х. Особенно важна панаѳинейская амфора¹¹.

Къ тому же времени или немного болѣе позднему относится каменный склепъ, открытый Н. И. въ 1917 году въ Елизаветинской станицѣ.

Кургановъ эллинистической эпохи раскопки Н. И. дали также немного. Замѣчательнъ росписной склепъ, оказавшійся въ курганѣ юрты Анапской¹².

Вѣроятно, къ III вѣку до Р. Х. относятся нѣкоторые курганы, раскопанные Н. И. въ ст. Воронежской¹³, Елизаветинской¹⁴ и Марьевской¹⁵, ко II вѣку до Р. Х. курганъ въ станицѣ Гіагинской¹⁶.

Богатѣйшій и цѣннѣйшій матеріалъ собранъ Н. И. въ Кубанской области для римской эпохи¹⁷. Изъ курганныхъ погребеній, относящихся къ этой эпохѣ, происходятъ предметы, которые по стилю представляютъ аналогию съ «новочеркасскимъ кладомъ», являясь его прямыми предшественниками, и которые даютъ ключъ къ пониманію эволюціи своеобразнаго «вар-

¹ ОАК, 1906, 94. ² ОАК, 1903, 61 сл., 153. ³ ОАК, 1903, 71 сл.; 73, рис. 139—153. ⁴ ОАК, 1904, 87 сл., 91 сл., 94, 130 сл. ⁵ ОАК, 1906, 104. ⁶ ОАК, 1908, 119. ⁷ ОАК, 1908, 118; 1909, 149 сл., 156. ⁸ ОАК, 1903, 67. ⁹ ОАК, 1913—1915, 148 сл. ¹⁰ ОАК, 1913—1915, 153 сл.; Ср. Изв. Арх. Ком., вып. 65, 1 сл., табл. 1. ¹¹ ОАК, 1913—1915, 155 сл. Панаѳинейская амфора (ОАК, 1913—1915, 152, 234) издается нынѣ А. И. Піотровскимъ въ Извѣстіяхъ Академіи Исторіи Матеріальной Культуры, т. II. ¹² ОАК, 1908, 119 сл.; ср. М. И. Ростовцевъ, Античная декоративная живопись на югѣ Россіи, 83 сл. ¹³ ОАК, 1903, 71. ¹⁴ ОАК, 1912, 58, 84. ¹⁵ Тамъ же, 51 сл. Ср. Б. А. Тураевъ, Фигурка Имхотепа, найденная въ Кубанской области, въ Изв. Арх. Ком., вып. 49, 128 сл. ¹⁶ ОАК, 1906, 105. ¹⁷ Ср. работу Н. И. «Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣверномъ Кавказѣ» (57).

варскаго» стиля эпохи переселенія народовъ и ранняго средневѣковья. Курганы съ погребеніями римской эпохи, разслѣдованные Н. И. въ Кубанской области, находятся въ Анапѣ¹, Армавирѣ², въ станицахъ Афицкой³, Га-стагаевской⁴, Казанской⁵, въ ст. Кубанской⁶, Абадзехской⁷, Некрасовской⁸, Ладожской⁹, въ Майкопѣ¹⁰, въ ст. Сѣверской¹¹, Урупской¹², Усть-Лабинской¹³ и Тифлисской¹⁴.

Въ 1901—1914 гг. Н. И. раскапывалъ въ Кубанской области и курганы XIV—XV вѣковъ, погребенія коихъ дали интересныя восточныя вещи: въ ст. Усть-Лабинской¹⁵, Бѣлорѣченской¹⁶, Дондуковской¹⁷, Казанской¹⁸, Кужорской¹⁹, Некрасовской²⁰, въ Праздничномъ²¹, въ ст. Тифлисской²² и Ханской²³.

Къ позднимъ временамъ относятся курганы, раскопанные Н. И. въ юртѣ ст. Ладожской²⁴, близъ ст. Апшеронской²⁵, въ станицѣ Гурійской²⁶, впускное погребеніе у с. Вольнаго, близъ г. Армавира²⁷.

Въ Ставропольской губерніи Н. И. произвелъ раскопки въ 1910 г.²⁸. Имъ констатированы были тамъ курганы бронзоваго вѣка съ крашеными костяками и курганы поздняго времени.

Въ Донской области вниманіе Н. И. было обращено на древній Та-наисъ. Въ 1908 и 1909 гг. Н. И. производилъ раскопки въ Недвиговкѣ, гдѣ, кромѣ предметовъ римскаго времени²⁹, имъ найдена была аттическая краснофигурная ваза «роскошнаго стиля», относящаяся къ семидесятымъ годамъ IV вѣка до Р. Х.³⁰

На 1913—1916 гг. падаютъ послѣднія работы Н. И. по раскопкамъ кургановъ въ Таврической губ. Работы эти увѣнчались удивительными успѣхами и дали находки, которыя отнынѣ составятъ славу и изслѣдователя и музея Эрмитажа, куда находки поступили на храненіе. Все это — настоящіе шедевры греческой классической и эллинистической художественной промышленности, — одни изъ лучшихъ ея произведеній, которыя вообще дошли до насъ отъ древности. Первенствующее мѣсто среди нихъ

¹ ОАК, 1903, 77 слл. ² ОАК, 1902, 85 сл.; 1903, 61 слл. ³ ОАК, 1906, 95.
⁴ ОАК, 1903, 79 сл. ⁵ ОАК, 1901, 71 слл. ⁶ ОАК, 1902, 90. ⁷ ОАК, 1905, 70 сл.
⁸ ОАК, 1905, 73 сл. 1906, 92, 118. ⁹ ОАК, 1902, 74. ¹⁰ ОАК, 1906, 104. ¹¹ ОАК,
1907, 90. ¹² ОАК, 1903, 66. ¹³ ОАК, 1902, 78, 163—168; 80, 169—176, 83, 184;
1903, 67, 121. ¹⁴ ОАК, 1901, 85; 1902, 65 слл., 135—136; 72. ¹⁵ ОАК, 1903, 67.
¹⁶ ОАК, 1906, 97 слл., 123—138; 1907, 87, 89. ¹⁷ ОАК, 1905, 71 слл. ¹⁸ ОАК, 1901,
68 слл. ¹⁹ ОАК, 1905, 69 сл. ²⁰ ОАК, 1906, 92. ²¹ ОАК, 1903, 75 слл.
²² ОАК, 1901, 81 слл. ²³ ОАК, 1906, 97. ²⁴ ОАК, 1902, 74 слл. ²⁵ ОАК, 1913—
1915, 158. ²⁶ Тамъ же, 159. ²⁷ Тамъ же, 157 сл. ²⁸ ОАК, 1909—1910, 158, 230.
²⁹ ОАК, 1908, 125 слл., 175—184; 1909, 139. ³⁰ Изв. Арх. Ком., вып. 65, 24, рис. 2. Для
стиля ср. С. С. Лукьяновъ и Ю. П. Гриневиць, Керченская кальпида 1906 г., МАР, № 35,
стр. 138, группа I.

принадлежитъ безусловно древностямъ кургана «Солохи», расположенной близъ с. Большой Знаменки Мелитопольскаго уѣзда¹. Раскопки «Солохи» были апогеемъ дѣятельности Н. И. и ея лебединою пѣснью. Изслѣдованіе кургана велось въ 1912 и 1913 г.² Центральная могила «Солохи» должна быть отнесена еще къ второй половинѣ V до Р. Х.³ Боковое погребеніе съ знаменитымъ золотымъ гребнемъ и другими находками не позже первой трети IV вѣка до Р. Х.⁴

Къ эллинистической эпохѣ относятся курганы, раскопанные Н. И. въ Мелитопольскомъ уѣздѣ близъ хутора Сергѣевского и у М. Лепатихи⁵, у Б. Знаменки («Лемешовы могилы»)⁶, въ Днѣпровкѣ (Подольскомъ)⁷. II вѣку до Р. Х. принадлежатъ древности «Чмырева» кургана⁸ и «Орла»⁹, кургана у Верхняго Рогачика¹⁰.

Встрѣтились въ Таврической губ. и курганы со скорченными крашевыми костяками: курганъ близъ хутора Сергѣевского и М. Лепатихи¹¹, курганъ «Широкій» въ окрестностяхъ с. М. Лепатихи¹², «Большой» курганъ тамъ же¹³.

Большая часть ученыхъ трудовъ Н. И. за 1901—1918 гг. была посвящена по прежнему вопросамъ востоковѣдѣнія, археологіи и исторіи юга Россіи.

Какъ и раньше, Н. И. привлекалъ особенно турецко-монгольскій культурный міръ, и интересовали его отношенія къ Россіи. Рядъ трудовъ Н. И. касается вопросовъ русско-татарскихъ отношеній, религіи и культуры татаръ, топографіи особенно важныхъ мѣстностей, путешествій, посольствъ. Не мало труда потрачено Н. И. на исправленіе погрѣшностей въ изданіяхъ восточныхъ текстовъ, на изоблаченіе ошибокъ въ нѣкоторыхъ русскихъ публикаціяхъ, касающихся Востока.

¹ Ср. о «Солохѣ» S. Polovtsoff, *Revue archéol.*, 1904, I, 164 слл. С. А. Половцова, «Гермесъ», 1914, № 6—8.

² ОАК, 1912, 40 слл.; 1913 — 1915, 104 слл.

³ Ср. мои замѣчанія въ *Archäol. Anzeiger*, 1914.

⁴ Композиція на гребнѣ по стилю наиболѣе близка къ рельефамъ храма Аѳины-Пики въ Аѳинахъ (430 — 420 гг.). Гребень, какъ и нѣкоторые другіе предметы этого погребенія, могъ быть сдѣланъ еще въ самомъ концѣ V в. до Р. Х.

⁵ ОАК, 1913—1915, 136 сл. Раскопки 1916 г.

⁶ ОАК, 1911, 33 сл., 61 — 62.

⁷ ОАК, 1909 — 1910, 136.

⁸ ОАК, 1909 — 1910, 127 сл. Ср. Саханевъ, въ *Изв. Арх. Ком.*, 45, 111 слл.; К. В. Треверъ, въ *Материалахъ по археол. Россіи*, № 36, 34 сл.

⁹ ОАК, 1909 — 1910, 136, 204 — 206.

¹⁰ ОАК, 1913 — 1915, 132 сл.

¹¹ ОАК, 1913 — 1915, 136.

¹² Раскопки 1916 г.

¹³ Раскопки 1916 г.

Въ 1906 г. Н. И. опубликовалъ работу «Нѣсколько поясненій касательно ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству» (63), въ 1912 г. — «Пережитки нѣкоторыхъ татарскихъ обычаевъ у русскихъ» (79). Въ 1916 г. были опубликованы труды: «О религіи татаръ по русскимъ лѣтописямъ» (93) и «Замѣтки по исторіи золотой орды» (92), въ 1916 г. — «О турецко-татарскомъ словѣ „тышь“» (90), въ 1913 г. «Благословительная халифская грамота 1779 г.» (83), въ 1910 г. — «Миньять» (71).

Двѣ работы были посвящены Н. И. вопросу о Гюлистанѣ: «О мѣстоположеніи Гюлистана присарайскаго» 1907 г. (6) и «Загадочный Гюлистанъ Золотой Орды» 1912 г. (78).

Въ 1912 г. вышла работа Н. И. о посольствѣ въ Крымъ Пазухина въ 1679 г. (80). Изъ работъ, въ которыхъ Н. И. останавливался на ошибкахъ русскихъ изслѣдователей въ пониманіи источниковъ, надо указать на «Погрѣшности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами» 1910 г. (72). Къ этой работѣ Н. И. были изданы еще два дополненія, изъ которыхъ первое появилось въ 1910 году (72), второе въ 1911 г. (73). Рядъ ошибокъ въ пониманіи источниковъ Н. И. указалъ въ рецензій (въ 1916 г.) на книгу М. Д. Приселкова: «Ханскіе ярлыки» (148).

Весьма курьезную ошибку разоблачилъ Н. И. въ 1910 г. въ статьѣ, озаглавленной «Развѣнчанный перстень» (66): издатели этого перстня усматривали на немъ восточную надпись и дали комментарий къ ней, между тѣмъ, какъ правильно указываетъ Н. И., на перстнѣ выгравирована отчетливо читающаяся русская надпись.

Въ 1904 г. Н. И. издалъ труды выдающагося киргизскаго дѣятеля Ч. Ч. Валиханова (174).

Издавна привлекавшимъ вниманіе Н. И. древностямъ Средней Азійи онъ посвятилъ въ 1902—1918 гг. рядъ трудовъ: въ 1904 г. вышла работа «Самарія, сочиненіе Абу-Тахиръ-Ходжи» (персидское археологическо-географическое описаніе города Самарканда) (173), въ 1905 г. — «Мечети Самарканда. Альбомъ архитектурныхъ рисунковъ и чертежей. Вып. I. Мечеть Гуръ-Эмиръ» (176)¹, въ 1910 г. «Гератскій бронзовый котелокъ 1163 г.» (7) и «Перстень-печать Миранъ-шаха, сына Тамерлана» (69), въ 1907 и въ 1917 г. вышли работы Н. И. о туркестанскихъ оссуаріяхъ

¹ Объ этомъ роскошномъ изданіи Н. И. сдѣлалъ сообщеніе на XIII археологическомъ съѣздѣ въ Екатеринославѣ въ 1905 г. (123). Ср. Труды XIII археол. съѣзда, II, 1908, Протоколы, 229 сл.

(60 и 95). Въ 1906 г. Н. И. была организована новая экспедиція въ Туркестанъ для снятія плановъ и зарисовки въ краскахъ мечетей (59).

Въ 1914 г. Н. И. издалъ дополненіе къ статьѣ А. И. Иванова: «Походы монголовъ на Россію» (86). Въ 1917 г. вышла работа «Мнимая должность букаульнаго тамговщика въ имперіи Чингизъ-хана» (94).

Дальневосточному культурному міру посвящены три работы Н. И.: «Комментарій архимадрита Палладія Каарова на путешествіе Марко Поло по сѣверному Китаю» (54) 1902 г., «Поѣздка Н. И. Любимова въ Кульджу и Чугучакъ въ 1845 г.» (61) 1908 г. и «Китайскіе символы въ предметахъ украшенія» 1911 г. (77). Въ связи съ занятіями Дальнимъ Востокомъ Н. И. интересовался исторіей русской миссіи въ Пекинѣ. Въ 1905 году вышелъ I выпускъ его работы «Матеріалы для исторіи російской духовной миссіи въ Пекинѣ» (175).

Выдающееся значеніе представляетъ рядъ работъ Н. И. относительно такъ называемыхъ «каменныхъ бабъ». По мнѣнію Н. И. эти любопытныя изваянія относятся къ VII—XIII вѣкамъ и представляютъ издѣлія турецко-монгольскихъ кочевниковъ. Въ 1902 г. Н. И. сдѣлалъ сообщеніе «Новый типъ каменныхъ бабъ» на XII археологическомъ сѣздѣ въ Харьковѣ (122). Въ 1905 г. вышла работа подъ заглавіемъ: «Мнимыя каменные бабы» (58); въ ней Н. И. занимается изваяніями, которыя нѣкоторые изслѣдователи неправильно относили къ категоріи «каменныхъ бабъ». Въ 1911 г. вышло изслѣдованіе Н. И. «Статуи воиновъ изъ категоріи каменныхъ бабъ» (75), а въ 1915 г.—«Современное состояніе вопроса о каменныхъ бабахъ или балбалахъ» (89). Къ сожалѣнію капитальное изслѣдованіе Н. И. о балбалахъ, въ которомъ былъ собранъ колоссальный матеріалъ и которое представляло плодъ его многолѣтнихъ изысканій, не могло появиться въ свѣтъ изъ-за печальной случайности: этотъ трудъ оказался похищеннымъ у Н. И. вмѣстѣ съ багажемъ на какой то желѣзнодорожной станціи во время одного изъ его послѣднихъ путешествій на Кавказъ. По классической археологіи Н. И. опубликовалъ за послѣдніе годы дѣятельности слѣдующіе труды, которые всѣ стоятъ въ связи съ находками, сдѣланными Н. И. при его раскопкахъ: «Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣверномъ Кавказѣ» 1905 г. (57), «Танайсь-младшій» 1909 г. (62), «Чмыревъ курганъ» 1910 г. (68), «Колчанъ скиоскаго царя изъ кургана Солохи» (82), «Золотой гребень скиоскаго царя изъ Солохи» (82) 1913 г., «Къ вопросу о технику золотыхъ рельефныхъ украшеній въ греческомъ искусствѣ» 1913 г. (81), гдѣ Н. И. доказываетъ, что рельефныя украшенія выбивались по деревянной основѣ, которая оставалась внутри предмета, «Серебро скиоскаго царя изъ кургана

Солохи» (85), «О горитахъ съ ремнями» (84) 1914 г. и «Бронзовый панцирный нагрудникъ съ изображеніемъ Медузы» (97) 1918 г.

Интересенъ изданный въ 1909 г. этюдъ Н. И. «Свистящія стрѣлы» (64; ср. 74); въ немъ проводится мысль, что дырочки, наблюдающіяся на мѣдныхъ наконечникахъ стрѣлъ, дѣлались съ тою цѣлью, чтобы стрѣла при полетѣ издавала свистъ и тѣмъ наводила страхъ на противника.

Производя долгіе годы работы на сѣверномъ Кавказѣ, Н. И. занялся историческими судьбами сѣверо-восточнаго Черноморья и Приазовья. Какъ предсѣдатель разряда военной археологіи Военно-Историческаго Общества, Н. И. обратилъ вниманіе на военную исторію этого края и заинтересовался исторіей кубанскихъ казаковъ. Въ 1914 г. Н. И. опубликовалъ «Военно-историческій очеркъ г. Анапы» (87), — города, гдѣ Н. И. проводилъ каждый годъ часть лѣта и гдѣ имѣлъ свой домъ.

На интересы Н. И. въ области исторіи кубанскихъ казаковъ указываетъ рядъ его замѣтокъ и рецензія, появившіяся за 1908—1914 г. (137—142, 146).

Въ связи съ изученіемъ древностей Приазовья, очевидно, стоитъ статья Н. И. «Къ исторіи такъ называемаго Тмутараканскаго камня» (96), вышедшая въ 1916 г.

Въ 1901 и 1903 г. Н. И. издалъ читавшіеся имъ въ Археологическомъ Институтѣ курсы лекцій по первобытной археологіи (9 и 10).

Въ 1910 г. вышло изслѣдованіе Н. И. «Объ алебастровыхъ и глиняныхъ статуэткахъ до-микенской культуры въ курганахъ южной Россіи и на Кавказѣ» (65). Въ томъ же году Н. И. напечаталъ дополненіе къ указанному изслѣдованію по поводу возраженій В. А. Городцова (67).

На XIII археологическомъ съѣздѣ Н. И. прочелъ докладъ о римскихъ курганахъ Кубанской области (121, печ. тр., 57), XIV съѣзду Н. И. представилъ «Записку по вопросу о приемахъ при производствѣ раскопокъ» (124, печ. тр. 76).

Рядъ работъ Н. И. касается исторіи археологической науки въ Россіи и особенно востоковѣдѣнія. Въ 1915 г. Н. И. напечаталъ статью «О приобрѣтеніи для И. Эрмитажа нумизматической коллекціи А. И. Стемпковского» (91). Въ 1902 г. въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія имъ помѣщена замѣтка по поводу тридцатилѣтняго юбилея барона В. Р. Розена (166).

Въ 1904 г. Н. И. издалъ некрологъ В. В. Вельяминова-Зернова (167), въ 1908 г. барона В. Р. Розена (168), въ 1917 г. — В. И. Ламанскаго (169).

Нельзя не упомянуть о статьяхъ Н. И. по вопросамъ востоковѣдѣнія и археологіи въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона, гдѣ онъ

былъ постояннымъ сотрудникомъ (ср. 41, 55), и о разныхъ мелкихъ замѣткахъ, касающихся то случайныхъ находокъ предметовъ древности, то разнаго рода памятниковъ старины (ср. 33, 34, 38, 56). И въ послѣдніе годы своей дѣятельности Н. И. не переставалъ давать рецензіи и замѣтки на появившіеся новые труды къ изученію Востока (134—136, 143, 145, 147, 148).

Н. И. много времени и силъ посвящалъ работѣ въ различныхъ ученыхъ обществахъ. Ни передъ однимъ обществомъ или учрежденіемъ, съ коимъ Н. И. былъ такъ или иначе связанъ, онъ не остался въ долгу. Онъ считалъ себя обязаннымъ представлять ученые труды или сообщенія въ каждое общество, которое избирало его своимъ членомъ. Въ Русскомъ Географическомъ обществѣ Н. И., работая по отдѣлу этнографіи, напечаталъ рядъ работъ (25, 54, 63, 106, 115, 127, 135). Онъ редактировалъ записки Общества по этому отдѣлу (170) и нѣкоторыя отдѣльныя изданія (172, 174), разрабатывалъ планы работъ отдѣла, представлялъ въ отдѣлъ сообщенія, давалъ отзывы о трудахъ, касающихся специальности отдѣла (115, 122, 127, 135, сообщенія 87—96). Въ связи съ работами въ Географическомъ обществѣ Н. И. составленъ былъ очеркъ дѣятельности В. И. Ламанскаго (169). Въ Русскомъ комитетѣ для изученія Средней и Восточной Азіи рядъ сообщений сдѣланъ былъ Н. И. (100—103) и напечатана одна статья (59). Завѣдуя короткое время (1908—1918) разрядомъ военной археологіи и археграфіи въ Военно-Историческомъ Обществѣ, Н. И. выпустилъ подъ своей редакціей томъ «Записокъ» разряда (177), напечаталъ въ этихъ «Запискахъ» очеркъ военной исторіи г. Анапы (87), рядъ замѣтокъ по военной исторіи (86, 88) и нѣсколько рецензій на работы, относящіяся къ области военной исторіи (137—142, 144, 146). И въ Военно-Историческомъ обществѣ Н. И. выступалъ нерѣдко съ докладами по специальнымъ вопросамъ, входящимъ въ сферу интересовъ общества (101—110).

Двѣ работы напечатаны Н. И. въ органѣ Петербургскаго Археологическаго института (58, 96), четыре въ Извѣстіяхъ Таврической Архивной комиссіи (37, 75, 83, 91), двѣ въ Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей (80, 89), одна въ Трудахъ Московскаго Археологическаго общества (43), одна въ органѣ Академіи Наукъ (92).

Сообщенія были сдѣланы Н. И. въ собраніяхъ Археологическаго института въ Петербургѣ (97—99) и въ Московскомъ Археологическомъ обществѣ (111). Публичныхъ лекцій, за однимъ исключеніемъ (125), Н. И. не читалъ, очевидно, не чувствуя себя способнымъ къ популяризаціи знаній этимъ способомъ.

Нужно остановиться нѣсколько больше на дѣятельности Н. И. въ

Русскомъ Археологическомъ обществѣ, гдѣ она была особенно интенсивна и характерна для Н. И. Въ исторіи Общества имя Н. И., безъ всякаго сомнѣнія, займетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Н. И. буквально жилъ интересами Общества, такъ они ему были всегда близки и дороги. Н. И. умѣлъ удивительно отстаивать интересы Общества вездѣ, гдѣ это требовалось. Безъ преувеличенія можно сказать, что Н. И. былъ однимъ изъ столповъ Археологическаго Общества: ему удавалось объединять въ Обществѣ въ общей научной работѣ дѣятелей различныхъ специальностей, возрастовъ, направленій и характеровъ.

Всѣ свои научныя работы Н. И. всегда отдавалъ на сужденіе Общества, читалъ многочисленные доклады и въ общихъ собраніяхъ и въ засѣнаніяхъ отдѣленій. Онъ ожидалъ со стороны сочленовъ при обмѣнѣ мнѣній критики, поученія. Съ своей стороны Н. И. всегда дѣлился своими знаніями и опытомъ, въ преніяхъ по поводу прочитанныхъ докладовъ нерѣдко сообщалъ весьма цѣнныя свѣдѣнія и наблюденія. Н. И. всячески поддерживалъ серьезныя научныя предпріятія сочленовъ, протестуя только противъ предпріятій, которыя ему казались мало обоснованными и противъ фантастическихъ гипотезъ, «отъ которыхъ наука ничего не выигрываетъ».

Съ 9 января 1881 г. Н. И. состоялъ членомъ-корресподентомъ Общества, а 15 марта 1881 г. былъ выбранъ дѣйствительнымъ членомъ. Съ 20 марта 1908 г. Н. И. состоялъ управляющимъ Восточнымъ Отдѣленіемъ Общества.

Въ общихъ собраніяхъ Н. И. были прочитаны 18 докладовъ (1—18); 49 докладовъ было прочитано Н. И. въ Восточномъ Отдѣленіи Общества (35—83). Въ Отдѣленіе русскихъ и славянскихъ древностей Н. И. представилъ 16 докладовъ и мелкихъ сообщеній (19—34). Одно сообщеніе было сдѣлано Н. И. въ Отдѣленіи древностей классическихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ (84) и два въ Нумизматическомъ (85—86).

Н. И. усердно поддерживалъ Русское Археологическое Общество помѣщеніемъ на страницахъ его изданій своихъ ученыхъ трудовъ.

Въ 1887 г. Общество напечатало работу Н. И. «В. В. Григорьевъ, по его письмамъ и трудамъ» (2). Въ 1900 г. вышла въ свѣтъ написанная Н. И. по предложенію Общества къ его пятидесятилѣтнему юбилею «Исторія И. Русскаго Археологическаго Общества, 1846 — 1896», большой, чрезвычайно свѣжій трудъ, содержащій массу цѣннѣйшихъ указаній для исторіи русской археологической науки (5). Въ Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Общества помѣщена одна работа Н. И. (22), въ Запискахъ Общества — шесть (26, 33, 34, 38, 49), въ Запискахъ Восточ-

наго Отдѣленія — тринадцать (23, 24, 27, 28, 31, 32, 39, 40, 50, 51, 52, 60, 78, 94).

Кромѣ оригинальныхъ статей научнаго характера, Н. И. напечаталъ въ изданіяхъ Общества, главнымъ образомъ въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія, много рецензій, отзывовъ объ ученыхъ трудахъ и библиографическихкихъ замѣтокъ (104, 108 — 111, 114, 116 — 118, 120, 121, 124, 125, 129, 131 — 134, 136, 143, 147).

За время управленія Н. И. Восточнымъ Отдѣленіемъ вышли томы XVIII — XXIV, 1908 — 1916, Записокъ Отдѣленія.

Н. И. много работалъ въ комиссіяхъ Общества, какъ по чисто научнымъ вопросамъ, такъ и по вопросамъ организаціи археологическаго дѣла въ Россіи и по упорядоченію жизни самого Общества. Въ 1882 г. Н. И. работалъ въ комиссіи по составленію текста къ атласу экспедиціи 1860 — 61 гг. Б. А. Дорна на Кавказъ, въ Мазендеранъ и Гилянъ¹, въ 1914 г. — въ комиссіи при Восточномъ Отдѣленіи по изданію китайской лѣтописи Юань-чао-ми-ши. Очень часто Н. И. избирали въ комиссіи по присужденію медалей Общества², въ которыя Н. И. былъ представленъ рядъ отзывовъ о сочиненіяхъ, удостоивавшихся почетныхъ наградъ отъ Общества³. Работалъ Н. И. и въ комиссіяхъ по присужденію медалей Общества имени гр. А. С. Уварова⁴.

Въ 1904 г. Н. И. предсѣдательствовалъ въ комиссіи, образованной для обсужденія архивнаго дѣла въ Россіи, въ 1889 г. работалъ въ ревизіонной комиссіи Общества, въ 1896 г. предсѣдательствовалъ въ комиссіи по выработкѣ юбилейной медали Общества, въ 1896 — 1897 гг. — въ комиссіи по урегулированію поступленія членскихъ взносов⁵, въ 1907 г. работалъ въ комиссіи по разбору старыхъ заготовленныхъ таблицъ и клише для изданій Общества.

Н. И. всегда проявлялъ чрезвычайную аккуратность въ посѣщеніи собраній Общества. Въ качествѣ старѣйшаго Н. И. въ послѣдніе годы часто долженъ былъ предсѣдательствовать въ общихъ собраніяхъ и въ совѣтѣ

¹ Ср. Исторію Общества, 124 сл.

² Н. И. былъ членомъ медальныхъ комиссій 1886, 1889, 1893, 1894, 1898, 1900—1902, 1913, 1914 и 1917 годовъ.

³ Въ 1886 г. — отзывъ о трудахъ В. Г. Тизенгаузена (109), въ 1902 г. отзывъ о сочиненіи гр. А. А. Бобринскаго «Смѣла» (132), въ 1913 г. — отзывъ объ «Исторіи изученія Востока въ Европѣ и въ Россіи» В. В. Бартольда (147), въ 1917 г. — отзывъ о работѣ А. В. Адрианова «Къ археологій Западнаго Алтая» (149).

⁴ Членомъ уваровскихъ комиссій Н. И. былъ въ 1897, 1899, 1904 и въ 1906 годахъ. Въ комиссію 1904 г. Н. И. представилъ отзывъ о сочиненіи гр. П. С. Уваровой «Могилиники сѣвернаго Кавказа» (133).

⁵ Исторія И. Р. А. Общества, 376; Протоколы Общихъ собраній 1897, 7.

Общества. Пропускать собранія онъ считалъ для себя недопустимымъ, рассматривая пропуски какъ нарушеніе долга, если предполагалъ, что изъ-за его отсутствія могутъ пострадать интересы Общества. Незадолго до смерти (7 января 1918 г.) Н. И., уже совсѣмъ больной, прибылъ въ общее собраніе Общества пѣшкомъ (изъ-за отсутствія всякихъ средствъ сообщенія), сдѣлавъ огромный конецъ отъ своей квартиры (Забалканскій, 49) до помещенія Общества (Литейный, 44). Въ общихъ собраніяхъ Н. И. нерѣдко выступалъ съ заявленіями принципиальнаго характера: о задачахъ дѣятельности Общества, о необходимости особеннаго вниманія къ древностямъ Россіи, о желательности производства Обществомъ раскопокъ¹, снаряженіи экспедицій (51). Радѣя объ интересахъ Русскаго Археологическаго Общества, Н. И. горячо всегда и вездѣ отстаивалъ русскіе интересы въ наукѣ. Изданія Общества были всегда предметомъ заботы Н. И.: онъ стремился къ тому, чтобы въ Обществѣ былъ живой печатный органъ².

Н. И. старался привлекать къ работамъ Общества и лицъ со стороны; для поощренія ихъ Н. И. выхлопатывалъ для нихъ почетныя награды³.

Н. И. былъ противникомъ излишняго формализма, который иногда грозилъ разстройствомъ жизни Общества. Н. И. сочувствовалъ и, какъ могъ, всегда содѣйствовалъ серьезнымъ научнымъ предпріятіямъ Общества. Онъ возражалъ лишь противъ такихъ начинаній, которыя могли повредить ученому престижу Общества.

Н. И. много работалъ въ совѣтѣ Общества сначала въ качествѣ представителя отъ Восточнаго⁴ и отъ Русскаго⁵ отдѣленій, а съ 1908 г. въ качествѣ управляющаго Восточнымъ Отдѣленіемъ. Какъ членъ совѣта, Н. И. проявлялъ также большую дѣятельность. Онъ стоялъ всегда на стражѣ порядка и строгой законности⁶. Изъ мѣропріятій, выдвигавшихся Н. И. въ совѣтѣ, надо указать на то, что имъ были предложены особыя мѣры къ охранѣ имущества Общества⁷, къ увеличенію его матеріальныхъ средствъ⁸, къ установленію обмѣна изданій Общества на изданія другихъ обществъ и учрежденій. Н. И. стремился, чтобы въ Обществѣ тщательно собиралось все, что касается его исторіи. Онъ разыскивалъ, часто тратя

¹ Ср. Протоколы Общихъ Собраній И. Р. А. Общества 1899—1908, 8 сл.

² Ср. Исторію И. Р. А. Общества, 301.

³ Ср. Записки И. Р. А. Общества, III, XLIV.

⁴ Въ 1892 — 1894.

⁵ Въ 1898 — 1900, 1903 — 1905.

⁶ Протоколы Общихъ Собраній И. Р. А. Общества 1899 — 1908, 62.

⁷ См. Протоколы Общихъ Собраній 1899 — 1908, 3 сл.

⁸ Еще въ 1918 г. Н. И. выхлопоталъ льготныя условія для печатанія Зап. Вост. Отд. въ типографіи Академіи Наукъ.

на то массу времени и хлопотъ, для коллекцій Общества портреты его членовъ-основателей и дѣятелей¹. Какъ управляющій Восточнымъ Отдѣленіемъ, Н. И. живѣйшимъ образомъ заботился объ его процвѣтаніи: привлекалъ къ работамъ появлявшіяся новыя силы, стремился ими пополнить составъ Отдѣленія. Къ начинающимъ ученымъ работникамъ Н. И. всегда относился съ любовью и симпатіей, всячески помогалъ имъ въ ихъ начинаніяхъ. За время управленія Н. И. Отдѣленіемъ онъ продолжалъ поддерживать сношенія съ иностранными учеными, установившіяся раньше.

Въ 1914—1916 г. Н. И. пришлось много хлопотать объ организаціи экспедиціи Отдѣленія въ Макинское ханство и въ Ванъ. Хлопоты Н. И. увѣнчались успѣхомъ, средства на экспедицію были получены. Большой радостью для Н. И. было то, что экспедиція, которая была осуществлена въ 1916 г. и въ которой особенно потрудились Н. Я. Марръ и І. А. Орбели, дала блестящіе результаты². Какъ видный дѣятель Общества, Н. И. часто былъ выбираемъ Обществомъ его представителемъ на съѣзды, конгрессы, въ комиссіи. Такъ Н. И. былъ представителемъ отъ Общества въ предварительныхъ комитетахъ по созыву всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ и на самыхъ съѣздахъ: VII Московскомъ въ 1890 г., IX Виленскомъ въ 1893 г., X Рижскомъ въ 1896 г. Далѣе Н. И. представлялъ Русское Археологическое Общество на XII Харьковскомъ съѣздѣ въ 1902 г., XIII Екатеринославскомъ въ 1905 г. и предварительныхъ комитетахъ по созыву XI Кіевскаго, XIV Черниговскаго, XV Новгородскаго и XVI Псковскаго съѣздовъ, на III областномъ съѣздѣ во Владимірѣ въ 1906 г. и въ делегатскомъ совѣщаніи по устройству международнаго конгресса историковъ въ СПБ. въ 1913 г.

Н. И. по порученію Общества составилъ ко дню пятидесятилѣтняго юбилея Общества въ 1896 г. историческую записку, произнесъ рѣчь въ торжественномъ юбилейномъ собраніи (4). Н. И. Общество поручило привѣтствовать Московское археологическое общество въ день его 50-лѣтняго юбилея, праздновавшагося въ Москвѣ въ 1915 г.

Вѣрно было замѣчено, что значеніе человѣка опредѣляется не тѣмъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать, а тѣмъ, что онъ могъ и долженъ былъ сдѣлать.

Н. И. оставилъ намъ огромное, цѣннѣйшее научное наслѣдство, которое все создали его энергія, его умѣніе, его знанія. Долгъ свой предъ наукой и обществомъ Н. И. исполнилъ до конца. При этомъ дѣятельность

¹ Н. И. пожертвованы Обществу портреты герц. Максимилиана Лейхтенбергскаго гр. Д. И. Блудова, акад. Куника.

² Первая часть представленнаго ими Отчета Ванской экспедиціи въ настоящее время печатается, какъ отдельное издание Общества.

Н. И. была нарѣдкость разносторонняя и весьма интенсивная. Онъ совмѣщалъ въ себѣ и ученаго оріенталиста, и этнографа, и археолога-практика, и профессора двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, и общественнаго дѣятеля. О результатахъ своихъ работъ Н. И. неукоснительно сообщалъ и въ ученыхъ обществахъ, и на съѣздахъ, и никогда не отказывалъ въ свѣдѣніяхъ изъ только что добытаго имъ матеріала всѣмъ интересующимся. Для серіозныхъ научныхъ цѣлей Н. И. готовъ былъ всегда представить свои неизданные матеріалы. Всѣ свои отчеты о раскопкахъ Н. И. издалъ. Только отчетъ о работахъ 1916—1917 гг. пришлось составлять по замѣткамъ, найденнымъ въ бумагахъ Н. И. послѣ его смерти.

Основною задачею своей дѣятельности Н. И., очевидно, считалъ изслѣдованіе Востока и особенно его отношеній къ Россіи. Поэтому вниманіе Н. И. и привлекали всѣ области восточной культуры, сосѣднія съ Россіей (и Китай, и Средняя Азія, и Персія), и области, вошедшія въ составъ Россіи (Крымъ, Кавказъ, Золотая орда). Въ археологической дѣятельности у Н. И. также на первомъ мѣстѣ стояли проблемы, такъ или иначе связанныя съ Востокомъ. Н. И. судьба послала удивительное счастье — открыть столь важные памятники культуръ древняго Востока, какими являются древности Майкопа, Келермеса, Уля и др.

Что Н. И. долженъ былъ и могъ сдѣлать? Насущнѣйшей задачей для русскаго изслѣдователя времени, когда Н. И. пришлось жить и дѣйствовать, было, конечно, спасаніе источниковъ, — гибнувшихъ отъ стихій и отъ руки человѣка древнихъ памятниковъ. Гдѣ нельзя сохранить въ цѣлости оригиналы, тамъ ученый долженъ позаботиться о томъ, чтобы памятникъ былъ зафиксированъ въ документальныхъ обмѣрахъ, чертежахъ, рисункахъ, фотографіяхъ. Н. И. началъ изданіе мечетей Самарканда, потому что этимъ удивительнымъ созданіямъ искусства грозила неминуемая гибель. Н. И. издавалъ матеріалы по исторіи Пекинской духовной миссіи, также потому что они легко могли погибнуть¹. И, принимаясь за раскопки, Н. И. прежде всего долженъ былъ думать о спасеніи тѣхъ часто единственныхъ источниковъ знанія о далекомъ прошломъ нашей страны, которые таились въ древнихъ городахъ, могильникахъ и курганахъ и которые немилосердно и стихійно разрушались руками невѣжественныхъ и алчныхъ до матеріальныхъ цѣнностей новыхъ насельниковъ областей, гдѣ разсѣяны эти города, могильники, курганы². Такъ какъ ничто не предвѣщало въ ближайшемъ будущемъ прекращенія производившагося расхищенія и уничтоженія памятниковъ древности

¹ Ср. Протоколы Общихъ Собраній И. Р. А. Общества 1899 — 1908, 252 сл.

² Ср. тамъ же, 8 сл.

и скорѣе была почва для предположеній обратнаго характера, Н. И. считалъ совершенно правильно своимъ долгомъ въ ближайшую очередь разслѣдовать въ мѣстностяхъ, гдѣ имъ были намѣчены работы по научнымъ соображеніямъ, тѣ курганы, которымъ грозило уничтоженіе отъ руки хищниковъ. И Н. И. удалось спасти для науки большое количество памятниковъ, открытыхъ имъ въ такихъ курганахъ. Само собою разумѣется, что надо было особенно спѣшно разслѣдовать такіе курганы, въ которыхъ по разнымъ соображеніямъ должны были находиться погребенія, содержащія предметы изъ золота. Н. И. былъ необычайно счастливъ въ находкахъ; имъ добыты, можно сказать, цѣлые музеи утвари изъ золота и серебра (вспомнимъ Майкопъ, Солоху, Чмыревъ курганъ). Недоброжелательные люди называли иногда Н. И. «кладонскателемъ». Во имя истины надо протестовать противъ такого рода опорочиванія дѣятельности Н. И. Если Н. И. «гонялся за золотомъ», то онъ долженъ былъ это дѣлать, блюдя интересы науки. Какая потеря была бы для науки, если бы драгоценности изъ Майкопскаго кургана 1897 г. или изъ Солохи не были раскопаны Н. И., а попали въ руки кладонскателей («счастливецъ» по керченскому выраженію)! А это очень легко могло случиться, и даже, по всей вѣроятности, случилось бы, если бы Н. И. во время не предупредилъ хищеніе, предпринявъ раскопки угрожаемыхъ кургановъ.

Н. И. производилъ раскопки съ энергіей, которая приводитъ въ изумленіе: въ 1896 г. имъ было раскопано 53 кургана въ Бѣлорѣченской станицѣ Кубанской области, 14 кургановъ въ Андрюковской, 1 курганъ въ Ярославской и 1 курганъ въ Костромской; въ 1897 г. былъ разслѣдованъ знаменитый Майкопскій курганъ, 5 кургановъ въ Костромской станицѣ, 9 кургановъ въ Семирѣченской, 1 курганъ въ Губской, 1 въ Анапѣ и Дѣевъ курганъ у Нижнихъ Сѣрогозъ въ Таврической губерніи. Ведя раскопки, Н. И. обыкновенно жилъ въ степи, въ очень примитивной обстановкѣ, терпѣлъ лишенія, но ничто не могло поколебать его настойчивости въ работѣ. Хотя и часто приходилось Н. И. мчаться раскапывать курганы туда, гдѣ того требовали обстоятельства, но все же извѣстной системы въ выборѣ мѣста раскопокъ Н. И. держался. Вполнѣ выдержать ее онъ не могъ именно изъ-за громадной массы неотложныхъ текущихъ дѣлъ, которыя у насъ въ Россіи мѣшаютъ работать систематически всѣмъ на каждомъ шагу. Очевидно, Н. И. ставилъ своей задачей изслѣдовать систематически Кубанскую область. Конечно, можно указать разнаго рода упущенія въ раскопкахъ Н. И. Но надо принять во вниманіи то, что той точности наблюденія, которую показали критскія раскопки Evans'а и которая теперь является обязательной для каждаго изслѣдователя, до 1900 г. не было ни у кого. Дёрффельдъ при

объясненіи Трои членамъ аѳинскаго археологическаго конгресса 1905 г. заявилъ, что нѣкоторую часть Трои онъ оставилъ неразслѣдованной, чтобы ее могло раскопать новое поколѣніе, усвоившее методы работы Evans'а, и что онъ самъ не въ состояніи вести раскопки столь совершенно, какъ это сдѣлало Evans'омъ въ Кноссѣ. Будетъ кто-либо ставить въ вину Дѣрифельду то, что въ его работахъ не оказывается точности, требующейся современною наукой? Если бы кто нибудь это сдѣлалъ, онъ былъ бы несправедливъ. Несправедливо судить и о раскопкахъ Н. И., предъявляя къ нимъ требованія того, чего во время дѣятельности Н. И. нигдѣ не было и чего и ожидать было нельзя. Н. И. былъ сыномъ своей эпохи. Отнынѣ археологи будутъ примѣнять, конечно, болѣе совершенные методы изслѣдованія кургановъ, и это, безъ сомнѣнія дастъ и болѣе точныя наблюденія и болѣе богатые результаты. Для своего времени раскопки Н. И. дали все же очень много. Громадное количество памятниковъ Н. И. спасъ для науки. Отчеты Н. И. — очень короткіе, сухіе, чисто фактическіе. Но въ нихъ имѣется не мало цѣнныхъ наблюденій, чертежи, рисунки, фотографіи, — всё документы весьма важные.

Общіе результаты археологическихъ изслѣдованій Н. И., можно сказать, колоссальны: благодаря имъ, открываются цѣлыя новыя главы въ исторіи культуры на почвѣ Россіи (и какія интересныя главы: Майкопъ, Солоха!). Н. И. выяснены способы устройства кургановъ, которые въ разныя эпохи были весьма различны. Эпохи курганныхъ погребеній, открытыхъ Н. И., имъ въ общемъ установлены правильно (мѣднаго и бронзоваго вѣка, архаической греческой эпохи, классической, эллинистической, римской, XIII — XV в. по Р. Х.). Устанавливается фактъ, что курганы одной эпохи бывають расположены обычно группами въ однихъ приблизительно мѣстахъ. Н. И. выяснены точно обряды погребеній въ различныя эпохи, и даны чертежи, дающіе наглядное представленіе о картинѣ погребеній¹. Раскопки Н. И. установили, что большею частью въ курганахъ имѣется по нѣскольку могилъ. Не мало установлено Н. И. и различныхъ деталей погребеній (положенія костяковъ, обстановки могилъ, ихъ типовъ). Любопытно, что въ курганныхъ насыпяхъ часто дѣлаются «впускныя» погребенія въ позднѣйшія эпохи. Огъ этихъ погребеній надо отличать погребенія, которыя устраивались въ материкѣ по близости главнаго погребенія и въ одну съ нимъ эпоху². Надъ этими погребеніями дѣлалась новая насыпь, сливав-

¹ Ср., напр., Отчетъ И. Арх. Ком., 1895, 9 слл., рис. 27 — 29; 1904, 93; 86, рис. 134.

² Конечно, эти погребенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны были быть совершены въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ, а можетъ быть, и сотенъ лѣтъ. Ср. Montelius, Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europe, I, Die Methode, Stokholm, 1903, 6 сл.

шаяся съ насыпью надъ главнымъ погребеніемъ и значительно увеличивавшая объемъ кургана, надъ нимъ сооруженнаго. Такимъ образомъ и объясняется обстоятельство, что подъ курганами въ материкѣ оказывается нерѣдко по нѣскольку могилъ. Н. И. прекрасно разбирался въ характерѣ различныхъ частей насыпи каждаго кургана, отлично выдѣлялъ одну часть отъ другой, отдавалъ всегда полный отчетъ въ расположеніи пластовъ курганной насыпи и такимъ образомъ выяснялъ всю исторію кургана¹. При этомъ выяснялась и позднѣйшая исторія кургана, картина разграбленія кургановъ въ нѣсколько пріемовъ, иногда въ разные времена². Древности, добытыя раскопками Н. И., представляютъ цѣннѣйшій матеріалъ для исторіи культуры юга Россіи и Кавказа. Разработкою этого матеріала должны заняться наслѣдники Н. И. по изслѣдованію этихъ областей, и имъ предстоитъ огромная работа³.

Необходимо составить карточный каталогъ всѣхъ кургановъ, раскопанныхъ Н. И., подвергнуть критической оцѣнкѣ стиль находокъ, установить точнѣе ихъ хронологію. Важно было бы начертить карту, на которой выдѣлены были бы особыми обозначеніями курганы, относящіеся къ разнымъ эпохамъ. Болѣе внимательное изученіе техники и стиля находокъ сулитъ много открытій и въ области исторіи быта и въ области исторіи искусства. И европейская преесторія, и восточная и классическая археологія и археологія средневѣковья получаетъ еще рядъ цѣннѣйшихъ указаній изъ матеріаловъ, оставленныхъ наукѣ въ наслѣдство Н. И.

Озираясь на жизненный путь, совершенный Н. И. Веселовскимъ, мы должны сказать, что русская наука и общество потеряли в немъ крупнаго дѣятеля, много и искренне послужившаго на нивѣ просвѣщенія народу, въ блестящее будущее котораго Н. И. не переставалъ вѣрить до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни, несмотря на всѣ испытанія, которыя судьба посылала Россіи. Та крѣпкая, какъ скала, вѣра въ геній русскаго народа, которою горѣло сердце Н. И., была характерна для его необыкновенно цѣльнаго типа, энергичнаго, сильнаго, настойчиваго, богатырскаго. Въ жизни побѣждаютъ вѣрующіе. Пока будутъ у насъ такіе дѣятели — богатыри, какимъ былъ Н. И. Веселовскій, мы и будемъ живы и будемъ имѣть достойное мѣсто подъ солнцемъ среди другихъ народовъ. Сохранимъ же па-

¹ Ср. цѣнные наблюденія Н. И. въ Трудахъ XIV Археологич. съѣзда въ Черниговѣ, III, 1909, проток., 102.

² Ср. Отчетъ И. Арх. Ком. 1911, 35.

³ Матеріалъ, добытый раскопками Н. И. въ Майкопѣ въ 1897 г., частью обрабатывался мною въ «Арханч. періодѣ въ Россіи», Матеріалы по археол. Россіи, № 34, 50 слл.

мать о Николаѣ Ивановичѣ, будемъ подражать ему, его энергіи, его упорству въ работѣ, и будемъ, какъ онъ, истинный сынъ народа, вѣрить въ геній нашего народа и его счастливую звѣзду.

Б. Фармаковскій.

Списокъ трудовъ Н. И. Веселовскаго.

Настоящій списокъ ученыхъ работъ Н. И. Веселовскаго составленъ В. В. Латышевымъ.

Въ первой части этого списка данъ перечень напечатанныхъ трудовъ; они распределены по рубрикамъ, обозначеннымъ буквами А—Д. Во второй части перечислены научные доклады и сообщенія въ ученыхъ обществахъ, на археологическихъ съездахъ и т. п.; доклады распределены по рубрикамъ А—З, причемъ в рубрикѣ А сдѣланы еще болѣе мелкія дѣленія по буквамъ а—е. Въ каждомъ дѣленіи работы перечисляются въ хронологическомъ порядкѣ.

Названія периодическихъ изданій и серій даны въ списокѣ въ сокращеніяхъ; здѣсь дается перечень тѣхъ изъ этихъ сокращеній, которые рѣдко встрѣчаются на страницахъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія.

- АИЗ — Археологическія Извѣстія и Замѣтки.
ВАИ — Вѣстникъ Археологіи и Исторіи.
ЖС — Живая Старина.
ЗОО — Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.
ЗРВА — Записки Разряда военной археологіи и археографіи.
ЗРГОЭ — Записки Русскаго Географическаго Общества по Отделу этнографіи.
ИВ — Историческій Вѣстникъ.
ИРГО — Извѣстія Русскаго Географическаго Общества.
ИРК — Извѣстія Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи.
ИОРЯС — Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности Академіи Наукъ.
ИТАК — Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи.
ОРГО — Отчетъ Русскаго Географическаго Общества.
ПРАО — Протоколы общихъ собраній РАО за 1899—1908 годы (Пгр. 1915).
ТРАС — Труды Археологическихъ Съездовъ.
ТВ — Туркестанскія Вѣдомости.
ЭС — Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона (изд. 1-е). Во всемъ словарѣ удалось найти только двѣ значительныхъ статьи за полною подписью Н. И.; кромѣ того ему принадлежатъ нѣсколько мелкихъ (иногда лишь въ нѣсколько строкъ) статей, подписанныхъ инициалами Н. В.

Названія нѣкоторыхъ повременныхъ изданій и сборниковъ, упоминаемыхъ по одному или по два раза, приводятся безъ значительныхъ сокращеній.

І. Печатные труды.

А. Отдѣльно изданные труды.

1. Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. Спб. 1877. II+VII+364 стр. 8^о.
2. Василий Васильевичъ Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ. 1816—1881. Спб. 1887. 288+0105 стр. 8^о. Съ приложеніемъ портрета и факсимиле.

3. Киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ. Текстъ, переводъ и приложения. Спб. 1894. (Подробное изложеніе разсказа у А. Е. Алекторова, Указатель книгъ, статей и замѣтокъ о киргизахъ. Каз. 1900, стр. 204 сл.).
4. Рѣчь, читанная въ торжественномъ собраніи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества 15 декабря 1896 г. Спб. 1896, 32 стр. 8^о.
5. Исторія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества за первое пятидесятилетіе его существованія. 1846—1896. Приложение—портреты. Спб. 1900. 516 стр. 6. 8^о.
6. О мѣстоположеніи Гюлистана при-Сарайскаго. Кіевъ, 1907. 10 стр. 8^о. (Отт. изъ невышедшаго въ свѣтъ сборника статей, посвященныхъ В. В. Антоновичу).
7. Гератскій бронзовый котелокъ 559 г. гиджры (1163 по Р. Х.) изъ собранія гр. А. А. Бобринскаго. — Мат. по арх. Россіи, № 33 и отд. Съ 10 табл. и 5 рис. Спб. 1910. 4^о.
8. Лекціи по исторіи Востока. Нѣсколько литограф. изданій слушателей. (1886-7, 1887-8, 1888-9 и др.).
9. Первобытныя древности. (Исторія Южной Россіи). Пособіе къ лекціямъ, чит. в Спб. Археолог. Институтѣ. Спб. 1901. 8^о (литограф.).
10. Первобытный человѣкъ. (Доисторич. археологіи). Лекціи. Изд. и рисунки Н. С. Соломко. Спб. 1902.
11. Лекціи по исторіи Востока, пересмотрѣнныя проф. В. В. Бартольдомъ. Спб. 1910.

В. Статьи и замѣтки въ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ.

12. Манкытская династія, нынѣ царствующая въ Бухарѣ. — ТВ, 1878, № 28. (Подп. П. В.).
13. Русскіе невольники въ средне-азіатскихъ ханствахъ. — ТВ, 1879, №№ 34 и 35. Отд.: Ташк. 1883. 11 стр. 8^о.
14. Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи. Труды 3-го международн. съѣзда ориентал. 1876 г., т. I, Спб. 1880, стр. 97+256 и 605-6.
15. Куликовская битва. (По поводу ея пятисотлѣтія). Древняя и Новая Россія, т. 18, 9, сент. 1880 г., стр. 5—23 (съ планомъ и рисункомъ памятника).
16. Посольство въ Хиву Ив. Мих. Федотова и его статейный списокъ пребыванія въ Хивѣ 1669—1670. ТВ, 1882, № 20.
17. Нѣсколько новыхъ соображеній по поводу «пересмотра» вопроса о происхожденіи гунновъ. ЖМНП, 1882, сент., отд. 2, стр. 90—102.
18. Basile Grigorieff et ses œuvres. Le Muséon, revue internat. 1882, v. I, № 4, pp. 609—617.
19. Путешествіе Г. С. Карелина по Каспійскому морю. ЖМНП, 1884, февр., отд. 2, стр. 421—431.
20. Первое подданство туркменъ Россіи. ИВ, 1884, май, стр. 301—306.
21. Приемъ въ Россіи и отпускъ среднеазіатскихъ пословъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, ЖМНП, 1884, июль, отд. 2, стр. 68—105.
22. Одинъ фактъ изъ исторіи Герата. (Нумизмат. замѣтка). ИРАО, X (1884), стр. 60—61.
23. Существуетъ ли въ Средней Азій поддѣлка древностей. ЗВО, I (1887), стр. 110—114.
24. Бозбездъ. ЗВО, I, стр. 161—168.
25. Посольство къ зюнгарскому Хунъ-тайчжи Цэванъ-Рабтану капитана отъ артиллеріи Ивана Унковскаго. Путевой журналъ его за 1721—1724 гг. Документы, изд. съ предисловіемъ и примѣчаніями. ЗРГОЭ, X (1887), вып. 2. XLVI+276+VI стр. 8^о, съ картою.
26. Сообщеніе о раскопкахъ въ городищѣ Афросіабъ близъ Самарканда въ 1885 г. ЗРАО, н. с., II (1887), стр. XCII—CIV.
27. Поѣздка въ мѣстность Сусинганъ въ октябрѣ 1885 г. ЗВО, X (1887), стр. 25—32.
28. Замѣтка о курганахъ Туркестанскаго края. ЗВО, X, стр. 221—226.
29. Отчеты о раскопкахъ въ Кубанской обл. и Таврической губ., производившихся ежегодно по 1917 г., помѣщены въ ОАК за 1882—8 и сл. годы до 1915 включительно.
30. Рамазанъ въ Самаркандѣ и курбанъ-байрамъ въ Бухарѣ. ИВ, 1888, июль, стр. 141 (подп. Н. И. В.).
31. Дагбидъ. ЗВО, III (1888), стр. 85—95.

32. Передовые калмыки на пути къ Волгѣ. ЗВО, III, стр. 365—370.
33. Случайныя находки на Кавказѣ въ 1885 и 1886 годахъ. ЗРАО, н. с., III (1888), стр. 461—4 (съ 6 рис., подп. Н. В.).
34. Сообщение о курганахъ въ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губ. ЗРАО, н. с., III, прот., стр. LXIX—LXXVII.
35. Надгробный памятникъ Тимура въ Самаркандѣ. Т VII АС, II (1891), стр. 67—72. (Прочитано на сѣздѣ 14 авг. 1887. См. Т VII АС, III, прот., стр. 76).
36. Иванъ Даниловичъ Хохловъ, русскій посланникъ въ Персіи и въ Бухарѣ въ XVII в. ЖМНП, 1891, янв., стр. 48—72. (Прочитано въ засѣданіи VIII арх. сѣзда въ Москвѣ 22 января 1890, см. Т VIII АС, IV, 1897, прот., стр. 183).
37. Скиескій всадникъ. Поясная пряжка. ИТАК, № 14 (1891), стр. 81—83. Съ табл.
38. Случайныя находки. ЗРАО, н. с., V (1892), стр. 407-409 (подп. Н. В.).
39. Замятка о стеклянномъ производствѣ въ Средней Азій. ЗВО, VIII (1894), стр. 137-8.
40. Орхонскія открытія. ЖМНП, 1894, апрѣль, отд. 4, стр. 59—72.
41. Золотая Орда. ЭС, XXIV (1894).
42. Отчетъ о раскопкахъ, произведенныхъ въ 1894 г. ОАК, 1894, прил., стр. 77—87.
43. Сообщение о каменныхъ бабахъ въ Таврической губ. (Письмо въ Московское Археолог. Общество). АИЗ, III (1895), стр. 65-66.
44. Перечень раскопанныхъ въ 1895 г. кургановъ въ Кубанской обл. и найденныхъ въ нихъ древностей. ОАК, 1895, прил., стр. 129—137.
45. Памятникъ Ходжи Ахрара въ Самаркандѣ. Восточныя замѣтки, Сборникъ статей профессоровъ и препод. Вост. фак. Сиб. университета. Спб. 1895, стр. 321—335, съ 2 табл. и рисунками.
46. О тиарѣ Сайтафарна. Новое Время, 1896, №№ 7263 и 7313. (Ср. АИЗ, IV, стр. 239).
47. Подробности смерти Узбецкаго Хана Мухаммеда Шейбани. Т VIII АС, III (1897), стр. 290—299. (Прочитано въ засѣданіи сѣзда 22 янв. 1890 г., см. Т VIII АС, IV, стр. 174).
48. Когда появились складные ножи. ЗРАО, X (1898), стр. 362.
49. Дольмень на древнемъ кладбищѣ въ верховьяхъ р. Кифара (съ 3 рис.), ЗРАО, X (1898), стр. 368—370).
50. Бадаулетъ-Якубъ-Бегъ, аталыкъ Кашгарскій. ЗВО, XI (1899), стр. 87—103.
51. Записка о снаряженіи экспедиціи съ археол. цѣлью въ бассейнъ Тарима. (Подписана Н. И. Веселовскимъ, Д. А. Клеменцомъ и С. О. Ольденбургомъ). ЗВО, XIII (1901), стр. IX—XVIII.
52. Изъ письма Н. И. Ильминскаго къ В. В. Григорьеву отъ 17 января 1865 г. ЗВО, XIII, стр. 038-039. (Подп. Н. В.).
53. Каменные орудія въ курганахъ сѣвернаго Кавказа первыхъ вѣковъ христіанской эры. Т XI АС, I (1901), стр. 813—816. (Прочитано въ засѣданіи сѣзда 17 августа 1899 г. см. Т XI АС, II, прот., стр. 147).
54. Комментарій архимандрита Палладія Капарова на путешествіе Марка Поло по сѣверному Китаю. Съ предисл. Н. И. В—скаго. ИРГО, XXXVIII (1902), в. I, стр. 1—46.
55. Шаманизмъ. ЭС, LXXVII (1903).
56. Случайная находка близъ Новороссійска (съ 3 рис.). ИАК, в. 11 (1904), стр. 167-168.
57. Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества на сѣверномъ Кавказе. Т XII АС, I (1905), стр. 341—373. (Прочитано въ засѣданіи сѣзда 23 августа 1902 г. см. Т XII АС, т. III, стр. 351).
58. Мнимыя «каменные бабы» (съ 11 рис.). ВАИ, в. 17 (1906), стр. 1—26. Чешскій переводъ Došnělě, «Kamenné Baby». Přel. A. Kašpar, Praha 1906.
59. Экспедиція въ Туркестанъ для снятія плановъ и зарисовки въ краскахъ мѣстныхъ мечетей. ИРК, 1906, № 9, стр. 23—26.
60. Еще объ оссуаріяхъ. ЗВО, XVII (1907), стр. 0176—0180.
61. Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г. подъ видомъ купца Хорошева. ЖС, 1908 г., в. 2, стр. 170—189 и в. 3, стр. 312—331.
62. Танансъ младшій. Гермесь, 1909, № 6, стр. 246—252 (съ рис.).

63. Нѣсколько поясненій касательно ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству. ЗРГОЭ, XXXIV (Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина), 1909, стр. 525—536.
64. Свистящія стрѣлы (съ 2 рис.). ИАК, в. 30 (1909), стр. 156—160.
65. Алебастровыя и глиняныя статуэтки до-микенской культуры въ курганахъ южной Россіи и на Кавказѣ. (Съ 4 табл. и 11 рис.). ИАК, в. 35 (1910), I-II.
66. Развѣичанный перстень. ИАК, в. 37 (1910), стр. 87-88.
67. По поводу отвѣта В. А. Городцова. ИАК, в. 37 (1910), стр. 98—102.
68. Чмыревъ курганъ (съ рис.). Гермесъ, 1910, № 11-12.
69. Перстень-печатъ Миранъ-шаха мирзы, сына Тамерлана. Кауфманскій Сборникъ (М. 1910), стр. 229—234.
70. Татарское вліяніе на посольскій церемоніалъ въ московскій періодъ русской исторіи. Рѣчь. Отчетъ Спб. унив. за 1910 г., отд. X, стр. 1—13.
71. «Миньятъ». Сборникъ статей, посвящ. С. О. Платонову, Спб. 1911, стр. 17—26.
72. Погрѣшности и ошибки при изданіи документовъ по сношенію русскихъ государей съ азіатскими владѣльцами. ЖС, 1909, в. 2-3, стр. 237, 268 и 1910, в. I, стр. 147—159 (дополненіе).
73. Второе дополненіе къ статьѣ «Погрѣшности и ошибки» и пр. ЖС, 1911, стр. 31—34.
74. По поводу статьи Е. Е. Тевяшова (о назначеніи боковыхъ отверстій у стрѣлъ). ИАК, в. 40 (1911), стр. 162—164.
75. Статуи воиновъ изъ категоріи «каменныхъ бабъ», съ 2 табл., ИТАК, № 45 (1911), стр. 27—30.
76. Записка по вопросу о приемахъ при производствѣ раскопокъ. Т XIV АС, III (1911), прот., стр. 99—104.
77. Китайскіе символы въ предметахъ украшенія. Сборникъ статей, поднес. гр. А. А. Бобринскому (1911), стр. 1—12.
78. Загадочный Гюлистанъ Золотой орды. ЗВО, XXI (1912), стр. 53—64.
79. Пережитки нѣкоторыхъ татарскихъ обычаевъ у русскихъ. ЖС, 1912, стр. 27—38.
80. Неудавшееся посольство въ Крымъ стольника Бориса Андреевича Пазухина въ 1779 г. ЗОО, XXX (1912), стр. 179—216.
81. Къ вопросу о technikѣ золотыхъ рельефныхъ украшеній въ греческомъ искусствѣ (съ 2 табл.). ИАК, в. 47 (1913), стр. 96—103.
82. Изъ находокъ въ Курганѣ Солоха. I, II (съ рис.). Нов. Вр. 1913 г., иллюстр. прил. къ №№ 13508 (19 окт.) и 13550 (30 ноября). Перепечатано въ ИАК, приб. къ в. 52, стр. 192—195.
83. Благословительная халифская грамота 1779 г. ИТАК, № 50 (1913), стр. 77—80.
84. О горитахъ съ ремнями. ИАК, в. 54 (1914), стр. 117-118.
85. Серебро скиѣскаго царя изъ кургана Солоха (съ рис.). Старые годы, 1913, кн. 3.
86. Дополненіе къ статьѣ [А. И. Иванова] «Походы монголовъ въ Россію». ЗРВА, III (1914), стр. 23—26.
87. Военно-историческій очеркъ г. Анапы (съ рис. и табл.). ЗРВА, III (1914), стр. 27—98 и отд.
88. По поводу гравюры Р. де Гоогге: Бой подъ Нарвою 19 ноября 1700 г. ЗРВА, III (1914), стр. 99-100.
89. Современное состояніе вопроса о «каменныхъ бабахъ» или «балбалахъ» (съ 14 табл.). ЗОО, XXXII (1915), стр. 408—444.
90. О турецко-татарскомъ словѣ тыш («зубъ») въ дипломатическихъ документахъ. ЖМНП, 1915, апрѣль, отд. 2, стр. 329—331.
91. О приобрѣтеніи для Имп. Эрмитажа нумизматической коллекціи И. А. Стемпковскаго (съ портретомъ). ИТАК, № 52 (1915), стр. 186—195.
92. Замѣтки по исторіи Золотой орды. I. Золотоордынскій ханъ Дюдень и царевичъ Дюдель. II. Золотоордынскій ханъ Тохта (1291—1313 гг.) и царевичъ Токтомиръ. Дополненія и поправки. ИОРЯС, т. 21 (1916), кн. I, стр. 1—15 и 348.

93. О религіи татаръ по русскимъ лѣтописямъ. (Опытъ комментарія лѣтописныхъ извѣстій. ЖМНП, 1916, июль, отд. 2, стр. 81—101.
94. Мнимая должность букаульнаго тамговщика въ имперіи Чингизъ - хана. ЗВО, XXIV, стр. 201—204.
95. Греческія изображенія на туркестанскихъ оссуаріяхъ (съ 1 табл. и 15 рис.). ИАК, в. 63 (1917), стр. 59—68.
96. Къ исторіи открытія Тмутараканскаго камня. ВАИ, в. 22 (1917).
97. Бронзовый панцирный нагрудникъ съ изображеніемъ головы Медузы (съ 1 табл. и 8 рис.), ИАК, в. 65 (1918), стр. 1—8.
98. Роль стрѣлы въ обрядахъ и ея символическое значеніе. ЗВО, XXV, 273—292.

В. Рецензій, отзывы и библиографическія замѣтки.

99. Образцы народной литературы монгольскихъ племенъ. Сост. А. Позднѣевъ. Вып. I. Спб. 1880. Рец.: Др. и Новая Россія 1881 г., № 2, стр. 392-5.
100. Труды третьяго международнаго съѣзда ориенталистовъ въ С.-Петербургѣ въ 1876 г. Т. I и II. Спб. и Лейпцигъ, 1879-80. Рец.: ЖМНП, 1882, янв., отд. 2, стр. 197—223 и 1883, янв., стр. 195—216.
101. Рюи Гонзалесъ де Клавихо. Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандѣ въ 1403—1406 гг. Текстъ съ перев. и прим. подъ ред. И. И. Срезневскаго. Спб. 1881. Рец.: ЖМНП, 1882, ноябрь, отд. 2, стр. 123—137.
102. Монгольская лѣтопись «Эрдэнийнъ-эрихэ». Текстъ и перев. съ поясненіями А. Позднѣева. Спб. 1883. Рец.: ЖМНП, 1884, июнь, отд. 2, стр. 238—262.
103. Новые матеріалы по исторіи Коканскаго ханства. (По поводу соч. Тарихи Шахрохи и Наливкина). ЖМНП, 1886, ноябрь, отд. 2, стр. 175—195.
104. Библиограф. замѣтка о трудѣ Наливкина. ЗВО, I (1886), стр. 227.
105. В. Наливкинъ и М. Наливкина. Очеркъ быта жизни осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы. Казань, 1886. Рец.: ЖМНП, 1887, апрѣль, отд. 2, стр. 266—285.
106. Краткая библиограф. замѣтка о томъ же трудѣ. ЗВО, 1, стр. 319; ОРГО, 1886, приложение.
107. Образцы нар. литературы монгольскихъ племенъ. Вып. I, сост. А. Позднѣевъ. Спб. 1880. Рец.: Др. и Нов. Россія, 1881, № 2, стр. 391—395.
108. Е. Смирновъ. Сыръ-Дарьинская область. Спб. 1887. Библ. зам.: ЗВО, II, 279 (подп.: Н. В.).
109. Отзывъ о трудахъ В. Г. Тизенгаузена. ЗРАО, II, стр. CXIV сл.
110. Н. Остроумовъ. Пословицы туземнаго населенія Туркестанскаго края. Библ. зам. ЗВО, III (1888), стр. 141. (Подп. Н. В.).
111. Н. О. Гондати. 1) Слѣды языческихъ вѣрованій у Маньзовъ. М. 1888. 2) Культъ медвѣды у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири. Библ. зам.: ЗВО, III, стр. 383—5. (Подп. Н. В.).
112. В. Д. Смирновъ. Крымское ханство подъ верховенствомъ Оттоманской Порты до начала XVIII в. Спб. 1887. Рец.: ЖМНП, 1889, янв., отд. 2, стр. 168—203.
113. А. Кенисаринъ. Султанъ Кенисара и Садыкъ. Біограф. очерки, обраб. для печати Е. Т. Смирновымъ. Ташкентъ, 1889. Рец.: ИВ, 1889, окт., стр. 106.
114. Г. А. Арандаренко. Досуги въ Туркестанѣ. Спб. 1889. Рец.: ЗВО, IV (1889), стр. 408—413.
115. Отзывъ о трудѣ А. Н. Харузина «Киргизы Букеевской орды». ОРГО, 1889, прил., стр. 9-10.
116. Къ библиографіи калмыцкихъ сказокъ. ЗВО, V (1890), стр. 112-113.
117. Н. И. Гродековъ. Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской области, т. I. Ташк. 1889. Рец.: ЗВО, V, стр. 122. (Подп. Н. В.).
118. Влад. Птицынъ. Этнографич. свѣдѣнія о тибетской медицинѣ въ Забайкальѣ. Спб. 1890. Библ. зам.: ЗВО, V, стр. 122. (Подп. Н. В.).

119. Дополненіе къ бібліограф. указателю статей, касающихся этнографіи киргизовъ и каракиргизовъ, составленному А. Н. Харузинымъ. Этнограф. Обозр., XI (1890), стр. 285—289.
120. Л. Лянглэ. Жизнь Тимура. Пер. съ франц. Н. Суворовъ. Ташк. 1890. Библ. зам.: ЗВО, VI (1891), стр. 343—346. (Подп. Н. В.).
121. Ипп. Кузнецовъ. Древнія могилы Минусинскаго округа. Томскъ. 1889. Библ. зам.: ЗВО, VI, стр. 346—349. (Подп. Н. В.).
122. Отзывъ о трудахъ С. К. Патканова. ОРГО, 1891, прил., стр. 25-26.
123. Дж. Банзаровъ. Черная вѣра или шаманство у монголовъ и др. статьи подъ ред. Г. Н. Потанина. Спб. 1892. Рец.: ИВ, 1892, февр., стр. 580.
124. П. Шубинскій. Очерки Бухары. Спб. 1892. Рец.: ЗВО, VIII (1894), стр. 157—165. (Подп. Н. В.).
125. V. Schwarz. Alexander des Grossen Feldzüge in Turkestan. München 1893. Рец.: ЗВО, VIII, стр. 375-376. (Подп. Н. В.).
126. О переводѣ П. С. Попова сочиненія Мэнь-гу-ю-му-цзи. ЖС, ч. 4 (1894), стр. 284.
127. Отзывъ о трудѣ В. Л. Сѣрошевскаго «Якуты». ОРГО, 1894, прил., стр. 35.
128. Автобіографія Тамерлана. Пер. съ тюркскаго Нила Лыкошина. Ташк. 1894. Рец.: ЖМНП, 1896, янв., отд. 2, стр. 224—7.
129. Отзывъ о соч. А. А. Спицына. При-уральскій край. Археолог. разысканія о древнѣйшихъ обитателяхъ Вятской губерніи. Москва 1893. ЗРАО, VIII (1896), прил. къ проток., стр. XLIX—LI.
130. Мухамедъ Наршахи. Исторія Бухары. Перев. съ персидскаго Н. Лыкошинъ подъ ред. В. В. Бартольда. Ташк. 1897. Рец.: ЖМНП, 1897, декабрь, отд. 2, стр. 466—468.
131. И. И. Крафтъ. Изъ киргизской старины. Оренб. 1900. Рец.: ЗВО, XII (1900), стр. 0125—0128. (Подп. Н. В.).
132. Отзывъ о соч. графа А. А. Бобринскаго «Курганы и случайныя раскопки близъ м. Смѣлы», III, Спб. 1901. ПРАО, стр. 113—125. (Прочитанъ въ Общемъ собраніи ПРАО 2 мая 1902 г.).
133. Отзывъ о трудѣ граф. П. С. Уваровой «Матеріалы по археологій Кавказа», вып. VIII. М. 1903. ПРАО, стр. 175—182. (Прочитанъ въ Общемъ собраніи ПРАО 20 февраля 1904 г.).
134. Ежегодникъ Ферганской области. Т. 1, 1902 г. Библ. зам.: ЗВО, XV (1904), стр. 045-046. (Подп. Н. В.).
135. Отзывъ о трудахъ С. К. Патканова. ОРГО, 1905, прил. стр. (25)—(28).
136. Самаркандскія мечети. Вып. I. Мечеть Гуръ-Эмиръ. Спб. 1905. Библ. зам.: ЗВО, XVII, стр. 0181—0184.
137. П. Орловъ. Кубанскіе казаки. Екатеринодаръ. 1908. Библ. зам.: ЗРВА, I (1911), стр. 015—024. (Подп. Н. В.).
138. Ф. А. Щербина. Исторія Кубанскаго казачьяго войска. Т. 1. Екат. 1910. Библ. зам.: ЗРВА, I.
139. В. С. Шамрай. Хронологія важнѣйшимъ событіямъ и законоположеніямъ, имѣющимъ отношеніе къ исторіи Кубанской области и Кубанскаго казачьяго войска. 1911. Библ. зам.: ЗРВА, I.
140. А. Д. Ламеновъ. Къ матеріаламъ для исторіи 1-го Кавказскаго полка Кубанскаго каз. войска. 1910. Библ. зам.: ЗРВА, I.
141. П. Н. Короленко. Переселеніе казаковъ на Кубань. 1911. Библ. зам.: ЗРВА, I.
142. И. И. Кіяшко. Станичныя и хуторскіе архивы Куб. каз. войска. 1911. Библ. зам.: ЗРВА, I.
143. Ковровыя издѣлія Средней Азій изъ собранія, составленнаго А. А. Боголюбовымъ. Вып. I и II. Спб. 1908 и 1900 гг. Рец. ЗВО, XX (1912), стр. 03—07. (Подп. Н. В.).
144. И. М. Холодковскій и Н. Н. Годлевскій. Пумизмат. памятники Отечественной войны. Описаніе медалей и жетоновъ 1812—1912 гг. ЗРВА, II (1912), стр. 03—07. (Подп. Н. В.).

145. Kouznetzov, P. La lutte des civilisations et les langues dans l'Asie Centrale. Paris. 1912.
Рец.: ИВ, 1914, январь, стр. 305.
146. Ф. А. Щербина. Исторія Кубанскаго казачьяго войска, т. 2. 1913. Рец. ЗРВА, III, (1914), стр. 010—012. (Подп. Н. В.).
147. Отзывъ о соч. В. В. Бартольда «Исторія изученія Востока въ Европѣ и Россіи». Спб. 1911. ЗВО, XXII (1915), прил. къ прот., стр. XXII—XXIV.
148. М. Д. Приселковъ. Ханскіе ярлыки русскимъ митрополитамъ. Пгр. 1916. Рец.: ЖМНП, 1917, мартъ, отд. 2, стр. 118—130.
149. Отзывъ о соч. Адрианова. Къ археологій Западнаго Алтая. 1917.

Г. Біографіи, некрологи, поминки.

150. В. В. Григорьевъ. Некрологъ. (Читанъ въ засѣданіи ВО 26 февраля 1882 г.). ЖМНП, 1882, мартъ, отд. 4, стр. 65—89. ИРАО, X (1884), стр. 287—294.
151. К. А. Скачковъ. Некрологъ. ЖМНП, 1883, июль, отд. 4, стр. 98—103.
152. П. И. Лерхъ. Некрологъ В. Е. Тизенгаузена и Н. И. В—скаго. ЖМНП, 1884, ноябрь, отд. 4, стр. 57—66. (Извлеченіе въ біограф. словарь профес. и препода. Спб. унив. за 3-ю четверть вѣка его существованія. (Спб. 1898).
153. К. П. Паткановъ (съ портр.). ЗВО, V (1890), стр. 243—263.
154. С. М. Георгіевскій. (Некрологъ). Истор. Обзор., т. 7 (1894), стр. 154—156.
- 155—164. Біографическіе очерки: Бадмаевъ А. А., Бадмаевъ П. А., Григорьевъ В. В., Дорофеевъ Н. Н., Казембекъ А. К., Кельзи Ф. И., Кутировъ Д. Д., Мельгуновъ Г. В., Навроцкій М. Т., Демьяновъ М. О., Токузиро Нисси, Яматовъ В. Г. Біограф. Словарь проф. и препода. Спб. унив. за 3-ю четверть вѣка его существованія, 1869—1894. Спб. 1898.
165. А. Ф. Бычковъ. ЗРАО, II (1899), стр. VII—XII. ПРАО, стр. 12—19.
166. Тридцать лѣтъ ученой дѣятельности барона В. Р. Розена. ЖМНП, 1902, декабрь, отд. 4, стр. 157—161 (безъ подписи).
167. В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (некрологъ). ЖМНП, 1904, апрѣль, отд. 4 стр. 197—212.
168. Баронъ В. Р. Розенъ (некрологъ). ЖМНП, 1908, апрѣль, отд. 4, стр. 167—188.
169. Дѣятельность В. И. Ламанскаго въ И. Русскомъ Географич. Обществѣ. ЖС, 1915, в. 1—2, стр. 1—8.

Д. Редакціонные труды.

170. Записки И. Русскаго Географич. Общества по отд. этнографіи, т. 17, в. 1 и 2. Спб. 1890—1891; т. 24, Спб. 1895.
171. Памятники дипломатич. и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. Изд. подъ ред. Н. И. В. Т. 1, 1890, т. II, 1892, т. III, 1898 (ТВО, ч. XX—XXII).
172. Якуты. Опытъ этнограф. изслѣдованія В. О. Сѣрошевскаго. Изд. И. Р. Географич. Общ. подъ ред. Н. И. В—скаго. Т. I. Спб. 1896. XII+719 стр. 8^о.
173. Абу-Тахиръ ходжа. Самарія. Таджикій текстъ, пригот. къ печати Н. И. В—скимъ. Съ предисловіемъ и прилож. рисунковъ. Спб. 1904. 8^о.
174. Сочиненія Чокана Чингисовича Валиханова. Изд. подъ ред. Н. И. В—скаго. ЗРГОЭ, т. 29 (1904) и отд. Спб. 1904. Съ 2 портретами.
175. Матеріалы для исторіи Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. Изд. подъ ред. Н. И. В—скаго. Вып. I. Спб. 1903. XII+72, стр. 8^о.
176. Мечети Самарканда. Альбомъ архит. рисунковъ и чертежей. Вып. I. Мечеть Гурь-Эмиръ. Изд. И. Археологич. Комиссіи. Спб. 1905 fol.
177. Записки разряда военной археологій и археографіи И. Русскаго Военно-Историч. Общества. Подъ ред. дѣйств. члена Н. И. В—скаго. Т. I, 1911, т. II, 1912, т. III, 1914, 4^о.

II. Доклады и сообщенія.

А. Русское Археологическое Общество.

а. Общее собраніе.

1. 11 февраля 1886 г. О раскопкахъ въ городищѣ Афросіабъ близъ Самарканда (См. выше № 26).
2. 14 мая 1886 г. О древностяхъ Закаспійскаго края.
3. 20 декабря 1890 г. О раскопкахъ въ Таврической губ. лѣтомъ 1890 г.
4. 27 марта 1892 г. О раскопкахъ скинскихъ кургановъ въ Таврической губ. лѣтомъ 1891 г.
5. 18 января 1893 г. О раскопкахъ близъ Симферополя лѣтомъ 1892 г.
6. 3 ноября 1893 г. О девятомъ Виленскомъ археологическомъ съѣздѣ.
7. 30 марта 1894 г. Отзывъ о сочиненіи А. А. Спицына. Археологич. разысканія о древнѣйшихъ обитателяхъ Вятской губерніи (См. выше № 129).
8. 30 декабря 1895 г. Сообщение о произведенныхъ въ 1895 г. раскопкахъ въ Кубанской области.
9. 21 ноября 1897 г. Сообщение о раскопкахъ въ Кубанской области лѣтомъ 1897 г.
10. 22 января 1899 г. Представленіе Н. И. В—скаго и А. А. Спицына въ Совѣтъ Р. Арх. Общества объ организаціи раскопокъ въ 1899 г. (Напечатано въ ПРАО, стр. 9—11).
11. 22 января 1899 г. Сообщение о курганахъ Кубанской области, обследованныхъ въ теченіе лѣта 1898 г.
12. 4 мая 1899 г. Очеркъ дѣятельности А. Ѳ. Бычкова въ И. Р. Археологич. Обществѣ (См. выше № 165).
13. 2 февраля 1900 г. О раскопкахъ кургановъ въ Кубанской области, произведенныхъ въ 1899 г.
14. 9 января 1902 г. О произведенныхъ въ 1901 г. раскопкахъ въ Кубанской области.
15. 24 января 1903 г. Сообщение о произведенныхъ на р. Кубани раскопкахъ лѣтомъ 1902 г.
16. 20 февраля 1904 г. Очеркъ жизни и дѣятельности В. В. Вельяминова-Зернова (См. выше № 167).
17. 27 ноября 1908 г. Сообщение о могильникѣ г. Танаиса.
18. 25 марта 1914 г. О раскопкахъ, произведенныхъ въ 1913 г.

б. Отдѣленіе Русской и Славянской Археологіи.

19. 31 марта 1893 г. Объясненіе греческихъ и варварскихъ древностей, найденныхъ при раскопкѣ кургановъ подлѣ Керчи, Симферополя и Херсона въ 1892 г.
20. 10 января 1895 г. Сообщение о раскопкахъ въ Сѣроюзскомъ курганѣ (Резюме в «Новомъ Времени», № 6779. АИЗ, III, стр. 26).
21. 30 января 1896 г. Сообщение о погребеніи съ конемъ на сѣверномъ Кавказѣ и въ Крыму.
22. 27 февраля 1896 г. О бронзовомъ котлѣ изъ Туруханска, боготворимомъ мѣстными тунгусами.
23. 13 ноября 1897 г. Описаніе погребеній въ дольменахъ въ Баталпаш. отд. Кубанской обл.
24. 16 января 1898 г. О раскопанныхъ въ 1896 - 7 гг. въ Кубанской области курганахъ XIV и XV вв. (Резюме въ ЗРАО, н. с., II, прот., стр. 392).
25. 12 декабря 1898. О курганахъ-дольменахъ въ Кубанской области (Резюме ЗРАО, н. с., II, стр. 403).
26. 30 марта 1899 г. Прочитана записка Н. И. В—скаго и А. А. Спицына о предполагаемыхъ Отдѣленіемъ раскопкахъ въ Новгородской и Тверской губерніяхъ (Напечатана въ ЗРАО, XII (1901), прот. стр. 386).
27. 21 января 1900 г. О курганахъ съ окрашенными костяками (Подробное резюме въ ЗРАО, XII, стр. 391—393).
28. 22 декабря 1900 г. Прочитана записка Н. И. В—скаго и А. А. Спицына «Объ изслѣдованіи собственно русскихъ курганныхъ древностей» (Напечатана въ ЗРАО, XII стр. 404—408).

29. 10 апрѣля 1904 г. Н. И. В—скій и А. А. Спицынъ представили проектъ раскопокъ на лѣто 1904 г. (Напечатанъ въ ЗРО, VII, вып. 1 (1905), стр. 173).
30. 9 октября 1904 г. Рефератъ о каменныхъ бабахъ (Резюме въ ЗРО, VII, стр. 177).
31. 8 мая 1905 г. Н. И. В—скій и А. А. Спицынъ изложили соображенія о предстоящихъ лѣтомъ 1906 г. раскопкахъ (Резюме въ ЗРО, VII, вып. 2, стр. 266).
32. 27 октября 1907 г. Сообщение о большомъ кладѣ серебряныхъ блюдеъ, найденномъ въ 1907 г. близъ д. Климовой и с. Кудымкора Пермской губ. (Резюме въ ЗРО, VIII, вып. 2 (1909), стр. 288).
33. 13 мая 1908 г. Предложеніе Н. И. В—скаго и А. А. Спицына о раскопкахъ лѣтомъ 1908 г. (ЗРО, IX (1913), стр. 271).
34. 27 марта 1910 г. Прочитана записка Н. И. В—скаго и А. А. Спицына о раскопкахъ на лѣто 1910 г. (Напечатана въ ЗРО, IX, стр. 337).

в. Восточное Отдѣленіе.

35. 13 декабря 1885 г. Сообщение о суевѣрно-невѣжественномъ состояніи мусульманскаго населенія Средней Азии и объ амулетѣ «базу-бендъ» (Ср. выше № 24).
36. 13 декабря 1885 г. О Ташкентскомъ музеѣ.
37. 7 марта 1886 г. Сообщение о мечети Шахъ-Зинде в Самаркандѣ.
38. 29 апрѣля 1886 г. Соображенія по вопросу, существуютъ ли въ Средней Азии поддѣлки древностей (См. выше № 23).
39. 27 мая 1886 г. О среднеазиатскихъ курганахъ.
40. 6 сентября 1886. Предъявилъ фотографическій альбомъ буддійскихъ идоловъ, составленный Н. П. Остроумовымъ.
41. 6 сентября 1886 г. Слухи о надписяхъ и статуѣ близъ Пишпека.
42. 6 сентября 1886 г. О приобрѣтеніи музеемъ бар. Штиглица коллекціи персидскихъ и кавказскихъ древностей.
43. 18 декабря 1886 г. О среднеазиатскихъ амулетахъ.
44. 20 декабря 1888 г. О передовыхъ калмыкахъ на пути къ Волгѣ (См. выше № 32).
45. 23 марта 1889 г. О сношеніяхъ Москвы съ Персіею въ концѣ XVI в.
46. 21 декабря 1889 г. О посольствѣ Барятинскаго въ Персію въ 1618 г.
47. 23 декабря 1891 г. О плясовыхъ пѣсняхъ сартовъ.
48. 16 февраля 1893 г. Замѣчанія по поводу сообщеній Н. Θ. Петровскаго о кашгарскихъ древностяхъ.
49. 14 марта 1896 г. О мазарѣ Кутби-Чаардегумъ въ Самаркандѣ.
50. 1 апрѣля 1897 г. Воспоминанія современника объ Якубъ-бекѣ Бадаулетѣ (См. выше № 50).
51. 23 марта 1898. О серебряномъ блюдеѣ изъ Пермской губ. съ христіанскими изображеніями и сирійскою надписью V—VI в.
52. 27 января 1900 г. О находкѣ глиняныхъ гробовъ въ Самаркандѣ (Подробное резюме доклада: ЗВО, XIII (1901), прот., стр. II).
53. 30 марта 1900 г. Изъ письма Ильминскаго къ В. В. Григорьеву объ одномъ мѣстѣ у Рашид-ед-дина (См. выше № 52).
54. 25 января 1901 г. О раскопкахъ архим. Хачика близъ Эчміадзинскаго монастыря.
55. 25 октября 1901 г. Къ вопросу о впаденіи Аму-Дарьи въ Каспійское море (Подробное резюме доклада: ЗВО, XIII (1901), прот., стр. XVII).
56. 21 марта 1902 г. Отрывокъ изъ поэмы Манасъ: «Смерть Кукотай хана и его поминки». Въ переводѣ Ч. Ч. Валиханова (Подробное резюме и текстъ перевода въ ЗВО, XV, стр. VIII—XV).
57. 19 сентября 1902 г. О книгѣ «Ежегодникъ Ферганской области», т. 1 (1902) (См. выше № 134).
58. 1 мая 1903 г. О надгробіи Тимура (Резюме въ ЗВО, XVI, стр. XI сл.).
59. 18 декабря 1903 г. Сообщение о рукописи о Софронія Грибовскаго «Увѣдомленіе о началѣ бытія Россіянъ въ Пейдзинѣ и существованія въ ономъ Грекороссійской вѣры».

60. 22 января 1904 г. О первоначальномъ мѣстѣ погребенія Тамерлана (Резюме въ ЗВО, XVI, стр. XX).
61. 24 февраля 1905 г. Къ извѣстіямъ объ обычаѣ у среднеазіатцевъ отдѣленія у покойниковъ мяса отъ костей. Разсказъ торговца Афросимова (Резюме въ ЗВО, XVII, стр. III, сл.).
62. 31 марта 1905 г. О бумагахъ покойнаго сенатора Н. И. Любимова (Резюме въ ЗВО, XVII, стр. VI, сл.).
63. 29 сентября 1905 г. О первомъ выпускѣ альбома Самаркандскихъ мечетей (См. выше № 136).
64. 23 февраля 1906 г. О рукописи А. Дьякова, присланной въ Общество.
65. 23 февраля 1906 г. Дополненіе къ докладу П. М. Меліоранскаго о басмѣ Золотоордынскихъ пословъ (Резюме въ ЗВО, XVII, стр. XXV).
66. 23 февраля 1906 г. О мѣстоположеніи при-Сарайскаго Гюлистана (См. выше № 6. Резюме въ ЗВО, XVII, стр. XXVIII).
67. 23 февраля 1906 г. О бронзовомъ кувшинѣ, найденномъ въ с. Дмитріевскомъ, Пишпекскаго уѣзда (Резюме въ ЗВО, XVII, стр. XXIX).
68. 25 января 1907 г. Китайскіе предметы въ курганахъ Кубанской области.
69. 24 января 1908 г. О кончинѣ барона В. Р. Розена.
70. 24 января 1908 г. Отзывъ о рукописи А. Лебедева (Резюме въ ЗВО, XIX, стр. III).
71. 24 января 1908 г. Новыя и неизданныя восточныя монеты.
72. 20 марта 1908 г. Объясненіе нѣкоторыхъ восточныхъ словъ въ ярлыкахъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству (Резюме въ ЗВО, XIX, стр. IX. См. выше № 63).
73. 25 сентября 1908 г. Дополненіе къ сообщенію Н. А. Ригана (Резюме въ ЗВО, XIX, стр. XIV).
74. 24 сентября 1909 г. Объ альбомѣ А. А. Боголюбова. (Ковровое производство въ Средней Азій) См. выше № 143.
75. 25 февраля 1910 г. Объ изображеніи троновъ на металлическихъ мусульманскихъ средне-вѣковыхъ сосудахъ (Резюме въ ЗВО, XXI, стр. V).
76. 30 сентября 1910 г. О золотомъ перстиѣ съ именемъ Миранъ-шаха (Резюме въ ЗВО, XXI, стр. XIII. См. выше № 69).
77. 23 февраля 1912 г. О посольствѣ въ Крымъ стольника Б. А. Пазухина въ 1679 г. (Резюме въ ЗВО, XXI, стр. LIX. См. выше № 80).
78. 19 декабря 1913 г. Памяти П. С. Попова.
79. 27 ноября 1914 г. О результатахъ изслѣдованій А. В. Адрианова въ западномъ Алтаѣ (Резюме въ ЗВО, XXII, стр. XXXIX).
80. 26 ноября 1915 г. Демонстрація принадлежащей Н. И. Булычеву бронзовой статуэтки китайскаго бога богатства.
81. 17 декабря 1915 г. Царь Дюдень и царевичъ Дюдень (См. выше № 92).
82. 29 сентября 1916 г. Греческія изображенія на Туркестанскихъ оссуаріяхъ (См. выше № 95).
83. 28 сентября 1917 г. Роль стрѣлы въ обрядахъ и ея значеніе. (См. выше № 99).

д. Классическое Отдѣленіе.

84. 20 марта 1895 г. О катакомбѣ, открытой въ Керчи, на сѣверномъ склонѣ горы Митридата, и о кладѣ золотыхъ монетъ времени Филиппа, Александра Великаго и Лисимаха, найденномъ въ г. Рени.

е. Пумизматическое Отдѣленіе.

85. 20 января 1910 г. Объ обстоятельствахъ приобрѣтенія для Эрмитажа коллекціи монетъ И. А. Стемпковскаго (Резюме въ ЗНО, II, вып. 3—4 (1913), прот., стр. 99. См. выше № 91).
86. 5 ноября 1916 г. Демонстрація рѣдкой монеты, повидимому, литовской.

Б. Русское Географическое Общество.

87. 20 апрѣля 1882 г. Предложеніе касательно собиранія свѣдѣній о древнихъ городахъ Туркестанскаго края путемъ привлеченія къ этому дѣлу мѣстныхъ служащихъ и проектъ программы для руководства собирателямъ (ИРГО, т. 18, отд. 1, стр. 72).
88. 14 октября 1886 г. О поѣздкѣ къ верховьямъ Зеравшана (Резюме въ ИРГО, т. 22, стр. 487).
89. 25 сентября 1887. О сборникѣ киргизскихъ разсказовъ М. А. Миропіева (Резюме въ ИРГО, т. 23, стр. 71).
90. 16 марта 1890 г. Отзывъ о рукописи В. И. Михайлова «Быть, нравы и обрядности чувашъ» (ИРГО, т. 26, стр. 71).
91. 29 ноября 1890 г. 1) Отзывъ о рукописи С. К. Патканова «Типъ остяцкаго богатыря» и 2) О бухарской серебряной монетѣ. (Резюме въ ИРГО, т. 26, стр. 117).
92. 3 мая 1891. Отзывъ о рукописи И. Нарбута «Каракунузскіе Дунгане (ИРГО, т. 27, стр. 535).
93. 19 ноября 1891 г. Отзывъ о рукописи Птицына «Очеркъ варѣчія Голожневскихъ тунгусовъ» (ИРГО, т. 27, стр. 559).
94. 26 ноября 1893 г. Отзывъ о рукописи И. Юркина «Золотой ключъ для исторіи Волжско-Камскаго Булгарскаго царства» (ИРГО, т. 29, стр. 646).
95. 18 ноября 1894 г. Отзывъ о рукописи Мацокина «Метисы Забайкалья (ИРГО, т. 30, стр. 768).
96. 27 февраля 1915 г. Дѣятельность В. И. Ламанскаго въ И. Русскомъ Географ. Обществѣ (См. выше № 171).

В. Петербургскій Археологическій Институтъ.

97. О слѣдахъ ассирійской культуры въ курганахъ Сѣвернаго Кавказа (Докладъ 15 января 1898 г. Резюме въ АИЗ, т. 6, стр. 76).
98. Римскія древности въ курганахъ Кубанской области (Докладъ въ одномъ изъ вечернихъ собраний въ 1901-2 уч. году).
99. Раскопка скинскаго кургана въ Таврической губерніи въ 1909 г. (Докладъ въ одномъ изъ вечернихъ собраний въ 1909-10 уч. году).

Г. Русскій Комитетъ для изученія Средней и Восточной Азій.

100. 31 января 1904 г. О ближайшихъ задачахъ изслѣдованія Средней Азій (Напечатано въ Проток. Ком.).
101. 1906 г. Экспедиція въ Туркестанъ (См. выше № 51).
102. 10 декабря 1907 г. Свѣдѣнія о собраніи древностей Н. Н. Кроткова (Прот. 1907 г. № 4, ст. 50).
103. 3 октября 1908 г. Сообщение о произведенныхъ подъ его руководствомъ работахъ по изслѣдованію самаркандскихъ архитектурныхъ памятниковъ и о раскопкахъ В. Л. Вяткина, произведенныхъ по порученію Комитета въ окрестностяхъ того же города и обнаружившихъ остатки обсерваторіи Удугъ-бека (Прот. 1908 г. № 3, ст. 43).

Д. Разрядъ Военной Археологіи и Археографіи Русскаго Военно-Историческаго Общества.

104. 16 февраля 1908 г. О крымско-татарскомъ оружій.
105. 22 марта 1908 г. Объ историческомъ прошломъ крѣпости Конорье.
106. 24 октября 1909 г. По поводу изданія архивныхъ документовъ.
107. 23 января 1910 г. О пожарѣ Якутскаго острога лѣтомъ 1909 г. (Резюме въ ЗРВА, т. 1 (1911), стр. 10).

108. 30 марта 1910 г. О суднѣ съ каменными ядрами, найденномъ на днѣ Чудскаго озера (Резюме въ ЗРВА, стр. 13).
109. 30 ноября 1910. О произведенныхъ лѣтомъ 1910 г. работахъ Разряда (Резюме ЗРВА, стр. 18).
110. 13 октября 1912 г. Аральская флотилія по оффиціальнымъ даннымъ и по отзывамъ современниковъ (Резюме въ ЗРВА, т. 3, стр. 7).

Е. Московское Археологическое Общество.

111. О названіи «Арбатъ» (Прочитано М. В. Никольскимъ въ засѣданіи Восточной Комиссіи Общества 20 января 1890 г. (Резюме въ Трудяхъ Восточ. Ком., т. 2, вып. 1 (1896), прот. стр. 66—67).

Ж. Археологическіе съезды.

VI-й, въ Одессѣ, въ августъ 1884 г.

112. Объ этнографическомъ значеніи нѣкоторыхъ географическихъ именъ.
113. Кто былъ великій сѣверный Хаканъ, которому въ VII в. подчинялся повелитель Хазаръ.
114. О времени принятія киргизами ислама.
Заглавія приведены въ Т VI АС, т. 1 (1886),

VII-й, въ Ярославлѣ, въ августъ 1887 г.

115. Надгробный памятникъ Тимура въ Самаркандѣ (См. выше № 35).

VIII-й, въ Москвѣ, въ январь 1890 г.

116. Подробности смерти узбекскаго хана Мухаммеда Шейбани (См. выше № 47).
117. Иванъ Даниловичъ Хохловъ (См. выше № 36).

IX-й, въ Вильнѣ, въ августъ 1893 г.

118. О татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніаль до Петра Великаго (Резюме въ АИЗ, т. 1 (1893), стр. 386 и въ Т IX АС, т. 2 (1897), стр. 386, ср. выше № 70).

XI-й, въ Кіевѣ, въ августъ 1899 г.

119. О послѣднемъ разореніи города Самарканда (Прочитано 10 августа. (Резюме въ АИЗ, т. 7 (1900), стр. 287 и въ Т XI АС, т. 2 (1902), прот. стр. 110).
120. Каменные орудія въ курганахъ Сѣвернаго Кавказа первыхъ вѣковъ христіанской эры (См. выше № 53. Прочитано 17 августа. См. Т XI АС, т. 2), прот. стр. 147).

XII-й, въ Харьковѣ, въ августъ 1902 г.

121. Курганы Кубанской области въ періодъ римскаго владычества (См. выше № 57. Прочитано 23 августа. См. Т XII АС, т. 3, прот. стр. 351).
122. Новый типъ каменныхъ бабъ (Прочитано 26 августа. Резюме въ Т XII АС, т. 3, прот. стр. 383).

XIII-й, въ Екатеринославѣ, въ августъ 1905 г.

123. Альбомъ Самаркандскихъ древностей (Прочитано 20 августа. Резюме въ Т XIII АС, т. 2 (1908), стр. 229).

XIV-й, въ Черниговѣ, въ августъ 1909 г.

124. Записка по вопросу о приѣмахъ при производствѣ раскопокъ (Прочитана гр. Уваровой въ засѣданіи 8 августа. Напечатана въ Т XIV АС, т. 3 (1911), стр. 99—104). См. выше № 76.

Публичная лекція.

125. О шаманствѣ (Прочитана въ 1892 г. въ зданіи Спб. университета въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая (См. Отчетъ Спб. университета за 1892 г., стр. 56. Истор. Обзор., т. 6 (1893), стр. 218).

М. Жуковский

Памяти В. А. Жуковского¹.

4/17 января 1918 г. скончался наш сочленъ, профессоръ Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій, долголѣтній участникъ работъ нашего Отдѣленія, прочитавшій въ немъ свой первый докладъ въ январѣ 1887, свой послѣдній докладъ въ февралѣ 1917 г.

Имя покойнаго В. А. навсегда останется въ русской наукѣ, какъ имя перваго русскаго спеціалиста по изученію мусульманской Персіи.

Спеціализація установилась въ востоковѣдѣніи позже, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ научной мысли, въ области изученія мусульманскаго міра—позже, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ востоковѣдѣнія. Въ Россіи спеціализація сверхъ того затрудняется малочисленностью русскихъ научныхъ и вообще культурныхъ силъ. Однимъ и тѣмъ же ученымъ приходилось и приходится обращаться отъ однихъ научныхъ матеріаловъ къ другимъ, часто также отъ вопросовъ чистой науки къ вопросамъ, связаннымъ съ политическими и экономическими интересами Россіи.

Покойный В. А. съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности намѣтилъ себѣ кругъ задачъ, которому оставался вѣренъ до конца жизни. В. А. не вполнѣ сочувствовалъ той спеціализаціи, сторонниками которой теперь является большинство представителей факультета восточныхъ языковъ, именно спеціализаціи по тремъ главнымъ отраслямъ филологической науки — лингвистики, филологіи въ тѣсномъ смыслѣ и исторіи. Самому В. А. приходилось работать во всѣхъ трехъ областяхъ, и въ каждой изъ нихъ его труды были крупнымъ шагомъ впередъ въ наукѣ. Но среди его печатныхъ работъ нѣтъ ни одной, которая не была бы посвящена Ирану, притомъ Ирану мусульманскому, если не въ современныхъ, то в средневѣковыхъ его границахъ; нѣтъ также ни одной статьи по политическимъ или экономическимъ вопросамъ.

Въ семьѣ русскихъ востоковѣдовъ покойный занималъ особое мѣсто еще въ другомъ отношеніи. Въ отличіе отъ русскихъ работъ по изученію Дальняго Востока, русскія работы по изученію мусульманскаго міра всегда тѣсно примыкали къ работамъ западно-европейскихъ ученыхъ; исключенія

¹ Читано въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 25/12 апрѣля 1918 г.

не представляли даже работы профессора азіатскаго происхожденія, Каземъ-Бека, съ первыхъ лѣтъ своей дѣятельности сдѣлавшагося членомъ западно-европейскихъ ученыхъ обществъ и издавшаго многіе изъ своихъ трудовъ на западно-европейскихъ языкахъ, англійскомъ и французскомъ. Какъ ученикъ барона Розена, В. А. прошелъ на факультетѣ восточныхъ языковъ вполнѣ европейскую научную школу и вполнѣ овладѣлъ европейскими научными методами, но до конца думалъ и писалъ только по-русски. Западно-европейскими языками опъ владѣлъ настолько, насколько было необходимо для изученія научной литературы, но не говорилъ ни на одномъ языкѣ, кромѣ русскаго и персидскаго, и не совершилъ ни одного путешествія въ западную Европу. Въ работахъ В. А. нѣтъ слѣда широкаго, независимаго отъ спеціальности, европейскаго образованія, нѣтъ признаковъ подробнаго ознакомленія съ западно-европейской изящной литературой, хотя бы въ лицѣ ея классическихъ писателей.

Въ связи съ этимъ, можетъ быть, находится фактъ, что В. А. во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ ему приходилось работать, довольствовался дѣятельностью собирателя матеріаловъ, предоставляя болѣе широко образованнымъ спеціалистамъ, лингвистамъ, филологамъ, этнографамъ, историкамъ и другимъ, опредѣлить мѣсто этихъ матеріаловъ среди другихъ и ихъ значеніе, какъ памятниковъ культурной жизни человѣчества¹. Отношеніе В. А. къ собиравшимся имъ матеріаламъ, однако, не было безразличнымъ; во всѣхъ его работахъ чувствуется вліяніе вполнѣ опредѣленной идеи. Какъ переводчикъ и изслѣдователь памятниковъ литературы, изящной и народной, и въ особенности какъ изслѣдователь религіозныхъ вѣрованій В. А. проявлялъ тонкій художественный вкусъ, глубокое пониманіе основныхъ свойствъ человѣческой души и человѣческой мысли. Преобладаніе въ душевной жизни самаго В. А. русскихъ элементовъ надъ западно-европейскими придаетъ этимъ качествамъ его работъ особенную цѣну въ глазахъ русскаго. Кромѣ индивидуальныхъ качествъ В. А., здѣсь могло отразиться его происхожденіе изъ мѣстности, давшей Россіи Кольцова и Никитина.

В. А. кончилъ курсъ по факультету восточныхъ языковъ въ 1880 году. На студенческой скамьѣ имъ было представлено сочиненіе по турецкой словесности, удостоенное факультетомъ, на основаніи отзыва представителя каѳедры², золотой медали. Предложенная факультетомъ задача заключалась въ

¹ Ср. напр. Матеріалы по изученію персидскихъ нарѣчій, стр. XIX (о «задачахъ», которая «по силамъ настоящему иранисту») и 247, также ЗВО, V, 178 о «спеціалистахъ», занимающихся сравнительнымъ изученіемъ странствующихъ рассказовъ и повѣстей.

² Отзывъ напечатанъ въ Проток. Засѣд. Сов. Имп. Сбб. Унив., XXI, 175 сл.

извлеченіи изъ *كنه الاخبار*, сочиненія османскаго автора XVI в. Аали-челеби или Аали-эфенди, извѣстій о славянахъ, при чемъ эти извѣстія должны были быть сопоставлены съ извѣстіями другихъ османскихъ источниковъ и переведены на русскій языкъ съ примѣчаніями. Въ отзывѣ отмѣчены достоинства труда молодого автора, «мѣткость и категорическая точность» его сужденій, его начитанность въ европейской литературѣ по славянской исторіи, обширность его примѣчаній, иногда приобрѣтавшихъ характеръ монографій по поводу затронутыхъ въ нихъ вопросовъ, и въ особенности достоинства перевода, въ которомъ точность передачи текста соединялась съ «безукоризненной правильностью» и даже «изяществомъ русской рѣчи». Студенческій трудъ В. А. не былъ напечатанъ, и къ трудамъ по османской литературѣ онъ болѣе не возвращался. Ссылки на произведенія славянскихъ литературъ встрѣчаются въ трудахъ В. А. довольно часто; вообще какъ русская литература, такъ и славянскія были изучены имъ подробнѣе, чѣмъ большинствомъ неспеціалистовъ. Въ этомъ смыслѣ его студенческая работа не осталась, повидимому, безъ вліянія на его дѣятельность, какъ ученаго.

Первой печатной работой В. А. была вышедшая въ 1883 г. магистерская диссертация «Али Духадэддинъ Энвери¹. Матеріалы для его біографіи и характеристики». На этомъ трудѣ и на другихъ работахъ В. А. по персидской литературѣ я не буду останавливаться, такъ какъ о нихъ будетъ рѣчь въ другомъ докладѣ.

Впослѣдствіи В. А. интересовался преимущественно мистической поэзіей, при томъ болѣе ради выраженныхъ въ ней религіозныхъ идей, чѣмъ какъ памятникомъ изящной литературы. В. А. имѣлъ въ виду посвятить особую монографію «гератскому старцу» Абдаллаху Ансари, мистіку XI в., пѣсни котораго были изданы и переведены имъ въ сборникѣ «Восточныя Замѣтки»²; но это намѣреніе не было исполнено. Не вышло въ свѣтъ также обѣщанное³ В. А.-чемъ изслѣдованіе о произведеніяхъ Баба-Тахира хамаданскаго, которому В. А. раньше посвятилъ небольшую статью въ «Запи-

¹ Произношеніе «Энвери», принятое, однако, не однимъ В. А.-чемъ (ср. въ его диссертации, стр. II ссылку на рукопись Аз. музея; впослѣдствіи E. Ferté также писалъ «Enveri»), вызвало возраженія въ рецензій К. Г. Залемана. Самъ В. А. впослѣдствіи писалъ «Анвери» (напр. *المظفّیّة*, 343, 351, 357).

² Вост. Зам., 79 сл.; о монографіи 113. Въ бумагахъ В. А. сохранился черновикъ относящагося къ 1895 г. письма на имя Э. Броуна (на персидскомъ языкѣ). Посылая экземпляръ книги, В. А. просилъ внести двѣ поправки на стр. 100 наверху, именно читать *یکی* вм. *خواهیم* *و* *یکی* *خواهیم* вм. *نمود کردم*; соответственно, конечно, долженъ быть исправленъ переводъ на стр. 101. Въ печати эти поправки, насколько мнѣ извѣстно, не были приведены.

³ Ср. Годичные отчеты СПб. унив. за 1904 г., стр. 120 и за 1905 г., стр. 79.

скахъ»¹. По отношенію къ другимъ мистическимъ поэтамъ В. А. довольствовался ролью издателя и переводчика. Такъ имъ была издана и переведена² «Пѣснь Насири-Хосрова», какъ лучшее и самое «простое выраженіе мыслей персидскаго пантеизма». Вопросъ о личности и дѣятельности поэта казался В. А.-чу уже достаточно выясненнымъ трудами западно-европейскихъ ориенталистовъ; впослѣдствіи, однако, Э. Броуну удалось извлечь изъ дивана поэта еще нѣсколько интересныхъ историческихъ и географическихъ фактовъ³. Въ послѣднее время своей жизни В. А. работалъ надъ давно задуманнымъ имъ⁴ изданіемъ и переводомъ дивана Баба-Кухи и въ день смерти остановился на стихѣ: «Доколѣ ты, подобно ослу, будешь пребывать въ этой вонючей лужѣ міра? Подобно Иисусу, стремись вверхъ».

Изъ всѣхъ работъ В. А., кромѣ его диссертаций, магистерской и въ особенности докторской, о которой будетъ рѣчь ниже, наибольшую извѣстность въ западной Европѣ получила его статья объ Омарѣ Хайямѣ, поэтѣ, пользующемся, какъ извѣстно, широкой популярностью въ Англии и Америкѣ, хотя обширная литература о знаменитыхъ «четверостишіяхъ» не имѣетъ никакого отношенія къ изученію персидской поэзіи и вообще персидской литературы. В. А. еще въ февралѣ 1895 г. въ актовомъ рѣчи, произнесенной въ С.-Петербургскомъ университетѣ⁵, высказалъ свое убѣжденіе, что «Омаръ Хайямъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ доступенъ большому кругу читателей, не одно лицо, а нѣсколько», такъ какъ одни и тѣ же четверостишія приписываются то Хайяму, то другимъ поэтамъ болѣе ранней или болѣе поздней эпохи⁶. Этотъ взглядъ былъ подробно обоснованъ В. А. въ статьѣ, напечатанной въ 1897 г., въ «Сборникѣ статей учениковъ барона Розена»⁷, и почти тотчасъ же переведенной на англійскій языкъ⁸. Англійскій издатель четверостишія Омара Хайяма, Whinfield, полагалъ, что изъ четверостишія Омара до 500 должно быть признано несомнѣнно подлинными; В. А. доказалъ, что число «странствующихъ», т. е. приписываемыхъ разнымъ авторамъ четверостишія гораздо значительнѣе, и вопросъ о подлинности можетъ быть поставленъ по отношенію къ каждому четверостишію въ отдѣльности, вслѣдствіе чего приходится отказаться отъ попытки дать характеристику творчества Омара, какъ индивидуальнаго

¹ ЗВО, XIII, 0104 сл.

² ЗВО, IV, 386 сл.

³ A lit. hist. of Persia, II, 220 сл.

⁴ Ср. ЗВО, XV, стр. XVII (1902 г.).

⁵ Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ (Годичный актъ Имп. СПб. Унив. 8 февраля 1895 г., стр. 97—128).

⁶ Год. актъ, 101.

⁷ المظفرية, 325—363.

⁸ E. D. Ross въ JRAS, April 1898, p. 349—366.

поэта. Мнѣніе В. А. было принято наукой; Ethé вь Grundriss еще не успѣлъ воспользоваться работой В. А. и повторяетъ мнѣніе Уинфильда¹, но Броунъ доказываетъ, что число «странствующихъ» четверостишіи еще болѣе значительно, чѣмъ полагалъ В. А.; по мнѣнію Бруна, несомнѣннымъ остается фактъ, что Омаръ Хайямъ сочинялъ четверостишія, но ни о какомъ отдѣльномъ четверостишіи, кромѣ немногихъ исключительныхъ случаевъ, нельзя утверждать, что его сочинилъ именно Омаръ Хайямъ². Изъ ученыхъ, писавшихъ по этому вопросу послѣ В. А., только Кристенсенъ³ выдвинулъ новый принципъ и считалъ возможнымъ признать если не доказанной, то болѣе или менѣе вѣроятной подлинность 14 четверостишіи: 12-ти, вь которыхъ названо имя Хайяма, какъ автора, и двухъ, на которые ссылается авторъ XIII в. Неджм-ад-динъ Рази⁴.

Среди «странствующихъ» четверостишіи, дѣйствительно, нѣтъ ни одного, вь которомъ было бы названо имя Хайяма, какъ автора; но, какъ указываетъ самъ Кристенсенъ, одно изъ приписываемыхъ Хайяму четверостишіи передается также, вь другой редакціи, отъ имени поэта Афдаля Кеши, такъ что фактъ упоминанія имени поэта не является вполне достовѣрной гарантіей подлинности. В. А., вмѣсто этого положительнаго критерія, предложилъ только отрицательный, ненадежность котораго, конечно, сознавалась и имъ самимъ. Наибольшій процентъ странствующихъ четверостишіи падаетъ на четверостишія эпикурейскаго содержанія, наименьшій — на четверостишія, проникнутыя мистицизмомъ, философскими разсужденіями, свободомысліемъ и мусульманскимъ вольнодумствомъ; слѣдовательно, больше всего сомнѣній возбуждаютъ эпикурейскія черты Омара, и съ наибольшей увѣренностью можно говорить о немъ, какъ о врагѣ официалнаго ислама, мистикѣ вь духѣ Газали и поборникѣ греческой философіи вь духѣ Авиценны⁵.

Для выясненія личности Омара Хайяма существовалъ, конечно, еще другой путь: собрать и критически разсмотрѣть біографическія свѣдѣнія о поэтѣ. В. А. вступилъ и на этотъ путь, но не достигъ вполне надежныхъ результатовъ, такъ какъ вь его распоряженіи не было разсказовъ современниковъ, видѣвшихъ Омара Хайяма и говорившихъ съ нимъ. Впослѣдствіи такіе раз-

¹ Grundriss der Iran. Phil., II, 276 (etwa 500 authentische Nummern).

² A lit. hist. of Persia, II, 257. Неясно, какіе few exceptional cases имѣются вь виду.

³ Recherches sur les Rubā'iyāt de 'Omar Ḥayyām, вь Materialien zur Geschichte der Sprachen und Litteraturen des vorderen Orients, herausg. von M. Hartmann, Heft 3. Heidelberg 1905. Рецензія С. Нuart вь JA. 10, V, 179—183. Диссертація Кристенсена вышла на датскомъ языкѣ еще вь 1903 г., см. рецензію М. Hartmann вь WZKM, XVII, 366—374.

⁴ A. Christensen, Recherches etc., 32—35.

⁵ Christensen (Recherches etc., 10) не понялъ доводовъ В. А.; Hartmann (WZKM, XVII, 367) приписалъ В. А-чу приблизительно обратное тому, что имъ говорится вь дѣй-

сказы были извлечены Броуномъ изъ *جہار مقالہ* Низами Арузи¹ и нѣмецкими учеными Якобомъ и Видеманномъ² изъ *تتمة صوان الحكمة* Абу-л-Хасана Бейхаки. Якобъ и Видеманнъ располагали всѣмъ матеріаломъ объ Омарѣ Хайямѣ, но не воспользовались біографіей Абу-л-Хасана Бейхаки въ 5-мъ томѣ *ارشاد الاریب* Якута, въ то время уже изданномъ, и потому, какъ и Броунъ, не могли вполне оцѣнить смыслъ разсказа Бейхаки о своей встрѣчѣ съ Омаромъ Хайямомъ въ 507 г., когда Омаръ предложилъ ему нѣсколько вопросовъ по грамматикѣ, по поводу одного изъ стиховъ «Хамасы», и по геометріи и удивился его отвѣтамъ³. Бейхаки родился въ 499 г.⁴, въ 507 г. ему, слѣдовательно, было всего 8 лѣтъ. Омаръ, по словамъ Бейхаки, былъ извѣстенъ своимъ «дурнымъ нравомъ», т. е. суровостью и неучтивостью; но знаменитый ученый, экзаменующій пришедшаго къ нему по порученію отца восьмилѣтняго мальчика, — картина, свидѣтельствующая скорѣе о напускной, чѣмъ о дѣйствительной суровости. Тотъ же Бейхаки противопоставляетъ суровости Омара Хайяма привѣтливый нравъ его современника, астронома Асфизари (или Исфизари); оба ученыхъ, однако, повидимому, были связаны тѣсной дружбой, какъ видно изъ разсказа Низами Арузи о ихъ совмѣстномъ пріѣздѣ въ Балхъ въ 506 г., когда ихъ видѣлъ Низами Арузи. Омаръ Хайямъ, несмотря на свою суровость, впускалъ горячую любовь своимъ ученикамъ, какъ видно изъ разсказа Низами Арузи о слезахъ, пролитыхъ имъ въ Нишапурѣ надъ могилой Хайяма, своего несравненнаго учителя. Разсказами Бейхаки вполне подтверждается мнѣніе В. А. объ Омарѣ Хайямѣ, какъ поклонникѣ Авиценны; но суфіемъ въ обычномъ тогда смыслѣ Омаръ Хайямъ не былъ и въ своемъ вольнодумствѣ, несомнѣнно, шелъ гораздо дальше, чѣмъ такіе суфіи, какъ Газали и его послѣдователи. Послѣдній, какъ врагъ философіи Авиценны, не сочувствовалъ и Омару Хайяму⁵. Всѣ эти черты создаютъ довольно цѣльный образъ, и едва ли ктонибудь сумѣлъ бы воспроизвести

ствительности: dass sich aus dem Prozentsatze gewisser Gruppen der «Wandergedichte», die als sicheres Material anzusehen seien, ein Schluss auf die Persönlichkeit des Dichters ziehen lasse.

¹ Привлечено Броуномъ еще въ 1899 г. (JRAS, April 1899, p. 413 сл.). Ср. текстъ въ изд. мирзы Мухаммеда Казвинскаго (Gibb. Mem. Ser. vol. XI, 1910), стр. 62 слѣд.; переводъ Э. Броуна, *Shahar Maqala*, оттискъ изъ JRAS, 1899 г., стр. 100 сл. (Journal, p. 806).

² *Der Islam*, III (1912), 43 сл. О соответствующемъ сочиненіи Якута въ *ارشاد الاریب* V, 212; Brockelmann, *Gesch. der Arab. Litt.*, I, 324.

³ Въ статьѣ В. А. (*المظفریة*), стр. 335 сл.) этотъ разсказъ приводится изъ сочиненіи XV в., гдѣ дана невѣрная дата — 505 г.

⁴ *ارشاد الاریب*, V, 208.

⁵ Ср. разсказъ о бесѣдѣ между ними въ *Der Islam*, III, 44 f.; въ статьѣ В. А. (*المظفریة*), стр. 328 и 330) тотъ же разсказъ приводится по *نزہة الارواح* Шахразури.

его передъ нами лучше В. А., если бы онъ тогда располагалъ необходимыми источниками.

Во время своего трехлѣтняго (1883—86) пребыванія въ Персїи В. А. собралъ обширный научный матеріалъ, главнымъ образомъ по изученію живыхъ нарѣчій, народныхъ вѣрованій и народной литературы. Собранные В. А. лингвистическіе матеріалы предполагалось, какъ извѣстно¹, издать въ пяти томахъ, изъ которыхъ при жизни автора вышелъ только одинъ, напечатанный еще въ 1888 г. и доставившій автору степень доктора². Эта работа и другіе лингвистическіе труды В. А. будутъ предметомъ особаго доклада, почему я не буду ихъ касаться. Въ кругу научныхъ интересовъ В. А. лингвистическіе вопросы, повидимому, не занимали большого мѣста; довольствуясь изданіемъ части своихъ лингвистическихъ матеріаловъ, онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ привлечь къ нимъ вниманіе хотя бы оріенталистовъ; среди докладовъ, сдѣланныхъ имъ въ нашемъ Отдѣленіи, нѣтъ ни одного лингвистическаго.

Почти столь же кратковременный характеръ имѣли занятія В. А. въ области исторіи и археологіи, давшія столь же цѣнный результатъ для науки. Въ 80-хъ годахъ, послѣ войны съ туркменами, въ составъ Россіи вошла часть историческаго Ирана, съ развалинами одного изъ главныхъ центровъ иранской и вообще до-монгольской мусульманской культуры, Мерва. В. А. въ 1890 г. совершилъ туда поѣздку на средства Археологической Комиссіи; результатомъ этой поѣздки былъ докладъ въ нашемъ Отдѣленіи, прочитанный въ ноябрѣ того же года³, и книга о «Развалинахъ Стараго Мерва», вышедшая въ 1894 г.⁴ Археологическое Общество, на основаніи отзыва барона В. Г. Тизенгаузена, въ 1896 г. удостоила этотъ трудъ большой золотой медали⁵. Кромѣ подробнаго описанія городищъ и построекъ, изъ которыхъ самая замѣчательная — гробница султана Сапджара (XII в.), В. А. далъ намъ очеркъ историческихъ свѣдѣній о Мервѣ; благодаря этому онъ имѣлъ возможность установить происхожденіе отдѣльныхъ городищъ, и въ этомъ отношеніи выводы труда В. А. не могли быть поколеблены. Если нѣкоторые изъ главныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторической топографіей Мерва, напримѣръ вопросъ о направленіи каналовъ, орошавшихъ площадь города, остались невыясненными, то это объясняется основной

¹ ЗВО, XXIV, 250.

² Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Ч. I. Діалекты полосы города Кашана: Воишунъ, Кохрудъ, Кешэ, Зэфрэ.

³ ЗВО, V, стр. X.

⁴ Древности Закаспійскаго края. Развалины Стараго Мерва (Матеріалы по археологіи Россіи, издаваемые Имп. Археологическою Комиссією, № 16).

⁵ ЗВО, XI, 327.

методологической ошибкой, которую впоследствии признавалъ самъ В. А.: историческій матеріалъ былъ собранъ и изученъ имъ не до осмотра развалинъ, а послѣ. Несмотря на свои высокія достоинства и на болѣе чѣмъ сочувственные отзывы специалистовъ, книга о Мервѣ не получила въ научномъ мірѣ такой извѣстности¹, какъ лингвистическій трудъ В. А., отчасти потому, что исторіей мусульманскаго Ирана до сихъ поръ еще мало интересуются, отчасти, можетъ быть, вслѣдствіе слабаго вообще распространенія изданій Археологической Комиссіи.

Послѣ изслѣдованія развалинъ Мерва В. А. лѣтомъ того же 1890 г. совершилъ изъ Закаспійской области поѣздку въ Хорасанъ, для осмотра Мешхеда и Туса. Результатомъ этой поѣздки была статья о могилѣ Фирдауси², которой, между прочимъ, воспользовался Th. Nöldeke въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о персидскомъ національномъ эпосѣ³. Среди работъ В. А. нѣтъ изслѣдованій, которыя были бы посвящены эпической литературѣ, кромѣ юмористическихъ пародій на эпосъ⁴ и передѣлки эпоса подъ вліяніемъ религіозныхъ тенденцій⁵; но изъ отдѣльныхъ замѣчаній видно, какъ высоко онъ цѣнилъ творчество Фирдауси, его эпосъ и въ особенности его «чудеснѣйшую»⁶ сатиру противъ султана Махмуда. Статья о могилѣ Фирдауси полна горькихъ словъ по поводу неуваженія персидскаго народа къ памяти своего великаго пѣвца.

Условія, при которыхъ былъ погребенъ Фирдауси, въ статьѣ не вполне были выяснены. Тотъ же недоступный тогда источникъ, изъ котораго впоследствии были извлечены цѣнныя свѣдѣнія объ Омарѣ Хайямѣ, چهار مقاله Низами Арузи, далъ также цѣнныя свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія Фирдауси; изъ его разсказа мы узнаемъ, что пѣвцу языческихъ богатырей не хотѣли дать мѣста на общемъ мусульманскомъ кладбищѣ и онъ былъ похороненъ въ принадлежавшемъ ему саду⁷. Еще не вполне выяснена въ научной литературѣ личность великаго національнаго поэта, на старости лѣтъ отрекавшагося отъ своего произведенія и старавшагося заглазить свои грѣхи поэмой на благочестливую, заимствованную изъ Корана тему, по этимъ не примирившаго съ собой своихъ противниковъ и послѣ смерти ли-

¹ Ср. ЗВО, XIX, 115 сл.

² ЗВО, VI, 308 сл.

³ Grundr. der Iran. Phil., II, 210 сл.

⁴ ЗВО, I, 316 сл.; V, 111 сл. Существованіе этого рода литературы тогда считалось неизвѣстнымъ; ср. теперь Grundr. der Iran. Phil., II, 266 (о пародіяхъ).

⁵ Статья «Мусульманство Рустема Дастановича» (Живая Старина, вып. IV, СПб. 1891, стр. 109—117).

⁶ Выраженіе В. А. въ ЗВО, II, 263.

⁷ چهار مقاله, текстъ, стр. 51; перев. Э. Броуна, стр. 84; Nöldeke въ Grundr. der Iran. Phil., II, 157.

шеннаго могилы среди своихъ единовѣрцевъ. И въ этомъ случаѣ придется пожалѣть, что не В. А-чу, который могъ бы выполнить эту задачу лучше всякаго другого, было суждено воспроизвести передъ нами этотъ трагическій образъ.

В. А. еще разъ совершилъ поѣздку съ археологической цѣлью въ Закаспійскую область въ 1896 г., также на средства Археологической Комиссiи. Предметомъ изслѣдованiя на этотъ разъ были развалины городовъ Несâ съ его окрестностями, Абиверда и Мейхенэ. Предполагалось и въ этомъ случаѣ издать описанiе развалинъ вмѣстѣ со сводомъ историко-географическихъ данныхъ¹, но это намѣренiе не было выполнено, и В. А. послѣ этого до конца жизни уже не возвращался ни къ историческимъ, ни къ археологическимъ вопросамъ².

Главнымъ предметомъ занятiй В. А., со времени его перваго путешествiя въ Персiю до конца жизни, была религiозная жизнь персидскаго народа въ прошломъ и настоящемъ, но и въ этомъ отношенiи опубликованное имъ въ печати составляетъ только часть задуманнаго, отчасти даже обѣщаннаго. Одной изъ главныхъ сектъ Персiи, «Людямъ истины», былъ посвященъ его первый докладъ въ нашемъ Отдѣленiи³; докладъ былъ напечатанъ во 2-мъ томѣ «Записокъ»⁴ и, по отзыву Н. Я. Марра⁵, долженъ быть признанъ «рѣдкимъ по содержательности источникомъ» для дальнѣйшихъ работъ въ этой области. Шагъ впередъ въ изученiи этого вопроса былъ, однако, сдѣланъ русской наукой только почти черезъ четверть вѣка послѣ статьи В. А., когда въ 1911 г. В. О. Минорскiй опубликовалъ тексты, собранiе которыхъ было начато имъ еще въ 1902 г., всецѣло подъ влiянiемъ работы В. А., изъ которой онъ только и узналъ о существованiи сектантовъ⁶.

Изъ другихъ докладовъ В. А. два⁷ были посвящены бабидамъ и исторiи ихъ изученiя, одинъ, прочитанный въ ноябрѣ 1896 г.⁸ и прослушанный, какъ я помню, съ живѣйшимъ интересомъ, но къ сожалѣнiю не напечатанный, далъ необыкновенно яркiй, художественно очерченный образъ одного изъ

¹ Отчетъ Имп. Арх. Ком. 1896 г., стр. 105.

² Исключенiе представляютъ только примѣчанiя В. А. къ статьѣ А. А. Семенова о надписяхъ на порталѣ мечети въ Мешед-и-Мисрианъ (ЗВО, XVIII, 0154 сл.).

³ ЗВО, II, стр. II.

⁴ Ibid. 1—24.

⁵ ЗВО, XVIII, прил., 12, прим. 1.

⁶ В. О. Минорскiй. Материалы для изученiя персидской секты «Люди истины» или Али-Илахи, ч. I, Москва 1911 (Труды по востоковѣдѣнiю, изд. Лазар. Инст. Вост. яз., вып. XXXIII, стр. VII).

⁷ Окт. 1891 г. (ЗВО, VI, стр. IX, статья тамъ-же, 321—327) и дек. 1913 г. (ЗВО, XXII, стр. XXI; статья въ ЗВО, XXIV, 33—90).

⁸ ЗВО, X, стр. XX.

главныхъ хорасанскихъ суфіевъ XI в., шейха Абу-Са'ида Мейхенейскаго. В. А. впоследствии издалъ текстъ двухъ біографій Абу-Са'ида¹ и нѣсколькихъ толкованій на его четверостишія², но не далъ намъ характеристики личности знаменитаго суфія³. Ненапечатанными (за исключеніемъ краткаго резюме въ протоколахъ) остались также докладъ о современныхъ дервишахъ Персіи, по личнымъ бесѣдамъ съ ними, прочитанный въ ноябрѣ 1899 г.⁴, по возвращеніи В. А. изъ его послѣдней поѣздки въ Персію, и докладъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи суфизма *كشف الحجاب* Джуллаби, прочитанный въ январѣ 1906 г., при чемъ доладчикъ обѣщаль «въ самомъ непродолжительномъ времени» издать текстъ этого источника⁵. Обѣщаніе осталось невыполненнымъ; сочиненіе Джуллаби сдѣлалось доступнымъ для изслѣдователей въ 1911 г. благодаря сокращенному англійскому переводу Р. А. Никольсона⁶. В. А. воспользовался сочиненіемъ Джуллаби еще въ 1895 г. при составленіи своей актовъой рѣчи⁷ «Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ», интересной попытки установить основныя начала ученія суфіевъ по древнѣйшимъ литературнымъ памятникамъ персидскаго суфизма⁸, почти по затрагивавшимся прежними изслѣдователями; по замѣчанію В. А., его европейскіе предшественники по изученію суфизма основывались всецѣло на сравнительно позднихъ, не ранѣе XIII в., памятникахъ. В. А. сознательно отказывался въ своей рѣчи отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи суфизма и его составныхъ частей, отъ сравнительной оцѣнки вліянія «встрѣчныхъ идей запада и востока», т. е. Передней Азіи съ Греціей и Индіи. Кромѣ приведеннаго въ рѣчи факта, что

¹ «Тайны единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'идар» и «Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго» (СПб. 1899).

² Одно вошло въ книгу «Тайны единенія» и т. д., другія въ ЗВО, XIII, 145—156.

³ Ср. попытку такой характеристики, главнымъ образомъ по изданіямъ В. А., въ брошюрѣ А. А. Семенова «Мусульманскій мистикъ и искатель Бога X—XI в. по Р. Х.». Асхабадъ 1905 г.

⁴ ЗВО, XII, стр. XXIII.

⁵ ЗВО, XVII, стр. XXIII.

⁶ The *Kashf al-Mahjûb...*, transl... by R. A. Nicholson, Leyden-London 1911 (Gibb. Memor. Series, vol. XVII). Въ бумагахъ покойнаго В. А. сохранились нѣкоторыя критическія замѣчанія по поводу этого перевода.

⁷ О ней см. выше, стр. 402.

⁸ В. А. въ 1895 г. считалъ необходимымъ, чтобы «въ основу сужденія» о суфизмѣ были положены «труды, въ извѣстной системѣ безъ символовъ и аллегорій излагающіе воззрѣнія суфіевъ». Ср. противоположное мнѣніе G. Jacob, высказанное въ 1914 г. (въ предисловіи къ *Al-Kuschairis Darstellung des Sûfitums, von R. Hartmann*), что мистика «konnte ihren klassischen Ausdruck nur bei den Dichtern, nicht in Lehrsystemen finden». G. Jacob едва-ли правъ; какъ ни переиначивались основы суфизма въ трудахъ мусульманскихъ теоретиковъ, старавшихся примирить его съ правовѣріемъ, все же эти труды даютъ намъ болѣе ясное представленіе о первоначальныхъ, до-мусульманскихъ источникахъ мусульманской мистики, чѣмъ стихи поэтовъ.

еще не изслѣдованы имѣющіеся на персидскомъ и арабскомъ языкахъ первоисточники по суфійской догматикѣ, В. А-ча, можетъ быть, удерживало также соображеніе, что для рѣшенія такихъ вопросовъ необходимо подробно ознакомиться съ религіей и философіей всего древняго міра, западнаго и восточнаго, вслѣдствіе чего эта задача не можетъ быть выполнена специалистомъ по изученію одной страны и одной литературы. Но если В. А., по характеру своей научной подготовки, не могъ бы дать намъ исчерпывающее изслѣдованіе о суфизмѣ, какъ религіозно-философской системѣ, то едва ли кто нибудь могъ бы дать болѣе яркую картину жизни и дѣятельности отдѣльныхъ суфіевъ и ихъ вліянія на народныя массы, чѣмъ В. А., съ его чуткимъ пониманіемъ человѣческой души вообще и религіозныхъ потребностей въ особенности. Тѣмъ труднѣе примириться съ тѣмъ, что такъ много изъ обѣщаннаго В. А. въ этой области осталось невыполненнымъ¹.

Кромѣ религіозныхъ вѣрованій, В. А. интересовался и другими сторонами духовной жизни персидскаго народа, какъ она выражалась въ его пѣсняхъ и вообще въ популярной литературѣ. Въ нашемъ Отдѣленіи имъ былъ сдѣланъ въ 1888 г. докладъ о персидскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ², напечатанный потомъ въ ЖМНП³, въ Этнографическомъ Отдѣленіи Русскаго Географическаго Общества въ февралѣ 1889 г. докладъ «Персидская свадьба въ пѣсняхъ»⁴, оставшійся напечатаннымъ. Нѣсколько докладовъ и статей были посвящены такъ называемымъ «странствующимъ сюжетамъ» міровой литературы, поскольку они отразились въ литературѣ персовъ⁵. Научная цѣнность этихъ работъ и въ особенности изданнаго В. А. въ 1902 г. сборника «Образцовъ персидскаго научнаго творчества», удостоеннаго, на основаніи отзыва С. О. Ольденбурга⁶, большой золотой медали Русскаго Географическаго Общества, будетъ выяснена въ особомъ

¹ Изъ бумагъ В. А. видно что имъ подготовлялось къ изданію и переводу сочиненіе еще другого мистика XI в., نور العلوم Абу-л-Хасана Харакани (объ этомъ трудѣ Grundr. der Iran. Phil., II, 274).

² ЗВО, III, стр. II.

³ «Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочевого населенія Персіи» (ЖМНП, янв. 1889 г.).

⁴ См. краткое изложеніе содержанія доклада въ Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. XXV (1889), дѣйствія Общ., стр. 28 сл. Соответствующій матеріалъ потомъ вошелъ въ Образцы персидскаго народнаго творчества (ср. тамъ, стр. 119, прим.).

⁵ Въ январѣ 1890 г. о Шемякиномъ Судѣ (ЗВО, V, стр. 1, статья тамъ же, 157—178); въ апрѣлѣ 1892 г. о повѣсти Джумджума-намэ (ЗВО, VII, стр. IV, статья тамъ же, 63—72); въ мартѣ 1906 г. о персидскомъ изводѣ «Варлаама и Иоасафа» (ЗВО, XVII, стр. XXXI). В. А. не говорилъ въ печати, что имъ уже лѣтомъ 1897 г. былъ приготовленъ полный переводъ персидскаго «Варлаама и Иоасафа». См. еще статью «Соловей и Муравей» въ ЗВО, XI, 304—306.

⁶ Напечатанъ въ Отчетѣ Имп. Р. Геогр. Общ. за 1902 г., ч. I, прилож., стр. 045—048.

докладѣ. И въ этомъ случаѣ В. А. выполнилъ не все, что имъ было намѣчено; между прочимъ, не появился въ свѣтъ предположенный имъ къ издацію сборникъ персидскихъ романсовъ изъ коллекціи Ханыкова, находящейся въ Публичной Библіотекѣ¹.

Особое мѣсто занимаютъ доклады В. А. о персидской популярной литературѣ, связанной съ современной политической жизнью страны. Сюда относятся доклады: о «Персидскомъ базарномъ стихотворствѣ на современныя темы» (1893)², о «Послѣднихъ дняхъ шаха Насир-ад-дина» (1901)³, о «Чертахъ современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніяхъ (1903)»⁴. Дорожа своими связями въ Персіи, въ томъ числѣ и въ официальныхъ кругахъ⁵, В. А. не могъ въ то время отдать въ печать собранный имъ матеріалъ, обработанный имъ въ докладахъ съ такою же любовью и такимъ же умѣніемъ, какъ другіе матеріалы по народной литературѣ персовъ. Въ памяти, можетъ быть, не одного слушателя докладовъ сохранились краснорѣчивыя слова, приписанныя убійцѣ шаха Насир-ад-дина и обращенныя къ персидскимъ вельможамъ: «Насир-ад-динъ былъ старымъ гнилымъ деревомъ; теперь въ вашихъ рукахъ молодой ростокъ, шахъ Музаффаръ; берегите его и не давайте ему расти криво, иначе и для него найдется такой же топоръ, какимъ былъ я для Насир-ад-дина»⁶.

Послѣ 1902 г. произошелъ продолжительный перерывъ въ научно дѣятельности В. А., насколько эта дѣятельность проявлялась въ печатныхъ трудахъ. Съ 1903 до 1916 гг. включительно В. А. не выпустилъ въ свѣтъ ни одной статьи; съ 1909 до 1912 включительно не читалъ и докладовъ въ Отдѣленіи. Несомнѣнно, что В. А. чемъ въ это время готовились къ печати и даже печатались нѣкоторыя работы, но никакія свѣдѣнія о нихъ не дохо-

¹ Въ бумагахъ В. А. сохранилась часть этой работы (переписанный текстъ и переводъ).

² ЗВО, VIII, стр. IV.

³ ЗВО, XIV, стр. VII.

⁴ ЗВО, XVI, стр. XVI. Замѣтки для доклада и персидскія брошюры, служившія для него источникомъ, сохранились въ бумагахъ В. А.

⁵ Заслуги передъ наукой одного изъ дѣятелей официальной Персіи, Сани'-ад-даула или И'тимад-ал-сальтанэ, были предметомъ одной изъ статей В. А. въ ЗВО (X, 187—191), ср. также отзывъ о трудѣ *مطلع الشمس* въ ЗВО, III, 119. Объ этомъ умѣстно вспомнить теперь, въ виду появившихся въ татарскомъ журналѣ *شورا* (1918 г., № 23—24) сѣтованій на русскихъ ориенталистовъ, будто бы не желающихъ знать восточныхъ ученыхъ; авторъ ссылается на слова сотрудника ЗВО, А.-З. Валидова, рассказавшаго ему, что такой специалистъ по Персіи, какъ В. А., не зналъ о существованіи Джемал-ад-дина Афгани. Въ дѣятельности Джемал-ад-динъ былъ хорошо извѣстенъ русскимъ мусульманамъ и во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1888 г. посѣтилъ одно изъ засѣданій нашего Отдѣленія (ЗВО, III, стр. III).

⁶ Въ бумагахъ В. А. сохранился текстъ и переводъ труда Али-Хана Каджарскаго о послѣднемъ времени Насир-ад-дина и началѣ царствованія Музаффара; изъ этого труда преимущественно былъ извлеченъ матеріалъ для доклада.

дили до ученаго міра; съ 1907 до 1916 гг. включительно В. А. не давалъ о себѣ и своихъ работахъ никакихъ свѣдѣній даже въ университетскихъ отчетахъ. Въ исторіи русскаго востоковѣдѣнія это продолжительное молчаніе лучшаго знатока одной изъ странъ мусульманскаго міра, вѣроятно, будетъ признано однимъ изъ самыхъ печальныхъ фактовъ. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ этого факта. В. А., конечно, не охладѣлъ къ предмету своихъ изслѣдованій, но возможно, что въ немъ, несмотря на сочувственные отзывы спеціальной критики, подъ вліяніемъ равнодушія общества къ трудамъ русскихъ востоковѣдовъ нѣсколько ослабѣло желаніе обращаться къ читателямъ.

Необходимо отмѣтить также фактъ уклоненія В. А. отъ всякой печатной полемики, даже отъ составленія отзывовъ о чужихъ трудахъ. Несомнѣнно, что В. А. никогда не переставалъ внимательно слѣдить за литературой по своей спеціальности; его молчаніе вызывалось иными мотивами, ближе всего, по всей вѣроятности, соотвѣтствующими девизу современнаго арабскаго писателя, съ которымъ насъ недавно познакомилъ И. Ю. Крачковскій¹: «Скажи слово свое и иди». Какъ бы мы не были расположены сочувствовать этому девизу, едва ли состояніе русской науки даетъ право русскому ученому имъ руководствоваться.

Въ первые годы своей дѣятельности В. А., повидимому, смотрѣлъ на этотъ вопросъ такъ же, какъ другіе русскіе оріенталисты. Низкій уровень культурности русскаго общества, въ особенности низкій уровень познаній о Востокѣ побуждалъ русскихъ оріенталистовъ на страницахъ своихъ періодическихъ изданій давать отзывы о такихъ книгахъ, которыя на западѣ вообще не были бы удостоены вниманія научной печати. Нѣсколько такихъ рецензій, на ряду съ отзывами о серьезныхъ научныхъ трудахъ, помѣстилъ на страницахъ «Записокъ» нашего Отдѣленія и В. А., по всѣ напечатанныя имъ рецензіи помѣщены въ небольшомъ числѣ томовъ, отъ 2-го до 7-го; изданія, о которыхъ давалъ отзывъ В. А., всѣ относятся къ четырехлѣтнему періоду 1887—1891 гг. В. А. послѣ 1891 г. ничѣмъ не отзывался даже на появленіе научныхъ трудовъ, близко касавшихся предметовъ его спеціальныхъ занятій; имъ не было дано отзыва ни объ «Исторіи персидской литературы» Э. Броуна, ни объ англійскомъ переводѣ كشف ^{البحر} ^{المعروف}, ни о «Матеріалахъ для изученія персидской секты Люди истины» В. О. Минорскаго. Въ послѣдніе годы имъ только въ рѣдкихъ случаяхъ дѣлались въ засѣданіяхъ Отдѣленія доклады о вновь вышедшихъ трудахъ или вновь опубликованныхъ матеріалахъ; сюда относятся прочитанный въ февралѣ

¹ Аминъ Рейхани, Петроградъ 1917 (издат. «Огни», Повѣсти. Разказы. Кн. XI).

1913 г. докладъ о путешествіи d'Allemagne: «Du Khorasan au pays des Bakhtiaris», причѣмъ обѣщаніе дать печатный отзывъ объ этомъ трудѣ¹ не было исполнено, и прочитанное въ октябрѣ 1914 г. сообщеніе «Разсказъ современника о Халладжѣ»². При жизни такого знатока Персіи и литературы о ней, какъ В. А., никто другой изъ членовъ нашего Отдѣленія не рѣшился бы взять на себя обязанность знакомить читателей съ новыми трудами въ этой области; поэтому отдѣлъ критики и библиографіи въ «Запискахъ» Отдѣленія, не удовлетворявшій и въ другихъ отношеніяхъ тѣмъ требованіямъ, которыя могли бы быть предъявлены къ нему русской наукой, не давалъ почти никакихъ свѣдѣній о трудахъ, посвящавшихся послѣ 1891 г. Ирану.

Въ мою задачу не входитъ дать полную оцѣнку дѣятельности В. А., которой, конечно, будетъ принадлежать видное мѣсто въ исторіи русской науки, хотя ея итоги, какъ и итоги дѣятельности большинства другихъ русскихъ ученыхъ, по крайней мѣрѣ въ количественномъ отношеніи далеко не соотвѣтствуютъ тому, чего можно было ожидать по ея блестящему началу. Не касаюсь вопроса, насколько это явленіе въ данномъ частномъ случаѣ связано съ общими условіями русской жизни и насколько оно должно быть объяснено условіями личной жизни и личными свойствами нашего покойнаго сочлена. Не касаюсь мало извѣстной мнѣ дѣятельности покойнаго въ учебномъ отдѣленіи восточныхъ языковъ, во главѣ котораго онъ стоялъ съ 1906 г., и вообще въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Не буду вдаваться въ оцѣнку заслугъ покойнаго, какъ университетскаго преподавателя и участника жизни факультета восточныхъ языковъ, въ которомъ онъ десять лѣтъ былъ секретаремъ (1892—1902) и девять лѣтъ деканомъ (1902—1911). Лично я имѣлъ счастье слушать лекціи В. А. въ первые годы его дѣятельности, когда онъ приступалъ къ своей задачѣ со свѣжими силами и надеждами и еще не подвергался дѣйствию того разочарованія, о которомъ онъ впослѣдствіи, какъ всѣмъ извѣстно, не разъ говорилъ въ кругу товарищей. Не могу не вспомнить съ благодарностью о В. А., какъ внимательномъ и строгомъ оффиціальномъ оппонентѣ, какимъ ему пришлось выступить на моемъ диспутѣ, въ первый и въ послѣдній разъ за всю свою продолжительную преподавательскую дѣятельность. Какъ дороги были В. А.-чу интересы факультета, съ какимъ знаніемъ дѣла и любовью онъ принималъ участіе въ обсужденіи волновавшихъ факультетъ вопросовъ, объ этомъ едва ли есть надобность говорить. Извѣстно, что В. А.-чемъ было составлено, отъ имени всѣхъ учениковъ барона Розена, обраще-

¹ ЗВО, XXII, стр. IV.

² Ibid., стр. XXXVI.

ніе къ ихъ общему учителю, въ которомъ они называютъ себя «неразрывно связанными», благодаря барону Розену, «съ университетомъ и наукой». Памятна мнѣ также рѣчь покойнаго въ факультетѣ послѣ переизбранія его деканомъ въ 1905 г., въ которой онъ назвалъ себя въ полномъ смыслѣ слова воспитанникомъ факультета, «воспитанникомъ не только своихъ учителей, но и своихъ учениковъ». Ограничиваюсь приведеніемъ этихъ подлинныхъ словъ покойнаго, наглядно показывающихъ, какъ тѣсно онъ считалъ себя связаннымъ со своими старшими и младшими товарищами; совершенно не касаюсь вопроса, какихъ учениковъ В. А. прежде всего имѣлъ въ виду, въ чемъ особенно ярко выразилось его согласіе съ ними и въ чемъ онъ, наоборотъ, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, съ ними расходился. Каковы бы ни были эти разногласія и чѣмъ бы они ни были вызваны, В. А. сохранилъ до конца любовь къ русской культурѣ, къ русскому востоковѣдѣнію и къ своей собственной научной специальности. Не буду останавливаться на томъ, что особенно влекло къ В. А. всѣхъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло: на той душевной теплотѣ, которая не только проявлялась въ его печатныхъ трудахъ, но постоянно чувствовалась въ его отношеніяхъ къ людямъ, старшимъ и младшимъ, несмотря на кажущуюся суровость. Помимо изученія прошлаго Персіи, составлявшаго главный предметъ его личныхъ занятій, В. А. призывалъ своихъ учениковъ, работавшихъ въ Персіи, къ изученію современной жизни этой страны. Что этотъ призывъ не всегда оставался безъ отклика, лучше всего показалъ докладъ В. А. о «Чертахъ современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніяхъ», прочитанный въ нашемъ Отдѣленіи въ ноябрѣ 1903 г., на основаніи матеріала, присланнаго В. А-чу изъ Персіи его учениками и друзьями. Въ этомъ докладѣ В. А. говорилъ о политическомъ моментѣ, переживавшемся тогда Персіей, о памятникахъ народной литературы, въ которыхъ отражалось политическое движеніе и которые и до сихъ поръ остаются совершенно неиспользованными¹; въ выраженіяхъ, полныхъ достоинства и въ то же время скромности, В. А. упоминалъ о заслугахъ своихъ учениковъ въ дѣлѣ собранія цѣннаго для будущаго историка матеріала и выражалъ надежду, что этому примѣру послѣдуютъ будущія поколѣнія воспитанниковъ факультета. Позволяю себѣ привести, изъ бумагъ В. А-ча, эту заключительную часть доклада, въ которой ярко отразилась личность покойнаго профессора: «Какъ изволятъ видѣть члены Отдѣленія, памятники цѣнные; къ сожалѣнію, для обработки и опубликованія ихъ не настало еще

¹ О нихъ не упоминается ни въ книгѣ Э. Броуна *The Persian Revolution* (1910), ни въ русской работѣ М. А. «Послѣднее политическое движеніе въ Персіи», вып. 1 (1906) и 2 (1907).

время; важно лелѣять добрососѣдскія отношенія съ Персіей. Предстоитъ теперь копить малое; оно, по словамъ Са'ди, образуетъ потокъ и многое и сослужитъ большую службу будущему историку Персіи за время конца XIX и начала XX столѣтій. Картины не новыя: взяточничество, полный произволъ разнузданнаго правительства, прогрессирующій въ зависимости отъ ступени, на которой находится народный вопль отъ тягостей. Картины, извѣстныя всѣмъ, непосредственно соприкасавшимся съ Персіей или читавшимъ путешествія, но не персидскимъ періодическимъ изданіямъ, выбрасываемымъ на персидскій рынокъ. Тутъ все благополучно: справедливость шаха, изобиліе плодовъ земныхъ, времена мира и благополучія и молитвы— можно подуматъ, что въ раю. Картины не новы— ново (и то относительно) отраженіе въ литературныхъ произведеніяхъ, шире или уже рисующихъ дѣйствительность, отвѣчающихъ на самыя разнообразныя запросы и злобы дня. Литература трехъ родовъ: устная, въ спискахъ по рукамъ въ разныхъ мѣстахъ и выходящая изъ-подъ литографскаго станка (что совершенно ново)—добыть ее такъ же трудно, какъ археологическій памятникъ, зарытый въ землѣ. Нужно сидѣть на мѣстѣ, слѣдить и умѣть добывать. Если мнѣ на далекомъ отъ Персіи сѣверѣ выпало счастье получить этотъ цѣнный матеріаль, образованный маленькой горстью изъ моихъ бывшихъ учениковъ по университету и лицъ, связанныхъ со мною узами дружбы по моимъ поѣздкамъ въ Персію, которыя при сложныхъ служебныхъ обязанностяхъ находили время и охоту не порывать въ моемъ лицѣ связи съ университетомъ и отчасти по собственному почину, отчасти по моимъ указаніямъ и покорнѣйшей просьбѣ, по крохамъ собирать цѣнный матеріаль— Власова, Батюшкова, Барановскаго и Гирса я считаю долгомъ съ благодарностью вспомнить: они собственно являются докладчиками, а я только *راوی* передатчикъ. Нужно пожелать, чтобы горсть эта разрасталась и нашла себѣ подражателей въ нарастающемъ поколѣніи слушателей восточнаго факультета».

Событія конца 1917 г., причинившія В. А-чу и его семьѣ больше горя, чѣмъ всѣмъ его товарищамъ, не уничтожили въ немъ желанія работать для науки; насильственно оторванный отъ значительной части своихъ прежнихъ обязанностей, онъ мечталъ снова посвятить себя исключительно научнымъ изслѣдованіямъ и довести до конца прерванные научныя труды, по этимъ мечтамъ не было суждено сбыться.

В. А. Жуковскій и персидская народная поэзія.

«Персидское народное творчество, интересное въ отношеніи языка, формы и содержанія, остается до настоящаго времени областью совершенно необслѣдованной и неизвѣстной», писалъ въ 1902 г. нынѣ покойный мой учитель Валентинъ Алексѣевичъ Жуковскій, выпуская въ свѣтъ свои «Образцы персидскаго народнаго творчества». Это была первая попытка систематично собрать и обслѣдовать народныя произведенія Персіи не только какъ вспомогательный матеріалъ для рѣшенія тѣхъ или другихъ лингвистическихъ вопросовъ иранской филологіи, но какъ произведенія народной словесности, въ которыхъ такъ или иначе отразились характерныя черты быта и воззрѣній персидскаго народа, черты, которыхъ мы напрасно стали-бы искать въ произведеніяхъ художественной литературы Персіи.

Интересъ и вниманіе Валентина Алексѣевича къ этой отрасли персидской литературы зародились давно — со времени перваго практическаго ознакомленія съ Персіей, съ живыми представителями персидскаго народа и ихъ живымъ языкомъ, когда при своихъ занятіяхъ персидскими діалектами ему для своихъ цѣлей пришлось пользоваться произведеніями устной персидской поэзіи, такъ что и для него они первоначально служили тѣмъ-же вспомогательнымъ матеріаломъ, являлись тою-же *ancilla philologiae*.

Однако на ряду съ этимъ господствующимъ взглядомъ на народную словесность Персіи, у В. А., какъ показываютъ его раннія замѣтки¹, ясно проявился живой интересъ къ произведеніямъ персидской «народной музыки», въ которыхъ помимо массы драгоцѣнныхъ указаній бытового характера можно отыскать иногда образчики истинной поэзіи и проблески глубокаго поэтическаго чувства.

¹ Напр. «Образчикъ персидскаго юмора».

Занятія В. А. народными произведеніями Персіи выразились въ тщательномъ собираніи, объясненіи и изслѣдованіи этихъ произведеній, насколько это было въ его силахъ при томъ нескрываемомъ презрительномъ отношеніи самихъ персовъ къ достоинствамъ чисто народныхъ произведеній словесности и при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился во время своего трехлѣтняго пребыванія въ Персіи въ 1883 — 1886 гг., и весь собранный имъ матеріалъ, пополненный въ 1899 г., во время лѣтней поѣздки В. А. въ Тегерапъ, распадается по языку на два отдѣла. Первый — народныя произведенія на разныхъ персидскихъ діалектахъ, заключающіяся въ настоящее время въ трехъ частяхъ «Матеріаловъ для изученія персидскихъ нарѣчій»; среди этихъ матеріаловъ наиболѣе важны и любопытны съ интересующей насъ точки зрѣнія давно ждущія выхода въ свѣтъ пѣсни бахтіяровъ¹, въ особенности ихъ боевыя пѣсни, являющіяся живымъ эпосомъ этого кочевого иранскаго племени. Второй отдѣлъ оставленнаго В. А. матеріала, болѣе обширный, составляютъ образцы народнаго творчества исключительно на персидскомъ языкѣ, изданные отдѣльной книгой и разбитые по содержанію на пять отдѣловъ: 1) пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, 2) пѣсни свадебныя, 3) пѣсни колыбельныя, 4) загадки и 5) образцы разнаго содержанія.

Вниманіе В. А., повидимому, съ самаго начала обратилось на пѣсни свадебныя и пѣсни колыбельныя, такъ какъ эти отдѣлы представляются наиболѣе имъ изученными и изслѣдованными, служа цѣннымъ матеріаломъ для этнографіи Персіи. Въ частности на основаніи собранныхъ свадебныхъ пѣсенъ В. А. живо и ярко изобразилъ цѣльную картину свадебныхъ обрядовъ отъ начала и до ихъ завершенія; въ этихъ пѣсняхъ отражается свадьба лишь на югѣ Персіи, въ то время какъ въ другихъ мѣстностяхъ Персіи этихъ важныхъ для этнографіи данныхъ пока не найдено.

Цѣнность собраннаго и сообщеннаго В. А. матеріала усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что наблюденіе свадебныхъ обрядовъ въ Персіи во всей ихъ полнотѣ почти недоступно иностранцамъ, вслѣдствіе извѣстнаго положенія мусульманской женщины. Въ наблюденіяхъ В. А. преобладающую роль играютъ интересы этнографіи, тогда какъ вопросы историко-литературнаго характера, происхожденіе свадебныхъ пѣсенъ, ихъ форма и размѣръ стоятъ на второмъ планѣ.

Съ особеннымъ интересомъ и любовью В. А. остановился на изслѣдованіи и объясненіи персидскихъ колыбельныхъ пѣсенъ, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, «колыбельныя пѣсни всякой націи безспорно составляютъ

¹ «Матеріалы», ч. III.

одну изъ любопытнѣйшихъ и полныхъ высокаго интереса областей народно-пѣсеннаго творчества, онѣ составляютъ благодарный матеріалъ для пониманія народнаго самосознанія и народной души». Характеръ этихъ пѣсенъ, ихъ особенности и достоинства въ значительной степени отличаются отъ таковыхъ другихъ народныхъ произведеній Персіи, отношеніе къ нимъ персовъ въ большинствѣ случаевъ иное, чѣмъ къ другимъ народнымъ произведеніямъ.

Отличаясь живостью и образностью языка, глубиной чувства и непосредственностью лиризма, представляя неизсякаемый источникъ бытовыхъ чертъ, словомъ, обладая «достоинствами одинаковыми съ другими областями народнаго творчества, колыбельная пѣсня обладаетъ бѣльшимъ богатствомъ содержанія, разнообразіемъ выражающихся въ ней жизненныхъ сторонъ, наконецъ, живучестью». Кроме того, нигдѣ яснѣе, чѣмъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ, не выступаетъ обликъ персидской женщины, не обрисовывается ея характеръ какъ матери, какъ жены, какъ хозяйки — семьянинки и какъ человѣка вообще.

Положеніе персидской женщины, недоступность ея «внутренняго міра мысли и чувства для пытливаго ума и взора большинства чужестранцевъ увеличиваютъ еще болѣе въ нашихъ глазахъ цѣну колыбельныхъ пѣсенъ, и тѣмъ бѣльшую цѣнность пріобрѣтаетъ талантливый этюдъ покойнаго В. А., напечатанный въ 1889 г.¹

Здѣсь данъ переводъ 68 колыбельныхъ пѣсенъ, но и этого матеріала было «достаточно для того, чтобы впервые повести рѣчь объ этомъ предметѣ», такъ какъ А. Chodzko², авторъ единственнаго въ то время сборника народной поэзіи персовъ, не коснулся области колыбельныхъ пѣсенъ; часть этихъ пѣсенъ (38), чисто персидскихъ, издана была впоследствии въ текстѣ съ переводомъ въ «Образцахъ персидскаго народнаго творчества», составивъ самостоятельный отдѣлъ.

Въ этюдѣ, кроме того, съ достаточной ясностью и полнотой вырисовывается разница въ условіяхъ жизни и быта персидской женщины осѣдлаго населенія и представительницы кочевого иранскаго племени (въ данномъ случаѣ бахтіяровъ).

Загадки (числомъ 95), записанныя въ 1886 г. въ Ширазѣ и д. Сивендѣ, составляютъ лишь матеріалъ для будущаго болѣе подробнаго обслѣдованія этой области народнаго творчества Персіи не только съ точки зрѣнія этнографіи, но и съ историко-литературной, принимая во вниманіе тотъ довольно значительный запасъ загадокъ, который заключается въ произве-

¹ Колыбельныя пѣсни осѣдлаго и кочевого населенія Персіи, ЖМНП, 1889.

² Specimens of the Popular Poetry of Persia. London 1842.

Записки Вост. Отд. Русск. Арх. Общ. Т. XXV.

деніяхъ разныхъ персидскихъ поэтовъ и въ различнаго рода антологіяхъ и спеціальныхъ сборникахъ загадокъ.

Первый отдѣлъ «Образцовъ», самый обширный по объему, составляетъ собраніе (числомъ 69) таснифовъ, своеобразныхъ персидскихъ романсовъ. Историко-литературные вопросы затронуты здѣсь попутно, и главное вниманіе вполне справедливо удѣлено значенію, которое имѣетъ въ историческомъ отношеніи бѣльшая часть таснифовъ — таснифы злободневные. Изданіе таснифовъ В. А. представляетъ значительный шагъ впередъ послѣ попытки въ этомъ направленіи А. Chodzko¹, сообщившаго рядъ таснифовъ лишь въ англійскомъ переводѣ, безъ персидскаго оригинала; интересъ В. А. къ этой области произведеній народной персидской словесности не исчезъ и послѣ изданія его таснифовъ: онъ намѣревался продолжить свои работы въ этой области изданіемъ сборника романсовъ — *مجمع تصنیفات*, хранящагося въ рукописи Публичной Библіотеки. Во всякомъ случаѣ историко-литературные вопросы о происхожденіи этого рода поэзіи, ея формахъ, вопросъ объ авторахъ таснифовъ и др. до сихъ поръ не выяснены, но послѣ изданія В. А. разрѣшеніе ихъ значительно облегчено.

Въ отдѣлъ «Образцовъ разнаго содержанія» вошли «народныя произведенія, которыя не принадлежатъ къ разряду обрядовыхъ, ... и которыя по малочисленности образцовъ не могли составить отдѣловъ самостоятельныхъ». Если принять принципъ классификаціи народныхъ пѣсень по содержанію, принципъ, которому въ большинствѣ случаевъ слѣдовалъ В. А., то среди этихъ образцовъ разнаго содержанія намѣчены самимъ покойнымъ дальнѣйшіе отдѣлы народныхъ произведеній Персіи, и лишь недостатокъ матеріала, какъ онъ самъ говорилъ, не далъ возможности обследовать намѣченные отдѣлы болѣе подробно, опредѣлить ихъ существенныя черты. При наличіи уже имѣющагося въ настоящее время собраннаго матеріала намѣченное В. А. составить вполне самостоятельные отдѣлы, какъ, напри- мѣръ, стихотворныя присказки бродячихъ дервишей и слѣпцовъ, пѣсни чарвадаровъ, стихотворенія лирическаго и любовнаго, стихотворные листки народной лѣтописи, народной сатиры на сословія, лица и событія и др.; указанные отдѣлы заключаютъ массу важныхъ и любопытныхъ бытовыхъ чертъ, раньше неизвѣстныхъ или мало понятныхъ по винѣ самихъ персовъ, чуждающихся произведеній народной словесности.

Еще со времени первой своей поѣздки въ Персію въ 1883—1886 гг. В. А. живо заинтересовался особымъ родомъ довольно обширной литературы, произведенія которой, въ печатномъ видѣ, онъ тщательно собиралъ,

¹ Ibid., pp. 417—450.

составивъ такимъ образомъ порядочную коллекцію, хранящуюся нынѣ въ Библиотекѣ Петроградскаго Университета: это — дѣтская литература, дѣтское чтеніе — *بچه خوانی*, «или, вѣрнѣе сказать, народная, потому что соками ея питается значительная часть простого населенія». Содержаніе ея составляютъ повѣствованія изъ жизни животныхъ, напр. «Мыши и Котъ», «Тетушка Лягушка», «Тетушка Жужелица», «Господинъ Воробей» и многія другія, въ литературной отдѣлкѣ народныхъ стихотворцевъ, имена которыхъ рѣдко извѣстны; повѣствованія эти представляютъ настоящей животный эпосъ. «Отличаясь живостью изложенія, мѣткимъ обыденнымъ языкомъ, большимъ юморомъ и наблюдательностью, они читаются съ большимъ интересомъ, а заключаая много общихъ, знакомыхъ намъ мотивовъ, невольно наирашиваются на сравненіе»¹.

В. А. первый обратилъ вниманіе на эту отрасль персидской народной словесности, неослабно слѣдилъ за ея судьбой, но, направивъ свои изысканія въ другія области, къ сожалѣнію, не сообщилъ результатовъ своихъ долгихъ наблюденій.

Приведенная нами краткая характеристика дѣятельности В. А. въ области изученія персидскаго фольклора позволяетъ съ полнымъ правомъ сказать, что труды В. А. по собиранію и изслѣдованію народной словесности Персіи представляютъ собою значительный этапъ въ прогрессѣ изученія персидскаго фольклора, не смотря на присущіе всякому труду недостатки, отчасти указанные нами попутно, что въ нѣкоторые уголки этой области В. А., какъ піонеръ, проникъ первымъ, что онъ внесъ въ изученіе Персіи невѣдомый доселѣ матеріалъ этнографическій и литературный и что для историковъ персидской литературы² только послѣ трудовъ В. А. явилась возможность впервые посвящать отдѣльную главу и персидской народной словесности.

А. А. Ромаскевичъ.

¹ Колыбельныя пѣсни, отд. отт., стр. 18.

² P. Horn. Die neupersische Literatur въ Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele, herausg. von P. Hinneberg. T. I, Abt. VII, pp. 258—259: V. Die Volksliteratur.

Списокъ трудовъ В. А. Жуковскаго.

1. Али Духадэдинъ Энвери. Матеріалы для его біографіи и характеристики. Спб. 1883. XXIV+146+9. 8°.—Ср. К. Залеманъ, ЖМНП, 1885, ССXXX, отд. 2, стр. 160—176; W. Pertsch, Litteratur-Blatt für Orientalische Philologie, II, Lpzg. 1884-1885.—E. G. Browne. Zhukovski's Memoir on Anwarí. A Literary History of Persia, II, L. 1906, p. 368—74.
2. О положеніи гебровъ въ Персіи. ЖМНП, 1885, ССXXXVII, отд. 2, стр. 77—94.
3. Предварительныя замѣтки о нѣкоторыхъ персидскихъ нарѣчіяхъ. ЗВО, I, 23—27; 27—29 (примѣчаніе бар. В. Р. Розена). 1886 (1887).
4. Образчикъ персидскаго юмора. ЗВО, I, 316—318. 1886 (1887).
5. Секта «Людей истины»—Ahlihak—въ Персіи. ЗВО, II, 1—24. 1887 (1888).
6. Толкованіе притчи въ сатирѣ Фирдоуси. ЗВО, II, 263-266. 1887 (1888).
7. Сказки поугая. Споръ чашки съ кальяномъ. Выбралъ и словаремъ снабдилъ ... Спб. 1887. 56+17 lith. 8°.
8. Рец. Путешествіе Шаха Наср-эддина по Мазандерану (Собственный Его Величества дневникъ). Перевелъ съ персидскаго горный инженеръ Э. Коріандеръ. Спб. 1887, 60 стр., in 8°. ЗВО, II, 280—282. 1887 (1888).
9. Рец. Современная Персія. Картинки современной персидской жизни и характера. Доктора Уильса. Перевелъ съ англійскаго И. Коростовцевъ. Спб. 1887, 279 стр. in 16°. ЗВО, II, 282—283. 1887 (1888).
10. Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Часть первая. Діалекты полосы города Кашана: Вонішунъ, Кохрудъ, Кешэ, Зефрэ. Спб. 1888. XX+251. 8°. Ср. C. Salemann, Bericht über des Mag. V. Žukovski Materialien zur pers. Dialektologill. Bull. de l'Acad. Imp. de St.-Petersbourg, XXXI, 4, p. 537—540.
11. Бѣлозерскій. «Письма о Персіи». Докладъ въ Археол. Обществѣ 24 сентября 1887 г.
12. Ъālī (عالی)—название современныхъ персидскихъ сектантовъ. ЗВО, III, 119—121. 1888 (1889).
13. Особенное значеніе глагола داشتنъ въ персидскомъ разговорномъ языкѣ. ЗВО, III, 376—377. 1888 (1889).
14. Колыбельныя пѣсни и причитанія осѣдлаго и кочеваго населенія Персіи. ЖМНП, 1889, январь, стр. 93—126.
15. Рукопись Николая Семино, содержащая замѣтки о военныхъ событіяхъ 1827 г. въ Персіи. Сообщение въ Археол. Обществѣ 27 января 1889 г.
16. Персидская свадьба въ пѣсняхъ. Сообщение въ Отдѣленіи Этнографіи Р. Геогр. О-ва 3 февраля 1889 г. ИРГО, т. XXV, Спб. (Дѣйствія О-ва), стр. 28—29. Ср. В. А. Жуковскій, Образцы etc., стр. 115—152.
17. Пѣснь Насири-Хосрова. ЗВО, IV, 386—393. 1889 (1890).
18. Рец. Риза-Кули-Ханъ. ریاض العارفین XVI+365 стр. 8°. Тегеранъ 1305 г. Г. Съ портретомъ автора. ЗВО, IV, 455—458. 1889 (1890).
19. Persische Grammatik mit Litteratur, Chrestomathie und Glossar von Carl Salemann und Valentin Shukovski. Berlin 1889. 8°. XII+118+140* Porta Linguarum Orientalium. Pars XII.
20. Краткая грамматика новоперсидскаго языка съ приложеніемъ метрики и бібліографіи. Составили К. Г. Залеманъ и В. А. Жуковскій. Иждивеніемъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Спб. 1890. 8°. 100 стр.

21. Персидскій шахъ Насир-Эддинъ—писатель. «Новое Время» 1890 г. № 4741.
22. Персидскіе лѣтописцы о смерти А. С. Грибоѣдова. «Новое Время» 1890 г. № 5068.
23. Юморъ персидско-индійскій. ЗВО, V, 111—112. 1890 (1891).
24. Персидскія версіи «Шемякина суда». ЗВО, V, 157—178. 1890 (1891).
25. *Rec.* Neupersische Schauspiele von Muhaemmaed Gaef faer Qaragadaḡi im persischen Texte, mit wörtlicher deutscher Uebersetzung, Anmerkungen und vollständigem Wörterverzeichnis zum Gebrauche der k. k. öffentlichen Lehranstalt für Orientalische Sprachen herausgegeben von Prof. Dr. Adolf Wahrmund. Heft I: Monsieur Jourdan, der Pariser Botaniker, im Qarabāḡ. Wien. 1889. VIII+36+34+30 стр. 8°. ЗВО, V, 129—132. 1890 (1891).
26. Изъ прошлаго Султанбенда—плотины на Мургабѣ. «Новости» № 99 (9 апрѣля 1891 г.).
27. Мусульманство Рустема Дастановича. ЖС, I, 4, отд. 1, стр. 109—117. Спб. 1891.
28. Могила Фирдоуси (Изъ поѣздки въ Хорасанъ лѣтомъ 1891 г.). Съ 1 фотограф. табл. ЗВО, VI, 308—314. 1891 (1892).
29. Недавнія казни бабидовъ въ городѣ Ездѣ. ЗВО, VI, 321—327. 1891 (1892).
30. *Rec.* Походы Надиръ-Шаха въ Герать, Кандагаръ, Индію и событія въ Персіи послѣ его смерти. Составилъ ген.-лейт. С. О. Кишмишевъ. Издано Военно-Историческимъ Отдѣломъ при штабѣ Кавк. военн. округа. Съ прилож. географ. картъ на пяти листахъ. Тифлисъ 1889. II+303 стр. 8°. ЗВО, VI, 351. 1891 (1892).
31. *Rec.* Кн. Эсперъ Ухтомскій. Отъ Калмыцкой степи до Бухары. Спб. 1891. I+211 стр. 8°. ЗВО, VI, 351—354. 1891 (1892).
32. *Rec.* Die Denkwürdigkeiten Schâh Tahmasp's des Ersten von Persien (1515—1576) aus dem Originaltext zum ersten Male übersetzt und mit Erläuterungen versehen von Paul Horn. Strassburg. K. J. Trübner. 1891. 156 стр. 16°.—Die Denkwürdigkeiten des Šâh Tahmâsp I von Persien. Von Paul Horn. Zeitsch. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch. Bd. XLI, pp. 563—649. ЗВО, VI, 377—383. 1891 (1892).
33. Разъясненія къ замѣткѣ «Недавнія казни въ городѣ Ездѣ». ЗВО, VII, 327. 1892 (1893).
34. *چشمه نامه*. Легенда объ Исусѣ и черепѣ въ персидскомъ стихотворномъ сказѣ Аттара. ЗВО, VII, 63—72. 1892 (1893).
35. *Rec.* Das Muǰmil et-târikh-i ba'dnâdirîje des Ibn Muḥammed Emin Abu'l-Ḥasan aus Gulistâne [Fasc. I. Geschichte Persiens in den Jahren 1747—1750]. Nach der berliner Handschrift herausgegeben und mit einer Einleitung und mit Indices versehen von Oscar Mann. Leiden. Brill, 1891. 48+vr стр. 12°. ЗВО, VII, 361—362. 1892 (1893).
36. Краткій обзоръ поѣздки въ Закаспійскій край. ОАК, 1890. Спб. 1893, стр. 79.
37. Древности Закаспійскаго края. Развалины Старога Мерва ... Съ 1 снимкомъ съ рукописи, 39 рисунками въ текстѣ и VII таблицами картъ, надгробныхъ надписей и орнамента. Спб. 1894. 4°. I—V; I—III+217 стр. МАР, № 16. Ср. А. Туманскій, ЗВО, IX, 300—303. 1896; Отзывъ почетнаго члена бар. В. Г. Тизенгаузена о соч. проф. В. А. Жуковскаго: Древности Закаспійскаго края. Развалины Старога Мерва. ЗВО, XI, 327—333.
38. Человѣкъ и познаніе у персидскихъ мистиковъ. Рѣчь, читанная на годичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1895 г. Спб. 1895. 8°. 32 стр. Отчетъ о сост. и дѣят. И. Спб. Ун-та за 1894 г. Спб. 1895, стр. 97—128.
39. Образцы персидскаго базарнаго стихотворства на современные темы. Сообщение въ Археол. Обществѣ 6 мая 1893 г.
40. Пѣсни Хератскаго Старца. Восточныя замѣтки. Спб. 1895. 4°, стр. 79—113.
41. Мухаммедъ-Хасанъ-ханъ (И' тимад-ал-сальтанэ). ЗВО, X, 187-191. 1896 (1897).
42. Омаръ Хайямъ и «странствующія» четверостишія. *المظفریة*. Спб. 1897, стр. 325—363.—Ср. E. Denison Ross. Al-Muzaffariyé, containing a recent contribution to the study of Omar Khayyâm by V. Shukovski. Journal of the Royal Asiatic Society, v. 30, pp. 349—366. London. 1898. 8°.
43. Старецъ Абу-Саидъ и его могила въ Мехнэ. Докладъ въ Археологическомъ Обществѣ 8 ноября 1896 г.
44. «Культура опія въ Персіи» (Народная сатира). «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1898, № 56. Ср. Образцы, стр. 103—108.

45. Переходъ 120 армянъ въ Персію въ мусульманство. «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1898.
46. «Живой царь». (Легенда). Литературныя приложенія къ журналу «Нива» 1898, 2, 235—258.
47. Соловей и муравей. ЗВО, XI, 304—307. 1897-1898 (1899).
48. Тайны единенія съ Богомъ въ подвигахъ старца Абу-Са'ида. Толкованіе на четверостишіе Абу-Са'ида. Персидскіе тексты. اسرار التوحید فی مقامات شیخ ابی سعید تألیف محمد بن المنور بن ابی سعید بن ابی طاهر المیهنی با رساله حورائیه تألیف عبید الله بن المحمود الشاشی در ذیل. Спб. 1899. 13+017. 8°. Изданіе Факультета Восточныхъ языковъ № 1.
49. Жизнь и рѣчи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго. Персидскій текстъ. حالات و سخنان شیخ ابو سعید فضل الله بن ابی الخیر المیهنی. Спб. 1899. 6+74 8°. Изданіе Факультета Восточныхъ языковъ. № 2.
50. Къ исторіи персидской литературы при Саманидахъ. ЗВО, XII, 04—07. 1899 (1900).
51. Бесѣды съ дервишами современной Персіи. Сообщение въ Восточномъ Отдѣленіи Русскаго Археологическаго Общества 18 ноября 1899 г. ЗВО, XII, XXIII—XXIV. 1899 (1900).
52. Къ исторіи старца Абу-Са'ида Мейхенейскаго. ЗВО, XIII, 145—156. 1900 (1901).
53. Кое-что о Баба-Тахирѣ Голышѣ ЗВО, XIII, 0104—0108. 1900 (1901).
54. Персидская версія фавла Constant du Hamel. Сообщение въ Восточномъ Отдѣленіи Археол. Общества 14 января 1899 г.
55. Сказки попугая.—Споръ чашки съ кальяномъ. Выбралъ и словаремъ снабдилъ ... Изд. 2. Спб. 1901. 65+43. 8°. Изданіе Факультета Восточныхъ языковъ № 8.
56. О нѣкоторыхъ персидскихъ рукописяхъ изъ собранія Минь-Тюбинскаго ишана. Сообщение въ Археол. Обществѣ 22 февраля 1901 г.
57. Образцы персидскаго народнаго творчества. Пѣсни пѣвцовъ-музыкантовъ, пѣсни свадебныя, пѣсни колыбельныя, загадки, образцы разнаго содержанія. Собралъ и перевелъ ... Съ 10 рисунками и портретомъ. Спб. 1902. IX+281; добавленіе (на правахъ рукописи) 9 стр. 8°. Изданіе Факультета Восточныхъ языковъ № 10.
58. Послѣдніе дни шаха Насир-ад-дина. Сообщение въ Археол. Обществѣ 22 марта 1901 г.
59. Черты современнаго положенія Персіи въ ея литературныхъ произведеніяхъ. Рефератъ въ Восточномъ Отдѣленіи Археологическаго Общества 20 ноября 1903 г. ЗВО, XVI, xvi. 1904—1905 (1906).
60. Изъ области персидской литературы. Сообщение въ Археол. Обществѣ 25 апреля 1902 г.
61. Мистикъ Джуллаби (XI в.) и его сочиненія. Рефератъ въ Восточномъ Отдѣленіи Археологическаго Общества 26 января 1906 г. ЗВО, XVII, xii, xiii. 1906 (1907).
62. О персидскомъ лубочномъ изданіи повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ. Рефератъ въ Восточномъ Отдѣленіи Археологическаго Общества 23 марта 1906 г. ЗВО, XVII, xxxi—xxxii. 1906 (1907).
63. Разсказъ современника о Халладжѣ. Рефератъ въ Восточномъ Отдѣленіи Археологическаго Общества 30 октября 1914 г. ЗВО, XXII (1915), стр. XXXVI.
64. Позднѣйшія поступленія мусульманскихъ рукописей въ бібліотеку учебнаго отдѣленія восточныхъ языковъ. Сообщение въ Археол. Обществѣ 28 февраля 1908 г.
65. Россійскій Императорскій консулъ Ө. А. Бакулинъ въ исторіи изученія бабизма. ЗВО, XXIV (1917), 33—90.
66. Henry-René D'Allemagne, «Du Khorassan au pays des Backhtiaris. Trois mois de voyage en Perse». Сообщение въ Археол. Обществѣ 28 февраля 1913.
67. Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій. Часть вторая. Діалекты г. Семвана: Сянгисаръ и Шемерзодъ. Діалекты полосы г. Исфагана: Сэдэ, Гязъ, Кяфронъ. Діалекты полосы г. Ширазы: Сивендъ, Абдуи. Гуранскій діалектъ д. Талахедэвнкъ. Нарѣчіе евреевъ г. Кашана. Нарѣчіе д. Тоджришъ. Вып. первый. I. Тексты II. Словарь. Пгр. II+432 стр. 8°. Не вышло въ свѣтъ.
68. Тоже. Часть третья. Нарѣчіе Бахтіяровъ Чехарленгъ и Хефтленгъ. Вып. первый. I. Тексты и переводы. II. Словарь. Изд. Россійской Академіи Наукъ. Пгр. 205 стр. 8°. Не вышло въ свѣтъ.

Памяти Н. А. Мѣдникова.

(† 26 октября 1918 г.).

30 ноября 1908 года на засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, посвященномъ памяти бар. В. Р. Розена, Н. А. Мѣдниковъ начиналъ свою характеристику дѣятельности покойнаго ученаго словами¹: «Полной и всесторонней его оцѣнки... можно ожидать... лишь въ будущемъ, когда явится возможность сопоставить труды покойнаго не только съ трудами его предшественниковъ и современниковъ, но и съ тѣмъ, что дастъ послѣдующее поколѣніе арабистовъ». Къ сожалѣнію, событія послѣднихъ лѣтъ слишкомъ быстро приближаютъ эту возможность: востоковѣдамъ приходится подводить итоги на нашихъ глазахъ гораздо чаще, чѣмъ это было бы желательно для остающихся въ живыхъ, и значительно ранѣе, чѣмъ этого требуетъ нормальное развитіе отдѣльной научной области. Уже въ 1910 году скончался старѣйшій ученикъ бар. Розена в области арабистики бар. Д. Г. Гинцбургъ, въ началѣ прошлаго года мы лишились его старѣйшаго ученика по ново-персидской литературѣ В. А. Жуковскаго, а 26 октября не стало и преемника бар. Розена по кафедрѣ Н. А. Мѣдникова, единственнаго, и можетъ быть, послѣдняго въ Россіи доктора арабской словесности. Извѣстіе объ этомъ могло дойти до Петрограда только 12 января: Н. А. скончался въ Старомъ Крыму Таврической губерніи, гдѣ онъ жилъ съ лѣта 1917 года въ надеждѣ поправить свое здоровье. Однако, и южный климатъ этой поправки не принесъ: онъ продолжалъ угасать и тамъ, какъ угасалъ за послѣдніе годы на нашихъ глазахъ въ Петроградѣ. Его смерть не была неожиданностью, но ее несомнѣнно ускорили тревоги послѣдняго времени, матеріальныя затрудненія, лишеніе пенсіи,

¹ Зап. Вост. Отд. XVIII, прилож., стр. 1.

которая казалось давала надежду на отдыхъ послѣ 30-лѣтней скромной, но добросовѣстной работы.

Мѣдникова трудно назвать представителемъ младшаго поколѣнія сравнительно съ бар. Розеномъ: онъ былъ только на шесть лѣтъ моложе своего учителя и родился въ С.-Петербургѣ 2 марта 1855 года. Однако обстоятельства его жизни сложились такъ, что онъ поступилъ въ Университетъ сравнительно поздно, когда черезъ руки бар. Розена прошелъ уже не одинъ курсъ арабистовъ. Съ поступленіемъ въ Университетъ закончился первый періодъ въ жизни Мѣдникова,—очень мало похожій на его дальнѣйшую жизнь, обычную для кабинетныхъ работниковъ Россіи до послѣднихъ лѣтъ—періодъ разнообразный, даже временами бурный, на которомъ намъ нѣтъ нужды останавливаться подробнѣе. Достаточно отмѣтить, что въ бѣльшей части онъ прошелъ за границей; среднее образованіе Мѣдниковъ получилъ преимущественно въ Швейцаріи въ Collège Cantonal Лозанны, много путешествовалъ по западной Европѣ, увлекался и живописью, и астрономіей. Французскій и италіанскій языкъ были для него родными: даже вернувшись въ Россію, Н. А. нѣсколько лѣтъ не могъ отучиться думать по французски. Въ Университетъ онъ поступилъ вольнослушателемъ по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду Факультета Восточныхъ Языковъ. Вліяніе личности и спеціальности бар. Розена не замедлило сказаться: интересъ Н. А. направился в сторону арабскаго языка и въ 1887 году онъ кончилъ курсъ съ золотой медалью за сочиненіе по арабской словесности¹. Направленіе его дальнѣйшей дѣятельности опредѣлилось само собою: онъ былъ оставленъ при Университетѣ бар. Розеномъ, который въ это время за выходомъ въ отставку проф. Гиргаса былъ уже единственнымъ представителемъ кафедръ. Нормальнымъ порядкомъ проходилъ Н. А. обычные для русскаго университетскаго преподавателя этапы: в декабрѣ 1889 года онъ выдержалъ испытаніе на степень магистра, 26 марта 1890 года по прочтеніи пробныхъ лекцій² былъ зачисленъ въ приватъ-доценты и съ осени сталъ вести преподаваніе, 28 января 1901 года защитилъ диссертацию на степень магистра арабской словесности, 24 апрѣля назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора, 1 декабря 1902 года защитилъ диссертацию на степень доктора, съ 25 марта 1903 года назначенъ ординарнымъ

¹ См. Списокъ работъ, № 2. Въ дальнѣйшемъ для краткости работы указываются подъ номерами въ скобкахъ.

² На темахъ, повидимому, не сказались еще спеціальные интересы Н. А.: первая лекція по назначенію факультета носила заголовокъ: «Объ арабскомъ географическомъ словарѣ Якута» и была прочитана 27 февраля 1890 года, вторая—по собственному выбору «О возстаніи негровъ въ Басрѣ» 14 марта.

профессоромъ, 20 августа 1915 года получилъ званіе заслуженнаго профессора.

Тридцатилѣтняя научно-учебная работа не покрывается, конечно, этими внѣшними этапами: для нея характернѣе три періода, на которые достаточно отчетливо распадается вся дѣятельность Н. А. Въ первомъ, захватывающемъ почти 15 лѣтъ съ 1887 по 1902 годъ, онъ помимо университетской работы въ званіи приватъ-доцента стоитъ очень близко къ Православному Палестинскому Обществу. Этотъ періодъ является наиболѣе продуктивнымъ въ его работѣ — къ нему относится начало и окончаніе его главнѣйшаго труда, за это же время написаны наиболѣе крупныя статьи. Съ Палестинскимъ Обществомъ въ этомъ періодѣ онъ связанъ не только своей основной работой: избранный в мартѣ 1893 года пожизненнымъ дѣйствительнымъ членомъ Общества онъ принимаетъ близкое участіе и въ другихъ предпріятіяхъ. Вмѣстѣ съ И. П. Помяловскимъ онъ редактируетъ русскую обработку карты Палестины, издаваемой Обществомъ, лучшей изъ всѣхъ существующихъ до настоящаго времени (№ 7); въ 1892 году участвуетъ въ Комиссіи по пересмотру программъ и инструкцій для учебныхъ заведеній Общества въ Палестинѣ и Сиріи, въ 1902 году — въ засѣданіяхъ педагогическаго съѣзда, главнымъ образомъ, при разработкѣ программъ арабскаго языка и литературы въ Назаретской учительской семинаріи и школахъ Общества. Не отказывается Н. А. и отъ черновой и кропотливой работы въ Обществѣ: изъ письма его къ В. Н. Хитрово 8 октября 1900 года¹ видно, что онъ просматриваетъ арабскіе переводы учебниковъ Ушипскаго и Евтушевскаго. Возникшія при Палестинскомъ Обществѣ въ 1900 году «Собесѣдованія по научнымъ вопросамъ, касающимся Палестины, Сиріи и сопредѣльныхъ съ ними странъ» тоже находятъ в немъ живой откликъ и онъ неоднократно выступаетъ на нихъ съ сообщеніями (№ 10, 15). Этотъ кружокъ является единственнымъ научнымъ обществомъ, въ которомъ Н. А. вообще принимаетъ дѣятельное участіе. Членомъ-сотрудникомъ Археологическаго Общества онъ состоялъ, правда, съ декабря 1890 года, но выступалъ здѣсь, насколько мнѣ извѣстно, только съ однимъ сообщеніемъ, посвященнымъ памяти своего учителя (№ 22); равнымъ образомъ въ «Запискахъ» имъ была помѣщена только одна небольшая замѣтка (№ 3) и двѣ рецензіи (№ 5, 6).

Связь Н. А. съ Палестинскимъ Обществомъ ослабѣваетъ послѣ 1902 года съ окончаніемъ его капитальнаго труда и назначеніемъ профессоромъ; новый періодъ, продолжающійся до 1908 года въ противополож-

¹ Хранится въ архивѣ Общества.

ность первому является наименѣе продуктивнымъ. Университетская работа при наличіи трехъ представителей каѳедры идетъ въ прежнихъ рамкахъ, въ научной—наступаетъ извѣстная реакція. Н. А. весь вылился въ трудѣ лучшей поры своей жизни и по окончаніи его не могъ уже взяться за другую крупную работу. За это время имъ напечатано только одно пособіе (№ 17), отзывъ о студенческой работѣ на медаль (№ 18) и актовая рѣчь (№ 19). Послѣдній періодъ въ жизни Н. А. съ 1908 по 1917 годъ является для него наиболѣе страднымъ и связанъ, какъ и предшествующій, исключительно съ Университетомъ. Смерть бар. Розена переноситъ на него большую часть обязанностей по каѳедрѣ, число лекцій значительно увеличивается, при чемъ много труда приходится тратить Н. А. на курсъ исторіи арабской литературы. Особенно трудными являются годы 1908—1910, когда каѳедра обеспечивается только двумя преподавателями. Съ облегченіемъ работы въ этомъ направленіи на долю Н. А. выпадаетъ другая обязанность: 15 сентября 1910 года онъ утверждается секретаремъ Факультета и несетъ эту должность по переизбранію въ 1914 году до самаго отъѣзда изъ Петрограда лѣтомъ 1917 года. Людямъ, знающимъ пунктуальность и аккуратность покойнаго, хорошо памятно, какой трудъ возлагало на него это дѣло. Въ этомъ же періодѣ ему приходится впервые давать отзывы о диссертацияхъ на ученые степени (№ 23, 24), трижды выступать оппонентомъ на публичныхъ диспутахъ¹. Съ 1909 по 1916 годъ онъ является безсмѣннымъ членомъ государственной испытательной комиссіи Восточныхъ Языковъ. Такимъ образомъ, не покажется преувеличеніемъ если сказать, что именно третій періодъ былъ наиболѣе труднымъ въ жизни Н. А.; не удивительно, что за послѣдніе годы, удручаемый своими болѣстями, онъ часто мечталъ объ отдыхѣ въ тепломъ климатѣ. Судьба не захотѣла послать ему этого отдыха на землѣ.

Научная дѣятельность Н. А. характеризуется воздѣйствіемъ одного лица и еще ярче одной книгой, которой были посвящены лучшіе годы его жизни. Изъ всѣхъ университетскихъ учителей, повидимому, одинъ бар. Розенъ имѣлъ на него длительное вліяніе. И для Мѣдникова, какъ и для многихъ другихъ, онъ явился *spiritus movens* всей научной жизни; съ исчезновеніемъ его исчезалъ и основной духовный импульсъ въ работѣ, какъ мы видѣли на примѣрѣ и болѣе сильныхъ, чѣмъ Н. А., натуръ. Благодаря указанію бар. Розена былъ предпринятъ и тотъ трудъ, который опредѣлилъ направленіе научной дѣятельности Мѣдникова. Работа надъ нимъ

¹ К. А. Иностранцева на степень доктора исторіи востока (16 марта 1908 года), А. Э. Шмидта — магистра арабской словесности (19 октября 1914 года) и И. Ю. Крачковскаго—тоже (17 мая 1915 года).

началась еще въ годъ окончанія Университета. Извѣстной подготовкой къ нему послужило медальное сочиненіе о царствованіи халифа ал-Мехдія по лѣтописи ат-Табари, тема котораго была предложена тоже бар. Розеномъ. Эта объемистая каллиграфически переписанная рукопись въ 150 съ лишнимъ страницъ in folio даетъ уже возможность предугадать тѣ качества, которыми отличаются позднѣйшіе труды Н. А. И здѣсь мы видимъ образцовый, почти безукоризненный переводъ арабскихъ текстовъ¹, острый и детальный анализъ отдѣльныхъ авторовъ, особенно въ выясненіи вопроса объ ихъ взаимоотношеніи, сопоставленіе ихъ показаній въ видѣ таблицъ, не мало помогающихъ наглядности выводовъ. На ряду съ такимъ тонкимъ анализомъ мы находимъ и сознательный отказъ отъ какихъ бы то ни было обобщеній или широкихъ выводовъ, на которые авторъ не считаетъ себя уполномоченнымъ самымъ состояніемъ матеріала и его разработки. Съ этимъ студенческимъ сочиненіемъ связана первая печатная замѣтка Н. А., посвященная одной монетѣ эпохи халифа ал-Мехдія (№ 3). Сочиненіе было закончено въ декабрѣ 1886 года, а уже въ «Отчетѣ Палестинскаго Общества», прочитанномъ на засѣданіи 18 апрѣля 1887 г., мы видимъ слѣдующія строки²: «Мы, благодаря содѣйствію бар. В. Р. Розена, положили основаніе историческимъ трудамъ о св. Землѣ собираніемъ мусульманскихъ свѣдѣній о завоеваніи ея арабами и объ отношеніяхъ ихъ къ мѣстному православному населенію за первый періодъ владычества ихъ Палестиной». Тотъ же «Отчетъ» въ 1898 году констатируетъ³, что съ осени заканчивается 11-лѣтній трудъ Н. А. Мѣдникова. Печатаніемъ работа была завершена только въ 1902 году и, такимъ образомъ, покойный посвятилъ на нее не меньше пятнадцати лѣтъ упорнаго и направленнаго къ одной цѣли труда, сравнительно мало отвлекаясь въ сторону. Въ результатѣ «Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ» составляетъ предметъ справедливой гордости какъ для Палестинскаго Общества, такъ и вообще для русской науки—западная Европа въ этой области не можетъ указать ничего равноцѣннаго. Едва ли составитель отчета Палестинскаго Общества за 1887 годъ или инициаторъ предпріятія В. Н. Хитрово, говоря о собираніи мусульманскихъ свѣдѣній, представляли себѣ ясно ту грандіозную форму, въ которую выльется это предпріятіе. Что могла дать западная наука этого времени, показывала появившаяся одновременно съ

¹ Ср. отзывъ бар. Розена въ «Годичный актъ Имп. С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1887 года», стр. 158.

² Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества за 1886—1887 годъ, СПб. 1888, стр. 183—4.

³ Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, апрѣль 1898 г., стр. 172.

началомъ работы Н. А. книга Guy Le Strange о Палестинѣ¹—немудреная компиляція по арабскимъ источникамъ, объединяющая свѣдѣнія безъ особой критики и безъ детальнаго изслѣдованія данныхъ. Уже самый объемъ не позволяетъ ихъ сравнивать: «Палестина» Мѣдникова выросла въ 4 большихъ тома до 2800 страницъ даже при томъ условіи, что одна намѣченная часть осталась неосуществленной. По первоначальному плану работа должна была состоять изъ трехъ частей: «Обзоръ и изслѣдованіе источниковъ, переводы изъ сочиненій арабскихъ авторовъ (какъ приложение къ первой части) и связное изложеніе исторіи Палестины за упомянутый періодъ». Уже самый ходъ работы потребовалъ перенесенія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ предполагавшейся исторіи въ изслѣдованіе источниковъ; съ другой стороны, рецензенты справедливо указывали, что исторія потребуеъ привлеченія помимо арабскихъ источниковъ и другихъ — какъ восточныхъ, такъ европейскихъ²—все это побудило Н. А., чувствовавшего себя на твердой почвѣ преимущественно въ арабской части, отказаться отъ первоначальнаго плана. Не можетъ быть, конечно, двухъ мнѣній о томъ, что и въ настоящемъ видѣ работа даетъ гораздо больше, чѣмъ можно было бы отъ нея требовать. Она распадается на двѣ части: вторая часть или «приложенія» въ трехъ томахъ даетъ переводы извѣстій о событіяхъ въ исторіи Палестины и положеніи христіанъ въ халифатѣ изъ 54 авторовъ преимущественно историковъ и географовъ, отчасти юристовъ; первая «изслѣдованіе источниковъ» даетъ сперва анализъ отдѣльныхъ писателей, выясняя ихъ источники, отношеніе другъ къ другу и степень достовѣрности, и затѣмъ «изслѣдованіе событій», то есть анализъ свѣдѣній различныхъ писателей относительно одного и того же событія для выясненія, въ достаточной ли степени они засвидѣтельствованы. Такимъ образомъ, исторіи въ обычномъ смыслѣ слова мы здѣсь не имѣемъ; работа носитъ нѣсколько мозаичный характеръ, но за то даетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ монографій какъ историческихъ, такъ и историко-литературныхъ, изъ которыхъ многія представляютъ вполне самостоятельныя изслѣдованія первостепенной важности. Работа Мѣдникова не только дала въ руки изслѣдователямъ въ исчерпывающей полнотѣ первостепенный сырой матеріалъ: послѣ ея появленія невозможно заниматься вообще какимъ бы то ни было вопросомъ палестинской исторіи за мусульманскую эпоху, въ особенности ранняго періода, не беря исходной точкой выводы этого труда. Моя

¹ Palestine under the Moslems. A Description of Syria and the Holy Land from A. D. 650 to 1500. Translated from the works of the mediaeval Arab Geographers by Guy Le Strange. London 1890. 8° XXII-+604.

² Ср. ЗВО, XV, 069.

оцѣнка, не принадлежащая ни историку, ни изслѣдователю Палестины, не претендуетъ, конечно, ни какое бы то ни было значеніе, но она можетъ быть подкрѣплена болѣе авторитетными голосами. Кромѣ двухъ отзывовъ оффиціального рецензента — бар. Розена мы располагаемъ еще двумя обстоятельными разборами: русскаго историка востока и западно-европейскаго изслѣдователя ранняго періода въ исторіи ислама. «Палестина» Мѣдникова доставила ему обѣ ученыя степени и магистра, и доктора арабской словесности: магистерской диссертацией послужили три тома переводовъ, докторской — изслѣдованіе¹. Отзывъ бар. Розена о первой достаточно кратокъ и носитъ сдержанный характеръ². Подчеркивая полноту собраннаго матеріала и достоинство переводовъ, Розенъ отгѣняетъ большую тщательность въ составленіи указателей, приобретающихъ значеніе важнаго справочнаго пособія благодаря включеннымъ въ нихъ библиографическимъ указаніямъ. Выводъ его при всемъ томъ оффиціаленъ и даже снабженъ нѣкоторой оговоркой: «...я считаю его вполне достойнымъ быть признаннымъ за удовлетворяющую всемъ требованіямъ магистерской диссертации (работу), хотя онъ и не имѣетъ обычнаго характера диссертации въ тѣсномъ смыслѣ слова»³. О докторской диссертации отзывъ уже болѣе категориченъ: трудъ Мѣдникова не вызываетъ возраженій ни въ одномъ изъ его выводовъ и на всегда сохранитъ непреходящее научное значеніе⁴. Въ конечномъ итогѣ съ нимъ совпадаетъ и мнѣніе рецензента «Записокъ» въ его обстоятельномъ разборѣ⁵: «Н. А. Мѣдниковъ не только имѣетъ право считать свою работу законченной, но далъ намъ, какъ мы видѣли, значительно больше того, что предполагалось исполнить по первоначальному плану предпріятія... Изслѣдованіе источниковъ было бы выдающимся явленіемъ въ историко-критической литературѣ по востоковѣдѣнію, даже если бы оно заключало въ себѣ только два этюда — этюдъ объ ат-Табаріи и этюдъ о договорѣ Омара съ христіанами; между тѣмъ,

¹ Не лишеныя интереса подробности о представленіи диссертации въ Факультетъ Восточныхъ Языковъ сообщает Н. А. въ письмѣ В. Н. Хитрово 2 декабря 1900 года (въ архивѣ Палестинскаго Общества), но онѣ не могутъ стать еще достояніемъ исторіи.

² Рукопись въ протоколахъ засѣданій Факультета Восточныхъ Языковъ 17 января 1901 года.

³ Быть можетъ, въ связи съ этимъ выводомъ стоитъ одно примѣчаніе въ редактированныхъ Факультетомъ около этого времени «Правилахъ объ испытаніяхъ на ученыя степени» (Протоколы 6 октября 1900 г.): «Диссертацией по языкамъ и словесности признается не только научное «изслѣдованіе» въ тѣсномъ смыслѣ, но и всякая работа научнаго характера, какъ то критическое изданіе текста, перевода съ комментаріями, описаніе рукописей и т. под.».

⁴ Журналъ засѣданій Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1902 годъ, стр. 124—127.

⁵ ЗВО, XV, 1902—1903, стр. 056—069.

авторъ, путемъ тщательнаго критическаго анализа источниковъ, выясняетъ еще цѣлый рядъ другихъ вопросовъ» (стр. 069). Рецензентъ производитъ детальный анализъ труда съ точки зрѣнія полноты собраннаго матеріала, его распредѣленія, методовъ изслѣдованія и способовъ изложенія результатовъ послѣдняго (057). По второму пункту справедливо отмѣчается нецѣлесообразность раздѣленія писателей на двѣ категоріи— историковъ и географовъ (059), равно какъ распредѣленіе матеріала согласно хронологическому порядку сочиненій, а не ихъ первоисточниковъ (060). Рецензентъ, однако, признаетъ, что для возстановленія текста утраченныхъ первоисточниковъ «требовалось бы новое изслѣдованіе; авторъ далъ намъ такъ много, что едва ли кто-нибудь будетъ оспаривать у него право отказаться отъ этой новой работы, которая по сложности и обширности превосходила бы исполненную имъ» (061). Въ общемъ же онъ находитъ, что «главные выводы автора такъ подробно обоснованы, что спорить съ нимъ для не спеціалиста представляется совершенно невозможнымъ» (065). Какъ на деталь, заслуживающую вниманія, онъ указываетъ между прочимъ таблицы, сопоставляющія извѣстія различныхъ писателей объ одномъ и томъ же событіи: считая ихъ «однимъ изъ лучшихъ украшеній книги», рецензентъ подчеркиваетъ, что это—первый случай примѣненія такого метода въ историческихъ трудахъ, и выражаетъ надежду, что счастливой идеей воспользуются будущіе изслѣдователи (067). Не безынтересно по этому поводу отмѣтить, что идея нашла себѣ выраженіе уже въ упомянутой студенческой работѣ Мѣдникова о халифѣ ал-Мехдіи и, повидимому, дѣйствительно принадлежитъ ему; съ другой стороны, оправдалась и надежда, что эта идея будетъ воспринята позднѣйшими изслѣдователями—систематичное примѣненіе ея мы находимъ въ капитальномъ трудѣ италіанца Caetani: «Annali dell' Islām», при чемъ очень часто въ основу кладутся изысканія Мѣдникова.

Сопоставленіе отзывовъ двухъ ученыхъ — арабиста въ лицѣ барона Розена и историка — В. В. Бартольда, показываетъ, что русская спеціальная наука высказалась единогласно объ основномъ трудѣ Мѣдникова. Его мѣсто въ научномъ строительствѣ определено вполне точно и едва ли по этому вопросу могутъ быть какія либо разногласія. Нельзя къ сожалѣнію не отмѣтить, что внѣ сферы спеціалистовъ въ Россіи работа далеко не пользуется той популярностью, которой заслуживаетъ. Невольно при этомъ вспоминается судьба труда барона Розена о Василии Болгаробойцѣ¹: обѣ работы составляютъ несомнѣнно эпоху въ своей области, каждая изъ нихъ

¹ Ср. Н. Марръ, ЗВО, XVIII, приложеніе, стр. 24—25.

является крупнѣйшимъ событіемъ въ изученіи христіанско-мусульманскаго міра въ Россіи за два послѣднихъ десятилѣтія прошлаго столѣтія и при всемъ этомъ не трудно встрѣтить русскихъ историковъ, которымъ они не извѣстны даже по имени. Возможенъ и такой курьезъ, что провинціальный ученый, обнаруживающій близкое знакомство съ работой Guy Le Strange'a о Палестинѣ, не знаетъ про существованіе труда Н. А.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ, хотя и грустнаго свойства, въ этомъ обстоятельстве можетъ служить тотъ фактъ, что работа Мѣдникова въ противоположность труду его учителя вошла въ обиходъ западно-европейской науки уже черезъ пять лѣтъ послѣ своего появленія и при томъ съ такой оцѣнкой, которая не можетъ не составить предмета гордости для всѣхъ русскихъ ученыхъ; если самъ Н. А. не придавалъ оцѣнкѣ особаго значенія, то это объясняется его обычной, хорошо всѣмъ извѣстной скромностью. Заслуга въ ознакомленіи Европы съ «Палестиной» Мѣдникова принадлежитъ италіанскому ученому — только что упомянутому conte Leone Caetani principe di Teano. Италіанскій языкъ какъ бы захотѣлъ оправдать тѣ симпатіи, которыя питалъ къ нему въ юности Н. А. Одинъ изъ выдающихся въ настоящее время изслѣдователей ранняго ислама графъ Caetani приобрѣлъ себѣ извѣстность въ противоположность большинству ученыхъ сразу и достаточно неожиданно съ 1905 года, когда выпустилъ первый томъ своего монументальнаго труда *Annali dell' Islām*, который долженъ дать сводъ всѣхъ матеріаловъ и всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій по мусульманской исторіи, начиная съ 1 года хиджры. Скептическое отношеніе нѣкоторыхъ ученыхъ къ самой возможности выполненія такого плана въ условіяхъ человѣческой жизни встрѣтило появленіе этого труда; отчасти такой скепсисъ можетъ, конечно, сохранять свою силу и теперь. Однако, семь фоліантовъ, появлявшихся непрерывной чередой до 1913 года и включившихъ уже полностью эпоху двухъ первыхъ халифовъ, дѣлаютъ этотъ трудъ и въ настоящемъ видѣ однимъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ исторіи и арабистики за начало XX вѣка. Самъ Caetani, повидимому, не владѣетъ русскимъ языкомъ; однако, систематически организованная имъ коллективная работа, не останавливающаяся даже передъ научными экспедиціями на собственные средства, дала ему возможность пользоваться «Палестиной» совершенно свободно. Обширныя выписки показываютъ, что у него имѣется въ распоряженіи едва ли не полный переводъ. Конечно, пока имъ привлечена только незначительная часть труда Мѣдникова, захватывающая 23 года хиджры; за то нельзя указать ни одного факта изъ эпохи завоеванія Палестины, гдѣ Caetani не подвергалъ бы самому серьезному анализу изслѣдованіе Мѣдникова, въ большинствѣ случаевъ примыкая къ

его выводамъ, иногда продолжая ихъ и крайнѣ рѣдко расходясь съ нашимъ ученымъ. Нѣтъ нужды останавливаться на всѣхъ деталяхъ, по поводу которыхъ онъ воздастъ должное работѣ¹. Я ограничусь только общей характеристикой труда Мѣдникова, данной Caetani въ одномъ изъ примѣчаній.

Говоря объ эпохѣ первыхъ арабскихъ завоеваній, въ частности о покореніи Сиріи и Палестины, онъ такимъ образомъ характеризуетъ состояніе европейской науки въ данной области²: «Если сдѣлать должное исключеніе для трудовъ de Goeje, Wellhausen'a и Мѣдникова, то окажется, что всѣ европейскіе изслѣдователи этого историческаго періода съ такимъ крупнымъ интересомъ не поняли хорошо ни истинной природы проблемы, ни границъ, въ которыхъ она заключена, ни настоящаго пріема при попыткахъ ея рѣшенія. Находя матеріалъ въ самомъ хаотическомъ смѣшеніи, полномъ вопіющихъ противорѣчій, которыя невозможно примирить, всякій на свой ладъ безъ точныхъ критеріевъ измышлялъ рѣшеніе, болѣе или менѣе счастливое, смѣшивая по капризу истинное и ложное и добавляя такимъ образомъ новыя ошибки къ тѣмъ, которыя уже находились въ источникахъ. Въ особенности, при объединеніи матеріаловъ, чтобы извлечь изъ нихъ изложеніе ясное и послѣдовательное, они выбирали тѣ извѣстія, которыя лучше подходили къ предполагаемому рѣшенію, по просту отбрасывая какъ несуществующія всѣ тѣ, которыя плохо комбинировались съ нимъ». Общая характеристика выдѣляемыхъ трудовъ дается имъ въ этомъ же мѣстѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ³: «Впервые de Goeje, а затѣмъ Wellhausen установили съ точностью относительную цѣнность различныхъ источниковъ. Въ этомъ спеціальному пунктѣ работа Wellhausen'a, быть можетъ, еще болѣе полезна, чѣмъ de Goeje; Мѣдникова во всякомъ случаѣ важнѣе обѣихъ предшествующихъ. Въ капитальномъ и объемистомъ трудѣ... Мѣдниковъ перевелъ на русскій языкъ всѣ отрывки арабскихъ авторовъ, которые относятся къ Палестинѣ отъ мусульманскаго завоеванія до Крестовыхъ походовъ, предпославъ имъ ученѣйшее введеніе, въ которомъ съ критикой детальной, острой и часто поистинѣ гениальной изучаетъ всѣ источники и историческія проблемы, выдвигаемыя ими. Въ этомъ изслѣдованіи, которое было для насъ въ высшей степени полезно и

¹ Ср. особенно т. II, стр. 1163—1169 (полководцы при походѣ въ Сирію), 1187—1192 (свѣдѣнія Сейфа о первыхъ сраженіяхъ въ Сиріи), III, 17 сл. (битва при Аджнадейнѣ «... выводы, основанные на детальнѣйшемъ анализѣ, въ высшей степени правильны»), III, 347 сл. (двѣ осады Дамаска, особенно 351—352), 426—430 (взятіе Химса), 923—926 (путешествіе Омара въ Іерусалимъ: «Заключенія ученаго русскаго ориенталиста гениальны и убѣдительно») и мн. др.

² *Annali dell' Islam*, II, Milano, 1907, 562.

³ *Ibid.* 563, nota 4 и 3.

которымъ мы широко пользуемся вездѣ, онъ суммируетъ и подвергаетъ принципиальному и счастливому анализу все то, что было писано по этому вопросу. Работа его представляетъ эпоху въ изученіи арабско-мусульманской исторіи; такъ какъ она написана по-русски и очень немногіе могутъ ею пользоваться, мы сочли умѣстнымъ во многихъ мѣстахъ изложить его доводы, стараясь по возможности распространить результаты его изслѣдованій». Послѣ такого отзыва первокласснаго ученаго мнѣ — не спеціалисту, конечно, ничего не остается прибавлять. Можно только порадоваться за русскую науку, для признанія которой за рубежомъ трудъ покойнаго сыгралъ такую важную и не часто выпадающую на долю роль.

Остановившись подробнѣе на «Палестинѣ» — этомъ памятникѣ аеге регеніус и для Мѣдникова, и для русской арабистики, я сравнительно немного скажу о другихъ его работахъ. Главнѣйшія изъ нихъ связаны съ этимъ же трудомъ, другія — съ дѣятельностью въ Палестинскомъ Обществѣ или обязанностями университетскаго преподавателя; сравнительно немного носятъ случайный характеръ. Среди первыхъ наиболѣе важны двѣ крупныя статьи, относящихся къ 1897 и 1901 году — Объ одномъ изъ источниковъ ат-Табарія (№ 11) и О грамотахъ Омара I христіанамъ Іерусалима (№ 15). Обѣ эти монографіи надолго сохранятъ непреходящее значеніе; выводы ихъ вошли въ общія чертахъ въ «Палестину» и справедливо могутъ быть признаны однимъ изъ важнѣйшихъ достиженій этой работы¹. Интересно еще разъ отмѣтить, что грамота Омара I, подложность которой впервые въ наукѣ была доказана Мѣдниковымъ, не вызвала сомнѣній у de Goeje въ его монографіи о завоеваніи Палестины: однако, во второмъ изданіи своей работы, вышедшемъ въ 1900 году, онъ уже признаетъ договоръ подложнымъ². Съ занятіями Палестиной связана статья Мѣдникова о завоеваніи Іерусалима персами въ 614 году (№ 10), дающая текстъ и переводъ одного арабскаго трактата. Не имѣя подъ руками самой рукописи, Мѣдниковъ долженъ былъ потратить не мало труда и остроумія на исправленіе малоудовлетворительнаго изданія Французскаго арабиста. Въ болѣе совершенномъ видѣ на основаніи самой рукописи текстъ былъ впослѣдствіи переизданъ и изслѣдованъ Н. Я. Марромъ въ приложеніи къ его работѣ объ Антиохѣ Стратигѣ³. Съ дѣятельностью Н. А. въ Палестинскомъ Обществѣ связана его работа по редактированію карты Палестины (№ 7), переводъ одной кувическаго надписи, найденной въ Іеру-

¹ Ср. ЗВО, XV, 069.

² Ср. *ibid.*, 065.

³ Антиохъ Стратигъ. Плѣненіе Іерусалима персами въ 614 году, СПб. 1909, стр. 26—39, 74—77 и г—1.

салимъ (№ 13) и разборъ арабскихъ приписокъ въ греческой рукописи Евангелій (№ 14). Обѣ напечатанныя имъ рецензіи (№ 5, 6) посвящены работамъ, затрагивающимъ тѣ же вопросы, съ которыми ему часто приходилось сталкиваться въ «Палестинѣ».

Большая настойчивость и систематичность въ достиженіи намѣченной цѣли позволили Мѣдникову на 15 лѣтъ сосредоточить вниманіе почти исключительно на одной работѣ и предохранили его отъ увлеченій другими темами; и складъ научнаго характера, и внѣшнія обстоятельства не заставляли его разбрасываться, а поэтому число работъ, не подходящихъ подъ перечисленныя категоріи, сравнительно не велико. Нѣкоторый слѣдъ оставилъ онъ въ учебной литературѣ. Еще на студенческой скамьѣ имъ былъ составленъ примѣнительно къ курсу проф. В. Гиргаса «Конспектъ по исторіи арабской литературы» (№ 1), который можетъ служить образцомъ его терпѣнія и въ этомъ періодѣ: не имѣя возможности сразу его литографировать, Мѣдниковъ собственноручно переписалъ болѣе 10 экземпляровъ конспекта и пожертвовалъ ихъ въ библіотеку университета. Впоследствии онъ былъ литографированъ и при бѣдности русской учебной литературы много лѣтъ служилъ пособіемъ для студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ. Такимъ же пособіемъ почти до второго десятилѣтія нашего вѣка оставалась литографированная подъ его наблюденіемъ студентами краткая грамматика, переиздававшаяся нѣсколько разъ (№ 12). Принималъ участіе Н. А. и въ переизданіяхъ «Арабской хрестоматіи для I-го курса» В. О. Гиргаса и бар. Розена (№ 4): имъ было переписано для литографіи второе изданіе¹ и прокорректировано въ печати третье. Въ 1904 году онъ выпустилъ цѣнное пособіе «Парадигмы глагольныхъ формъ арабскаго классическаго языка», представившее полезную новинку въ русской учебной литературѣ по арабистикѣ (№ 17). Къ категоріи работъ характера учебныхъ пособій можно отнести редактированный Мѣдниковымъ переводъ труда Авг. Мюллера «Исторія ислама» въ четырехъ томахъ (№ 8). Несмотря на нѣкоторые недочеты и промахи въ самомъ переводѣ, быть можетъ съ чрезмѣрной настойчивостью подчеркивавшіеся иногда въ спеціальной печати, этотъ трудъ для русской науки остается тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ для нѣмецкой въ моментъ своего появленія: лучшимъ сводомъ общаго характера по внѣшней исторіи мусульманскаго міра²). На немъ, можно сказать, воспитывались поколѣнія русскихъ востоковѣдовъ въ тече-

¹ Въ него были включены, между прочимъ, не вошедшіе въ послѣдующія изданія отрывки изъ Корана.

² Ср. слова бар. Розена въ ЗВО, VII, 331—332.

ніе 20 лѣтъ и свое значеніе трудъ сохраняетъ до нашихъ дней при отсутствіи другихъ пособій на русскомъ языкѣ.

По обязанности представителя кафедры Мѣдниковымъ данъ былъ отзывъ объ одномъ студенческомъ сочиненіи, представленномъ на соисканіе медали (№ 18), и двухъ диссертацияхъ на степень магистра арабской словесности (№ 23, 24); по порученію Факультета онъ редактировалъ біографическій словарь бывшихъ студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ за 50 лѣтъ его существованія (№ 25), не законченный еще печатаніемъ.

Изъ работъ случайнаго характера¹⁾, помимо упоминавшейся уже небольшой замѣтки нумизматическаго характера (№ 3), и разбора арабскихъ магическихъ формулъ въ одномъ коптскомъ документѣ Казанскаго Университета (№ 16), остается только указать на актовую рѣчь въ 1907 г. «О причинахъ распадена арабской имперіи» (№ 19) и характеристику научной дѣятельности бар. Розена, прочитанную на засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 30 ноября 1908 года (№ 22). Обѣ работы интересны, какъ единственныя, кажется, попытки у Н. А. болѣе широкихъ построеній въ области его специальныхъ занятій; въ характеристикѣ учителя у него съ большой яркостью отразилось, конечно, и собственное научное credo. Большой мастеръ въ анализѣ деталей и точной формулировкѣ добытыхъ изъ нихъ выводовъ, Н. А. едва ли обладалъ дарованіемъ для широкихъ картинъ. У него не было симпатіи къ такимъ построеніямъ и они плохо ему удавались. Рисунокъ и здѣсь получался опредѣленный и точный, по если можно такъ выразиться, слишкомъ элементарный. Соблазнительная простота и четкость формулировки сама говоритъ, что едва ли она соотвѣтствуетъ сложности историческаго явленія или исторической личности. Причины распадена арабской имперіи едва ли исчерпываются тѣми немногочисленными факторами, которые съ обычной опредѣленностью² перечисляетъ Н. А. Та же опредѣленность и бессознательное упрощеніе чувствуются у него въ характеристикѣ научной дѣятельности бар. Розена. Глубоко благоговѣя передъ своимъ учителемъ и при его жизни и послѣ смерти, Мѣдниковъ считалъ его недосягаемымъ идеаломъ для всякаго ориенталиста; однако, самый складъ его научнаго характера, ограниченнаго очень опре-

¹ Я не касаюсь тѣхъ работъ другихъ ученыхъ, въ которыхъ Н. А. принималъ участіе своими совѣтами, чтеніемъ корректуръ, просмотромъ переводовъ и т. д. (См. напр. А. Васильевъ, Византія и арабы, СПб. 1900, стр. VII и СПб. 1902, стр. VII).

² Стр. 10 (отд. отт.): «Это распадена произошло потому, что не оказалось въ имперіи безспорно господствующаго, единовѣрнаго, единоплеменнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно многочисленнаго и дисциплинированнаго элемента, на который можно было бы опереться. Не было достаточно однороднаго и сплоченнаго ядра, которое могло бы задержать центробѣжныя стремленія окраинъ».

дѣленнымъ горизонтомъ, органически не позволялъ ему охватить всю многогранную дѣятельность Розена въ полномъ объемѣ — она частью оставалась внѣ предѣловъ его зрѣнія и ему было трудно представить, что за этой линіей еще что-либо можетъ быть видно. Нельзя съ нимъ не согласиться, когда характеризуя сферу дѣятельности востоковѣда, онъ пишетъ, правда не совсѣмъ удачно начиная фразу¹: «Для возведенія какой либо словесности на степень науки требуется собрать и привести въ извѣстность наличный матеріаль; сдѣлать его общедоступнымъ посредствомъ изданій и переводовъ; наконецъ, всесторонне обслѣдовать его путемъ извѣстныхъ научныхъ приѣмовъ. Необходимы каталоги, изданія, переводы и изслѣдованія». Нельзя не согласиться и тогда, когда онъ дальше формулируетъ методологическіе приемы работы по этимъ четыремъ категоріямъ примѣнительно къ трудамъ бар. Розена. И при всемъ томъ чувствуется, что чего то въ этой характеристикѣ не хватаетъ: изъ нея вынуть самый нервъ, не уловлены тѣ черты, которыя отличаютъ работы Розена отъ трудовъ другихъ арабистовъ, быть можетъ не менѣе безукоризненныхъ по методичности. Простой и прямолинейный по самой природѣ научный складъ Н. А. не позволялъ ему уловить, по крайней мѣрѣ въ словѣ, очень сложной научной организаціи своего учителя.

Опредѣленность и простота міровоззрѣнія характеризуютъ научную дѣятельность Мѣдникова; едва ли не въ большей мѣрѣ эти черты опредѣляютъ и его преподавательскую работу. Она продолжалась 27 лѣтъ и основнымъ принципомъ Н. А. за это время было поддержаніе status quo ante — стремленіе вести дѣло строго въ тѣхъ рамкахъ, которыя были намѣчены бар. Розеномъ². Какъ и онъ, систематическихъ курсовъ Мѣдниковъ никогда не читалъ; единственное исключеніе представлялъ общій очеркъ исторіи литературы, которому по смерти бар. Розена онъ посвящалъ по его традиціи два часа, руководствуясь его же планомъ и лишь нѣсколько усиливая библиографическій характеръ. Свою задачу университетскаго преподавателя Н. А. видѣлъ исключительно въ изученіи языка, при томъ не въ лингвистическомъ смыслѣ, а лишь для пониманія текстовъ и точной ихъ передачи на русскій языкъ. Его лекціи сводились въ большинствѣ случаевъ къ разбору тѣхъ или иныхъ памятниковъ, съ очень краткими обыкновенно введеніями. Число лекцій въ зависимости отъ количества представителей

¹ ЗВО, XVIII, приложение, стр. 2—3.

² Это стремленіе иногда выливалось въ оригинальную форму: единственныйъ разъ, когда Н. А. пришлось дать тему по арабской словесности для студенческой работы на медаль, имъ была предложена та же, на которую онъ самъ писалъ сочиненіе у бар. Розена.

каѳедры колебалось между 5 и 9-ью¹; тексты изъ году въ годъ оставались тѣ же, которые читались еще бар. Розеномъ. Первые семь лѣтъ (1890—1897) Мѣдникову приходилось вести элементарный курсъ арабскаго языка; изъ текстовъ излюбленными оставались всегда мелкіе фаблю и новеллы, которые онъ разбиралъ со студентами по хрестоматіи В. О. Гиргаса и бар. В. Р. Розена въ теченіе 27 лѣтъ, и исторія Абу-Ханифы ад-Динавери (въ изд. проф. Гиргаса), доставившая матеріалъ для 15 студенческихъ поколѣній. Послѣ смерти бар. Розена къ Мѣдникову перешло на нѣсколько лѣтъ чтеніе Корана и поэтическихъ произведеній. Кромѣ этихъ, обычно повторявшихся текстовъ Мѣдниковъ изрѣдка читалъ со студентами, спеціально интересовавшимися арабскимъ языкомъ, своего любимаго историка ат-Табарп и нѣсколько разъ «1001 ночь». Въ смыслѣ перевода текстовъ, на который Н. А. обращалъ главное вниманіе при своихъ лекціяхъ, онъ былъ, можно сказать, художникомъ и любителемъ. Громадная практика, пріобрѣтенная благодаря «Палестинѣ», позволяла ему почти всегда находить удачную форму; въ этомъ отношеніи его школа была очень полезна и поучительна для тѣхъ, кто умѣлъ оцѣнить эту сторону дѣла. Къ нему можно смѣло примѣнить тѣ самыя слова, которыя были имъ сказаны про бар. Розена въ его некрологѣ (№ 20): «Какъ преподаватель, В. Р. обладалъ рѣдкимъ умѣніемъ въ немногихъ словахъ дѣлать ясными и совершенно понятными для своихъ слушателей самыя трудныя и головоломныя арабскіе тексты. Руководителемъ онъ былъ не замѣнимымъ: заниматься подъ его руководствомъ было чистымъ наслажденіемъ».

Я не останавливался на первомъ періодѣ жизни Н. А., который имѣетъ мало отношенія къ его научной дѣятельности; его личныхъ чертъ я коснусь лишь постольку, поскольку онѣ рисуютъ весь его обликъ. Какъ для ученаго, для него была въ высшей степени характерна скромность: онъ органически не любилъ говорить о своихъ работахъ, считая ихъ обычнымъ естествен-

¹ «Обозрѣніе преподаванія по Факультету Восточныхъ Языковъ» позволяетъ установить слѣдующіе 4 періода въ преподавательской работѣ Н. А. Съ 1890 по 1897 годъ (при 9 часахъ) имъ читались два курса: грамматика и чтеніе легкихъ текстовъ (6 час. на I курсѣ) чтеніе историческихъ отрывковъ и анекдотовъ (3 час. на II курсѣ). Съ 1897 года до января 1908 года (при 5 часахъ) первый курсъ былъ замѣненъ «Чтеніемъ исторіи Абу-Ханифы» (2 часа на III курсѣ). Съ января 1908 года до осени 1912 года число лекцій опять увеличилось до 9, такъ какъ къ курсамъ предшествующаго періода прибавились лекціи на IV курсѣ: чтеніе поэтическихъ отрывковъ (1 ч.), чтеніе Корана (1 ч.) и исторія литературы (2 ч.). Съ осени 1912 года до весны 1917 г. за Н. А. оставалось 6 часовъ: «Чтеніе рассказовъ и анекдотовъ» (3 ч. на II курсѣ). «Чтеніе поэтическихъ отрывковъ» (1 ч. на IV) и «Исторія литературы» (2 ч. на IV). Курсы, объявлявшіеся имъ за два послѣднихъ года, фактически не читались по болѣзни и были распределены между двумя другими представителями каѳедры.

нымъ трудомъ—такимъ же нормальнымъ явленіемъ, какъ всѣ другія стороны жизни. Я помню его непритворное изумленіе и желаніе замять разговоръ, когда онъ знакомился съ хвалебнымъ отзывомъ Caetani о «Палестинѣ». И въ этомъ трудѣ онъ видѣлъ только взятый на себя долгъ, который надо выполнить какъ можно тщательнѣе. Сознаніе долга вообще регулировало всю его жизнь: Мѣдниковъ не любилъ «разбрасываться», не любилъ брать на себя обязанности, которыхъ завѣдомо не могъ нести такъ, какъ ему казалось нужнымъ, но всѣ возлагаемыя порученія старался выполнять по мѣрѣ силъ и разумѣнія, отодвигая свои личные интересы на задній планъ. Даже въ послѣдніе годы, когда здоровье начинало ему все сильнѣе измѣнять, при первой физической возможности, хотя бы съ несомнѣннымъ вредомъ для самого себя, онъ опять брался и за лекціи, и за секретарскія обязанности. Скромность и открытая натура вызывали у Н. А. рѣдкую въ наши дни незлобивость и доброжелательность по отношенію какъ къ коллегамъ, такъ и ко всѣмъ окружающимъ. Рѣзкій отзывъ о комъ-нибудь съ его стороны былъ почти невыносимъ; также трудно было увидѣть его раздраженнымъ. Даже въ послѣдніе годы, когда внѣшнія событія такъ грубо нарушали установившееся и опредѣленное міровоззрѣніе, при первомъ проблескѣ онъ опять пріобрѣталъ свою уравновѣшенность, опять становился самимъ собою. Свѣтлый взглядъ на жизнь и поразительная нетребовательность помогли ему стойко перенести и послѣдніе мѣсяцы, когда съ изсякавшими средствами, больной, онъ былъ отрѣзанъ отъ окружающаго міра. Малѣйшій просвѣтъ въ видѣ случайно доставленнаго письма или проскользнувшаго извѣстія изъ Петрограда опять приводили его въ уравновѣшенное состояніе, опять обнаруживали мало извѣстную постороннимъ тонкость чувствъ и способность къ поэтическому настроенію, особенно когда всплывала старая симпатія къ астрономіи. Одна фраза изъ послѣдняго письма за двѣ недѣли до смерти могла бы, мнѣ кажется, послужить эпиграфомъ къ работѣ всей его жизни: «Встаю при зарѣ и ежедневно люблюсь восходомъ солнца, а пока еще темновато — на южной сторонѣ неба голубымъ алмазомъ искрится великолѣпный Сиріусъ, въ сравненіи съ которымъ находившаяся недавно недалеко отъ луннаго серпа Венера (الذی یرعى النجوم) казалась каплей расплавленнаго металла, спокойно сіяющая». Если на небѣ русской арабистики такимъ голубымъ великолѣпнымъ алмазомъ можетъ представляться дѣятельность бар. Розена, то все же и «Палестина» его ученика Н. А. Мѣдникова еще долгіе годы будетъ сіять каплей расплавленнаго металла со своимъ спокойнымъ ровнымъ свѣтомъ.

И. Крачковскій.

Списокъ работъ Н. А. Мѣдникова.

1. Конспектъ исторіи арабской литературы. Лит. б. г. 1886, б. 8^о, стр. 13.
2. Табари. Царствованіе Мехдія (Студенческая работа на медаль; рукопись передана авторомъ И. Ю. Крачковскому). Отзывъ бар. В. Р. Розена «Годичный актъ Имп. С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1887 года», стр. 157—158.
3. По поводу монеты № 1 коллекціи В. А. Комарова (ЗВО, III, 1888, стр. 276—277. Въ указателѣ X, 262 по опечаткѣ II вм. III). Ср. В. Тизенгаузенъ, ЗВО, III, 374.
4. Арабская хрестоматія для 1-го курса. Составили В. Ѳ. Гиргасъ и бар. В. Розент. 2 изд. лит. СПб. 1890, 8^о, стр. 112 (переписано Н. А. для литографіи). 3 изд. СПб. 1900, 8^о, стр. 104 (= Изданіе Факульт. Вост. Языковъ, VI. Прокорректировано Н. А.).
5. «E. Lacombe. Tables de concordance des dates des calendriers arabe, copte etc. Paris, 1891». (ЗВО, VI, 1891, стр. 370—373).
6. «C. Brockelmann. Das Verhältniss von Ibn-el-Atîrs Kâmil fi-t-ta'rih zu Tabaris Ahbar erusul wal- mulûk. Strassburg. 1890» (ЗВО, VI, 1891, стр. 373—376).
7. Карта Палестины, обработанная І. Фишеромъ и Г. Гуте. Изданіе Имп. Правосл. Палестинскаго Общества. СПб. 1893 (Дана транскрипція именъ собственныхъ. См. приложеніе, стр. II, VII—IX).
8. А. Мюллеръ. Исторія ислама отъ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Мѣдникова. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Томъ I. СПб. 1895, 8^о, стр. VIII+376. Томъ II. 1895, стр. 354. Томъ III, стр. 448. Томъ IV съ 5-ю географическими картами. 1896, стр. 275. *Рец.* К. Лоскаго — Историческій Вѣстникъ, 1896, ноябрь 671 слѣд.
9. Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ по арабскимъ источникамъ. Изслѣдованіе I. СПб. 1903, 8^о, стр. 935 (Православный Палестинскій Сборникъ. Томъ XVII. Выпускъ второй — 1) Приложенія II (1, 2, 3) СПб. 1897, 8^о, стр. 1857, (Православный Палестинскій Сборникъ. Томъ XVII. Выпускъ второй — 2, 3, 4). *Рец.*: W. Barthold—Mitteil. d. Seminars für Orient. Spr. V, 1902, Westasiat. Stud., стр. 25—26; В. Розентъ — Журналъ засѣданій Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1902 г., стр. 124—127; В. Б[артольд] — ЗВО, XV, 1902—1903, стр. 056—069; Ign. Guidi-Oriens Christianus, II, 1902, стр. 469; L. Caetani, Annali dell' Islam II, Milano 1907, стр. 563.
10. Завоеваніе Іерусалима Персами въ 614 году (Сообщенія Правосл. Палестинскаго Общества—1897, октябрь, стр. 598—614). Ср. Н. Марръ. Антиохъ Стратигъ. Плененіе Іерусалима персами въ 614 году. СПб. 1909, стр. 26—39, 74—77, г—1.
11. Объ одномъ изъ источниковъ ат-Табарія (Ал-Музаффарія. Сборникъ статей учениковъ профессора бар. В. Р. Розена. СПб. 1897, стр. 53—66).
12. Арабская грамматика по лекціямъ приватъ-доцента Н. А. Мѣдникова, грамматикомъ Casragi-Müller'a и Socin'a составили М. Гирсъ и Н. Сайфи. Лит. СПб. 1897 (Переиздана подъ тѣмъ же заглавіемъ съ дополненіями студ. Ѳ. А. Валъхомъ. СПб. 1909, 8^о, стр. 94).

13. Переводъ куфической надписи, открытой въ Иерусалимѣ (Сообщенія Правосл. Палест. Общ. 1898, Февраль, стр. 41—42).
14. Описание принесенной въ даръ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Сергѣю Александровичу Блаженнѣйшимъ Мелетіемъ Патріархомъ св. града Антіохіи и всего востока греческой рукописи конца X вѣка съ позднѣйшими къ ней арабскими приписками. Б. г. 8^о, стр. 20 (Совмѣстно съ А. А. Пападопуло-Керамевсомъ. Н. А. Мѣдникову принадлежитъ отдѣлъ «Арабскія приписки, находящіяся въ разсматриваемой рукописи», стр. 17—20).
15. Сообщение о грамотахъ Омара I христіанамъ Иерусалима и Иерусалимскому патріарху (Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, 1901, томъ XII, № 6, стр. 731—738).
16. Разборъ арабскихъ магическихъ формулъ въ коптскомъ документѣ Казанскаго Университета (въ статьѣ Б. А. Тураева, ЗВО, XV, 1902—1903, стр. 099).
17. Парадигмы глагольныхъ формъ арабскаго классическаго языка. СПб. 1904 8^о, II-4-56. (Изданія Фак. Вост. Яз., № 20).
18. И. Крачковскій. Царствованіе халифа ал-Мехдія по арабскимъ источникамъ (Отчетъ о состояніи и дѣятельности Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1905 годъ, стр. 148—150).
19. О причинахъ распадена арабской имперіи. СПб. 1907, 8^о, стр. 16 (Отд. отт. изъ Отчета С.-Петербургскаго Университета за 1906 г.).
20. Бар. В. Р. Розенъ. Некрологъ (Новое Время, 1908, № 11435).
21. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1908 г. Подъ редакціей ординарнаго профессора Н. А. Мѣдникова. СПб. 1909.
22. Бар. В. Р. Розенъ, какъ арабистъ (ЗВО, XVIII, приложение, 1909, стр. 1—7).
23. А. Э. Шмидтъ. 'Абд-ал-Ваххâбъ аш-Ша'раній и его «Книга разсыпанныхъ жемчужинъ». СПб. 1914 (Рукописный отзывъ въ протоколѣ засѣданій Факультета Восточн. Языковъ, 10 октября 1914 года).
24. И. Ю. Крачковскій. Абӯ-л-Фараджъ ал-Ва'вâ дамасскій. Матеріалы для характеристики поэтическаго творчества. СПб. 1914 (Рукописный отзывъ въ протоколѣ засѣданій Факультета Восточныхъ Языковъ 8 мая 1915 года).
25. Біографическій Словарь окончившихъ курсъ Факультета Восточныхъ Языковъ за полвѣка его существованія (Матеріалы для исторіи Факультета Восточныхъ Языковъ. Томъ третій). Не законченъ печатаніемъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

402. **Simon Hewavitarne Bequest.** Bhadantácarīya Dhammapála Théra's Paramattha Dípaní or the commentary of the Pēta-vatthu of the Khuddaka nikáya, Sutta Pitaka. Edited by Siri Dhamm' r' ma Tissa Náyaka Théra and Mápalaagama Chandajóti Théra. Finally revised by Mahagoda Siri Nánissara Théra. Published by the Trustees Alwis Hewavitarne, Srinath Kumaradas Moonesinghe Esq. The Tripitaka Publication Press, Colombo (Ceylon).
В. Е. 2461.
С. Е. 1917.

Старый религіозный обычай списыванія рукописей священныхъ книгъ какъ «благое дѣло», сохранившій намъ столько цѣнныхъ памятниковъ духовнаго творчества, въ нашъ вѣкъ книгопечатанія находитъ себѣ выраженіе въ созданіи фондовъ для изданія священныхъ книгъ. Немало въ этомъ отношеніи дѣлается буддистами, и лежащій передъ нами томъ служитъ живымъ выраженіемъ этого просвѣщеннаго благочестія.

Завѣщатель, Simon Alexander Hewavitarne, былъ крупнымъ коммерсантомъ, который состоялъ секретаремъ Буддійскаго Теософическаго Общества и занимался буддійской философіей, одинъ изъ его братьевъ былъ буддійскимъ монахомъ. О немъ самомъ предисловіе къ разсматриваемой книгѣ говоритъ простыми, но краснорѣчивыми словами: «He was a good business man, and helped very largely to extend his father's business. During his life he was unassuming in his charities and it was only after his death the extent of his private charity was known». Совершенно подобныя слова мы читаемъ въ старинныхъ буддійскихъ житіяхъ: форма мѣняется, содержаніе остается.

Покойный имѣлъ въ виду печатать каноническія книги, но общеніе съ специалистами, особенно съ проф. Ч. Ланманомъ въ Харвардѣ, обратило

его вниманіе на важность печатанія комментаріевъ. Въ 1911 году было приступлено къ печатанію комментарія къ *Samyutta-nikāya*, но 17 января 1913 г. просвѣщенный буддистъ скончался, оставивъ по завѣщанію обширныя средства на изданіе палійскаго текста комментаріевъ, а затѣмъ и на изданіе канона. Собравшіеся монахи раздѣлили между собою подготовку текстовъ, къ печатанію которыхъ приступлено.

Лежащій передъ нами томъ составляетъ комментаріи на *Petavatthu*, текстъ котораго былъ изданъ для *Pāli text Society* покойнымъ И. И. Минаевымъ въ 1889 г., а комментарій былъ изданъ для того же Общества въ 1894 г. тоже покойнымъ нынѣ проф. Э. Харди.

Petavatthu принадлежитъ къ тѣмъ каноническимъ текстамъ, которые особенно ярко показываютъ, какъ много буддизмомъ воспринято изъ народныхъ вѣрованій и какъ живучи эти вѣрованія въ Индіи. *Peta*, по санскритски *preta*, существа, живущія въ томъ состояніи, которое похоже на то, что въ нашихъ народныхъ религіозныхъ представленіяхъ принято называть «мытарствами», а въ католичествѣ чистилищемъ. Ученіе это получало всегда особое развитіе въ церковной и монашеской средѣ, что давало и обильную пищу для злоупотребленій и для привлеченія обильныхъ даяній для церкви со стороны запуганныхъ вѣрующихъ. Эта была дурная, практическая сторона церковной жизни, но въ основѣ ея лежала идея стремленія къ справедливости, возможности подготовить и ослабить окончательныя осужденія грѣшниковъ. Образцы переводовъ изъ *Petavatthu* были помѣщены нами изъ бумагъ И. П. Минаева и въ нашей передачѣ¹. Вопросъ о «претахъ» чрезвычайно любопытный и заслуживалъ бы подробнаго сравнительнаго изученія.

Сергѣй Ольденбургъ.

403. **Alice Getty.** *The Gods of Northern Buddhism. Their history, iconography and progressive evolution through the northern buddhist countries. With a general introduction on buddhism translated from the French of J. Deniker. Illustrations from the collection of Henry H. Getty. Oxford. 1914. Pp. LIII+196 in 4° съ многочисленными иллюстраціями.*

Буддійская иконографія все еще ждетъ своего перваго объединяющаго труда, и когда появилось объявленіе о книгѣ г-жи Гетти, то можно было ожидать, что именно такой трудъ составленъ. Но ближайшее разсмотрѣніе

¹) Матеріалы и замѣтки по буддизму. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева). I. Переводы изъ *Petavatthu* ЗВО. VI. 332-334. Мною были здѣсь даны нѣкоторыя указанія на литературу о *preta*. — С. Ольденбургъ. Буддійскія легенды и буддизмъ. ЗВО. IX. 164-165.

обильно иллюстрированного издания показывает, что автор поставил себя гораздо более скромную задачу, чем можно было ожидать по заглавию книги. Автор не ориенталист и не специалист в той области, к которой относится его труд. Правильнее всего было бы обозначить его как своего рода *catalogue raisonné* некоторого количества представителей буддийского пантеона, при чем не вполне ясно, чем автор руководствовался, помещая в свою книгу ту или другую фигуру пантеона или же напротив того, опуская ее. Как любитель, автор с литературой предмета знаком лишь отчасти и, по непонятной нам причине, очевидно, и не стремился особенно ознакомиться с нею, так как иначе он легко избежал бы весьма многих недопустимых пропусков.

Перед нами таким образом труд, к которому несправедливо было бы применить строгия требования научной критики; мы должны быть благодарны автору за то, что он издал много хороших снимков с целого ряда интересных фигур; с этой точки зрения труд не лишен известного значения и для науки. Нельзя все-таки не пожалеть о том, что автор не передал своего материала в более опытные руки: получилась бы книга значительно меньшая по объему, но несравненно более ценная. Как популярный труд книга, испещренная восточными словами, конечно, не может получить распространения, а как научный труд она вызывает слишком много возражений и требует слишком больших поправок.

Чтобы не быть голословными, мы остановимся на некоторых вопросах и покажем, что следовало требовать от труда того типа, которого мы вправду были ожидать по заглавию книги. Обратим прежде всего внимание на литературу вопроса и на обзор собраній памятников иконографии буддизма.

Тут мы сразу заметим, что никаких указаний на существующия в Азии, Европе и Америке собранія буддийских икон и статуэток в книгѣ нѣтъ, между тѣмъ какъ таковыхъ весьма не мало, они вполне известны и къ нимъ даже частично есть каталоги или во всякомъ случаѣ многочисленныя указанія на нихъ въ научной литературѣ. Собрать эти свѣдѣнія во едино не требуетъ особенныхъ специальныхъ знаній, это просто вопросъ некотораго труда, времени и денегъ. Сдѣлать это было обязательно въ сочиненіи, стремящемся объединить разбросанныя свѣдѣнія въ области буддийской иконографии, а автору была бы обеспечена искренняя благодарность специалистовъ. Насколько важно имѣть свѣдѣнія о томъ, гдѣ искать нужные памятники, ясно всякому: эти свѣдѣнія избавятъ и отъ скороспѣлыхъ сужденій и дадутъ обильный сравнительный матеріалъ, въ которомъ мы настоятельно нуждаемся.

Перечень литературы предмета прежде всего грѣшитъ отсутствіемъ указаній на туземные памятники разныхъ буддійскихъ странъ. Вѣдь каждая буддійская страна имѣетъ свою литературу по иконографіи и кромѣ того существуетъ рядъ такъ называемыхъ «подлинниковъ». Если автору, какъ не ориенталисту, не были доступны подлинныя иконографическіе тексты, то обильныя указанія на нихъ имѣются даже въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя онъ цитируетъ, сводку хотя бы этого матеріала онъ долженъ былъ сдѣлать¹. Когда мы затѣмъ переходимъ къ европейской литературѣ предмета, то мы совершенно не понимаемъ, чѣмъ руководствовался авторъ при составленіи своей «Bibliography» (pp. 183—186); она носитъ характеръ совершенно случайный: на ряду съ сочиненіями, важными въ настоящей книгѣ имѣется рядъ такихъ, которыя стоятъ къ ней въ самомъ отдаленномъ отношеніи. Но больше всего поражаютъ пропуски: литература предмета такъ сравнительно не велика, что обозрѣть ее не стоило труда. Укажемъ нѣсколько болѣе разительныхъ пропусковъ.

Eugène Burnouf. *Le Lotus de la Bonne Loi*. Paris. 1852. App. III. Sur les bodhisattva Mañjuçrī; pp. 498—511; важно указаніями относительно бодисатвы Mañjuçrī.

J. Burgess. *Notes on the Bauddha Rock Temples of Ajanta, their paintings and sculptures and on the paintings of the Bagh Caves, modern Bauddha mythology etc.* Bombay. 1879 (ASWI. № 9). Весьма важно именно для сѣвернаго пантеона, есть и рядъ изображеній.

Sir A. Cunningham. Необходимо было указать на *The Stûpa of Bharhut*. L. 1879. Это одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ буддійскаго искусства, гдѣ мы видимъ божества сѣвернаго буддизма. Кромѣ того необходимо было указать и на его же: *Mahâbodhi etc.* London. 1892 и на рядъ *Archaeological Reports* подъ его редакціей, гдѣ обильный матеріалъ по иконографіи. Какъ и Бёрджессъ, Кеннингамъ одинъ изъ родоначальниковъ изслѣдованія буддійскаго пантеона и съ ихъ работами обязательно быть знакомымъ всякому, кто работаетъ въ этой области.

J. Griffith. *The paintings in the buddhist cave-temples of Ajantâ*. L. 1896-97. Этотъ важнѣйшій трудъ по буддійской археологіи и иконографіи нельзя было не упомянуть.

A. Grünwedel. *Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902-1903*. München. 1906 (ABA WIKLXXIV).

¹ Нѣкоторыя указанія на туземную литературу были даны нами въ статьѣ, которая почему то осталась автору неизвѣстной, хотя находится въ широко извѣстныхъ на западѣ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія» (т. XVI. 1905): «Краткія замѣтки о нѣкоторыхъ невазскихъ миниатюрахъ».

Совершенно непонятно, какъ этотъ чрезвычайно важный трудъ проф. Грюнведеля не указанъ, не указанъ и еще рядъ важныхъ его статей по иконографіи. Такъ же непонятенъ пропускъ такой книги, какъ: А. Грюнведель. Обзоръ собранія предметовъ ламайскаго культа кн. Э. Э. Ухтомскаго. 2 ч. СПб. 1905 (ВВ. VI). Непонятно, почему и *Mythologie des Buddhismus* цитируется въ переводѣ, а не въ нѣмецкомъ оригиналѣ.

Н. Kern. *Der Buddhismus und seine Geschichte in Indien*. Bd. 2. Leipzig. 1884. Изъ общихъ сочиненій по буддизму именно этотъ трудъ заслуживаетъ упоминанія по цѣннымъ указаніямъ относительно культа и культовыхъ фигуръ. Тутъ же необходимо замѣтить, что для пониманія такъ называемаго сѣвернаго буддійскаго пантеона въ высокой степени важенъ рядъ памятниковъ Индонезіи, между тѣмъ работы Керна и другихъ голландскихъ ученыхъ оставлены безъ вниманія. Какъ будто авторъ забылъ пышное развитіе Махаяны именно въ Индонезіи, также, какъ опъ, видимо, забылъ и о связи Индо-Китая съ Тибетомъ и вообще съ пригималайскими странами и черезъ Тибетъ, повидимому, и съ тангутами. Потому, видно, выпала изъ «библіографіи» относящаяся сюда литература.

Столь же непонятенъ намъ пропускъ книги В. Laufer. *Dokumente der indischen Kunst. Erstes Heft. Malerei*. Leipzig. 1913. Этотъ цѣннѣйшій трудъ освѣтилъ бы многое автору и далъ бы ему много для пониманія буддійской иконографіи. Отличительною чертою работъ проф. Лауфера, изъ которыхъ цѣлый рядъ еще долженъ былъ бы указать нашъ авторъ, соединеніе обширныхъ теоретическихъ знаній съ громаднымъ опытомъ и знаніемъ Востока не по книгамъ, а по жизни и работѣ на Востокѣ. Нельзя не пожалѣть, что и съ трудами проф. Лауфера, какъ и съ трудами проф. Грюнведеля, авторъ недостаточно знакомъ.

Отсутствіе упоминанія о превосходной книгѣ S. Lévi. *Le Népal*. Voll. I—III. Paris. 1905—1908, какъ извѣстно книгѣ о Непалѣ *par excellence*, въ библіографіи указываетъ, что и такая важнѣйшая для сѣверно-буддійской религіозной живописи и скульптуры страна, какъ Непаль, почти не затропута авторомъ. Между тѣмъ вліяніе Непала въ этой именно области на Тибетъ громадное. Для исторіи пантеона громадное значеніе имѣютъ и туземныя хроники *Vaṃṣāvali*, переводъ которыхъ данъ Райтомъ: D. Wright. *History of Nepal translated from the Parbatīyā*. Cambridge. 1877.

По отношенію къ Тибету чрезвычайно чувствительно незнакомство автора съ книгою В. Васильева: *Географія Тибета*, переводъ изъ тибетскаго сочиненія Миньчжунъ Хутухты. СПб. 1895. Составитель географіи обильно черпалъ свѣдѣнія о знаменитыхъ образахъ изъ такъ называемыхъ

гарчаковъ, описей, каталоговъ мѣстныхъ святынь, и тѣмъ особенна цѣнна «Географія» для иконографіи.

Если прибавить еще, что и съ трудами Уадделя, этого крупнѣйшаго авторитета именно въ области ламайскаго культа и исторіи такъ называемой сѣверной церкви, нашъ авторъ знакомъ далеко не полно, то станетъ понятнымъ, что «Bibliography» не имѣетъ научнаго значенія. Вѣдь мы только указали нѣсколько крупнѣйшихъ пропусковъ, а если бы задаться цѣлью дополнить библиографію, то ее пришлось бы всю передѣлать наново и утратить или учетверить.

Если мы теперь обратимся къ основному содержанію книги—пантеону, то и здѣсь насъ прежде всего поразитъ отсутствіе руководящихъ принциповъ. Необходимо съ самаго же начала отнестись совершенно отрицательно къ терминамъ «боги сѣвернаго буддизма», ибо автору, правда къ сожалѣнію весьма случайно, приходится касаться и Индонезіи, которая не относится къ странамъ сѣвернымъ, а также потому, что будды и бодисатвы подъ понятіе боговъ не подходятъ. Не вполне точно, но все же точнѣе было бы сказать «Пантеонъ хинаяны и махаяны», ибо есть несомнѣнно и фигуры хинаянскія. Но при такомъ опредѣленіи мы должны указать, что не поставлены границы ни во времени, ни въ пространствѣ. Буддійское искусство начинается естественно въ Индіи и въ Гандхарѣ и обойти этотъ періодъ буддійскаго искусства невозможно, между тѣмъ вы почти не найдете въ книгѣ его слѣдовъ въ сколько нибудь систематической формѣ. Вы не найдете въ книгѣ отвѣта на естественный вопросъ, что такое буддійскій пантеонъ въ Индіи, какой онъ до появленія гандхарской школы, что вносить съ собою въ иконографію эта школа, каковъ ея пантеонъ, каковъ въ Индіи буддійскій пантеонъ послѣ нея? Какія взаимныя отношенія между буддійскимъ и брахманскимъ пантеономъ, а отчасти и джайнскимъ? Тѣ же, съ соотвѣтствующими измѣненіями вопросы надо поставить для всѣхъ странъ буддійской культуры, только тогда можно будетъ хоть сколько нибудь разобратъ въ этомъ сложнѣйшемъ мірѣ разнообразнѣйшихъ культовъ, пантеоновъ, съ ихъ перекрестными вліяніями. Но такой работѣ, настоятельно нужной, не поможешь эклектическими сборниками вродѣ разбираемаго.

Если перейти къ отдѣльнымъ фигурамъ пантеона, то мы видимъ, что работа сдѣлана отчасти по плану книги Пандеръ-Грюнведель о пантеонѣ Чжан-чжа хутухты, только болѣе подробно. То однако, что было весьма цѣнно и важно почти 30 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время насъ не удовлетворяетъ: не даромъ же производилась та большая работа, которая сдѣлана по буддійской археологіи и буддизму, не даромъ накоплены въ музеяхъ и частныхъ собраніяхъ громадныя матеріалы; все это требуетъ

планомѣрной обработки и сводки, и главное обработки рукою спеціалистовъ.

Съ этой точки зрѣнія мы и подвергли критикѣ работу г-жи Гетти. Пусть она не посѣтуетъ на насъ за строгость нашихъ требованій. Мы чрезвычайно признательны ей какъ собирательницѣ матеріала — надо надѣяться, что ея собраніе станетъ достояніемъ одного изъ англійскихъ музеевъ — но отъ обработки матеріала мы требуемъ большаго, чѣмъ она дала. Какъ и она, мы пламенно желаемъ, чтобы западъ лучше понялъ востокъ, но добиться этого можно только чисто научной работой, кропотливой и утомительной вслѣдствіе громадности подлежащаго разбору матеріала, а главное правильными методами работы, и здѣсь основнымъ элементомъ успѣха является восхожденіе къ первоисточникамъ, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ буддійской иконографіи, работа еще почти только начата и почти все еще предстоитъ сдѣлать.

Не совсѣмъ понятнымъ остается, почему авторъ не воспользовался рядомъ цѣнныхъ свѣдѣній и по существу дѣла и по литературѣ самого предмета, заключенныхъ во введеніи къ его труду, составленномъ на основаніи первоисточниковъ и значительно большаго числа пособій. Мы искренно сожалѣемъ, что участіе О. Е. Деникера въ разбираемой книгѣ не распространилось далѣе введенія (стр. LI)—онъ навѣрное направилъ бы автора во многомъ другими путями и избавилъ бы его отъ многихъ нареканій, въ настоящее время, къ сожалѣнію, справедливыхъ. **Сергій Ольденбургъ.**

404. Bulletin of the School of Oriental Studies, London Institution.
1917. 130 стр. 8°. Цѣна 6 шиллинговъ.

Высшая школа востоковѣдѣнія была торжественно открыта въ Лондонѣ, въ присутствіи короля Георга, 23 (10) февраля 1917 г.; церемонія открытія описана въ «Bulletin» (стр. 23—31). Директоромъ школы состоитъ д-ръ E. Denison Ross; число студентовъ доходило въ іюль 1917 г. до 125 (стр. 21). Предполагается впослѣдствіи издавать при школѣ трехмѣсячникъ (quarterly journal), посвященный восточнымъ языкамъ; настоящій «Bulletin» выпущенъ только съ цѣлью знакомить общество съ исторіей возникновенія школы (стр. 5—22) и дать образчики статей будущаго журнала. Статей всего шесть, причемъ всѣ относятся частью къ Индіи (не мусульманской), частью къ Дальнему Востоку:

1. A. D. Waley. Pre-T'ang poetry. Переводъ ряда стихотвореній, относящихся ко времени отъ II в. до VI в. по Р. Х. и никогда еще, по словамъ автора статьи, не переводившихся; въ примѣчаніи прибавлено, что

со времени написанія статьи четыре стихотворенія поэта Тао-чэн'я (T'ao Ch'ien) появились въ нѣмецкомъ переводѣ.

2. A. D. Waley. *Thirty-eight poems by Po Chu-i.* Изъ 38 стихотвореній китайскаго поэта Танскаго періода (родился въ 772, умеръ въ 846 г.) до сихъ поръ были извѣстны въ переводѣ только три, причемъ переводъ Фицмайера (Pfitzmaier, въ *Denkschr. der Kais. Akad. der Wiss. in Wien*, Bd. XXXVI) крайне неудовлетворителенъ.

3. J. D. Anderson. *The phonetics of the Bengali language.*

4. L. D. Barnett. *An inscription of the reign of Udayaditya* (надпись 1085 или 1086 г. по Р. X., неизданная).

5. J. D. Anderson. *Metre and accent.* Касается индійскихъ нарѣчій, главнымъ образомъ бенгальскаго, предмета спеціальныхъ занятій автора.

6. L. Giles. *Notes on the nestorian monument at Sianfu.* О значеніи нѣкоторыхъ китайскихъ выраженій, встрѣчающихся въ надписи.

Кромѣ того излагается содержаніе слѣдующихъ прочитанныхъ преподавателями школы публичныхъ лекцій:

1. C. O. Blagden. *Malay.* Лекція была посвящена исключительно языку малайцевъ. Отмѣчается фактъ вторженія арабскихъ словъ, продолжающагося и теперь, въ связи съ укрѣпленіемъ ислама. Нѣкоторыя изъ этихъ заимствованныхъ словъ вполне вошли въ языкъ и подверглись измѣненіямъ въ духѣ малайской фонетики.

2. L. D. Barnett. *Commercial and political connexions of Ancient India with the west.* Лекторъ начинаетъ съ IX в. до Р. X. (надпись Салманасара II), доходитъ до VI в. по Р. X. (Козьма Индоплаватель).

3. A. Werner. *The language of Southern Rhodesia.* Отмѣчается, между прочимъ, заимствованіе нѣсколькихъ арабскихъ словъ.

4. A. Yusuf Ali. *The importance of Hindustani.* Терминомъ «Hindustani» лекторъ объединяетъ языки Urdu (языкъ индійскихъ мусульманъ) и Hindi. Кромѣ языка, онъ говоритъ и о литературѣ; нѣкоторыя изъ прежнихъ произведеній, какъ *Radmáwat* (мистическій трудъ) Меликъ-Мухаммеда Джайси, принадлежитъ, по его мнѣнію, къ «самымъ цѣннымъ вкладамъ въ міровую религіозную литературу». Среди произведеній современной богословской литературы различаются, съ одной стороны, литература по правовѣрному и мистическому исламу на языкахъ хинди или урду, съ другой — произведенія марсійцевъ (*Marsiyas*) въ Лакнау (*Lucknow*), «присоединившихъ новую главу къ литературѣ шиитскаго ислама». Приводятся также данныя о свѣтской литературѣ, поэтической и прозаической. Языкомъ урду пользуется на своихъ съѣздахъ все-индійская мусульманская лига (*All-India Moslem League*).

5. T. W. Arnold. The study of Arabic. Отмѣчается фактъ недостаточнаго вниманія, удѣлявшагося англійской наукой изученію ислама и арабскаго языка; какъ исключеніе, приводятся имена Лэна (Lane) изъ прежнихъ ученыхъ (автора извѣстнаго словаря и книги о нравахъ египтянъ) и сэра Charles Lyall, «по глубинѣ своихъ познаній въ древне-арабской поэзіи превосходящаго любого нѣмецкаго профессора» (стр. 115), изъ современниковъ. Въ области изученія живыхъ нарѣчій только трудъ Willmore о нарѣчій египтянъ спасаетъ англійскую науку отъ упрека въ совершенномъ пренебреженіи этой отраслю востоковѣдѣнія (стр. 116). Высказывается надежда, что изученіе арабскаго языка получитъ болѣе широкое распространеніе и что, наконецъ, найдутъ читателей «большія собранія арабскихъ книгъ, лежація нетронутыми на полкахъ многихъ англійскихъ библіотекъ» (стр. 120).

Въ концѣ выпуска перепечатано изъ Journal Asiatique (11, VII) сообщеніе голландскаго ориенталиста А. J. Wensinck (въ іюлѣ 1916 г.) о предполагаемомъ составленіи указателя къ сборникамъ суннитскихъ преданій, что потребуеть не менѣе десяти лѣтъ.

В. Б.

405. Traugott Mann. Der Islam einst und jetzt. Bielefeld und Leipzig 1914. (Monographien zur Weltgeschichte. In Verbindung mit anderen herausgegeben von Ed. Heuck. 32). 162 стр. 8°.

«Монографія по всемірной исторіи» принадлежатъ къ числу нѣмецкихъ популярныхъ изданій, рассчитанныхъ на большой сбытъ и предлагаемыхъ читающей публикѣ за удивительно дешевую плату; книга д-ра Манна, заключающая въ себѣ до 166 превосходныхъ иллюстрацій, продается всего за 4 марки. Иллюстраціи не только занимаютъ въ книгѣ гораздо больше мѣста, чѣмъ текстъ, но не имѣютъ къ нему никакого отношенія и потому едва ли принесутъ много пользы читателямъ, не знакомымъ съ литературой предмета. Такъ въ книгѣ (стр. 40) изображенъ главный минаретъ города Самарры, но въ текстѣ нѣтъ ни слова не только объ этой постройкѣ, но даже о самомъ городѣ; чтобы узнать, когда и кѣмъ была построена Самарра, какъ долго она существовала, какое значеніе имѣютъ ея развалины для изученія мусульманской культуры, читателю книги д-ра Манна необходимо обратиться къ другимъ книгамъ. Вообще какъ политической, такъ и культурной исторіи мусульманскаго міра отводится мало мѣста. За неизбежной вступительной главой «Аравія до ислама» (стр. 1—9) и сравнительно подробными главами о Мухаммедѣ (стр. 10—47) и Коранѣ

(стр. 48—78) слѣдуетъ глава «Die Entwicklung in Politik und Religion (стр. 79—109), гдѣ говорится объ омейядахъ, аббасидахъ, фатимидахъ, сельджукахъ, о мусульманской догматикѣ, о сектахъ и мистицизмѣ. Заключительная глава (стр. 110—150) посвящена новой исторіи ислама; кратко говорится о мусульманскихъ государствахъ, сравнительно подробнѣе всего о Турціи (стр. 114—130), и о новѣйшихъ религіозныхъ движеніяхъ, до бабизма и бехаизма включительно. Нельзя сказать, чтобы читатель получалъ ясное представленіе объ образованіи и распаденіи халифата, о центростремительныхъ и центробѣжныхъ стремленіяхъ въ политической и культурной жизни. Приложенная къ книгѣ историческая карта находится въ противорѣчій даже съ текстомъ книги; по картѣ весь Иранъ до Амударьи и до границы Персіи съ Белуджистаномъ былъ завоеванъ арабами еще при Омарѣ; въ текстѣ даже завоеваніе Персеполя справедливо отнесено уже къ царствованію Османа (стр. 81).

Въ очень краткомъ библиографическомъ обзорѣ (стр. 153) упоминаются, между прочимъ, большой трудъ Каэтани и нѣмецкій журналъ «Der Islam»; но изъ текста не видно, чтобы авторъ считался съ результатами, достигнутыми въ XX в. исторической критикой, напр., съ трудами Вельхаузена, Ламменса, Каэтани, Беккера и др. Въ общемъ его взгляды соотвѣтствуютъ тому уровню, на которомъ находилась наука около 1890 г., послѣ трудовъ Кремера, Нельдеке и «Muhammedanische Studien» Гольдцѣера. Омаръ I все еще запрещаетъ мусульманамъ приобрѣтеніе недвижимой собственности внѣ предѣловъ Аравіи (стр. 81), Омаръ II все еще остается *Idealerscheinung eines unmännlichen Schwärmers* (стр. 86); «теократическая» система аббасидовъ все еще противопоставляется религіозному равнодушію омейядовъ и господствовавшимъ при нихъ языческимъ традиціямъ, и аббасиды въ этомъ смыслѣ изображаются, какъ продолжатели стремленій Омара I (стр. 93); халифъ Насиръ все еще обращается за помощью «около 1200 г.» къ турку (!) Чингизъ-хану (стр. 90); даже Хасанъ басрійскій все еще остается, вопреки Табари, сторонникомъ ученія о предопредѣленіи (стр. 107). Встрѣчаются ошибки по невниманію; на стр. 112 во фразѣ «Im Osten hatten die Turkmanen gehaust» вмѣсто «Osten», очевидно, надо читать «Westen» (рѣчь идетъ о бывшемъ государствѣ Тимура); на стр. 113 современная каджарская (или качарская) династія въ Персіи названа «кашгарской».

Расходясь въ этомъ со Снукъ-Хургронье, Хартманномъ и другими, авторъ не вѣритъ въ возможность возрожденія государственной и культурной жизни мусульманскихъ странъ подъ вліяніемъ европеизаціи и связаннаго съ этимъ отдѣленія церкви отъ государства. Ни въ Персіи, ни

въ Турціи, по его мнѣнію, нѣтъ и не можетъ быть другого связующаго звена, кромѣ религіи, шіитской въ Персіи, суннитской въ Турціи (стр. 128). Прочная почва для прогресса мусульманскаго міра можетъ быть создана не поверхностнымъ (въ другое авторъ, повидимому, не вѣритъ) усвоеніемъ европейской культуры, не возвращеніемъ къ первоначальному исламу (по примѣру ваххабитовъ), но только дальнѣйшимъ развитіемъ религіи, т. е. дѣятельностью религіозныхъ реформаторовъ (стр. 144 и слѣд.). Изъ новѣйшихъ религіозныхъ движеній авторъ возлагаетъ больше всего надеждъ на бабизмъ и бехаизмъ; фактъ разочарованія въ этихъ религіяхъ именно тѣхъ европейскихъ ученыхъ, которые имѣли возможность ближе всего съ ними ознакомиться (напр. Э. Броуна), не принимается во вниманіе. По мнѣнію рецензента, эти факты говорятъ противъ мнѣнія автора и заставляютъ полагать, что и для Востока, какъ для Запада, время религіозныхъ движеній, способныхъ возродить къ новой жизни цѣлые народы, отошло въ прошлое.

В. Б.

406. *Die Islamische Welt*. Illustrierte Monatsschrift für Politik, Wirtschaft und Kultur. Herausgeber Scheich Abdul Aziz Schauisch und Abdul Malik Hamsa Bey. Nummer 2. Januar 1917. S. 1—64. Nummer 3. Februar 1917. S. 1—64. Nummer 4. März 1917. S. 193—256¹. Nummer 5. März 1917. S. 257—316.

Ежемесячникъ «*Die Islamische Welt*» былъ основанъ въ Берлинѣ съ цѣлью содѣйствовать культурному и экономическому сближенію союзныхъ народовъ — нѣмцевъ и турокъ; эта цѣль особенно ярко выражена въ рѣчахъ, произнесенныхъ во время пріема по случаю выхода въ свѣтъ перваго номера — 19 ноября (н. ст.) 1916 г., причемъ турецкій посланникъ Хаккипаша говорилъ объ исключительныхъ заслугахъ нѣмецкихъ ученыхъ въ дѣлѣ изученія Востока (II, 63). Цѣлями пропаганды объясняется крайне низкая подписная цѣна — 9 марокъ въ годъ; журналъ печатался на хорошей бумагѣ, и иллюстраціи удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ. Въ журналѣ, кромѣ турецкихъ публицистовъ и литераторовъ, принимали участіе нѣмецкіе, въ томъ числѣ одинъ ученый съ извѣстнымъ именемъ, проф. Martin Hartmann, давшій статью о «новой Турціи и ея литературѣ» (III, 28—32). Въ большей части статей приводятся доводы въ пользу культурнаго значенія ислама, жизнеспособности турецкаго народа и т. п. Не касаясь политическихъ тенденцій ежемесѣчника (культурныя заслуги мусульманскаго

¹ Очевидно, въ первомъ номерѣ было тоже 64 стр. (4 листа); съ № 4 была введена заднимъ числомъ сплошная пагинація за весь годъ.

міра въ прошломъ, какъ и заслуги нѣмецкаго ориентализма, не подлежатъ спору), можно только выразить сожалѣніе, что его изящной внѣшности мало соотвѣтствуетъ содержаніе. Первый издатель журнала, шейхъ Абдулазизъ Шауишъ въ статьѣ подъ громкимъ заглавіемъ «Исламъ и культура» (II, 1—5, III, 1—7) рассказываетъ нѣмецкимъ читателямъ, что основаніе будущей «западно-азіатской турецкой имперіи» было положено въ XV в. «въ восточной Азіи», что португальцы уничтожили торговый флотъ Калькутты, Бухары (!) и Суэца (II, 1), что покровителемъ мусульманской культуры былъ «сынъ Батыя и внукъ Чингизъ-хана»; въ Китаѣ мусульманской наукѣ, въ лицѣ астронома Джемаль-ад-дина, покровительствовалъ какой то Dschobleidan, Bruder des Dscholeitu¹ (III, 1). Авторы не останавливаются и передъ сознательнымъ вымысломъ; такъ выходецъ изъ Россіи, извѣстный Абдуррашидъ Ибрагимовъ², несомнѣнно знакомый съ дѣйствительной жизнью русскихъ мусульманъ, увѣряетъ, будто въ Россіи разрѣшенъ только «искалѣченный» Коранъ (V, 280): много стиховъ исключено (ausgemerzt), въ томъ числѣ вся глава о священной войнѣ (9-ая сура?).

Изъ статей нѣмецкихъ авторовъ обращаетъ на себя вниманіе статья Г. Виденбауера о Багдадѣ (IV, 242—244), гдѣ рассказывается, что Харунъ ар-Рашидъ воздвигъ своей любимой женѣ Зубейдѣ «величественный» мавзолей, куполь котораго виденъ до сихъ поръ. Въ дѣйствительности Зубейда умерла въ 831 г. х.³, т. е. пережила своего супруга на 22 года; зданіе надъ ея мнимой могилой—завѣдомо позднѣйшаго происхожденія и находится не тамъ, гдѣ Зубейда была погребена по историческимъ даннымъ⁴. Такую же освѣдомленность обнаруживаетъ Freih. von Maskau, авторъ статьи «Russlands Tataren und Turkmenen» (III, 25—27); по его словамъ крымскій ханъ, разрушившій Золотую Орду, защитилъ Россію отъ смертельной опасности (Todesgefahr).

Въ статьѣ проф. Хартманна находится едва ли единственное во всѣхъ четырехъ номерахъ журнала мѣсто, имѣющее право на вниманіе специалистовъ: упоминается турецко-арабскій словарь Махмуда Кашгари, составленный уже въ 466 г. х., т. е. въ 1073-4 г. по Р. Х. (III, 28). Насколько извѣстно рецензенту, этотъ ранній памятникъ турецкой лексикографіи былъ открытъ и изданъ во время войны; русской наукѣ онъ до сихъ поръ остается недоступнымъ.

¹ Трудно было бы узнать здѣсь имена Хубилай-хана и его брата Хулагу (ср. Am. Sédillot въ *Proleg. des tables astronom. d'Oloug-Beg*, introd., p. 101 и въ *Histoire générale des Arabes*, II, 37).

² Ср. о немъ *Миръ Ислама* 1912 г., стр. 284 и сл., 484.

³ Tabari, *Annales*, III, 1105.

⁴ Энцикл. ислами, нѣм. изданіе I, 591.

M. Tseretheli, Sumerian and Georgian. A Study in Comparative Philology by — (отд. отт. из JRAS, октябрь 1913 [= стр. 783—821] и январь 1914 [= II, стр. 1—36]).

Работа М. Церетели вовсе не такой неподлежащий учету опыт по вопросу о шумирскомъ языкѣ, чтобы отдѣлаться отъ него бѣглыми, краткими, аподиктическими утверждениями, какъ то мнѣ пришлось сдѣлать не только въ грузинскомъ органѣ ежедневной прессы, но и въ научномъ изслѣдованіи, попутно, въ примѣчаніи¹.

Я готовъ извиниться передъ авторомъ, если по неполнотѣ отзыва слова мои можно понять въ томъ смыслѣ, что въ окружавшей его западно-европейской средѣ Ц. работалъ ненаучно и трудъ его не имѣетъ достаточнаго значенія въ спеціальной литературѣ не на однихъ лишь западно-европейскихъ языкахъ. Утвержденіе мое сводилось лишь къ тому, что работа Ц. не основана на осознанныхъ началахъ яфетической теории, далека по своему подходу отъ лежащихъ въ ея основѣ началъ. Изъ этой оговорки не вытекаетъ и то, что Ц. не знакомъ съ моими работами и ничего имъ изъ нихъ не усвоено. Наоборотъ, онъ былъ весьма внимательнымъ чтецомъ того, что изъ моихъ работъ его достигало, и воспринималъ то, что допускалось его конструкціею, а что лежащее въ основѣ моихъ работъ построеніе имъ не раздѣлялось, тому виной, быть можетъ, и то, что печатнаго учебника теории яфетическаго языкознанія не существовало, въ частности не существовало изложенія сравнительной яфетическо-семитической фонетики, вообще грамматики, непосредственнымъ же слушателемъ у меня онъ и не былъ.

Тѣмъ не менѣе имъ были уловлены весьма важныя частности яфетическаго языкознанія, какъ, между прочимъ, основы системы яфетическаго склоненія съ его многочисленными разновидностями, дававшая возможность возстановить склоненіе недошедшихъ до насъ самостоятельно, такъ называемыхъ «неизвѣстныхъ» языковъ, и въ неизвѣстномъ языкѣ съ плавнымъ г въ падежныхъ окончаніяхъ имъ былъ признанъ шумирскій². Имъ вполне усвоена сугубая падежная функція окончанія -га: оно—и Д., и В. падежъ. Болѣе того, онъ вполне отстраняетъ всякую связь, кромѣ случайнаго

¹ Н. Марръ, Ах², стр. 9, прим. 1. Грузинская замѣтка была вызвана раньше появившейся на грузинскомъ языкѣ (сборникъ *საბუნების*, Тифлисъ 1912, стр. 25—117, съ подписью автора отъ «1912, 3/16 апрѣля, Гейдельбергъ»): *სუმერული და ქართველი sumeruh da qarḏuh*; здѣсь имѣется и словарь (стр. 95—117), но лексической части спеціально я не касаюсь, важно для насъ вскрыть методологическую часть. Грузинская замѣтка, составленная на пути въ Сванию, была помѣщена въ газетѣ *საბუნების* лѣтомъ 1914, и ею не располагаю.

² Стр. 797: «This unknown language seems to be Sumerian».

созвучія, надежнаго окончанія этого типа -га съ глаголомъ ага, $\text{ag} \sim \text{ag}$ *ходитъ*¹, съ которымъ созвученъ уже неслучайно грузинскій глаголь *г ходитъ* (основа *ag-*)². Лишь когда онъ пишетъ о неизвѣстности генезиса суффикса -га, resp. -аг, допуская возможность и его послѣложнаго происхожденія, Ц. обнаруживаетъ неясность представленія объ исторіи яфетической флексіи, въ частности о роли мѣстоименія въ склоненіи³.

Если въ работѣ Ц. мы не находимъ сознанія и, понятно, признанія самой основы яфетическаго языкознанія, родства яфетическихъ языковъ съ семитическими, было бы несправедливо искать въ ней, требовать отъ автора того расширенія яфетидологическаго кругозора и того видоизмѣненія въ смыслѣ уточненія основнаго положенія о родствѣ яфетическихъ языковъ съ семитическими, которые возникали и возникаютъ на дальнѣйшихъ этапахъ развитія яфетическаго языкознанія въ связи съ расширеніемъ круга сравниваемыхъ яфетическихъ языковъ, чистыхъ, а затѣмъ и мѣшанныхъ яфетическо-аріоевропейскихъ, да и вообще расово-гибридныхъ типовъ.

Повторяю, это не помѣшало Ц. намѣтить цѣлый рядъ дѣйствительно родственныхъ явленій и чертъ у шумирскаго языка съ яфетическими, по терминологіи Ц. обычно «грузинскими» (хотя бы рѣчь шла о чано-мегрельскихъ, resp. лазо-мегрельскихъ, и даже сванскомъ языкахъ), не помѣшало ему сдѣлать рядъ цѣнныхъ наблюденій надъ шумирскимъ языкомъ, вносящихъ его въ одинъ кругъ съ яфетическими, и его, М. Церетели, нельзя не признать первымъ достаточно вооруженнымъ матеріальнымъ знаніемъ грузинской рѣчи, открывшимъ путь къ реальному лингвистическому анализу шумирскаго на основѣ родства съ языками, входящими въ кругъ яфетическихъ, дѣйствительнымъ піонеромъ въ этомъ вопросѣ, если и не трудномъ по богатству говорящихъ о такомъ родствѣ матеріаловъ, то весьма сложномъ и требующемъ весьма осторожнаго обращенія. И тѣмъ болѣе требуется указать возможно исчерпывающе тѣ части въ работѣ Ц., въ которыхъ перейдены границы такой осторожности, даны несостоятельныя разъясненія, и конкретно вскрыты основанія такихъ недоразумѣній, въ основѣ вытекающихъ изъ незнакомства съ существомъ яфетическаго языкознанія.

У Ц. пережиточный взглядъ на значеніе именно грузинскаго языка и ближайше родственныхъ съ нимъ языковъ сибилантной вѣтви и въ вопросѣ о родствѣ шумирскаго съ яфетическими, когда на самомъ дѣлѣ слой сипп-

¹ Стр. 797—798.

² Ср. ниже, стр. 460.

³ Стр. 793—794: «Now, whether these case-endings are of postpositional or of pronominal origin is quite obscure» (стр. 794).

рантнаго типа въ шумирскомъ не менѣе значителенъ, чѣмъ слой типа сонорной вѣтви. Потому то шумирское окончаніе активнаго падежа -ge, какъ и лазо-мегрельскаго -qə → -q, представляющіе собой органическіе падежи, Ц. воспринимаетъ какъ послѣлоги (810), patesi-ge, koḡi-qə (← koḡi-q1, resp. koḡi-qe). На самомъ дѣлѣ это падежныя окончанія спирантной вѣтви языковъ изъ ряда Р. -ge → -qe, Д. -ga (абх. || -ğa) → ġa (удин.). Появленіе Р. падежа, а не Д., какъ въ грузинскомъ, въ роли активнаго имѣетъ поддержку въ другихъ яфетическихъ языкахъ, и -ge представляетъ въ этой роли по значенію эквивалентъ халдскаго -ше. Въ освѣщеніи -ge → -qe || -q1 (→ -qə) съ точки зрѣнія ихъ генезиса (810, 812), въ производствѣ этого суффикса отъ gan||kar и kide, Ц. игнорируетъ мѣстоименное происхожденіе яфетическаго склоненія, не говоря о томъ, что, въ погонѣ за созвучіями, ga^{гп} сторона отождествляется съ ga^{гг} ← ka^{гг} дверь. О мѣстоименномъ согласномъ элементѣ g → q, да и объ образованіи активнаго падежа съ его помощью рѣчь будетъ у насъ особо въ грамматикѣ шумирскаго языка¹.

У Ц. нѣтъ опредѣленнаго взгляда на мѣсто яфетическихъ языковъ среди другихъ семей человѣческой рѣчи и грузинскаго среди яфетическихъ, онъ какъ будто не раздѣляетъ безспорнаго для посвященныхъ въ суть дѣла родства яфетическихъ съ семитическими², беря на себя непосильное бремя отрицанія трехсогласности яфетическихъ корней, въ частности — «чисто грузинскихъ». И потому, когда въ опроверженіе моего положенія Ц. утверждаетъ, что «most roots of pure Georgian have not the slightest trace left in them of the supposed earlier triconsonantalism» (815), онъ вскрываетъ лишь смѣшиваніе имъ двухъ сторонъ лингвистическаго вопроса о семито-яфетическихъ отношеніяхъ: Ц. не различаетъ двухъ научныхъ подходовъ къ вопросу, одинъ изъ коихъ съ интересомъ генетическаго или вообще динамическаго порядка, другой статическаго. Конечно, о первобытности трехсогласія не можетъ быть и рѣчи, да и въ семитическихъ языкахъ болѣе древнимъ представляется двухсогласіе, наиболѣе ярко иллюстрируемое, какъ и въ яфетическихъ языкахъ, такъ называемыми «четырёхбуквенными» корнями. И часто даже для утвержденія двухсогласности нѣтъ основанія, напр., когда основой числительнаго «одинъ» не только въ шипящей группѣ, какъ выясняется Ц. совершенно правильно, аг (II, стр. 6),

¹ Шумирское -ge активнаго падежа есть именно то, чего никакъ не хочетъ думать Ц., — окончаніе Р. падежа (ср. 812: «I do not think that it is identical with the ge genitive»)

² Нынѣ мнѣ можно приписывать наличную формулировку этого родства, отъ которой фактически и я отхожу, а никакъ не самую теорію, теорія уже не «моя» (ср. стр. 815 et pass.), а всякаго, кто лингвистически осознанно знаетъ или хочетъ знать грузинскій языкъ.

но и въ свистящей соотвѣтственно народно -er (er-1 kaḡ-1), и все-таки статически и въ грузинскомъ, и въ другихъ яфетическихъ языкахъ трехсогласіе есть норма, какого бы происхожденія не были эти согласные по генетической исторіи, хотя бы и функциональнаго. И, понятно, нельзя, исходя изъ противоположной точки зрѣнія вмѣсто филологическаго анализа производить вивисекцію основъ, и напр. въ г. saql | м. oqor (|| араб. أهل | евр. אֱל) первый слогъ sa- считать за префиксъ, а въ г. s1-sq1 | м. z1-sq1r *кровь* отъ трехсогласнаго корня sq1 || sqr (сем. «ḡr»: араб. ثار *кровь*) отсѣкать 3-й коренной l || r, точно это суффиксъ (стр. 819). В самомъ грузинскомъ erḡ-1 *одинъ*, и до отсѣченія ḡ, мы имѣемъ двухсогласный корень (rḡ), если не считаться съ исторіею, но сравнительной фонетикой устанавливается его трехсогласіе, обратившееся въ двухсогласіе за потерю слабого начальнаго согласнаго w и др. (wrḡ), откуда съ одной стороны въ самомъ грузинскомъ urḡ-1 (← verḡ-1) въ составѣ urḡ1-erḡas *другъ другу*, букв. *одинъ другому*, съ другой — mart- (|| verḡ) по шипящей группѣ въ составѣ усвоеннаго грузинскимъ mart-о *одинъ только*. Если же прослѣживать генетическую исторію до-исторической эпохи, то сначала надо исчерпать его исторію въ состояніи трехсогласности въ отношеніи и звукового состава, и семасіологіи: г. erḡ, эквивалентъ сванскаго ешḡu, какъ послѣднее слово, означало «рука», «руки», почему то же слово и въ сванскомъ уешḡ означаетъ «десять» (руки съ 10 пальцами), и, конечно, мы не можемъ отказаться, что erḡ *одинъ* также могъ звучать ешḡ-, resp. wешḡ || ʕешḡ, и, слѣдовательно, отождествляется не только съ асс. ištēn || ištīn *одинъ*, но и евр. ʕašḡey- въ составѣ составнаго числительнаго 11 — עֶשְׂרֵי עָשָׂרַ וְאֶחָדַיִת וְאֶחָדַיִת. Что ištēn, да и, слѣдовательно, евр. ʕašḡey могутъ быть не семитическими, это пока дѣла не мѣняетъ. Вообще соотношенія семитическихъ и яфетическихъ числительныхъ гораздо сложнѣе, чѣмъ это представляетъ себѣ Ц., имѣются въ яфетическихъ языкахъ и двойники сем. احدى съ сохраненіемъ спиранта ḥ въ видѣ подъемаго африката ḡ, и до ихъ разъясненія говорить о заимствованіяхъ съ той или другой стороны преждевременно, и не только преждевременно, но рискованно опредѣлять примитивы - слова путемъ простаго усѣченія послѣдняго кореннаго -ḡu-ḡ 5, шw1-d 7 и т. п. (II, 6), не говоря о томъ, что установленіе примитивовъ въ до-историческія эпохи, когда онѣ даже правильно опредѣлены, нисколько не ослабляетъ факта существованія трехсогласности въ исторической періодъ жизни языка. Ц., не имѣя твердой яфетидологической почвы подъ собой, вмѣсто подхода отъ фактовъ и нормъ хорошо извѣстныхъ грузинскаго и родственныхъ съ нимъ языковъ беретъ курсъ семитологовъ, исходившихъ изъ теоретически менѣе извѣстныхъ, требовавшихъ предварительнаго историческаго освѣщенія

фактовъ шумирской рѣчи, поспѣшно разъяснившихся ими на основѣ, главнымъ образомъ, созвучія¹.

Механическія расчлененія безъ учета законовъ сравнительной фонетики, обоснованной на психологической почвѣ, семасіологической связанности сличаемыхъ комплексовъ, вводитъ Ц. въ рядъ совершенно неприемлемыхъ утверждений, какъ напр., еще анализъ предлога шда съ возведеніемъ его къ составному ше-da, resp. ше-да². Бываетъ по той же причине и то, что составное слово принимается за простое, когда, напр., o-de-s *когда* (букв. *въ какой день*) принимается за основу od и суффиксъ -es (II, 29), и на этомъ строится отождествленіе съ шмр. udda *если!* Болѣе того, съ составнымъ, да и фиктивно оформленнымъ грузинскимъ o+de-s сближается грузинская глагольная основа vid [отъ корня vd || vl ← hvl || svl] и съ послѣднимъ отождествляется составная основа, даже не основа, а оформленный союзъ vi-d (II, 33—34), отложившійся въ грузинскомъ, собственно въ древне-литературномъ, грузинскомъ союзѣ vi+d-ге *куда, когда, пока, до тѣхъ поръ*, а также въ отношеніи мѣста нарѣчіе-предлогъ «до» и т. п. Это, да простится мнѣ выраженіе, наиболѣе полно и ярко выражающее способъ работы, — неосознанное извращеніе фактовъ въ пользу захватившей автора вѣрной мысли о родствѣ шумирскаго съ грузинскимъ, и чѣмъ болѣе вѣрной, тѣмъ болѣе дискредитируемой совершенно ненужнымъ искаженіемъ фактическаго положенія вещей, вообще матеріаловъ, откуда только и можетъ брызнуть свѣтъ и въ ширь, и въ глубь основного вопроса. Или еще: составныя отрицанія г. а-га (→а-г), ve-га (→ve-г) || м. ч. va-г воспринимаются какъ цѣльные слова и отождествляются съ шмр. бага, отрицаніемъ, которое въ свою очередь производится отъ шмр. bag *сторона, внѣшняя сторона* (II, 31): надо отказаться или отъ сопоставленія съ приведенными грузинскими отрицаніями, или отъ предлагаемой этимологіи шмр. бага, отъ возведенія его какъ цѣльнаго слова къ имени сущ. bag, имѣющему въ яфетическихъ языкахъ совершенно инныя соотвѣтствія также цѣльными словами: tertium non datur, а Ц. предлагаетъ совершенно безспорно разъясненныя грузинскія слова, извѣстныя величины, толковать по сомнительному анализу шумирскаго слова, и сравнительно, и исторически неизвѣстной лингвистической величинѣ, доходя до отождествленія г. veg съ первой частью искусственно

¹ Мы не останавливаемся здѣсь на объясненіяхъ того же евр. слова ученыхъ, возводившихъ его также къ шумирскому, resp. «аккадскому». Они, какъ то Schrader, Delitsch, Haupt и др., работали безъ знанія не только яфетическаго языкознанія и устанавливаемыхъ имъ связей и съ шумирскимъ, а въ другой плоскости и съ семитическими, но и безъ знанія грузинскаго.

² Стр. II, 21—22. Кстати, шда-vida значитъ больше, чѣмъ he came down: шда указываетъ движеніе не только, пожалуй не столько, внизъ, сколько внутри, см. ниже, стр. 456.

расчленяемаго *fer-d-i* или *gver-d-i* *сторона* и привлекая къ сопоставленію съ тѣмъ же отрицаніемъ даже г. *gar-e* || г. *kar-1* *дверь* (II, 31—32), уже исключительно на основаніи созвучія.

Сличенія и затѣмъ отождествленія формъ или словъ у Ц. основаны преимущественно, если не исключительно, на созвучіяхъ, часто случайныхъ, порой дѣйствительно соблазнительныхъ, порой преувеличиваемыхъ. Когда грузинскій послѣлогъ *ши*, остатокъ полнаго *шпа*, получившійся на самой послѣдней ступени развитія грузинскаго языка, послѣдовавшей за средне-вѣковой эпохой, отождествляется съ «мигрело-лазскимъ» *-ше*, окончаніемъ Р. падежа (стр. 796), эквивалентомъ грузинскаго *-si*, *resp.* *-is*, одинаково пережитками эпохи возникновенія флективности въ яфетическихъ языкахъ то гдѣ послѣ этого какая либо грань полному произволу въ датировкѣ фактовъ, предѣлъ допущенія анахронизмовъ? Это съ одной стороны. А съ другой стороны, при шипящемъ *ш* въ чанскомъ и мегрельскомъ, языкахъ шипящей группы, въ языкѣ свистящей группы — грузинскомъ требуется *s*, что мы и находимъ (*-еш* || *-is* ∞ *-ше* || *-si*). Это одинъ изъ основныхъ законовъ сравнительной грамматики яфетическихъ, какъ при *ш* въ свистящей группѣ въ шипящей мы первично имѣемъ *sk* → *zg* → *sq* (подъ различными лишь вліяніями *шк* → *шq*) и ихъ перерожденія, и потому м.-ч. *шqa* (вм. *sqa*) и той же основы св. *1-sga* → *1-sqa* никакъ не можетъ быть отождествляемо ни съ грузинскимъ *ши*, съ точки зрѣнія и его огласовки, не говоря о позднемъ его происхожденіи, ни тѣмъ болѣе съ *шиg*. Вѣдь законы соответствія существуютъ и по огласовкѣ¹. Если бы *шиg* дѣйствительно оказалось генетически связаннымъ съ *isga*, собственно позднѣйшимъ его видомъ **iшg* → *iшqa* то оно должно было быть признано какъ простое заимствованіе изъ сванскаго языка съ продвиженіемъ согласнаго на первое мѣсто — *шиg*, *resp.* *шиg-а^гп¹*, какъ *шиd*, другой вульгарный эквивалентъ двойникомъ **1-шda*, что безъ префикса *1* налицо, въ грузинскомъ предлогѣ *шда-* (← *шda-*) *внутри*, *внизъ* и т. п. Но анализъ г. *шиg* — вообще весьма сложное дѣло, *g* въ немъ можетъ быть, если судить по созвучію, и остаткомъ *g*, корня-остатка со значеніемъ «мѣсто», *ши-gan* «во внутреннемъ мѣстѣ» || *erḡ-gan* «въ одномъ мѣстѣ», и вторымъ кореннымъ (въ связи съ яф. *шун* || сем. *skn* и т. п.), и повторяю изъ удовольствія получить лишній доводъ въ пользу родства шумирскаго съ яфетическими языками, нѣтъ основанія пользоваться такими исторически не-доосвѣщенными матеріалами. Самая идея возвести

¹ Потому-то для яфетидолога совершенно непостижимо, какъ комплексъ *-ши*, будь онъ или сванскимъ или шумирскимъ, т. е. яфетическимъ, можно сопоставлять съ чаво-мегрельскимъ *-ше*, тѣмъ болѣе — отождествлять (ц. м.) и въ то же время еще съ мегрельскимъ же *ша-ѣ!* (см. ниже, стр. 460).

шг къ шумирскому шаб || шаг *сердце, центръ* съ привлеченіемъ другого грузинскаго слова шиа *середина* встрѣчается съ иной еще связью понятія «середины», поскольку рѣчь идетъ о словѣ шиа, особенно же шовг-ис, именно «пупъ», «пупокъ» (ср. евр. שֶׁבֶר), въ значеніи *пупа* появляющагося и безъ 3-го кореннаго г — *tib* (↖ **shib*, resp. **shub*) и т. п. Слѣдовательно, осторожность въ пользованіи единичными выхваченными изъ неразрывной цѣпи фактовъ, звеньями нужна не только сугубая, но учетверенная, и удесятеренная. Даже тождество или кажущееся таковымъ сходство звуковыхъ комплексовъ не можетъ обеспечивать правильности строяемыхъ на созвучіяхъ положеній, какъ напр. отождествленія шумирскаго падежнаго окончанія -га съ шумирскимъ мѣстоименнымъ префиксомъ га-¹. Мѣстоименный элементъ 2-го лица согласный г, извѣстный изъ мегрельскаго, нельзя отождествлять съ падежнымъ окончаніемъ по одному созвучію (стр. II, 20). Столь же мало считаются съ фактическимъ положеніемъ утвержденія (стр. 795), что — «to Sumerian *da* evidently corresponds Georgian *ad* (*da*) and to Sumerian *ta* the Georgian ablative case-endig is *id* (-a)». Во-первыхъ, *id* не простое падежное окончаніе, а составное изъ, дѣйствительно, окончанія *id* и мѣстоименнаго нароста, своего рода опредѣлительнаго члена, такъ называемаго эмфатическаго гласнаго; въ шм. -*ta* мы имѣемъ, по видимости, простое падежное окончаніе, т. е. шм. -*ta* приходится отождествлять съ -*id*, и соблазнительность созвучія уже отпадаетъ. Если бы, однако, были реальныя основанія для признанія въ шм. -*ta* одного падежа съ г. -*id*, то пришлось бы въ параллель г. -*id* || (м.-ч., св.) **-eḏ* ∞ *-ḏe*², что налицо и въ др.-л. арм. -*t*³/₁, -*ta*, признать перемѣщенной разновидностью архетипа -**at*, но и тогда слѣдовало установить, что шм. а равняется г. і и м.-ч. е. Что касается г. *ad* (*da*), то Ц. бросаетъ въ одну корзину нѣсколько комплексовъ: прежде всего, -*ad*, падежное окончаніе — *qalaq-a+d*³, иногда, и то лишь по аналогіи получающее эмфатическій наростъ а — *ad-a*, при потерѣ начальнаго а послѣ гласнаго исхода основы звучащее случайно -*d-a*, и -*da*, послѣлогъ *для* — *ḡuḡn-da* *для насъ*, *mis-da* *для него*, сочетающееся съ Р. падежомъ и ничего общаго въ цѣломъ не имѣющее съ первымъ *da*: падежное окончаніе *ad* *составное*, это гласный характеръ Д. падежа а и послѣлогъ *d*, еще не разъясненный окончательно въ томъ отношеніи, тожде-

¹ Все, что предшествуетъ основѣ, есть префиксъ, что послѣдуетъ за нею, суффиксъ, хотя при наличіи ряда префиксовъ и суффиксовъ тотъ или другой префиксъ и суффиксъ оказался бы внутри составнаго слова, точно налицо инфиксъ.

² О св. -*ḏe* см. ниже, стр. 460.

³ Лишенное всякаго историческаго обоснованія разъясненіе этой грузинской формы Ц. дасть на стр. 800, 801, 802 и 805.

ствененъ ли онъ съ упомянутымъ выше послѣлогомъ -*da* для или отличенъ отъ него, хотя и имѣетъ также свою огласовку *a*, resp. *e* || 1 (-^{da}/_{da} || -*da*) и т. п. Наконецъ, есть -*da* (→ *d*) || -*na* падежное окончаніе, да если и послѣлогъ, ничего общаго не имѣющее съ двумя разобранными созвучными суффиксами. Это окончаніе *da* → *d* отвѣчаетъ на вопросъ «гдѣ?»: *sa-da idn*, *man-¹da¹ tamz* (близъ 2-го лица) и др. Это -*da*, а не первое (ср. Ц., II, 21) могло бы быть отождествлено съ шумр. -*ta* въ словѣ *g¹sh-ká-na-ta* фразы *g¹sh-ká-na-ta ba-ta durun* «подъ порталомъ (собств. притолокой) онъ уложилъ». Слѣдовательно послѣ данныхъ разъясненій всѣ сопоставленія упомянутыхъ грузинскихъ окончаній съ шумирскими на стр. 800—808 требуютъ коренного пересмотра и очистки утвердившихся въ нихъ плевелъ. И при такомъ обращеніи и эти страницы способны дать матеріалъ или толчекъ для углубленной разработки вопроса и помогутъ намѣтить правильныя отождествленія для окончательнаго утвержденія. Надо только помнить, что вопросъ о родствѣ предполагаетъ не только сходства, но и расхожденія. Шумирскій языкъ не грузинскій, какъ можно думать по старанію (стр. 28—29 et pass.) получить тождественные въ нихъ звуковые комплексы для однозначущихъ словъ. Наоборотъ, тѣмъ болѣе требуется осмотрительности и тѣмъ сильнѣе долженъ быть скепсисъ, успокаиваемый лишь обоснованіемъ утвержденія на полнотѣ знанія фактовъ, чѣмъ болѣе соблазнительно созвучіе.

Съ другой стороны, родство не созвучныхъ комплексовъ ускользаетъ отъ его вниманія. Потому то, такъ или иначе отождествивъ шумирскіе числительные 1, 6, 10 съ грузинскими, и тѣ сомнительными приемами, Ц. спѣшитъ заключить (II, стр. 7): «Что касается остальныхъ числительныхъ, количественныхъ и порядковыхъ, никакого подобія нельзя отмѣтить въ этомъ отношеніи между «шумирской» и грузинской группами языковъ». На невхожденіи въ анализъ яфетической морфологій основано и утвержденіе, будто «грузинскіе, менгрельскіе, лазскіе и сванскіе суффиксы» «не имѣютъ никакихъ аналогій къ шумирскимъ *dug, du, da, di*» (II, стр. 819).

Объ исторіи языка у Ц. нѣтъ реальнаго представленія: говоря о томъ, что «грузинскій глаголъ за много вѣковъ подвергся отличному развитію во многихъ отношеніяхъ и во многихъ случаяхъ онъ находится въ полномъ расхожденіи съ шумирскимъ» (II, 8), Ц. внушаетъ двѣ неразрывно связанные другъ съ другомъ въ основѣ одинаково неправильныя мысли, отъ которыхъ онъ и исходитъ какъ отъ общихъ положеній: это, во-первыхъ, то, точно грузинскій оставался грузинскимъ въ теченіе многихъ столѣтій¹.

¹ Между прочимъ (II, 36): «The almost incredible stability of Georgian is astonishing when we compare it with Armenian or Greek».

Ц. не чуетъ вовсе, что вопросъ не въ отличномъ развитіи грузинскаго за много вѣковъ, а въ его перерожденіи или перерожденіяхъ въ процессѣ скрещенія. Во-вторыхъ это скрещеніе отнюдь не чуждо и шумирскому, шумирскій, несмотря на всю свою древность отнюдь не представляетъ въ какой либо мѣрѣ первобытнаго типа, и въ расхожденіяхъ грузинскаго съ шумирскимъ повинна бываетъ далеко не всегда одна грузинская сторона, а также шумирская, поскольку они, эти расхожденія, вытекаютъ не отъ дальнѣйшаго во времени развитія первичныхъ данныхъ, а отъ наличія природныхъ элементовъ различнаго типа, отложившихся въ нихъ въ процессѣ возникновенія самихъ этихъ языковъ, грузинскаго и шумирскаго, путемъ гибридизаціи и скрещенія. Въ этомъ отношеніи не грузинскій языкъ отошелъ отъ шумирскаго, а и шумирскій и грузинскій языки отошли отъ своей примитивной природы, и вопросъ особый еще, насколько родство спеціально грузинскаго съ шумирскимъ болѣе тѣсно въ частяхъ, вскрывающихъ ихъ примитивный природный обликъ, сравнительно съ родствомъ отложившихся въ нихъ по скрещенію также природныхъ или ставшихъ для нихъ природными элементовъ.

И филологическая сторона въ работѣ Ц. не имѣетъ твердой базы: ново-грузинскіе матеріалы съ древнелитературными отождествляются безъ установленія и историко-литературной перспективы, и мы слышимъ абсолютно несостоятельное утвержденіе, что «ново-грузинскій есть тотъ же самый языкъ, что древне-грузинскій, съ тѣми же самыми словами и той же самой общей грамматической структурой»¹. Ц. не отдаетъ себѣ отчета, что лингвистически рѣчь идетъ собственно не о древне-грузинскомъ, котораго мы непосредственно не знаемъ и который, а priori можно утверждать, оказался бы одного общаго грамматическаго строя съ ново-грузинскимъ, а о древне-литературномъ языкѣ грузинъ съ его особыми нормами и особымъ словаремъ и, понятно, особымъ источникомъ ихъ происхожденія, отнюдь не тождественнымъ съ грузинскимъ. Если бы была осознана изслѣдователемъ глубокая именно лингвистическая грань между древне-литературнымъ грузинскимъ и ново-грузинскимъ языками, то онъ представилъ бы въ иномъ освѣщеніи тотъ фактъ (стр. 814), что можно сказать *equs asni elamelni 600 эламитовъ*, но нельзя въ томъ же смыслѣ сказать *equsasebi elamelebi*, хотя бы *equsasni elamelebi*: дѣло тутъ не въ окончаніи мн. числа въ одномъ

¹ Стр. 790, см. также 308 («other means to express.... ideas... compared with the Sumerian are the most usual and regular in ancient and modern Georgian alike»). О такихъ мелочахъ, какъ *īavida* вм. *īarvida* (803), *mindwraḡ* вм. *midvrad* (805) и т. п. не стоитъ говорить. Ц. съ шпр. *шw* отождествляетъ лишь по созвучію такую форму мѣстнаго падежа на *-ш* (стр. 808: *Ушпа-ш*), которая завѣдомо получена лишь въ XVIII—XIX вѣкѣ!

случаѣ -п-1, въ другомъ -eb-1, а въ принадлежности ихъ двумъ языкамъ съ различными нормами синтаксиса, съ различной психологіею.

Слѣдуетъ отнести, думается, къ числу корректурныхъ недосмотровъ უზღეს uzges (797) вм. უზღეს uzgues. Такимъ же lapsus calami хотѣлось бы признать, когда сравнительно съ მწკემს-იდა *пастухомъ* მწკემსი მკემსი mtkemsis mter признается позднѣйшимъ (801: «the later»), хотя вообще о положеніи дѣла въ древне-литературномъ языкѣ Ц., повидимому, имѣетъ не вполне точное представленіе, отрицая архаичность окончанія -п1 сравнительно съ b1 (стр. 814): лингвистически -eb несколько не менѣе древнее окончаніе, чѣмъ -п1, собственно -п (-1 окончаніе Им. падежа, его гласный характеръ), наоборотъ, -п представитель сравнительно болѣе новой стадіи развитія, чѣмъ -eb, въ формѣ лингвистически одной съ нимъ эпохи ему бы надлежало звучать -ep, что въ кое-какихъ категоріяхъ и появляется, напр., въ мѣстоименіи (ჟი-er *мы* и др.), но въ древне-литературномъ языкѣ грузинъ оно — случайный гость, природно въ немъ гражданствененъ суффиксъ -п, постепенно вытѣснявшійся съ вульгаризаціею литературной рѣчи, и въ этомъ филологическомъ или историко-литературномъ отношеніи различіе -п (въ Им. падежѣ -п1) какъ архаическаго отъ вульгарнаго -eb (въ Им. -eb1) никакъ нельзя признать «абсолютно ни на чемъ не основаннымъ»¹; съ какимъ то недоразумѣніемъ имѣемъ дѣло, когда d въ грузинскомъ выдается за корень глагола *ходить* (стр. 798: «the verbal root & d = togo», или еще выше: «the Georgian roots & d and & r both signify „togo“»). Можетъ быть, не мѣшало бы оговориться, что даже r остатокъ двухсогласнаго корня vr || vl, восходящаго къ трехсогласному *шvr || svl.

О неправильности общаго подхода къ шум. ta || г. 1ḡ(a) уже сказано (см. выше, стр. 457), но затѣмъ само объясненіе грузинскаго Т. падежа -1ḡ, resp. эмфатическаго -1ḡ-а изъ послѣлога ჟან (стр. 792) вскрываетъ, что авторъ недостаточно знакомъ ни вообще съ природою грузинскаго склоненія, ни составомъ органическихъ его падежей, ни съ тѣмъ, что въ древне-грузинскомъ не ჟან, а ჟანა, и перерожденіе даже комплекса ჟან, тѣмъ болѣе — ჟანა совершенно исключается въ древне-грузинскомъ же².

Д. падежъ на -ша шипящей группы, используемый какъ и въ грузинскомъ, въ качествѣ направ. безъ послѣлога (|| г. -sa, resp. -ა), или съ послѣлогомъ -q̇ въ мегрельскомъ -ша-q̇ (ср. г. -a-d), никакъ нельзя возводить, въ его основной части, къ послѣложному, отождествлять же мнимый

¹ 814: «this distinction is based upon absolutely no reason».

² Между тѣмъ это объясненіе Ц. такъ полюбилось, что онъ неоднократно возвращается къ его изложенію, такъ стр. 805 и др. Съ ჟან(a) сопоставляетъ Ц. одновременно и шум. сравнительный суффиксъ ta.

послѣлогъ -ша, на самомъ дѣлѣ лазо-мегр. падежное окончаніе, съ ново-грузинскомъ -ші, остаткомъ шпа (ср. стр. 792), значить, какъ показано уже (стр. 456), игнорировать основной законъ сравнительной фонетики сибилянтой вѣтви яфетическихъ языковъ: свист. ш || шип. sk (→ zg → sq), resp. шqu и т. п. Тв. падежъ на шw въ сванскомъ составной — Р. съ послѣлогомъ -шw, представляющимъ пережитокъ имени ши *рука* (семасиологически ср. въ древне-литературномъ грузинскомъ -er, resp. -her || -yer въ m-er), и нельзя его воспринимать наравнѣ съ органическими падежами. Ц. сомнѣвается въ томъ, что не подлежитъ давно сомнѣнію — въ мѣстоименномъ происхожденіи грузинскихъ префиксовъ sa-, pa- и т. п. (820).

Въ яфетическомъ языкознаніи названіе падежей субъектомъ или объектомъ нѣсколько не опредѣляетъ падежа морфологически (ср. II, 17), такъ какъ у яфетидовъ субъектомъ можетъ быть, смотря по строю глагола, не только Им. (u ↘ 1), но и Р. (1 || e) и Д. (a || o) падежи. Глагольную основу Ц. воспринимаетъ какъ неопред. наклоненіе (to be, to write, to ascribe, to give и т. д. II, 14 сл.), тогда какъ она всегда причастная. Въ префиксахъ глаголовъ Ц. не различаетъ предложныхъ мѣстоименій (m-o *ко мнѣ*, m-1 *къ нему*), воспринимаемыхъ какъ нарѣчія — *сюда, туда*, и чистыхъ мѣстоименій (стр. 18). Ему неизвѣстны аналогичныя выраженія приближенія и удаленія дѣйствія или состоянія мѣстоименными префиксами особенно въ сванскомъ, гдѣ совершенно не отмѣчена въ этомъ отношеніи роль согласной п и q̇ (II, 13—14), и въ то же время данъ анализъ противоестественнаго расчлененія основы вспомогательнаго глагола — q̇wa-ri, q̇a-ri, a-ri (см. q̇w-arı и т. д., II, 15). Да и въ грузинскомъ языкѣ Ц. имѣетъ неправильное представленіе о положеніи вещей въ страд. залогѣ, такъ, напр., v-keθ-d-eβ-1 элементъ пассивности Ц. усматриваетъ въ согласномъ b, и отсюда b ему представляется означающимъ и «быть», наравнѣ съ v (II, 24). Тутъ выводъ столь же несостоятеленъ, какъ фактически невѣрно усматриваніе пассивнаго элемента въ b, когда таковымъ является d, да еще характеръ страд. залога i, въ прош. несовершенномъ — o (|| u). Правда, это — элементы ученія о грузинскомъ языкѣ, но ученіе то, реально-историческая и сравнительная грамматика грузинскаго языка, основано и выработано на основѣ родства яфетическихъ языковъ съ семитическими, и при непризнаваніи этого родства, по всей видимости, трудно дойти и до элементарныхъ теоретическихъ знаній по грузинскому языку.

Нѣсколько смутилъ меня одинъ пріемъ, повторно допущенный Ц. при оспариваніи устанавливавшихся мною положеній по яфетическому склоненію, именно расширенное ихъ толкованіе въ предѣлахъ, не вытекавшихъ

изъ моихъ формулировокъ, и затѣмъ естественное опорачиваніе ихъ доведе-
ніемъ до абсурда, такъ, напр., Тв. -іѳъ есть десибиллованный представитель
подъемнаго изъ -іs слога -іѳъ, какъ въ шипящей группѣ -еѳъ (с -ѳе), герр.
-еѳъ (с -ѳе) есть подъемъ Р. -ше. И вотъ Ц. пишетъ (804, п- Р. 1: «проф.
Марръ говорить, что Тв. -іѳъ -іѳъ, лаз. ѳѳъ -ѳе представляетъ результатъ
звукового измѣненія ѳ (ѳ) → с s (ш) → ѳ [собственно s || ш ↗ ѳ || ѳ → ѳ],
такъ что, слѣдую этой теоріи, шумирскій та, повидимому, долженъ быть
поставленъ въ связь съ грузинскимъ s, лазо-мегрельскимъ ш, слѣдовательно
съ шумирскимъ -га!» Это не Марръ, а Ц. отождествляетъ -іѳъ съ шум. -ta¹,
равно съ шум. -га! Ничего подобнаго авторъ настоящихъ строкъ не могъ
сказать, не только не говорить. Съ другой стороны, не всякая форма, на-
личная въ томъ или иномъ яфетическомъ языкѣ, тѣмъ болѣе въ такомъ
мѣшаномъ типѣ рѣчи, какъ шумирскій, есть природное для нея достояніе.

Въ заключеніе не могу не повторить, съ чего я началъ. Мое крити-
ческое отношеніе къ работѣ, какъ оно рѣзко ни выражено, отнюдь не
должно быть учтено какъ отрицаніе ея достоинствъ, особенно же какъ
отрицаніе полезности ея содержанія, матеріальной части сопоставленій и
наблюденій статическаго порядка. Въ западно-европейской литературѣ не-
посредственно для вопроса, составляющаго ея тему, это безспорно шагъ
и значительный шагъ впередъ. Яфетидологъ же въ ней не разъ долженъ
справляться по многочисленности матеріально правильно сдѣланныхъ сопо-
ставленій и неизбѣжныхъ съ нею встрѣчъ въ лингвистическихъ явленіяхъ,
и наблюденіяхъ, которыя дѣйствительно входятъ въ кругъ фактовъ обосно-
ванія принадлежности шумирскаго къ яфетической семьѣ языковъ.

Н. Марръ.

¹ См. выше, стр. 457.

Этотъ томъ Записокъ Восточнаго Отдѣленія набирали подъ руководствомъ М. Г. Стрельманъ и совместно съ нимъ Н. И. Софроновъ, Н. И. Ильинъ, А. В. Кораблевъ и Е. Т. Сидоровъ, а также А. А. Филипповъ. Версталъ М. Г. Стрельманъ. Печатали В. А. Штейнъ, И. А. Поповъ и И. И. Пельгоненъ.

Наборъ начатъ въ 1917 г. Съ июня 1918 г. по апрѣль 1920 г. наборъ былъ прерванъ. 10 листовъ (страницы 1—82, 89—144, 273—300) набраны въ 1917—1918 гг., остальные 19 листовъ набраны въ 1920—1921 гг. Печатавіе начато въ 1920 г., закончено 3 июня 1921 г.

